

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024
Том 23. №3

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Адрес редакции: ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. А207, Москва 105066

Международный редакционный совет

Николя Айо (Университета Фрибура, Швейцария)
Джеффри Александер (Йельский университет, США)
Ян Вальсинер (Университет Альборга, Дания)
Гэри Дейвид (Университет Бенгли, США)
Владимир Камнев (СПбГУ, Россия)
Александр Марей (НИУ ВШЭ, Россия)
Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)
Альбер Ожьен (Высшая школа социальных наук, Франция)
Энн Роулз (Университет Бенгли, США)
Ирина Савельева (Россия)
Ирина Троцук (РУДН, Россия)
Никита Харламов (Университет Альборга, Дания)

Учредители

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Александр Фридрихович Филиппов

Редакционная коллегия

Главный редактор
Александр Фридрихович Филиппов
Зам. главного редактора
Марина Геннадиевна Пугачева
Члены редколлегии
Светлана Петровна Баньковская
Дмитрий Юрьевич Куракин
Александр Владимирович Павлов
Наиль Галимханович Фархатдинов
Руслан Заурбекович Хестанов

Литературные редакторы

Максим Сергеевич Фетисов
Александра Вадимовна Карпезова

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Верстальщик

Анастасия Валериановна Меерсон

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присылать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социологии
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнометодология и разговорный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получить сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: farkhatdinov@gmail.com.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2024
Volume 23. Issue 3

ISSN 1728-1938

Email: puma7@yandex.ru

Web-site: sociologica.hse.ru/en

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A207, Moscow, Russian Federation 105066

International Advisory Board

Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)
Gary David (Bentley University, USA)
Nicolas Hayoz (University of Fribourg, Switzerland)
Vladimir Kamnev (Saint-Petersburg State University, Russia)
Nikita Kharlamov (Aalborg University, Denmark)
Alexander Marey (HSE University, Russia)
Peter Manning (Northeastern University, USA)
Albert Ogien (EHESS, France)
Anne W. Rawls (Bentley University, USA)
Irina Savelieva (Russia)
Irina Trotsuk (People's Friendship University of Russia, Russia)
Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

Establishers

HSE University
Alexander F. Filippov

Editorial Board

Editor-in-Chief
Alexander F. Filippov

Deputy Editor
Marina Pugacheva

Editorial Board Members
Svetlana Bankovskaya
Nail Farkhatdinov
Ruslan Khestanov
Dmitry Kurakin
Alexander Pavlov

Copy Editors
Maxim Fetisov
Alexandra Karpezova

Russian Proofreader
Inna Krol

Layout Designer
Anastasia Meyerson

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Реальность *sui generis*: вещи в онтологии Дюркгейма 9
Денис Сивков
- Культурное гражданство: определения и эмпирическая контекстуализация 25
Данила Иванов, Татьяна Власова, Роман Абрамов
- Использование сравнительной методологии в социальной антропологии и социологии: сходства и различия 53
Андрей Резаев, Наталья Трегубова
- Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным? 72
Ильяс Латыпов

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧНОСТИ И МИГРАЦИИ

- Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота 94
Евгений Варшавер
- Обмен мнениями по поводу статьи Е. Варшавера «Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота» 127
Екатерина Арутюнова, Алексей Бессуднов, Ольга Вендина, Дмитрий Верховцев, Михаил Каменских

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

- Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства 146
Евгений Учаев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Естественное состояние как «возможные истории» в «гражданской науке» Томаса Гоббса 177
Александр Михайловский

ÉTUDES RICOEURIENNES

- Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору 201
Мария Сидорова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Что сказал спикер? Ценности в парламентском дискурсе и в оценках россиян 227
Георгий Борщевский

Почему граждане доверяют полиции? 262
Руслан Мухаметов

СТАТЬИ И ЭССЕ

Этики соседской заботы о пожилых в российском селе:
на пути к общинному менеджериализму 285
Елена Богданова, Константин Галкин, Алия Низамова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Общество знания: миграционный дискурс в плену капитала 314
Илья Касавин

ОБЗОРЫ

Взлет и падение культурного империализма: исторический и критический обзор 326
Шербол Жапаралиев, Сымбат Эсенкан кызы

Признание в социологии неравенства: обзор теоретических подходов 354
Мария Кучерявая

Множественность рациональностей в жилищной сфере стран Африки
и Европы: обзор современных не бинарных подходов 375
Денис Литвинцев

РЕЦЕНЗИИ

Чрезвычайный порядок «экономической войны» 390
Андрей Тесля

Блеск и нищета добродетели 397
Марк Белов

РЕТРОСПЕКТИВА

От поколения к поколению: социальная подвижность 405
Фридрих Филиппов

Contents

SOCIOLOGICAL THEORY AND RESEARCH METHODOLOGY

- Reality sui generis: Things in Durkheim's Ontology 9
Denis Sivkov
- Cultural Citizenship: Definitions and Empirical Contextualization 24
Danila Ivanov, Tatiana Vlasova, Roman Abramov
- On the Similarities and Differences of Comparative Methodology in Social Anthropology and Sociology 53
Andrey Rezaev, Natalia Tregubova
- Unintended Consequences of Intentional Actions: Why Does Inequality Remain Stable? 72
Ilyas Latypov

PROBLEMS OF ETHNICITY AND MIGRATION

- What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn 94
Evgeni Varshaver
- Exchange of Views on the Article "What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn" by E.Varshaver 127
Ekaterina Arutyunova, Alexey Bessudnov, Olga Vendina, Dmitry Verkhovtsev, Mikhail Kamenskikh

POLITICAL THEOLOGY

- Katechontic Temporality and Political Form: Towards Double Representation 146
Yevgeny Uchaev

POLITICAL PHILOSOPHY

- State of Nature as "Possible Histories" in Thomas Hobbes' "Civil Science" 177
Alexandr Mikhailovskiy

ETUDES RICOEURIENNES

- Paul Ricoeur's Hermeneutics of Action: From Interpreter to Actor 201
Maria Sidorova

POLITICAL SOCIOLOGY

- What did the Speaker Say? Public Values in Russian Parliamentary Discourse
and in the Public Opinion 227
Georgy Borshchevskiy
- Why do Citizens Trust the Police? 262
Ruslan Mukhametov

PAPERS AND ESSAYS

- Ethics of Neighborly Care for the Elderly in the Russian Village:
Towards Community Managerialism 285
Elena Bogdanova, Konstantin Galkin, Aliia Nizamova

EDUCATION

- The Knowledge Society: Migration Discourse Captured by Capital 314
Ilya Kasavin

REVIEWS ESSAY

- The Rise and Fall of Cultural Imperialism: A Historical and Critical Review 326
Sherbol Zhaparaliev, Symbat Esenkan kyzy
- Recognition Within the Sociology of Inequality: a Review
of Theoretical Approaches 354
Maria Kucheryavaya
- Multiplicity of Rationalities in the Housing Sector of African and European
Countries: A Review of Modern Non-Binary Approaches 375
Denis Litvintsev

BOOK REVIEWS

- Emergency Order of the “Economic War” 390
Andrei Teslya
- The Splendor and Misery of Virtue 397
Mark Belov

RETROSPECTION

- From Generation to Generation: Social Mobility 405
Fridrikh Filippov

Реальность *sui generis*: вещи в онтологии Дюркгейма¹

Денис Сивков

Кандидат философских наук, доцент, Институт общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
Адрес: проспект Вернадского, 82. Москва, 119571 Российская Федерация
E-mail: sivkov-dy@ranepa.ru

В статье я выявляю ограничения критики пресловутого редукционизма Эмиля Дюркгейма, в частности, представленной Брюно Латуром в акторно-сетевой теории, и делаю предварительные наброски онтологии гетерогенности для социологии Дюркгейма. Эта онтология выстраивается вокруг понятия вещи (*chose*). При этом важным в этом онтологическом проекте является различие материальных объектов и реальности *sui generis* — социальных вещей. Реальность здесь определяется комплексным сопротивлением различных социальных и материальных вещей, эмоций, ландшафтов и других онтологических порядков. Именно в такой онтологии появляются множественные и ситуативные сборки, а также динамические напряжения между вещами. При этом у Дюркгейма не только люди, но и все вещи обладают агентностью. Вещи действуют и воспринимают, обладают привязанностью, самосознанием и другими чертами, которые традиционно приписывали только человеческим акторам. Я утверждаю, что вещи разной «природы» в гетерогенной онтологии не смог разглядеть апологет нечеловеческих существ и сущностей Брюно Латур, обрушив «дружественный огонь» на социологический проект Дюркгейма. В этом смысле при более внимательном и, возможно, более комплексном прочтении вместо «козла отпущения» классик со своими вещами *sui generis* легко мог бы стать потенциальным союзником в исследованиях науки и технологий (STS). Существенное преимущество гетерогенной онтологии Дюркгейма перед различными подходами в STS заключается в том, что классик прорабатывает условия существования и сопротивления социальных вещей.

Ключевые слова: Дюркгейм, вещь, гетерогенность, редукционизм, несводимость, сопротивление, Латур, исследования науки и технологий

Введение: спор Латура и Дюркгейма

В марте 2008 года в лекционном театре МакКрума в Кембридже в рамках конференции «Тард/Дюркгейм: траектории социального» несколько социальных ученых устроили представление для почтенной публики. Исследователи воспроизвели знаменитый спор отцов социологии — Эмиля Дюркгейма и Габриэля Тарда от 1903 года. Брюно Латур — выступал в роли Тарда, Брюно Карсенти — Дюркгейма, а Саймон Шеффер — декана. Поскольку стенограмма спора классиков не сохранилась, то современные исполнители использовали конспект, опубликованный в 1905 году *Revue internationale de sociologie* Марселем Пурненом — адвокатом, доктором права и заместителем редактора этого журнала (Пурнен, 2019). Латур и компания реконструировали спор, опираясь на смысловые ходы в конспекте и заполняя про-

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

пуски в либретто выдержками из трудов классиков. Текст сублимированных дебатов был опубликован, и с ним тоже можно ознакомиться (Tarde et al., 2010).

Спор Латура с Дюркгеймом (посредством Тарда) вышел за пределы театра Мак-Крума. Основатель *actor-network theory* (ANT, АСТ на русском) решал проблему легитимации своих концепций в рамках классики социальных наук: «У АСТ есть предок, Габриель Тард, а значит, наша любимая теория не отверженная сирота среди прочих социальных теорий, но пользуется выгодами почтенной родословной» (Латур, 2019: 218). Проблема родословной в социальных науках оказывается проблемой вербовки. Так же как и Пастер, которого исследовал Брюно Латур, акторно-сетевая теория набирает армию, и Тард — ближайший и самый сильный союзник. Но по законам политического, установленным Карлом Шмиттом, если вы определились с другом, нужно знать и своего врага. Таким врагом для Латура стал враг Тарда — Эмиль Дюркгейм.

Суть обвинения, предъявляемого Дюркгейму, в том, что он является адептом социологического редукционизма. Латур, как известно, выступал против «социологии социального», в которой социальное считается некой субстанцией. К социальному социологи сводят и с его же помощью объясняют существование материальных вещей. Латур доказывал, что «социальное» — это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством *других* типов соединителей» (курсив. — Б. Латур) (Латур, 2014: 16). Дюркгейм в этом смысле «принимает общество за причину, не замечая, что оно есть всего лишь кратковременное следствие обстоятельств», но также «совершает еще более страшную ошибку, *отделяя* социальные законы от *действующих* по этим законам агентов» (курсив. — Б. Латур) (Латур, 2019: 229).

Макиавеллизм Латура нередко критикуют: война — далеко не единственный возможный способ привлечения сторонников в академических/научных полях и за их пределами. Некоторые ученые и инженеры (возможно, социальные ученые тоже) предпочитают быть совершенно незаметными, но это не мешает распространению их идей и изобретений (де Лаэт, Мол: 2017). Однако, как я хотел бы показать в данной статье, этой политической идентификацией Латур скорее обрушивает на Дюркгейма «дружественный огонь», существенно упрощая его онтологию. Дело в том, что при более внимательном прочтении наследия классика социологии несложно обнаружить у него не пресловутый редукционизм, а элементы гетерогенной онтологии, которая выстраивается вокруг концепта вещи, с комплексными и ситуативными отношениями между различными порядками реальности.

Более того, может оказаться, что классик намного дальше современника продвинулся в концептуализации так называемых нематериальных акторов². Латур известен анализом материальных нечеловеческих действующих лиц типа дверного

2. В работе я использую термины «классик» и «современник» не критически, заимствуя их из вокабуляра здравого смысла. О сложных отношениях классики и современности в социологии см. работу А. Ф. Филиппова (Филиппов, 2008).

доводчика (Латур, 2006а) или забора и окошка кассы (Латур, 2007). В то же время он сформулировал важный для гетерогенной онтологии принцип несводимости, который как раз противопоставлялся редукционизму объектов: «Никакая вещь сама по себе не бывает сводима или несводима к другой... [Есть только] испытания [сил и слабостей]... *Реально то, что сопротивляется испытанию*» (курсив мой. — Д. С.) (Латур, 2015: 220).

Если следовать принципу несводимости, то следует также избегать материального редукционизма, обратного социальному. Иначе говоря, акторы не должны быть *только* материальными; все может действовать. При этом Латур, как правило, предпочитал не заниматься объяснением «природы» нематериальных акторов и отношениями с материальными объектами. Время от времени в текстах основателя ANT появлялась характерная для логики гетерогенности риторическая фигура перечисления. Например, в совместном с Мишелем Каллоном тексте перечисляются акторы различной природы: «металлическая посуда, дворцы, ритуалы и застывшие обычаи, плавающие на поверхности клейкой желатиновой массы, функционирующие как механизм машины, рыночные обмены и скрежет теле-тайпа. Иногда целые элементы от фабрики до технической системы растворяются и расчленяются силами, прежде не замеченными в действии» (Latour, Callon, 2015: 394). Если объекты типа дворцов и металлической посуды более или менее описаны в акторно-сетевой теории и других изводах *science and technology studies* (STS), то ритуалы и рыночные обмены из списка оказываются нерешенной проблемой. Такие «социальные вещи», влияющие на реальность и ей же сопротивляющиеся, рассматриваются в «социальном редукционизме» Дюркгейма и других авторов. Да, конечно, ритуал выражается в телесных жестах и материальных предметах, для его исполнения нужно место, но при этом ритуал — это социальная и, возможно, эмоциональная в смысле «бурления» (*effervescence*) вещь. Таким образом, в данной статье я попробую представить, как возможна гетерогенная онтология в социологии Дюркгейма.

Есть ли такая вещь, как общество?

Большие социологические программы активно работают с дюркгеймовским наследием. Я хотел бы показать, что классик мог бы быть «своим» не только в «сильной программе» культурсоциологии (Alexander, 1988; Куракин, 2011) или в этнометодологии (Garfinkel, 2002; Роулз, 2014), а стать верным союзником и для STS. Концепт вещи и онтология в целом, так же как и «исполняемые практики», оказались «незамеченным аргументом» в социологическом наследии Дюркгейма (Роулз, 2014). Насколько мне известно, на вещь в социологии классика обращают внимание только дважды. Исследовательница Стедман Джонс считает, что «применительно к социальной реальности слово “вещь” звучит грубо и неуместно. Откровенно нелогично рассматривать человеческое в терминах нечеловеческого» (Jones, 1996: 44). Джонс берется доказать, что вещь у Дюркгейма связана не с онтологией, а с методологией,

так как невозможно, чтобы «социальные факты, состоящие в представлениях и действиях, в конституированных практиках рассматривались как вещи» (Ibid.: 44-45). Судя по всему, Стедман Джонс, отказывая вещи в онтологическом статусе, исходит из различия «методологическое/онтологическое». Однако, как показал Джон Ло, на стыке реализма и конструктивизма метод и есть онтология (Ло, 2015).

Кроме того, странным образом видение Стедман Джонс ограничено пониманием вещи только как материального предмета, в то время как использование термина «вещь» подразумевает и нематериальные импликации. Стоит обратить внимание на двусмысленность греческой *pragma* и латинской *res* в западной интеллектуальной традиции. Эти термины означали и субъективное указание на происходящее, и внешнее воздействие объекта (Куртен, 2017). Французское *chose* происходит от латинского *causa* «то, что выпало людям» (Хайдеггер, 1993: 322). Вещь — это некоторое препятствие, проблема, на которую можно указать, но не обязательно материальный предмет. Более того, вещь — это то, что собирает людей (вече) или становится предметом спора или общей заботы (*res publica*). Соответственно, в отличие от Стедман Джонс, в данной статье акцент ставится на онтологическое прочтение социологии Дюркгейма: вещи могут быть разными — и материальными, и нематериальными. Методологию у Дюркгейма предлагается трактовать как гетерогенную онтологию.

В другой работе исследователь алгоритмов Иэн Лаури, полемизируя с некоторыми версиями нового материализма, предлагает взять у Дюркгейма понятие «общества как вещи». Лаури предпочитает «онтологически более сильное описание реальных человеческих коллективов» (Lowrie, 2017: 157) новому материализму, в котором реальность разваливается, так как объекты существуют без связующей основы, и антропологии, где такой сомнительной платформой выступает концепт культуры. Кажется, что у Лаури общество — это такая диалектическая целостность, которая в то же время состоит из частей: «Продукт эволюционного времени, данное общество представляет собой метаболически активное, функционально дифференцированное целое, использующее в качестве своих клеточных компонентов тела, практики и познание реально существующих людей» (Ibid.: 158). Однако Лаури не интересуется внутренней дифференциацией, отношениями социальных вещей и материальных объектов. Общество для него — это *одна* вещь. Противники социального клея, которыми выступают представители акторно-сетевой теории (Латур, 2014: 16) и исследований мобильности (Урри, 2012: 15), ссылаются на известные слова из интервью Маргарет Тэтчер: «There is no such thing as society. There are individual men and women, and there are families» (Нет такой вещи, как общество. Есть индивиды — мужчины и женщины, и есть семьи) (Thatcher, 1987). Если премьер-министр допускает существование семьи и семейного социального клея, то социальное не атомизируется и не исчезает, а всего лишь масштабируется. Нет такой вещи, как большое общество, а семья как сообщество существует. В отличие от Лаури и Тэтчер, в этой статье я хотел бы сосредоточить внимание не на гомогенности общества как одной вещи, а на гетерогенности множества социальных и материальных вещей.

Реальность как сопротивление

Понятие вещи (*choses*) — это не какой-то технический термин, а один из базовых концептов, вокруг которого выстраивается дюркгеймовская онтология. Термин «вещь» применяется к разным феноменам. Например, вещами считаются ценности и идеалы. Так, ценностям «присуща та же объективность, что и вещам» (Дюркгейм, 1995: 287), а «идеал дан нам в качестве вещи» (Там же: 302). В «Самоубийстве» «социальные явления» — в том числе и самоубийство «должны изучаться как вещи, т. е. как внешние по отношению к индивиду реальности» (Дюркгейм, 1994: 6). В «Дуализме человеческой природы» также говорится, что «категории сформировались по образцу социальных вещей» (Дюркгейм, 2013: 144), а также о «сакральных вещах» (Там же: 141). Дюркгейм предлагал считать идеалы, социальные факты и коллективные представления вещами (*choses*), но вещами *sui generis*. Так, «социальные факты — это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад» (Дюркгейм, 1995: 8).

Может показаться, что и «факт», и «вещь» — термины только позитивистского вокабуляра, используемого для легитимации социологии как науки. Исследование общества — это научное предприятие, а не литературное творчество, поиск объективного, а не субъективный вымысел. Но «факт» и «вещь» — это не только термины «настоящей» науки, но и привычные понятия повседневной метафизики. Люди рутинно используют термин «вещь» для обозначения разных объектов и ситуаций разной природы и масштаба. При этом в отношении вещи действует двойственность. С одной стороны, это нечто интуитивно понятное, то, что не требует объяснения, но с другой стороны, будучи чем-то само собой разумеющимся, определение вещи ускользает от рефлексии и остается незамеченным.

Кроме того, латинское выражение *sui generis* (своего рода), которое Дюркгейм использует очень часто, указывает на двойственность. Социальные вещи одновременно и похожи на материальные объекты, и отличаются от них. Сходство состоит в том, что они воздействуют на людей, будучи внешними относительно их сознания. Отличие же — в том, что они сами по себе невидимы или незаметны, так как воспринимаются через материальные объекты.

Итак, вещь — это нечто внешнее по отношению к сознанию, то, что не может быть извлечено из ума. В важном для понимания онтологии Дюркгейма тексте — предисловии ко второму изданию «Правил социологического метода» классик поясняет и дополняет базовые положения своей социологии. Он писал: «Что такое в действительности вещь? Вещь противостоит идее как то, что познается извне, тому, что познается изнутри. Вещь — это всякий объект познания, который сам по себе непроницаем для ума; это все, о чем мы не можем сформулировать себе адекватного понятия простым приемом мысленного анализа; это все, что ум может понять только при условии выхода за пределы самого себя, путем наблюдений и экспериментов... Приступать к их изучению, исходя из принципа, что мы ничего не знаем о том, что они собой представляют, а их характерные свойства, как и неизвестные при-

чины, от которых они зависят, не могут быть обнаружены даже самой внимательной интроспекцией» (Там же: 9). Дюркгейму важно было считать вещь тем, что не было вообразено или придумано. Другими словами, объективность вещей заключается в их внеположенности субъективному сознанию. Идея *овнешнения* у французского социолога — это своего рода критика различных трансценденталистских программ в философии и социальных науках. Так, его интересовали не внутренние индивидуальные психические эффекты, а внешнее коллективное «бурление».

Во-вторых, «быть вещью» — значит, иметь предикат реальности. Так же как и у Латура в «Несводимом» ключевым критерием реальности чего-либо является сопротивление, давление или принуждение. Вещь — это то, что обладает силой, заставляет агентов действовать тем или иным образом. Вот как Дюркгейм формулировал этот критерий: «Мы не можем не считать реальным того, что нам сопротивляется» (Там же: 43-44). Социальные вещи заставляют вести себя тем или иным образом: «Все, что реально, обладает определенной природой, которая навязывается, с которой надо считаться и которая даже тогда, когда удается нейтрализовать ее, никогда не оказывается полностью побежденной. В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе заключает, — это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально только вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием. Индивид находит их совершенно готовыми и не может сделать так, чтобы их не было или чтобы они были иными, чем они являются. Он вынужден поэтому учитывать их существование, и ему трудно (мы не говорим: невозможно) изменить их, потому что в различной степени они связаны с материальным и моральным превосходством общества над его членами» (Там же: 20). Вещам, конечно, можно сопротивляться и приспособлять их к себе, но эти возможности индивидуального отказа существенно ограничены (Там же: 20-21).

При этом социальное принуждение не обязательно приводит к страданиям. Скорее, индивиды не без удовольствия следуют многим давлениям, исходящим от социальных вещей. Дюркгейм иллюстрировал это на примере денег, заставляющих людей их использовать и стремиться к обладанию ими. «Кто пытается приобрести вещь за цену, более низкую, чем ее ценность, тот сталкивается с сопротивлением, подобным тому, которое оказывают нам физические тела, когда мы не знакомы с их природой» (Там же: 290). В этом смысле, если попытаться жить в сообществе, отрицающем деньги и признающем другие формы реципрокности, например, в экопоселении, то все равно придется обмениваться с внешним миром бессердечного «чистогана» для того, чтобы покупать какие-то вещи, которые невозможно будет производить кустарным способом — лампочки, инструменты или электробатарей. Полная отмена ценности денег в этом и других случаях затруднительна, поэтому агенты, как правило, становятся их союзниками и защитниками, стремясь увеличить их количество и качество для себя.

То есть люди скорее с наслаждением следуют внешнему принуждению денег. Как говорил Дюркгейм, «те же самые ценности, которые некоторыми сторонами про-

изводят на нас впечатление навязываемой реальности, в то же время представляются нам желаемыми вещами, которые мы искренне любим и к которым стремимся. Но именно общество, будучи законодателем, которому мы обязаны оказывать уважение, в то же время является творцом и хранителем всех благ цивилизации, к которым мы привязаны всеми силами нашей души. Оно не только повелевает, оно несет добро и милосердие. Все, что увеличивает его жизненную силу, увеличивает и нашу. Поэтому неудивительно, что мы дорожим всем тем, чем дорожит оно» (Там же: 291). Тем не менее, даже приспособившись к социальным вещам, агенты все равно ощущают их реальность как сопротивление, внешнее по отношению к индивиду.

Идея и вещь

Минимальная возможность индивидуального сопротивления давлению реальных социальных вещей указывает на разницу потенциалов акторов разной «природы». Если логика редукционизма выражает обязательное сведение множества природ к одной, то логика гетерогенности, напротив, предполагает различие «природ», напряжение и динамику отношений между разными акторами. Гетерогенная онтология — это своего рода сопромат.

В докладе, прочитанном в 1911 году на Философском конгрессе «Ценностные и реальные суждения», Дюркгейм задается вопросом: откуда берутся и где находятся ценности — одна из разновидностей социальных вещей? Французский социолог уходит от традиционных решений в рамках идеалистического и материалистического редукционизмов. Согласно первому, идеи и ценности находятся в вещах или в отдельном идеальном мире, при этом идеи определяют то, чем будут являться вещи. Во втором — идеи — некий вторичный, дополнительный эффект, появляющийся в материи.

Последовательно отвергая стандартные решения, классик предлагает концепцию симметричных (в том смысле, который Брюно Латур придавал этому термину) (Латур, 2006б) отношений между социальными и материальными вещами, между ценностями и объектами. Дюркгейм доказывал, что индивид и усредненное общественное мнение не могут быть источниками ценности (Дюркгейм, 1995: 289). Кроме того, идеалы — не являются «мыслями Бога» — вечными и трансцендентными ценностями (Там же: 295-296).

Может показаться, что ценности — это следствие некоторых физических свойств вещей, так или иначе полезных для существования. Считается, что «если хлеб обладает ценностью, то потому, что он служит продуктом питания и способствует поддержанию жизни» (Там же: 288). В то же время ради здоровья, внешнего вида, из-за религиозных запретов многие отказываются от хлеба, считают его не ценным, а, наоборот, вредным.

Некоторые материальные вещи считаются ценными, но при этом не обладают даже намеком на ценность как полезность: «Знамя — это лишь кусок ткани, однако солдат дает убить себя ради спасения своего знамени» (Там же: 293). Действительно,

если боевое подразделение теряет знамя, то его расформируют. Знамя, стяг, который реет, — выражает, знаменует социальную силу — дух, собирающий группу и удерживающий ее от распада. При этом флаг делают из определенного материала — из ткани. В самой ткани нет ничего ценного, но она наилучшим образом подходит для выражения коллективного идеала — силы, которая овнешняется группой в ритуале. При этом трудно представить флаг из бетона. Он не будет реять — проявлять дух, воодушевлять и стягивать. Хотя в некоторых средах и условиях используются и более твердые материалы для достижения такого эффекта. Так, американские флаги, установленные на Луне, были сделаны с использованием твердых материалов. Эффект натяжения сетки позволял «реять» знамени в безвоздушной и безветренной среде. Российский флаг, установленный глубоководным аппаратом «Мир» на дно Северного Ледовитого океана, был сделан из титана.

Получается, что некоторые материалы, или, лучше сказать, материальные вещи, лучше подходят для социальных вещей. В гетерогенной онтологии возникает что-то вроде альянса между социальной и материальной вещью, если использовать термин Мишеля Каллона (Каллон, 2015). Социальные вещи — самостоятельная реальность. Тем не менее они нуждаются в материальном проявлении. Дюркгейм отмечал следующее: «Коллективные идеалы *могут формироваться и осознавать сами себя* только при условии, что они фиксируются в вещах, которые можно всем увидеть, всем понять, всем представить, например, в рисованных изображениях, всякого рода эмблемах, писанных или произносимых формулах, одушевленных или не одушевленных существах. И, несомненно, случается, что благодаря некоторым своим свойствам эти *объекты обладают чем-то вроде привязанности к идеалу и естественным образом притягивают его к себе*. Именно тогда внутренние черты вещи могут казаться (впрочем, ошибочно) порождающей причиной ценности. Но *идеал может внедряться в любую вещь: он располагается, где хочет*. Всякого рода случайные обстоятельства определяют способ его фиксации. Тогда та или иная вещь, как бы заурядна она ни была, оказывается выше всех. Вот почему старый кусок ткани может окружаться ореолом святости, а крошечный кусочек бумаги становится очень ценной вещью» (курсив мой. — Д. С.) (Там же: 301-302). Крайне любопытно, что даже на уровне метафор французский социолог толкует о самостоятельном бытии — привязанности, воле и самосознании социальных и материальных вещей, а не только людей. Несмотря на случайность выражения идей в вещах, Дюркгейм все же делает акцент на «привязанности» между материальными и нематериальными акторами³.

Итак, материальные вещи сами по себе не имеют ценности (но имеют что-то вроде сознания, привязанности и желания). Ценными для людей их делают социальные вещи. При этом ценности — вещи *sui generis* конструируются в практиках — коллективных ритуалах, когда во взаимодействии между участниками

3. Ср. с похожим высказыванием про австралийских аборигенов из «Элементарных форм»: «Между ними существуют некоторое сходство и особые отношения соответствия. Люди и вещи нуждаются друг в друге, в каком-то смысле понимают друг друга и живут в естественном согласии» (Дюркгейм, 2018: 282).

возникает коллективный аффект — «психическая жизнь нового рода». Этот аффект не принадлежит ни одному индивиду, коллективная энергия овнешняется и «закрепляется» за определенными материальными вещами. Как отмечал Дюркгейм, «чувства, рождающиеся и развивающиеся в группах, обладают энергией, которой не достигают чисто индивидуальные чувства. У человека, испытывающего их, возникает впечатление, что он находится во власти сил, которые ему не принадлежат, управляют им, и вся среда, в которую он погружен, представляется ему населенной силами подобного рода» (Там же: 298).

Таким образом, альянс между социальными вещами (идеями, ценностями и идеалами) и материальными предметами основывается на логике гетерогенности. Здесь каждая из «природ» обладает определенной самостоятельностью и не редуцируется к другой. При этом «случайность» влияет на динамику альянсов. Вещи и идеи могут встречаться и расставаться. Упомянутый выше Каллон добавлял к альянсу предательство (Каллон, 2015: 223-225). Так, деньги в разные эпохи имеют разную материальную форму, а в кризисные периоды вообще могут обесцениваться.

Гетерогенность и искажение

Случайность прикрепления идей к вещам является одним из существенных факторов спутанности, усложнения социального. В, казалось бы, стройных социальных логиках появляются иррациональные искажения. В работе о классификации Эмиль Дюркгейм и его племянник Марсель Мосс ставят простой вопрос: как люди классифицируют вещи?⁴ Ответ и основной тезис тандема достаточно простой: классификация вещей — деление их на логические группы (классы), будет зависеть от деления людей на социальные группы (классы). В самом простом по организации обществе, у австралийских аборигенов, деление на тотемные группы определяет табуирование предметов, которые отождествляются с тотемом: для группы одни вещи разрешены — на них можно охотиться и их можно есть, а другие запрещены. Объединение вещей в логические роды происходит по принципу ассоциации: «В сознании аборигена, как и в нашем, похожие образы притягиваются, а противоположные — отталкиваются, и, именно следуя этому чувству сходства и различия, он помещает вещи в тот или иной класс (Дюркгейм, 2018: 276).

Тем не менее Дюркгейм и Мосс идут дальше интерпретации в духе кантовского априоризма, когда социальная логика делает возможной логику мышления. Первобытные классификации позволяют понять принцип логической организации мира, но их задача куда более амбициозная. Дядя и племянник хотели бы понять, как происходит усложнение социальных и эпистемологических логик

4. Следует оговориться, что вклад племянника мог не ограничиваться тем, что он подносил этнографические снаряды для артиллерии социальной теории своего дяди. Как будет показано ниже, дядя и племянник, работая с этнографическими описаниями, скорее заразились «неприрученной мыслью» и так или иначе имплементировали индигенные метафизики в свои концепции. Дюркгейм также обратился к данной теме в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» (Дюркгейм, 2018).

в исторической перспективе. Сегодня мы имеем очень сложные системы классификации, как и очень сложные социальные логики. Логические способности людей «сформировались посредством мучительной, трудной сборки элементов, заимствованных из самых разных источников, которые весьма далеки от логики и тщательно организованы» (Мосс, 1996: 6). В этих гетерогенных сборках происходят своего рода инверсия и подмена. Так, еще на раннем этапе в коллективные психологические ассоциации вмешивается натуральная логика трофических цепей: «Также с тотемным животным объединяют все, что служит ему пищей, и тех животных, с которыми оно тесно связано» (Дюркгейм, 2018: 278).

Позже, когда происходит укрупнение социальных групп до племен, в классификацию начинают вмешиваться элементы ландшафта. Например, тотемные группы располагаются по разным сторонам дороги, используя ее как естественную границу. При этом объекты, находящиеся на разных участках ландшафта, начинают ассоциироваться с группой. Дюркгейм и Мосс называют этот процесс локализацией: «узкая локализация кланов... неизбежно породила соответствующую локализацию объектов, приписанных к кланам. С того момента, как, например, люди волка относятся к какому-то участку селения, то же самое с необходимостью происходит со всякого рода вещами, относимыми к тому же тотему. Затем, когда селение окончательно определяет свою пространственную ориентацию, и ориентация всех его частей одновременно определяется вместе со всем их содержимым, вещами и людьми. Иначе говоря, все объекты природы отныне будут восприниматься как поддерживающие определенные связи со столь же определенными частями пространства. Несомненно, только племенное пространство делится и распределяется таким образом» (Мосс, 1996: 55). Еще позже, в более сложном, китайском обществе, на классификацию также влияют астрономические/астрологические объекты — звезды и планеты. Усложнение гетерогенной системы достигает высшей точки. Сложная китайская система — это «классификация пространств, времен, объектов, животных видов... все гетерогенно... все эти элементы в бесчисленном количестве комбинируются» (Там же: 61). Судя по всему, все эти дополнительные «природы» не просто встраиваются в классификацию, а оказывают определенное влияние на логическую систему.

При этом главную роль в искажениях классификаций играют эмоции. Они влияют на запутанность в связях между родами и видами, между вещами. Как отмечали исследователи первобытных классификаций, «группировки (вещей. — Д. С.) порождены состояниями коллективной души, и, более того, эти состояния имеют явно эмоциональный характер. Существуют эмоциональные привязанности между вещами, как и между индивидами, они классифицируются в соответствии с этими привязанностями» (Там же: 70). В этом смысле социологический анализ классификаций Дюркгейма — это не критика чистого разума, а скорее апологетика «бурления».

Классификации усложняются потому, что материальные вещи имеют эмоциональные (иррациональные) привязанности и могут влиять на социальные группы: «Вещи в некотором роде меняют свою природу в зависимости от обществ; дело

в том, что они по-разному влияют на чувства групп. То, что в одном месте воспринимается как совершенно однородное, в других местах представляется как по существу разнородное» (Там же: 71).

Неопределенность Дюркгейма и Мосса по поводу того, какая из «природ» — материальные вещи или социальные группы — оказывается определяющей в классификации, только усиливает гетерогенную онтологию. Разные порядки реальности оказывают взаимное и ситуативное влияние. В этом смысле коллективные эмоции — это еще один порядок наряду с социальными вещами и материальными объектами. Этот порядок имеет собственную силу, оказывает давление и сопротивление другим порядкам. С эмоциями и благодаря им тоже появляются привязанности (альянсы) и отторжения (предательства).

Искажение и спутанность появляются в сборке вещей из-за того, что эмоции иррациональные, они связывают вещи «как Бог на душу положит». Дюркгейм и Мосс отмечали следующее: «Понятие — это четко определенное представление о группе существ; его границы могут быть точно обозначены. Эмоция, напротив, это явление, по существу, расплывчатое и неустойчивое. Ее заражающее влияние расходит за пределы места возникновения, распространяется на все, что ее окружает, так что невозможно сказать, где остановится сила ее распространения. Эмоциональные по природе состояния необходимо связаны с этим свойством. Невозможно сказать, где они начинаются и где кончаются, они теряются друг в друге, смешивают свои свойства таким образом, что их невозможно распределить по строгим категориям. Эмоция... противостоит критическому и обдуманному рассмотрению, особенно когда она коллективного происхождения» (Там же: 72). Из-за эмоций, таким образом, возникают случайные связи и инверсии, пространственный объем понятий и логических связей масштабируется, то расширяясь, то сужаясь. Из-за этого появляются гетерогенные запутанности, которые социальным исследователям, как правило, очень сложно распутывать *a posteriori*.

Заключение: смешение вещей и людей

Итак, как я попытался показать, в своих работах Эмиль Дюркгейм предложил онтологию, построенную на логике гетерогенности, а не редукционизма, как ему это приписывал Брюно Латур. В этой онтологии реальность определяется комплексным сопротивлением социальных и материальных вещей, эмоций, ландшафтов и других порядков. Именно в такой онтологии появляются ситуативные сборки и динамические напряжения между акторами. При этом у Дюркгейма все действует и воспринимает: вещи обладают привязанностью, самосознанием и т.п. Это такие черты и способности, которые в модерне, как правило, приписывались только человеческим существам. Важно, что Дюркгейм не только обозначил условия возможности существования социальных вещей — реальности *sui generis*, но и представил немодерную онтологию.

Уже в «Самоубийстве» классик писал, что «не совсем верно, что общество состоит только из индивидов; в него входят также и материальные элементы,

играющие существенную роль в общественной жизни» (Дюркгейм, 1994: 303). Эта достаточно радикальная для классической социологии идея осталась незамеченной. Позже, в «Элементарных формах» Дюркгейм представил домодерную гетерогенную реальность как смешение вещей и людей: «Исследователи обычно... рассматривают понятие “клан” слишком узко. Обычно в нем видят только группу человеческих существ. Это просто часть племени, и кажется, что, как и само племя, она состоит только из людей. Но, рассуждая подобным образом, мы подменяем нашими, европейскими, представлениями те, которые составил себе о мире и об обществе первобытный человек. Для австралийского аборигена разные вещи сами по себе, все вещи вселенной, входят в племя; они являются его составными частями, или, говоря другими словами, его постоянными членами. Следовательно, все вещи точно так же, как и люди, занимают определенное место в рамках общества» (курсив мой. — Д. С.) (Дюркгейм, 2018: 269-270)⁵.

Если смотреть с перспективы современных онтологических поворотов, то классик предлагает сделать совершенно нетипичный для начала XX века ход — «деколонизировать» европейское мышление и заимствовать индигенную метафизику, в которой и человеческие, и нечеловеческие существа имеют значение, а вещи, животные и духи при этом обладают сугубо человеческими качествами.

Как показали культурсоциологи, классики — Дюркгейм и Вебер не только занимались описанием актуального для рубежа веков процесса модернизации. Равным образом ими двигал интерес к традиционным религиям и первобытным обществам (Александр, 2013: 53-55)⁶. В этом смысле интерес Дюркгейма к социальным и материальным вещам как превращенным богам и духам означает сохранение интереса к первобытному сакральному.

Смешения вещей и людей почти через сто лет Латур назовет «коллективом» (Латур, 2018), а представители онтологического поворота в антропологии подхватят этот термин и будут на основе богатых этнографических исследований в разных регионах мира концептуализировать подобные множества, состоящие не только из людей, но и из нечеловеков (Сивков, 2022). Вот это возвращение вещей в гетерогенной онтологии как раз и не смог разглядеть апологет нечеловеческих существ и сущностей Брюно Латур, обрушив *friendly fire* на социологический проект Дюркгейма. В этом смысле при более внимательном и, возможно, более комплексном прочтении, классик со своими вещами *sui generis* вместо «козла отпущения» мог бы легко стать потенциальным союзником в исследованиях науки и технологий (STS).

5. В «Очерке о даре» Мосс также работает с логикой гетерогенности и смешением: «В сущности, это смесь. Души смешиваются с вещами, вещи — с душами. Соединяют жизни, и соединенные таким образом люди и вещи выходят каждый из своей среды и перемешиваются. А именно в этом и состоят договор и обмен» (Мосс, 1996: 113). Мосс хотел понять, что за сила заключена в вещах — дарах и залогах, что они заставляли людей действовать определенным образом — дарить, принимать дары и делать ответные дары. Из-за того, что в дарах человеческое и нечеловеческое смешано, отчуждение между такими акторами невозможно, связь между ними сохраняется (Parry, 1986: 455-456).

6. Никлас Луман, критикуя классическую социологию, обращает внимание на сильный интерес Зиммеля и Вебера к религиозным темам и трансцендентному (Луман, 2011: 12-13).

Литература

- Александр Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис.
- Дюркгейм Э. (1995). Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль.
- Дюркгейм Э. (2013). Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. № 2. С. 133-144.
- Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы.
- Куракин Д. Ю. (2011). Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. № 3. С. 41-70.
- Куртен Ж.-Ф. (2017). RES // Европейский словарь философий: Словарь непереводимостей. Том 2. К.: ДУХ І ЛІТЕРА. С. 13-28.
- Латур Б. (2006а). Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна⁷. М.: Издательский дом «Территория будущего». С. 199-222.
- Латур Б. (2006б). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2007). Об интеробъективности // Социологическое обозрение. № 2. С. 79-96.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2015). Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2018). Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Латур Б. (2019). Габриель Тард и конец социального // Социология власти. № 2. С. 217-239.
- де Лаэт М., Мол А. (2017). Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. № 2. С. 171-232.
- Ло Дж. (2015). После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Луман Н. (2011). Общество общества. Т. I. М.: Логос.
- Мосс М. (1996). Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Пурнен М. (2019). Социология и социальные науки (Дебаты Тарда и Дюркгейма) // Социология власти. № 4. С. 215-222.
- Роулз Э. У. (2014). Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социологическое обозрение. № 2. С. 84-140.

7. Признан Минюстом иноагентом

- Сивков Д. Ю. (2022). Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // *Логос*. № 2. С. 193-225.
- Урри Дж. (2012). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Филиппов А. Ф. (2008). Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // *Социологическое обозрение*. № 1. С. 96-116.
- Хайдеггер М. (1993). *Вещь* // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика. С. 316-326.
- Alexander J. (1988). Introduction: Durkheimian sociology and cultural studies today // *Durkheimian sociology: cultural studies* /ed. by Jeffrey C. Alexander. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-22.
- Callon M., Latour B. (2015). Unscrewing the Big Leviathan; or How actors macrostructure reality, and how sociologists help them to do so? // *Advances in Social Theory and Methodology* /ed. by K. Knorr and A. Cicourel. London: Routledge and Kegan Paul. P. 277-303.
- Garfinkel H. (2002). *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism* /ed. by A. W. Rawls. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Jones S. S. (1996). What does Durkheim mean by "thing"? // *Durkheimian Studies / Études Durkheimiennes*. Vol. 2. P. 43-59.
- Lowrie I. (2017). What Sort of Thing Is the Social? Or, Durkheim and Deleuze on Organization and Infrastructure // *The New Politics of Materialism: History, Philosophy, Science* /ed. by Ellenzweig S. and J. H. Zammito. London; New York: Routledge. P. 154-178.
- Parry J. (1986). The Gift, the Indian Gift and the 'Indian Gift' // *Man*. № 3. P. 453-473
- Thatcher M. (1987). Interview for *Woman's Own* ("No such thing as society") (23.09.1987) // Margaret Thatcher foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.margarethatcher.org/document/106689> (дата обращения 19.02.2024)
- Tarde G., Durkheim E. (2010). The Debate (Script by Eduardo Viana Vargas, Bruno Latour, Bruno Karsenti, Frédérique Aït-Touati and Louise Salmon) // *The Social after Gabriele Tarde: Debates and assessments* /ed. by M. Candea. London; New York: Routledge. P. 27-43.

Reality *sui generis*: Things in Durkheim's Ontology

Denis Sivkov

PhD in Philosophy, Lecturer at the Institute for Social Sciences at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Address: Vernadskogo prosp., 82, Moscow, 115571 Russian Federation

E-mail: sivkov-dy@ranepa.ru

In this article, I explore the limitations of the critique of Emile Durkheim's notorious reductionism presented by Bruno Latour in his Actor-Network Theory project, and suggest an approach to

the ontology of heterogeneity in Durkheim's sociology. This ontology is organized around the notion of the thing (*chose*). What is important in this ontological project is the distinction between material objects and social things such as reality *sui generis*. Reality here is defined by the complex resistance of various social and material things, emotions, landscapes and other ontological orders. Such a heterogenous ontology requires multiple and situational assemblages and dynamic tensions between things. In Durkheim's case, not only people, but all things are actors. Things act and perceive. They have a kind of affinity, sensibility, self-consciousness, and other features usually attributed only to human actors. I argue that Latour's critique of Durkheimian ontology is a friendly fire. In this sense, with a closer reading of Durkheim's papers, the classic of sociology with his reality *sui generis* could easily become not a scapegoat, but a potential ally for science and technology studies (STS). A significant advantage of Durkheim's heterogeneous ontology over the various approaches in STS is that the sociological classicist sees in resistance the conditions of existence of so-called social things.

Keywords: Durkheim, thing, heterogeneity, reductionism, irreduction, resistance, Latour, science and technology studies

References

- Alexander J. (1988) Introduction: Durkheimian sociology and cultural studies today. *Durkheimian sociology: cultural studies* (ed. by Jeffrey C. Alexander), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-22.
- Alexander J. (2013) *Smysly social'noj zhizni: Kul'tursociologiya* [The meanings of social life: A cultural Sociology], Moscow: Praxis.
- Callon M., Latour B. (2015) Unscrewing the Big Leviathan; or How actors macrostructure reality, and how sociologists help them to do so? *Advances in Social Theory and Methodology* (ed. by K. Knorr and A. Cicourel), London: Routledge and Kegan Paul, p. 277-303.
- Courtin J.-F. (2017) RES. *European dictionary: Dictionary of Untranslatables* (ed. by B. Cassin). Vol. 2, Kiev: Duh I Litera Press, pp. 13-28.
- De Laet M., Mol A. (2017) Zimbabvijskij vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii [The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology]. *Logos*, no 2, pp. 171-232.
- Durkheim E. (1995) *Sociologiya: Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology: Its subject, method, purpose], Moscow: Kanon.
- Durkheim E. (1994) *Samoubijstvo: Sociologicheskij etyud* [Suicide: A Study in Sociology], Moscow: Mysl'.
- Durkheim E. (2013) Dualizm chelovecheskoj prirody i ego social'nye usloviya [The Dualism of Human Nature and its Social Conditions]. *Russian Sociological Review*, no 2, pp. 133-144.
- Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious], Moscow: The Elementary Forms.
- Filippov A. F. (2008) Yasnost', bespokojstvo i refleksiya: k sociologicheskoi harakteristike sovremennosti [Clarity, Anxiety and Reflexivity: Toward a Sociological Characterization of Modernity]. *Russian Sociological Review*, no 1, pp. 96-116.
- Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism* (ed. by A. W. Rawls), Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Heidegger M. (1993) *The Thing. Time and Being: Papers and presentations*, Moscow: Respublica, pp. 316-326.
- Jones S. S. (1996) What does Durkheim mean by "thing"? *Durkheimian Studies / Études Durkheimiennes*, vol. 2, pp. 43-59.
- Kurakin D. (2011) Uskol'zayushchee sakral'noe: problema ambivalentnosti sakral'nogo i ee znachenie dlya «sil'noj programmy» kul'tursociologii [The elusive sacred: The problem of the ambivalence of the sacred and its significance for the "strong program" of cultural sociology]. *Russian Sociological Review*, no 3, pp. 41-70.
- Latour B. (2006a) Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri [Where Are the Missing Masses? The Sociology of few mundane artifacts]. *The Sociology of things*, (ed. V. Vakhstein), Moscow: Territoria Budushego, pp. 199-222.

- Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii* [We have never been modern: Essay in symmetrical anthropology], Saint-Petersburg: EU SPb Press.
- Latour B. (2007) Ob interob'ektivnosti [On interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, no 2, pp. 79-96.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network], Moscow: HSE Press.
- Latour B. (2015) *Pasteur: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo»* [Pasteur: War and peace of microbes], Saint-Petersburg: EU SPb Press.
- Latour B. (2018) *Politiki prirody* [Politics of Nature], Moscow: Ad Marginem Press.
- Latour B. (2019) Gabriel' Tard i konec social'nogo [Gabriel Tarde and the End of the Social]. *Sociology of Power*, no 2, pp. 217-239.
- Lowrie I. (2017) What Sort of Thing Is the Social? Or, Durkheim and Deleuze on Organization and Infrastructure. *The New Politics of Materialism: History, Philosophy, Science* (ed. by S. Ellenzweig and J. H. Zammito), London; New York: Routledge, pp. 154-178.
- Luhmann N. (2011) *Obshchestvo obshchestva* [The society of society], Moscow: Logos Press.
- Mauss M. (1996) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii* [Societies. Exchange. Person: Works on Social Anthropology], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Parry J. (1986) The Gift, the Indian Gift and the 'Indian Gift'. *Man*, no 3, pp. 453-473.
- Thatcher M. (1987) Interview for Woman's Own ("No such thing as society") (23.09.1987). *Margaret Thatcher foundation*. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/106689>
- Pournin M. (2019) Sociologiya i social'nye nauki (Debaty Tarda i Dyurkgejma) [Sociology and the Social Sciences (The Tarde-Durkheim Debate)]. *Sociology of Power*, no 4, pp. 215-222.
- Rawls A.W. (2014) Epistemologiya Dyurkgejma: nezamechennyj argument [Durkheim's epistemology: the neglected argument]. *Russian Sociological Review*, no 2, pp. 84-140.
- Sivkov D. (2022) Ontologicheskij povorot v antropologii i tekhnologicheskie izmeneniya v indigenom kollektive [The ontological turn in anthropology and technological change in indigenous collective]. *Logos*, no 2, pp. 193-225.
- Tarde G., Durkheim E. (2010) The Debate (Script by Eduardo Viana Vargas, Bruno Latour, Bruno Karsenti, Frédérique Aït-Touati and Louise Salmon) *The Social after Gabriele Tarde: Debates and assessments* (ed. by Candea M.), London; New York: Routledge, pp. 27-43.
- Urry J. (2012) *Sociologiya za predelami obshchestv: Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century], Moscow: HSE Press.

Культурное гражданство: определения и эмпирическая контекстуализация

Данила Иванов

Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: d.ivanov@hse.ru

Татьяна Власова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований
социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: tavlasova@hse.ru

Роман Абрамов

Доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук,
ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: rabramov@hse.ru

В статье представлены подходы к концептуализации понятия «культурное гражданство», применяемого для описания проблем интеграции и социальной инклюзии. «Культурное гражданство» — одно из понятий, развивающих парадигму гражданства и гражданственности, существовавшее в традициях политической теории и социологии культуры. Цель статьи заключается в разработке социологического подхода к теоретической концептуализации «культурного гражданства», опираясь на существующие подходы к определению таких понятий, как «гражданство», «солидарность», «идентичность», «инклюзия». В первой части статьи сопоставляются юридические и социологические понятия гражданства и их связи с «культурным аспектом» гражданства. На основе этого сопоставления формулируется предмет и проблематика концепции культурного гражданства в социальных науках. В заключительной части статьи анализируются два подхода к определению культурного гражданства — политико-теоретический, отталкивающийся от государства как источника гражданства и акцентирующий внимание на юридических инструментах интеграции; и культуросоциологический, отталкивающийся от сообщества как источника гражданства и акцентирующий внимание на интегративных практиках культурного производства. Интеграция двух подходов дает основания для определения культурного гражданства как процесса, реализующегося на организационном уровне; при этом решающую роль играют культурные институты как виды организационных структур.

Ключевые слова: культурное гражданство, солидарность, культурные институты, организация, культурные различия, инклюзия

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10098 «Культурное гражданство и локальная солидарность: опыт социальной инклюзии аудитории музеев России».

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность рецензенту и научному редактору за комментарии и тонкие замечания, позволившие сделать текст более точным.

Во многих сегодняшних теоретических дискуссиях тесно переплетены вопросы исторической и этнической идентичности, семиотических идеологий (Keane, 2018), ревизии гражданства и производства солидарностей, основанных как на изобретениях традиции, так и на творческом переосмыслении права принадлежности к социокультурным сообществам. Расовые проблемы, дебаты о политических интересах, связанных с миграционными процессами, возможности для этнических меньшинств — всё это стало новой спорной территорией, затрагивающей почти каждого, особенно в тех частях мира, где культурная и политическая нестабильность кажутся постоянными. Для понимания флуктуаций, происходящих на поле гражданской и культурной солидарности, и линий разлома в этой сфере требуется дополнительная теоретическая проработка тематических категорий, среди которых определенным аналитическим потенциалом обладает понятие «культурного гражданства». Оно увязывает нормативные и правовые аспекты гражданской принадлежности, социальные контексты (вос)производства основанных на нем солидарностей, а также сопутствующие напряжения и культурные конфликты: то есть все то, что составляет проблему неконгруэнтности механического и органического (согласно Ф. Тённису) пониманий основ солидарности². Наша статья систематизирует имеющиеся теоретические подходы к проблеме культурного гражданства, фиксирует лакуны в ее описании и демонстрирует ее эмпирические перспективы.

Цель статьи заключается в разработке социологического подхода к концептуализации «культурного гражданства». В статье обозначены потенциал и ограничения «культуросоциологического» и «политико-теоретического» (т. е. двух основных) взглядов на культурное гражданство, отталкивающихся преимущественно от традиции определения гражданства и солидарности, заложенной в работах Т. Х. Маршалла. Настоящая статья позволяет опосредовать обе перспективы и перенести разрабатываемую концепцию культурного гражданства на уровень эмпирического исследования.

Неконгруэнтность правовых и социальных оснований солидарности

Юридическое понимание гражданства и солидарность

Сначала рассмотрим гражданство в юридическом смысле: как формализованный правовой политический инструмент социальной интеграции. Наделение статусом гражданина на практике отличает его обладателей от неграждан и объединяет «своих» в оппозиции к «чужим». Однако тот же институт гражданства в юридическом смысле используется для интеграции упомянутых «чужих», то есть неграждан и иностранцев. В российском контексте недавним примером этого стали поправки в Федеральный закон «О гражданстве», касающиеся упрощения полу-

2. Говоря социально-философским языком, эта проблема может звучать как несовпадение объединения социальных единиц как вещей-в-себе (т. е. механических единиц) и социальных единиц как вещей-для-себя (т. е. органически существующих единиц).

чения российского гражданства для, пользуясь понятием А. Сена, представитель инструментально важных (*instrumental importance*) социальных категорий (Sen, 2000). Итак, гражданство сочетает в себе функциональные аспекты внутренней (*internal*) интеграции, направленной на внешние государству социальные категории (иностранцев), и внешней (*external*) интеграции, обычно опирающейся на принципы внутренней политики. В социологическом смысле это создает парадокс, когда гражданство становится одновременно дифференцирующим и гомогенизирующим статусы институтом (Marshall, 1964).

Дифференцирующая черта гражданства как способа интеграции следует из условий, когда гражданством наделяется, например, иностранец или представитель иной культуры: это значит, что теперь статус гражданина включает в себя помимо «своего» еще и кого-то «чужого». Интеграция представителя другой культурной вариации (другого культурного образца) в этом контексте могла бы быть реализуема с помощью гарантии юридических прав лишь в утопических условиях (Дарендорф, 2002: 332), да и то с оговорками. На практике интегрируемый чужак («иностранец», мигрант), получая с новым гражданством обновленный статус и опыт, не лишается диспозиций *status quo ante*, составляющих исходные для субъекта культурные черты (Баньковская, 2006: 123). Таким образом, гражданство в юридическом смысле, используемое в интеграционных целях, всегда сталкивается с проблемой интеграции культурных черт, в частности, с проблемой работы со *status quo*. Известный пример — социальная интеграция афроамериканского населения США, которому в середине XX века после долгой борьбы был предоставлен статус равноправных граждан, однако это не решило проблемы геттоизации и социального исключения (*social exclusion*) (Goffman, 2014; Mirzoeff, 2020: 27).

Гражданство в юридическом смысле выступает основой механического объединения «не-социальных классов», тогда как состояние солидарности является следствием органического единения, требующего разделения общих ценностей и культурных черт (Тённис, 2002). Таким образом, мы сталкиваемся с классической проблемой неконгруэнтности (*incongruent*) гражданского статуса и солидарности, в социальной науке встречающейся уже у Т. Гоббса, который писал о несовпадении понятия государства, его единства, гражданского общества, гражданских законов с гражданскими правами (Гоббс, 1989: 342). Культурные различия (*cultural difference*) — предположительно и есть остаток, составляющий предмет неконгруэнтности (Isin, Turner, 2002), которую Ч. Тейлор ставит в центр всей темы гражданства (Taylor, 1994). Одним из концептуальных решений данной проблемы стало появление понятия культурного гражданства (*cultural citizenship*). Само это понятие родилось в 1990–2000-х годах, в ходе обсуждения тем мультикультурализма и глобализации. Тогда же начались дискуссии о многомерности гражданства, где культурная составляющая оказывалась непосредственно одним из его измерений (Rojek, Turner, 2001). В настоящее время это понятие используется в эмпирических и аналитических исследованиях (Pruulmann-Vengerfeldt,

Runnel, 2018; Бабаян, Ярская, 2013), а лежащая в его основании проблематика неконгруэнтности проявляется также и в публичном политическом дискурсе.

Общие замечания о культурном гражданстве

Само понятие «культурное гражданство» содержит в себе очевидные противоречия. Так, еще на заре соответствующих дебатов Р. Розалдо (Rosaldo, 1994) указал на противоречивость самого сочетания слов «гражданство» и «культура». В юридическом смысле гражданство — это статус, то есть состояние (state); в социальной науке его классическое определение, данное Т. Х. Маршаллом, соотносится с членством (membership) в сообществе (Marshall, 1950) — то есть таким же состоянием, зафиксированным в определенных границах (Lamont, 2002, 2014). Культура же, напротив, является скорее текучим процессом, представляющим способы действия (Lamont, Fournier, 1992). Таким образом, культурное гражданство есть подобие «динамической статики», что является своего рода оксюмороном³.

Если следовать за социологическим определением гражданства как «членства» (membership), обнаруживается еще одно его неочевидное свойство, справедливо подчеркнутое Р. Штихве (хотя в целом такой взгляд характерен для всех последователей социологии Лумана): «нет смысла в атрибуции членства по отношению к экономике, юридической и социальной системе... строго говоря, некто не может быть и членом общества» (Stichweh, 2002: 105). Есть основания такую же логику переложить и на систему культуры. По словам Штихве, можно быть членом церкви, комитетов и университетов — то есть организаций; однако же общество или культура в целом не подразумевают членства как систематического свойства (Ibid.). Безусловно, существуют такие определения «культуры», которые допускают «членство»: например, субкультура в узком смысле — там, где культура тесно связана с культурой конкретного сообщества или конкретной организации. В основной части мы отсылаем к культуре в социологическом смысле — как системе, связанной с «высшей реальностью». Для того чтобы считать, что членство в культуре или обществе возможно, требуется определить их конкретные границы, за которыми высказывание «теперь я вне общества и вне культуры» будет выглядеть осмысленно. Принимая общество и культуру как системы, мы полагаем, что, будучи человеком, быть вне общества и культуры невозможно по причинам их функциональной необходимости.

Культурные различия как предмет культурного гражданства

Культурные различия в ходе интеграции формируются двойным сознанием (double consciousness). Так, У.Э.Б. Дюбуа называет непрерывное восприятие себя

3. Культурное гражданство структурой своего устройства напоминает «социальное сообщество», являющееся, по выражению А. Ф. Филиппова, «теоретической бомбой», объединяющей в себе противоположные и едва совместимые сущности (Филиппов, 2023).

с двух позиций: с точки зрения «колонизирующего» взгляда и с позиции равноправного члена конкретного сообщества (DuBois, 2007). В случае с гражданством двойное сознание, с одной стороны, выстраивает символическую дистанцию, препятствующую ассимиляции и солидаризации, но с другой — представляет собой опору для сохранения идентичности, которую интегрируемые хотят утвердить в качестве равноправной в рамках доминирующей культуры. Отдельно заметим, что, несмотря на то что традиционно в рамках темы культурного гражданства упоминается Дюбуа, концептуально проблема культурных отличий и столкновения группы с чужаком рассматривалась еще Г. Зиммелем, в аспекте же, наиболее важном для нашей работы, — А. Шюцем (Баньковская, 2007; Шюц, 2004). По сути, Шюц решал проблему возможной инклюзии элементов культурного образца чужака (если использовать терминологию настоящего текста) в образец мы-группы. Впоследствии это нашло отражение в культуросоциологической парадигме гражданства, на которой мы подробнее остановимся в следующей главе.

Работа с культурными различиями — вопрос, не решаемый простой ассимиляцией — стратегией социальной интеграции, подразумевающей полное «стирание» инаковых черт и ресоциализацию по общепринятым канонам «принимающей» культуры (Parsons, 1965; Ярская-Смирнова, 1997). Культурные черты существуют как сложноартикулируемые и неявные, но эффективно и быстро «схватываемые» при непосредственном контакте лицом-к-лицу, через способы действия, встроены в том числе и в техники тела (Мосс, 2011; Бурдьё, 2001). Так, представим радикальную ситуацию, когда для новых граждан прошлое туманно, будущее неясно, а все символические маркеры (язык, акцент, диалект, техники тела) способов действия полностью интегрированы и оснащены всеми требуемыми культурными чертами. И тут обнаруживается, что остается как минимум одно непреодоленное различие, которое вновь *окликнет* (Альтюссер, 2011) чужеродность субъекта для мы-группы, — фенотип и внешность в целом (DuBois, 2007; Lamont, Beljean, Clair, 2014; Balibar, 2005; Brubaker, 2015). Важность перехода к такому «заземленному» пункту заключается в том, что теперь интеграция «других» уже практически не зависит от степени их ассимиляции и обладания всеми правами всех аспектов гражданства, но от предубеждений принимающей культуры. Это подводит нас к ключевому тезису: полная интеграция новых граждан и выстраивание солидарности даже в идеальных условиях требует изменений культурных установок «принимающей» стороны. Неготовность к изменениям «своей» культурной вариации, даже при условии полной ассимиляции новых граждан, предположительно ведет к сегрегации (например, по расовому принципу), а в радикальных случаях — к уничтожению (*annihilation*) (Galtung, 1969). К подобному тезису приходит А. Онг, когда пишет, что культурное гражданство — это двунаправленный процесс субъективации в фукианском смысле, подразумевающий взаимопроникновение доминирующей и «миноритарной» культур (Ong, 1996: 741). Заметим лишь, что Онг формулирует свой тезис в нормативном ключе: если такое взаимопроникновение имеет место, то культурное гражданство реализуется, в случае же одно-

стороннего влияния — нет (Ong, 1999: 126). В нашей же формулировке тезиса мы отмечаем, что взаимопроникновение наступает с необходимостью в рамках любой стратегии; если мы имеем дело с «интеграцией» без взаимовлияния, то речь идет об уничтожении идентичности интегрируемого субъекта, что равнозначно символическому уничтожению самой социальной категории. Другими словами, чтобы случилась интеграция (инклюзивной формы), необходимо «разрушение» исходного (усл. доминирующего) культурного образца самого интегрирующего субъекта. Это «разрушение» может происходить через культурно значимые события (Stichweh, 2002) или же через общую культурную травму, на которую прямо указывает Дж. Александер, несмотря на то что в целом он оптимистично смотрит на интеграционный потенциал инклюзии и не видит необходимости в принятии идеи об обязательном разрушении/уничтожении исходного культурного образца субъекта, осуществляющего включение образцов чужой культуры (Александер, Куракин, 2012: 30).

Фактор «цвета кожи» и «внешности» (фенотипа) как основания для исключения и негативной дискриминации (иначе — «дисквалификации») является релевантным лишь для некоторых государств, среди которых известны прежде всего США (Parsons, 1965: 1051). Стоит заметить, что на практике для провала любой ассимиляционной стратегии достаточно уже упомянутых ранее символических маркеров (язык, акцент, «техники тела») либо особенностей «коллективной истории» интегрируемых. Другими словами, существование практически любого маркера инаковости уже является основанием невозможности полной ассимиляции. Когда же мы обращаемся к такой интеграционной стратегии как инклюзия — к процессу полноценного принятия инаковых (и в радикальной форме — чуждых) черт (Parsons, 1965: 1015), — проблема интеграции культурных черт становится еще более очевидной, поскольку усложняется всем набором фундаментальных сложностей взаимодействия между своим и чужим (Зиммель, 2002), а также необходимостью их публичного обсуждения (Хабермас, 2001).

Использование гражданства в юридическом смысле как инструмента интеграции субъекта в разных условиях, от стратегии радикальной ассимиляции до последовательной инклюзии, приводит нас к необходимости двусторонних изменений культурных черт. Для уточнения содержания процессов интеграции меньшинств в доминирующую культуру использовался концептуальный арсенал культурного гражданства. В оптимистической перспективе некоторых авторов, подпитанной критическими тезисами в духе Фуко и Бурдьё, открытость культурному плюрализму требует реформации существующих структур доминирующей культуры, особенно в области «культурных институций», воспроизводящих неинклюзивные культурные образцы (Stevenson, 2010; Ong, 1999; Bennett, 2005). В связи с этим стоит обратить внимание на следующее: коль скоро любая стратегия интеграции требует двусторонних изменений, за заботой об интегрируемых упускаются из вида изменения «доминирующей» культуры, для которой сохранение *status quo* становится проблематичным. Данное положение усугубляется при требовании

от представителей интегрируемой (и потенциально доминируемой) культуры специфического «патриотизма», позволяющего им отстаивать право на культурные различия (что теоретически совсем не обязательно может быть «естественным» для некоторых социальных категорий, народов и т. д.). Это особенно подчеркивается сторонниками либерально-коммунитарного подхода к пониманию гражданства (Delanty, 2002: 163-164). Культурное гражданство подразумевает не только проблему формирования средств интеграции культурно инаковых социальных категорий, но и проблему сохранения и активной защиты конститутивно важных черт принимающей культуры, что обычно теряется из вида в рамках аффирмативно окрашенных дискуссий о гражданстве. Важно обратить особое внимание на такой факт: если принимающая (доминирующая/исходная) культурная вариация перестает существовать, то ни о каком участии в значении членства (*membership*) в принимающей культуре в статусе полноценного гражданина соответствующего государства и включенности (*inclusion*)⁴ в органический поток гражданского общества речи идти не может. Таким образом, в теме интеграции принципиально важным становится вопрос защиты принимающей стороны, поскольку без существования такой стороны не может быть никакой интеграции, ни инклюзии, ни ассимиляции. Инклюзия как находящаяся в ядре культурного гражданства стратегия интеграции ставит под угрозу целостность и *status quo* принимающей стороны, ведь именно от нее требуются первоочередные культурные изменения. Это прекрасно понимают представители политико-теоретической перспективы, справедливо «редуцирующие» инклюзию к правовым инструментам, которые, несмотря на их слабую конкурентоспособность в сравнении с культурной инклюзией, все же позволяют защитить принимающую (доминирующую) культуру. Парадоксом культурного гражданства в такой постановке проблемы оказывается следующий вывод: одновременно с притязанием интегрируемых представителей чужих культурных образцов на изменение устройства доминирующей культуры, в интересах самих же интегрируемых оказывается ее защита, ведь именно эта культура формирует сами условия интеграции⁵.

Две концепции культурного гражданства

Две дисциплины и две территориальные эпистемологии

«Культурное гражданство» — понятие, сложившееся в ходе дискуссий о мультикультурализме, космополитизме, а также коммунитарном подходе к пониманию гражданства (Delanty, 2002; Isin, Turner, 2002; Rorty, 1999: 252-255). Несмотря

4. Иначе называемой «вовлеченностью», полагаясь на немецкое “Die Einbeziehung” (Хабермас, 2001), что обладает дополнительными смысловыми коннотациями, однако в контексте нынешнего текста синонимично «включенности», «инклюзии» и «inclusion».

5. В ином случае «притеснение» доминирующей культуры способно не просто привести к серьезным противостояниям, агрессии, но и к подрыву ее интегративных функций, отраженных в государственном устройстве.

на то что развитие понятия локализовано в конкретном «регионе» социальных наук, представления о взглядах на реализацию культурного гражданства делятся как минимум на два лагеря, которые Г. Деланти предлагает атрибутировать дисциплинарно: 1) позиция политической теории (*political theory*), развиваемая Р. Розалдо и У. Кимликой; 2) позиция социологии культуры (*cultural sociology*), развиваемая Н. Стивенсоном, Т. Миллером и (частично) А. Онг (Delanty, 2002). Заметим: мы рискнули бы сделать еще один шаг дальше, отметив, что различия этих перспектив не только и не столько дисциплинарные, сколько территориально-эпистемические (Кисленко, 2020; Kislenco, 2021). В них считается не только разный подход к выделению аналитических категорий, но и существенная разница в том, от каких контекстов (характеризующихся определенными условиями конкретных государств и *a fortiori* территорий) и эмпирических примеров соответствующие определения выводились, однако это требует отдельных уточнений. В общем виде дисциплинарные различия выражаются в том, что политическая теория опирается на нормативную позицию и отталкивается от таких понятий, как «власть», «государство», «демократия», «права» (Janoski, Gran, 2002); тогда как культурсоциология опирается на позицию наблюдателя и оперирует такими понятиями, как «культурное производство», «сообщество», «солидарность», «инклюзия/эксклюзия» (Delanty, 2002a). В упрощенном виде политико-теоретическая перспектива сводима к тому, что гражданство и его аспекты «вырастают» из государства, тогда как культурсоциологическая описывает гражданство как продукт сообщества (Isin, Turner, 2002).

Если же обратить внимание на социальную историю формулировки и развития понятия «культурное гражданство», в рамках двух упомянутых дисциплин, то обнаруживаются и территориально-эпистемические коннотации соответствующего разделения. С одной стороны, существует контекст США, Австралии (Pakulski, 1997), Канады (Кумlicka, 2011), а также Великобритании (Кумlicka, Norman, 2000), где, как отмечали авторы, следующие эволюционистской логике, культура стала новым аспектом гражданства (Rosaldo, 1994). Данная эволюционистская логика соотносится с подходом Т. Х. Маршалла, выделившего три последовательно выводимых аспекта гражданства: гражданский, политический и социальный (Marshall, 1964). Культурное гражданство и права на репрезентацию — очередной шаг в устройстве этих стран, где солидарность развивается с гарантией равноправия (Rawls, 1963; Parsons, 1965), которая достигается преимущественно юридическими инструментами: чем больше прав, тем больше свобод и единения (Кумlicka, 2011; Rosaldo, 1994).

С другой стороны, существуют контексты, где статус гражданина имеет инертный и нейтральный характер или может даже быть точкой концентрации нежелательных и ограничивающих обязанностей. Например, Онг оригинально замечает, что китайские предприниматели, существующие в жестких рамках гражданского статуса КНР, в определенный момент нередко стремились или получить гражданство другой страны, чтобы снизить для себя последствия принадлежности к сво-

ему основному гражданству, или же снять с себя всяческие обязанности перед государством, ограничивающим свободу международной предпринимательской деятельности. Результатом такого «ухода» становилось «парадоксальное» увеличение объема сотрудничества предпринимателей — обладателей двойного гражданства с китайскими государственными компаниями (Ong, 1999).

Добавим еще, что, например, в 1990-х и 2000-х годах были такие временные промежутки, когда сам статус гражданина России был лишь «метафорой», тогда как на практике важна была именно регистрация на территории постсоветского пространства (Баньковская, 2006: 126). В этот период статус гражданства не был ценным в политическом смысле (Там же). Можно было бы даже сказать, что институт гражданства был настолько автономным, что в полной мере был дифференцирован от оснований солидарности. Более того, в этот же период, например, в Латвии, появилась существующая и по сей день категория «не-граждан», которым в один момент были открыты как европейские границы, так и границы России (Бузаев, 2007), что делало их в некотором смысле свободнее граждан этого государства. Принципиальным свойством такого контекста было то, что ценность гражданства актуализировалась не через статус гражданина, а через статус зарегистрированного/постоянно прописанного (Баньковская, 2023: 220-226). Это смещает акцент с прямой юридической связи между индивидом и государством на юридическую связь между конкретным местом, органами местной власти и индивидом, который не обязательно должен быть гражданином (Баньковская, 2023: 219-220).

Так, в описанных контекстах Китая и постсоветского пространства обнаруживается опора не столько на правовые аспекты гражданства (иначе говоря, принципы), сколько на «неформальные» и «практические» возможности субъектов, их отношения с сообществами. Перспектива социологии культуры как раз так и рассматривает гражданство, строго говоря, не в правовых, а в «практических» аспектах, где важны конкретные формы выстраивания символических и социальных границ (Lamont, Fournier, 1992), с опорой на анализ сообществ. «Гражданство» здесь является синонимом понятия «членство» (membership), метафорой, соотносящейся по форме с темой культурной инклюзии.

Два способа реализации культурного гражданства: права и культурные институты

Возвращаясь к вопросу о способах реализации культурного гражданства, отчетливо видно, что культуросоциологическая перспектива в целом занимает позицию, которую можно назвать онтологическим скептицизмом (Kusch, 2004) по отношению к гражданству в юридическом смысле. Она утверждает, что даже если у гражданина будут все возможные права — от гражданских и политических до водительских, гендерных и родительских (Hornberger, 1998; Richardson, 2017), то из этого факта не возникнут полноценная интеграция и состояние солидарно-

сти. Интеграционный потенциал опирается на индифферентность культурной системы к различиям (Galtung, 1969), а поэтому формальные права в конечном счете будут лишь оправдывать существующий порядок, то есть сами права на использование соответствующих практических умений останутся неиспользованными⁶ (Parsons, 1965). Таким образом, культурсоциологическая перспектива подводит к тому, что на практике культурное гражданство реализуется в рамках «третьих мест». В частности, это происходит в организациях, называемых культурными учреждениями, «культурными институциями»⁷ (Bennett, 1995, 2005; Dawson, 2019; Sandell, 2016; Stevenson, 2003).

«Политико-теоретическая» позиция не является столь «наивной» и однородной, как ее представляют некоторые теоретики культурного гражданства (например: Ong, 1996; Stevenson, 2010), и ее акцент на развитии правовых аспектов выдает в ней не столько ее узорность, сколько «реалистичность»⁸. Более того, напоминая еще раз о проблеме «защиты» принимающей культуры и опасности мультикультурализма (Kymlicka, 2011), политико-теоретическая позиция справляется с ней продуктивнее. Благодаря государственно-правовому регулированию и выделению конститутивно необходимых и инструментально важных (но необязательно необходимых) прав и обязанностей, «доминирующая» культура оставляет для себя шанс полноценно включить в себя как минимум те «чужие» культурные образцы (и вместе с ними социальные категории), чья интеграция будет затрагивать лишь инструментально важные, но не конститутивные правовые аспекты⁹. Указанная выше «культурсоциологическая» позиция едва ли оставляет шанс защите доминирующей культуры, полагая, что ее существующие организационные и культурные структуры и без того окажутся «невидимым» барьером, тем самым оставаясь

6. Необходимость гарантии не только прав, но и их реализации (taking benefits) неоднократно проговаривалась Т. Парсонсом и Т.Х. Маршаллом (Parsons, 1965: 1038). Мы можем сказать, что в социологии культуры эта тема получила развитие в работах Б. Бернштейна (Bernstein, 2005) и П. Бурдьё (Бурдьё, Пассрон, 2007).

7. Такое экзотическое и нередко употребляемое слово является, по всей видимости, калькированным с английского «cultural institution». Несмотря на то что его уместнее было бы перевести как «культурный институт» по аналогии, например, с «total institution», переводимым как «тотальный институт», это привело бы к изменению его смысла. Таким образом, обратим внимание, что «культурная институция» в этом контексте употребляется синонимично понятию «культурное учреждение». В качестве примеров можно упомянуть музеи, галереи, библиотеки, выставочные залы, образовательные центры, арт-кластеры и т.п. В англоязычной литературе для таких организаций есть аббревиатура GLAM+.

8. Хотя это не значит, что критика со стороны культурсоциологической перспективы несостоятельна, поскольку вполне справедливо замечалось, что подобие гражданского общества, солидарности не следует из юридической гарантии прав и формальной выдачи паспорта гражданина. Тем не менее в некоторых условиях сам факт выдачи паспорта мог быть определенного рода *ритуалом перехода*, по своей значимости выходящим за рамки номинальной выдачи очередного документа (Фетисов, 2019: 357).

9. В Конституции Российской Федерации эта процедура отражена в определении глав, доступных для корректировки, и глав, не подлежащих изменению ни при каких условиях (в частности, 1, 2 и 9 главы).

лишь в шаге от эссенциалистского понимания гражданства и интеграции (Balibar, 1988; Butler, 1975).

Так или иначе, кратко описывая оба подхода, важно отметить, что, несмотря на то что они отличаются по ряду предпосылок понимания гражданства и солидарности, а также по средствам осуществления интеграции, оба они инспирированы возникшей в сфере исследований гражданства и гражданственности проблемой миграции и мультикультурализма (Isin, Turner, 2002). Заметим, однако, что миграция здесь понимается как сложное явление, где ее субъектом могут оказаться не только мобильные индивиды, но и мобильные границы: «...если не передвигаемся мы сами, чтобы стать мигрантами, перемещаются границы, можно оказаться «за границей», не двигаясь при этом с места» (Баньковская, 2023: 216). Учитывая такой парадокс («постсоветский парадокс гражданства», как его называет Баньковская¹⁰), происходит существенное усложнение принципов интеграции в рамках конкретного государства *hic et nunc*.

Субъектно-предикатный переворот культурного гражданства

При ближайшем рассмотрении двух описанных подходов (см. табл. № 1) их различие становится не столь фундаментальным, так как смыслы, подразумеваемые двумя перспективами культурного гражданства, соотносятся с разными уровнями анализа. Культурное гражданство в «политико-теоретическом» смысле корректнее назвать «культурным аспектом гражданства» в том смысле, что «гражданство» оказывается субъектом, а «культура» — его предикатом. Культурный аспект гражданства есть легитимированные государством права на репрезентацию интегрированных социальных категорий и возможность способов действия (Kumlicka, 2011; Rosaldo, 1994). Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле, понимая гражданство как членство, скорее употребляется в значении гражданской черты культуры — то есть такой культуры, которая имеет инклюзивное свойство (Stevenson, 2003), способное, пользуясь выражением Зиммеля, предоставлять человеку *место* в социальной среде (Филиппов, 1994). В этом смысле уже культура — есть субъект, а «гражданство» — предикат.

Имеются основания полагать, что два подхода к пониманию культурного гражданства и средств его реализации не находятся в явном противоречии, поскольку атрибутированы разным типам явлений. Культурсоциологическая перспектива, как можно заметить, оказывается более широкой, чем политико-теоретическая, и выходит за рамки темы государства, прав, подчеркивая примат культуры и культуры-в-практике (в рамках сообществ) над формальными структурами государственного устройства. Это, как отмечает Г. Деланти, делает культурсоциологический подход более продуктивным для комплексного анализа гражданства, но оставляет очень много вопросов к конкретным деталям (Delanty,

10. А именно: «...не обязательно куда-то перемещаться... чтобы в одночасье стать “мигрантом” (если не “оккупантом”)...» (Баньковская, 2023: 218).

2002). Помимо решения вопроса о культурной инклюзии чужака, перед культурно-социологической перспективой встают также вопросы о защите исходной культурной вариации и способе нивелирования чрезмерно субстанциональных представлений о передаче культурных черт (Isin, Turner, 2002; Девятко, 2003). Также заметим, что обращение к культуре в целом представляет собой расширение концепции гражданства, которое совпадает с тенденцией обнаружения «многомерности» социальных явлений, а также усложнения и размытия таких понятий, как «инклюзия», «эксклюзия», «идентичность» (Телин, Филимонов, 2020; Филиппов, 2011; Silver, 1996; Lamont, 2002).

Таблица №1.

Основные различия двух подходов к пониманию культурного гражданства

Критерий	Политико-теоретический подход	Культурсоциологический подход
Актуализирующие контексты	Контекст США, Великобритании, Австралии, Канады	Контекст постсоветских стран, Китая, Аргентины
Основа развития	Государство	Сообщество
Медиум интеграции	Культурные права (права на репрезентацию)	Гражданственность (связано с «локальным сообществом» и гражданским обществом)
Операционализация	(Организация) Правовые организации, партии, политические движения, public policy Правовая деятельность	(Организация) Культурные учреждения («институции»), GLAM+ Практики культурного производства
Принцип включения инаковости	Сверху вниз	Снизу вверх
Принцип порядка	Защита статика	Обоснование динамики
Условная дисциплинарная атрибуция	Политическая теория	Социология культуры
Политическая ценность статуса гражданина	Высокая	Низкая
Способ единения человеческих связей	Механический	Органический
Способ рождения «гражданства»	Эволюционный	Эпистемический
Метод определения точек развития	Остенсивный	Субъективационный/культурное трение
Категории среднего диапазона	Этничность, национальность, раса	Социальная категория
Потенциальное явление более высокого порядка	Культура гражданственности (civic culture)	Гражданское общество (civil society)

В ходе эволюции идеи культурного гражданства в политической теории, и несмотря на возможность решить возникающие здесь проблемы в рамках «культуросоциологической» перспективы, обнаруживается важное упущение правового подхода как инструмента интеграции. Состоит оно в следующем: по мере приращения новых граней гражданства (и соответствующих им прав) интенсивность социального исключения и негативной маргинализации для отдельных категорий общества все более возрастает, и вместе с этим связи между гражданами, обладающими всеми необходимыми правами, становятся все более механическими, а значит, куда менее солидарными. Не каждый гражданин сможет выдержать постоянно нарастающий темп появления предписаний обладания теми или иными правами: получается, что их «умножение» в определенный момент будет работать против «пассивных» граждан. Одним из свойств подобной «солидарности» гражданского общества является ее несовпадение (неконгруэнтность) с обладанием юридическими правами (Edwards, 2014; Alexander, 1997), представляющими собой производные от рационального и «механического» единения.

Правовой подход к определению культурного гражданства в контексте реализации его интегративных функций ведет к проблемам отбора требуемых для интеграции и соблюдения существующих порядков прав, а также ставит вопросы об эффективности внутреннего государственного устройства. В общем виде эта проблема сформулирована как дилемма демократии: наделение множества маленьких политических единиц парламентскими полномочиями позволяет государству проводить решения демократическим образом, но оставляет невозможным решение важных вопросов, требующих единогласия. Наделение же полномочиями большой политической единицы позволяет справляться с достижением важных и сложных целей, но ущемляет демократичность принятия решений (Dahl, 1994). Это не значит, что культуросоциологическая перспектива не сталкивается с данными проблемами. Как мы отметили выше, обе перспективы на деле сфокусированы на разном, хоть и пользуются одинаковыми понятиями. Однако социология культуры позволяет фреймировать проблему интеграции (и, в частности, инклюзии) в иной форме. Добавим, что дилемму демократии в культуросоциологическом взгляде на проблему культурного гражданства получается «обойти» в силу невнимания к целостности исходной культурной вариации и при помощи введения парадоксального инклюзивного требования, которое можно представить в следующей форме: X (целостная культурная вариация) = X (исходная культурная вариация) + Y (инаковые черты).

В таком случае субстанционально представляемая солидарность при радикальном воплощении инклюзии инаковых черт (благодаря организационным структурам культурных учреждений) должна сохранять целостность сообщества, несмотря на культурные изменения, привнесенные инаковыми чертами. Причем сам механизм сохранения целостности сообщества соотносится с таким

явлением, как коммуникация (Хабермас, 2001; Delanty, 2002). В культурсоциологическом смысле фундаментальная проблема целостности сообщества с точки зрения развития культурного гражданства заключается в том, что для преодоления *status quo* «чужака» требуется «перерождение» сообщества с натурализацией культурных черт, бывших ранее инаковыми. Более того, рассмотрение культурного гражданства как процесса проблематизирует границы события интеграции, так как в заявлении на «получение» культурного гражданства его свойства принимают форму состояния, что входит в противоречие с культурсоциологической позицией (Ong, 1996; Stevenson, 2010). Остается также вопрос о приемлемости инклюзии в контексте «перерождения» сообщества, поскольку за перерождением исходного сообщества следует и перерождение идентичности интегрируемого, а это значит, что жизненные шансы его прежней идентичности окажутся под вопросом¹¹.

Культурное гражданство и культура гражданственности

Итак, культурное гражданство было рассмотрено в двух перспективах: как культурный аспект гражданства (политико-теоретический взгляд) и как гражданственность культуры (культурсоциологический взгляд). Формулировка второго значения, заметим, может вводить в заблуждение из-за близости к другому важному понятию, введенному Габриелем Алмондом и Сидни Вербой, — «культура гражданственности» (*civic culture*)¹² (у данного понятия в русском языке есть и другой перевод: «гражданская культура» (Алмонд, Верба, 1992)). Более того, культурное гражданство и культура гражданственности по своему устройству также напоминают «отражения» друг друга¹³.

Культура гражданственности является свойством политической культуры, относящейся к политической системе общества, характеризующегося (со)участием (*participation*) индивидов, доверием друг к другу, включенностью в политические сообщества и высокой демократичностью социальных институтов (Almond, Verba, 1963). Алмонд и Верба прямо продолжают теоретико-методологический проект Парсонса, ставя перед собой задачу определить условия существования демократии в современных государствах. Важно заметить, что культура гражданственно-

11. Такой ход событий нельзя считать уничтожением идентичности, поскольку идентичность будет существовать у других представителей соответствующей символической общности, но в нормативном ключе такое явление можно назвать «апроприацией», продуктом системной власти (Domhoff, 2017), а также культурным насилием (Galtung, 1969). Кроме того, оправдание такого положения будет отсылать к позиции философского либерализма, перекладывающей ответственность за сохранение идентичности на ее обладателя, что вступает в противоречие со стартовым коммунитарным (и частично республиканским) сентиментом обсуждаемой парадигмы гражданства.

12. Здесь мы используем перевод, соответствующий употребляемому в других научных русскоязычных статьях.

13. По такому принципу можно сформулировать две пары понятий: культурное гражданство/культурная гражданственность, культура гражданственности /гражданская культура.

сти, подобно аспектам гражданства у Маршалла, является условием, для достижения которого гражданам требуется пройти определенное развитие: прихожанин (parochial), подданный (subject), участник (participant) (Almond, Verba, 1963: 17-20). Культура в политико-теоретическом смысле оказывается здесь необходимым аспектом гражданства, позволяющим из неполноценных граждан, интегрированных лишь в демократические правовые регламенты (policy), сделать полноценных участников, а значит, и носителей определенной политической и гражданской культуры. Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле входит в некоторое противоречие с культурой гражданственности, так как не разделяет эволюционистского и в некотором смысле колониального сентимента, позволяющего измерять по шкале от низшего к высшему уровень данной культуры и, соответственно, демократичности.

Как таковое «культурное гражданство» (обоих видов) не в полной мере встраивается в теорию культуры гражданственности, поскольку последняя аналитически представляется универсальной структурой, достижение которой гарантирует равноправие, политическое участие (participation) и демократию (Almond, Verba, 1963). Культурное гражданство подразумевает право на репрезентацию и инклюзию культурных различий, тогда как культура гражданственности требует преданного (allegiant) следования конкретно выделенным универсальным культурным чертам, обеспечивающим демократическую культуру. Надо заметить, что в такой же универсальной форме определяет мультикультурализм в своих более поздних работах и Ю. Хабермас (Habermas, 1995). В процессе дальнейших пересмотров теории культурного гражданства (Dalton, Welzel, 2014) отмечаются сдвиги и в культуре гражданственности, подразумевающие защиту своей идентичности (и формулировку соответствующих прав), а также развитие данной культуры в глобальном и массовом контексте (Street, 1994). При учете соответствующих видоизменений культурное гражданство в политико-теоретическом значении является, с одной стороны, «виновником» соответствующих изменений, а с другой стороны, дополнительным условием построения культуры гражданственности.

Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле, «нацеленное» не столько на развитие политического участия и демократии (хотя и ориентирующимся на них тоже), сколько на обнаружение способа солидаризации и создания органического единения, отходит от поиска универсальных правил и формулировки юридических прав. В этом ключе культурное гражданство является процессом, необходимым для развития гражданского общества в социологическом смысле (Alexander, 1997; Edwards, 2014). Причем гражданское общество представляется здесь оптимальным демократическим распределением власти, позволяющим «работать» с соответствующим уровнем культурной гегемонии (подробнее см.: Gaventa, 2011).

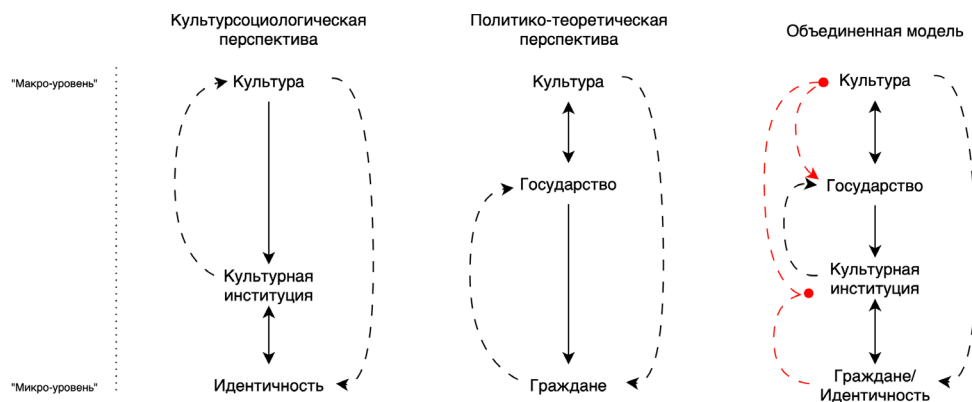

Рис. № 1. Иерархические схемы вариативных влияний в рамках разных перспектив культурного гражданства¹⁴.

Медиум инклюзии: культурная институция как конкретный пример реализации культурного гражданства (вместо заключения)

Обосновав основания политико-теоретического и культуросоциологического подходов аналитически, необходимо представить их на организационном уровне, поскольку как решения государственной политики реализуются благодаря структурам конкретных учреждений, так и интересы сообществ реализуются благодаря самоорганизации или же при формальной институциональной поддержке. Более того, для обеих перспектив включенность индивидов в конкретные организации (иначе невозможно быть встроенным в механизмы интеграции и защищать свои интересы) является важным (хотя и не исчерпывающим) фактором солидарности (Alexander, 1997; Kymlicka, 2011; Rosaldo, 1994; Stevenson, 2010). Политико-теоретическое определение культурного гражданства в таком случае описывает принципы, по которым происходит взаимодействие между организацией и государством (и далее — системой культуры). Культуросоциологическое определение основывается на принципах, по которым происходит взаимовлияние идентичностей, сообществ и культурных институций. Политико-теоретическая конструкция, будучи статичной, составляет ограничивающую среду для динамической культуросоциологической; обе конструкции одновременно с этим находятся под влиянием системы культуры как среды высшего порядка. В таком понимании культурное гражданство не требует дисциплинарного разделения, поскольку обе перспективы могут быть комплементарными.

Более того, в процессе сосредоточения внимания предмета культурного гражданства на принципах работы формальных организаций сама его теоретическая

14. Стрелка обозначает направление влияния. Непрерывная линия — прямое влияние. Пунктирная линия — косвенное. Красная линия — гипотетическое устройства процесса культурного гражданства.

конструкция приобретает форму гипотезы для эмпирических исследований (см. рис. 1). Дело в том, что предметом исследований культурного гражданства является, кратко говоря, преодоление (в нормативной перспективе) и анализ (в позитивистской перспективе) культурных различий в процессе интеграции представителей иных культур; однако культурное гражданство не предоставляет готового ответа, но лишь гипотетические формулы того, как могут решаться описанные ранее сложности интеграции. Культурное гражданство — именно способ социологического видения, но не решение социальной, нормативно нагруженной проблемы. Культурное гражданство в общем виде — процесс инклюзии инаковых культурных черт интегрируемых социальных категорий, сопровождающийся встраиванием соответствующих черт в организационные структуры агентов культурного производства принимающей культурной вариации.

Культурные институции (то же, что организации и учреждения) понимаются здесь как пространства построения культурного гражданства (Bennett, 2005; Dawson, 2019; Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018; Sandell, 2003; DiMaggio, 1992). Это места концентрации культурного производства (Haugaard, 2012, 2021; Lukes, 2005). Властные агенты в рамках подобных институций способны осуществлять два типа воздействия, которые П. Бакрак и М. Баратц назвали «организационным включением» (“organize-in”) и «организационным исключением» (“organize-out”) (Bachrach, Baratz, 1962) тех или иных требований или репрезентаций. Каждая из способностей служит практическим интересам властного агента или доминирующей культурной вариации и распространяет свое влияние на уровень культуры, предъявляет требования к нарративам и репрезентациям.

Перспектива культурного гражданства в рамках его реализации в культурных институциях продуктивно дополняется идеей структуры «выставочного комплекса»¹⁵ (exhibitionary complex) Т. Беннетта (Bennett, 2004), поскольку культурное гражданство, встраиваемое через публичные репрезентации, обнаруживает себя в том, как встраиваются критерии допуска тех или иных образов к структурам выставочного комплекса. Например, следствием формулировки таких критериев может быть официально утвержденный набор книг в библиотеках или книжных магазинах, а также, например, деятельность краеведческих музеев, репрезентирующая канонические черты местной идентичности (Gavrilova, 2022; Максимова, 2017; Степанов, 2014). В результате формируется механизм включения организационно закрепленных и потенциально инаковых черт на уровне государства и культуры. Заметим: деятельности выставочных пространств и музеев, в частности, придается особое значение в развитии культурного гражданства (Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018; Dahlgren, Hermes, 2013; Kangas, Vestheim, 2010). Музеи

15. Понятие, заимствованное из области музейно-выставочной практики, которое было транслировано на уровень исследований государственной политики; оно описывает процесс, в котором соединены явные и неявные инструменты допуска тех или иных произведений, вписываемых в структуру кураторского проекта выставки, который в своей финальной форме является единым и «репрезентативным» комплексом экспонатов. Ярким художественным и подчас буквальным примером использования такой логики является эссе А. Монастырского «ВДНХ — столица мира».

оказываются пространствами между «элитарной» и «популярной» культурами (Dahlgren, Hermes, 2013; Sandell, 2003), между государственным контролем и интересами сообществ (Bennett, 2004; Pruuilmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018). Музеи выстраивают «горизонты», с ориентиром на которые формируется культурное гражданство (и культура гражданственности в целом); принципиальная важность придается им по той причине, что они оказываются одной из сред «повседневных практик», где может «тренироваться» участие (participation), воспроизводиться формат членства (membership) и взаимовлияния (Dahlgren, Hermes, 2013). Заметим, что если линия между сообществом и организацией не оказывается двусторонней, то культурная институция превращается в место воспроизводства доминирующей культуры или в «убежище», т. е. гетто, для «чужих», но не в место инклюзии иной идентичности.

Акт инклюзии (inclusion), которым «оперирует» культурная институция, заключается в возможности обладать равным с другими участниками правом на членство в сообществе, стоящем за культурной институцией, открыто предъявляя черты собственной инаковости. Возможность предъявить свою инаковость — основополагающий критерий инклюзии, отличающий его от ассимиляции (Parsons, 1965). Участие подразумевает разделение, во-первых, культурных ценностей всего общества, а во-вторых, его интересов. Инклюзия предполагает возможность равноправного участия в символически значимых событиях (Stichweh, 2002) и в производстве их репрезентации (Alexander, 2006). Более того, реализация включения тем ценнее и эффективнее, чем выше вероятность быть исключенным (Stichweh, 2002). Поэтому построение культурного гражданства не может основываться на положениях космополитизма, отстаиваемых Н. Стивенсоном и другими авторами (Stevenson, 2003; Miller, 2006), в том числе и по причине возникновения проблемы защиты исходной культурной вариации. Идея инклюзии подразумевает возможность воспроизводить значимые черты своей идентичности в рамках репрезентации символически значимого события на равных условиях с другими участниками. Символически значимые события, о которых мы говорим, — это коллективные действия, чья символическая значимость определяется изучением конкретного культурного контекста, где обнаруживаются непосредственные критерии включения и исключения (Parsons, 1965: 1051), — в этом смысле культурное гражданство требует эмпирически фундированных исследований.

Учитывая цель инклюзии инаковых культурных черт, перед средой, создаваемой культурной институцией, встают две проблемы, не имеющие однозначного решения. Первая проблема связана с тем, как и кто должен инициировать предъявление инаковых черт миноритарных групп. Проблему можно решить, если мы примем позицию, что стремление защищать свою идентичность — это универсальная «патриотическая» установка, присущая представителям любых культур, однако эта же прескрипция является и репрессивным требованием. По всей видимости, наиболее адекватным решением является «инклюзивное бездействие» институции (в нейтрально либеральных тонах), поскольку это позволяет работать

над включением как минимум элементов культур тех социальных категорий, для которых это (включение и репрезентация) конститутивно важно (Sen, 2000). Нетронутыми остаются, наверное, наиболее сложные социальные категории — те, которые вследствие «системного насилия»/власти символического насилия (Бурдье, 2007) не выражают своего притязания, однако решение этой проблемы требует отдельного внимания.

Вторая проблема, как мы уже ранее писали, заключается в преодолении *status quo ante* «чужака», обладающего при всех прочих темпоральным аспектом (Баньковская, 2020). Институтация и доминирующее сообщество исходят из опыта существования без «нового элемента». Следовательно, чужак, включаясь в новое сообщество, останется чужаком, пока оно не «переродится» в новое, то есть не станет «другим сообществом», включающим его новые ценности и интересы. Гипотетически данная задача может быть решена с опорой на ритуалы перехода, создающие лиминальную ситуацию, когда ценности сообщества и чужака оказываются в состоянии взаимопроникновения (Тэрнер, 1983). Так или иначе, сам процесс фиксации инаковости и взаимовлияния «культуры» и индивида, описываемый в сложном интересубъективном «культурном процессе» (Lamont et al., 2014), остается туманным и требующим опоры на эмпирические исследования.

Литература

- Александр Дж., Куракин Д. Ю. (2012). Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. № 3. С. 5-40.
- Альтюссер Л. (2011). Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Т. 77. № 3. С. 14-58.
- Алмонд Г., Верба С. (1992). Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. № 4. С. 32-43.
- Бабаян И. В., Ярская В. Н. (2013). Культурное гражданство детей из семей мигрантов: потенциал и ограничения школьной интеграции // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 2. С. 251-256.
- Баньковская С. П. (2006). Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Полис. № 4. С. 120-126.
- Баньковская С. П. (2007). Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. С. 75-87.
- Баньковская С. П. (2020). Темпоральная феноменология инаковости у А. Шюца // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 212-225.
- Баньковская С. П. (2023). Чужаки и границы: Исследование по социологии маргинальности. СПб.: Владимир Даль.
- Бузаев В. (2007). Неграждане Латвии. URL: http://www.lhrc.lv/biblioteka/Negrzhdane_Latvii.pdf (дата доступа: 26.08.2023).
- Бурдье П. (2001). Практический смысл. СПб.: Алетейя.

- Бурдые П. (2007). Социология социального пространства. М.–СПб.: Алетейя.
- Бурдые П., Пассрон Ж.-К. (2007). Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение.
- Гоббс Т. (1989). Томас Гоббс. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Мысль.
- Дарендорф Р. (2002). Тропы из утопии. М.: Праксис.
- Девятко И. Ф. (2003). Социология с практической точки зрения: к критике современных теорий практики // Новое и старое в теоретической социологии. М.: Изд-во Института социологии РАН. С. 61-80.
- Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда. М.: Канон.
- Зиммель Г. (2002). Большие города и духовная жизнь // Логос. Т. 34. № 3. С. 1-12.
- Кисленко И. Ю. (2020). О роли понятий «глобальный Север-Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 2. С. 116-128.
- Максимова А. С. (2017). «Вторая память» в малых городах: типы краеведческой нейтральности и развитие локальной истории // Историческая экспертиза. № 3. С. 76-80.
- Мосс М. (2011). Общества. Обмен. Личность. М.: Книжный дом Университет.
- Степанов Б. Е. (2014). «Держаться корней»: старожилы и краеведы Царицыно в новом веке // Царицыно: аттракцион с историей / Н. В. Самутина, Б. Е. Степанов (ред.). М.: НЛО. С. 366-397.
- Телин К. О., Филимонов К. Г. (2020). Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 35-73.
- Фетисов М. С. (2019). От «учета, разгрузки, очистки» к праву гражданства: антропология советского паспорта // Социологическое обозрение. Т. 18. № 3. С. 345-358.
- Филиппов А. Ф. (1994). Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Г. Зиммеля // Социологический журнал. № 2. С. 65-81.
- Филиппов А. Ф. (2023). Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 1. С. 51-70.
- Хабермас Ю. (1993). Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Вып. 2. С. 123-136.
- Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого // Очерки политической теории. СПб.: Наука.
- Шюц А. (2004) Чужак: социально-психологический очерк // Шюц А. Мир, светящийся смыслом / Пер. В. Г. Николаева. М.: РОССПЭН. С. 533-549
- Ярская-Смирнова Е. Р. (1997). Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Издательство СГТУ.
- Alexander J. C. (1997). The paradoxes of civil society // International Sociology. Vol. 12. № 2. P. 115-133.
- Alexander J. C. (2006). The meanings of social life: A cultural sociology. Oxford University Press.
- Almond G. A., Verba S. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton: Princeton university press.

- Bachrach P., Baratz M. S.* (1962). Two faces of power // *The American Political Science Review*. Vol. 56. № 4. P. 947-952.
- Balibar E.* (1988). Propositions on citizenship // *Ethics*. Vol. 98. № 4. P. 723-730.
- Balibar E.* (2005). Difference, Otherness, Exclusion // *Parallax*. Vol. 11. № 1. P. 19-34.
- Beaman J.* (2016). Citizenship as Cultural: Towards a Theory of Cultural Citizenship // *Sociology Compass*. Vol. 10. № 10. P. 849-857.
- Bennett T.* (1995). *The Birth of the Museum. History, theory, politics*. London and New York: Routledge.
- Bennett T.* (2004). The exhibitionary complex // *Grasping the World* / D. Preziosi, C. Farago (ed.). London: Routledge. P. 413-441.
- Bennett T.* (2005). Civic Laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social // *Cultural Studies*. Vol. 19. № 5. P. 521-547.
- Bernstein B.* (2005). *Theoretical studies towards a sociology of language*. London: Routledge.
- Buikema R., Buysse A., Robben A. C.G. M.* (eds.). (2020). *Cultures, Citizenship and Human Rights*. New York: Taylor & Francis Group.
- Bourdieu p.* (1991). *Language and Symbolic Power*. Oxford: Polity Press.
- Brubaker R.* (2015). *Grounds for Difference*. Cambridge: Harvard University Press.
- Butler J.* (1975). Of personal identity // *Personal identity* / J. Perry (ed.). Oakland: University California Press. P. 99-105.
- Dahl R. A.* (1994). A democratic dilemma: system effectiveness versus citizen participation // *Political science quarterly*. Vol. 109. № 1. P. 23-34.
- Dahlgren P., Hermes J.* (2013). The democratic horizons of the museum: Citizenship and culture // *The international handbooks of museum studies* / A. Whitcomb, K. Message (eds). Maldon: Wiley Blackwell. P. 117-138.
- Dalton J., Welzel C.* (eds.). (2014). *The civic culture transformed: From allegiant to assertive citizens*. Cambridge University Press.)
- Dawson E.* (2019). *Equity, Exclusion and Everyday Science Learning*. London: Routledge.
- Delanty G.* (2002a). Two Conceptions of Cultural Citizenship: A Review of Recent Literature on Culture and Citizenship // *The Global Review of Ethnopolitics*. № 1. P. 60-66.
- Delanty G.* (2002b). Communitarianism and citizenship // *Handbook of citizenship studies* / E. F. Isin, B. S. Turner (eds). London: Sage. P. 159-174.
- DiMaggio P.* (1992). Cultural boundaries and structural change: the extension of the high culture model to theater, opera, and the dance, 1900-1940 // *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality* / M. Lamont, M. Fournier (ed.). Chicago, Illinois: University of Chicago Press. P. 21-57.
- Domhoff G. W.* (ed.). (2017). *The power elite and the state*. London: Routledge.
- Du Bois W. E.B.* (1996). *The souls of black folk*. London: Penguin Classics.
- Edwards M.* (2014). *Civil Society*. Cambridge- Malden: Polity Press.
- Galtung J.* (1967). *Theories of Peace A Synthetic Approach to Peace Thinking*. Oslo: International Peace Research Institute.

- Galtung J.* (2016). Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
- Gaventa J.* (2019). Applying power analysis: using the ‘powercube’ to explore forms, levels and spaces // *Power, Empowerment and Social Change* / R. McGee, J. Pettit (eds.). London: Routledge. P. 117–138.
- Gavrilova S.* (2023). *Russia’s Regional Museums // Representing and Misrepresenting Knowledge About Nature, History, and Society*. London-New York. Routledge: Taylor & Francis Group.
- Goffman A.* (2014). *On the run. Fugitive Life in an American City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Habermas J.* (1995). Address: multiculturalism and the liberal state // *Stanford Law Review*. P. 849–853.
- Habermas J.* (2001). *The inclusion of the other: Studies in political theory*. SPb.: Nauka.
- Haugaard M.* (2012). Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment // *Journal of Political Power*. Vol. 5. № 1. P. 33–54.
- Haugaard M.* (2021). The four dimensions of power: conflict and democracy // *Journal of Political Power*. Vol. 14. № 1. P. 153–175.
- Hornberger N.H.* (1998). Language policy, language education, language rights: Indigenous, immigrant, and international perspectives // *Language in society*. Vol. 27. № 4. P. 439–458.
- Isin E.F., Turner B.S.* (2002). *Citizenship studies: An Introduction // Handbook of Citizenship Studies* / E.F. Isin, B.S. Turner (eds.). London: Sage. P. 1–340.
- Janoski T., Gran B.* (2002). Political citizenship: Foundations of rights // *Handbook of citizenship studies* / E.F. Isin, B.S. Turner (eds.). London: Sage. P. 13–52.
- Kangas A., Vestheim G.* (2010). Institutionalism, cultural institutions and cultural policy in the Nordic countries // *Nordisk kulturpolitisk tidsskrift*. Vol.13. № 2. P. 267–284.
- Keane W.* (2018). On Semiotic Ideology // *Signs and Society*. Vol. 6. № 1. P. 64–86.
- Kislenko I.* (2021). Debates on Global Sociology: ‘Unity and Diversity’ of Interpretations // *The American Sociologist*. Vol. 52. № 3. P. 579–590.
- Kusch M.* (2004). Rule-scepticism and the sociology of scientific knowledge: The Bloor-Lynch debate revisited // *Social Studies of Science*. Vol. 34. № 4. P. 571–591.
- Kymlicka W.* (2011). Transitional justice, federalism, and the accommodation of minority nationalism // *Ethnicities*. Vol.11. № 3. P. 281–302.
- Kymlicka W., Norman W.* (2000). *Citizenship in Diverse Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Lamont M., Beljean S., Clair M.* (2014). What is missing? Cultural processes and causal pathways to inequality // *Socio-Economic Review*. Vol. 12. № 3. P. 573–608.
- Lamont M., Fournier M.* (1992). Introduction // *Cultivating Differences* / M. Lamont, M. Fournier (eds.). Chicago, Illinois: University of Chicago Press. P. 3–12
- Lamont M., Molnár V.* (2002). The study of boundaries in the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. P. 167–195.
- Lukes S.* (2005). *Power: A Radical View*. New York: Palgrave Macmillan.

- Marshall T. H.* (1950). *Citizenship and social class* // *Marshall T. H.* *Citizenship and social class, and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-85.
- Marshall T. H.* (1964). *Class, citizenship and social development*. New York: Doubleday & Company.
- Mirzoeff N.* (2020). Persistent looking in the space of appearance #BlackLivesMatter // *Cultures, Citizenship and Human Rights* / R. Buikema, A. Buyse, A. C.G.M. Robben (eds.). New York: Taylor & Francis Group. P. 11-30.
- Ong A., Dominguez V.R., Friedman J., Schiller N.G., Stolcke V., Wu D. Y.H., Ying H.* (1996). Cultural Citizenship as Subject-Making // *Current Anthropology*. Vol. 37. № 5. P. 737-762.
- Ong A.* (1999). *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*. Durham: Duke University Press.
- Parsons T.* (1965). Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem // *Daedalus*. Vol. 94. № 4. P. 1009-1054.
- Pruulmann-Vengerfeldt P., Runnel p.* (2018). The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment // *The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication* / K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, K. C. Schröder (eds.). London: Routledge. P. 143-158.
- Rawls J.* (1963). Constitutional Liberty and the Concept of Justice // *Nomos VI: Justice* / C. J. Friedrich, J. W. Chapman (eds.). New York: Sutton Books.
- Richardson D.* (2017). Rethinking sexual citizenship // *Sociology*. Vol. 51. № 2. P. 208-224.
- Rojek C., Turner B. S.* (2001). *Society and Culture*. London: Sage.
- Rorty R.* (1999). *Philosophy and social hope*. Penguin UK. P. 252-255.
- Rosaldo R.* (1994). Cultural Citizenship and Educational Democracy // *Cultural Anthropology*. Vol. 9. № 3. P. 402-411.
- Sandell R.* (2003). Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change // *Museum and Society*. Vol. 1. № 1. P. 45-62.
- Sandell R.* (2016). *Museums, moralities and human rights*. London: Routledge.
- Sen A.* (2000). *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. Manila: Office of Environment and Social Development. Asian Development Bank. URL: <https://gsdrc.org/document-library/social-exclusion-concept-application-and-scrutiny/> (Дата доступа: 17.04.2023).
- Silver H.* (1994). Exclusion-paradigms // *International Labour Review*. Vol. 133. Iss. 5-6. P. 531-578.
- Silver H.* (2012). The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept // *SSRN Electronic Journal*. October. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1087789 (дата доступа 14.04.2023).
- Stevenson N.* (2003). Cultural Citizenship in the 'Cultural' Society: A Cosmopolitan Approach // *Citizenship Studies*. Vol. 7. № 3. P. 331-348.
- Stevenson N.* (2010). Cultural citizenship, education and democracy: Redefining the good society // *Citizenship Studies*. Vol. 14. № 3. P. 275-291.
- Stevenson N.* (2020). Cultural citizenship // *The Transformation of the Media*. Vol. 2. № 3. P. 59-91.

- Stichweh R.* (2002). Strangers, Inclusions, and Identities // *Soziale Systeme*. Vol. 8. № 1. P. 101–109.
- Street J.* (1994). Political culture—From civic culture to mass culture // *British Journal of Political Science*. Vol.24. № 1. P. 95–113.
- Taylor C.* (1994). *Multiculturalism: Examining the politics of recognition*. Princeton: Princeton University Press

Cultural Citizenship: Definitions and Empirical Contextualization

Danila V. Ivanov

Research Intern at the International Laboratory for Social Integration Research
HSE University
Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation
E-mail: d.ivanov@hse.ru

Tatiana A. Vlasova

PhD in Philosophy, Senior Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research
HSE University
Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation
E-mail: tavlasova@hse.ru

Roman N. Abramov

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences, Leading Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research HSE University
Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation
E-mail: rabramov@hse.ru

The article develops an approach to the conceptualization of “cultural citizenship”, which is used to describe the issues of overcoming cultural differences in the process of integration and social inclusion. Cultural citizenship is one of the concepts that develop the paradigms of citizenship and civic consciousness that exist in the tradition of political theory and sociology of culture. The purpose of the article is to develop a sociological approach to “cultural citizenship”, based on such existing family concepts as citizenship (membership), solidarity, identity. The first part of the article compares the legal and sociological interpretations of citizenship and their relationship with the cultural aspect of citizenship. In the second part, based on this comparison, the subject and central problems of cultural citizenship in the social sciences are formulated. In the third part, two approaches to the definition of cultural citizenship are analyzed. The first approach leans towards political theory and defines the state as a source of citizenship, focusing on legal instruments of integration. The second leans towards cultural sociology and defines community as a source of citizenship, focusing on integrative practices of cultural production. The analysis of the two approaches in the final part actualizes the empirical study of cultural citizenship as a process implemented at the organizational level. Cultural citizenship, in this vein, is defined as the process of two-sided inclusion of ‘strange’ and ‘different’ cultural traits of dominant and minoritarian social category with respect to the integrity of the dominant cultural variation. The main operationalization of the organizational level finds itself in “cultural institutions” (e.g., exposition halls, museums, libraries, etc.) that are supposed to play a key role in the cultural citizenship process.

Keywords: cultural citizenship, solidarity, cultural institutions, organization, cultural difference, inclusion

References

- Alexander J. C. (1997) The paradoxes of civil society. *International Sociology*, vol.12, no 2, pp. 115-133.
- Alexander J. C. (2006) *The meanings of social life: A cultural sociology*, Oxford University Press.
- Alexander J., Kurakin D. Ju. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sociological Journal*, no 3, pp. 5-40.
- Almond G. A., Verba S. (1963) *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*, Princeton: Princeton university press.
- Almond G., Verba S. (1992) Civic Culture and the Stability of Democracy. *Polis*, no 4, pp. 32-43.
- Althusser L. (2011) Ideology and Ideological State Apparatuses (Research Notes). *Neprikosnovenny zapas*, no 3(77), pp. 14-58. (In Russian)
- Babajan I. V., Jarskaja V. N. (2013) Kul'turnoe grazhdanstvo detej iz semej migrantov: potencial i ogranichenija shkol'noj integracii [Cultural citizenship of children from migrant families: the potential and limitations of school integration]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 11, no 2, pp. 251-256.
- Bachrach P., Baratz M. S. (1962) Two faces of power. *The American Political Science Review*, vol. 56, no 4, pp. 947-952.
- Balibar E. (1988) Propositions on citizenship. *Ethics*, vol. 98, no 4, pp. 723-730.
- Balibar E. (2005) Difference, Otherness, Exclusion. *Parallax*, vol. 11, no 1, pp. 19-34.
- Bankovskaya S. P. (2006) Migracija, svoboda i grazhdanstvo: paradoksy marginalizacii [Migration, Freedom and Citizenship: paradoxes of marginalization]. *Polis*, no 4, pp. 120-126.
- Bankovskaya S. P. (2023) *Chuzhaki i granitsy: Issledovaniye po sotsiologii marginal'nosti* [Strangers and Borders: A Study in the Sociology of Marginality], Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'.
- Bankovskaya S. P. (2007) Drugoj kak jelementarnoe ponjatie social'noj ontologii [Other as an elementary concept of social ontology]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 1, pp. 75-87.
- Bankovskaya S. P. (2020) Temporal'naja fenomenologija inakosti u A. Shjuca [A. Schütz's Temporal Phenomenology of Otherness]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia: Sociology*, vol. 20, no 2, pp. 212-225.
- Beaman J. (2016) Citizenship as Cultural: Towards a Theory of Cultural Citizenship. *Sociology Compass*, vol. 10, no 10, pp. 849-857.
- Bennet T. (1995) *The Birth of the Museum. History, theory, politics*, London and New York: Routledge.
- Bennett T. (2004) The exhibitionary complex. *Grasping the World* (eds. D. Preziosi, C. Farago), London: Routledge, pp. 413-441.
- Bennett T. (2005) Civic Laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social. *Cultural Studies*, vol. 19, no 5, pp. 521-547.
- Bernstein B. (2005) *Theoretical studies towards a sociology of language*, London: Routledge.
- Buikema R., Buysse A., Robben A. C. G. M. (eds.) (2020) *Cultures, Citizenship and Human Rights*, New York: Taylor & Francis Group.
- Bourdieu p. (1991) *Language and Symbolic Power*, Oxford: Polity Press.
- Bourdieu p. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical sense], Moscow: Aletejja.
- Bourdieu p. (2007) *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Moscow-Saint-Peterburg: Aletejja.
- Bourdieu P., Passeron J.-K. (2007) *Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovanija* [Reproduction: theoretical elements in Education system], Moscow: Prosveshhenie.
- Brubaker R. (2015) *Grounds for Difference*, Cambridge: Harvard University Press.
- Butler J. (1975) Of personal identity. *Personal identity* (ed. J. Perry), Oakland: University California Press, pp. 99-105.
- Buzaev V. (2007) Negrazhdane Latvii [Non-citizens of Latvia]. Available at http://www.lhrc.lv/biblioteka/Negrazhdane_Latvii.pdf. (accessed 26.08.2023)

- Dalton J., Welzel C. (eds.). (2014) *The civic culture transformed: From allegiant to assertive citizens*, Cambridge University Press.)
- Dawendorf R. (2002) *Tropy iz utopii* [Paths of Utopia], Moscow: Praksis.
- Dawson E. (2019) *Equity, Exclusion and Everyday Science Learning*, London: Routledge.
- Delanty G. (2002a) Two Conceptions of Cultural Citizenship: A Review of Recent Literature on Culture and Citizenship. *The Global Review of Ethnopolitics*, no 1, pp. 60-66.
- Delanty G. (2002b) Communitarianism and citizenship. *Handbook of citizenship studies* (E. F. Isin, B. S. Turner eds), London: Sage, pp. 159-174.
- Devjatko I. F. (2003) Sociologija s praktičeskoj točki zrenija: k kritike sovremennyh teorij praktiki [Sociology from a Practical Point of View: a Critique of Modern Theories of Practice]. *New and old in theoretical sociology*, Moscow: Institut sociologii of RAS, pp. 61-80.
- DiMaggio p. (1992) Cultural boundaries and structural change: the extension of the high culture model to theater, opera, and the dance, 1900-1940. *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality* (eds. M. Lamont, M. Fournier), Chicago, Illinois: University of Chicago Press, pp. 21-57.
- Domhoff G. W. (eds.). (2017) *The power elite and the state*, London: Routledge.
- Du Bois W. E. B. (1996) *The souls of black folk*, London: Penguin Classics.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshhestvennogo truda* [On Division of Labour], Moscow: Kanon.
- Edwards M. (2014) *Civil Society*, Cambridge- Malden: Polity Press.
- Fetisov M. (2019) Ot "ucheta, razgruzki, ochistki" k pravam grazhdanstva: antropologiya sovetskogo pasporta [From "Recording, Unloading, Purging" to the Right of Citizenship: Anthropology of the Soviet Passport]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 345-358.
- Filippov A. F. (1994) Obosnovanie teoreticheskoy sociologii: vvedenie v koncepciju G. Simmelja [Justification of theoretical sociology: an introduction to the concept of G. Simmel]. *Sociological Journal*, no 2, pp. 65-81.
- Filippov A. F. (2023) Tsennosti i mobilizatsiya: k dinamike steril'nogo vozvuzhdeniya [Values and mobilization: towards the dynamics of sterile excitement]. *Russia in Global policy*, vol. 21, no 1, pp. 51-70.
- Galtung J. (1967) *Theories of Peace A Synthetic Approach to Peace Thinking*, Oslo: International Peace Research Institute.
- Galtung J. (2016) Cultural Violence. *Journal of Peace Research*, vol. 27, no 3, pp. 291-305.
- Gaventa J. (2019) Applying power analysis: using the 'powercube' to explore forms, levels and spaces. *Power, Empowerment and Social Change* (eds. R. McGee, J. Pettit), London: Routledge, pp. 117-138.
- Gavrilova S. (2023) Russia's Regional Museums. *Representing and Misrepresenting Knowledge About Nature, History, and Society*, London & New York, Routledge: Taylor & Francis Group.
- Goffman A. (2014) *On the run. Fugitive Life in an American City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Habermas J. (1993) Otnosheniya mezhdu sistemoi i zhiznennym mirom v usloviyah pozdnego kapitalizma [The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. *Thesis*, issue 2, pp. 123-136.
- Habermas J. (1998) *The inclusion of the other: studies in political theory*, Oxford: Polity Press.
- Haugaard M. (2012) Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment. *Journal of Political Power*, vol. 5, no 1, pp. 33-54.
- Haugaard M. (2021) The four dimensions of power: conflict and democracy. *Journal of Political Power*, vol. 14, no 1, pp. 153-175.
- Hobbes T. (1989) *Tomas Gobbs. Sochineniya v 2-kh tomakh*. T. 1. [Leviathan], Moscow: Mysl'.
- Hornberger N. H. (1998) Language policy, language education, language rights: Indigenous, immigrant, and international perspectives. *Language in Society*, vol. 27, no 4, pp. 439-458.
- Kangas A., Vestheim G. (2010) Institutionalism, cultural institutions and cultural policy in the Nordic countries. *Nordisk kulturpolitisk tidsskrift*, vol.13, no 2, pp. 267-284.
- Keane W. (2018) On Semiotic Ideology. *Signs and Society*, vol. 6, no 1, pp. 64-86.
- Kislenko I. Ju. (2020) O roli ponjatij «global'nyj Sever-Jug» v global'noj sociologii. [Role of the term "Glonal North-South in global Sociology]. *Bulletin of Saint-Peterburg University. Sociology*, vol. 13, no 2, pp. 116-128.

- Kislenko I. (2021) Debates on Global Sociology: 'Unity and Diversity' of Interpretations. *The American Sociologist*, vol. 52, no 3, pp. 579-590.
- Kusch M. (2004) Rule-scepticism and the sociology of scientific knowledge: The Bloor-Lynch debate revisited. *Social Studies of Science*, vol. 34, no 4, pp. 571-591.
- Kymlicka W. (2011) Transitional justice, federalism and the accommodation of minority nationalism. *Ethnicities*, vol. 11, no 3, pp. 281-302.
- Kymlicka W., Norman W. (2000) *Citizenship in Diverse Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Lamont M., Beljean S., Clair M. (2014) What is missing? Cultural processes and causal pathways to inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573-608.
- Lamont M., Fournier M. (1992) Introduction. *Cultivating Differences* (eds. M. Lamont, M. Fournier), Chicago, Illinois: University of Chicago Press, pp. 3-12.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 167-195.
- Lukes S. (2005) *Power: A Radical View*, New York: Palgrave Macmillan.
- Maksimova A. S. (2017) "Vtoraja pamjat'" v malyh gorodah: tipy kraevedcheskoj nejtral'nosti i razvitie lokal'noj istorii ["Second Memory" in small towns: types of local history neutrality and the development of local history]. *Historical expertise*, no 3, pp. 76-80.
- Marshall T. H. (1964) *Class, citizenship and social development*, New York: Doubleday & Company.
- Mirzoeff N. (2020) Persistent looking in the space of appearance #BlackLivesMatter. *Cultures, Citizenship and Human Rights* (eds. R. Buikema, A. Buysse, A. C.G.M. Robben), New York: Taylor & Francis Group, pp. 11-30.
- Moss M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality], Moscow: Knizhnyj dom — Universitet.
- Ong A., Dominguez V. R., Friedman J., Schiller N. G., Stolcke V., Wu D. Y.H., Ying H. (1996) Cultural Citizenship as Subject-Making. *Current Anthropology*, vol. 37, no 5, pp. 737-762.
- Ong A. (1999) *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*, Durham: Duke University Press.
- Parsons T. (1965) Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem. *Daedalus*, vol. 94, no 4, pp. 1009-1054.
- Pinker S. (2003) *The language instinct: How the mind creates language*, London: Penguin.
- Pruulmann-Vengerfeldt P., Runnel P. (2018) The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment. *The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication* (eds. K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, K. C. Schröder), London: Routledge, pp. 143-158.
- Rawls J. (1963) Constitutional Liberty and the Concept of Justice. *Nomos VI: Justice* (C. J. Friedrich, J. W. Chapman eds.), New York: Sutton Books.
- Richardson D. (2017) Rethinking sexual citizenship. *Sociology*, vol. 51, no 2, pp. 208-224.
- Rojek C., Turner B. S. (2001) *Society and Culture*, London: Sage.
- Rorty R. (1999) *Philosophy and social hope*, Penguin UK, pp. 252-255.
- Rosaldo R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy. *Cultural Anthropology*, vol. 9, no 3, pp. 402-411.
- Sandell R. (2003) Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change. *Museum and Society*, vol. 1, no 1, pp. 45-62.
- Sandell R. (2016) *Museums, moralities and human rights*, London: Routledge.
- Sen A. (2000) *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. Manila: Office of Environment and Social Development. Asian Development Bank. URL: <https://gsdrc.org/document-library/social-exclusion-concept-application-and-scrutiny/> (accessed 17/04/2023).
- Silver H. (1994) Exclusion-paradigms. *International Labour Review*, vol. 133, issues 5-6, pp. 531-578.
- Silver H. (2012) *The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept*. SSRN Electronic Journal, October. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1087789 (accessed 14.04.2023).
- Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [Large Cities and Spirit Life]. *Logos*, vol. 34, no 3, pp. 1-12.
- Stepanov B. E. (2014) "Derzhat'sja kornej": starozhily i kraevedy Caricyno v novom veke ["Stick to the roots": old-timers and local historians of Tsaritsyno in the new century]. *Tsaritsyno: an attraction with a history* (eds. N. V. Samutina, B. E. Stepanov), Moscow: NLO, pp. 366-397.

- Stevenson N. (2003) Cultural Citizenship in the 'Cultural' Society: A Cosmopolitan Approach. *Citizenship Studies*, vol. 7, no 3, pp. 331–348.
- Stevenson N. (2010) Cultural citizenship, education and democracy: Redefining the good society. *Citizenship Studies*, vol. 14, no 3, pp. 275–291.
- Stevenson N. (2020) Cultural citizenship. *The Transformation of the Media*, vol. 2, no 3, pp. 59–91.
- Stichweh R. (2002) Strangers, Inclusions, and Identities. *Soziale Systeme*, vol. 8, no 1, pp. 101–109.
- Street J. (1994). Political culture—From civic culture to mass culture. *British Journal of Political Science*, vol.24, no 1, pp. 95–113.
- Schütz A. (2004) Chuzhak: Sotsial'no-psikhologicheskii ocherk. *Mir, svetyashchiysya smyslom*, Moscow: ROSSPEN, pp. 533–549.
- Telin K. O., Filimonov K. G. (2020) Probely identichnosti: kak i pochemu nacija uskol'zaet ot gosudarstva [Identity gaps: how and why does the nation elude the state]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 35–73.
- Jarskaja-Smirnova E. R. (1997) *Sociokul'turnyi analiz netipichnosti* [Sociocultural analysis of atypicality], Saratov: SGTU Print.

Использование сравнительной методологии в социальной антропологии и социологии: сходства и различия

Андрей Резаев

Доктор философских наук, профессор, руководитель международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ, факультет социологии СПбГУ
Адрес: ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124 Российская Федерация
E-mail: rezaev@hotmail.com

Наталья Трегубова

Кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии СПбГУ
Адрес: ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124 Российская Федерация
E-mail: n.tregubova@spbu.ru

В работе представлены дискуссионные проблемы, характеризующие механику и логику сравнения в классической и современной социальной антропологии и социологии. В первой части статьи рассматривается динамика использования сравнений в социальной антропологии от классиков до современности. Во второй части выделяются различия и сходства между тем, как рассуждают о сравнении и как его используют в своих исследованиях социологи и антропологи. Если для социологии сравнение выступает, прежде всего, инструментом поиска и обоснования причинно-следственных связей, то для антропологии характерно разнообразие сравнительных перспектив: от проверки объяснительных моделей до схватывания уникальности чужой культуры. Авторы выделяют противоречие между сравнительной перспективой, неизменно присущей социальной антропологии как науке об «ином», и маргинальным положением сравнительных исследований в современной антропологической науке. Данное противоречие предлагается «снять» через понятие «сравнительная социальная антропология», которое определяется по аналогии с понятием и направлением «сравнительная социология», развиваемым авторами в современной научной литературе. В статье обсуждается, каким образом три характеристики сравнительной социологии — процессуальность, идеальный тип, критика — могут быть распространены и на социальную антропологию. В заключение представлены отдельные направления сравнительных исследований, которые, как представляется авторам настоящей статьи, могли бы быть полезны и социологам, и социальным антропологам.

Ключевые слова: методология социальных наук, сравнительный анализ, сравнительная антропология, кросс-культурные исследования, сравнительная социология

Цель данной работы, которая является прямым продолжением наших исследований о сравнительной социологии (Резаев, Стариков, Трегубова, 2014; Rezaev, Starikov, Tregubova, 2015), состоит в том, чтобы обосновать *предварительное* критическое сопоставление развития сравнительной методологии в социальной антропологии² и социологии. Причем определяя сходства и различия использования

1. Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

2. В настоящей статье мы используем понятия «социальная антропология» и «культурная антропология» как синонимы. В Старом и Новом Свете исторически сложились два направления в трак-

сравнений в антропологии и социологии, мы хотели бы, с одной стороны, уяснить суть дела, а с другой, очертить новые параметры и характеристики в *постановке проблемы* сравнения в социальной аналитике.

В пользу такой постановки проблемы можно выдвинуть следующий аргумент, актуальный, прежде всего, для социологов. В современной социологии использование и переосмысление теоретико-методологического инструментария социальной антропологии оказывается весьма плодотворным; вместе с тем проблема развития сравнительной методологии остается одной из важных доминант социологической науки. И проблематика *сравнительной антропологии* оказывается на пересечении этих двух направлений.

С одной стороны, дисциплинарная граница между социологией и социальной антропологией становится все более проницаемой — по крайней мере, в сторону социологии³. Как заметил Э. Гидденс, изначально социология изучала «нас», то есть белых, антропология — «их», то есть не-белых, однако сегодня такое разграничение больше не выдерживает критики (Гидденс, 1993). Граница между дисциплинами сохраняется (что видно хотя бы по номенклатуре научных ассоциаций, академических журналов и учебных программ), но она уже не столь отчетлива и не столь очевидна⁴. Сегодня социолог-качественник, вероятно, найдет общий язык с антропологом легче, чем с социологом-количественником. Использование социологами методов и подходов из социальной антропологии происходит по нескольким направлениям. Вместе с возвращением в социологию аналитики повседневности все более популярными становятся включенное наблюдение и визуальные методы, привычные для антропологов (Штомпка, 2009). Влияние антропологического наследия очевидно и на уровне теории: достаточно упомянуть «сильную программу» культурсоциологии, для которой наследие К. Гирца необходимый элемент в ее основании (Александр, Смит, 2010). Недовольство сформировавшимся социологическим (классическим) каноном и интерес к «коренным знаниям» со стороны части социологического сообщества (Коннелл, 2023) маркирует еще одно направление сближения с антропологией: интерес к Другому, его/ее/их способам мышления и понимания мира.

С другой стороны, дискуссии об использовании сравнения в социологии являются важной частью развития методологии нашей дисциплины со времен

товке антропологии: американская традиция *культурной* антропологии, связанная, прежде всего, с исследованиями Ф. Боаса, и британская традиция *социальной* антропологии, идущая от А. Р. Рэдклиффа-Брауна. Мы далее увидим, что эти традиции изначально различались и в отношении того, что и как следует сравнивать. Однако сегодня различия между этими трактовками не столь значительны и для нас не принципиальны.

3. Есть ли встречное движение интереса социальных антропологов к социологии? В какой-то степени — да, но, по всей видимости, в значительно меньшей.

4. Показательной здесь будет дискуссия в журнале «Антропологический форум» (Форум: Антропология и социология, 2012). Обсуждение показывает, что граница между дисциплинами — с точки зрения тех, кто к ним принадлежит — в большинстве случаев все же существует, однако проводится она по разным основаниям. Есть чувство близости, но не идентичности двух наук, как бы она (их идентичность) ни формулировалась.

Дюркгейма и до настоящего времени. Помимо собственных работ, отметим отечественные (Миронов, 2010а; Миронов, 2010б; Розов, 2010а, 2010б, 2023) и зарубежные (Арджоманд, 2014; Махони, 2014; Валлерстайн, 2014) дискуссии. Причем последняя инициирована вопросом о том, учитывают ли в должной степени сравнительно-исторические исследования культурное разнообразие (см. также: Arjomand, 2013), то есть здесь мы также наблюдаем сближение социологической и антропологической проблематики.

Соответственно, возникает предположение: для прояснения того, как и зачем сравнивать в социологии (и шире — в социальных науках), интересным и плодотворным может оказаться сопоставление использования сравнения в социологии и социальной антропологии.

В огромном и все более расширяющемся море публикаций о возможностях сравнения как метода анализа в социальном знании, непросто отыскать исследования, которые могли бы определить логику и ориентиры развития сравнительного анализа в современной социологии. Специальная литература по департаменту антропологии в конце XX и начале XXI века оставалась несколько безучастной к осмыслению теоретико-методологических оснований развития сравнений в комплексе антропологических дисциплин⁵.

Ситуация изменилась в 2019 году, когда были опубликованы два важных текста, фиксирующих и анализирующих поворот антропологов к сравнительным исследованиям.

Статья Дэниэла Миллера и его коллег (Miller et al., 2019) представляет собой размышление о сравнительной антропологии по мотивам реализации международного исследовательского проекта «Why we post». Антропологическое исследование того, как люди в разных частях мира используют социальные медиа, завершилось публикацией серии монографий, статей, научно-популярных видео, созданием онлайн-курса — и презентацией методологических размышлений о сравнении. Осмысляя результаты проекта, авторы статьи стремятся ответить на вопрос — как возможно заниматься сравнением в социальной антропологии сегодня и зачем это нужно?

На него стремится ответить и британский антрополог Матей Кандеа в монографии «Comparison in Anthropology: The Impossible Method» (Candea, 2019). Если Миллер с коллегами отталкиваются от конкретного сравнительного и международного исследовательского проекта, то Кандеа пытается проанализировать многочисленные попытки переосмыслить и систематизировать способы использования сравнения в антропологии. Вместе с тем его анализ соотносится с личным опытом исследования автором эволюционных биологов, которые занимаются наукой (сравнивают) совсем не так, как антропологи.

5. Если говорить про русскоязычную литературу по социальной антропологии, то проблемы методологии в ней, безусловно, обсуждаются, однако вопрос *сравнения* затрагивается лишь по касательной. См., например, дискуссии в журнале «Антропологический форум» (Форум: От поля к тексту, 2018; Форум: Коллективные проекты в социальных науках, 2020).

Две публикации 2019 года — вершина айсберга той литературы, которая написана о сравнениях в антропологии. Вершина — и потому, что за ней скрываются многочисленные высказывания прошлых поколений, и потому, что сами публикации представляют собой высокие достижения профессионального мастерства. Проект «Why we post» — масштабный, убедительный по своим результатам и теоретически интересный, один из наиболее известных международных проектов последних лет в социальных науках. Монография Кандеа может выступать и в качестве краткой энциклопедии сравнительной антропологии, и как выражение оригинального и очень личного, при этом внимательного, взгляда на то, чем сегодня является антропология.

Существует обширная литература о том, что такое сравнительная антропология/сравнение в антропологии; и не менее обширная литература о сравнительной социологии. Однако очевидно, что взгляд на проблему сравнения в собственной дисциплине отличается от взгляда, брошенного на дисциплину соседнюю. В рамках настоящей статьи мы бы хотели сказать несколько слов о том, как выглядит «сравнительная антропология» с точки зрения сравнительных социологов, а значит, попробовать сказать нечто новое.

Зачем это может быть нужно? Сравнение — универсальный акт мышления; то, как, что и с чем люди сравнивают, свидетельствует о том, как они мыслят. И здесь сравнение сравнения в двух дисциплинах многое скажет о том, как различаются их цели, их проблемы и противоречия, их перспективы, — и вместе с тем, в чем эти цели, проблемы и перспективы сходны.

Дальнейшее рассуждение организовано следующим образом. В первой части статьи будет схематично представлена динамика использования сравнений в социальной антропологии от классиков до современности. Во второй части мы выделим различия и сходства между тем, как рассуждают о сравнении и как используют сравнение в своих исследованиях социологи и антропологи. В заключение будут представлены некоторые направления социологических сравнительных исследований, которые, как представляется авторам настоящей статьи, могли бы быть полезны и антропологам.

Социальная антропология как сравнительная наука

Специфика социальной антропологии, отличающая ее от других социальных наук, состоит в том, что в ее основе лежат три исследовательских принципа, которые можно условно обозначить как изучение «иного», целостный подход к анализу явлений («холизм»), «включенное наблюдение» как важнейший метод получения знания (Скворцов, 2015).

- *Изучение «иного»* означает, что антропологи работают в «иных», «чужих», отличающихся от их собственных обществах и культурах, от привычного, данного антропологу в повседневном опыте.
- *«Холистический» подход* заключается в том, что антропология рассматривает объект своего изучения как нечто целостное, все элементы которого находятся в неразрывном единстве друг с другом.

- Наконец, чтобы получить возможность изучать жизнь людей, антрополог должен стать «одним из них», поэтому специфическим методом антропологической науки является *включенное наблюдение* в полевых условиях.

То, что антрополог работает в чужих для себя культурах, требует от него отстраниться от категорий и представлений своей культуры, так что он вынужден постоянно сравнивать изучаемое общество с тем, членом которого является. Именно в этом смысле можно говорить о *сравнительной перспективе* как исследовательском фокусе, имманентно присущем социальной антропологии.

Вместе с тем не любое сравнение в антропологии — это сравнение своего и иного. М. Кандеа проводит важное различие между вертикальными и горизонтальными сравнениями (*frontal and lateral comparisons*): первые предполагают соотнесение своей культуры (позиции) с чужой, вторые — сравнение между несколькими чужими культурами (Candea, 2018). По мысли автора, антропологи всегда использовали и продолжают использовать оба вида сравнений, однако в разные исторические периоды на первый план выходят одни либо другие.

Итак, в некотором — но не в любом — смысле вся антропология сравнительна. Как используют сравнение в своих исследованиях конкретные антропологи?

Классические основания социальной/культурной антропологии и проблема сравнения

Говоря об использовании сравнения в антропологии, следует начать с фигур А. Р. Рэдклиффа-Брауна в Великобритании и Ф. Боаса в США. Классические дебаты в социальной антропологии связаны с вопросами о возможностях, пределах и целях сравнения в работе антрополога. Противоречие между позициями этих ученых оказало значительное влияние на развитие дисциплины и место сравнения в ней (Скворцов, 2015).

С позиции классика британской антропологии Радклиффа-Брауна, социальная антропология — это «сравнительная социология». Она представляет собой особый раздел социологии, в котором осуществляется «исследование природы человеческого общества путем систематического сравнения обществ разных типов, уделяющее особое внимание самым простым формам общества, существующим у примитивных, туземных, или бесписьменных народов» (Рэдклифф-Браун, 2001: 175). Сравнительный метод понимается здесь как метод обобщений на полевых данных, полученных в ходе исследования разных обществ.

Исследовательские интересы Боаса, напротив, лежали в области реконструкции процессов развития конкретных культурных феноменов. Поэтому американский антрополог выступал за использование «исторического метода», который противопоставлял критикуемому им «сравнительному методу» эволюционистов (Christomalis, 2006). Для него сравнительные исследования являлись дополнением к исследованию отдельных случаев и сводились к сравнениям обществ, близких культурно и географически. Позиция Боаса оказала сильное влияние на даль-

нейшее развитие социальной антропологии, особенно в американской традиции (Rohner, 1977).

С классическими дебатами в социальной антропологии связана постановка проблемы, которая стала одной из ключевых для сравнительных исследований в социальных науках. Это *проблема Галтона*, названная в честь Ф. Галтона, который в 1899 году сформулировал ее суть в вопросе антропologу Э. Тейлору. Последний обнаружил корреляции между экономическими и семейными институтами разных обществ и на основании этих корреляций заявил о существовании функциональной связи между институтами. Вопрос Галтона звучал следующим образом: не являются ли обнаруженные корреляции результатом *культурной диффузии*, заимствования, а не функциональной связи? Данная проблема остается актуальной для социальных антропологов и для макросоциологов, которые занимаются сравнительными исследованиями (Goldthorpe, 1997).

Сравнение в социальной антропологии: между кейс-стади и кросс-культурными исследованиями

В отличие от классической эволюционистской социальной антропологии, в XX веке в антропологических исследованиях преобладал интерес к *различиям*, а не к сходствам (Скворцов, 2015). Данный интерес может быть реализован разными способами; наиболее типичным для антропологии является кейс-стади, в котором исследователь обращается к особенностям конкретного сообщества в соответствии с тем, которое он или она оставили дома. Для большинства антропологов сравнение остается лишь перспективой, используясь эпизодически и несистематически, — более того, некоторые исследователи в принципе выступают против систематического выделения сходств и различий, рассматривая сравнение как исходный пункт для исследования уникальных культур (Holy, 1987).

Подобную установку, например, можно заметить в статье Клиффорда Гирца «С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии» (Гиртц, 1996). Это исследование выстроено как характеристика трех исследовательских кейсов (сообществ Явы, Бали и Марокко) с точки зрения свойственного им понимания человеческой природы, причем описания случаев пронизаны перекрестными сравнениями и отсылками друг к другу, к «западному» обществу, к теоретическим обобщениям, к исследовательской практике других антропологов. Однако возможность и необходимость этих сравнений вовсе не обсуждается ученым: в фокус его внимания попадают методологические проблемы понимания антропологом представителей чуждых ему культур. Вопрос о том, какую роль здесь играет сравнение с прошлыми исследованиями и со «своей» культурой, остается на периферии внимания ученого.

Почему это так? По видимости, проблема состоит в том, что «сравнение и интерпретация затруднительны, когда культурная реальность рассматривается как комплексная... Не удивительно, что широкая антропологическая дискуссия укло-

няется от этих трудностей» (Hutnyk, 1990: 83). Принцип холизма и включенное наблюдение легко реализуются для отдельного кейс-стади, но не для сравнительного исследования, где необходимо сопоставлять уникальные кейсы и «распутывать» холистические описания, выстраивая параллели между отдельными аспектами. Таким образом, сама специфика социальной антропологии, которая делает ее сравнительной наукой, скорее препятствует систематическому и методическому использованию сравнения.

Тем не менее в современной социальной антропологии существует область, представители которой занимаются собственно сравнительными исследованиями. Это *кросс-культурные исследования*. Ее основателем считается американский антрополог Дж.П. Мёрдок. Объясняя сущность данной области, он писал: «Кросс-культурное исследование зиждется на убеждении, что все человеческие культуры, несмотря на их разнообразие, имеют в своей основе много общего и что эти общие аспекты культуры поддаются научному анализу» (Мёрдок, 1997: 49). Это значит, что исследователи могут обнаруживать черты, повторяющиеся в различных культурах, и формулировать ряд научных обобщений.

Кросс-культурные исследования подразделяются на два направления — общемировые (worldwide) и региональные сравнения. В *общемировых исследованиях* генеральная совокупность — это все существующие общества (культуры), тогда как *региональные исследования* предполагают сравнения всех или нескольких обществ в конкретном регионе. Данные направления представляют два принципиально разных способа осуществления сравнительного исследования, со своими сильными и слабыми сторонами. Общемировые сравнения стремятся в полной мере реализовать призыв Мёрдока к исследованию универсального в человеческой культуре. Они направлены на фиксацию общекультурных закономерностей. Выборка конструируется таким образом, чтобы охватить все разнообразие мировых культур, при этом избегая близких культур, для которых могла иметь место диффузия. Региональные сравнения, напротив, фокусируются на конкретном регионе — обычно на том, который лучше известен антропологу или команде антропологов. Соответственно, выявленные закономерности распространяются на исследуемый регион, а для их переноса на общемировой уровень требуются дополнительные исследования. Можно видеть, что данные направления соотносятся с позициями Рэдклиффа-Брауна и Боаса, но искомые позиции не исключают, а дополняют друг друга.

Кросс-культурные исследователи сталкиваются с рядом методологических затруднений. Прежде всего, это проблема выборки, которая возникает и для общемировых, и для региональных сравнений. Какова генеральная совокупность? Каким образом она стратифицирована на регионы? Сколько культур должно быть в выборке? Сам Мёрдок в «Этнографическом атласе» предложил решение (Murdock, 1977), но оно не является ни единственным, ни бесспорным. Кроме того, возникает вопрос о единице выборки: как правило, это небольшое компактное сообщество, которое может не отражать вариацию внутри искомой культуры;

в современном мире также встает вопрос о взаимозависимости культур, так что группа близких культур, а не отдельные культуры могут стать предпочтительной единицей выборки (Munroe, Munroe, 1991).

Еще одной проблемой кросс-культурных исследований является сбор данных. Кросс-культурными антропологами создаются обширные базы данных, которые кодируют результаты исследований по конкретным переменным для конкретных кейсов. Такие базы значительно облегчают работу антрополога, однако они охватывают ограниченный круг вопросов, а сами исследования не всегда содержат данные, необходимые для ответа на исследовательский вопрос (Shennan, 2010). Более того, этнографическое описание с неизбежностью подвержено влиянию социальной позиции антрополога, его теоретических установок и даже времени года, в которое ученый проводит исследование (Heider, 1988). Поэтому вопрос о том, как сделать данные сопоставимыми, остается открытым. Наконец, следует отметить проблемы выбора статистических техник для решения задач сравнительных исследований (Hutnyk, 1990; Dow, 1991).

Кросс-культурные исследования никогда не занимали центрального места в антропологическом знании (Rohner, 1977; De Munck, 2002). Сегодня они, хотя и связаны преимущественно с антропологией, получили широкое распространение во многих других областях: в кросс-культурной психологии, кросс-культурном менеджменте, кросс-культурных исследованиях в области социологии, педагогики, коммуникации и др. (Скворцов, 2015). Таким образом, они превращаются в междисциплинарную область, еще более дистанцируясь от антропологического мейнстрима.

Возвращаясь к мейнстриму, следует отметить, что в современной социальной антропологии можно наблюдать некоторый всплеск интереса к сравнениям. Помимо выделенных в начале настоящей статьи публикаций, это ревизия классиков сравнительной социальной науки в целом (Goody, 2002; Keyes, 2002) и в сравнительной социальной антропологии в частности (Salzman, 2012). Кроме того, существует стремление рассматривать «сравнительный проект» как основание для антропологического исследования — ответ, который «возникает как заслуживающая доверия альтернатива постмодернистскому пораженчеству» (De Munck, 2002: 15).

Таким образом, современный этап можно характеризовать как *поисковый*, и здесь следует зафиксировать некоторые тенденции.

Во-первых, современные антропологи обращаются к сравнительному анализу во времени — к процессуальным сравнениям (Moore, 2005; Christomalis, 2006).

Во-вторых, и в связи с первым, меняется сам объект сравнения. Это уже не обязательно культура, а событие (Christomalis, 2006) или процесс, связанный с реализацией проекта (Moore, 2005). Кроме того, в глобализованном мире культура (сообщество) как традиционный объект антропологического исследования может замещаться индивидами как представителями сразу нескольких культур (Schrauf, 2002). Возникают также проекты, сочетающие традиционный для антропологии

интерес к сообществам с анализом новых явлений, — примером здесь может служить упомянутый выше «Why we post».

Наконец, мы уже обращали внимание на необходимость исследования взаимозависимости культур, что также приводит к переопределению объекта сравнения. Здесь следует особо отметить возникновение методологии *multi-sited ethnography*, когда объектом для анализа становятся два и более места/сообщества, объединенных общими культурными процессами (например, место исхода и место прибытия мигрантов).

Сравнительная перспектива: различия

Подводя промежуточные итоги нашего рассуждения, выделим три момента:

1) Социальная антропология — сравнительная наука, поскольку изначально предполагает исследование иного общества, иной культуры в сравнении со своим обществом или культурой.

2) Помимо общей сравнительной ориентации, однако, существуют разные практики использования сравнения в антропологическом исследовании. Еще классики антропологии спорили о том, как и что следует сравнивать.

3) Сегодня в антропологических исследованиях сравнение используется многообразно и плодотворно, но, как правило, несистематически. Вместе с тем от антропологии отделяется междисциплинарная область кросс-культурных исследований, где проблемы сравнимости, методологические и методические, обсуждаются весьма активно и конструктивно.

Следует признаться, что социологам, знакомым с литературой внутри своей дисциплины, уровень методологической дискуссии в антропологии кажется довольно низким. Наиболее интересные публикации выглядят или хорошим началом долгих дебатов (см.: Eggan, 1954, в сравнении со Smelser, 1976), или более общими метатеоретическими размышлениями об истории дисциплины (Candea, 2018).

Если мы посмотрим на дискуссию о сравнении в антропологии, кажется, что она не выстраивается вокруг единого ядра. Сходным образом ситуация определяется и самими антропологами (Candea, 2019). Представляется, что в антропологии вопрос о том, как сравнивать — это вопрос о том, что такое заниматься антропологией. Разные цели предполагают разные варианты использования сравнения — для поиска обобщений и для определения уникального, для развития теории и для ее опровержения, для понимания собственной перспективы и даже для утверждения непознаваемости чего-либо, кроме себя самого (или: и себя самого).

Теперь — в сравнительной перспективе — спросим, а почему дискуссия о сравнении не рассыпается (хотя в последние годы и пробуксовывает) в социологии? Что позволяет социологам сосредоточиться на определенном круге целей и проблем и спорить именно о них?

Представляется, что ответ здесь такой: в социологии сравнение — это, прежде всего, способ установления причинно-следственных связей. Разумеется, суще-

ствуют описательные сравнительные исследования и проблемы, связанные с ними. Однако именно проблема объяснения придает остроту и глубину социологическим дискуссиям о сравнении — от классиков (Дюркгейм, 1995) до современных дебатов (Ragin, Zaret, 1983; Smelser, 2003). Дискуссия возникает вокруг того, как именно лучше выстраивать и проверять объяснения: ее участники согласны в том, что объяснять — нужно, даже если это очень сложно.

В антропологии, однако, объяснение — лишь одна из проблем, которая то выходит на первый план, то представляется анахронизмом. Не менее важный вопрос — столкновение с иной культурой, которую практически невозможно понять в ее целостности и уникальности. Еще один вариант постановки проблемы — описание культуры в некоторых универсальных терминах. Список может быть продолжен, и для каждой проблемы будет (или не будет) возникать собственная дискуссия о сравнении.

Сравнительная перспектива: сходства

Мы зафиксировали различия между социологией и социальной антропологией в том, как представители данных дисциплин видят роль сравнения. Однако различия не должны скрыть от нас менее заметное, но, возможно, более глубокое сходство. Связано оно с тем, что хотя дискуссия в сравнительной социологии и вдохновляется проблемой объяснения, сама сравнительная социология к ней не сводится.

Ранее мы в деталях рассматривали проблемы и перспективы сравнительной социологии (Резаев, Стариков, Трегубова, 2014; Rezaev, Starikov, Tregubova, 2015), поэтому здесь лишь наметим общую постановку вопроса. Сравнительную социологию можно характеризовать тремя разными способами:

1) Прежде всего, можно утверждать, что *вся социология — сравнительная*, ибо любое социологическое исследование задействует сравнение в том или ином виде. Э. Дюркгейм утверждал: «Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она перестает быть чисто описательной и стремится объяснять факты» (Дюркгейм, 1995: 139). Н. Смелзер, развивая мысль классика, отмечал: «Даже приложение к ситуации общих слов *описания* — таких как “густонаселенный” или “демократический”... предполагает, что описываемый случай находится где-то *по сравнению с* остальными» (Smelser, 1976: 3).

Прилагая данный ответ к социальной антропологии, мы увидим, что она сравнительна вдвойне. Во-первых, любое эмпирическое описание и объяснение происходящего в социальной реальности требует сравнения; во-вторых, социальной антропологии, в дополнение, присуща сравнительная перспектива «инога».

2) Второй ответ, противоположный первому, состоит в следующем. Рассуждая о сравнительной социологии, исследователи часто имеют в виду область применения конкретных техник и методов сравнения. Тогда сравнительная социология предстает в виде методологии, отвечающей на вопрос «как сравнивать?». Так как данный вопрос преимущественно обсуждается в сравнительно-исторической ма-

кроссоциологии, она превращается в особую *отрасль* социологии, которая и отождествляется со сравнительной социологией, либо сравнительная социология мыслится как особый *метод* социологической науки — метод установления причинно-следственных связей.

Если применить ту же логику к социальной антропологии, можно говорить о кросс-культурных исследованиях как особой междисциплинарной области, отделившейся от последней. Причем круг методологических проблем кросс-культурных исследований весьма сильно пересекается с макросоциологическими.

3) Наконец, третий ответ, который обосновывают авторы настоящей статьи, состоит в том, что сравнительная социология — это *особый способ организации исследовательского процесса*, предполагающий проведение отдельных социологических исследований. Данный процесс реализуется в цепочке сравнений таким образом, что результаты одного сравнения становятся предпосылками для осуществления последующего сравнения.

Предложенный ответ «снимает» первые два. Потенциально вся эмпирическая социология — сравнительная, поэтому сравнительную социологию можно определить как *«идеальный тип»* эмпирической социологии — и в методологическом, и в нормативном смысле. Однако, как свойственно идеальному типу, в реальной исследовательской практике потенциал реализуется лишь отчасти, актуализируются одни его стороны, а не другие. И методологические дискуссии о поиске и проверке объяснений помогают выстраивать различные варианты «лучших практик» социологического анализа. Поэтому сравнительная социология — это еще и *критика* всего того, что есть в социологии узкого и редуccionистского (Wallerstein, 2003).

Возвращаясь к антропологии, мы видим, что первые два варианта ответа фиксируют противоречие между сравнительным ракурсом антропологического исследования и маргинальным положением собственно сравнительных (кросс-культурных) исследований. Представляется, что разрешить его можно таким же образом, как для сравнительной социологии. Сравнительная социальная антропология — это *особый способ организации антропологических исследований*, который включает теоретические и эмпирические сравнения, региональные и общемировые сравнительные исследования, отдельные кейс-стади, «встроенные» в сравнительную перспективу, а также предполагает постоянное соотнесение результатов исследования с опытом проживания в собственной культуре и с опытом исследования других культур.

Примечательно, что в собственно антропологической литературе формулировались позиции, сходные с данной трактовкой. Так, в области кросс-культурных исследований мы обнаружили сходную постановку вопроса о «постоянном сравнении» (Maxwell, Maxwell, 1980). А вот как формулирует основные положения своей монографии Кандеа: «Антропологическое сравнение возможно⁶; оно осуществляется во множестве форм, которые обеспечивают общее методическое

6. Здесь автор отсылает к знаменитому аргументу Э. Эванса-Притчарда о сравнении как о единственном и при этом невозможном методе антропологии. Эванс-Притчард также понимал «сравнительный метод» как серию сравнений.

(procedural) единство дисциплины, доступные средства для наших часто несовместимых целей; относительная мощь и ценность антропологических сравнений заключается в их способности сопротивляться тем целям, с которыми мы стремимся их использовать» (Candea, 2019: 16). Последнее положение указывает на то, что, с позиции автора, сравнительная антропология — это критика антропологии как таковой. А в самой монографии Кандеа выводит «архетип» (ср.: идеальный тип) сравнения в антропологии, с которым могут быть соотнесены различные варианты реализации конкретных антропологических исследований.

Таким образом, три характеристики сравнительной социологии — процессуальность, идеальный тип, критика — могут быть распространены и на социальную антропологию. Отличия будут в том, что — как мы зафиксировали в прошлом разделе — специфика дисциплин предполагает разный приоритет в целях, в которых используется сравнение — и, соответственно, разную процессуальность, идеальность и критичность. Представим континуум, отражающий три разных способа «встраивания» сравнительного анализа в социальные науки: «сравнительная социальная наука — сравнение как способ организации исследования — сравнительная субдисциплина/методология». Для сравнительной социологии характерно положение в середине континуума, к которой стремятся два крайних члена: методологическая дискуссия в сравнительно-исторической макросоциологии постоянно отсылает к общесоциологическим проблемам, а универсальные проблемы сравнимости рассматриваются на примере особых способов организации сравнительного исследования. Социальная антропология, как представляется, все же тяготеет к левому краю: это наука, для которой характерна сравнительная перспектива, а особые способы реализации собственно сравнительных исследований остаются для нее относительно маргинальными, хотя и, безусловно, перспективными⁷.

Вместо заключения: что могут предложить антропологам социологи?

Особенности сравнительной социальной антропологии связаны с ее исследовательскими принципами. Целостное описание и анализ кейса с помощью включенного наблюдения, выполненного с позиции «чужака», задают сравнительную перспективу и при этом затрудняют собственно сравнительное исследование.

Можно ли представить ситуацию, когда особенности сравнительного исследования в социологии и антропологии если не совпадают, то сближаются? На протяжении истории обеих дисциплин такие сближения происходили не раз⁸. Выделим три современных направления исследований в социальных науках, которые

7. В этом отношении ее можно сопоставить с историей, которая также склоняется к левому краю, что определяется погружением историка в «иное» (прошлое) общество. Рассуждая далее, можно заметить, что правый край континуума характерен для сравнительной политологии, которая существует как сложившаяся субдисциплина с особой методологией. Таким образом, социология занимает здесь срединное положение.

8. Самый яркий пример — утверждение А. Р. Рэдклиффа-Брауна о том, что социальная антропология — это сравнительная социология.

представляют интерес для социологов и вместе с тем, как мы полагаем, могут стать близки антропологам.

Первое — это *развернутое монографическое исследование*, предлагаемое М. Буравым (Burawoy, 1998). Исследовательский процесс здесь начинается с выбора теории и поиска кейса, на котором эту теорию можно было бы проверить. Затем предполагается исследование выбранного случая, которое обеспечивает погружение в локальный контекст, отслеживание социальных процессов в пространстве и во времени, а также диалог с информантом, который позволяет понять смысл событий. В ходе и по результатам исследования первоначальная теория «реконструируется». Это, в свою очередь, ведет к постановке новых исследовательских вопросов и к поиску одного или нескольких кейсов для новых исследований.

Второе направление — это *институциональная этнография*, разрабатываемая Д. Смит (Smith, 2005). Институциональная этнография, в противоположность развернутому монографическому исследованию, отталкивается не от теории, а от опыта конкретных людей: социальный ученый формулирует и исследует проблемы, с которыми имеют дело сами люди. Это ведет к новым исследованиям — других групп и сообществ, с которыми те прямо или косвенно взаимодействуют, а также документов, которые координируют их повседневную жизнь. В результате вырабатываются рекомендации к практическому действию и развивается социальное знание, так что результаты нескольких исследований можно обобщить, а обобщения укажут на «проблемные места» для новых исследований.

Третье направление — это *построение теории на основании сравнения кейсов*. В качестве примера можно выделить исследование Э. Саммерз-Эффлер (Summers Effler, 2010), основанное на включенном наблюдении и участии в жизни организаций, которое представляет собой развитие микросоциологической теории организации как процесса. Специфика исследовательского дизайна задается здесь напряжением между построением абстрактной теории и детальным описанием кейсов: каждый элемент обеспечивает необходимый фон для другого. Сходный дизайн (с большим перевесом в сторону описания кейсов) характерен и для проекта «Why we post» (Miller et al., 2019).

Мы полагаем, что данные направления могли бы обогатить поле сравнительной антропологии — по крайней мере, некоторые его части. В то же время они оказываются ценными для реализации качественной методологии в рамках сравнительной социологии и далее — в сравнительной социальной аналитике (Резаев, Трегубова, 2022). Сравнение здесь важно не как самоцель, а как способ продвижения нашего знания, осмысления и интеграции исследовательских результатов и постановки новых вопросов. Сравнение как исследовательская стратегия показывает, что альтернативные программы развития социально-исторической науки должны не конкурировать, а кооперироваться друг с другом. Сравнительная методология не ставит своей целью разработку универсального или интегративного метода — она служит ориентиром, предлагая правила для достижения корректных результатов в той или иной сфере познания.

Литература

- Александр Дж., Смит Ф. (2010). Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 11-30.
- Аржоманд С. А. (2014). Что произошло со «сравнительным» в сравнительной и исторической социологии // Социологические исследования. № 1. С. 101-103.
- Валлерстайн И. (2014). О сравнении // Социологические исследования. № 1. С. 105-107.
- Гидденс Э. (1993). Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Вып. 1. С. 57-82.
- Гиртиц К. (1996). С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического мышления. М.: Ин-т социологического образования Российского центра гуманитарного образования. С. 89-109.
- Дюркгейм Э. (1995). Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Коннелл Р. (2023). Каноны и колонии: глобальный путь развития социологии // Социологическое обозрение. Т. 22. № 3. С. 219-236.
- Махони Дж. (2014). Маргинальная ли сравнительная социология в рамках секции? // Социологические исследования. № 1. С. 103-104.
- Мёрдок Дж. П. (1997). Фундаментальные характеристики культуры // С. Я. Левит (ред.). Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга. С. 49-56.
- Миронов Б. Н. (2010а). Логическая игрушка: фантазии на исторические темы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 72-85.
- Миронов Б. Н. (2010б). Расставим все точки над *i* // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 92-96.
- Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. (2014). Сравнительная социология: Общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал. № 2. С. 89-112.
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. (2022). Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 9-30.
- Розов Н. С. (2010а). Социальный механизм порождения российских циклов // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 48-70.
- Розов Н. С. (2010б). Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 76-91.
- Розов Н. С. (2023). Построение объяснительных теорий в исторической социологии: реконструкция «историй успеха» // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 2. С. 7-25.
- Рэдклифф-Браун А. Р. (2001). Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.

- Скворцов Н. Г. (2015). Социальная антропология как сравнительная наука // Сравнительная социология: учебник / Под ред. А. В. Резаева. СПб.: изд-во СПбГУ. С. 62-75.
- Форум: Антропология и социология // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 8-168.
- Форум: Коллективные проекты в социальных науках // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 11-80.
- Форум: От поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11-114.
- Штомпка П. (2009). В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3-13.
- Arjomand S. A. (2013). Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology // *Worlds of Difference*. SAGE studies in international sociology: 61 / S. A. Arjomand, E. Reis (eds.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. P. 15-39 .
- Burawoy M. (1998). The Extended Case Method // *Sociological Theory*. Vol. 16. № 1. P. 4-33.
- Candea M. (2018). Going Full Frontal: Two Modalities of Comparison in Social Anthropology // *Regimes of Comparatism* / R. Gagné, S. Goldhill, G. Lloyd (eds.). Leiden: Brill. P. 343-371.
- Candea M. (2019). *Comparison in Anthropology: The Impossible Method*. Oxford: Oxford University Press.
- Chrisomalis S. (2006). Comparing Cultures and Comparing Processes: Diachronic Methods in Cross-Cultural Anthropology // *Cross-Cultural Research*. Vol. 40. № 4. P. 377-404.
- De Munck V. C. (2002). Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // *Anthropological Theory*. Vol. 2. № 1. P. 5-19.
- Dow M. M. (1991). Statistical Inference in Comparative Research: New Directions // *Cross-Cultural Research*. Vol. 25. № 1-4. P. 235-257
- Eggan F. (1954). Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison // *American Anthropologist*. Vol. 56. № 5. P. 743- 763.
- Goldthorpe J. (1997). Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // *Methodological Issues in Comparative Social Science*. Comparative Social Research. Vol. 16. P. 1-26.
- Goody J. (2002). Elias and the anthropological tradition. *Anthropological Theory*. Vol. 2. № 4. P. 401-412.
- Heider K. G. (1998). The Rashomon Effect: When Ethnographers Disagree // *American Anthropologist*. Vol. 90. № 1. P. 73-81.
- Holy L. (ed.) (1987). *Comparative Anthropology*. New York: Basil Blackwell.
- Hutnyk J. (1990). Comparative Anthropology and Evans-Pritchard's Nuer Photography // *Critique of Anthropology*. Vol. 10. № 1. P. 81-102.
- Keyes C. F. (2002). Weber and Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 31. P. 233-55.
- Maxwell E. K., Maxwell, R. J. (1980). Search and Research in Ethnology: Continuous Comparative Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 15. № 3. P. 219-243.

- Miller D., Costa E., Haapio-Kirk L., Haynes N., Sinanan J., McDonald T., Nicolescu R., Spyer J., Venkatraman Sh., Wang X. (2019). Contemporary Comparative Anthropology — The Why We Post Project// *Ethnos*. Vol. 84. № 2. P. 283-300.
- Moore S. F. (2005). Comparisons: Possible and Impossible// *Annual Review of Anthropology*. Vol. 34. P. 1-11.
- Munroe R. L., Munroe R. H. (1991). Comparative Field Studies: Methodological Issues and Future Possibilities// *Cross-Cultural Research*. Vol. 25. № 1-4. P. 155-185.
- Murdock G. P. (1977). Major Emphases in My Comparative Research// *Cross-Cultural Research*. Vol. 12. № 4. P. 217-221.
- Ragin C. C., Zaret D. (1983). Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies// *Social Forces*. Vol. 61. № 3. P. 731-754.
- Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. (2015). Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis// *Comparative Sociology*. Vol. 15. № 2. P. 143-175.
- Rohner R. P. (1977). Advantages of the Comparative Method of Anthropology// *Cross-Cultural Research*. Vol. 12. № 2. P. 117-144.
- Salzman C. (2012). *Classic Comparative Anthropology: Studies from the Tradition*. Long Grove: Waveland Press, Incorporated.
- Schrauf R. W. (2002). Comparing cultures within-subjects: A cognitive account of acculturation as a framework for cross-cultural study// *Anthropological Theory*. Vol. 2. № 1. P. 98-115.
- Shennan S. (2012). Comparative Anthropology and Human Inequality// *Current Anthropology*. Vol. 51. № 1. P. 115-116.
- Smelser N. J. (1976). *Comparative Methods in the Social Sciences*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Smelser N. J. (2003). On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology// *International Sociology*. Vol. 18. № 4. P. 643-657.
- Smith D. E. (2005). *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: AltaMira Press.
- Summers Effler E. (2010). *Laughing Saints and Righteous Heroes: Emotional Rhythms in Social Movement Groups*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wallerstein I. (2003). Comparative sociology// *The Blackwell Dictionary of Modern Social Thought*. Second Edition / W. Outhwaite (ed.). Malden, MA: Blackwell Publishing. P. 102-103.

On the Similarities and Differences of Comparative Methodology in Social Anthropology and Sociology

Andrey V. Rezaev

Dr. Sci. (Philos.), Director of the International Research Laboratory TANDEM, St. Petersburg State University.
Address: Ul. Smolnogo, 1/3-9, Saint-Petersburg, 191124 Russian Federation
E-mail: rezaev@hotmail.com

Natalia D. Tregubova

PhD in Sociology, Associate Professor of Comparative Sociology Chair.
Address: Ul. Smolnogo, 1/3-9, Saint-Petersburg, 191124 Russian Federation
E-mail: n.tregubova@spbu.ru

The paper examines and debates controversial issues that characterize the logic of comparison in social anthropology and sociology. The first part of the article illustrates the dynamics of comparison in social anthropology from the classics to the present day. The second part of the paper highlights differences and similarities in how sociologists and anthropologists discuss and use comparison in their research. For sociologists, a comparison is primarily a variety of comparative perspectives that characterize a tool for exploring causal relations, from testing explanatory models to grasping the unique history of different societies. The article points out the contradiction between the comparative perspective inherent in social anthropology as a science about the “Other” and the marginal position of comparative research in contemporary anthropological discipline. The proposed resolution to this contradiction is the concept of “comparative social anthropology”, defined by analogy with the concept of “comparative sociology” developed by the authors. In conclusion, the authors present three areas of comparative sociological research that could be helpful to anthropologists: the extended case method, institutional ethnography, and theory-building based on case comparison.

Keywords: social science methodology, comparative analysis, comparative anthropology, cross-cultural research, comparative sociology.

References

- Alexander J. C., Smith Ph. (2010) Sil'naja programma v kul'tursociologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 11–30.
- Arjomand S. A. (2013) Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. *Worlds of Difference* (eds. S. A. Arjomand, E. Reis). SAGE studies in international sociology: 61, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, pp. 15–39.
- Arjomand S. A. (2014) Chto proizoshlo so «sравnitel'nyh» v sравnitel'noj i istoricheskoy sociologii [What has happened to 'comparative' in comparative historical sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 1, pp. 101–103.
- Burawoy M. (1998) The Extended Case Method. *Sociological Theory*, vol.16, no 1, pp. 4–33.
- Candea M. (2019) *Comparison in Anthropology: The Impossible Method*, Oxford: Oxford University Press.
- Candea M. (2018) Going Full Frontal: Two Modalities of Comparison in Social Anthropology. *Regimes of Comparatism* (eds. R. Gagné, S. Goldhill, G. Lloyd), Leiden: Brill, pp. 343–371.
- Chrisomalis S. (2006) Comparing Cultures and Comparing Processes: Diachronic Methods in Cross-Cultural Anthropology. *Cross-Cultural Research*, vol. 40, no 4, pp. 377–404.
- Connell R. (2023) Kanony i kolonii: global'nyy put' razvitiya sotsiologii [Canons and Colonies: a Global Trajectory of Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 219–236.
- De Munck V. C. (2002) Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal. *Anthropological Theory*, vol. 2, no 1, pp. 5–19.
- Dow M. M. (1991) Statistical Inference in Comparative Research: New Directions. *Cross-Cultural Research*, vol. 25, no 1–4, pp. 235–257.
- Durkheim E. (1995) *Sociologija: ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology: its subject, method and aim], Moscow: Kanon.
- Eggan F. (1954) Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison. *American Anthropologist*, vol. 56, no 5, 743–763.
- Forum: Antropologija i sociologija [Forum: Anthropology and Sociology]. (2012) *Antropologicheskij forum*, no 16, pp. 8–168.
- Forum: Kollektivnye proekty v sotsialnykh naukakh' [Forum: Collaborative Projects in the Social Sciences]. (2020) *Antropologicheskij forum*, no 44, pp. 11–80.

- Forum: Ot polya k tekstu' [Forum: From Fieldwork to Written Text]. (2018) *Antropologicheskij forum*, no 36, pp. 11–114.
- Geertz C. (1996) S točki zrenenja tuzemca: o prirode ponimanija s kul'turnoj antropologii [From the Native's Point of View]. *Modeli ob'jasnenija i logika sociologicheskogo myshlenija* [Models of explanation and the logic of sociological thinking] (ed. I. F. Deviatko), Moscow: ISORTGO, pp. 89–109.
- Giddens A. (1993) Devjat' tezisov o budushhem sociologii [Nine Theses on the Future of Sociology]. *THESIS*, issue 1, pp. 57–82.
- Goldthorpe J. (1997) Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues. *Methodological Issues in Comparative Social Science. Comparative Social Research*, vol. 16, pp. 1–26.
- Goody J. (2002) Elias and the anthropological tradition. *Anthropological Theory*, vol. 2, no 4, pp. 401–412.
- Heider K. G. (1998) The Rashomon Effect: When Ethnographers Disagree. *American Anthropologist*, vol. 90, no 1, pp. 73–81.
- Holy L. (ed.) (1987) *Comparative Anthropology*, New York: Basil Blackwell.
- Hutnyk J. (1990) Comparative Anthropology and Evans-Pritchard's Nuer Photography. *Critique of Anthropology*, vol. 10, no 1, pp. 81–102.
- Keyes C. F. (2002) Weber and Anthropology. *Annual Review of Anthropology*, vol. 31, pp. 233–55.
- Mahoney J. (2014) Marginal'naja li sravnitel'naja sociologija v ramkah sekcii? [Is Comparative Sociology Marginal within the Section?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 1, pp. 103–104.
- Maxwell E. K., Maxwell, R. J. (1980) Search and Research in Ethnology: Continuous Comparative Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 15, no 3, pp. 219–243.
- Miller D., Costa E., Haapio-Kirk L., Haynes N., Sinanan J., McDonald T., Nicolescu R., Spyer J., Venkatraman Sh., Wang X. (2019) Contemporary Comparative Anthropology — The Why We Post Project. *Ethnos*, vol. 84, no 2, pp. 283–300.
- Mironov B. N. (2010a) Logicheskaja igrushka: fantazii na istoricheskie temy [Logical game: fantasies on historical themes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no 4, pp. 72–85.
- Mironov B. N. (2010b) Rasstavim vse točki nad i [Dotting the i's and crossing the t's]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no 4, pp. 92–96.
- Moore S. F. (2005) Comparisons: Possible and Impossible. *Annual Review of Anthropology*, vol. 34, pp. 1–11.
- Munroe R. L., Munroe R. H. (1991) Comparative Field Studies: Methodological Issues and Future Possibilities. *Cross-Cultural Research*, vol. 25, no 1–4, pp. 155–185.
- Murdock G. P. (1997) Fundamental'nye harakteristiki kul'tury [Fundamental characteristics of culture]. *Antologija issledovanija kul'tury. T.1. Interpretacii kul'tury* [Anthology of cultural research. Vol. 1. Interpretations of culture] (ed. S. Ya. Levit), Sankt Petersburg: Universitetskaya kniga, pp. 49–56.
- Murdock G. P. (1977) Major Emphases in My Comparative Research. *Cross-Cultural Research*, vol. 12, no 4, pp. 217–221.
- Radcliffe-Brown A. R. (2001) *Metod v social'noj antropologii* [Method in social anthropology], Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole.
- Ragin C. C., Zaret D. (1983) Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies. *Social Forces*, vol. 61, no 3, pp. 731–754.
- Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. (2015) Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis. *Comparative Sociology*, vol. 15, no 2, pp. 143–175.
- Rezaev A. V., Starikov V. S., Tregubova N. D. (2014) Sravnitel'naja sociologija: Obshhaja harakteristika i perspektivy razvitija [Comparative Sociology: An overall outline and prospects for the future]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, no 2, pp. 89–113.
- Rezaev A., Tregubova N. (2022) Eshche raz o sotsiologii i sotsial'noj analitike v epokhu razvitiya iskusstvennogo intellekta [Once again about Sociology and Social Analytics in the Age of Artificial Intelligence Advancement]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 9–30.

- Rohner R. P. (1977) Advantages of the Comparative Method of Anthropology. *Cross-Cultural Research*, vol. 12, no 2, pp. 117-144.
- Rozov N. S. (2010a) Social'nyj mehanizm porozhdenija rossijskih ciklov [Russian historical cycles: a social mechanism for their generation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no 4, pp. 48-70.
- Rozov N. S. (2010b) Teoreticheskaja makrosociologija i jempiricheskaja istorija: vozmozhen li produktivnyj dialog [Theoretical macrosociology and empirical history: is productive dialogue possible?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no 4, pp. 76-91.
- Rozov N. S. (2023) Postroyeniye obyasnitelnykh teoryj v istoricheskoy sotsiologii: rekonstruktsiya «istoriy uspekha» [Explanations and theories of historical sociology: a reconstruction of "success stories"]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 26, no 2, pp. 7-25.
- Salzman C. (2012) *Classic Comparative Anthropology: Studies from the Tradition*, Long Grove: Waveland Press, Incorporated.
- Schrauf R. W. (2002) Comparing cultures within-subjects: A cognitive account of acculturation as a framework for cross-cultural study. *Anthropological Theory*, vol. 2, no 1, pp. 98-115.
- Shennan S. (2012) Comparative Anthropology and Human Inequality. *Current Anthropology*, vol. 51, no 1, pp. 115-116.
- Skvortsov N. G. (2015) Social'naja antropologija kak sravnitel'naja nauka [Social anthropology as a comparative science]. *Sravnitel'naja sociologija: uchebnik* [Handbook of comparative sociology] (ed. A. V. Rezaev), Sankt Petersburg: St. Petersburg State University Press, pp. 62-75.
- Smelser N. J. (1976) *Comparative Methods in the Social Sciences*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Smelser N. J. (2003) On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology. *International Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 643-657.
- Smith D. E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People*, Toronto: AltaMira Press.
- Summers Effler E. (2010) *Laughing Saints and Righteous Heroes: Emotional Rhythms in Social Movement Groups*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sztompka P. (2009) V fokuse vnimanija povsednevnaia zhizn'. Novyj povorot v sociologii [The focus on everyday life: a new turn in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 8, pp. 3-13.
- Wallerstein I. (2003) Comparative sociology. *The Blackwell Dictionary of Modern Social Thought*, Second Edition (ed. W. Outhwaite), Malden, MA: Blackwell Publishing, pp. 102-103.
- Wallerstein I. (2014) O sravnenii [On Comparison] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 1, pp. 105-107.

Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным?¹

Ильяс Латыпов

Преподаватель кафедры анализа социальных институтов, младший научный сотрудник
Центра социологии культуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: ialatypov@hse.ru; i.latyrov94@mail.ru

Проблему неравенства обычно интерпретируют как неравенство социально-экономическое. Экономические теории объясняют стабильность неравенства связью с макро-процессами и определенной историей развития общества. Социологические теории описывают неравенство несколько шире, — включая в анализ, помимо экономических переменных, понятия статуса и престижа. Современные социологические теории делают акцент на процессах, которые формируют более тонкие механизмы производства и воспроизводства неравенства. Например, сюда относят когнитивные процессы, которые формируют категориальное неравенство на основе схематизации и классификации, а также культурные процессы, проявляющиеся в повседневных действиях через оценивание, стандартизацию и рационализацию. Однако помимо уточнения этих более тонких механизмов воспроизводства неравенства, в современных теориях представлен и непреднамеренный элемент. С точки зрения теории непреднамеренных последствий в основе такого рода процессов могут быть социальные действия, социальное взаимодействие и механизмы воспроизводства институционализированных практик. Это делает проблему неравенства более комплексной, однако позволяет уточнить ключевые ресурсы, с помощью которых оно воспроизводится. Более того, процесс устранения неравенства может привести к ситуации контрфинальности, когда изначальная интенция по снижению неравенства приводит к прямо противоположному эффекту — его увеличению. Это предполагает, чтобы процесс внедрения реформ по снижению неравенства учитывал комплексность и вероятную контрфинальность, а также анализ интенций основных участников.

Ключевые слова: неравенство, непреднамеренные последствия, теория рационального выбора, образование, контрфинальность, культурные процессы, категориальное неравенство.

Постановка проблемы

Говоря о неравенстве, социальные ученые обычно обращают внимание на то, как оно производится и воспроизводится, как влияет на жизненные шансы и возможности, какие проблемы может создать для отдельных людей и общества в целом. Стабильность неравенства объясняется разными процессами: экономическими, социальными, культурными, психологическими. Экономисты обычно ориентированы на измерение неравенства через обладание материальными ресурсами, в то время

1. Исследование осуществлено в рамках проекта «Траектории в образовании и профессии», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

как социологи уделяют больше внимания социальным и культурным процессам. При этом развитие исследований по этой проблематике направлено на уточнение более тонких механизмов поддержания неравенства, где множество уровней и измерений переплетены между собой. Эти механизмы чаще всего действуют не напрямую, через принуждение и эксплуатацию одного класса другим, а через повседневные действия, которые связаны с социальными и культурными различиями. Эти повседневные действия как невидимая нить объединяют и разъединяют людей через, например, оценивание, категоризацию и сегрегацию. Люди стараются окружать себя людьми, похожими на них, и наоборот отстраниться от тех, кто от них отличается. Это происходит в самых разных ситуациях, от выбора места, где пообедать, до района проживания. Множество теорий, описывающих стабильность и воспроизводство неравенства, подразумевают непреднамеренные механизмы, когда неравенство есть результат действий, не подразумевающих производство этого неравенства. Цель нашей статьи — показать, как работают непреднамеренные механизмы с точки зрения разных теорий, объясняющих стабильность неравенства, и что дает выявление этих механизмов для конкретного социального анализа.

Для начала рассмотрим, как представлена проблема неравенства в экономике и социологии, каковы теоретические способы описания и объяснения проявления неравенства и его стабильности. Затем покажем, что во многих теориях, объясняющих стабильность неравенства, подразумевается непреднамеренный процесс. Это даст возможность ответить на вопрос о том, что нам дает понимание неравенства как непреднамеренного процесса и почему работа по преодолению неравенства — это более сложная и комплексная задача, не предполагающая тривизализации и абстрактных упрощений.

Проблема неравенства в экономике и социологии

Неравенство — это феномен, который обозначает неравномерное распределение каких-либо благ или ресурсов. При этом неравенство имеет разнообразные измерения. Базовым можно считать экономическое неравенство, под которым понимают, главным образом, различия в уровнях дохода, накопленного богатства и в целом во владении материальными ресурсами. В экономической науке и в социологии накопилось не мало теорий, объясняющих то, как феномен неравенства связан с различными экономическими и социальными процессами. Одним из таких механизмов производства неравенства можно назвать производственные отношения и принцип разделения труда. При капитализме общество состоит из противоположных классов, которые различаются не только по отношению к средствам производства, но и по образу жизни и классовому сознанию (Маркс, Энгельс, 1961). Другой экономический подход к анализу производства неравенства связан с экономическим ростом. Экономист Саймон Кузнец предположил, что рост неравенства обусловлен экономическим ростом, однако по мере созревания капитализма, с замедлением его развития, эта тенденция

снижается (Kuznets, 1955). Последующие эмпирические исследования показали, что эта связь не так однозначна, а иногда даже и находится в обратном предположению Кузнецца отношении (Guidetti, Rehbein, 2014; Castells-Quintana, Royuela, 2017). Даже если такая связь имеется, то рост неравенства существенно зависит от других условий экономической и политической среды, например, насколько богатые обладают политическим влиянием, насколько разные институты создают возможности для социальной мобильности (Marrero, Rodríguez, 2013; Bagchi, Svejnar, 2015).

Некоторые исследования неравенства указывают на его связь с глобализацией. Анализ глобальных рынков показывает, что существует ярко выраженный разрыв между развитыми, развивающимися и периферийными странами в уровне оплаты и в характере труда. Перенос низкоквалифицированного производства в развивающиеся страны создает неравенство в оплате труда и в требованиях к навыкам (Guidetti, Rehbein, 2014). В то же время отмечается, что развивающимся странам глобализация может помочь в создании рабочих мест и в сокращении разрыва между высококвалифицированными и низкоквалифицированными рабочими (Mills, 2009). Таким образом, глобализация рынков — это, скорее, один из факторов неравенства, который при этом существенно зависит от внутринациональных процессов (Asteriou, Dimelis, Moudatsou, 2014).

В долгосрочной перспективе, по мере их накопления, исследования начинают фиксировать, что описание зависимости роста неравенства от макроэкономических процессов имеет ряд ограничений и дополнительных переменных, а многие предсказания сокращения неравенства не сбываются, рост неравенства продолжается, несмотря на изменения в этих процессах (Naugar, 2014; Atkinson, 2015). Сами же экономические характеристики, вроде дохода и богатства, при внимательном рассмотрении существенно различаются у разных слоев населения не только в размерах, но и в плане стабильности и перспектив накопления (Erikson, Goldthorpe, 2010; Goldthorpe, 2012).

Подход к исследованию неравенства в социологии несколько отличается от экономического. Как пишет Джон Голдторп, если в экономике преобладает анализ *атрибутивного неравенства*, то в социологии исследования направлены на *относительное неравенство*, которое предполагает многомерную стратификацию, с множеством переменных (Goldthorpe, 2012: 204). При этом в социологии выделяются два основных подхода: *классовая стратификация* и *статусные различия*. По крайней мере со времен Макса Вебера считается, что наряду с экономическими характеристиками, вроде различий в собственности, следует учитывать *престиж* и *власть*. Эти три фактора порождают экономические классы, политические партии и статусные группы (Вебер, 1992). Экономические классы, по Веберу, более раздроблены, чем по Марксу, они не являются субъектом действия. Различия между классами — это различия между возможностями на рынке труда. Статусные же группы — более аморфный феномен, связанный с некоторой социальной оценкой и признанием. Представителей статусной группы

объединяет стиль жизни, они стремятся обособиться от других, монополизировать блага и возможности. Политические партии — более формальные группы с общими интересами, часто в их составе могут быть представители определенных классов и статусных групп. Так, представление Вебера о трех стратификационных иерархиях было одной из первых социологических попыток показать более сложную природу неравенства в обществе, которая не ограничивается экономическими дихотомиями.

В современных социологических исследованиях неравенства, помимо класса (определяемого по отношению к средствам производства) и статуса, в качестве ключевых переменных, объясняющих различия в распределении ресурсов и возможностей, а также факторов производства и воспроизводства неравенства, выступают доход, богатство, образование, профессия, пол, возраст, раса, место жительства и т. д. В этой связи считается, что наиболее перспективный подход к неравенству предполагает анализ не только материальных аспектов неравенства, но и культурных, социальных и когнитивных (Lamont, Pierson, 2019: 6). К тому же в последние десятилетия социологи стали больше уделять внимания микро- и макро- аспектам неравенства и взаимосвязи процессов этих двух уровней как важному фактору понимания воспроизводства неравенства (Ridgeway, 2014). Другим перспективным направлением исследований является интерсекциональный подход к неравенству, когда положение и возможности человека в обществе объясняются пересечением нескольких социальных и экономических параметров (Walby, Armstrong, Strid, 2012; Monk, 2022).

В рамках этих направлений исследований развивается и социологическая теория, предлагающая различные описания и объяснения процесса производства неравенства. Чаще всего современные социологические теории описывают конкретный аспект или сферу неравенства, будь то экономика, культура или образование. Осмелимся утверждать, что во многих современных теориях, которые наиболее часто используются при описании процессов воспроизводства неравенства, лежит механизм непреднамеренных последствий. Но для начала следует определить, что такое непреднамеренные последствия и какие теоретические ресурсы стоят за описанием и объяснением этого феномена. Это позволит выделить три группы теорий, в основе которых заложен механизм непреднамеренных последствий, что, в свою очередь, дает понимание неравенства как непреднамеренного последствия.

Теория непреднамеренных последствий

Роберт Мертон утверждал, что тема непреднамеренных последствий так или иначе представлена в работах многих социальных ученых (Мертон, 2009: 5). Однако не все они говорили об одном и том же, и чтобы понять интерпретацию каждого, нужно не только хорошо изучить их идеи, но и «разнообразие контекстов» этих идей (Там же). Тогда мы обнаружим, что каждый ученый рассматривал проблему

непреднамеренных последствий, беря лишь определенный ее аспект и ограничивая данное понятие относительно узким (или относительно широким) кругом уточнений. Например, у Георга Зиммеля можно найти описание непреднамеренных последствий жизни в мегаполисе (Gross, 2003). Вебер фокусировался на непреднамеренных последствиях влияния протестантской этики и рационального аскетизма на развитие капитализма (Вебер, 1990; Cherkaoui, 2007; Миса, 2014). Но именно Мертон впервые взялся за систематическое изучение данной проблемы.

Так он отмечал, что непреднамеренные последствия не всегда связаны с отрицательными моментами и не обязательно воспринимаются как нежелательные. Преднамеренные, ожидаемые, последствия по определению всегда желательны, хотя не всегда и не для всех они очевидны как положительные. В целом, определяя, что такое последствия, Мертон так излагает свою позицию:

«Строго говоря, последствия преднамеренного действия сводятся к тем элементам итоговой ситуации, которые являются следствием исключительно данного действия, то есть к тому, чего не случилось бы, если бы данное действие не было совершено. Более конкретно, последствия — это результат взаимного влияния действия и объективной ситуации, то есть условий, в которых совершается действие. Нас, прежде всего, будут интересовать общие итоги действия при определенных условиях» (Мертон, 2009: 7).

У Мертона последствия определяются не только как отдаленный результат действий, но и как результат влияния *условий, в которых эти действия происходили*. Таким образом Мертон предлагает исследовать действия в более широком смысле, рассматривая их в актуальном контексте — и собственно действия, и ситуации (условий) действия.

Последствия по Мертону можно разделить на те, что влияют на субъект действия, и те, что опосредованно влияют на других субъектов, через социальную структуру, культуру и цивилизацию. Здесь открывается широкий простор для исследований непреднамеренных последствий. Мертон не ограничивает непреднамеренные последствия влиянием только на тех, кто их произвел, но предлагает рассматривать и влияние на других через институты и практику.

Помимо концептуальных ограничений в понимании непреднамеренных последствий, Мертон обращает внимание на факторы, влияющие на непреднамеренные последствия и способствующие их появлению.

Первый фактор — это *состояние знаний*. Отсутствие адекватного знания о ситуации может привести к результатам, которые изначально не задумывались. С другой стороны, прошлый опыт может отличаться от нынешней ситуации, и это различие будет влиять на последствия действия. Поэтому в определенных ситуациях незнание некоторых аспектов будет приводить к неожиданным результатам (Мертон, 2009: 12).

Второй фактор — *ошибка*. Обычно люди действуют на основе мнений и оценок и нередко могут полагаться на неверные предположения. Можно ошибиться на любом этапе действия: при оценке текущей ситуации, в выборе способа действия, в предсказании последствий. Часто ошибкой может быть допущение, что один способ действий всегда приводит к одним и тем же последствиям, тогда как в других обстоятельствах такое действие может привести к отличным результатам. Здесь может также присутствовать такая ошибка, как сосредоточение только на одном или на нескольких аспектах ситуации, в то время как множество других обстоятельств не будет учтено.

Еще два фактора, которые выделил Мертон, это «*императивность ближайшего интереса*» и «*озвученные публично предсказания*». Первый фактор означает, что сосредоточенность на непосредственных результатах действия часто исключает охват долгосрочных последствий (Мертон, 2009: 13). Второй говорит нам о том, что озвученные публично предсказания становятся новыми элементами ситуации и изменяют тем самым обычный ход событий. Это относится, в первую очередь, к озвучиванию экспертных, научных мнений, к которым прислушиваются люди и на основе которых меняют свои предпочтения и действия.

Работы Мертона являются центральными среди исследований непреднамеренных последствий на протяжении всей истории социальной мысли (Mennell, 1977; Boudon, 2016; Миса, 2018). При этом после Мертона исследование непреднамеренных последствий долгое время не вызывало широкого интереса². Как отмечал в 1982 году Раймон Будон, в современном социологическом анализе эта тема так же редка, как и обычна в общественной жизни (Boudon, 2016: 3). Однако именно на рубеже 1970-1980-х годов появляется множество работ, которые не только указывают на важность проблемы, но и вносят определенный концептуальный вклад в развитие темы (Schelling, 1978; Elster, 1978; Vernon, 1979; Sieber, 1981). Сам же Будон в это время одним из первых предлагает наиболее последовательный, систематичный и содержательный анализ проблемы непреднамеренных последствий. Вместо термина «непреднамеренные последствия» он использует понятие «*обратного эффекта*» (perverse effect). Данное понятие несколько отличается по своему значению от идей Мертона. Обратные эффекты — это нежелательные, противоречивые последствия и иногда даже противоположные изначальным интенциям. Будон дает им несколько определений:

«Если значительное число людей, оказавшихся в определенных ситуациях, придерживаются одних и тех же убеждений и высказывают одни и те же предсказания, вполне возможно, что они становятся свидетелями обратного эффекта» (Boudon, 2016: 3).

2. За 1950-е — 1960-е годы можно упомянуть только работу Карла Поппера, где отмечается, что социальные науки в значительной степени связаны с непреднамеренными последствиями и приводятся несколько таких примеров (Popper, 1957).

«... существует обратный эффект, когда два (или более) человека, преследуя данную цель, создают непреднамеренное положение дел, которое может быть нежелательным с точки зрения обоих или одного из них» (Boudon, 2016: 14).

Эти определения весьма отличаются от тех, что давал Мертон. Здесь мы находим и указание на взаимовлияние действий отдельных индивидов, и на противоположность результата интенциям акторов. Эти определения фиксируют более широкий взгляд Будона на проблему непреднамеренных последствий. Так, например, очередь, по Будону, порождает обратные эффекты, так как время ожидания воспринимается как негативное и нежелательное явление. Каждый участник очереди теряет время, но в результате приобретает определённый товар или услугу. В этом случае обратный эффект понимается как *сопутствующее нежелательное последствие*. Другим случаем обратного эффекта выступает пример Жан-Жака Руссо: два дикаря договариваются пойти на охоту на оленя, так как один дикарь не справится с такой задачей, а вдвоем они получают больше мяса от оленя, чем если бы один дикарь направился на охоту за зайцами. Однако если охота затянется и один из дикарей увидит зайца, то возможно у него возникнет желание выйти из сделки. Таким образом, дикари не достигнут того, что они планировали. В этом случае обратный эффект понимается как *противоположное намерениям последствие* (обратный эффект по типу дилеммы заключенных).

Помимо прочего, определение «обратных эффектов», пишет Будон, предполагает несколько конфигураций. Эти конфигурации можно представить в виде небольшого списка, где некоторые элементы могут суммироваться и образовывать конкретный эффект.

1. Ни один участник (1a), некоторые участники (1b), все участники (1c) не достигают своих индивидуальных целей.
2. Создание одновременно выгод (2a), или проблем (2b), или коллективных выгод и проблем (2c).
3. Каждое последствие относится только к некоторым (3a) или ко всем участникам (3b) (Boudon, 2016: 6).

Различные сочетания приведенных выше элементов имеют один общий знаменатель: существование эффектов, которые *не подразумевались в интенциях* акторов (Boudon, 2016: 8). Это значит, что все они всегда являются непреднамеренными последствиями, но этот общий знаменатель не отождествляется с традицией Мертона. Наоборот, Будон считает, что помимо этих элементов, мы должны указать, являются ли непреднамеренные последствия предвиденными или непредвиденными. Непредвиденные непреднамеренные последствия относятся к тому, о чем писал Мертон. Таким образом «непреднамеренные последствия» Мертона оказываются подклассом «обратных эффектов» Будона.

Дальнейшее развитие социологии непреднамеренных последствий двигалось в русле классификаций, систематизаций и выделения аналитических рамок для

их исследований (Giddens, 1986: 310–319; Zingerle, 1998; de Zwart, 2015: 283–284). Адриана Мика выделяет три аналитические рамки для исследования непреднамеренных последствий (Mica, 2018: 19–42).

- Непреднамеренные неожиданные последствия социального действия.
- Институты как непреднамеренные последствия социального взаимодействия.
- Механизмы воспроизводства институционализированных практик.

Первая аналитическая рамка представляет собой исследование непреднамеренных последствий конкретного/единичного действия/акта или целенаправленной активности. В ее основе лежит логика, представленная в первой статье Мертон на эту тему (Мертон, 2009). Согласно этой традиции, объяснение непреднамеренным последствиям нужно искать в определенном первоначальном действии: либо это действие основано на ошибке или незнании, либо же искажено в своих эффектах с течением времени или в реакции других.

Вторая аналитическая рамка описывает социальные институты (а также в целом социальные процессы) как непреднамеренные последствия социального взаимодействия и взаимозависимости социальных действий. Эту традицию связывают с идеей «невидимой руки», спонтанного порядка, обратных эффектов и социальных противоречий (Elster, 1978; Boudon, 2016). Согласно ей, объяснение непреднамеренным последствиям нужно искать во взаимовлиянии действий отдельных индивидов, их общих интенциях и объективной ситуации протекания этих действий. При этом ключевыми характеристиками, объясняющими непреднамеренные последствия этого типа, являются эффект композиции и отсутствие координации.

Третья аналитическая рамка обращает внимание на механизмы воспроизводства институционализированных практик. Согласно этому направлению исследований непреднамеренные последствия способствуют воспроизводству социальной структуры. Основу этого взгляда составляет не агрегация действий (в математических моделях и алгоритмах), а диалектика действий и последствий, упорядоченность и систематичность непреднамеренных последствий, которые создают новые условия для действий и выступают их фоном/ситуацией. Здесь основными механизмами систематического возникновения непреднамеренных последствий могут выступать различные когнитивные, эмоциональные, культурные, социальные процессы и отношения, а также институциональные факторы (Mica, 2018: 144).

Кратко, рассмотренные аналитические рамки можно представить в виде таблицы.

Далее будет показано, как разные теории, объясняющие воспроизводство неравенства, имеющие в своей основе механизмы производства непреднамеренных последствий, вписываются в эти три аналитические рамки.

Таблица. Три аналитические рамки исследований непреднамеренных последствий

Аналитические рамки	Непреднамеренные неожиданные последствия социального действия	Институты как непреднамеренные последствия социального взаимодействия	Механизмы воспроизводства институционализированных практик
Ключевые авторы	Р. Мертон, А. Портес	Р. Будон, Ю. Элстер	Э. Гидденс, Ч. Тилли
Механизм производства	Непреднамеренные последствия связаны с конкретным действием, его внутренней структурой и внешней реакцией.	Непреднамеренные последствия связаны с взаимовлиянием отдельных действий, с эффектом композиции и влиянием текущих условий совершения действия.	Непреднамеренные последствия встроены в воспроизводство социальной структуры.
Ключевые факторы и процессы	Ошибка, незнание, императивность ближайшего интереса, озвученные публично предсказания.	Эффект композиции, отсутствие координации, контрфинальность, субоптимальность.	Упорядоченность и систематичность действий, когнитивные, эмоциональные, культурные, социальные процессы.

Непреднамеренный процесс производства неравенства

Описание производства неравенства как непреднамеренного процесса предполагает, что процессы, которые протекают на разных уровнях, не имеют своей целью создание неравенства, по крайней мере, не это определяет направленность действий. Эта идея не нова для социологической теории, но, как кажется, не вполне четко артикулирована. В этом разделе мы рассмотрим три группы теорий, которые по-разному объясняют производство и стабильность неравенства. Будет показано, что в основе каждой из этих теорий неравенства лежит, в свою очередь, теория непреднамеренных последствий и что интерпретация неравенства с этой точки зрения во многом может поменять теоретическое рассмотрение и эмпирическое исследование его производства, а главное — изменит отношение к оценке и предлагаемым решениям проблемы неравенства.

Для начала рассмотрим *категориальное неравенство* Чарльза Тилли. В своей знаменитой книге 1998 года «Durable Inequality» Тилли утверждает, что сохранению неравенства во многом способствуют преобладающие в обществе социальные категории, через которые мы описываем других и взаимодействие с ними. К таким категориям относятся, например, мужчина/женщина, гражданин/иностранец, бедный/богатый и т. д. Этот процесс категоризации протекает в повседневном взаимодействии и люди на его основе решают множество насущных

проблем. Использование в повседневной практике категориальных различий способствует их умножению и нюансированию, а тем самым — и непреднамеренному воссозданию более сложных форм неравенства. Таким образом, создаются системы социальной закрытости, исключения и контроля (Tilly, 1998).

Тили и сам в некоторых местах указывает на непреднамеренный характер множества результатов действия категориального неравенства (Tilly, 1998: 37, 52-56, 108). Это происходит, главным образом, при помощи четырех механизмов: эксплуатация, накопление возможностей, подражание и адаптация. Первые два механизма создают категориальное неравенство, а вторые два его поддерживают. При этом Тилли отмечает, что цель людей — получить вознаграждение с использованием ограниченных ресурсов, а установление границ и категориальное различие происходит вследствие борьбы за ограниченные ресурсы. С точки зрения теории непреднамеренных последствий, механизмы подражания и адаптации можно отнести к третьей аналитической рамке: подражание и адаптация способствуют воспроизводству неравенства, то есть дальнейшему умножению категориальных различий, которые в будущем включены в структуру множества действий.

Непреднамеренность связана также с тем, что категориальные различия закрепляются на когнитивном уровне и легко воспроизводятся (Massey, 2007). В целом такой способ восприятия других является естественным процессом, упрощающим взаимодействие, однако сложно судить о том, как когнитивные процессы напрямую приводят к непреднамеренному производству неравенства. Между этими двумя уровнями, по мнению социологов культуры и неравенства, протекают *культурные процессы*. Культурные процессы при этом трактуются как «непрерывные классифицирующие представления/практики, которые разворачиваются в контексте структур (организаций, институтов) для получения различных типов результатов» (Lamont et al., 2014: 586). К таким процессам/практикам/представлениям относятся, например, *идентификация* и *рационализация*. Идентификация подразумевает процесс соотнесения себя и других с определенными группами. Частными процессами идентификации выступают расизация и стигматизация, посредством которых люди соотносят и придают социальное значение некоторым различиям. Эти процессы часто составляют фон для повседневных действий, но при этом их действие непреднамеренно влияет на множество результатов, в особенности при распределении ресурсов. Рационализация — это процесс, описанный Вебером, характерный для капитализма и современности как уход от традиционного действия в пользу целерационального. Мишель Ламон отмечает, что частными процессами рационализации выступают стандартизация и оценивание. Первое направлено на создание правил и стандартов, а второе на выделение критериев оценки. Оба процесса направлены на создание единых критериев для разных видов практик и мотивированы позитивными целями, однако зачастую используются как преимущества более привилегированных слоев в некотором поле, тогда как другие остаются за гранью соответствий или же нуждаются в больших усилиях.

Нетрудно убедиться, что культурные процессы способствуют непреднамеренному воспроизводству неравенства, так как они составляют фон, или фрейм, в рамках которого люди совершают обычные действия. В этом плане культурные процессы также относятся к третьей аналитической рамке описания непреднамеренных последствий. Культурные процессы позволяют уловить и объяснить, как так получается, что неравенство остается столь устойчивым несмотря на множество социальных изменений, мобильность, экономический рост и реформы. При этом культурные процессы составляют не только недостающее звено в изучении неравенства, но дополняют и общую картину за счет элементов комплексности и неоднозначности, которые способствуют непреднамеренному воспроизводству неравенства. Существует множество исследований, которые показывают, как работают эти культурные процессы в повседневной жизни: через миграцию (Roth, 2012), международную торговлю (Levinson, 2006), воспитание (Lareau, 2003). Посыл Ламон и ее коллег состоит в том, чтобы изучать культурные процессы систематично и во взаимосвязи между собой.

Следующий блок теорий неравенства, который сопряжен с теориями непреднамеренных последствий, — это объясняющие неравенство в образовании, в основе которых лежит теория рационального выбора. К ним относятся: теория максимально поддерживаемого неравенства (Raftery, Hout, 1993), теория эффективно поддерживаемого неравенства (Lucas, 2001), теория относительного избегания риска (Breen, Goldthorpe, 1997) и теория первичных и вторичных эффектов (Boudon, 1974, Jackson et al., 2007; Чиркина, 2018; Куракин, 2020: 172). Ранее уже было описание того, как в целом теория рационального выбора связана с анализом непреднамеренных последствий и, в частности, — с проблемой контрфинальности, когда множество людей, одновременно действуя рационально, приходят к противоположным последствиям (Латыпов, 2021; Латыпов, 2022). При этом не обязательно, чтобы все участники были в проигрыше или чтобы у всех были одинаковые интересы. Сочетание различных предпочтений, целей и обстоятельств — это то, что создает непреднамеренные последствия; эту уникальную комбинацию и следует выявлять в каждом конкретном случае, рассматривая подробно механизм воспроизводства неравенства. Для этой цели следует далее подробно разобрать несколько теорий, объясняющих воспроизводство неравенства в образовании, и показать, что в их основе лежит все тот же механизм производства непреднамеренных последствий.

Начнем с *теории максимально поддерживаемого неравенства*. Согласно ей, если на некоторой ступени образования будет достаточное количество мест для удовлетворения запросов всего населения, то социально-экономическое неравенство будет проявляться на следующей ступени образования. В целом расширение доступа к некоторой ступени образования происходит в первую очередь для представителей наиболее привилегированных слоев населения, и только после такого насыщения идет выравнивание по социально-экономическому положению (Raftery, Hout, 1993: 56-67). Эта теория описывает некоторые закономерности ре-

форм по расширению доступа к определенной ступени образования, но собственное объяснение таких закономерностей лежит в области теории рационального выбора. Переход на более высокий уровень образования происходит, когда выгода от такого перехода превышает издержки. К тому же у семей, где родители имеют высшее образование, сама ценность высшего образования также выше (Glaeser, Soorer, 2014; Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин, 2016). Таким образом, макроэффект различий в уровне перехода на более высокий уровень образования объясняется различием в индивидуальных мотивациях и потребностях в образовании. Важно, что речь идет о субъективной рациональности, то есть с точки зрения именно конкретной семьи, в зависимости от ее социально-экономического положения, делается выбор о переходе на более высокий уровень образования. Макроэффект создается непреднамеренно, потому что каждая семья исходит из своего положения и своих целей, даже если объективно их выбор может быть не оптимальным.

Теория максимально поддерживаемого неравенства обычно рассматривается в тесной связи с теорией *эффективно поддерживаемого неравенства*, которая гласит, что даже если некоторая ступень образования становится общедоступной для всего населения, то неравенство все равно сохраняется на качественном уровне (Lucas, 2001). И хотя обе эти теории являются теориями макроуровня, они имеют под собой все то же объяснение рационального действия людей из разных социальных слоев. В частности, если посмотреть внимательно на теорию эффективно поддерживаемого неравенства, то качественные различия в образовании объясняются наличием такого спроса и притязаний со стороны семей с большим культурным и экономическим капиталом. Опять же, макроэффект неравенства связан с наличием разных возможностей и использованием этих возможностей, прежде всего, с точки зрения субъективной рациональности. Неравенство непреднамеренно воспроизводится, потому что эта рациональность ограничена в своей информации: непривилегированные обладают меньшей информацией о поступлении в селективные вузы. Даже обладая высокими академическими результатами, они значительно реже поступают в селективные вузы, чем представители привилегированных классов (Лукина, 2023: 145-147).

Теория *относительного избегания рисков* основана на теории рационального действия и также объясняет механизм воспроизводства неравенства (Breen, Goldthorpe 1997). Согласно ей, семьи ориентированы на то, чтобы их дети заняли социальную позицию не ниже той, на которой располагаются родители. Эти устремления различаются в зависимости от социально-экономического положения, то есть от наличия ресурсов и с учетом оценок шансов на успех. Таким образом предполагается, что обеспеченные семьи, где у обоих родителей высшее образование, будут стремиться к получению высшего образования для своих детей, в то время как семьи с низким социальным положением будут менее ориентированы на высшее образование.

Еще одна теория, объясняющая неравенство в образовании — это теория *первичных и вторичных эффектов неравенства* (Boudon, 1974, Jackson et al., 2007). К первичным эффектам относятся различия в успеваемости в зависимости от социально-экономического положения: дети из более обеспеченных семей показывают успеваемость выше, чем дети из менее обеспеченных. Вторичные эффекты указывают на то, что даже при одинаковом уровне успеваемости дети из обеспеченных семей чаще совершают выбор в пользу продолжения обучения, чем дети из менее обеспеченных семей. При этом фактор обеспеченности семьи влияет не только на выбор более высокого образования, но и на повышенное качество и престижность этого образования (Хавенсон, Чиркина, 2018: 77).

По сути, все эти теории содержат одну общую аксиому: более обеспеченные семьи имеют большие притязания на более высокое и качественное образование и достаточные возможности для осуществления этого. В каждой конкретной ситуации, по крайней мере с точки зрения субъективной рациональности, в зависимости от социально-экономического положения, выбор в пользу продолжения образования и выбор в пользу более качественных и престижных учебных заведений всегда оптимален, исходя из ресурсов, притязаний, выгод и издержек. При этом неравенство сохраняется, даже если институционально образование претерпевает изменения. Первые две теории как раз и направлены на описание этого процесса: даже если какой-то уровень образования становится доступным для всех, то на нем все равно сохраняются различия в качестве образования, а на следующей ступени сохраняются как количественные, так и качественные различия. Рынок образования, или институт образования, так устроен, что при существенных изменениях на институциональном уровне происходят существенные изменения на индивидуальном уровне, меняются притязания и предпочтения родителей и детей, и с изменением спроса меняется предложение. В этом плане эти теории в своей основе имеют механизм производства неравенства как непреднамеренного последствия взаимодействия и взаимовлияния отдельных действий и условий. С другой стороны, неравенство непреднамеренно воспроизводится, потому что все эти теории подразумевают субъективную рациональность, которая ограничена в своей информации. Таким образом имеет место фактор наличия или отсутствия определенных знаний и ошибочные предположения в выборе действия, что ближе к аналитической рамке непреднамеренных последствий мертовского типа.

Воспроизводство неравенства зависит от множества когнитивных и культурных процессов, а также от рационального выбора в разных социально-экономических условиях. Эти процессы и выбор непреднамеренно влияют на воспроизводство неравенства. Для более глубокого анализа взаимодействия процессов воспроизводства неравенства и эффектов непреднамеренных последствий следует подробнее остановиться на феномене контрфинальности, который позволяет детально описать и объяснить некоторые способы производства неравенства, а также неудачи в попытках его преодоления.

Контрфинальность в воспроизводстве неравенства

Контрфинальность получила уже множество разнообразных определений в социальных науках, это зонтичный термин для разных дисциплин и концепций. Жан Поль Сартр ввел и использовал термин «контрфинальность» для описания непреднамеренных исторических последствий совокупности действий (Sartre, 2004). По его мнению, контрфинальность возникает, когда некоторая практика распространяется повсеместно и становится привычным действием, дающим выгоду в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной — трагедию.

Юн Элстер, развивая понятие «контрфинальность» в социологической теории, использует его несколько шире и дает более системное его описание:

«Контрфинальность — это непреднамеренные последствия, которые возникают, когда каждый человек в группе действует на основе такого предположения о своих отношениях с другими, что при обобщении, они дают противоречие в выводе ошибки композиции, при том, что antecedent этой ошибки является истинным» (Elster, 1978: 106).

Таким образом, для Элстера важными составляющими контрфинальности становятся *нескоординированность действий* и *эффект композиции*. В подобном же ключе рассуждает и Раймон Будон, описывая обратные эффекты, прежде всего, в области неравенства в образовании (Boudon, 2016; Van Parijs, 1982).

Рассматривая различные концепции контрфинальности в контексте неравенства, представляется важным обозначить несколько вопросов, ответы на которые дадут понимание применения той или иной концепции. Главное в них — это то, что всегда есть *противоположный результат*, но противоположный чему именно? Кто является агентом интенции, и какие силы или обстоятельства влияют на недостижение результата? Рассмотрим наиболее приемлемые ответы.

Во-первых, результаты могут быть противоположны интенциям на основе *эффекта композиции*, когда в силу ограниченности товара или ресурса невозможно равномерное их распределение среди всех участников, использующих их для достижения своей цели. Этот ответ наиболее близок концепции контрфинальности Элстера. В такой ситуации в группе всегда будут победители и проигравшие, и дело даже не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Разница, скорее, в некоторой доле удачи и своевременности некоторых действий³. В контексте неравенства — это также разница между начальными позициями субъектов, их капиталом и возможностями. В этом понимании неравенство как контрфинальность можно наблюдать, например, в образовании и на рынке труда: ограниченное количество бюджетных мест и вакансий создает борьбу между участниками, где победа определяется рядом факторов.

3. Роль удачи и случайности в формировании жизненных шансов — одна из вновь недавно поднятых тем в социологии неравенства (Sauder, 2020).

Во-вторых, результаты могут быть противоположны, потому что ситуация оказалась слишком сложной, и обстоятельства способствовали противоположному результату. Этот ответ наиболее близок к идеям Мертона об ошибках и недальновидности, а также к идее контрфинальности по Сартру. Часто выбирая между несколькими вариантами, люди приходят к одному и тому же выбору, или же долгое время совершают одни и те же действия, которые в перспективе приводят к противоположным последствиям.

В-третьих, противостояние разных групп противоположных интересов может создавать контрфинальность. Тут наиболее подходящим примером можно считать реформы или нововведения, которые осуществлялись с тем, чтобы изменить ситуацию, но любые институциональные или поведенческие изменения с одной стороны, приводят к институциональным или поведенческим изменениям и с других сторон. Это объясняет, почему, когда вводятся реформы по устранению неравенства в образовании, возникают новые институциональные механизмы, которые воспроизводят неравенство, и меняется поведение, которое сохраняет неравенство. Этот механизм, как было показано ранее, лежит в основе теории эффективно поддерживаемого неравенства.

Наконец, в-четвертых, важно, каковы изначальные интенции, и что можно считать противоположным результатом. Например, когда правительство проводит реформу в образовании с целью сокращения гендерного или социально-экономического неравенства в распределении учебных мест, оно может достичь успеха в этом деле, но в другом измерении неравенства ситуация может не то, что не измениться, но и ухудшиться. Многие исследования показывают, что даже если устранить неравенство в образовании, это не устранит, а иногда и усилит, неравенство экономическое. (Breen, Chung, 2015; Boudon, 2016).

Представленные концепции и аспекты контрфинальности находят применение в разных контекстах производства неравенства. Наиболее общими можно назвать два: неравенство как контрфинальность и контрфинальность как результат политики снижения неравенства. В первом случае сам процесс воспроизводства неравенства связан с эффектом композиции, ошибками и недальновидностью, во втором случае изначальная интенция по снижению неравенства приводит к противоположному результату, то есть воспроизводству неравенства. Если первый контекст можно использовать, скорее, как теоретический инструмент описания процесса воспроизводства неравенства, то второй вполне применим на практике: продуманная стратегия по снижению или устранению неравенства должна включать анализ ключевых интересов агентов действия, анализ различных условий и обстоятельств, учет разных измерений неравенства.

Заключение

Ранние концепции, описывавшие неравенство как проблему борьбы за власть и богатство, видя в неравенстве только экономический аспект, не позволяли го-

ворить, что неравенство отмечено непреднамеренностью. Последнее является атрибутом социального и коллективного действия, а значит составляет предмет социологии. Современные социальные исследования, описывающие неравенство в терминах категориальных различий, культурных процессов, распределения культурного, экономического и символического капиталов, позволяют уловить этот элемент непреднамеренности. Они показывают, как повседневные действия, не подразумевающие воспроизводства неравенства, приводят к непреднамеренным последствиям его воспроизводства. Эти теории объясняют, как люди, преследуя индивидуальные рациональные цели, действуют коллективно не оптимально и создают неравенство в обществе. Неравенство больше не проблема актуальных ресурсов, это проблема понимания, восприятия и использования доступных возможностей.

Такое понимание неравенства усложняет и процесс реформ по снижению неравенства. Это требует более комплексной и тонкой работы, так как, согласно концепции контрфинальности, при любых целенаправленных действиях, направленных на изменение ситуации, возникают неучтенные обстоятельства, и, более того, изменяется поведение других групп интересов. Такое понимание неравенства, в первую очередь, должно изменить подход к оценке инструментов, направленных на его преодоление. Эта оценка должна включать анализ рисков, анализ разных групп интересов и возможных изменений в поведении ключевых акторов.

Неравенство — это непреднамеренное последствие рациональных действий отдельных индивидов, которые совершаются в определенных институциональных, культурных и пространственно-временных условиях. Именно непреднамеренность, как было показано выше, и делает неравенство столь серьезной, комплексной и трудно разрешаемой проблемой. Многие неудачи реформ и политики по преодолению неравенства связаны именно с тем, что не до конца ясно, какие конфигурации и механизмы стоят за каждым конкретным проявлением этой проблемы. Вслед за когнитивным поворотом, который показал важность когнитивных процессов для производства неравенства, и за культурным поворотом, который показал, что культурные процессы мезоуровня составляют недостающее звено в непреднамеренном производстве неравенства, возможно, будущие исследования позволят лучше понять процесс производства неравенства и выявить новые неочевидные механизмы, стоящие за ним.

Литература

- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / Пер. с немец. и общ. ред.: Ю. Н. Давыдов. М.: ПрогрессС.
- Вебер М. (1992). Класс, статус и партия // Социальная стратификация / С. А. Белановский (ред.). Вып. 1. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 19–38

- Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. (2016). Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5. С. 76-97.
- Куракин Д. (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167-231.
- Латышов И. А. (2021). «Контрфинальность» в социологической теории: реконцептуализация понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 4. С. 697-710.
- Латышов И. А. (2022). Действие, парадокс и непреднамеренные последствия: контрфинальность как комплексная социологическая проблема // Социологические исследования. № 5. С. 3-14.
- Лукина А. А. (2023). Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. № 2. С. 133-160.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961). Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М.: Политиздат, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Мертон Р. (2009). Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Пер. с англ. В. Кузьминова // Социологический журнал. № 2. С. 5-17.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2018). Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 66-89.
- Чиркина Т. А. (2018). Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 109-125.
- Asteriou D., Dimelis S., Moudatsou A. (2014). Globalization and income inequality: A panel data econometric approach for the EU27 countries // Economic Modelling. Vol. 36. P. 592-599.
- Atkinson T. (2015). What can be done about inequality? // Juncture. Vol. 22. № 1. P. 32-41.
- Bagchi S., Svejnar J. (2015). Does wealth inequality matter for growth? The effect of billionaire wealth, income distribution, and poverty // Journal of Comparative Economics. Vol. 43. № 3. P. 505-530.
- Boudon R. (1974). Education, Opportunity, and Social Inequality. New York: Wiley.
- Boudon R. (2016). [1982]. The unintended consequences of social action. New York: Springer.
- Breen R., Chung I. (2015). Income Inequality and Education // Sociological Science. Vol. 2. P. 454-477.
- Breen R., Goldthorpe J. (1997). Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory // Rationality and Society. Vol. 9. № 3. P. 275-305.
- Castells-Quintana D., Royuela V. (2017). Tracking positive and negative effects of inequality on long-run growth // Empirical Economics. Vol. 53. № 4. P. 1349-1378.
- Cherkaoui M. (2007). Good Intentions: Max Weber and the Paradox of Unintended Consequences. Oxford: Bardwell Press.

- De Zwart F.* (2015). Unintended but not unanticipated consequences // *Theory and Society*. Vol. 44. № 3. P. 283-297.
- Elster J.* (1978). *Logic and society: contradictions and possible worlds*. Chichester: J. Wiley.
- Erikson R., Goldthorpe J.* (2010). Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility // *British Journal of Sociology*. Vol. 61. P. 211-230.
- Giddens A.* (1986) [1984]. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press/Oxford: Basil Blackwell.
- Glaesser J., Cooper B.* (2014). Using Rational Action Theory and Bourdieu's Habitus Theory Together to Account for Educational Decision-making in England and Germany // *Sociology*. Vol. 48. № 3. P. 463-481.
- Goldthorpe J.* (2012). Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted // *Revista Española De Investigaciones Sociológicas (REIS)*. Vol. 137. № 1. P. 201-215.
- Gross M.* (2003). Sociologists of the Unexpected. Edward A. Ross and Georg Simmel on the Unintended Consequences of Modernity // *The American Sociologist*. Vol. 34. P. 40-58.
- Guidetti, G., Rehbein B.* (2014). Theoretical Approaches to Inequality in Economics and Sociology // *Transcience*. Vol. 5. № 1. P. 1-15.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J., Yaish M.* (2007). Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales // *Acta Sociologica*. Vol. 50. № 3. P. 211-229.
- Kuznets S.* (1955). Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*. Vol. 45. № 1. P. 1-28.
- Lamont M., Beljean St., Clair M.* (2014). What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality // *Socio-Economic Review*. Vol. 12. № 3. P. 573-608.
- Lamont M., Pierson p.* (2019). Inequality Generation & Persistence as Multidimensional Processes: An Interdisciplinary Agenda // *Daedalus*. Vol. 148. № 3. P. 5-18.
- Lareau A.* (2003). *Unequal Childhood: Class, Race, and Family Life*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Levinson M.* (2006). *The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Lucas S. R.* (2001). Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. № 6. P. 1642-1690.
- Marrero G. A., Rodríguez J. G.* (2013). Inequality of opportunity and growth // *Journal of Development Economics*. Vol. 104. P. 107-122.
- Massey D. S.* (2007). *Categorically unequal: The American stratification system*. New York: Russell Sage Foundation.
- Mennell S.* (1977). Individual action and its social consequences in the work of Norbert Elias' // *Human Figurations: Essays for Norbert Elias*. Amsterdam: *Amsterdams Sociologisch Tijdschrift*. P. 99-109.

- Mica A.* (2018). *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*. London and New York: Routledge.
- Mica A.* (2014). Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis? // *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja*. Vol. 23. P. 71–95.
- Mills M.* (2009). *Globalization and Inequality* // *European Sociological Review*. Vol. 25. № 1. P. 1–8.
- Monk E. P.* (2022). *Inequality without Groups: Contemporary Theories of Categories, Intersectional Typicality, and the Disaggregation of Difference* // *Sociological Theory*. Vol. 40. № 1. P. 3–27.
- Nayyar D.* (2014). *Why employment matters: Reviving growth and reducing inequality* // *International Labour Review*. Vol. 153. № 3. P. 351–364.
- Popper K.* (1957). *The Poverty of Historicism*. Boston: The Beacon Press.
- Raftery A. E., Hout M.* (1993). *Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975* // *Sociology of Education*. Vol. 66. № 1. P. 41–62.
- Ridgeway C. L.* (2014). *Why Status Matters for Inequality* // *American Sociological Review*. Vol. 79. № 1. P. 1–16.
- Roth W. D.* (2012). *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Sartre J. P.* (2004). *Critique of Dialectical Reason: volume 1 Theory of Practical Ensembles*. London: Verso.
- Sauder M.* (2020). *A Sociology of Luck* // *Sociological Theory*. Vol. 38. № 3. P. 193–216.
- Schelling T. C.* (1978). *Micromotives and Macrobehavior*. London and New York: W. W. Norton.
- Sieber S.* (1981). *Fatal Remedies. The Ironies of Social Intervention*. New York: Plenum.
- Tilly C.* (1998). *Durable inequality*. Los Angeles: University of California Press.
- Van Parijs p.* (1982). *Perverse effects and social contradictions: analytical vindication of dialectics?* // *The British Journal of Sociology*. Vol. 33. № 4. P. 589–603.
- Vernon R.* (1979). *Unintended Consequences* // *Political Theory*. Vol. 7. № 1. P. 57–73.
- Walby S., Armstrong J., Strid S.* (2012). *Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory* // *Sociology*. Vol. 46. № 2. P. 224–240.
- Zingerle A.* (1998). *The Unanticipated Consequences of Action: Sociological and Ethical Aspects* // Robert K. Merton and *Contemporary Sociology* Tabboni/S. Mongardini (ed.). New Brunswick (NJ): Transaction Publishers. p. 177–186.

Unintended Consequences of Intentional Actions: Why Does Inequality Remain Stable?

Ilyas Latypov

Lecturer at the Department for Social Institutions Analysis, Junior Research Fellow at the Center for Cultural Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: ialatypov@hse.ru; i.latypov94@mail.ru

By the problem of inequality social scientists usually understood socioeconomic inequality. Economic theories explain the stability of inequality by connection with macro processes and a certain history of society development. Sociological theories describe inequality more broadly, including in the analysis, in addition to economic variables, the concepts of status and prestige. Modern sociological theories focus on the processes that form the more subtle mechanisms of production and reproduction of inequality. For example, this includes cognitive processes that form categorical inequality based on schematization and classification, as well as cultural processes that manifest themselves in everyday actions through evaluation, standardization and rationalization. However, in addition to clarifying these more subtle mechanisms of inequality reproduction, these theories describe an unintended element in this process. From the point of view of the theory of unintended consequences, this process can be based on social actions, social interaction and the mechanisms of reproduction of institutionalized practices. Theoretical analysis indicates that many sociological theories of inequality include an unintended element and fit into the framework of the study of unintended consequences. This makes the problem of inequality more complex, but allows us to clarify the key resources with which it is reproduced. Moreover, the process of eliminating inequality can lead to a situation of counterfinality, when the initial intention to reduce inequality leads to its increase. Such a view requires that the process of implementing reforms to reduce inequality involves an analysis of the intentions, taking into account a variety of circumstances and dimensions of inequality.

Keywords: inequality, unintended consequences, rational choice theory, education, counterfinality, cultural processes, categorical inequality.

References

- Asteriou D., Dimelis S., Moudatsou A. (2014) Globalization and income inequality: A panel data econometric approach for the EU27 countries. *Economic Modelling*, vol. 36, pp. 592–599.
- Atkinson T. (2015) What can be done about inequality? *Juncture*, vol. 22, no 1, pp. 32–41.
- Bagchi S., Svejnar J. (2015) Does wealth inequality matter for growth? The effect of billionaire wealth, income distribution, and poverty. *Journal of Comparative Economics*, vol. 43, no 3, pp. 505–530.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality*, New York: Wiley.
- Boudon R. (2016) [1982] *The unintended consequences of social action*, New York: Springer.
- Breen R., Chung I. (2015) Income Inequality and Education. *Sociological Science*, vol. 2, pp. 454–477.
- Breen R., Goldthorpe J. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3, pp. 275–305.
- Castells-Quintana D., Royuela V. (2017) Tracking positive and negative effects of inequality on long-run growth. *Empirical Economics*, vol. 53, no 4, pp. 1349–1378.
- Cherkaoui M. (2007) *Good Intentions: Max Weber and the Paradox of Unintended Consequences*, Oxford: Bardwell Press.
- Chirkina T.A. (2018) Social'no-jekonomicheskoe polozhenie i vybor obrazovatel'noj traektorii uchashhimisja: teoreticheskie podhody k izucheniju vzaimosvjazi [Review of Theoretical

- Approaches to the Study of the Relationship between Students' SocioEconomic Status and Educational Choice]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 109–125.
- De Zwart F. (2015) Unintended but not unanticipated consequences. *Theory and Society*, vol. 44, no 3, pp. 283–297.
- Elster J. (1978) *Logic and society: contradictions and possible worlds*, Chichester: J. Wiley.
- Erikson R., Goldthorpe J. (2010) Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility. *British Journal of Sociology*, vol. 61, pp. 211–230.
- Giddens A. (1986) [1984] *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Cambridge: Polity Press/Oxford: Basil Blackwell.
- Glaeser J., Cooper B. (2014) Using Rational Action Theory and Bourdieu's Habitus Theory Together to Account for Educational Decision-making in England and Germany. *Sociology*, vol. 48, no 3, pp. 463–481.
- Goldthorpe J. (2012) Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted. *Revista Española De Investigaciones Sociológicas (REIS)*, vol. 137, no 1, pp. 201–215.
- Gross M. (2003) Sociologists of the Unexpected. Edward A. Ross and Georg Simmel on the Unintended Consequences of Modernity. *The American Sociologist*, vol. 34, pp. 40–58.
- Guidetti G., Rehbein B. (2014) Theoretical Approaches to Inequality in Economics and Sociology. *Transcience*, vol. 5, no 1, pp. 1–15.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J., Yaish M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*, vol. 50, no 3, pp. 211–229.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Jeffektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybor obrazovatel'noj traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality. The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 66–89.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Vosproizvodstvo social'nogo neravenstva v rossijskoj obrazovatel'noj sisteme [The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 5, pp. 76–97.
- Kurakin D. (2020) Tragedija neravenstva: raschelovechivaja «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167–231.
- Kuznets S. (1955) Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, vol. 45, no 1, pp. 1–28.
- Lamont M., Beljean St., Clair M. (2014) What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573–608.
- Lamont M., Pierson p. (2019) Inequality Generation & Persistence as Multidimensional Processes: An Interdisciplinary Agenda. *Daedalus*, vol. 148, no 3, pp. 5–18.
- Lareau A. (2003) *Unequal Childhood: Class, Race, and Family Life*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Latypov I. A. (2021) «Kontrfinal'nost'» v sociologicheskoj teorii: rekonceptualizacija ponjatija ['Counterfinality' in sociological theory: Reconceptualization of the concept]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 4, pp. 697–710.
- Latypov I. A. (2022) Dejstvie, paradoks i neprednamerennye posledstvija: kontrfinal'nost' kak kompleksnaja sociologicheskaja problema [Action and unintended consequences: counterfinality's paradox as a sociological problem]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 3–14.
- Levinson M. (2006) *The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 6, pp. 1642–1690.
- Lukina A. A. (2023) Obrazovatel'nye traektorii studentov pervogo pokolenija kak kejs neravenstva v vysshem obrazovanii [Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education]. *Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 133–160.
- Marrero G. A., Rodriguez J. G. (2013) Inequality of opportunity and growth. *Journal of Development Economics*, vol. 104, pp. 107–122.

- Marx K., Engels F. (1961) *Sochinenija. Izdanie 2. Tom 20.* [Writings. Edition 2. Volume 20], Moscow: Politizdat, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
- Massey D. S. (2007) *Categorically unequal: The American stratification system*, New York: Russell Sage Foundation.
- Mennell S. (1977) Individual action and its social consequences in the work of Norbert Elias'. *Human Figurations: Essays for Norbert Elias*, Amsterdam: Amsterdams Sociologisch Tijdschrift, pp. 99-109.
- Merton R. (2009) Neprednamerennye posledstvija prednamerennogo social'nogo dejstvija [Unanticipated consequences of the purposive social action]. *Sociologičeskij žurnal*, no 2, pp. 5-17.
- Mica A. (2014) "Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis?" *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja*, vol. 23, pp. 71-95.
- Mica A. (2018) *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*, London and New York: Routledge.
- Mills M. (2009) Globalization and Inequality. *European Sociological Review*, vol. 25, no 1, pp. 1-8.
- Monk E. P. (2022) Inequality without Groups: Contemporary Theories of Categories, Intersectional Typicality, and the Disaggregation of Difference. *Sociological Theory*, vol. 40, no 1, pp. 3-27.
- Nayyar D. (2014) Why employment matters: Reviving growth and reducing inequality. *International Labour Review*, vol. 153, no 3, pp. 351-364.
- Popper K. (1957) *The Poverty of Historicism*, Boston: The Beacon Press.
- Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921-1975. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41-62.
- Ridgeway C. L. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review*, vol. 79, no 1, pp. 1-16.
- Roth W. D. (2012) *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Sartre J. P. (2004) *Critique of Dialectical Reason: volume 1 Theory of Practical Ensembles*, London: Verso.
- Sauder M. (2020) A Sociology of Luck. *Sociological Theory*, vol. 38, no 3, pp. 193-216.
- Schelling T. C. (1978) *Micromotives and Macrobehavior*, London and New York: W. W. Norton.
- Sieber S. (1981) *Fatal Remedies. The Ironies of Social Intervention*, New York: Plenum.
- Tilly C. (1998) *Durable inequality*, Los Angeles: University of California Press.
- Van Parijs p. (1982) Perverse effects and social contradictions: analytical vindication of dialectics? *The British Journal of Sociology*, vol. 33, no 4, pp. 589-603.
- Vernon R. (1979) Unintended Consequences. *Political Theory*, vol. 7, no 1, pp. 57-73.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 224-240.
- Weber M. (1990) *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. Izbrannye proizvedenija* [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works] (eds. Y. N. Davydov), Moscow: Progress.
- Weber M. (1992) *Klass, status i partija* [Class, status and party]. *Social'naja stratifikacija Vyp. 1.* [Social stratification. Issue 1] (eds. S. A. Belanovskij), Moscow: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN, pp. 19-38.
- Zingerle A. (1998) The Unanticipated Consequences of Action: Sociological and Ethical Aspects. *Robert K. Merton and Contemporary Sociology Tabboni* (ed. S. Mongardini), New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, pp. 177-186.

Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота¹

Евгений Варшавер

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Центра региональных исследований и урбанистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
руководитель Группы исследований миграции и этничности
Адрес: просп. Вернадского, д. 84, к. 3, Москва, 119571, Российская Федерация
E-mail: varshavere@gmail.com, evarshaver@hse.ru

В данной статье представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель, созданная на основании современных конструктивистских подходов к исследованиям этничности и находящаяся в контексте когнитивного поворота, происходящего в социальных науках в целом и исследованиях этничности в частности. Эта модель является синтетической и отвечает на вопрос, что именно нужно исследовать, когда исследуется этничность. Она также предоставляет инструменты для операционализации этничности в эмпирических исследованиях. В общем виде модель описывает дифференцирующие коллективные представления. Ее ключевой элемент — этнические категории и их соотношения. Эти категории связаны с атрибутами первого и второго порядка. Третий элемент в модели — общие представления об этничности, характеризующие ее конструкцию, понимаемую как совокупность категорий, атрибутов и общих представлений во взаимосвязи.

Ключевые слова: этничность, конструктивизм, когнитивный поворот, конструкция этничности, категории, Брубекер

Исследования этничности находятся в перманентном кризисе в силу неопределенности объекта. Уйдя от наивного «группизма», к согласию по поводу основного фокуса изучения ученые так и не пришли. В качестве такового порой используются метафоры («этнические границы») (Sanders, 2002; Chai, 1996; Ingelaere, Paviotti, 2023), или концепты («идентичность»), значение которых в связи с широтой применения оказывается размыто и противоречиво (Nagel, 1994; McDermott, Samson, 2005; Modood, 2004). В результате эмпирические исследователи оказываются дезориентированы, поскольку им до конца не ясно, что именно нужно наблюдать и о чем спрашивать. Было реализовано несколько важных проектов, призванных снизить степень теоретико-методологической неопределенности (Wimmer, 2013; Chandra, 2012; Jenkins, 1994; Brubaker, 2006), однако они справились с задачей не полностью, отчего ситуация лишь усугубилась.

1. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

В этой статье будет произведена попытка решения ограниченной, однако, как представляется, ключевой для построения устойчивой программы исследований задачи. Эта задача состоит в создании дескриптивной теоретико-методологической модели для исследования этничности. Следует отметить, что эта задача лишь в небольшой степени состоит в том, чтобы дать определение этничности, поскольку оно должно служить рамкой для последующего выделения концептов и различных методологических ходов, позволяющих исследовать этничность эмпирически. Именно эта работа — по концептуализации этничности для эмпирического изучения — и является центральной в статье.

Для начала будут эксплицированы теоретические основания модели (конструктивистские исследования этничности и когнитивный поворот), затем определен теоретический объект в широком, социологическом смысле, далее пунктирно описана история определений этничности и дано рамочное, рабочее определение. Затем — в качестве основного результата — будет предложена дескриптивная теоретико-методологическая модель исследования этничности и ряд эмпирических решений, фокусирующихся на тех или иных элементах этой модели. В заключение модель будет сопоставлена с проектами-предтечами, определено ее положение среди них, ее ограничения и перспективы, в том числе при междисциплинарном использовании.

Конструктивизм и когнитивный поворот в исследованиях этничности как теоретические основания модели

Описываемая модель лежит в русле конструктивистской социологии. Реконструкция интеллектуальной генеалогии конструктивизма (или конструкционизма) не входит в задачи данной работы², однако важным представляется коротко резюмировать основную идею конструктивизма. Согласно ей, социальные явления — это коллективные представления, создающиеся и поддерживаемые в ходе взаимодействия между людьми. Эти представления воспроизводятся за счет институционализации и рутинизации, передаются новым членам общества в процессе социализации и таким образом формируют реальность для индивидов.

В исследованиях этничности конструктивизм стал популярен в третьей четверти XX века с работами Ф. Барта (Барт, 2006). Параллельно под влиянием конструктивизма оказываются и смежные области, в частности исследования национализма (Геллнер, 1991; Hobsbawm, Ranger, 2012; Андерсон, 2001). Современные ключевые авторы-конструктивисты (Wimmer, 2013; Chandra, 2012) указывают на тотальную победу конструктивизма над его вообразаемыми «врагами» и на не-

2. Отметим лишь, что конструктивизм обычно связывают, с одной стороны, с работами символических интеракционистов (Adler-Nissen, 2016), с другой — феноменологов (Seigfried, 1976; Pilarska, 2021), а наиболее полное и одновременно популярное его изложение, как считается, можно найти в работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995). Некоторые важные аспекты конструктивизма описаны в этих работах: Andrews, 2012; Pfadenhauer, Knoblauch, 2018.

обходимость создания соревнующихся конструктивистских рамок для развития области³. Конструктивистский взгляд «прикладывается» к этничности таким образом, что этнические явления рассматриваются в качестве продукта постоянного «производства» в ходе коммуникации и именно фокус на «производстве» или «делании» этнических явлений оказывается определяющей особенностью конструктивизма и вызовом для эмпирических исследований.

Важно, однако, что конструктивизм, вопреки расхожему мнению, не утверждает «флюидность» и «изменчивость» этнических явлений, а лишь указывает на их коммуникативную природу, поскольку они только кажутся стабильными, а по факту «пересобираются» всякий раз примерно в том же виде, что были до. Не утверждает конструктивизм и обязательной «поверхности этнических идентичностей». Напротив, в его рамках выделяется инструментализм, уделяющий внимание ситуациям рациональной навигации между этническими контекстами и категориями, и примордиализм, фокусирующийся среди прочего на вопросе, почему, несмотря на сконструированную природу этничности, она оказывается критически важна для людей.

В рамках конструктивистских исследований этничности нет консенсуса относительно объекта исследований — существует традиция, тянущаяся от Ф. Барта и в последние годы продолженная А. Виммером (Wimmer, 2013), в рамках которой изучаются этнические границы. В других исследованиях (например, К. Чандры (Chandra, 2012)) во главу угла ставится идентичность, иногда, однако, как в работах Р. Дженкинса (Jenkins, 1994), предлагается фокусироваться на этничности в целом, затем детализируя, что имеется в виду. Все упомянутые авторы, впрочем, сходятся на том, что в непосредственном фокусе исследований этничности должны быть помещены этнические категории и процесс категоризации. Помещение именно этих явлений в фокус исследования, однако, следует атрибутировать второму важному теоретическому основанию созданной модели — когнитивному повороту в исследованиях этничности.

Под когнитивным поворотом понимается рецепция принципов и методологий когнитивных наук в социальных исследованиях (Ignatow, 2007; Raphael, 2017; Fuller, Mey, Shinn, Woolgar, 1989). Когнитивный поворот, начавшийся после Второй мировой войны, затронул как в целом социологическую теорию, так и отдельные направления, однако, как ни странно, исследований этничности этот поворот коснулся в меньшей степени. За одним исключением (Van Dijk, 1984, 2009) до последнего времени не встречалось крупных междисциплинарных программ, а конкретные эмпирические исследования этничности, которые проводились бы социальными учеными с заимствованием когнитивных подходов и методов, — можно пересчитать по пальцам одной руки. Это еще более удивительно в связи с тем, что науки, относящиеся к когнитивным, занимаются вопросами этничности глубоко

3. Впрочем, в той мере, в какой речь идет о смене парадигмы, — этот процесс растянут во времени и пространстве, и если там, где работают эти авторы, не-конструктивистов (хотя бы по самоопределению) не осталось, на научной периферии они могут продолжать существовать.

и фундаментально. Теория контакта Г. Оллпорта и последователей (Allport, Clark, Pettigrew, 1979), парадигма малых групп Г. Таджфела (Tajfel, Turner, 1979; Diehl, 1990), нейрофизиологические исследования «расовых» стимулов (Pyasik, Proverbio, Pia, 2023; Kubota, Banaji, Phelps, 2012), разработки в области face-space (Sporer, 2001; Valentine, Lewis, Hills, 2016), эволюционная психология и антропология этничности (Моя, Boyd, 2015; Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003) и многое другое образуют важнейший ресурс для междисциплинарного понимания этничности.

Обратил на это внимание Р. Брубекер (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004; Brubaker, 2006), связав это с гуманистическими ориентациями современных социальных наук и «боязнью» психологического редукционизма. Вместе с тем, отметил он, в той мере, в какой социальные науки и, в частности, исследования этничности «разукрупняются» (это касается их теоретического объекта исследований), а фокус их методологического внимания переносится на индивида и его восприятие реальности, можно считать, что этот поворот уже осуществляется. Более того, в некоторых фрагментах он и составляет ядро современного конструктивистского мышления и потому неотделим от конструктивизма. Основной «заповедью» когнитивного поворота, который, применительно к исследованиям этничности, был провозглашен Брубекером, является переход от изучения этничности как «вещи в мире» к изучению ее как «взгляда на мир». Или, иначе говоря, тем способом восприятия и интерпретации информации, который, будучи преобразован в действие, и создает этнические феномены. Важнейшим теоретическим последствием этой идеи для конструктивистских исследований стал отказ от этнических групп в качестве объекта. С точки зрения когнитивного поворота группы оказываются не элементом внешней реальности, а когнитивным инструментом воображения и с этой точки зрения и должны изучаться.

Что же конкретно — если не группы — может оказаться в фокусе исследований этничности? В этот фокус, согласно Брубекеру, следует поместить «процессы классифицирования и категоризирования — формального и неформального <...>; <...> категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное сопоставление и социальное объяснение; схемы, скрипты и культурные модели, которые позволяют воспринимать, испытывать или интерпретировать ситуации и последовательности действий <...>; когнитивные смещения в восприятии и переработке информации, которые заставляют нас воспринимать информацию селективно <...>» (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004: 48-49). По мнению Брубекера, когнитивный поворот может и должен быть эксплицирован, а взаимодействие между социальными науками и когнитивистикой следует интенсифицировать, потому что современный конструктивизм — это уже в некоторой степени когнитивистика, но не имеющая доступа к ее методологиям и результатам.

Когнитивному повороту описываемая в этой статье теоретико-методологическая модель обязана многим: (1) антигруппистской онтологией и фокусировкой на категориях как основном операторе восприятия и интерпретации реальности; (2) антиэлитарностью и фокусом на способах восприятия и интерпретации реаль-

ности «простыми» людьми; (3) методологическими ходами, более свойственными для когнитивных наук (в частности, элицитация, ориентация на категории и процесс категоризирования).

Модель — эксплицитно или имплицитно — базируется и на других концепциях и идеях из социальных наук и исследований этничности. Например, в той мере, в какой, согласно конструктивизму, этничность «происходит» в коммуникации, а коммуникация зачастую носит вербальный характер, модель находится в контексте лингвистического поворота в социальных науках (Searle, 1979; Surkis, 2012; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978) и, в частности, ориентируется на методы текстового анализа, разработанные в его рамках (Hutchby, Wooffitt, 2008; Gee, 2014; Tannen, Heidi, Schiffrin, 2015). Поскольку этничность — это элемент «социальной ткани», эмпирически едва ли отделяемый от прочих явлений, а конструирование этничности происходит в том числе за счет разного типа материальности (пусть и символизированной), периферийным основанием модели является акторно-сетевая теория и «поворот к вещам» (Latour, 2007; Вахштайн⁴, 2015). Методологически модель ориентируется на идею насыщенного описания К. Гирца (Гирц, 2004), а также обоснованной теории А. Стросса (Glaser, Strauss, 2017). Можно, кроме того, упомянуть ряд важных идей из исследований этничности, также послуживших основанием для модели. К ним, например, относится «воображение» Б. Андерсона (Андерсон, 2001), и «мифосимволические комплексы» Э. Смита (Smith, 2009).

Что исследуется, когда исследуется этничность: определение объекта

Для того чтобы перейти к непосредственному и детальному описанию модели, надо разрешить два рамочных вопроса. Во-первых, какого рода явления исследуются, когда исследуется этничность и в какой форме этничность существует? Во-вторых — что такое этничность и как выделять ее среди прочих явлений? Начнем с того, что в конструктивистских социологических исследованиях редко рефлексивируется объект исследования в широком смысле. Как будто бы речь идет о социальных конструктах, однако, несмотря на парадигмальность конструктивизма, удивительно мало было произведено попыток уточнения этого понятия, и, кажется, термин этот используется в большей степени для указания на социальную природу разнообразных «самоочевидных» явлений, нежели в качестве инструкции для эмпирического исследования.

Есть, однако, и другие концепты, претендующие на роль такого — зонтичного — термина. В частности, это «социальные факты» Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2019), находящиеся в нечетко определенном соотношении с его же термином — «коллективные представления», который затем заимствуется в виде «социальных представлений» французским социальным психологом и социологом С. Московичи (Moscovici, 1981; Moscovici, 2001). Анализ этого и других концептов, а также

4. Признан Минюстом иноагентом.

их применений в конкретных исследованиях указывает на то, что при несколько различающейся семантике и теоретическом контексте — в качестве общего объекта, частным случаем которого является этничность, могут быть с одинаковым успехом взяты конструкты, факты или представления. В рамках модели решено использовать классический термин — «коллективные представления», из которых затем выделяются представления особого толка, связанные с этничностью.

Коллективные представления — это факты внешней по отношению к каждому человеку, социальной, intersубъективной реальности, которые интериорируются им в ходе социализации. Более того (и это важный ход в рамках теоретической повестки по интеграции конструктивизма и когнитивного поворота), эти представления на следующем шаге становятся лекалом, организующим восприятие других фактов реальности и ее интерпретаций, и функционируют в качестве когнитивных схем. Представления и схемы в теоретическом смысле не тождественны друг другу, существуют схемы, которые не выражены в качестве представлений, и наоборот, представления, которые не используются для интерпретации реальности, вопрос их соотношения важен и, несмотря на попытки (Augoustinos, Innes, 1990), пока не решен. Однако — рамочно — можно говорить о том, что эмпирически коллективные представления и схемы накладываются, и изучение коллективных представлений неизбежно влечет за собой изучение и когнитивных схем — в той мере, в какой представления «сталкиваются» с реальностью.

Итак, в рамках создаваемой модели, в общем виде, исследования этничности фокусируются на коллективных представлениях и на том, как они организуют восприятие окружающей действительности. Теперь нужно очертить поле исследований этничности. Это также непростая задача. Исследования этничности в широком смысле пережили три «дефинаторных эпохи» — периода (впрочем, довольно условных и накладывающихся один на другой хронологически), когда главенствовало то или иное определение этничности. Сначала — в той мере, в какой объектом исследования были по-разному называемые этнические группы — именно их определение, объединяющее ее участников (культура, территория, хозяйство, самоопределение и проч.), и было определением этничности (Hutchinson, Smith, 2008; Charsley, 1974). Затем — под влиянием Барта и идеи этнической границы — определения этничности стали фокусироваться не на группах, а на взаимодействиях, в ходе которых происходит дифференцирование. В частности, А. Коэн (не очень удачно, но характерно для направления) определяет этничность как «вражду между этническими группами, в ходе которой люди подчеркивают свою идентичность и исключительность» (Cohen, 2013). Ни первый, ни второй тип определений, однако, не решил «проблемы признаков» — что именно является указанием на этническую природу групп (первая «эпоха») или границ (вторая «эпоха»? Люди могут говорить на одном языке, но не вести совместного хозяйства, или определять себя сходным образом, но не говорить на одном языке. В ответ на эту проблему стали появляться так называемые «минималистические определения», ознаменовавшие третью «дефинаторную эпоху» и утверждавшие, что этнические

дифференциации отличает от всех остальных то, что — в общем случае — речь идет о так называемом десцентном классификаторном правиле, в рамках которого членство в этнической категории наследуется от родителей (Fearon, 2000; Chandra, 2014). Такое определение, впрочем, не позволяет всерьез отделить этнические явления от классовых дифференциаций, с одной стороны, и родовых/семейных — с другой. Была произведена попытка решить эту проблему через идею вернакулярной эссенциализации, разрабатываемой в когнитивной психологии и антропологии этничности, согласно которой те категории являются этническими, в отношении которых у людей «включается» эссенциалистское, холистское мышление. Однако когнитивные науки постепенно от идеи эссенциализации уходят, а значит, и прием этот едва ли может быть эффективно использован. В целом, если давать формальное определение, которое лаконично аккумулирует продвижения в этой области, получится, что *этничность — это социальная организация различий, производимых на основании категорий, членство в которых преимущественно наследуется*. Однако нужно понимать, что, по всей видимости, четкое выделение этнических феноменов из всех остальных является на данном этапе нерешаемой задачей. Можно попытаться дать менее формализованное, смысловое определение, базирующееся на когнитивизированном конструктивизме и считать этничностью постоянно осуществляемые категоризации и классификации людей, результаты которых существуют и воспроизводятся в форме коллективных представлений: вернакулярных и институционализированных. Иными словами, в фокусе исследований находятся постоянно воспроизводящиеся во взаимодействии коллективные представления, организующие социальные отношения. Люди верят в то, что индивиды дифференцируются определенным образом, фактически во всякий момент времени заново осуществляя дифференциацию, наделяют эту дифференциацию и дифференцирующие категории смыслом и действуют исходя из этого, на следующем шаге «перепроизводя» общественные структуры, связанные с этничностью. Или еще короче: речь идет о совокупности дифференцирующих представлений, организующих социальные взаимодействия. Однако что это за представления? Какие в рамках этих представлений выделяются элементы? Как они — представления и элементы — организованы? И на что именно — вне зависимости от конкретной теоретической логики, метода или типа собранной информации следует обращать внимание в эмпирических исследованиях? Об этом пойдет речь в описании модели.

Конструкция этничности и ее компоненты

Итак, этничность — это тип дифференцирующих коллективных представлений. Эти представления организованы вокруг категорий (рис. 1), и именно категории находятся в концептуальном центре модели. Категории в рамках этих представлений могут соотноситься друг с другом в нескольких режимах. Это может быть *категоризация*, то есть слабоструктурированный набор категорий, *классифи-*

кация — структурированный неиерархический набор категорий, или *таксономия* — структурированный набор категорий, в рамках которого одни категории «входят» в другие. Зачастую вернакулярные представления существуют в форме категоризаций, а формализованные — в форме классификаций (типичный пример — список «народов» в переписи). Как первые, так и вторые представления могут быть таксономизированы («прибалты», в которых, согласно вернакулярным представлениям, входят латыши, литовцы и эстонцы, или «казаки» и «поморы» как подкатегории «русских» в процедурах переписи). Вернакулярные представления могут быть организованы и иным образом, в частности, соотношение между категориями может быть *кластерным*, на базе представлений о культурных сходствах, «исторического родства», «межэтнических отношений» (альянсов, вражды), дискурсивного контекста (о категориях говорят в контексте друг друга, и в такой «связке» они и перекочевали в коллективные представления) и проч. Еще одним типом соотношения между категориями может быть *иерархия* — представление о том, что по значимым общественным критериям одни категории выше других. Фактические способы организации этнических категорий (вероятно, по-разному структурированные в рамках социальных *imaginaries* — например, разнообразных «фестивалей национальностей» — и в качестве элементов когнитивных схем), впрочем, являются эмпирическим, мало исследованным, но при этом ключевым для исследований этничности вопросом.

С каждой категорией связаны атрибуты нескольких типов. Во-первых, это *характеристики* — обобщенные, стереотипизированные качества представителей категории (например, чеченцы сильные, у них боевитые мужчины). Во-вторых, это *индикаторы* — признаки, по которым представители категории могут быть определены или выявлены (чеченцы носят бороды, у них характерный акцент, в свидетельстве о рождении у них написано, что они чеченцы). Соотношение характеристик и индикаторов — отдельный теоретический вопрос (возможно, индикаторы — это подтип характеристик), в рамках модели, однако, важно, что индикаторы — это то, что позволяет осуществлять фактическое дифференцирование, и в связи с этим они выделяются в отдельный элемент модели. В-третьих, это *нормы* — представления о правильном поведении «в связи» с категорией. Это могут быть как представления о том, как безопасно вести себя, находясь рядом с представителями категории (не заигрывать с чеченкой), или как действовать, будучи представителем категории (хороший чеченец должен быть готов дать отпор кому угодно). В сущности, категории с их атрибутами уже способны организовывать и фактически организуют социальные взаимодействия. Назовем эти атрибуты *атрибутами первого порядка*.

Но представления, за счет которых «сшивается» социальная реальность, устроены тоньше, и — в атрибуты второго порядка — помещены некоторые явления из широкого их разнообразия, которые могут связываться в представлениях с этническими категориями. Это могут быть *места и территории* (Чечня в России, «чеченский» Ауховский район в Дагестане, ТРЦ «Европейский» и «чеченские»

кафе в Москве), это могут быть *литературные произведения и фольклор* («Валерик» Лермонтова, казачья песня «На горе стоял Шамиль») или еще менее формализованные *нарративизированные представления* (один сосед рассказывает другому, что видел вчера двух чеченцев с арматурой), это могут быть *занятия* (чеченцы — спортсмены или бандиты), это могут быть *конкретные люди* (Рамзан Кадыров) и проч. Атрибуты второго порядка являются открытым списком и в него входит все то, что фактически связывается с категориями. Важно, что эта сетка — категории и их атрибуты — это, во-первых, интерфейс и мембрана, организующая конкретные социальные взаимодействия, во-вторых, она и ее элементы связываются сетевым отношением с другими представлениями, не являющимися этническими, и все эти представления и организуют поведение человека.

Существует, однако, и еще один тип представлений. Они — общие и относятся ко всей сети категорий и атрибутов, являясь рамкой для их восприятия. Если чуть дифференцировать, такие представления бывают двух больших типов: «*народная социология этничности*», включающая в себя представления о природе этнической принадлежности, врожденности или приобретаемости членства, правилах перехода из одной категории в другую, детерминированности поведения этнической категорией; и *метакатегории-ключи*, описывающие категории в целом и смыслы этих метакатегорий (национальности, расы, племена), которые на следующей итерации регулируют отношение к этим категориям.

Все три типа представлений — категории во взаимоотношении, атрибуты категорий и общие представления — образуют *конструкцию этничности*. Эта конструкция может быть в большей или меньшей степени институционализована (то есть нормы, связанные с теми или иными категориями, равно как и сами категории, могут быть разной степени формализации и социальной проявленности), в ее производстве разную роль могут играть разные акторы, включая государство (один из важнейших «игроков в поле этничности» в современности). Однако именно категории, их атрибуты и общие представления — это и есть дистиллированный смысл этничности как коллективных представлений, организующих восприятие реальности и структурирующих социальные отношения в некотором контексте. Именно конструкция этничности, представленная в обобщенном виде выше, и является «нулевым километром», базовым объектом описания в исследованиях этничности. В реальности, однако, речь идет не о единой конструкции этничности, а о распределении конструкций этничности по людям, территориям и социальным кругам, а эмпирическое описание конструкции этничности — это описание вариативности конструкций этничности в выделяемом в исследовательских целях контексте. Этот контекст, в свою очередь, может быть сколь угодно узким (один человек) или широким (все человечество, для описания которого в этнических терминах используются метакатегории «нации» или «расы»). На следующем этапе будут представлены исследовательские ходы, стратегии и методологии, позволяющие осуществить такое описание, а также примеры эмпирических исследований, в рамках которых такое описание осуществляется. Однако — перед

тем как перейти к этому, необходимо сделать ряд дополняющих модель замечаний, дающих представление о соотношении между индивидами, схемами восприятия и коллективными представлениями, а также ре-интерпретировать на этом основании ряд явлений, с которыми обычно связана определенная путаница.

Конструкция этничности

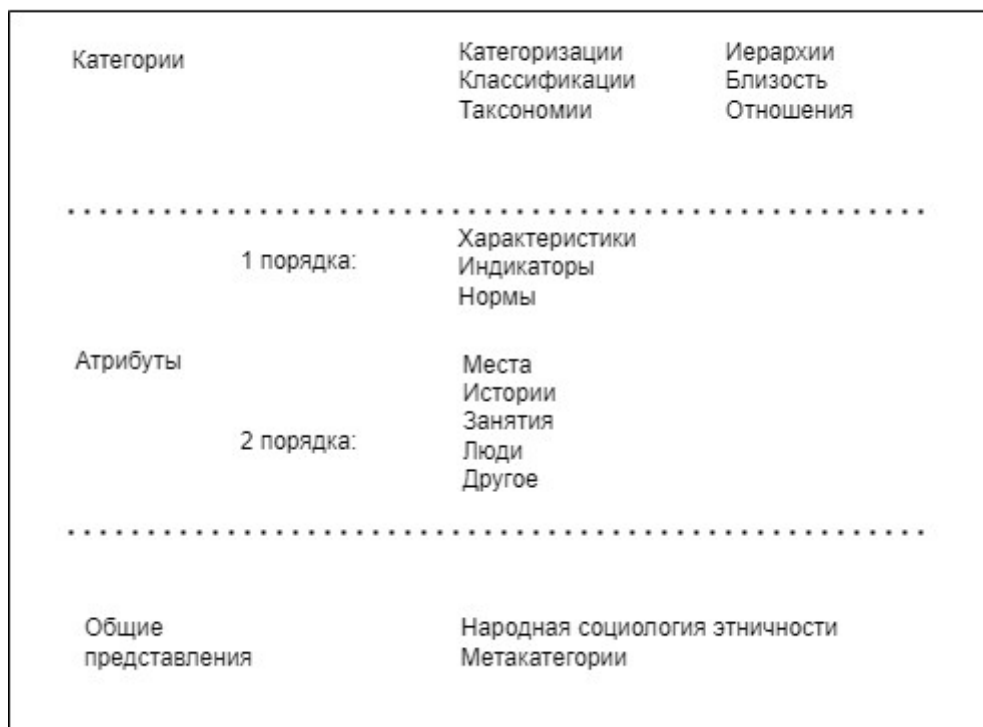

Рис. 1. Теоретическая модель

Интериоризация и идентификация, ситуативность и релевантность

Итак, конструкция этничности — это коллективные представления, изначально внешние по отношению к человеку, однако, как следует из общей конструктивистской социологической теории, в ходе социализации человеком интериоризируемые, в результате чего эти представления становятся объектом веры и практики. Интериоризирует человек социальную реальность и конструкцию этничности целиком, однако обычно его личная позиция в ней не является произвольной. И категория, посредством которой человек оказывается определяем (собой и другими людьми) в рамках интериоризированной конструкции этничности, называется *категорией идентификации*.

Далее, как говорилось выше, конструкция этничности — это совокупность коллективных представлений, ограниченная определенным территориальным или иначе выделяемым контекстом. Человек может перемещаться между контекстами, в результате чего меняется и его категория идентификации. Так решается классический для исследований этничности вопрос «ситуативности» этничности. Не этничность или идентичность ситуативны, как об этом иногда пишут (Okamura, 1981; Пыжова, 2012), а конструкции этничности различаются между собой в разных территориальных и социальных контекстах. Оказываясь в новом контексте, человек интериоризирует разный набор категорий, в результате чего и категория идентификации оказывается для него другой. Один и тот же человек может быть аварцем в Дагестане, дагестанцем в Москве и русским в США именно в связи с тем, что различаются конструкции этничности, то есть представления о том, какие бывают «типы» людей. Попав в новый контекст и интериоризируя представления, существующие в этом контексте, человек интериоризирует и свое место в нем, и весь набор представлений об отношениях этой категории с другими.

Категория идентификации, помимо того что через интерфейс представлений об этничности регулирует отношения с другими людьми, оказавшимися вписанными в конструкцию этничности, обычно является фактором, детерминирующим конкретную модификацию конструкции этничности. Конструкция этничности должна быть до определенной степени похожа у разных людей, чтобы люди могли ее использовать для взаимодействий, но также она неизбежно отличается, и зачастую кластеризуется исходя из категории идентификации. Определяемые в конструкции этничности как «чеченцы», скорее всего, атрибутируют категории «чеченцы» позитивные качества, люди, описываемые в том же контексте иным образом, в этом атрибутировании, скорее всего, будут более разнообразны. Эти вопросы освещаются в психологической теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979; Hogg, 2016), которой, однако, как следует из ее стандартной критики, недостает описываемого социологического компонента. Вариативность представлений, определяемых категорией идентификации, также является элементом описания эмпирической конструкции этничности.

Важно, однако, что по причинам, о которых следует говорить отдельно, может различаться полнота интериоризации конкретной конструкции этничности, то есть степень убежденности человека, что люди делятся именно на категории, взятые из конструкции этничности. Вероятно, одним из факторов, влияющим на это, является то, насколько часто человек перемещается между контекстами — регулярная смена контекстов часто приводит к тому, что как минимум часть из них перестает восприниматься всерьез. Возможно, кроме того, объектом рефлексии в такой ситуации становится сам феномен этничности, в результате чего человек «вырастает» из тех «народных социологий этничности», которые предлагаются ему. Более того — такие рефлексии могут привести и к сознательному или несознательному перемещению между контекстами, целенаправленной их модификации и прочим вещам, которые обычно связывают с инструментальным подходом в исследованиях этничности.

Конструкции этничности могут различаться не только от контекста к контексту, но и в рамках одного контекста — от сообщества к сообществу и от человека к человеку. Вокруг этих различий разворачиваются споры и конфликты, зачастую вписанные в более широкие структуры интересов. В фокусе конфликтов могут быть разные аспекты конструкции этничности: список категорий, их соотношения (является ли одна категория подкатегорией другой, является ли одна категория «лучше» или «хуже» другой), характеристики категорий и многое другое. В силу различий между индивидуальными конструкциями этничности такие конфликты естественны, а в силу вписанности этничности в прочие социальные отношения дифференцирующие представления могут быть как орудием в конфликте, так и складываться в результате конфликта, становясь воплощенным его исходом (в компромиссном варианте или в «версии» одной из «сторон»).

Конструкция этничности, кроме того, это не единственный набор коллективных представлений, в которых и которыми живут люди, а этнические классификации — не единственные социальные классификации. Из этого следуют две вещи. Во-первых, конструкция этничности не всегда является «ключом» к интерпретации тех или иных событий. Как и почему человек выбирает конструкцию этничности как интерпретативную рамку (постоянную или ситуативную), какие триггеры вызывают эти интерпретации — все это легитимные темы для исследований. Во-вторых, конструкция этничности может меняться, одни ее эмпирические варианты приходят на смену другим. Скажем, коллективные представления об этничности, распространенные на территории современной Москвы 1000 лет назад и, вероятно, включавшие в себя племенные категории (кривичи, вятичи и проч.), уступили место современным, организованным вокруг метакатегории «национальность». Динамика конструкции этничности и ее детерминанты — также важная тема.

Выше, таким образом, был сначала решен вопрос выделения этничности как переменной, описывающей набор коллективных представлений в связи между собой, затем пунктирно описана взаимосвязь этих представлений с внешними по отношению к ним элементами реальности — людям, контекстам, актам интерпретации и проч. Существует много иных вещей, которые являются надстройкой над этой моделью, и в совокупности образуют теорию этничности, однако в ее основании должна лежать понятная, операционализируемая, концептуализация. Эта концептуализация и была представлена выше. В следующем фрагменте будут описаны дизайны исследований и их фрагменты, призванные проиллюстрировать то, как эта концептуализация может быть операционализована, а этничность — описана в эмпирическом ключе.

Эмпирические дизайны и ходы

Описанная выше модель носит принципиально синтетический характер — не будучи операционализацией конкретной теории (но воплощением определенного тео-

ретического ракурса), она призвана ответить на вопрос, что именно — в теоретическом смысле — базово исследуется, когда исследуется этничность вне зависимости от того, как она затем объясняется. И ответ на этот вопрос такой: исследуются дифференцирующие коллективные представления. Эти представления детализированы в виде схемы и контекстуализированы соображениями об их соотношении с индивидами и другими социальными явлениями. Важность этой схемы среди прочего состоит в том, что она дает прямой выход на операционализацию в рамках эмпирических исследований. Фактически она представляет собой набор концептов, которые можно исследовать «в поле». И ниже будет представлен ряд ходов и решений, когда-то примененных автором статьи. Этими примерами возможности эмпирического исследования, разумеется, не исчерпываются, однако они позволяют составить представление, как и за счет каких конкретных инструментов, методов и диалогов этничность может быть изучена/описана в рамках полевого исследования.

Конструкции этничности: от интервью к общему описанию

Начать можно с интервью. В ходе разговора с исследователем (полностью посвященного теме этничности или связанного с ней постольку поскольку) информант постепенно эксплицирует свой жизненный мир и — вместе с ним — и конструкцию этничности. Далее следует аккуратно, на основании одной из подходящих техник (дискурс-анализ, конверсационный анализ и проч.) и отталкиваясь от компонент модели, выявить сеть категорий и атрибутов, а также общие представления. Вот выдержки из двух интервью, взятых в 2016 году в одном из сел на берегу озера Севан в Армении в ходе исследования связи между конструкцией этничности в селах и миграционными стратегиями селян⁵.

Информант: Джордж Браун сказал, что армянский язык предназначен для того, чтобы говорить с Богом. Потому что он в себе имеет те буквы, которые имеют человеческий язык.

Интервьюер: То есть армянский — это человеческий, на самом деле?

Информант: Да. В нем есть все буквы, которые может человек произнести. Например, по-английски, если ты хочешь сказать «Ш», то пишешь «С», потом «Х». А у армян нет такого. Все буквы есть. Наш алфавит написан в 405 году.

Интервьюер: А еще я знаю, что есть езди [езиды]. Мне никто не может объяснить разницу между курдами и езди.

Информант: Они, знаешь, у них просто фамилии армянские. В этом и разница. А так — курды, езди — один язык. Разницы нету никакой. Просто они чуть-чуть поменяли фамилии. Никакой разницы нет.

Интервьюер: А еще я слышал, что они немножко другой религии как бы.

Информант: А это я не знаю. Это мне не... Я такого ничего не знаю. Моя семья хорошо живет, все остальное мне не важно.

5. Некоторые результаты этого исследования были освещены в следующей публикации: Варшавер, 2022а.

Задача состоит в «дистиллировании» из текста конструкции этничности. Так, в первой выдержке категории «армянин» оказывается атрибутирован «язык» (атрибут второго порядка), за счет чего категории «армянин» оказываются также атрибутированы «древность» и «культура» в качестве характеристик (атрибуты первого порядка). Во второй — описывается разница между категориями «езиды» и «курды» (соотношение категорий), а также описывается совокупность индикаторов (язык, фамилии), которые указывают на принадлежность к этим категориям. Важно, что именно так и выглядит «сырой материал», на основании которого затем и эксплицируется конструкция этничности. Для того чтобы конструкция, «разделенная» участниками контекста, была эксплицирована в полноте, необходимо набрать достаточный массив интервью, внимательно относясь к процедуре отбора информантов. Так, интервью, выдержки из которых приведены выше, находятся в ряду еще 26 интервью, взятых в этом же селе. В тот момент, когда в соответствии с процедурами создания обоснованной теории, во-первых, категории и их атрибуты начинают повторяться, а во-вторых, исчерпываются все теоретические возможности увеличения вариативности (Thomson, 2010; Glaser, Strauss, 2017b) — информанты различаются по гендеру, месту рождения, этнической категории идентификации и другим характеристикам, предположительно обеспечивающим вариативность — появляется возможность для создания обобщенного описания конструкции этничности. Вот такое описание было создано применительно к этому селу:

Жители села категоризируют друг друга на основании категорий «армяне» и «курды»; «армяне», кроме того, категоризируют друг друга в качестве «ховецы», «сыгецы» и «ванецы» на основании мест происхождения предков в Турции (село основали в 1920-х переселенцы). С этими категориями связаны различные стереотипизированные характеристики. Так, категории «ванецы» атрибутируется «жадность», которая раскрывается в различных анекдотах⁶. С категорией «курды» в кругах «армян» связываются две основные характеристики: (1) их женщины распутные и (2) они, хотя вроде бы исповедуют свою религию, фактически являются криптомусульманами (обосновывается такое мнение тем, что в их домах видели плакаты с мекканской мечетью). Из этого выводится норма «не общаться» с ними. «Курды» говорят об армянах как о «хороших соседях», однако здесь можно предположить наличие нормы «не говорить плохо о категории “армяне” не-курдам»⁷. В интервью с «армянами», кроме

6. Идут два «ванецы» с женами. Видят друг друга. Один другому: «Барев!» (Привет, *арм.*). Другой отвечает: «Хазар барев!» (Тысяча приветов, *арм.*). Жена отводит второго в сторонку и говорит: «Какая тысяча — максимум сто!»

7. Представления информантов с категорией идентификации «армяне» были исследованы в ходе полевой работы детальнее, информанты чувствовали себя свободно, и (помимо атрибутов категории «русские», с которой ассоциировались исследователи) конструкция этничности была эксплицирована без существенных смещений. Нежелание же информанта из второй выдержки комментировать представления армян о криптоисламскости, с одной стороны, указывает на недоверие интервьюеру, с другой — на некоторые характеристики конструкции этничности, не позволяющие «курдам» говорить свободно об «армянах» и прочих категориях. Такие наблюдения также являются результатом.

того, фигурирует категория «азербайджанец». Последние существуют в двух качествах — как «хорошие соседи» (до войны армянские села в районе соседствовали с азербайджанскими) и как «враги». Два этих атрибута (и связанные с ними характеристики и нормативность) в единый нарратив не связываются. «Азербайджанскость» как качество, кроме того, приписывается армянским беженцам из Азербайджана (категория «пахстакан», в переводе с армянского языка — беженец), заменившим азербайджанцев в покинутых селах, и означает «черствость», которая раскрывается в воспроизводящейся истории про то, как рассказчик или его знакомый поступал в дом к «пахстакан» и попросил стакан воды, но встретил отказ. Активность приписывания атрибута «враг» азербайджанцам информантами различается, и эти различия можно связать в том числе с тем, насколько говорящий вовлечен в миграцию в Россию, где эта связка слабее в результате регулярных взаимодействий между представителями категорий «армянин» и «азербайджанец».

Это описание в общем виде представляет собой перечисление категорий в связке с атрибутами, комментарии относительно распределения соответствующей «картины мира» по людям, выявление общего и различного, а также соображения относительно того, как структурированы различия (в данном случае — по категории идентификации и по включенности в миграцию в Россию). Такое описание, кроме того, может быть визуализировано в рамках схемы, представленной на рисунке 2. Такие схемы «отрисовываются» для каждого информанта в отдельности, сопоставляются с другими, в результате чего и получается обобщенная схема. Важно, однако, что она используется скорее как инструмент для создания вербального описания, а также как иллюстрация к нему, а не как отчуждаемый результат анализа.

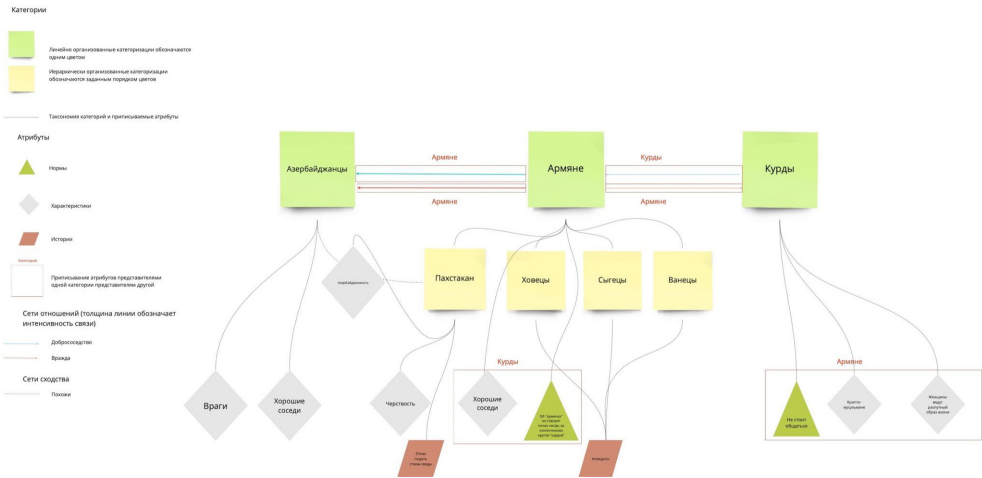

Рис. 2. Схематическая визуализация конструкции этничности для исследованного села в Гегаркуникской области Армении

Изучение спонтанных категоризаций методом элицитационного интервью

Но является ли то, как говорят люди об этничности, действительной экспликацией их интериоризированной конструкции этничности и не стоит ли разделить дискурс об этничности и реальное спонтанное дифференцирующее восприятие? Этот теоретический ход стал отправной точкой для другого исследования, проведенного в Бишкеке (Кыргызстан)⁸. В нем применялся метод видеоэлицитационных интервью⁹. Информантам демонстрировались видеозаписи, снятые в разных локациях, и их просили сказать, «к каким этническим группам» принадлежат люди на видео. Взаимодействие также фиксировалось на видео и затем осуществлялся анализ. На рисунке 3 приведен скриншот записи (в середине кадра — фрагмент видеостимула, справа в небольшом квадратике — интервьюер и интервьюируемый), затем — соответствующий фрагмент разговора.

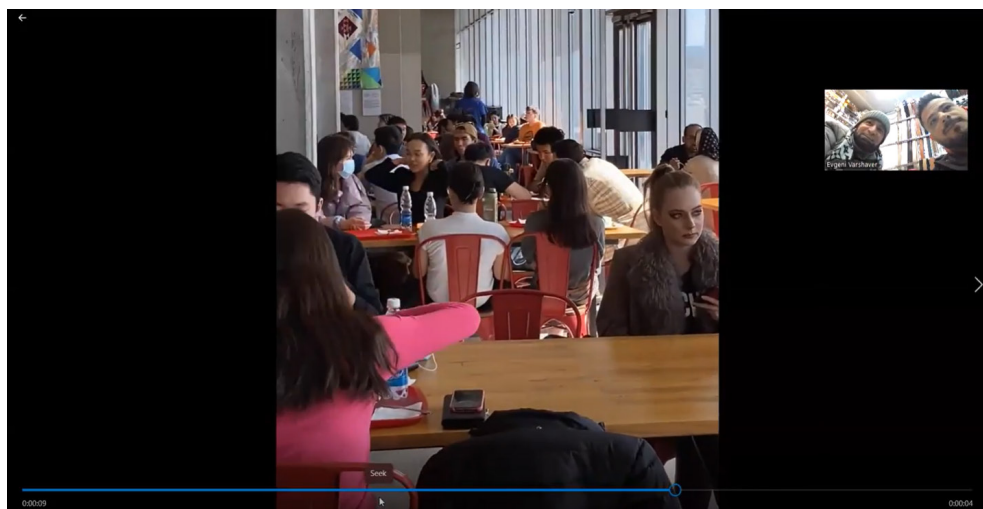

Рис. 3. Процесс видеоэлицитационного исследования

Информант: Эта девочка русская, свой стиль ориентирует на Кавказ, но не получается. Ну а эта кыргызская девушка, казахов и кыргызов сложно отличить.

Интервьюер: Ага. Кстати, а какие критерии?

Информант: Да. У них лицо чуть другое. На лицо можно определить, по фигуре можно определить.

Интервьюер: А вот эта девочка?

Информант: Тоже местная.

Интервьюер: А вот этот парень, который ест.

8. В ходе подготовки статьи исследование по сходной методологии было проведено и в Москве; методологические и содержательные результаты в ближайшее время будут освещены в серии публикаций.

9. Этот метод новый, чаще используется его предтеча — фотоэлицитация (Gold, 1991; Roth, 2015), в сравнении с которой у видеoversии есть существенные плюсы.

Информант: Вот он тоже метис с Китаем, уйгур вроде...

Информант: В смысле может быть уйгур? Или киргиз, китаец или уйгур — это и есть киргизы, китайцы или как?

Информант: Нет. Уйгуры это другое, они ближе к Китаю. Потому что глаза у него китайские. А у уйгуров глаза небольшие.

Этот метод ориентирован на эмпирическую работу прежде всего с двумя элементами схемы — этническими категориями, максимально приближенными к своей «спонтанной» форме и предстающими в том виде, в каком они применяются в ходе категоризирования людей в повседневности, а также индикаторами, то есть теми признаками, по которым в таких ситуациях происходит классифицирование. Метод имеет свои ограничения: во-первых, классифицирование делается на основании не только визуальной, но и аудиальной и прочей информации, которая «схватывается» видео не оптимально, во-вторых же, оно чаще всего осуществляется в привычных, воспроизводящихся контекстах, и индикаторы внешности слабоуловимым образом соединяются с индикаторами контекста. «Усредненные городские контексты», эмулированные в этом исследовании, справлялись со своей задачей не полностью, хотя и были ориентированы на ее решение. Так или иначе в той мере, в какой социологические исследования ориентированы на анализ текстов интервью, в которых, по сути, эксплицируется дискурс, такой метод является важным инструментом, позволяющим получить более прямой доступ к процессу категоризации и его категориальным основаниям.

Этничность в музеях

Конструкция этничности воспроизводит себя не только в текстах или в спонтанных классификациях. «Содержится» этничность также в визуальных образах и — шире — в разного рода институционализированных пространствах, которые в современных социологических исследованиях культуры принято изучать как набор символов, намеренно или ненамеренно расположенных определенным образом. С учетом ограничений, к которым прежде всего относится широта «простора интерпретаций», из этого набора возможно «дистиллировать» конструкцию этничности. В 2019 году было проведено исследование в музеях республик Карелия и Калмыкия, а в 2021-м — в музеях Дагестана¹⁰. Была создана методология, позволяющая осуществлять эту «дистилляцию», в ее рамках анализировались образы и их контекст (например, расположение музея в населенном пункте, различия между текстом экскурсии и «текстом» экспозиции, взаимная соотнесенность залов и экспонатов в них, сами экспонаты и проч.). Вот выдержки из описания краеведческого музея в г. Лагань (Республика Калмыкия), фотографии материалов откуда представлены на рисунке 4.

¹⁰ Некоторые результаты этих исследований были отражены в следующей публикации: Гуцунаев и др., 2022.

Рис. 4. Лаганский краеведческий музей: вид снаружи, план, элементы экспозиции

В музейном тексте присутствуют две основные этнические категории — «русские» и «калмыки». Они присутствуют в контексте друг друга, подчеркивается их равноправие и равнозначность для возникновения города. Эта репрезентация оказывается сопряжена со сложностью: город был основан русскими поселенцами. Но сложность эта решается посредством символического рядоположения двух залов — зала быта первых поселенцев, который одновременно является залом русской культуры, а также зала быта калмыков, которые описываются экспозицией как — в момент возникновения поселения — кочевавшие неподалеку, а затем ставшие горожанами. Экспонатов в этих залах примерно одинаковое количество, визуально ни один из залов не доминирует. Дискурсивно это равенство подчеркивается и в экскурсиях, и в подписях к экспонатам: дерутся не калмыки с русскими, а «русские <...> и калмыки этого края на, там, русских, <...> и калмыков того края», а в море рыбаки выходили и выходят смешанными командами. Выбивается из нарратива о дружбе народов инсталляция, посвященная депортации калмыков и представляющая собой теплушку с манекеном, одетым в ватник и лежащим на нарах спиной к посетителю музея. Инсталляция сопровождается подписью «Депортация 1943 года: фрагмент товарного вагона», а также стендом с заглави-

ем «Боль земли калмыцкой» и представленными копиями документов. Инсталляция располагается в зале, посвященном Великой Отечественной войне, в котором экспозиция стандартна для уже изученных музеев — ход войны в целом и участие в ней уроженцев города, депортация же никак не объясняется и не интерпретируется. Конструкция этничности в той мере, в какой она может быть выделена из экспозиции, таким образом, одновременно содержит в себе указание на «хорошие отношения» между «калмыками» и «русскими», а также на факт депортации как на элемент калмыцкой истории (атрибут категории «калмык» — он или его предки пережили депортацию), не вписанный в конструкцию этничности в части отношений между этническими категориями.

Такой подход может быть использован для описания конструкции этничности в любых, не только музейных, пространствах (фестиваль, улица, кафе и проч.). Но в этом и предыдущих примерах речь шла почти исключительно о категориях и их атрибутах, на следующем будет продемонстрирован третий компонент модели — общие представления об этничности и, в частности, «народные социологии».

Народные социологии этничности

Как указывалось выше, элементом конструкции этничности являются и общие представления о ее природе. Они представляются людям самоочевидными и естественными и поэтому редко становятся объектом рефлексии. В зарубежной литературе, впрочем, есть несколько работ, лежащих в русле исследований т.н. «народных социологий этничности» — того, как рядовые члены общества представляют себе этнические явления. Из них был заимствован ряд вопросов, которые затем использовались в ходе полевого исследования в Дагестане в 2022 году¹¹. Эти вопросы имели форму «виньеток» — воображаемых ситуаций, в отношении которых информантам надо было определиться с поведением или оценкой, в результате чего можно сделать выводы о некоторых элементах их картины мира. Применялось задание «подмена при рождении» (Switch at birth task, SaBT), в рамках которого предлагалось определить национальность ребенка, родившегося в «моноэтнической» семье, родители которого попали в автокатастрофу, в результате чего ребенка передали в семью другой национальности. Вот формулировка этого вопроса:

Представьте себе ситуацию. В семье, где папа аварец и мама аварка, родился ребенок, но сразу после его рождения его родители попали в аварию и погибли, и ребенка взяла семья лучшего друга отца, даргинца по национальности. В этой семье к нему относились как к родному, давали все то же, что и родным детям. Наравне с ними он выучил даргинский язык, а аварский он не знает. Кем этот ребенок, на Ваш взгляд, является по национальности? А если авария произошла не сразу после его рождения, а когда ему было шесть-семь

11. Результаты этого исследования были отражены в следующих публикациях: Варшавер, Орлова, Шульга, 2023; Варшавер, Хабибуллин, Самосудова, Шульга, 2024.

лет? А если погибшие родители русские? А если национальность его родителей неизвестна?

Другой вопрос, который задавался информантам, являлся просьбой определить национальность человека, родители которого принадлежат к двум разным национальностям. В каждом случае предлагалось объяснить решение. Исследование показало, что в Дагестане сосуществуют разнообразные «народные социологии этничности». Анализ ответов на первую «виньетку» обнаружил, что вдобавок к ожидаемым вариантам ответа, которые позволяли классифицировать отвечающего как «примордиалиста» (национальность ребенка — это национальность его биологических родителей, «потому что национальность это кровь») и «конструктивиста» (национальность ребенка — это национальность его приемной семьи, «потому что национальность это культура»), воспроизводится и третий: национальность — это «всего лишь строчка в паспорте». Было установлено, что эта концепция распространена в тех сообществах, которые за последние 100 лет были официально ре-классифицированы в личных документах или в переписи. На этом основании была предложена интерпретация, согласно которой такая — административная — ре-классификация и стала причиной, по сути, экстерииоризации классификации по национальностям целыми сообществами. Был сделан общий теоретический вывод, согласно которому непоследовательная категоризационная политика государства может целиком дискредитировать в глазах людей эту, государственную, категоризацию. Использование распределения ответов на вторую «виньетку», где предлагалось классифицировать ребенка в «смешанной» семье, позволило продемонстрировать, что в Дагестане сосуществуют два основных классификаторных правила членства в национальностях — «по отцу» и «по обоим родителям». При этом первое распространено преимущественно в горах, второе — в равнинных городах. Были сделаны предположения о генезисе этих правил (правило «по отцу» наследует правилу классификации по кланам-тухумам, а «по обоим родителям» — следствие влияния современной генетической рамки). Были, кроме того, даны прогнозы относительно дальнейшей судьбы размывающейся классификации по национальностям. Основанием же для этих выводов служит именно третий элемент схемы — общие коллективные представления об этничности, ее природе и механизмах передачи.

Мигранты как объект эмпирических исследований этничности

Созданная модель может быть эффективно применена не только к категориям и явлениям, которые традиционно считаются этническими (например, «национальностям» в российском контексте), но и к прочим, пограничным в этом смысле категориям, в частности, к категории «мигранты». Эмпирическим фокусом такого рода исследований может быть и вписанность этой категории в сетку других категорий, и индикаторы, указывающие на «мигрантскость» в повседневности и в ходе

формальных интеракций и многое другое. Ниже будут описаны два исследовательских дизайна, реализованных с использованием модели, в которых в фокусе оказывались именно мигранты.

В центр первого исследования были помещены документы и мероприятия¹² российской национальной политики, рассматриваемой как воплощение имплицитной, нигде четко не проговариваемой конструкции этничности. Эмпирическое исследование этой политики — это способ понять, какая конструкция этничности реализуется и какую роль в ней играют мигранты. Для этого отдельно анализировались документы (Стратегия национальной политики, ее региональные вариации и проч.), отдельно — мероприятия (фестивали и церемонии, но также сайты и справочники — слово «мероприятие» в данном случае понималось так, как оно понимается в рамках административного дискурса). Полевая работа шла в Санкт-Петербурге и Республике Башкортостан, она подразумевала наблюдение на мероприятиях, а также интервьюирование их разработчиков и участников. Для каждого документа или мероприятия создавалось описание конструкции этничности с акцентом на категории «мигрант» и сходных категориях. Было показано, что мигранты и миграция постепенно включаются в конструкцию этничности, транслируемую этими политиками, однако и в текстах, и в мероприятиях эта позиция остается маргинальной. Эта маргинальность и инструменты ее «производства» были описаны детально.

Рис. 5. Ход исследования представлений о мигрантах в национальной политике

12. Результаты этого исследования пока не опубликованы.

Второе исследование¹³ было сфокусировано на том, как не-мигранты представляют себе интеграцию мигрантов. Теоретический посыл, ставший его основой, состоял в том, что эти представления являются имплицитным правилом членства в национальной категории, связываемой с российским обществом в целом (то есть классификаторным правилом), но одновременно они — элемент глобальной конструкции этничности, в рамках которой мир делится на нации, а каждый человек оказывается «приписан» к одной из них, и — по определенным правилам — может ее сменить. На материале 40 фокус-групп и 100 интервью в 5 регионах России было продемонстрировано, что такие — устойчивые — представления действительно существуют, что они не сводятся к вопросам «паспорта» и «гражданства», но также принимают во внимание «лояльность» и «культурное сходство». Однако наряду со «стандартной процедурой» существуют способы быстрого «вступления в нацию», а именно «подвиг». На основании этого исследования — базово посвященного представлениям о мигрантах и их интеграции — были реконструированы и представления о российской нации, являющейся в этой логике элементом воображения глобального этнического разнообразия.

* * *

Этими примерами вариативность полевых методов, приемов и дизайнов, в рамках которых возможна операционализация предложенной модели, не исчерпывается. В частности, модель может быть использована в количественных исследованиях, где, например, представления о категориях шкалируются по критерию интенсивности, а классическая шкала Богардуса из оценивающей «реальную» социальную дистанцию превращается в шкалу, описывающую представления о дистанции. И, напротив, коллективные дифференцирующие представления могут изучаться на основании этнографических подходов и, в частности, метода автоэтнографии, в рамках которой осуществляется рефлексия конструкции этничности, в которую исследователь был социализирован или в которой оказался на определенном жизненном этапе. Модель может быть использована и для изучения формальной нормативности — скажем, квоты на поступление в высшие учебные заведения переписываются как нормы, связанные с определенными категориями. Модель может применяться для исследования разнообразия социальных категорий, которые традиционно не относятся к этническим («мигранты», «мусульмане») и многого другого. Более того, модель может описывать конструкции этничности прошлого, «дистиллированные» на основании исторических методов. Будучи апробированной в разнообразии исследований, выполненных в разных методологиях, модель показала свою эффективность как общий знаменатель эмпирических описаний этничности.

13. Результаты этого исследования опубликованы в следующих работах: Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Иванова, Егорова, Варшавер, Савин, 2024.

Заключительные соображения

Выше, таким образом, представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель, которая отвечает на вопрос, что именно исследуется, когда исследуется этничность, а также предлагаются конкретные ходы для эмпирических исследований в режиме «открытого списка». Вместе они являются фундаментом авторской программы исследований этничности. В заключительном фрагменте статьи эти программа и модель будут помещены в контекст основных конструктивистских моделей и программ, созданных для исследования этничности, и их лакун¹⁴.

Итак, прежде всего приведенная модель — надстройка над работами Брубекера (Brubaker, 2006; Brubaker, Grancea, Feischmidt, Fox, 2006). Будучи не только теоретиком, но и полевым этнографом, свои концепции он разрабатывал в рамках и эмпирических исследований, однако, с одной стороны, методология этих исследований не была им обобщена и универсализирована, с другой — его теоретические построения не были методологизированы, и, предостерегая от группизма и заявляя когнитивный поворот, Брубекер в целом не предлагает конкретных, отчуждаемых исследовательских ходов по его осуществлению. Эта лакуна компенсируется в данной работе.

Программа Андреаса Виммера (Wimmer, 2013), организованная вокруг концепта «этническая граница», в целом также находится в контексте работ Брубекера, и в ее рамках разработана таксономия стратегий повседневной «работы» с этническими границами, описано взаимодействие между разными уровнями, на которых «происходит» эта «работа» (Wimmer, 2008), описываются конкретные эмпирические дизайны (Wimmer, 2004). Однако «родовой травмой» проекта Виммера является сам концепт, вокруг которого этот проект строится. Границы, будучи продуктивной метафорой во времена Барта, исчерпали свой ресурс, и вмонтированная в них пространственная семантика практически перестает работать в контекстах, не ограничивающихся двумя категориями, представители которых проживают на соседних территориях. Виммер пытался «залатать дыру», усилив интерактивный компонент и перейдя от собственно границ к их производству, однако этим проблема снята не была. Продуктивным решением, как представляется, является концептуальная «перепрошивка» концептуального поля с сохранением, однако, большинства теоретико-методологических инноваций Виммера.

Канчан Чандра (Chandra, 2012), работая в рамках инструменталистского подхода, делает важную теоретическую работу, разрывая связь между людьми и категориями (идентичностями), однако ее язык описания узкоспецифичен, а теория затрагивает лишь один аспект этничности (связку между категориями и индикаторами), не претендуя на универсальность. Ее теория с некоторыми оговорками «стыкуется» с более универсальным описанием, представленным в этой статье.

14. Более подробное изложение этих программ и моделей представлено в другой работе автора: Варшавер, 2022а.

Важны и построения Ричарда Дженкинса (Jenkins, 1994), который также фокусируется на этнических категориях, а помимо этого разрабатывает социологическую теорию идентичности (Jenkins, 2014), ориентируясь на феноменологическую социологическую традицию. Дженкинс, однако, не всегда четок в том, как разные компоненты его теории «сшиваются» друг с другом. Кроме того, поскольку он прежде всего теоретический социолог, он почти не занимается вопросом операционализации, используя эмпирическую реальность как резервуар примеров, а не данных, получаемых по определенным процедурам. Сложность и не-операционализируемость в случае Дженкинса связаны между собой, и, несмотря на существенные теоретические продвижения, в результате этого его работы сравнительно малоизвестны.

Модель, представленная в этой статье, по контрасту с описанными программами и моделями является, во-первых, концептуально ненагруженной, во-вторых, четкой и прозрачной, в-третьих, полевой, в-четвертых, универсальной. Исходя из этого, она и может быть полезной как связующее звено между теоретическим осмыслением феномена этничности и разнодисциплинарными эмпирическими дизайнами, разрабатываемыми и воплощаемыми в рамках ее изучения.

Модель и программа на данный момент несут прежде всего характер теоретико-методологического каркаса, который должен обрести и теоретическими разработками. В частности, часто упоминаемый когнитивный поворот в исследованиях этничности, как уже говорилось, находится лишь в начальной стадии, должна быть оценена возможность (и необходимость) «когнитивизации» описанной модели. Для этого следует проводить больше эмпирических исследований на стыке социологии и когнитивистики. Сейчас модель в большей степени ориентирована на описание коллективных представлений, которые находятся во взаимосвязи с когнитивными схемами, но к ним не редуцируются (и наоборот, коллективные представления не являются простым общим знаменателем индивидуальных представлений). Важно, кроме того, что этот подход может стать междисциплинарным мостом между когнитивными и историческими исследованиями этничности. Изучение того, как люди в прошлом воспринимали и осмысливали различия, является амбициозной и пока сложностижимой (за отсутствием как инструментов, так и соответствующих пониманий) целью. С другой стороны — для того, чтобы построенное здание было более основательным — могут стать объектом более детального исследования собственно социологические основания созданного подхода. Определенно требуют дальнейшей разработки и инструменты визуализации и схематизации. Важно, однако, что все это является уточнением и адаптацией уже созданного и представленного в этой статье теоретико-методологического каркаса. Помимо доработок, однако, важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта — созданная — этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Легитимным вопросом в рамках такого рода объяснений могут быть закономерности, связанные с изменением конструкции этничности или отдельных ее частей (как и почему меняются характеристики категорий,

сами категории или возникают и исчезают целые классификации). Здесь — с соблюдением всех «требований техники безопасности» выигрышными будут междисциплинарные объяснения, в которых, например, будут синтезированы социологические инструменталистские идеи сознательного усложнения нормативности для доступа к ресурсам, и заимствуемая из когнитивистики идея дескриптивной мощности категорий и классификаций как инструментов описания реальности (чем эта мощностность меньше, тем вероятнее исчезновение категорий и классификаций). Эти объяснительные модели, кроме того, могут быть «опрокинуты» на прошлое. Однако, как уже говорилось, для этого нужна «крепко сбитая» «этническая» переменная, которая и была предложена в данной работе.

Литература

- Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц.
- Барт Ф. (ред.). (2006). Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.
- Варшавер Е. А. (2022a). «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 1–58.
- Варшавер Е. А. (2022b). В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 4. № 170. С. 199–221.
- Варшавер Е. А., Орлова А. А., Шульга А. Е. (2023). Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. № 6. С. 156–177.
- Варшавер Е. А., Хабибуллин А. М., Самосудова А. Д., Шульц А. В. (2024). «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации децентного классификаторного правила, используемого при определении членства в этнических категориях в современном Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 176–201.
- Варшавер Е. А., Иванова Н. И., Егорова Т. Е. (2024). Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник РУДН Политология. № 2.
- Вахштайн В. (2015). «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. Т. 27. № 1. С. 8–16.
- Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс.

- Гириц К. (2004). Интерпретация культур / Пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Гуцунаев М. А., Дроздова А. Е., Кожаринова Е. В., Кунина А. И., Малиновский А. А., Назаров В. В., Ракачева А. В., Степанова Д. С., Варшавер Е. А. (2022). По следам этнического разнообразия в современном Дагестане: сборник статей по результатам студенческой экспедиции / Под общ. ред.: Е. А. Варшавер. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Дюркгейм Э. (2019). Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Юрайт.
- Иванова Н. С., Егорова Т. Д., Варшавер Е. А., Савин И. С. (2024). «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. (в печати).
- Пыжова А. Н. (2012). Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. № 7. С. 37–44.
- Тишков В. А. (б.д.). Этничность как форма социальной организации. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekci2/lekcii/etnichnost.html> (дата доступа: 08.03.2024).
- Adler-Nissen R. (2016). The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism // European Review of International Studies. Vol. 3. № 3. P. 27–39.
- Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. (1979). The Nature of Prejudice. New York: Basic Books.
- Andrews T. (2012). What is Social Constructionism // Grounded Theory Review. Vol. 11. № 1. P. 39–46.
- Augoustinos M., Innes J. M. (1990). Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory // British Journal of Social Psychology. Vol. 27. № 3. P. 213–231.
- Brubaker R. (2006). Ethnicity Without Groups. Cambridge: Harvard University Press.
- Brubaker R., Grancea L. V. E., Feischmidt M., Fox J. (2006). Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton University Press.
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov p. (2004). Ethnicity as Cognition // Theory and Society. Vol. 33. № 1. P. 31–64.
- Chai S-K. (1996). A Theory of Ethnic Group Boundaries // Nations and Nationalism. Vol. 2. № 2. P. 281–307.
- Chandra K. (ed.). (2012). Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press.
- Chandra K. (2013). What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition // Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford University Press.
- Charsley S. R. (1974). The Formation of Ethnic Groups // Urban ethnicity. P. 337–368.
- Cohen A. (2013). Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns. Routledge.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003). Perceptions of Race // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 7. № 4. P. 173–179.

- Diehl M.* (1990). The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings// *European Review of Social Psychology*. Vol. 1. № 1. P. 263–292.
- Fearon J., Laitin D. D.* (2000). Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. Working Paper. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).
- Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S.* (eds.). (1989). *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*. Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.
- Gee J. P.* (2014). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.). London: Routledge.
- Glaser B. G., Strauss A. L.* (2017a). *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Routledge.
- Glaser B. G., Strauss A. L.* (2017b). Theoretical Sampling// *Sociological Methods*. Routledge. P. 105–114.
- Gold S. J.* (1991). Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study// *Visual Studies*. Vol. 6. № 2. P. 9–22.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.). (2012). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogg M. A.* (2016). *Social identity theory*. Springer International Publishing.
- Hutchby I., Wooffitt R.* (2008). *Conversation Analysis*. Polity.
- Hutchinson J., Smith A. D.* (eds.). (1996). *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.
- Ignatow G.* (2007). Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology?// *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 2. P. 115–135.
- Ingelaere B., Paviotti A.* (2023). The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi// *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 61. № 2. P. 235–256.
- Jenkins R.* (1994). Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power// *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 17. № 2. P. 197–223.
- Jenkins R.* (2014). *Social identity*. Routledge.
- Kubota J. T., Banaji M. R., Phelps E. A.* (2012). The Neuroscience of Race// *Nature Neuroscience*. Vol. 15. № 7. P. 940–948.
- Latour B.* (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F. L.* (2005). White Racial and Ethnic Identity in the United States// *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. № 1. P. 245–261.
- Modood T.* (2004). Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications// *Cultural Trends*. Vol. 13. № 2. P. 87–105.
- Moscovici S. et al.* (1981). On Social Representations// *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. Vol. 8. № 12. P. 181–209.
- Moscovici S.* (2001). *Social Representations: Essays in Social Psychology*. Nyu Press.

- Moya C., Boyd R. (2015). Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functionalist Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano // *Human Nature*. Vol. 26. № 1. P. 1-27.
- Nagel J. (1994). Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture // *Social Problems*. Vol. 41. № 1. P. 152-176.
- Okamura J. Y. (1981). Situational Ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 4. № 4. P. 425-465.
- Pfadenhauer M., Knoblauch H. (eds.). (2018). *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*. London: Routledge.
- Pilarska J. (2021). The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design // Pabel A., Pryce J., Anderson A. (eds.). *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars*. Bristol: Channel View Publications. P. 64-83.
- Pyasik M., Proverbio A. M., Pia L. (2023). Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body // *Iscience*. Vol. 26. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC37860769/> (дата доступа: 08.03.2024).
- Raphael M. W. (2017). *Cognitive Sociology* // *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (дата доступа: 08.03.2024).
- Roth W. D. (2015). Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation // Santos C. E., Umaña-Taylor A. J. (eds.). *Studying ethnic identity: Methodological and conceptual approaches across disciplines*. American Psychological Association. P. 89-118.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978). A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation // Schenkein J. (ed.). *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York: Academic Press. P. 7-55.
- Sanders J. M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. № 1. P. 327-357.
- Searle J. R. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. New York: Cambridge University Press.
- Seigfried H. (1976). Descriptive Phenomenology and Constructivism // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 37. № 2. P. 248-261.
- Smith A. D. (2009). *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. Routledge.
- Sporer S. L. (2001). Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories // *Psychology, Public Policy, and Law*. Vol. 7. № 1. P. 36.
- Surkis J. (2012). When Was the Linguistic Turn? A Genealogy // *The American Historical Review*. Vol. 117. № 3. P. 700-722.
- Tajfel H., Turner J. C. (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict // Austin W. G., Worchel S. (eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Brooks/Cole. P. 33-37.
- Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. (2015). *The Handbook of Discourse Analysis*. John Wiley & Sons.

- Thomson S. B.* (2010). Sample Size and Grounded Theory // Grounded Theory-Sample Size. *Journal of Administration and Governance*. Vol. 5. № 1. P. 45–52.
- Valentine T. M., Lewis B., Hills P. J.* (2016). Face-Space: A Unifying Concept in Face Recognition Research // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 69. № 10. P. 1996–2019.
- Van Dijk T. A.* (1984). *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Van Dijk T. A.* (2009). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Vol. 2. № 1. P. 62–86.
- Wimmer. A.* (2004). Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. № 1. P. 1–36.
- Wimmer. A.* (2008). Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.
- Wimmer. A.* (2008). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 113. № 4. P. 970–1022.
- Wimmer A.* (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.

What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn

Evgeni A. Varshaver

Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo prosp., 84, bld. 3, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: varshavere@gmail.com

This article presents a descriptive theoretical-methodological model developed based on contemporary constructivist approaches to ethnicity research and situated within the context of the cognitive turn occurring in social sciences in general, and ethnicity studies in particular. This synthetic model addresses the question of what specifically needs to be researched when studying ethnicity and also provides tools for the operationalization of ethnicity for empirical research. Broadly, the model describes differentiating collective representations. The key elements of the model are ethnic categories and their relations, which are associated with various attributes divided into first and second-order attributes, also included in the model. The third type of elements in the model are general representations of the nature of ethnicity, characterizing the construction of ethnicity as a whole, understood as the entire collection of categories, attributes, and general representations in interrelation. The construction of ethnicity and its individual elements are the focus of empirical research, and the article also presents approaches to the operationalization of ethnicity within specific research designs. By accumulating contemporary approaches and distancing itself from other constructivist models (R. Brubaker, K. Chandra, A. Wimmer, and R. Jenkins), the article thus offers a transparent conceptualization of ethnicity, as well as concrete solutions for empirical research. It is addressed to researchers who, in one way or

another, deal with ethnicity in their studies, yet lack a clear understanding of what exactly is being discussed when ethnicity is researched and what can be the focus of empirical investigations.

Keywords: Ethnicity, Constructivism, Cognitive Turn, Construction of Ethnicity, Categories, Brubaker

References

- Adler-Nissen R. (2016) The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism. *European Review of International Studies*, vol. 3, no 3, pp. 27–39.
- Allport G.W., Clark K., Pettigrew T. (1979) *The Nature of Prejudice*, New York: Basic Books.
- Anderson B. (2001) Vobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: KANON-press-C.
- Andrews T. (2012) What is Social Constructionism. *Grounded Theory Review*, vol. 11, no 1, pp. 39–46.
- Augoustinos M., Innes J.M. (1990) Towards an integration of social representations and social schema theory. *British Journal of Social Psychology*, vol. 27, no 3, pp. 213–231.
- Barth F. (ed) (2006) *Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniija* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.
- Brubaker R. (2006) *Ethnicity Without Groups*, Cambridge: Harvard University Press.
- Brubaker R., Grancea L.V.E., Feischmidt M., Fox J. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*, Princeton University Press.
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov p. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and Society*, vol. 33, no 1, pp. 31–64.
- Chai S-K. (1996) A Theory of Ethnic Group Boundaries. *Nations and Nationalism*, vol. 2, no 2, pp. 281–307.
- Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford: Oxford University Press.
- Chandra K. (2013) What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford University Press.
- Charsley S.R. (1974) The Formation of Ethnic Groups. *Urban Ethnicity*, pp. 337–368.
- Cohen A. (2013) *Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. Routledge.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 7, no 4, pp. 173–179.
- Diehl M. (1990) The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings. *European Review of Social Psychology*, vol. 1, no 1, pp. 263–292.
- Durkheim E. (2019) *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose], Moscow: Jupiter Publishings.
- Fearon J., Laitin D.D. (2000) Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. *Working Paper*. Available at: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (accessed 8 March 2024).
- Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S. (eds.) (1989) *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*, Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.
- Gee J.P. (2014) *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.), London: Routledge.
- Glaser B.G., Strauss A.L. (2017a) *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, Routledge.
- Glaser B.G., Strauss A.L. (2017b) *Theoretical Sampling. Sociological Methods*, Routledge, pp. 105–114.
- Geertz K. (2004) *Interpretacija kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: Russian political encyclopedia.

- Gellner E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gold S.J. (1991) Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study. *Visual Studies*, vol. 6, no 2, pp. 9–22.
- Gucunaev M. A., Drozdova A. E., Kozharinova E. V., Kunina A. I., Malinovskij A. A., Nazarov V. V., Rakacheva A. V., Stepanova D. S., Varshaver E. A. (2022). *Po sledam jetnicheskogo raznoobrazija v sovremennom Dagestane: sbornik statej po rezul'tatam studencheskoj jekspedicii* [On Ethnic Diversity in Modern Dagestan: Students' Field Trip Collection of Articles], Moscow: HSE Publishing House.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (2012) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogg M. A. (2016) *Social Identity Theory*, Springer International Publishing.
- Hutchby I., Wooffitt R. (2008) *Conversation Analysis*, Polity.
- Hutchinson J., Smith A. D. (eds.) (1996) *Ethnicity*, Oxford: Oxford University Press.
- Ignatow G. (2007) Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 2, pp. 115–135.
- Ingelaere B., Paviotti A. (2023) The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi. *The Journal of Modern African Studies*, vol. 61, no 2, pp. 235–256.
- Ivanova N. S., Egorova T. D., Varshaver E. A., Savin I. S. (2024). «Zhit' tak zhe, kak my zhivem»: predstavleniya zhitelej Rossii ob integracii migrantov [“To live just like we do”: concepts of Russian residents about the integration of migrants]. *Aktual'nye problemy Evropy*. (In press).
- Jenkins R. (1994) Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 17, no 2, pp. 197–223.
- Jenkins R. (2014). *Social Identity*, Routledge.
- Kubota J. T., Banaji M. R., Phelps E. A. (2012) The Neuroscience of Race. *Nature Neuroscience*, vol. 15, no 7, pp. 940–948.
- Latour B. (2007) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F. L. (2005) White Racial and Ethnic Identity in the United States. *Annual Review of Sociology*, vol. 31, no 1, pp. 245–261.
- Modood T. (2004) Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications. *Cultural Trends*, vol. 13, no 2, pp. 87–105.
- Moscovici S. et al. (1981) On Social Representations. *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*, vol. 8, no 12, pp. 181–209.
- Moscovici S. (2001) *Social Representations: Essays in Social Psychology*, Nyu Press.
- Moya C., Boyd R. (2015) Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functionalist Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano. *Human Nature*, vol. 26, no 1, p. 1–27.
- Nagel J. (1994) Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture. *Social Problems*, vol. 41, no 1, pp. 152–176.
- Okamura J.Y. (1981) Situational Ethnicity. *Ethnic and racial studies*, vol. 4, no 4, pp. 425–465.
- Pfadenhauer M., Knoblauch H. (eds.) (2018) *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*, London: Routledge.
- Pilarska J. (2021) The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design. *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars* (eds. A. Pabel, J. Pryce, A. Anderson), Bristol: Channel View Publications, pp. 64–83.
- Pyasik M., Proverbio A. M., Pia L. (2023) Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body. *Iscience*, vol. 26, no 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7860769/> (accessed 8 March 2024).
- Pyzhova A. N. (2012) Jetnicheskaja identichnost' pomorov Arhangel'skoj oblasti cherez prizmu osnovnyh antropologicheskikh podhodov [Ethnic Identity of Pomors of the Arkhangelsk Region Through the Prism of the Main Anthropological Approaches]. *Arctic and North*, no 7, pp. 37–44.
- Raphael M.W. (2017) Cognitive Sociology. *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. Available at: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (accessed 8 March 2024).

- Roth W.D. (2015) Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation. *Studying Ethnic Identity: Methodological and Conceptual Approaches across Disciplines* (eds. C. E. Santos, A. J. Umaña-Taylor), American Psychological Association, pp. 89–118.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation. *Studies in the Organization of Conversational Interaction* (ed. J. Schenkein), New York: Academic Press, pp. 7–55.
- Sanders J. M. (2002) Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1, pp. 327–357.
- Searle J. R. (1979) *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, New York: Cambridge University Press.
- Seigfried H. (1976) Descriptive Phenomenology and Constructivism. *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 37, no 2, pp. 248–261.
- Smith A. D. (2009) *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*, Routledge.
- Sporer S. L. (2001) Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories. *Psychology, Public Policy, and Law*, vol. 7, no 1, pp. 36.
- Surkis J. (2012) When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *The American Historical Review*, vol. 117, no 3, pp. 700–722.
- Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations* (eds. W. G. Austin., S. Worchel), Monterey: Brooks/Cole, pp. 33–37.
- Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. (2015) *The Handbook of Discourse Analysis*, John Wiley & Sons.
- Thomson S. B. (2010) Sample Size and Grounded Theory. *Grounded Theory-Sample Size. Journal of Administration and Governance*, vol. 5, no 1, pp. 45–52.
- Tishkov V. A. (d.b.). Jetnichnost' kak forma social'noj organizacii [Ethnicity as a Form of Social Organisation]. Available at: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekciiz/lekcii/etnichnost.html> (accessed 8 March 2024).
- Vahshtajn V. (2015) «Povorot k material'nomu»: tridcat' let spustja [«Turn to Material»: Thirty Years Later]. *Sociologija vlasti*, vol. 27, no 1, pp. 8–16.
- Valentine T. M., Lewis B., Hills P. J. (2016) Face-space: A Unifying Concept in Face Recognition Research. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 69, no 10, pp. 1996–2019.
- Van Dijk T. A. (1984) *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Van Dijk T. A. (2009) Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. *Methods of Critical Discourse Analysis*, vol. 2, no 1, pp. 62–86.
- Varshaver E. A. (2022a) «Perestat' pinat' mertvuju loshad' primordializma»: aktual'nye povestki dnja v konstruktivistskikh issledovanijah jetnichnosti [«Stop Beating the Dead Primordial Horse»: Actual Agendas in the Constructivist Research of Ethnicity]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 1–58.
- Varshaver E. A. (2022b) V lovushke dvojnoj irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo jetnichnosti vo vzaimodejstvijah mezhdru perepischikami i perepisyvaemymi v hode vsrossijskoj perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions Between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations During 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, vol. 4, no 170, pp. 199–221.
- Varshaver E. A., Orlova A. A., Shulga A. E. (2023) Dokumentarnyj konstruktivizm kak osobaja forma konstruktivistskoj narodnoj sociologii: svidetel'stva iz Dagestana [Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan]. *Ethnographic Review*, no 6, pp. 156–177.
- Varshaver E. A., Habibullin A. M., Samosudova A. D., Shul'c A. V. (2024) «Po otcu» ili «po oboim roditeljam»? Variacii decentnogo klassifikatornogo pravila, ispol'zuemogo pri opredelenii chlenstva v jetnicheskikh kategorijah v sovremennom Dagestane [«From Father» or «From Both Parents»? Variations of the Descent Classificatory Rule Regulating Membership in Ethnic Categories in Modern Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 176–201.
- Varshaver E. A. (2024) Jevoljucionnaja kognitivistika kak resurs dlja ob'jasnenija jetnicheskikh javlenij «posle kognitivnogo povorota» [Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena «After the Cognitive Turn»]. *Monitoring of Public Opinion*, (in print).

- Varshaver E. A., Ivanova N. I., Egorova T. E. (2024) Voobrazhaja rossijskuju naciju: kto, s točki zrenija žitelej Rossii, javljaetsja chast'ju rossijskogo obshhestva i možno li stat' ego chast'ju? [Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member?]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no 2, (in print).
- Wimmer A. (2004) Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 27, no 1, pp. 1-36.
- Wimmer A. (2008) Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 31, no 6, pp. 1025-1055.
- Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 4, pp. 970-1022.
- Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*, Oxford: Oxford University Press.

Обмен мнениями по поводу статьи Е. Варшавера «Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота»

Екатерина Арутюнова

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН

Адрес: ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1, Москва, 109544 Российская Федерация

E-mail: 981504@mail.ru

Алексей Бессуднов

Dr. Phil., доцент факультета социальных наук, Университет Эксетера, Великобритания

Адрес: Amory Building 341, Rennes Drive, Exeter EX4 4RJ UK

E-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk

Ольга Вендина

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН

Адрес: Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Москва, 119017 Российская Федерация

E-mail: o.vendina@gmail.com

Дмитрий Верховцев

Стажёр-исследователь Института этнологии и антропологии РАН

Адрес: Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334 Российская Федерация

E-mail: DVerhovtcev@gmail.com

Михаил Каменских

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН

Адрес: ул. Ленина, д. 13а, Пермь, 614001 Российская Федерация

E-mail: mkamenskih27@gmail.com

В тексте представлены мнения действующих исследователей этничности о статье Е. Варшавера. Отметив актуальность заявленной проблемы, авторы расходятся в оценках его инновационности. Из-за сложности самого феномена этничности они сомневаются в возможности простой и четкой схемы для его исследования, на что претендует автор. Среди прочих тем, которых коснулось обсуждение: возможность количественных исследований этничности в конструктивистской парадигме, природа когнитивного поворота в исследованиях этничности и др.

Ключевые слова: этничность, когнитивный поворот, конструктивизм, количественные исследования, Брубекер

Возможно ли все понять об этничности?

Екатерина Арутюнова

Эта статья для меня — текст не просто интересный, но и очень важный. Несколько лет назад при обсуждении в Институте социологии авторского проекта модели изучения этничности мне особенно запомнилась и показалась продуктивной и перспективной идея использования понятия «(этническая) категория» для обозначения того феномена, который называют и этнической группой/общностью, и национальностью, и нацией — в зависимости от дискурса. Такой терминологический переход, общий язык важен для исследователя-эмпирика конструктивистского толка, понимающего этничность как непрекращающийся процесс переосмысления себя и других, работающего в поле, где в представлениях людей этничность зачастую объективна, незыблема и эмоционально наполнена, взаимодействующего с государством со всеми его возможностями как актором в поле этничности и научными дискурсами с другими методологическими основаниями. Тем интереснее увидеть развитие и оформление предлагаемой автором модели.

Представление модели в контексте ее дескриптивной задачи видится вполне стройным и обоснованным — показаны и теоретические рамки, и эмпирические дизайны, причем не только потенциальные, но и уже осуществленные автором и его соратниками, сама конструкция этничности наглядна, операционализована, показан ход аналитического процесса и схема конструкции этничности для конкретного локального сообщества как результат. Модель можно использовать с различной эмпирикой, если понимать реальность в широком смысле как текст. Особенно отмечу использование метода «виньеток» как проективной методики — разворачивание ответов на вопросы типа «а что, если...» подсвечивает нюансы процесса категоризации, о которых информант до тех пор не думал, а исследователю все в копилочку. Модель, как справедливо отмечает автор, перспективна и для анализа идентичности как непрерывного процесса категоризации, и в других полях, не только при изучении этничности, и в ретроспективе. Иначе говоря, это добротная схема операционализации, которую можно дорабатывать и использовать шире.

При попытке разобраться в нюансах модели и чем она, в частности, в моей работе могла бы помочь, было любопытно следующее.

Как можно было бы ее соотнести с известной структурой идентичности как социально-психологической установки с ее тремя уровнями: когнитивным, эмоциональным и поведенческим (к которой в случае этнической идентичности Л. М. Дробижева добавляет еще и интересы)? По сути, пусть и без использования понятия идентичности, модель включает хорошую операционализацию когнитивного уровня, уровня коллективных авто- и гетеростереотипов, представлений о нормах, и это вполне ожидаемо с учетом объявленных теоретических рамок. В какой-то мере при исследовании этничности в музеях или формальных класси-

фикациях этничности можно проследить поведенческий уровень, своеобразное овеществление или институционализацию конструкций этничности, а куда встроить эмоции, если этот феномен переживания действительности психикой влияет на поведение, а в поле этничности и подавно? Можно ли считать, что изучения когний в случае этничности, по сути, достаточно? Можно ли (развиваем фантазию) для прагматических целей поддержания мирного сосуществования людей с разными интересами (которые они часто определяют как неразрывно связанные с их верой, расой, этничностью) использовать данные нейронаук, управлять поведением и этим ограничиться? И вообще — где пределы влияния когнитивного поворота на исследования социальности?

Предполагается ли возможность использования модели в количественной стратегии исследования? Ответ на этот вопрос в статье есть — упомянута шкала Богардуса, но механизм не вполне понятен и навскидку не удастся его додумать.

Есть ли подводные камни адаптации, если она нужна, представленной модели для исследования политических идентичностей или национально-гражданской идентичности в моменте и исторически?

Как использование модели само влияет на конструирование этничности в процессе взаимодействия исследователя и поля?

Суммируя, однозначно можно сказать, что статья полезна — она побуждает задуматься о развитии теории тогда, когда многие ученые видят ее только как ритуальный атрибут своих текстов, утопая в публикационной обыденности. И напротив — она дает рабочую схему практического исследования процесса этничности, которую с ходу можно (в хорошем смысле и со ссылкой) присвоить и идти в поле в самые разные локальные контексты, попутно дорабатывая, поскольку если модель тоже текст, то она никогда не закончена.

Этнические границы и категории в количественных исследованиях

Алексей Бессуднов

В своей статье Евгений Варшавер описал современные представления об этничности, которые разделяют большинство социологов и антропологов, работающих в этой области. Эти представления сложились в основном под влиянием работ Роджерса Брубекера, а также более ранних исследователей этничности и национализма (Бенедикт Андерсон, Энтони Смит), работающих в традиции, которую, несколько упрощая дело, можно назвать конструктивистской. Ее характеризует отход от представления об этнических группах как общностях, принадлежность к которым однозначно определяет этническую идентичность людей, и более внимательный и критический подход к тому, как этничность функционирует в повседневной жизни. Отсюда смещение фокуса от этнических групп к этническим категориям, границам, различиям, социальным контекстам, в которых этничность становится более или менее важна.

Помимо обзора основных современных теорий этничности (которые включают также работы Андреаса Виммера и Канчан Чандры) Варшавер предлагает эмпирический дизайн, который может быть использован в качественных/этнографических исследованиях этничности, иллюстрируя его примерами из собственной полевой работы в Армении и Дагестане. В этом коротком отзыве я постараюсь оценить, в какой степени конструктивистский подход к этничности может применяться в количественных исследованиях, основанных на статистическом анализе данных.

Значительная часть таких исследований основана на данных опросов. В большинстве случаев исследователи не проводят их сами, а пользуются данными больших профессионально проведенных опросов. Например, в США такими являются General Social Survey (GSS) или Panel Study of Income Dynamics, в Великобритании — UK Household Longitudinal Study (UKHLS), в России — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. В случае вторичного анализа данных исследователи вынуждены пользоваться теми этническими категориями, которые имеются в данных, а они чаще всего следуют официальным классификациям, используемым государственными статистическими ведомствами. В частности, в UKHLS (также известном как Understanding Society), одном из наиболее масштабных и известных британских опросов, использованы следующие категории: британец/англичанин/шотландец/валлиец/северный ирландец, ирландец, индеец, пакистанец, бангладешец, китаец, карибец (то есть выходец из стран Карибского бассейна), африканец, любой другой белый, белый и азиат, белый и черный африканец и т. д. Эти категории дублируют официальную классификацию британской Службы национальной статистики. Нетрудно заметить проблемы с этой классификацией. Если такие категории, как «шотландец» или «валлиец», соответствуют нашему традиционному представлению об этнической идентичности, то в гораздо меньшей степени это можно сказать о таких категориях, как «индеец», «африканец», не говоря уже о категории «любой другой белый». Социолог-конструктивист мог бы многое написать здесь о том, как государство навязывает свое представление об этнической идентичности людям через официально признанную систему классификаций (этническая дискриминация в Британии законодательно запрещена, и парадоксальным образом на вопрос об этничности приходится отвечать едва ли не в каждой анкете — чтобы собрать данные, необходимые для изучения представленности людей из разных этнических групп в разных областях общественной жизни). Однако для целей социальной политики эта классификация работает неплохо, отражая миграционную историю Великобритании за последние 70 лет, но на практике социолог-количественник вынужден работать с теми категориями, которые имеются в данных.

Чаще всего этническая принадлежность используется как один из предикторов в разного рода регрессионных моделях, предсказывающих, например, образовательные достижения или поведение на рынке труда. Этничность является категориальным признаком, и в большинстве случаев наиболее многочисленная кате-

гория (например, «белые британцы») выбирается в качестве референтной, а все остальные с ней сравниваются. Малочисленные категории чаще всего объединяются в категорию «Другие». Очевидно, что такой подход оставляет мало места для анализа в стиле Брубекера/Виммера.

В качестве иллюстрации рассмотрим, как этничность анализировалась в некоторых эмпирических количественных статьях, опубликованных в недавних выпусках *British Journal of Sociology* (флагманский журнал британской социологии) и *Journal of Ethnic and Migration Studies*, одного из основных журналов для исследователей этничности и миграций. В этом коротком отзыве я не претендую на систематический обзор, однако я постарался выбрать статьи, характеризующие доминирующий в дисциплине подход.

Возьмем, например, статью Каролины Цукотти и Люсинды Платт, посвященную классовым различиям в образовательных достижениях и положении на рынке труда детей иммигрантов в Великобритании (Zuccotti, Platt, 2023). Для статистического анализа они берут данные лонгитюдного исследования британской Службы национальной статистики, соединяющего выборки из данных переписей 1971, 1981, 1991, 2001 и 2011 годов или использованы следующие этнические категории: белые британцы (референтная группа) и меньшинства индийского, пакистанского, бангладешского и карибского происхождения. Выбор этих категорий обусловлен их наличием в данных, а также размером выборки для статистического анализа (даже в большой выборке лонгитюдного исследования ONS недостаточно случаев для других этнических категорий). В какой степени эти категории представляют «этнические группы»? Если выходцев из стран Карибского бассейна и Бангладеш объединяет общая миграционная история и часто место проживания (в обоих случаях это преимущественно Лондон), то едва ли это применимо к потомкам иммигрантов из Индии (делящихся на три мало пересекающиеся религиозные общности — индусов, сикхов и мусульман). Эти детали теряются в статистическом анализе (хотя в принципе их возможно использовать при наличии данных), не говоря уже о тезисе о том, что этничность может играть совершенно разную роль в жизни людей, в зависимости от их индивидуальных особенностей, социального окружения и жизненной траектории. Статистический анализ усредняет.

В качестве другого примера возьмем статью Йорга Доллмана, Ирены Коган и Маркуса Вайсмана, посвященную влиянию наличия иностранного акцента в немецком языке на трудовую траекторию молодежи этнического происхождения в Германии (Dollmann, Kogan, Weißmann, 2024). Анализ в статье выполнен на данных лонгитюдного исследования детей иммигрантов в четырех европейских странах (CILS4EU), специально задуманного для изучения мигрантов второго поколения и вопросов, связанных с этничностью. Для измерения акцента был использован специальный опросный инструмент; это интересный и новаторский подход в социальных исследованиях. Однако для анализа этничности/региона происхождения употреблялись обобщенные категории: Турция (референтная группа, в течение долгого времени — основной источник иммигрантов в Герма-

нии), Южная Европа, страны бывшей Югославии, страны бывшего СССР и Восточной Европы, страны Северной и Западной Европы, другие страны. Понятно, что в данном случае речь опять-таки идет о статистическом упрощении: едва ли у албанских и итальянских иммигрантов, помещенных в категорию «Южная Европа», много общего, за исключением средиземноморского происхождения. Индивидуальные траектории и особенности, а также социальные контексты, в которых этничность становится более или менее важна, в таком статистическом анализе неизбежно теряются.

В количественных исследованиях, посвященных России, картина та же. Наиболее известным и чаще всего используемым в академических исследованиях источником опросных данных является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Вопрос об этничности в РМЭЗ является открытым («Кем вы себя считаете по национальности?»), и в документации к данным есть коды таких категорий, как «русский китаец» (178) или «коми — татарин» (183). На практике, однако, статистический анализ требует категорий с большим количеством наблюдений, поэтому малые категории по необходимости исключаются или перекодируются. Общероссийская выборка РМЭЗ не позволяет анализировать этнические категории, распространенные в отдельных регионах (например, в Дагестане, которого нет в выборке), а отсутствие блока вопросов, посвященных этнической идентичности и социальным контекстам этничности, допускает лишь самый обобщенный анализ на уровне крупных этнических категорий.

Возможна ли вообще в количественных исследованиях операционализация этничности в стиле Брубекера/Виммера? Это попытался сделать сам Виммер, не чуждый сотрудничества со статистически ориентированными социологами. Например, в статье, написанной совместно с Кевином Льюисом (Wimmer, Lewis, 2010), они используют сетевой анализ на данных Фейсбука¹ для исследования расовой гомофилии в дружеских сетях (то есть склонности белых дружить с белыми, а черных — с черными). ERGM-модели позволяют отделить эффект разных факторов, влияющих на структуру сети. Как показал анализ, высокий уровень расовой гомофилии объясняется не только (и не столько) тенденцией выбирать себе друзей по расовым признакам, но и гомофилией внутри этнических групп (принадлежащих к одной расе), гомофилией по социально-экономическому статусу и региону происхождения студентов, а также сетевыми эффектами (например, триадным замыканием — склонностью образовывать дружескую связь при наличии общих друзей).

В другой статье Виммер и Зоэль используют данные Европейского социального исследования (ESS) для анализа различных факторов, влияющих на ценностные различия между иммигрантами (и их детьми) и местным населением (Wimmer, Soehl, 2014). Они выделяют 305 разных групп иммигрантов, в основном ориенти-

1. Деятельность запрещена в России.

руясь на страну происхождения. Однако в эмпирическом анализе эта детальная классификация практически не применяется, и основное сравнение идет по линии «обобщенные мигранты — местное население». Главный вывод статьи в том, что юридические препятствия ассимиляции и дискриминация увеличивают культурную дистанцию, причем этот эффект наблюдается не только для самих мигрантов, но и для их детей. Этот аргумент находится в русле общей теории этнических границ, предложенной Виммером, согласно которой этнические границы не являются жесткими и фиксированными, а могут меняться в зависимости от социального контекста (примером которого являются дискриминационные практики).

В целом хотя эти и похожие статьи, несомненно, соотносятся с теоретическими аргументами, выдвинутыми Виммером, возникает ощущение, что возможности исследовательских дизайнов, которыми он пользуется, не позволяют полноценно эмпирически протестировать теорию. Существенно огрубляя, можно сказать, что выводы эмпирических исследований сводятся либо к тому, что этничность, возможно, не так важна для жизненных возможностей людей, как часто считается (после статистического контроля ряда коррелирующих с этничностью признаков), либо к исследованию культурных/этнических границ на макроуровне (другим известным примером работы такого рода является статья Кристофера Бэйла (Bail, 2008)).

Возможно, причиной относительной неадекватности количественных дизайнов для исследований этничности в ее конструктивистском понимании является ориентация на вторичный анализ данных, в основном опросных. Представляется, что экспериментальный подход, который часто используется в исследованиях идентичности в социальной психологии, может быть более полезен. В частности, перспективным дизайном кажутся онлайн-эксперименты с «виньетками», в которых могут замеряться представления респондентов об этнических границах в зависимости от заданных «виньетками» обстоятельств — в том же русле, в каком Варшавер использовал «виньетки» для исследования народных социологий этничности в Дагестане. Он делал это в рамках качественных интервью, но тот же метод вполне может быть применим и в количественных исследованиях.

Найден ли выход из когнитивных лабиринтов в исследованиях этничности?

Ольга Вендина

«Что именно исследуется, когда исследуется этничность?» — задается одновременно лукавым и двусмысленным вопросом Е. А. Варшавер. Лукавым, потому что такой опытный и эрудированный исследователь, как Евгений Александрович, не может не понимать, что получить на него однозначный ответ вряд ли возможно, и двусмысленным, поскольку, адресуя свой вопрос тем, кто стремится прийти «до самой сути», автор декларирует намерение дать конкретную программу эмпи-

рических исследований тем, кто не очень понимает, о чем идет речь, когда исследуется этничность. Как-то не очень верится, что, получив в качестве алгоритма исследований реляционную дескриптивную модель, опирающуюся на конструктивистскую парадигму и когнитивные подходы, подобного рода исследователи (коих, к сожалению, немало) сумеют ею воспользоваться. Да и дальнейшее описание предлагаемой Варшавером дескриптивной модели требует от предполагаемых пользователей известной степени изощренности, тонкости интерпретаций и хотя бы поверхностного знания основ социальной психологии и достижений когнитивных наук. Думается, что ее ценность состоит скорее не в схематизации (упрощении) методического инструментария, позволяющего без глубокого проникновения в суть проблемы получать адекватные результаты (вроде успешной езды на автомобиле без понимания его устройства), а как раз наоборот, в соответствии уровня ее сложности — сложности устройства современного социума.

Развивая тезис Р. Брубекера о необходимости обращать внимание на категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное объяснение и социальное действие, Варшавер доводит его до уровня эмпирических исследований, что, с моей точки зрения, составляет главную ценность предлагаемой модели и определяет ее теоретическое значение. Если я верно понимаю, то подчеркивание дескриптивного характера модели и важности когнитивного контекста означает, что этничность опосредуется словом и является производной от языкового (ментального) описания-объяснения событий, переживаемого опыта и визуальных наблюдений. Формулируя свою позицию, автор пишет, что «Люди верят в то, что индивиды дифференцируются определенным образом, фактически во всякий момент времени заново осуществляя дифференциацию, наделяют эту дифференциацию и дифференцирующие категории смыслом и действуют исходя из этого, на следующем шаге «перепроизводя» общественные структуры, связанные с этничностью».

Этничность в этом смысле выступает как способ категоризации новых явлений (феноменов) с помощью привычных и усвоенных терминов, содержание которых меняется под воздействием сдвигов в восприятии и переработке информации. Такая постановка вопроса достаточно нова для российской социологии и антропологии. Оригинальность предлагаемой исследовательской модели (или программы, как в другом месте пишет автор), с моей точки зрения, состоит в следующем.

Во-первых, автор, оставаясь сторонником конструктивистских подходов, отказывается от стигматизации каких бы то ни было иных взглядов на этничность как ошибочных, несовременных и пр., предпринимая попытку извлечь из них рациональное зерно, сохраняющее свою ценность для решения исследовательских задач. Ну, например, статистический учет населения и проведение разного рода политик, связанных с культурной неоднородностью социума, вряд ли возможно без порицаемого «группизма», так же как маловероятно изучение связанных с этничностью процессов без реификации участвующих в них индивидов или сообществ. В некотором смысле реабилитируется и примордиализм. Ссылаясь на авторитет К.

Гирца, который ввел этот термин в научный оборот, Варшавер отмечает исследовательскую легитимность примордиальных идентичностей как указания на устойчивость представлений об этнической принадлежности, впитанных «с молоком матери» и в ходе социализации, а не на их врожденность или изначальную заданность.

Во-вторых, предпринимается попытка интегрировать знания, накопленные в социологии, социальной психологии, антропологии и когнитивной лингвистике в единую исследовательскую модель. Помню, что еще относительно недавно Л. М. Дробижева сожалела, что работы Г. Оллпорта, Т. Петтигрю, Г. Таджфела, Э. Хатчинса, А. Гелла и других представителей школы социальной психологии и культурной антропологии малоизвестны российским социологам и рассматриваются как маргинальная ветвь этнических исследований. Однако Варшавера упрекнуть в этом нельзя. Заслуживает внимания и упоминание акторно-сетевой теории (ANT) как сопутствующего методологического инструментария предлагаемой исследовательской программы. С позиции данной теории, этничность является результатом сопряженного функционирования множества сложносоставных ансамблей, включающих материальные и нематериальные сущности — людей, вещи, институты, природу, дискурсы, эмоции, стереотипы, классификации и пр. И хотя в эмпирической части статьи автор скорее сосредотачивается на нематериальной — языковой и визуальной сторонах производства и восприятия этничности, он не упускает из поля зрения и значение этнокультурного антуража — своего рода реляционной «инфраструктуры», представленной музеями, фестивалями, праздниками и пр.

В-третьих, и мне это особенно близко, автор вводит в свою модель понятие «контекста» как условия, необходимого для прояснения смысла этничности и способов ее обоснования, включая в контекст не только параметры конкретной ситуации, но и персональные схемы осмысления действительности — рефлексию. По крайней мере, я так понимаю утверждение автора, что «конструкции этничности могут различаться не только от контекста к контексту, но и в рамках одного контекста — от сообщества к сообществу и от человека к человеку». Этот прием (хотя бы на концептуальном уровне) позволяет разрешить «классический», по его словам, для этнических исследований вопрос о «ситуативности» этничности. Он подчеркивает, что ситуативна не этничность, как об этом нередко пишут, а контекст, определяющий ассоциативное наполнение этничности, и эта мысль, как мне кажется, важна для понимания его модели. Однако если этничность оказывается рефлексивной, то вполне правомерно ее рассматривать как интерпретацию самого себя и других, подчиняющуюся законам повествования. Фактически через посредство нарративов, выстроенных вокруг бытовых анекдотов и отдельных, иногда малозначимых жизненных деталей, вроде прически или акцента, жадности или щедрости, вкусов и привычек, появляется возможность определять сходство через различия и различия через сходства, обнаруживать разнообразие проявлений этничности, бесконечно варьирующей между тождественностью и инаковостью.

Будь я на месте Варшавера, то ввела бы в предлагаемую дескриптивную модель дополнительное нарративное измерение, связующее внутреннюю этническую категоризацию (оценки), внешнюю дифференциацию и разнообразные контексты (глобальные, локальные, исторические, семейные, биографические, экономические, репутационные и пр.), но это, конечно, остается на его усмотрение. Подчеркну, в такой конструкции, как и в дескриптивной модели автора, нет ничего простого, прежде всего потому, что она предполагает незавершенность и неполноту человеческой личности, иначе незачем рефлексировать. Логично предположить, что следствием отсутствия завершенности становится неопределенность объекта изучения, влекущая за собой *«перманентный кризис в исследованиях этничности»* — констатация, с которой Варшавер начинает свою статью, и недостаток, который он стремится преодолеть при помощи своей *«концептуально ненагруженной», «полевой»* и *«прозрачной»* исследовательской модели. Я не разделяю этого оптимизма и полагаю, что заявка автора на универсальность модели и ее способность служить *«связующим звеном между теоретическим осмыслением феномена этничности и разно-дисциплинарными эмпирическими дизайнами»*, выглядит чрезмерно амбициозно. Тем не менее продвигаемый им междисциплинарный подход является инновационным, многообещающим, эвристичным и, несомненно, вносит важный вклад в решение фундаментальной научной проблемы, связанной с установлением природы и характера этничности, каналов ее трансляции.

В эмпирической части статьи, и это важно особо отметить, автор стремится показать адаптивность предложенной им модели к меняющимся условиям полевых исследований и разнообразию применяемых методов. Это очень интересный раздел как с точки зрения постановки исследовательских задач, так и полученных результатов. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет составить полное представление о проведенных экспериментах, их чистоте и соответствии концептуальным установкам. Тем не менее достаточно ясно проявляется желание автора сконцентрировать свое и читательское внимание на коллективных представлениях (типах, стереотипах, характеристиках и атрибутах) и категориях, отражающих и организующих социальные отношения — спонтанные и институционализованные. Этничность в этой системе координат — форма и способ дифференциации социума. Собственно эмпирический раздел текста ориентирован на описание инструментария, позволяющего выявлять механизмы производства этничности, и именно в этом разделе становится понятно, что предлагаемая модель еще далека от *«четкости и прозрачности»*. Да, и сам Варшавер делает оговорку о незавершенности своей работы над исследовательским фреймом. Попробуем, несмотря на неполноту эмпирического материала, декодировать приведенные примеры, держа в голове задумку автора.

Первый пример — это исследование в армянском селе на берегу озера Севан, в ходе которого использовалась привычная этнографическая методика интервьюирования. Лично для меня важно, что она наглядно продемонстрировала нарративную природу конструирования этничности. Фактически через посред-

ство нарратива (автор использует слова истории и анекдоты) информант обретал возможность заявить о себе как о личности и возлагал на себя качества, которые приписывались или могли быть приписаны таким же, как он, людям, т. е. лицам, с которыми он себя идентифицирует. Та же процедура, но уже через противопоставление, осуществлялась и в отношении «других». Наиболее развернуто описан пример армян, которые выстраивали следующие смысловые цепочки: «армянин/язык/древность/земля/происхождение/особость», в противовес: «курд/фамилия/женщины-распутны/мужчины-неискренни/дела лучше не иметь», ну и пр. Иначе говоря, мы имеем дело с компенсаторно-охранительной методой конструирования этничности, веками воспроизводимой в сельской местности и предполагающей в том числе избегание негативных коннотаций в отношении иноэтнических соседей.

Пример Дагестана отражает ситуацию перекодирования этнических категорий под воздействием изменений образа жизни и сдвигов в восприятии. Варшавер относит это исследование к «народной социологии», но, на мой взгляд, оно ближе к проективным методикам социальной психологии, которые позволяют выявлять ценностные ориентиры и мотивы поведения людей через моделирование поведения в воображаемых ситуациях. Этот эксперимент показал, насколько усложняется этническая категоризация и самоидентификация по мере роста числа оснований социальной дифференциации. Фактически в условиях городской жизни и гибридизации всего и вся возникает эффект «множественных реальностей», затрудняющий какие бы то ни было классификации и размывающий самые стройные исследовательские концепции. Сущности умножаются, а результат растворяется в ситуативном контексте. Возникает неприятное подозрение, что модель исследования этничности через коллективные представления плохо работает в городских условиях.

Еще один пример спонтанной этнической категоризации дает использование методики элицитации, пришедшей в антропологию из лингвистики и предполагающей перевод информантом на «свой» язык вербальной и/или невербальной (фото, видео) информации, предлагаемой интервьюером. По идее, данный метод должен минимизировать давление интервьюера на информанта, оставляя ему свободу ретрансляции своего восприятия и понимания считываемой картинки (текста), но судя по описанию эксперимента, достичь желаемого результата удалось не в полной мере, более того, этот результат оказался сложен для интерпретации, сводясь скорее к называнию, а не объяснению. Иными словами, наличие этнической категоризации было с помощью данной методики выявлено, но механизмы конструирования этничности остались «за кадром». Допускаю, что это впечатление неверно и является следствием ограниченности объема статьи, вынуждающего автора жертвовать пояснениями и деталями.

Два других примера связаны с музеями и мигрантами и имеют отношение скорее к символической политике и социокультурному контексту формирования коллективных представлений об этничности, нежели к конструкции этничности

как таковой. В данном случае хорошо показано, каким образом работает вещно-смысловой ряд, ориентированный на выработку режима «своей» правды — избирательную репрезентацию истории и культуры, подчеркивание инаковости (отличительности), включения, исключения, определение жертв, героев и в конечном счете фиксацию категории «своих» — от этноса до нации.

В целом статья Варшавера дает обильную пищу для размышлений и в очередной раз заставляет задуматься над тем, что и как мы воображаем, когда речь заходит об этничности, какие ситуации заставляют работать наше воображение и какой тип коллективных представлений (характеристик, атрибутов, знаний) актуализируется при этом, какие каналы восприятия и ретрансляции оказываются наиболее чувствительными к происходящим изменениям и каким инструментарием мы располагаем, чтобы их отслеживать и анализировать. Наконец, какие следствия влекут за собой продвигаемые нами категории и схемы осмысления действительности. Без более глубокого погружения в область когнитивных наук ответить на эти вопросы вряд ли возможно.

За пределами когнитивности

Дмитрий Верховцев

Прежде всего, хочется приветствовать выход статьи, где формулируются новые теоретические конструкции, касающиеся такого чувствительного для РФ исследовательского поля, как «этничность». В этом приветствии акцент на регионе исследования связан прежде всего не с традиционным когда-то делением на «отечественную» и «зарубежную» историографии, где отдельно отсчитывались приоритеты и заслуги, а с уникальностью постсоветской ситуации в гуманитарных и социальных науках, где этничность остается важным фокусом интереса, применяется как важная исследовательская рамка, является метаязыком взаимодействия науки и органов власти, но в то же время редко рассматривается с точки зрения актуальности концептуального и методологического аппарата по ее изучению.

Постсоветское общество и сейчас еще остается под родовым влиянием советской эпохи, когда административная «национальность» была важнейшей категорией социального структурирования как на государственном, так и на бытовом уровне, а целая дисциплина, этнография, объявляла своим главным предметом изучения «этнос». Хотя постсоветский период истории начался с решительных шагов по демонтажу этого влияния, когда была отменена графа «национальность» в государственных паспортах, а «советская теория этноса» подверглась критике со стороны нового руководителя Института этнологии В. А. Тишкова, этноцентричная оптика продолжает фигурировать в довольно большом количестве русскоязычных публикаций (Верховцев, 2022: 84). При этом, несмотря на фиксируемый большой спрос на методологию исследования этничности, оказывается, что в этой области парадоксальным образом имеется дефицит предложения: упомянутый массив работ об «эт-

носе» продолжает оставаться в рамках советских этнических парадигм, и авторы ссылаются на концепции этничности, созданные в советское время, — теории Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилёва (Там же: 86). Достаточно много причин, по которым при повышенном постсоветском «этническом интересе» крайне слабо происходит рецепция иных дискурсов этничности, широко дискутируемых в мировой науке; это и инерция научной системы, и все еще высокая автономия русскоязычного кластера исследований. Предпринятая Е. А. Варшавером попытка формулирования на современных научных основаниях модели этничности, и что еще важнее — описание способов ее приложения к прикладной полевой работе, очевидно, давно ожидаемый текст, способный не только сделать вклад в исследования этничности как таковые, но и включить в это поле пока еще сильно автономизированный массив российских исследователей, следующих в кильватере давно окаменевших теорий.

Отмечу, что уже сейчас сформулированная дескриптивная модель изучения этничности вполне самодостаточна и может быть использована в прикладных исследованиях. Ее важной инновацией, особенно полезной в поле, является в том числе концепция «народной социологии этничности», позволяющей скорректировать полученные данные исходя из собственных онтологий информантов. Однако, как любое широкое обобщение, модель содержит ряд редукций. Оставшиеся вне оптики Варшавера факторы, как мне кажется, важны для понимания этнического феномена не меньше включенных в модель элементов, и могут рассматриваться как потенциал для ее развития в будущем.

Сперва хотелось бы сказать о недостаточном внимании к различению внешних этнических категоризаций и самоидентификации человека с какой-либо этнической категорией. В «модели» акцент делается на внешние категоризации и «коллективные представления», которые интериоризируются и становятся «категорией идентификации». Однако важным фактором этого процесса является его историзм, то есть наплавание различных слоев интериоризации внешних представлений у отдельных людей и сообществ, что может накапливать целый набор идентификаций, неактуальных для современного социального контекста, и даже вступающего с ним в конфликт. Легко можно найти такие примеры в истории, когда внешняя категоризация не совпадает с самоидентификацией, что породило разделение этнонимов в советской науке на «эндоэтнонимы» и «экзоэтнонимы». Это разделение гораздо примитивнее реальной картины, когда «эндоэтноним» оказывается относительно недавно интериоризированным «экзоэтнонимом» и т. д. Отчасти достаточная степень относительности в данном вопросе вносится разделом «Интериоризация и идентификация, ситуативность и релевантность», однако ключевой все-таки остается позиция, что самоидентификация всегда интериоризирует актуальный социальный контекст, тогда как в действительности идентичность может быть следствием интериоризаций ситуаций прошлого, порой случившихся поколения назад.

Рассмотрение этничности как постоянной категоризации — продуктивный ход, однако содержащий ее редукцию до чисто когнитивного явления. Категоризация, отнесение себя и других к какой-либо категории, это лишь наиболее слабое

проявление этничности по своим последствиям, тогда как максимальное внимание этнический вопрос приковывает прежде всего благодаря своим более эффективным проявлением, таким как этническая солидарность, этническая мобилизация и этнические конфликты. Категоризация как когнитивный процесс маркирует лишь множество линий, разделяющих социальную реальность, и лишь некоторые из них когда-нибудь могут стать границами изменений и действий. Дон Хэндельман рассматривал этническую категорию как самую слабую степень этнического сближения, предшествующую сети, ассоциации и сообществу; по его определению, хотя люди могут относить себя или других к этой категории, это порой не имеет никаких последствий. Хэндельман подчеркивает это цитатой из А. Коэна: «Социологически имеет значение то, как люди действительно поступают, а не то, что они думают, или то, что они думают они думают» (Handelman, 1977: 191). На то, что степень близости может быть различной, указывал и Р. Брубейкер, выделяя «кате­го­рию» как нечто обладающее общим свойством, «сеть» как наличие отношений между членами и «групповость», связанную с «отчетливо воображенной и сильно чувствуемой общностью» (Брубейкер, 2012: 101).

Собственно, аффективность, о которой пишет Брубейкер и которая проявляется в наивысшей точке сближения людей — группе, — другой важный фактор, который редуцируется при исключительно когнитивном рассмотрении этничности. Э. Смит, критикуя различные концепции нации (связываемые им с понятием модернизма), указывал, что почти все авторы упускают из рассмотрения те сильные чувства, «особые страсть и неистовство», которые зачастую вызывает нация у своих членов; эти чувства могут вдохновлять на самые радикальные действия, вплоть до самопожертвования (Смит, 2004: 261). Брубейкер, рассматривая, какими терминами должна быть заменена утратившая конкретное значение «идентичность», считает, что «самопонимание никогда не является чисто когнитивным; оно всегда аффективно окрашено или заряжено, и соответствующий термин, безусловно, может вмещать это аффективное измерение. И все-таки эмоциональная динамика действительно лучше схватывается термином “идентификация” (в его психодинамическом смысле)» (Брубейкер, 2012: 97).

Все это, иерархию степеней этнического сближения и связанную с ней нарастающую силу солидарных чувств, можно учесть для более тонкой работы в прикладных исследованиях.

Еще одна ремарка, которую следует сделать относительно представленной Варшаверам дескриптивной модели этничности, пожалуй, станет лишь поводом к дальнейшему размышлению, так как вопрос в настоящее время не имеет еще ясного решения. Рабочее определение этничности, как «постоянно осуществляемые категоризации и классификации людей, результаты которых существуют и воспроизводятся в форме коллективных представлений... организующих социальные отношения», исходит из того, что все категоризации людей, организующие социальные отношения, являются этническими. Проблема состоит в том, что даже в «этносо­ориентированных» коллективных представлениях постсоветского пространства,

этнические категории — не единственные, организующие социальные отношения, и даже не всегда определяющие. Как отделить этнические категории от других, и есть ли необходимость в такой дифференциации? Предполагая, что «коллективные представления об этничности, распространенные на территории современной Москвы 1000 лет назад и, вероятно, включавшие в себя племенные категории», автор может и не угадать, ведь, как указывал С. В. Соколовский, в прошлом «локальные, сословные, потестарные и конфессиональные идентичности играли куда более важную роль, чем, например, языковые», и тогда будут ли представления о различиях, основанные на одном из перечисленных критериев «представлениями об этничности» (Соколовский, 2012: 82), — вопрос, на который не так легко ответить.

Этничность конструируемая и этничность неосознаваемая

Михаил Каменских

Статья Евгения Варшавера представляет собой попытку предложить собственный подход для описания феномена этничности. В ней он не придумывает что-то свое локальное, а предлагает теоретические построения с опорой на имеющийся современный зарубежный опыт. Статья не лишена дискуссионных положений и имеет ряд слабых мест, но в их обсуждении состоит суть и принцип научной дискуссии.

В своей публикации Варшавер представляет дескриптивную теоретико-методологическую модель, созданную на основании современных конструктивистских подходов и вписанную в совершившийся в гуманитарных науках «когнитивный поворот». Концепция ближе всего к взглядам Р. Брубекера, на которого автор активно ссылается, но при этом он предлагает собственный взгляд и более детальную схему для проведения полевых исследований, не выходя за рамки конструктивистской парадигмы. Стоит признать, что автор несколько самоуверенно призывает создать «твердую основу» для изучения этничности и «решение» вопроса для ученых, занимающихся полевыми исследованиями, если у тех есть проблемы с пониманием этничности. Нельзя отрицать, что сегодня определение сути этничности и подходов к ее изучению является одной из наиболее сложных точек в современной антропологии. Но можно ли утверждать, что эта проблема волнует сообщество отечественных ученых, ведущих полевые исследования? И в своей работе задаются ли они вопросом, а что же все-таки изучают? Скорее всего, этот вопрос волнует автора, опирающегося на свой опыт. При этом он признает по умолчанию победу конструктивистской парадигмы, а не разделяющих этот тезис называет «неконструктивистами», которые продолжают существовать на «научной периферии». Возможно, с такой оценкой не согласятся многие из тех, кому адресован этот текст.

Сама схема представляется доказательной и вполне логичной. Видно, что автор долго работал над ней. Следуя конструктивистской парадигме, теория Варшавера предлагает спустить изучение этничности до индивидуальных восприятий и отказаться от штампов, которые можно было бы распространять на группы. Этнич-

ность конструируется в сознании. Но как можно прокомментировать ситуации, когда культура существует объективно, не осознается индивидом, но фиксируется исследователем. Например, изучая диалекты и речевые особенности в определенной местности, мы не можем не признать, что у каждого человека есть собственные индивидуальные черты в говорении. Но рождение в определенной местности все равно накладывает на него и особенности диалекта, так что ученые изучают уже особенности говорения на территории как некий феномен. Хотя эти речевые особенности не осознаются индивидом. То же можно сказать и о материальной культуре. Позволяет ли теоретический потенциал теории описывать неосознаваемые индивидуально особенности отдельных сообществ и групп?

Сложно не согласиться с автором, что помимо доработок важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта — созданная — этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Безусловным плюсом работы являются рекомендации по изучению феномена этничности при проведении интервью, работе в музеях, с мигрантскими сообществами.

При всей логичности теоретических построений Варшавер должен понимать и механизм инкорпорации теории в проводимые полевые исследования. Не совсем понятно, ограничивается ли его подход только изучением представлений респондента о собственной этничности и происхождении, или ее можно применять шире, для изучения всех спектров этнической культуры или проявлений этничности в культуре. Не возникнет ли ситуация, когда «полевик» будет изучать этничность «по Варшаверу», а остальные элементы культуры по традиционной схеме. Вероятней всего, ему проще будет все изучать по традиционной схеме. В этом, на наш взгляд, кроется главный недостаток предложенной модели. Представляется так, что каждая теоретическая модель должна быть проста и универсальна. Предложенная схема имеет универсальный характер, однако не лишена некой терминологической перегруженности, включающей понятия «категории» и «атрибуты», которые, в свою очередь, делятся на уровни 1 порядка и 2 порядка. При этом кажется, что разница между атрибутами и категориями не всегда качественно ясна. И будет ли такая схема проще в описании, не совсем понятно.

Тем не менее представляется, что предметное обсуждение и инкорпорация теории возможны, когда в сообществе отечественных этнологов будет достигнут полный консенсус относительно этничности как явления и этноса как объекта исследования.

* * *

Евгений Варшавер

Автор выражает глубокую признательность участникам дискуссии за представленные мнения, а журналу — за возможность ее проведения на своих страницах. В целом отзывы носят доброжелательный и позитивный характер. Некоторые из них, однако, объединены недоверием к общей формулировке целей исследо-

вательской программы, а кроме того — каждый содержит ряд вопросов, которые представляется важным обсудить для того, чтобы четче описать авторскую позицию. Развернутый ответ автора можно прочесть по следующей ссылке <http://mer-center.ru/varshaver-reply>

Литература

- Брубейкер Р., Купер Ф.* (2012). За пределами идентичности // Этничность без групп. М.: НИУ ВШЭ.
- Верховцев Д. В.* (2022). Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. № 6.
- Смит Э.* (2004). Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: ПраксисС.
- Соколовский С. В.* (2012). Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. № 2.
- Bail Ch. A.* (2008). The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe // *American Sociological Review*. Vol. 73(1). P. 37–59.
- Dollmann J., Kogan I., Weißmann M.* (2024). When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 50(12). P. 2943–2986.
- Handelman D.* (1977). The Organization of Ethnicity // *Ethnic Groups*. Vol. 1(3).
- Wimmer A., Lewis K.* (2010). Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook // *American Journal of Sociology*. Vol. 116(2). P. 583–642.
- Wimmer A., Soehl T.* (2014). Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants // *American Journal of Sociology*. Vol. 120(1). P. 146–186.
- Zuccotti C. V., Platt L.* (2023). The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK // *British Journal of Sociology*. Vol. 74 (4). P. 1–22.

Exchange of Views on the Article “What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn” by E.Varshaver

Ekaterina Arutyunova

Candidate of Sociological Sciences, Lead Researcher, Head of the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Address: Bolshaya Andronyevskaya str., 5, building 1, Moscow, 109544 Russian Federation

E-mail: 981504@mail.ru

Alexey Bessudnov

DPhil, Associate Professor, Department of Social and Political Science, University of Exeter, UK
 Address: Amory Building 341, Rennes Drive, Exeter EX4 4RJ UK
 E-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk

Olga Vendina

PhD in Geographical Sciences, Lead Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography,
 Russian Academy of Sciences
 Address: Staromonetny Pereulok, 29, building 4, Moscow, 119017 Russian Federation
 E-mail: o.vendina@gmail.com

Dmitry Verkhovtsev

Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
 Address: Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119334 Russian Federation
 E-mail: dverhovtcev@gmail.com E-mail: DVerhovtcev@gmail.com

Mikhail Kamenskikh

Candidate of Historical Sciences, Lead Researcher, Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the
 Russian Academy of Sciences
 Address: Lenin St., 13a, Perm, 614001 Russian Federation,
 E-mail: mkamenskikh27@gmail.com

The text presents the opinions of current ethnicity researchers regarding the article by Evgeni Varshaver. While agreeing that the text itself is interesting, the authors, firstly, disagree on its innovativeness, and secondly, in light of the complexity of the phenomenon of ethnicity itself, doubt the possibility of a simple and clear scheme for its study, as Varshaver claims. Among other topics that were discussed: the possibility of quantitative studies of ethnicity in the constructivist paradigm, the nature of the cognitive turn in ethnicity research, etc.

Keywords: Ethnicity, cognitive turn, constructivism, quantitative studies, Brubaker

References

- Bail Ch. A. (2008) The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe'. *American Sociological Review*, vol. 73, no 1, pp. 37–59.
- Brubaker R., Cooper F. (2012) *Za predelami identichnosti* [Beyond "identity"]. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow: HSE.
- Dollmann J., Kogan I., Weißmann M. (2024) When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany'. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 50, no 12, pp. 2943–2986.
- Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity. *Ethnic Groups*, vol. 1, no 3.
- Smit E. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism], Moscow: Praxis.
- Sokolovskii S.V. (2012) *Sovremennyi etnogenez ili politika identichnosti? Ob ideologii naturalizatsii v sovremennykh sotsial'nykh naukakh* [Modern ethnogenesis or identity politics? On the ideology of naturalization in contemporary social sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 2.
- Verkhovtsev D.V. (2022) *Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazychnom diskurse* [Ethnos post-mortem: soviet theories of ethnos in present day russian-language discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 6.

- Wimmer A., Lewis K. (2010) Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook. *American Journal of Sociology*, vol. 116, no 2, pp. 583–642.
- Wimmer A., Soehl T. (2014) Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants. *American Journal of Sociology*, vol. 120, no 1, pp.146–86.
- Zuccotti C.V., Platt L. (2023) The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK'. *British Journal of Sociology*, vol. 74, no 4, pp.1-22.

Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства

Евгений Учаев

Магистр международных отношений, преподаватель кафедры мировых политических процессов,
МГИМО МИД России

Адрес: проспект Вернадского, 76, Москва, 119454 Российская Федерация

E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Осознание человеком во второй половине XX века вероятных последствий ядерной войны и изменения климата приводит к возникновению новой темпоральности: время человечества теперь воспринимается как потенциально конечное, а этот возможный конец — как полностью негативный и потому требующий предотвращения. Такая темпоральность, которую в статье предлагается называть катехонической, отличается от любых ранее существовавших модусов восприятия времени: как от различных представлений о циклической вечности или бесконечности времени, так и от эсхатологической устремленности к концу. Вместе с тем именно во взаимосвязи с этими предшествующими модусами формировались наиболее актуальные сегодня политические формы — империя и государство — что побуждает поставить вопрос о возможности адаптации этих форм к катехонической темпоральности. Государство, будучи сущностно плюралистической политической формой, структурно взаимосвязано с бесконечной темпоральностью Модерна и, как показывают примеры Гоббса и Бодена, требует нейтрализации эсхатологии. Оно неспособно адаптироваться к катехонической темпоральности, поскольку необходимое для предотвращения глобальной катастрофы коллективное действие делегитимирует суверенное обособление. В свою очередь, имперская политическая форма — вопреки достаточно популярному тезису Карла Шмитта о катехонической природе средневековой христианской империи — исторически существовала либо в эсхатологическом устремлении к концу времен, либо в ориентации на вечность. Главным препятствием для адаптации империи к катехонической темпоральности выступает силовой сценарий ее формирования. Еще одна, общая для государства и империи причина их несовместимости с катехонической темпоральностью заключается в присущей им иерархической централизации верховной власти. Как показывает Карл Шмитт, суверенитет самоценен, когда для политической формы отсутствуют внесоциальные критерии истинности решения. Напротив, катехоническая темпоральность требует от политической формы продуцировать решения, истинные по отношению к внешнему (природно-технологическому) контексту. Следовательно, политическое должно быть подчинено этой внешней истине, а институциональным воплощением подобной деавтономизации политического может стать модель «двойного представительства».

1. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Большое пространство в постглобальную эпоху: империя и мировое общество как социологические феномены и темы дискурсивных формаций», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2024 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Статья подготовлена на основе доклада, представленного на междисциплинарной конференции «Политическая теология III: Время, остающееся до нового начала» (Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, Москва, 24–25 мая 2024 года). Автор благодарен организаторам за эту возможность, участникам конференции — за полезное обсуждение, а также отдельно Александру Фридриховичу Филиппову — за предложение преобразовать доклад в статью и комментарии к ее первой версии, которые помогли улучшить текст.

Ключевые слова: темпоральность, политическая форма, государство, империя, бесконечность времени, эсхатология, суверенитет, глобальные угрозы, двойное представление

Угроза глобальной катастрофы и новое восприятие времени

Во второй половине XX века — сначала в связи с созданием ядерного оружия, а затем и по мере все более заметного проявления экологических проблем — возникает новое восприятие времени, суть которого удачно выразил немецкий богослов Юрген Мольтман: «Время жизни рода человеческого больше не гарантировано природой, а должно быть обретено благодаря осознанной политике выживания» (Мольтман, 2017: 227-228). Никогда ранее человечеству не приходилось сталкиваться с осознанием, что «его возможная судьба — саморазрушение, а зарождающаяся абсолютная потребность — этого саморазрушения избежать» (Дююи, 2021: 85).

На протяжении истории люди по-разному осмыслили время и себя во времени. Архаический человек жил в циклическом мире, где все регулярно возвращалось к своему началу (в отдельных незападных культурах элементы такой картины мира сохранились и до сегодняшнего дня). Затем в недрах сначала иудейской, а затем и христианской культуры постепенно кристаллизуется новое, линейное понимание времени: от творения, через падение и искупление, к свершению. Эсхатологический горизонт ожидания становится отличительной чертой темпоральности христианского Средневековья. При переходе к Модерну линейная картина истории сохраняется, но ожидание конца времен в виде Второго пришествия и наступления Царства уступает место предчувствию бесконечного прогресса, ничем не ограниченного движения человечества вперед. Впрочем, отдельные современные мировоззрения — и здесь ярким примером будет коммунизм — сохраняют, только в секуляризованном виде, и представление о конце истории, знаменующем наступление совершенного состояния мира².

Для секулярного прогрессистского мировоззрения Модерна (в любом его варианте) идея тотальной катастрофы, кладущей конец человеческой истории на Земле, оказывается в принципе невысказанной. Религиозное же мировоззрение, хотя и способно в принципе осмыслить подобное событие, достигает этого лишь за счет отказа признавать окончательность уничтожения: за концом этого мира должно следовать либо его возрождение и начало следующего цикла, либо торжество Царства Божия. Для мира, утратившего твердую веру в какой-либо из этих религиозных сценариев, ядерная катастрофа открывает перспективу ужасающего «апокалипсиса без искупления» (McQueen, 2018: 154).

2. Это, безусловно, упрощенное описание эволюции человеческих представлений о времени, оставляющее за скобками многие важные вопросы и дискуссии (например, вопрос о конкретной генеалогии современных представлений об открытости и бесконечности времени будущего). Вместе с тем для целей настоящего изложения — показать новизну катехонической темпоральности — этот набросок представляется достаточным. Его источниками послужили главным образом: Ассман, 2017; Лёвит, 2021; Таубес, 2023; Фёгелин, 2021; Элиаде, 1987; Koselleck, 2004.

Это новое восприятие времени, которое здесь и предлагается называть *катехонической темпоральностью*, однако, получило на сегодняшний день лишь ограниченное распространение — и это несмотря на то, что в XXI веке список сценариев уничтожения человечества только продолжил пополняться: вышедший из-под контроля искусственный интеллект, пандемии естественные либо в результате биотехнологических экспериментов...³. Не стоит, конечно, и преуменьшать масштаб осознания ситуации: было и философское осмысление⁴, и общественные движения, от Пагуошского движения ученых до массовых антиядерных протестов в годы холодной войны, и даже политические меры, наиболее полно воплотившиеся, опять же, в комплексе соглашений и механизмов контроля над ядерным оружием.

Вместе с тем сегодня большинство из этих механизмов разрушено (Арбатов, 2023: 22-24), результаты климатической политики — при всей окружающей ее алармистской риторике — невероятно скромны (Matthews, Wynes, 2022), а общественное мнение совсем не склонно рассматривать борьбу с «экзистенциальными рисками»⁵ в качестве первоочередной задачи⁶. Исследователи отмечают, что сформировались и получили широкое распространение альтернативные способы интерпретации ядерного оружия и изменения климата, которые делают их совместимыми с бесконечной темпоральностью Модерна и, следовательно, «затуманивают» их восприятие в качестве экзистенциальных угроз (Rothe, 2020; Burke, 2016; Pelopidas, 2021).

Ограниченное распространение катехонической темпоральности становится понятнее, если вспомнить, что картины мира — а представления о времени выступают одним из важнейших аспектов картин мира (Артог, 2021) — существуют не сами по себе, но во взаимосвязи с основополагающими социальными инсти-

3. Подробный и актуальный анализ этих и прочих угроз существованию человечества содержится в книге Тоби Орда (Ord, 2020). На протяжении статьи для иллюстрации отдельных положений чаще всего используются примеры ядерного оружия и изменения климата. Вместе с тем концептуально основной аргумент текста опирается не на наличие каких-либо конкретных угроз, а лишь на общий тезис о вступлении человечества в эпоху, когда оно начинает существенно влиять на перспективы собственного выживания. См. также обоснование этого общего тезиса в: Uchaev, 2021.

4. Классическими примерами еще из второй половины XX века могут служить работы Гюнтера Андерса «Устаревание человека» (Anders, 1956) и Ханса Йонаса «Принцип ответственности» (Jonas, 1984).

5. Распространенный общий термин для обозначения различных глобальных проблем, угрожающих полномасштабным уничтожением человечества (см., например: Bostrom, 2013).

6. В британских опросах проблемы окружающей среды (наиболее общественно популярная глобальная проблема) уступают сегодня состоянию экономики, здравоохранению, обеспеченности жильем, преступности, миграции. См.: The most important issues facing the country. *YouGov*. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/05/23/publics-positive-economic-ratings-slip-inflation-still-widely-viewed-as-major-problem/> (accessed 22 August 2024).

В США изменение климата считают «очень серьезной проблемой» только 36%, что помещает его на почетное 11-е место, позади, например, инфляции (62%), дефицита федерального бюджета (53%) и «состояния моральных ценностей» (46%). См.: Public's Positive Economic Ratings Slip; Inflation Still Widely Viewed as Major Problem. *Pew Research Center*. 23 May 2024. URL: <https://yougov.co.uk/topics/society/trackers/the-most-important-issues-facing-the-country> (accessed 22 August 2024).

тутами. С одной стороны, всякая институциональная структура «подкрепляется особой системой ценностей, в свою очередь, коренящейся в космологии членов данного социума» (Бондаренко, 2024: 23). С другой стороны, в силу социальной обусловленности индивидуального познания (обусловленности не абсолютной, но значимой) институты содействуют воспроизводству тех идей и представлений, которые их легитимируют, и забвению тех, которые им противоречат (Дуглас, 2020). Следовательно, можно предположить, что институциональная структура современного общества, воспроизводя соответствующее ей восприятие времени как бесконечного, тем самым препятствует широкому осознанию катехонической темпоральности.

На роль социальных структур в формировании представлений о времени указывал, в частности, Никлас Луман: «Социальные системы конституируют время, временные горизонты и определенные способы истолкования темпоральных акцентов» (Луман, 2004: 132). Луман, однако, концентрируется на однонаправленном влиянии социальных структур на темпоральность, тогда как предлагаемый в настоящей статье подход учитывает и обратное легитимирующее воздействие идей на институты и, соответственно, предусматривает возможность трансформации институциональной структуры в результате изменения картины мира. Кроме того, в рамках системной теории Лумана политика в эпоху Модерна рассматривается лишь как одна из функционально дифференцированных подсистем мирового общества (Луман, 2011: 163-190), в то время как мы исходим из тезиса о ключевой роли политических институтов — как «каузально и субстантивно» сопряженных с сакральным (Касре, 2021: 183) — в интеграции общества и его воспроизводстве.

Проблема, таким образом, должна быть сформулирована как *проблема соотношения темпоральностей и форм политической организации*. В двух других статьях мы с коллегой обосновываем, что система суверенных государств (рассмотренная как институциональная структура современного международного порядка), будучи взаимосвязана с представлениями о бесконечности времени, оказывается несовместима с катехонической темпоральностью, вследствие чего действующие в рамках этой структуры агенты оказываются склонны к переосмыслению ядерного оружия и изменения климата как явлений, не создающих угрозы всеобщей катастрофы и тотального уничтожения (Учаев, Квартальнов, 2022, 2024). Схожим образом М. В. Харкевич в недавней статье указывает, что политический плюрализм⁷ производит бесконечную темпоральность (Харкевич, 2024), а также предпринимает попытку выделить «четыре варианта отношений между политическим и эсхатологическим»: революционный, прогрессивный, консервативный и постапокалиптический (Там же: 27-28). Однако такая постановка вопроса, с одной стороны, редуцирует темпоральность к вариациям эсхатологии, с другой стороны, размывает политические формы в «политическом» как таковом, вследствие чего государство в том или ином виде возникает сразу в трех из четырех вышеперечис-

7. В смысле сосуществования множества суверенных государств.

ленных вариантов. Кроме того, Харкевич не вполне учитывает принципиальную новизну катехонической темпоральности, предполагая, что адекватной реакцией на угрозы выживанию человечества могло бы стать возрождение революционной (то есть устремленной к концу) эсхатологии (Там же: 34-35).

Настоящая статья стремится развить и уточнить результаты данных исследований посредством ответа на следующие вопросы: с какими темпоральностями были исторически взаимосвязаны две наиболее актуальные сегодня политические формы — государство и империя? Могут ли эти политические формы адаптироваться к катехонической темпоральности? Если нет, то можем ли мы хотя бы наметить контуры катехонической политической формы⁸?

Однако перед тем как переходить к поиску ответов на поставленные вопросы, необходимо прояснить концептуальную рамку статьи — чему и посвящен следующий (второй) раздел. Затем, в третьем и четвертом разделах, анализируется темпоральность государства и империи соответственно. В пятом разделе обсуждаются перспективы адаптации империи и государств к катехонической темпоральности. Шестой раздел осторожно намечает возможные контуры катехонической политической формы. Заключение резюмирует основные выводы.

Несколько концептуальных замечаний

Под *темпоральностью* в настоящей статье понимаются существующие в определенной культуре представления о времени и месте человечества во времени. Это понятие мыслится как максимально широкое, включающее в себя, к примеру, и «темпоральные режимы» Алейды Ассман (Ассман, 2017), и «режимы историчности» Франсуа Артога (Hartog, 2015), и «историческое сознание» (Фёдорова, 2021). Во всех этих случаях речь идет, в наиболее общем смысле, о разных способах восприятия времени.

Понятие «катехоническая темпоральность» вводится для обозначения такого восприятия времени, которое характеризуется следующими двумя основными чертами: 1) время человечества воспринимается как потенциально конечное (то есть оно не является ни неизбежно конечным, ни гарантированно бесконечным); 2) этот возможный конец оценивается полностью негативно, как требующий предотвращения. Прилагательное *катехонический* используется для обозначения данного восприятия времени ввиду некоторых параллелей между описываемой темпоральностью и смыслом понятия катехона в христианской эсхатологии: катехон как некая сила или фигура, задерживающая Второе пришествие⁹. Здесь требуются два важных пояснения. Во-первых, речь идет именно о параллелях, о социологическом употреблении исходно теологического понятия по аналогии;

8. Под «катехонической политической формой» понимается такая политическая форма, которая была бы способна воспроизводить катехоническую темпоральность на уровне идей, а также продуцировать соответствующие ей (то есть предотвращающие всеобщую катастрофу) социальные практики.

9. Обзор интерпретаций катехона см. в: Учаев, Николаев, 2023: 139-149.

настоящий текст никоим образом не задуман как теологическая экзегеза Второго послания к Фессалоникийцам. Во-вторых, эти параллели только частичны: в христианстве производимое катехоном отдаление последних времен все же является не более чем отсрочкой, вписанной в общий план осуществления эсхатона, тогда как в описываемой нами катехонической темпоральности предотвращение конца приобретает характер безусловного императива.

Политическая форма — понятие трудноуловимое. Как выразительно подмечал С. И. Каспэ, оно «будто бы ускользает от сколько-нибудь операционального определения. Понятие политической формы функционирует примерно как заклинание — заклинание работающее, действительно способное открыть какие-то двери, но делающее это неясным для самого заклинателя способом» (Каспэ, 2016: 7). Здесь оно используется как более краткий и потому удобный синоним для форм организации политической власти, а основной интерес для нас будут представлять две политические формы: государство и империя. В их понимании мы в целом следуем за Герфридом Мюнклером: «У империй нет соседей, которых они признавали бы равными, то есть *обладающими равными правами* [курсив в оригинале]; для государств, напротив, это в порядке вещей. <...> государства всегда существуют во множественном числе, а империи — в основном в единственном» (Munkler, 2007: 5). Иначе говоря, государство, или, вернее сказать, государства — это плюралистически-партикулярная политическая форма, тогда как империя — универсалистская: «Мир империи — *universum*. Мир государств — *pluriversum* (Филиппов, 2014а: 61).

Не обязательно соглашаться с Мюнклером в том, что «политические модели всегда сводились к выбору между государством и империей» (Munkler, 2007: ix), в частности, потому что понятие государства предпочтительно использовать в конкретном смысле модерного государства¹⁰ (территориально ограниченной и суверенной политической формы), а не как синоним политики вообще — следовательно, оно не могло быть предметом политического выбора до Нового времени. И как минимум среди парадигматических политических форм стоит выделять еще и город (Каспэ, 2016: 23-27). Однако в эпоху Модерна выбор, как кажется, действительно сводился к этим двум способам политической организации мира, что иногда принимало вид сопротивления коалиций государств имперским проектам (Наполеоновские войны), иногда — борьбы нескольких имперских проектов между собой (холодная война). Так же и сегодня, основной линией политического напряжения оказывается противостояние универсализма (опирающегося в конечном счете на Западный и, конкретнее, американский, имперский центр) и проходящих под разными лозунгами устремлений к «самости», на практике выражающихся в укреплении суверенных государств (Сафранчук, Лукьянов, 2021).

10. Почему — убедительно показывают, в частности, С. И. Каспэ (Каспэ, 2007: 120-125) и Ричард Лахман (Лахман, 2021: 9-12, 20-23).

В силу описанного сочетания теоретических и практических причин настоящий текст и фокусируется на государстве и империи, а также исторически связанных с ними темпоральностях.

Бесконечное время государства

Для современного сознания время не имеет конца, человек теперь осмысляет себя как устремляющийся к ничем не ограниченному горизонту будущего — судя по всему, такая характеристика современной темпоральности носит сегодня статус консенсусной. Для примера приведем разделенные более чем полувеком суждения Карла Лёвита и Алейды Ассман: «Нововременное сознание <...> устраняет из своей прогрессивистской перспективы христианское полагание творения и свершения, при этом включая в себя присущую античному мировоззрению идею бесконечного непрерывного движения за вычетом его круговой структуры» (Лёвит, 2021: 421-422); «Центральное место в темпоральном режиме Модерна занимает эмфатическая ориентация на будущее, которая сопровождается обесцениванием прошлого и традиции» (Ассман, 2017: 74)¹¹.

Если доминирующей темпоральностью Модерна стали представления о бесконечном времени, то в качестве господствующей политической формы этой эпохи выдвинулось государство. Как уже отмечалось в другом месте, здесь мы имеем дело со структурной взаимосвязью: «государство модерна одновременно территориально ограничено и суверенно <...>. Такое суверенное обособление становится легитимным и обоснованным в том случае, если у субъектов отсутствует какое-либо представление об “общей судьбе”, требующей от них объединения и коллективного действия» (Учаев, Квартальнов, 2022: 122). Наглядной иллюстрацией этой взаимосвязи служит тот факт, что формирование идеи суверенного государства в политической теории раннего Нового времени — равно как и ее претворение в жизнь — сопровождалось нейтрализацией христианской эсхатологии с ее конечным восприятием времени: «само существование [государства] зависело от искоренения миллениаристских ожиданий» (Koselleck, 2004: 21). Эту закономерность мы видим, например, в трудах двух ключевых мыслителей — родоначальников концепции суверенитета: Жана Бодена и Томаса Гоббса.

Как отмечал Райнхарт Козеллек, в преодолении политической эсхатологии Боден «выступил в той же роли первопроходца, как и в обосновании понятия суверенитета» (Ibid.: 15). Отделяя друг от друга сакральную, человеческую и естественную историю, а также опираясь на каббалистическую традицию, Боден в своих предположениях отодвигал конец времен на 50 000 лет¹² (!), тем самым эффективно устраняя его как источник какого-либо влияния на текущие события. Человеческая история в такой картине мира не имела предзаданной цели, становясь

11. Аналогичным образом современную темпоральность характеризуют, к примеру, Райнхарт Козеллек (Koselleck, 2004: 9-25) и Франсуа Артог (Hartog, 2015: 13).

12. См. конец 8-й главы «Метода легкого познания истории» (Bodin, 1969: 333).

«сферой действия вероятностей и людского благоразумия» (Ibid.: 15-16). Таким образом, «освобождение человеческой истории через уход от сакральной истории и легитимация современного государства, способного подчинить стремящиеся к спасению религиозные фракции, были для Бодена одним и тем же» (Ibid.: 16).

В свою очередь, Гоббс в своем переосмыслении христианской эсхатологии (в главе 38 «Левиафана») максимально сближает порядок Царства Божьего с земным порядком Левиафана: Царство будет тоже на Земле, в этом мире (Hobbes, 2008: 297-301), и жизнь в нем в целом будет аналогична, только без страданий и смерти (Ibid.: 306-309). Грешников же ждет просто повторение страданий земной жизни и вторая смерть, только уже без надежды на искупление, окончательная (Ibid.: 302-305). За счет такой минимизации, практически полного устранения разрыва между двумя мирами, эсхатологический горизонт у Гоббса перестает генерировать мотивации, отличные от мотиваций земной жизни: и Царство, и ад оказываются, по сути, просто расширением, продлением земного порядка (Michaelis, 2023: 324; Дмитриев, 2018: 65-71)¹³. Земной же порядок с самого момента учреждения государства существует в бесконечном времени: как пишет сам Гоббс в 30-й главе, «путем усердных размышлений можно обнаружить такие принципы разума, применение которых сделало бы устройство государства вечным (за исключением случаев внешнего нападения)» (Hobbes, 2008: 223). Обеспечиваемый государством порядок, в свою очередь, «стабилизирует» будущее для научной и хозяйственной деятельности, у которых, однако, нет никакой универсальной телеологии — поскольку нет иной цели, кроме удовлетворения разнообразных индивидуальных желаний (Michaelis, 2023: 318-320).

Итак, становление государства потребовало «расчистки» горизонта будущего от апокалиптических ожиданий¹⁴. Но мы не случайно сказали выше о *взаимозависимости* — окрепнув, социальная структура системы государств начала содействовать воспроизводству бесконечной темпоральности. Так, эта система довольно быстро — уже в XVII веке — обнаружила и отрефлексовала социальную практику, которая позволяла ей сохраняться, в том числе успешно сопротивляясь

13. Поскольку главный источник легитимности государства в логике «Левиафана» — это преодоление чреватого страданиями и быстрой смертью естественного состояния, а его главный инструмент принуждения — опять же, угроза насильственной смерти, Гоббсу было жизненно необходимо «дать такое толкование учению о загробной жизни и загробном воздаянии, чтобы оно не вступало в противоречие со страхом людей перед наказаниями, налагаемыми светскими властями за нарушение законов государства» (Дмитриев, 2018: 68).

14. В недавней статье М. В. Харкевич делает акцент на обратной направленности влияния: «механизм преодоления апокалипсиса <...> — это переход от монизма к плюрализму. В случае с апокалипсисом переход к <...> полицентричности в политике переводит конечную темпоральность ожидания земного конца в бесконечность земной жизни» (Харкевич, 2024: 27). Представляется, однако, что такой акцент не обоснован: переход от политического универсализма Средневековья к множественности современных государств не мог служить исходным и самостоятельным механизмом формирования бесконечной темпоральности — поскольку сам зависел от наличия такой темпоральности для своей легитимации. Корректнее будет говорить о *параллельных взаимно усиливавшихся друг друга процессах изменений*: темпоральности — из конечной в бесконечную, а политической формы — из единства (империи) во множественность (государств).

попыткам имперской экспансии — практику баланса сил (Sheehan, 1996: 36-43). Идея баланса сил формировалась параллельно и во взаимосвязи с ньютоновской картиной мира с ее бесконечным временем и естественными законами¹⁵. «Баланс сил воспринимался как установленный свыше вечный закон, следование которому обеспечивает свободу независимых государств, а также мир между ними» (Учаев, Харкевич, 2023: 49). А практика баланса сил укрепляла восприятие времени как бесконечного: как отмечал Мишель Фуко, государство «не должно даже искать нечто подобное концу истории, или подобное ее завершению, или что-то вроде точки, где соединялись бы время и вечность» (Фуко, 2011: 340), оно лишь занимается подсчетом своих сил, сравнивает их с силами конкурентов, при усилении последних наращивает силы и организует альянсы (Ibid.: 378-387) — и все это повторяется снова и снова.

Таким образом, у нас, кажется, есть достаточно оснований, чтобы зафиксировать первое соответствие: *политической форме государства исторически соответствует бесконечная темпоральность*.

Темпоральность империи: между эсхатологией и вечностью

Интересно, что тот же Фуко, чье описание бесконечной темпоральности государства мы привели выше, противопоставлял ее эсхатологической ориентации средневековой христианской империи: «В Средние века люди еще оставались в том времени, которое должно было в определенный момент стать единым, универсальным временем империи, в котором все эти различия стирались бы, и именно эта универсальная Империя возвещала бы о возвращении Христа и была бы местом этого возвращения. Империя, последняя империя, универсальная империя, какой была империя Цезаря или какой была бы империя Церкви, была тем не менее чем-то таким, что неотступно преследовало мировоззрение Средних веков» (Фуко, 2011: 340). Нетрудно заметить, что этот тезис Фуко прямо вступает в конфликт со знаменитой интерпретацией Карла Шмитта, согласно которой средневековая христианская империя отнюдь не устремлена к концу, но, напротив, выполняет как раз роль катехона, способна «предотвратить явление антихриста и наступление конца современного эона» (Шмитт, 2008: 35). Как будет показано ниже, исторические свидетельства в данном случае недвусмысленно на стороне французского философа.

Согласно Шмитту, идея империи как катехона «документально зафиксирована в многочисленных изречениях отцов церкви, в высказываниях германских монахов франкской и оттонической эпох — прежде всего в комментарии Хаймо Хальберштадтского ко Второму посланию Фессалоникийцам и в письме Адсона королеве Герберге — в изречениях Отто Фрейзингского и в других документах...» (Шмитт, 2008: 35). Рассмотрим трех авторов, на которых немецкий мыслитель

15. Классическую версию этого тезиса см. в: Butterfield, 1966: 141-145. Более подробный анализ содержится в: Allan, 2018: 75-138.

прямо ссылается. Отто Фрейзингский, католический епископ середины XII века, в сочинении «Два града» просто перечисляет предлагавшиеся интерпретации сдерживающей силы (*qui tenet* в латинском тексте Вульгаты) из Второго послания к Фессалоникийцам, причем как положительные, так и отрицательные: он упоминает империю в одном ряду с Нероном, дьяволом (!) и Святым Престолом, не высказывая какого-либо предпочтения в пользу имперской интерпретации (Otto of Freising, 2002: 456-458). В «Деяниях Фридриха Барбароссы», втором известном сочинении Отто, катехон в принципе не упоминается (Otto of Freising, 2004). Далее, комментарий Хаймо Осерского¹⁶, монаха середины IX века, ко Второму посланию к Фессалоникийцам действительно рассматривает в качестве катехона Римскую империю (Haimo of Auxerre, 2001: 26-28), однако Хаймо «не демонстрирует явной веры в *translatio imperii* из Рима в Аахен» (Hughes, 2001: 18) и нигде не возлагает на наследников Карла Великого задачу сдерживания конца света. Из текста складывается впечатление, что Рим для него — это только «первый Рим», и он уже пал. Однако «когда апостол говорит, что человек беззакония откроется после разрушения Римской империи, не следует думать, что он утверждал, что это произойдет немедленно; сначала будет разрушена империя, и затем Антихрист придет в установленное Богом время» (Haimo of Auxerre, 2001: 28). Только хронологическая последовательность, никакой срочности — так для Хаймо разрешается кажущееся противоречие между уже случившимся падением Рима и еще не наступившим концом времен (Hughes, 2001: 18).

Наконец, особенно показательным оказывается письмо бенедиктинского аббата X века Адсона из Монтье-Эн-Дера королеве Герберге, также известное под названием «О происхождении и времени Антихриста». Оно будто бы наиболее близко текстуально соответствует интерпретации Шмитта, но в конечном счете скорее подтверждает правоту Фуко. Действительно, Адсон, ссылаясь на Второе послание к Фессалоникийцам, пишет: «Антихрист не придет в мир, пока <...> все царства, которые были прежде подчинены, не отпадут от Римской империи. Но времена эти еще не настали, ибо, хотя мы и можем видеть Римскую империю по большей части в руинах, все же до тех пор, пока есть короли Франков, которые ныне по праву обладают Римской империей, достоинство Римской империи не полностью погибло» (Adso of Montier-en-Der, 1979: 93). Однако сразу же, буквально в следующем предложении — которое является отражением «легенды о последнем императоре»¹⁷, одного из самых популярных позднеантичных и средневековых эсхатологических нарративов — мы читаем: «Некоторые из наших ученых мужей говорят, что один из королей Франков вновь овладеет всей Римской империей — он явится в последние времена и будет самым великим и последним из всех королей» (Ibid.). Что мы здесь видим? Во-первых, из признания катехонической функции империи

16. Атрибуция этого текста Хаймо Хальберштадтскому сегодня общепризнанно считается ошибочной (Hughes, 2001: 13).

17. О самой легенде и ее истоках см.: Shoemaker, 2018: 42-63; о ее влиянии на Адсо см.: McGinn, 2000: 101.

не следует никакого призыва к имперской активности, она работает скорее как инструмент наблюдения: если монах видит, что от империи что-то еще осталось, он заключает, что время еще не пришло. Во-вторых, как указывает второй цитированный выше отрывок, момент восстановления имперского величия, новой имперской экспансии играет уже не катехоническую, но прямо эсхатологическую роль — вслед за триумфом «последнего императора» следует конец времен.

Таким образом, Шмитт явно ошибочно полагал, что идея катехона была единственным способом преодоления «эсхатологического паралича» (Шмитт, 2008: 35)¹⁸. Разнообразные исследования позднеантичной и средневековой культуры показывают, что эсхатологические ожидания в эти эпохи приводили не к «параличу» и не к стремлению отсрочить конец, но к стремлению подготовиться к наступлению конца. Подготовиться и подготовить мир вокруг — в том числе путем как можно более широкого распространения власти богоугодных правителей.

Так, Стивен Шумейкер в монографии 2018 года «Апокалипсис империи» утверждает, что «в позднеантичном Средиземноморье и в средневековой Европе апокалиптизм <...> часто был связан с идеями имперской экспансии и имперского триумфа, согласно которым завершение истории должно было наступить в результате всеобщего господства богоизбранной мировой империи» (Shoemaker, 2018: 3). В частности, согласно Шумейкеру, эсхатологическая вера была двигателем завоеваний раннего ислама и создания Халифата (Ibid.: 7-9), а также была значимым фактором в завоеваниях и реформах византийского императора Юстиниана (Ibid.: 69-70). И, в соответствии с этим, моменты имперского триумфа воспринимались не с успокоением (чего можно было бы ожидать в рамках катехонической трактовки), но апокалиптически — как знаки конца. Например, победа византийского императора Ираклия в войне с Персией в 628 году и возвращение им Креста в Иерусалим вызвали мощный всплеск эсхатологических ожиданий — во многом из-за поразительных параллелей тех событий с уже ходившей в тот период «легендой о последнем императоре» (Ibid.: 75-79).

Применительно уже к эпохе Каролингов на ту же логику сочетания империи и эсхатологии указывает один из ведущих российских специалистов по эпохе А.И. Сидоров. Вот что он пишет: «Внутренняя и внешняя политика Каролингов на протяжении как минимум ста лет располагалась в этом широком эсхатологическом поле. Многочисленные войны Пипина Короткого и особенно Карла Великого, по сути, являлись одной непрерывной священной войной <...> У дьявола во что бы то ни стало необходимо было отвоевать как можно больше пространства» (Сидоров, 2018: 109). Зачем отвоевывать? Чтобы как можно больше людей успели спастись до надвигающегося конца.

18. В отношении самого Шмитта это говорит лишь о том, что его концепция катехона не имеет сколь-нибудь прямой связи со средневековой политической и теологической мыслью, но является специфическим продуктом интеллектуальной среды XX века — и именно в таком ключе ее следует анализировать.

Этот имперско-эсхатологический сплав проходит через все Средневековье, а с XIII века получает возможность опираться еще и на теологию Иоахима Флорского. Он проявляется в самых неожиданных местах, к примеру, в раннем итальянском гуманизме. Здесь можно упомянуть фигуру Колы ди Риенцо, который в середине XIV века стремился восстановить имперское величие Рима, считая себя при этом провозвестником наступающей иоахимитской «Эпохи Духа» (Lee, 2018: 125-131). Все эти факты подтверждают правоту тезиса Фуко о том, что для христианского Средневековья характерно восприятие истории, «устремленное к концу времен и объединению всех отдельных держав в последней империи» (Фуко, 2011: 471).

Итак, позднеантичная и средневековая христианская империя (а также, по Шумейкеру, ранний исламский халифат) существуют в эсхатологической темпоральности. Но сохраняется ли это соответствие в случае империй, не укорененных напрямую в авраамических религиях, например, в дохристианском Риме или имперских проектах XX–XXI веков? Представление об особой имперской миссии — или, как пишет об этом Каспэ, «присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универалистских ориентаций, вплоть до претензии на вселенский смысл собственного бытия и утверждения “космического суверенитета”» (Каспэ, 2007: 51) — является, вероятно, общей чертой империй (см. также: Филиппов, 2014а: 42-44; Филиппов, 2014б: 224-233). Однако «вселенский смысл собственного бытия» не обязан мыслиться как смысл эсхатологический — это только одна из возможностей.

Вместе с тем империи последнего столетия, подобно империям средневековым, тоже реализуют именно эту возможность. Так, в основе советского имперского проекта лежал коммунистический миллениаризм (Zubok, Pleshakov, 1996: 3-5), причем имперская политика принадлежала как раз временному, переходному периоду. Окончательный успех советской империи, если под ним понимать всемирное распространение коммунизма, в соответствии с коммунистической идеологией, должен был привести и к исчезновению любой политической власти (Маркс, Энгельс, 2013: 54). Аналогичную логику можно проследить и в легитимации американской империи — особенно показательным примером служит выступление Энтони Лэйка¹⁹ «От сдерживания к расширению» в сентябре 1993 года. Американская всемирная миссия обосновывается в нем следующим сочетанием обстоятельств: а) рецепт создания Царства на Земле известен: «демократия и рынки — это наиболее продуктивные и освобождающие способы организации жизни людей» (Lake, 1993: 2); б) этот идеал еще не полностью реализован: «демократия и рынки на подъеме <...>, но не везде они восторжествовали» (Ibid.: 3); в) но он может и должен быть реализован: «неверно полагать, что эти идеи [демократии и рынка] воспримет только Запад, а остальные их отвергнут <...> Идея свободы обладает всеобщей притягательностью» (Ibid.). При этом Лэйк специально подчеркивает,

19. Был советником по национальной безопасности президента США Билла Клинтона в 1993–1997 годах.

что «мы подошли не к концу истории <...>, но к моменту, когда открываются невероятные демократические и предпринимательские возможности. Мы не должны упустить их» (Ibid.). Если бы конец истории уже наступил, то есть если бы демократия и рынки действительно восторжествовали по всему миру, особая имперская роль США оказалась бы уже исполненной и потому более не нужной.

Сохранение эсхатологической темпоральности — подразумевающей устремленность к концу и исчерпание имперской миссии по мере достижения конца — у современных империй можно объяснить тем, что лежащие в их основе идеологии, будь то коммунизм или либеральный прогрессизм, представляют собой секуляризованные версии христианской эсхатологии (Лёвит, 2021; Таубес, 2023) и потому сохраняют ее концептуальную структуру. В случае же, к примеру, дохристианского Рима мы имеем дело с уже другой идеологической моделью легитимации имперского господства — через идею «провиденциального возврата к добродетельному Золотому веку, благословенному и дивному времени, когда люди будут жить в мире и процветании» (Fibiger Bang, 2011: 329; см. также: Каспэ, 2007: 55). Важно, что в этой картине мира империя отнюдь не исчерпывает себя по мере экспансии, напротив, она продолжает существовать как неотъемлемая часть и гарант достигнутого Золотого века. Иначе говоря, империя здесь проецирует себя в вечность — на что указывает среди прочего и известное самоназвание языческого Рима как «вечного города».

Как объяснить такое различие в темпоральностях: эсхатологическая ориентация средневековых и современных западных империй против устремленности в вечность Рима? Оно может быть связано с тем фактом, что древние империи²⁰ суть «космологические империи» (Фёгелин, 2021: 162), которые мыслят своей задачей сохранение «гармонии общественного строя с космическим порядком» (Ibid.: 153). Иерархический имперский порядок «есть аналог космоса <...>, отражающий порядок огромного, всеобъемлющего мира» (Ibid.). Поскольку же космический порядок для древних империй вечен (Элиаде, 1987: 82-91), то и сами они стремятся обрести вечность.

Монотеистическая революция ломает гармонию упорядоченного иерархического космоса (Assmann, 2010: 39-43). Империя после нее по-прежнему встроена в общий порядок бытия (см.: Филиппов, 2014б: 227-230), однако это уже порядок поврежденный, нуждающийся в исправлении. Империи, как мы видели выше, даже может быть отведена важнейшая роль в содействии этому исправлению, в приуготовлении к спасению — но теперь нужда в имперской мощи возникает именно из-за несовершенства порядка²¹. После же исполнения эсхатологического

20. Как и более поздние, но не-авраамические империи, например, империя Чингисхана (см.: Фёгелин, 2021: 156-160).

21. В этом отношении показательно рассуждение Аврелия Августина в 15-й главе IV книги «О граде Божием»: «Государство [regnum] неизбежно оставалось бы малым, если бы спокойствие и справедливость соседей не вызвали никакой обидой войны против них; и при более счастливых условиях человеческой жизни все государства оставались бы малыми, наслаждаясь дружелюбием соседей, так что в мире было бы так же достаточно много государств разных народов, как в городе достаточно

обетования места для империи не остается. Поэтому средневековые и современные империи уже не могут притязать на вечность, но устремлены к «концу времен» или «концу истории».

Здесь необходимы еще два уточнения, которые несколько размывают различие темпоральностей авраамических и не-авраамических империй — но ни в коем случае не устраняют его полностью. Во-первых, и у «космологических империй» в самовосприятии может присутствовать пусть не эсхатологический, но некий телеологический элемент — проистекающий уже не из метафизической картины мира, но из самой логики процесса имперского строительства. Построение империи — это экспансия, нарушение статус-кво. Пока эта экспансия не завершена, гармония с космическим порядком обеспечена не полностью, в связи с чем к уже существующей ориентации на вечность²² добавляется и ориентация на *telos* завершения экспансии, *telos* приведения фактических границ империи в соответствие с границами известного мира.

Во-вторых, рецидивы устремления в вечность обнаруживаются и в некоторых христианских имперских концепциях — например, у Данте Алигьери. Конечно, Данте остается внутри базовых координат христианской картины мира, поэтому его «монархия» (то есть империя) — “*temporalis*”, мирская, и, как и все мирское, в принципе преходящая (Филиппов, 2014б: 230-231). Но интереснее другое — империя Данте никак не связана с «последними временами» и спасением души. Последнее — дело Церкви, а эсхатологическая перспектива в тексте просто отсутствует²³. Задача же империи — совершенное устроение земного порядка жизни человечества, который мыслится как вполне автономный и самоценный (Тимошина, 2023: 87-88). В результате такого сочетания самоценности обустройства земного порядка и слабой выраженности эсхатологического горизонта, который бы обозначал предел существования этого порядка, империя Данте приобретает черты вечности: она описывается как стоящая «превыше того, что измеряется временем» (Данте, 1999: 22); также именно к «блаженнейшему состоянию» Римской империи при Августе, а не к рождению Христа относит Данте фразу апостола Павла о «полноте времен» (Там же: 53; см. также: Тимошина, 2023: 85).

Мы видим, таким образом, что темпоральностью империи может быть не только эсхатологическая устремленность к концу или ориентация на вечность, но и некоторое сочетание этих двух модусов восприятия времени. Вопрос о логике и паттернах возникновения таких сочетаний представляет несомненный интерес — так, на смещение акцента с временности на вечность империи у Дан-

много домов разных граждан. Поэтому вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых — это только дело необходимости» (Августин, 2022: 181-182).

22. Как это описывает Фёгелин применительно к самосознанию монголов: «Империя владыки Чингисхана существует *de jure*, даже если она *еще* не реализована *de facto*» (Фёгелин, 2021: 159).

23. Если не считать таковой перспективу собственно восстановления империи, в описании которой присутствуют профетические настроения, сложившиеся в том числе под влиянием теологии Иоахима Флорского. О влиянии иоахимизма на Данте см.: Carter, 1943; Margles, 2016.

те, вероятно, повлияла его значительная опора на классическую римскую модель и античную политико-правовую мысль (Тимошина, 2023: 83-84). Однако рассмотрение этого вопроса уже выходит за рамки данной статьи. Для наших целей вполне достаточно выявленных основных закономерностей, а также того факта, что ни в одном из описанных выше примеров темпоральность империи не была катехонической.

Поэтому зафиксируем второе соответствие: *политической форме империи соответствует либо темпоральная ориентация на вечность (в не-авраамических цивилизациях), либо эсхатологическая темпоральность устремленности к «концу времен» или «концу истории» (в цивилизациях авраамических), либо некоторое сочетание этих двух темпоральностей.*

Множественные соответствия и пределы адаптации

Итак, исторически государство существует в бесконечном времени, а империя — в эсхатологии либо в вечности. Само по себе, впрочем, это еще не означает несовместимости данных политических форм с катехонической темпоральностью. Как мы уже увидели на примере империи, одна и та же политическая форма может существовать в разных темпоральностях. Многовариантность гипотетически может работать и в противоположном направлении: в эсхатологической темпоральности живет не только империя, но и богоизбранный народ Израиля²⁴. Следовательно, возникает закономерный вопрос: а не могут ли государства и/или империя адаптироваться к катехонической темпоральности? При рассмотрении этого вопроса будем, однако, иметь в виду, что *многовариантность соотношений политических форм и темпоральностей не равнозначна их произвольности.* Так, примеров устойчивого сочетания политической формы государства с эсхатологической темпоральностью почему-то не обнаруживается; а различия в темпоральности империи, как мы видели выше, обусловлены конкретными вариациями культурно-религиозного контекста.

В отношении государств имеется классический аргумент о невозможности исковой адаптации: множество автономных субъектов с разнородными интересами, над которыми нет регулирующей верховной власти, неспособно к устойчивому объединению и коллективному действию, необходимому для предотвращения глобальной катастрофы. Конкретные обоснования варьируются — от «дилеммы безопасности» (Herz, 1950) до «трагедии общин» (Hardin, 1972) — но общий вывод один: в эпоху планетарных вызовов, некоторые из которых угрожают самому существованию человечества, «существует фундаментальное рассогласование между масштабом проблем и сферой полномочий институтов, призванных эти про-

24. Здесь также приходит на ум феномен секты, однако секта, хотя и представляет собой вполне определенную форму коллективной жизни людей, все же не является собственно «политической формой». Если же секта приобретает политическую власть, то из этого часто получаются имперские проекты (разной степени успешности).

блемы решать» (Blake, Gilman, 2024: 69). Один из наиболее интересных контраргументов предлагают современные британские теоретики-международники Барри Бузан и Ричард Саква: сталкиваясь с общепланетарными угрозами — которые логически угрожают и существованию отдельных государств — государства способны осознать общий интерес и действовать сообща, образовав так называемое «солидарное международное общество» (Buzan, 2014: 130). С этой точки зрения укрепление национальных государств сегодня не обязательно должно означать «просто восстановление сфер влияния и защиту государственного суверенитета Вестфальского образца» — оно может вести к появлению «форм не-гегемонистской солидарности» (Sakwa, 2019: 24-25).

Первые возражения против этого контраргумента носят эмпирический характер: почему тогда мы до сих пор не видим успешных примеров такого «действия сообща»? Так, почему-то администрация США вместо переговоров о ядерном разоружении, напротив, впервые включает сдерживание Китая в собственную ядерную стратегию (случайно подобранный пример из последних новостей)²⁵. Кроме того, почему лица, действующие в рамках государствоцентричных социальных структур, оказываются систематически склонны переосмысливать ядерное оружие и изменение климата таким образом, что эти явления перестают рассматриваться ими как представляющие угрозу самому существованию человечества (Учаев, Квартальнов, 2022, 2024)? Такие эмпирические возражения сами по себе, конечно, еще можно было бы списать на контингентность (а не структурную необходимость) приводимых фактов — однако в данном случае имеются и возражения концептуальные.

Описанная абзацем выше теоретическая дискуссия оперирует лишь рационально понятыми интересами, игнорируя идейно-ценностное измерение социальных структур. Мы выше отмечали, что государство и его сторонники в раннее Новое время боролись с эсхатологией не случайно, но потому что она делегитимировала суверенное обособление. И с этой точки зрения между чаемым и требующим предотвращения концом света нет принципиальных различий. Дело в том, что общий интерес в предотвращении глобального самоуничтожения — это не просто еще один интерес, добавляющийся ко всем прочим. Он регулярно вступает в конфликт со множеством партикулярных интересов отдельных государств: задача сокращения выбросов CO₂ может противоречить планам экономического развития; избегание обмена ядерными ударами налагает ограничения на способы противостояния враждебным государствам; опасение непредсказуемых последствий быстрого развития технологий искусственного интеллекта сталкивается со стремлением не отстать от государств-конкурентов... Все эти частные интересы совершенно легитимны для суверенного государства модерна, более того, для него

25. NYT узнала, что Байден включил в ядерную стратегию США сдерживание Китая. РБК. 21.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2024/66c51f209a7947603d702b20> (дата обращения: 22.08.2024).

Ряд других неутешительных примеров приводился во введении.

они приоритетны, поскольку государство — по самой своей сути — претендует на сакральный статус, на то, «чтобы быть верховным оператором спасения» (Каспэ, 2022: 24). Систематическое и последовательное подчинение государственных интересов общему интересу выживания планеты (чего следовало бы ожидать при полноценном осознании и интернализации катехонической темпоральности) подбивает претензию на сакральность, требует отказаться от символических практик по производству собственной сакральности (иначе не получится легитимировать приоритет общих интересов) и в конечном счете лишает идею суверенного государства сколь-нибудь осмысленного содержания. Таким образом, *политическую форму государства следует признать несовместимой с катехонической темпоральностью*²⁶.

Вместе с тем, как уже было отмечено, несоответствие государства эпохе глобальных вызовов — тезис крайне распространенный, уже почти тривиальный. В свою очередь, выход из этой ситуации часто видят как раз в империи: аргументы о необходимости формирования единой всемирной политики выдвигались в связи с ядерной угрозой (Craig, 2003), экологическими проблемами (Ophuls, Boyan, 1992), в контексте защиты Земли от астероидов (Dufek, 2019) и в связи с «экзистенциальными рисками» в целом (Bostrom, 2006). В отношении этой политики не так часто используют слово «империя» (чаще говорят о «мировом государстве»²⁷), но, по сути, речь идет именно о ней — охватывающей весь мир универсалистской политической структуре с единым центром принятия решений. Однако здесь возникает одна проблема практического свойства, и проблема принципиальная: сегодня империя — это не данность, но задача. Исторически задача построения империи всегда решалась с опорой на военную силу. Безусловно, убедительная имперская идеология и качественная легитимация также были неотъемлемой чертой успешных империй, но чем был бы Рим без легионов?²⁸ Отсюда вопрос: как возможен успешный имперский проект в наши дни, когда на его пути почти неизбежно встанут сразу несколько государств, ревностно отстаивающих свой суверенитет и обладающих при этом ядерным оружием? Империя будет вынуждена либо отступить, либо вместо катехонической сыграть буквально эсхатологическую роль (с неочевидными шансами на чье-либо искупление в конце). Еще скорее к такому исходу рискует привести столкновение двух (или более) имперских проектов — что также всегда остается возможным, пока идея империи остается в наборе актуальных политических форм.

Итак, главное препятствие на пути адаптации имперской политической формы к катехонической темпоральности — это неприемлемо высокий уровень опоры на силовые инструменты при создании империи. Это возражение может показать-

26. Это не означает, что какие-то элементы институциональной структуры современного государства не могут стать частью другой, новой политической формы.

27. Что с точки зрения того понимания государства, которое было изложено выше в данной статье, есть оксюморон.

28. И чем были бы США без сети военных баз по всему миру?

ся менее убедительным, чем то, которое было выдвинуто выше против государства: там обосновывалась принципиальная структурная несовместимость катехонической темпоральности с самой политической формой государства, здесь же речь пока идет о ее несовместимости с процессом перехода к империи. Но не следует ли считать типичный сценарий (или типичный набор сценариев) формирования определенной политической формы одной из ее существенных характеристик? Может ли империя сформироваться как-либо иначе и будет ли это тогда империя? Школа исторического институционализма с ее концепцией «зависимости от пути» (Mahoney, 2000) подталкивает нас к отрицательному ответу на последний вопрос. В таком случае *политическую форму империи также приходится признать несовместимой с катехонической темпоральностью.*

Катехоническая политическая форма: истинное решение и соблазн суверенитета

Если вышеприведенные выводы верны, ни одна из двух основных политических форм современности не в состоянии адаптироваться к катехонической темпоральности. Новая темпоральность требует изобретения новой (или переоткрытия какой-то старой и давно забытой?) политической формы. Вместе с тем, отталкиваясь от основных препятствий к адаптации, которые были выявлены у государства (партикуляризм) и империи (силовой сценарий формирования), можно выделить две характеристики искомой политической формы, которая бы соответствовала катехонической темпоральности. Она должна быть: а) универсалистской; б) способной поддерживать единство и организовывать коллективное действие, опираться преимущественно на механизмы легитимации, а не механизмы силового принуждения.

Может показаться, что в совокупности эти две характеристики — ненасильственный универсализм — крайне абстрактны, а также утопичны и непрактичны. Однако еще в 1961 году Ганс Моргентау — один из отцов-основателей «политического реализма», которого трудно заподозрить в наивности — признавал: в эпоху, когда «тотальная ядерная война, вероятно, сотрет само различие между победителем и побежденным <...> реалистический и утопический подходы к политике в целом и к международным отношениям в частности сливаются в один» (Morgenthau, 1962: 76). Поэтому попытаемся все же более выпукло наметить черты катехонической политической формы.

Прибегнем для этого к рассуждению «от противного»: раз ни империя, ни государство не соответствуют катехонической темпоральности, нельзя ли выделить у них какую-то общую черту, которая вносит вклад в это несоответствие? Как минимум одна такая черта есть — это иерархическая централизация принятия важнейших решений, иначе говоря, *суверенитет*²⁹. Причем в обоих случаях он

29. Безусловно, между функционированием высшей власти в империи и государстве есть важные различия. «Суверенитет» империи менее равномерно распределен в пространстве, за входящими

существует для решения одной и той же задачи: умиротворения социальных конфликтов. Пересказывать «Левиафан» здесь нет нужды, но ведь и главное обещание империи — принести мир, *пax*. Иначе говоря, усмирить конфликты между различными сообществами путем их подчинения единому имперскому центру (Munkler, 2007: 81-84). Подобное целеполагание имеет одно интересное последствие: отходят на второй план, порой вплоть до полного исчезновения, любые внесоциальные критерии истинности принимаемых властью решений. Любое решение верно, покуда власть достаточно сильна, чтобы навязать его и обеспечить социальное единство. Именно отсюда вытекает децизионистская логика, которую Шмитт иллюстрирует в четвертой главе «Политической теологии» на примере Жозефа де Местра³⁰: «Наш интерес состоит не в том, чтобы вопрос был решен тем или иным образом, но чтобы он был решен безотлагательно и бесповоротно» (цит. по: Шмитт, 2016: 50). Сам Шмитт, как обычно, находит еще более выразительную формулировку: «Ценно решение опять-таки само по себе, ибо как раз в важнейших вещах важнее то, что решение принимается, чем его содержание» (Ibid.). В такой парадигме суверенитет объяснимо становится безусловным благом, а любое его ослабление — безусловным злом.

Катехоническая темпоральность, напротив, со всей возможной остротой ставит перед нами проблему истинного решения. Когда ценой неправильного решения может быть ядерный армагеддон или медленное превращение Земли в необитаемую пустыню, разница между решением самим по себе и его отсутствием становится несущественной. *Остается единственное значимое различие — между истинным решением и всем остальным.* Следовательно, политическое должно быть вновь осмыслено не как автономное, но как репрезентирующее некую истину, внешнюю по отношению к нему самому³¹.

Здесь важно сразу не уйти в другую крайность, ибо суверенитет соблазняет не только своих апологетов, но и своих противников, которые начинают видеть в нем единственную парадигму иерархической власти — и потому отвергать любую власть такого рода. А она необходима, поскольку в формулировке «истинное решение» важны оба слова. Соответствие истине не возникает в процессе развития общества само собой, поскольку истина не разлита в имманентном социальном порядке вещей. Климатический скептицизм — вполне демократическое настроение; а устанавливающий якобы «истинные цены» нерегулируемый рынок

в империю сообществами часто сохраняются широкие полномочия по внутреннему самоуправлению, империя не стремится к тотальной гомогенизации и устранению «промежуточных сообществ» (Каспэ, 2007: 59-62; Филиппов, 2014б: 228-230). Все это, однако, не отменяет того принципиального сходства, о котором идет речь.

30. И во второй главе, на примере Гоббса с его *autoritas non veritas facit legem* (Шмитт, 2016: 32).

31. Крайне интересную попытку подобного осмысления не так давно предпринял Каспэ, предложивший в качестве такой истины «любовь», а в качестве практического механизма ее воплощения в жизнь «гражданскую религию» (Каспэ, 2023). Последнее, впрочем, вызывает сомнения: остается не вполне понятно, как «гражданская религия» может обеспечить деавтономизацию политического, если она существует целиком *внутри* политической формы современного государства.

замыкает общество в краткосрочном горизонте планирования, делая его слепым к долгосрочным вызовам. *Требуется (как минимум иногда) иерархическое решение*, чтобы привести общественное развитие в соответствие с возможностями природной среды, а социально укорененные способы использования технологий — в соответствие с их материальными последствиями. Поэтому любые концепции, которые делают ставку на чистую имманентность человеческого бытия, здесь тоже не срабатывают. Причем это касается в равной степени как различных теорий агонизма и радикальной демократии (Laclau, Mouffe, 2001; Mouffe, 2005), которые эту имманентность политизируют, так и тех подходов, которые ее деполитизируют, растворяя центральность власти в функционально дифференцированном мировом обществе³².

Но почему же, могут возразить, деавтономизация политического через его подчинение внешней истине должна вести к отказу от принципа суверенитета? Ведь в тех же империях высшая власть как раз и видит себя проводником истины, будь ее источником космический порядок, откровение или история. Подробное обсуждение этого вопроса (которого он, несомненно, заслуживает) потребовало бы отдельного исследования, поэтому здесь ограничимся лишь указанием на наиболее перспективный, на наш взгляд, путь рассуждения. Истина может быть репрезентирована сувереном, когда она сама мыслится как суверенная, когда считается, что космос, Бог откровения или диалектика истории выступают источником конкретных и исчерпывающих предписаний, которые должны быть исполнены. Истина, подразумеваемая катехонической темпоральностью, ускользает от такого исчерпывающего выражения: она прямо говорит лишь о том, что *не* должно произойти — конец человечества. Конкретные «как этого добиться» и «что делать» не могут быть выражены ни в каком окончательном рецепте, поскольку со временем меняются как актуальные угрозы, так и способы противодействия им. А это значит, что осуществление истины — открываемой снова и снова, каждый день в новом обличье — *остается делом человеческой свободы*.

Интересно, что из всех предыдущих попыток заставить политическое репрезентировать высшую истину более всего сопротивлялась своему конкретному и исчерпывающему выражению истина откровения: «всякое приложимое к Богу понятие есть призрак, обманчивый образ, идол» (Лосский, 2015: 216), «четкая “юридическая” формулировка в таком случае невозможна» (Мейендорф, 2018: 9). И едва ли случайно, что именно она породила тот специфический способ устройства власти, который Фёгелин назвал «двойным представительством человека в обществе посредством церкви и империи» (Фёгелин, 2021: 236). О нем же писал и Шмитт: «Средневековое западно- и центрально-европейское единство Imperium и Sacerdotium никогда не было централистской концентрацией власти в руках одного человека. Оно изначально основывалось на различии *potestas* и *auctoritas*

32. Как в системной теории Никласа Лумана: «Общество больше не может регулировать отношения между своими частными системами, но должно уступить такую регуляцию эволюции, т. е. истории» (Луман, 2011: 165).

как двух различных организующих принципов в рамках одного всеобъемлющего единства» (Schmitt, 1974: 30). Возможно, катехоническая темпоральность требует от нас наконец признать фундаментальную антиномию иерархии и свободы именно как антиномию и отбросить попытки ее «снятия» в каком-либо завершенном синтезе, перестать стремиться раз и навсегда примирить противоположности в какой-либо целостной (суверенной) политической форме. Возможно, требуется нечто ровно обратное: воплотить антиномичность мира в самом устройстве власти и общественной жизни посредством модели двойного представительства.

Заключение

Подведем итоги. Во введении были поставлены три вопроса:

- 1) С какими темпоральностями исторически взаимосвязаны государство и империя?
- 2) Могут ли эти две — самые актуальные сегодня — политические формы адаптироваться к катехонической темпоральности?
- 3) Каковы хотя бы примерные контуры катехонической политической формы?

Ответы на первые два вопроса можно обобщить следующим образом:

Государства взаимосвязаны с характерными для модерна представлениями о бесконечном времени и открытости будущего. В свою очередь, империя существует либо в эсхатологической устремленности к концу времен/истории, либо проецирует себя в вечность космоса. Ни государства, ни империя не способны адаптироваться к катехонической темпоральности: в первом случае, из-за невозможности легитимировать суверенное обособление при наличии общей судьбы; во втором случае, из-за силового сценария имперской экспансии.

Это означает, помимо прочего, что мировой порядок не является *a priori* катехоническим в своих основаниях (ср.: Яркеев, 2024). Функцию сдерживания всеобщей катастрофы не может выполнять какой угодно «абстрактный механизм <...> или персонифицированный агент» (Ibid.: 149) — потому что ее выполнение требует мышления в рамках вполне конкретной (катехонической) темпоральности, которая, как было показано, несовместима ни с имперской, ни с государственноцентричной моделью миропорядка. Следовательно же, наш третий вопрос — вопрос о конкретных очертаниях катехонической политической формы — оказывается совсем не «второстепенным» (ср.: Ibid.), а, напротив, ключевым.

Рассуждения, предложенные выше в попытке ответа на этот вопрос, являются наиболее спекулятивной частью статьи. Хочется верить, однако, что их удалось представить в достаточно логичном и последовательном виде, чтобы сделать возможными критику и диалог. Поэтому суммируем предполагаемые характеристики катехонической политической формы: 1) пространственный универсализм; 2) минимальная опора на силовое принуждение, приоритет легитимации; 3) отсутствие единого суверенного центра принятия решений, но при этом 4) наличие иерархических структур власти (*auctoritas*), репрезентирующих внешнюю по от-

ношению к обществу истину. Ближайшей исторической аналогией политической формы с таким набором характеристик выглядит модель «двойного представительства» — сосуществования духовной и светской власти — эпохи христианского Средневековья.

Как относиться к этим выводам? Возможны как минимум две интерпретации. В нейтрально-позитивистском ключе мы просто получаем гипотезу о причинно-следственной взаимосвязи: катехоническая темпоральность не станет доминирующей, пока не возникнет и не распространится новая, соответствующая ей политическая форма. Если же считать катехоническую темпоральность верным описанием положения человечества во времени, то напрашивается более нормативное толкование: к созданию новой политической формы следует стремиться. Однако здесь теоретические спекуляции уже начинают близко затрагивать вопросы практического свойства — и потому завершаются.

Литература

- Августин А. (2022). О граде Божиим. Книга I. М.: Омега-Л.
- Арбатов А. Г. (2023). Ядерные метаморфозы // Полис. Политические исследования. № 5. С. 7-28.
- Артоз Ф. (2021). Картины мира и представления о времени / Пер. с фр. С. Н. Зенкина // Логос. Т. 31. № 5. С. 59-76.
- Ассман А. (2017). Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Бондаренко Д. М. (2024). Принципы и формы организации обществ как систем институтов («концептуальная рамка» этой книги) // Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия / Д. М. Бондаренко, Г. В. Александров (ред.). М.: Издательский дом ЯСК. С. 7-47.
- Данте А. (1999). Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова. М.: Канон-пресс-Ц — Кучково поле.
- Дмитриев Т. А. (2018). Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса // Социологическое обозрение. Т. 17. № 3. С. 56-89.
- Дуглас М. (2020). Как мыслят институты / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Элементарные формы.
- Дюбуа Ж.-П. (2021). Знак священного / Пер. с фр. А. Захаревич. М.: Новое литературное обозрение.
- Каспэ С. И. (2007). Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований.
- Каспэ С. И. (2016). Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения.
- Каспэ С. И. (2022). Жизнь, смерть и государство // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 1. С. 8-34.

- Каспэ С. И. (2023). «Любовь во время войны»: против автономии политическо-го // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 7. № 1. С. 13-61.
- Лахман Р. (2021). Государства и власть / Пер. с англ. М. Дондуковского. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Лёвит К. (2021). Смысл в истории: Теологические предпосылки философии исто-рии / Пер. с англ. А. Саркисянца. СПб.: Владимир Даль.
- Лосский В. Н. (2015). Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догма-тическое богословие / Пер. с фр. В. А. Решиковой. М.: Академический проект; Парадигма.
- Луман Н. (2004). Мировое время и история систем / Пер. с нем. В. М. Бакусева // Ло-гос. № 5. С. 131-168.
- Луман Н. (2011). Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / Пер. с нем. Б. Ску-ратова, А. Глухова, О. Никифорова // Луман Н. Общество общества. IV–V. М.: Логос. С. 7-288.
- Маркс К., Энгельс Ф. (2013). Манифест коммунистической партии / Пер. с англ. А. Мороз. М.: Common place.
- Мейендорф И., прот. (2018). Введение в святоотеческое богословие. Конспект лек-ций / Пер. с англ. Л. Волхонской. Минск: ООО «МедиаЛ».
- Мольтман Ю. (2017). Пришествие Бога: Христианская эсхатология / Пер. с нем. А. Тихомирова. М.: Изд-во ББИ.
- Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. (2021). Современный мировой порядок: структур-ные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследо-вания. № 3. С. 57-76.
- Сидоров А. И. (2018). В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Ка-ролингов, VIII–X века. СПб.: Наука.
- Таубес Я. (2023). Западная эсхатология / Пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб.: Влади-мир Даль.
- Тимошина Е. В. (2023). От Рима к Третьему Риму? Данте и Тютчев в поисках Импе-рии // Вопросы философии. № 11. С. 78-91.
- Учаев Е. И., Квартальнов А. А. (2022). Темпоральный подход к проблеме устой-чивости ядерной анархии // Вестник МГИМО-Университета. Т. 15. № 6. С. 112-134.
- Учаев Е. И., Квартальнов А. А. (2024). Препятствия к макросекьюритизации гло-бальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата // Сравнительная политика. Т. 15. № 3. (В печати).
- Учаев Е. И., Николаев И. А. (2023). Переосмысляя катехон: к политической теоло-гии ядерной эпохи // Stasis. Т. 11. № 1-2. С. 130-172.
- Учаев Е. И., Харкевич М. В. (2023). Немыслимость тотальной катастрофы: постапо-калиптическая природа современного политического реализма // Политика: Ана-лиз. Хроника. Прогноз. № 1. С. 40-63.
- Фёгелин Э. (2021). Новая наука политики: Введение / Пер. с англ. И. Селивёрстова. СПб.: Владимир Даль.

- Фёдорова М. М. (2021). Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность // Полилог/Polylogos. Т. 5. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/> (дата доступа: 22.08.2024).
- Филиппов А. Ф. (2014а). Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема // Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 1. СПб.: Владимир Даль. С. 11-65.
- Филиппов А. Ф. (2014б). Социология и космос: суверенитет государства и суверенность социального // Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 1. СПб.: Владимир Даль. С. 211-251.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.
- Харкевич М. В. (2024). Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики // Полис. Политические исследования. № 2. С. 25-37.
- Шмитт К. (2008). Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum* / Пер. с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль.
- Шмитт К. (2016). Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука. С. 5-59.
- Элиаде М. (1987). Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) / Пер. с фр. А. А. Васильевой // Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс. С. 27-144.
- Яркеев А. В. (2024). Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // Социологическое обозрение. Т. 23. № 1. С. 135-159.
- Adso of Montier-en-Der.* (1979). Letter on the Origin and Time of the Antichrist // *Apocalyptic Spirituality* / B. McGinn ed. and trans. New York: Paulist Press. P. 89-96.
- Allan B. B. (2018). *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Anders G. (1956). *Die Antiquiertheit des Menschen. Band I: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution*. München: C. H. Beck.
- Assmann J. (2010). *The Price of Monotheism*. Trans. by Robert Savage. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Blake J. S., Gilman N. (2024). *Children of a Modest Star: Planetary Thinking for an Age of Crises*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bodin J. (1969). *Method for the Easy Comprehension of History*. Trans. by Beatrice Reynolds. New York: W. W. Norton & Company.
- Bostrom N. (2006). What is a Singleton? // *Linguistic and Philosophical Investigations*. Vol. 5. № 2. P. 48-54.
- Bostrom N. (2013). Existential Risk Prevention as Global Priority // *Global Policy*. Vol. 4. № 1. P. 15-31.
- Burke A. (2016). Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present // *Critical Studies on Security*. Vol. 4. № 1. P. 73-90.

- Butterfield H.* (1966). *The Balance of Power // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics* / H. Butterfield, M. Wight eds. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 132-148.
- Buzan B.* (2014). *An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach*. Cambridge: Polity Press.
- Carter B. B.* (1943). *Dante's Political Ideas // The Review of Politics*. Vol. 5. № 3. P. 339-355.
- Craig C.* (2003). *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*. New York: Colombia University Press.
- Dufek p.* (2019). *Why a World State is Unavoidable in Planetary Defense: On Loopholes in the Vision of a Cosmopolitan Governance // Planetary Defense: Global Collaboration for Defending Earth from Asteroids and Comets* / N. Schmidt ed. Cham: Springer Nature. P. 375-399.
- Fibiger Bang p.* (2011). *The King of Kings: Universal Hegemony, Imperial Power, and a New Comparative History of Rome // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* / J. P. Arnason, K. A. Raaflaub (eds.). Chichester: Wiley-Blackwell. P. 322-349.
- Haimo of Auxerre.* (2001). *Exposition of the Second Letter to the Thessalonians*. Trans. by Kevin L. Hughes // *Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries*. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications. P. 21-33.
- Hardin G.* (1972). *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle*. New York: The Viking Press, Inc.
- Hartog F.* (2015). *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. Trans. by Saskia Brown. New York: Colombia University Press.
- Herz J. H.* (1950). *Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics*. Vol. 2. № 2. P. 157-180.
- Hobbes T.* (2008). *Leviathan*. Oxford: Oxford University Press.
- Hughes K. L.* (2001). *Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics // Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries*. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications. P. 13-20.
- Jonas H.* (1984). *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kaspe S. I.* (2021). *Life, Death, and the State // Russia in Global Affairs*. Vol. 19. № 3. P. 174-204.
- Koselleck R.* (2004). *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Trans. by Keith Tribe. New York: Colombia University Press.
- Laclau E., Mouffe Ch.* (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics (Second Edition)*. London, New York: Verso.
- Lake A.* (1993). *From Containment to Enlargement*. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051567645&seq=1> (дата доступа: 22.08.2024).
- Lee A.* (2018). *Humanism and Empire: The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy*. Oxford: Oxford University Press.
- Mahoney J.* (2000). *Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society*. Vol. 29. № 4. P. 507-548.

- Marples K.* (2016). *Theology, Prophecy and Politics in Dante*. PhD thesis. Leeds: University of Leeds.
- Matthews H. D., Wynes S.* (2022). *Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C*// *Science*. Vol. 376. № 6600. P. 1404-1409.
- McGinn B.* (2000). *Antichrist: The Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil*. New York: Colombia University Press.
- McQueen A.* (2018). *Political Realism in Apocalyptic Times*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Michaelis L.* (2023). *Contesting the Future: Secular and Religious Time in Hobbes's Leviathan*// *The Review of Politics*. Vol. 85. № 3. P. 304-326.
- Morgenthau H. J.* (1962). *The Intellectual and Political Functions of a Theory of International Relations*// *Morgenthau H. J. Politics in the Twentieth Century*. Vol. I: *The Decline of Democratic Politics*. Chicago: The University of Chicago Press. P. 62-78.
- Mouffe Ch.* (2005). *On the Political*. Abingdon: Routledge.
- Munkler H.* (2007). *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Trans. by Patrick Camiller. Cambridge: Polity Press.
- Ophuls W., Boyan A. S., Jr.* (1992). *Ecology and the Politics of Scarcity Revisited: The Unraveling of the American Dream*. New York: W.H. Freeman and Company.
- Ord T.* (2020). *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.
- Otto of Freising* (2002). *The Two Cities: A Chronicle of Universal History to the Year 1146 A. D.* Trans. by Charles C. Mierow. New York: Colombia University Press.
- Otto of Freising* (2004). *The Deeds of Frederick Barbarossa*. Trans. by Charles C. Mierow. New York: Colombia University Press.
- Pelopidas B.* (2021). *The Birth of Nuclear Eternity*// *Futures*/S. Kemp, J. Andersson (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 484-500.
- Rothe D.* (2020). *Governing the End Times? Planet Politics and the Secular Eschatology of the Anthropocene*// *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 48. № 2. P. 143-164.
- Sakwa R.* (2019). *The International System and Models of Global Order*// *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. № 3. P. 8-31.
- Schmitt C.* (1974). *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Sheehan M.* (1996). *The Balance of Power: History and Theory*. London, New York: Routledge.
- Shoemaker S. J.* (2018). *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Uchaev Ye.I.* (2021). *The Anthropocene Consensus*// *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. № 3. P. 206-227.
- Zubok V., Pleshakov C.* (1996). *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Katechontic Temporality and Political Form: Towards Double Representation³³

Yevgeny Uchaev

MA in International Relations, Lecturer at the Department of World Politics, MGIMO University.

Address: Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454 Russian Federation

E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

In the second half of the 20th century, humankind's increased awareness of the likely consequences of nuclear war and climate change led to the emergence of a new temporality: humanity's future was now seen as potentially finite, with a possible end that was completely negative and required prevention. This new temporality, which the article proposes to call "katechontic," differs from all previous modes of time perception, including the ideas of cyclical eternity and infinite progress, as well as eschatological expectations of the end. At the same time, these previous temporal perspectives have become connected to the most significant political forms of today, such as the empire and the state. This raises the question of whether these political forms can be adapted to the katechontic temporality. The state, as an essentially pluralist political form, is structurally embedded within the infinite temporal horizon of modernity and requires the neutralization of eschatology. It is unable to adapt to the katechontic temporality, as collective action to prevent a global catastrophe would de-legitimize sovereign plurality. The imperial political form, contrary to the popular thesis of Carl Schmitt about the katechontic nature of the medieval Christian empire, has historically been oriented towards either the eschatological end of time or eternity. The main obstacle to adapting the empire to the katechontic temporality is the violent nature of imperial expansion. Another reason why the state and empire are incompatible with the katechontic temporality is their hierarchical centralization of power. Sovereign centralization has intrinsic value when there are no external criteria for the correctness of a political decision. The katechontic temporality introduces such criteria demanding that political decisions correctly reflect the external (natural and technological) context. Therefore, the political must be subordinated to this external truth, which might be implemented via the model of "double representation."

Keywords: temporality, political form, state, empire, indefinite time, eschatology, sovereignty, global threats, double representation.

References

- Adso of Montier-en-Der. (1979) Letter on the Origin and Time of the Antichrist. *Apocalyptic Spirituality* (ed. and trans. B. McGinn), New York: Paulist Press, pp. 89-96.
- Allan B. B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Anders G. (1956) *Die Antiquiertheit des Menschen. Band I: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution*, München: C. H. Beck. (In German)
- Arbatov A. G. (2023) Jadernye metamorfozy [Nuclear metamorphoses]. *Polis. Political Studies*, no 5, pp. 7-28. (In English and in Russian)

33. Acknowledgements: An earlier version of this article was first presented at the interdisciplinary conference "Political Theology III: Time that Remains until the New Beginning" (Center for Fundamental Sociology of the Higher School of Economics, Moscow, May 24-25, 2024). The author would like to express his gratitude to the organizers for the opportunity, to the conference's participants, for a thoughtful discussion, and, in particular, to Alexander F. Filippov, for his valuable comments on the first draft that helped to significantly improve the paper.

- Assmann A. (2017) *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is Time out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime], trans. by B. Khlebnikov, Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Assmann J. (2010) *The Price of Monotheism*, trans. by Robert Savage, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Augustine of Hippo. (2022) *O grade Bozhiem. Kniga I* [The City of God. Book I], Moscow: Izdatel'stvo «Omega-L». (In Russian)
- Blake J. S., Gilman N. (2024) *Children of a Modest Star: Planetary Thinking for an Age of Crises*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bodin J. (1969) *Method for the Easy Comprehension of History*, trans. by Beatrice Reynolds, New York: W.W. Norton & Company.
- Bondarenko D. M. (2024) Principy i formy organizacii obshchestv kak sistem institutov («konceptual'naja ramka» jetoj knigi) [Principles and Forms of Organization of Societies as Systems of Institutions (The "Conceptual Frame" of This Book)]. *Principles and Forms of Sociocultural Organization: Historical Contexts of Interaction* (eds. D. M. Bondarenko, G. V. Aleksandrov), Moscow: LRC Publishing House, pp. 7-47. (In Russian)
- Bostrom N. (2006) What is a Singleton? *Linguistic and Philosophical Investigations*, vol. 5, no 2, pp. 48-54.
- Bostrom N. (2013) Existential Risk Prevention as Global Priority. *Global Policy*, vol. 4, no 1, pp. 15-31.
- Burke A. (2016) Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security*, vol. 4, no 1, pp. 73-90.
- Butterfield H. (1966) The Balance of Power. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*, (eds. H. Butterfield, M. Wight), Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 132-148.
- Buzan B. (2014) *An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach*, Cambridge: Polity Press.
- Carter B. B. (1943) Dante's Political Ideas. *The Review of Politics*, vol. 5, no 3, pp. 339-355.
- Craig C. (2003) *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*, New York: Colombia University Press.
- Dante A. (1999) *Monarhija* [The Monarchy], trans. by V. P. Zubov, Moscow: «Kanon-press-C» — «Kuchkovo pole». (In Russian)
- Dmitriev T. A. (2018) Politicheskaja teologija v «Leviafane» Tomasa Gobbsa [The Political Theology of Thomas Hobbes' Leviathan]. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3, pp. 56-89. (In Russian)
- Douglas M. (2020) *Kak mysljat instituty* [How Institutions Think], trans. by A. M. Korbut, Moscow: Jelementarnye formy. (In Russian)
- Dufek p. (2019) Why a World State is Unavoidable in Planetary Defense: On Loopholes in the Vision of a Cosmopolitan Governance. *Planetary Defense: Global Collaboration for Defending Earth from Asteroids and Comets* (ed. N. Schmidt), Cham: Springer Nature, pp. 375-399.
- Dupuy J.-P. (2021) *Znak svjashhennogo* [The Mark of the Sacred], trans. by A. Zakharevich, Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Eliade M. (1987) Mif o vechnom vozvrashhenii (arhetipy i povtorenie) [The Myth of the Eternal Return (Archetypes and Repetition)], trans. by A. A. Vasil'eva. *Cosmos and History*, Moscow: Progress, pp. 27-144. (In Russian)
- Fibiger Bang p. (2011) The King of Kings: Universal Hegemony, Imperial Power, and a New Comparative History of Rome. *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* (eds. J. P. Arnason, K. A. Raaflaub), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 322-349.
- Filippov A. F. (2014a) Nabljudatel' imperii: imperija kak ponjatie sociologii i politicheskaja problema [Observer of the Empire: Empire as a Sociological Concept and Political Problem]. *Sociologia: nabljudenija, opyty, perspektivy. Tom 1*, St Petersburg: Vladimir Dal', pp. 11-65. (In Russian)
- Filippov A. F. (2014b) Sociologija i kosmos: suverenitet gosudarstva i suverenost' social'nogo [Sociology and Cosmos: Sovereignty of the State and Sovereignty of the Social]. *Sociologia: nabljudenija, opyty, perspektivy. Tom 1*, St Petersburg: Vladimir Dal', pp. 211-251. (In Russian)
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-78], trans. by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, V. Yu. Bystrov, St Petersburg: Nauka. (In Russian)

- Fyodorova M. M. (2021) Istoricheskoe soznanie jepohi moderna i politicheskaja proektivnost' [Historical consciousness of the Modern era and political projectivity]. *Polylogos*, vol. 5, no. 2. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/> (accessed 22 August 2024). (In Russian)
- Haimo of Auxerre. (2001) Exposition of the Second Letter to the Thessalonians, trans. by Kevin L. Hughes. *Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries*, Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, pp. 21-33.
- Hardin G. (1972) *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle*, New York: The Viking Press, Inc.
- Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*, trans. by Saskia Brown, New York: Colombia University Press.
- Hartog F. (2021) Kartiny mira i predstavljenija o vremeni [Visions of the World and Representations of Time], trans. by S. N. Zenkin. *Logos*, vol. 31, no 5, pp. 59-76. (In Russian)
- Herz J. H. (1950) Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*, vol. 2, no 2, pp. 157-180.
- Hobbes T. (2008) *Leviathan*, Oxford: Oxford University Press.
- Hughes K. L. (2001) Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics. *Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries*, Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, pp. 13-20.
- Jonas H. (1984) *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Kaspe S. I. (2007) *Centry i ierarhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Authority and Western Political Form], Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russian)
- Kaspe S. I. (2016) *Politicheskaja forma i politicheskoe zlo* [Political Form and Political Evil], Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshhenija. (In Russian)
- Kaspe S. I. (2021) Life, Death, and the State. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no 3, pp. 174-204.
- Kaspe S. I. (2022) Zhizn', smert' i gosudarstvo [Life, Death, and the State]. *Rossija v global'noj politike*, vol. 20, no 1, pp. 8-34. (In Russian)
- Kaspe S. I. (2023) «Ljubov' vo vremja vojny»: protiv avtonomii politicheskogo ['Love in the Time of War': Contra Autonomy of the Political]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 7, no 1, pp. 13-61. (In Russian)
- Kharkevich M. V. (2024) Preodolenie apokalipsisa v pljuralisticheskom prostranstve pojetiki i politiki [Overcoming the apocalypse in the pluralistic space of poetics and politics]. *Polis. Political Studies*, no 2, pp. 25-37. (In Russian)
- Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, trans. by Keith Tribe, New York: Colombia University Press.
- Lachmann R. (2021) *Gosudarstva i vlast'* [States and Power], trans. by M. Dondukovskiy, Moscow: ID «Delo» RANEPА. (In Russian)
- Laclau E., Mouffe Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics (Second Edition)*, London, New York: Verso.
- Lake A. (1993) From Containment to Enlargement. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051567645&seq=1> (accessed 22 August 2024).
- Lee A. (2018) *Humanism and Empire: The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy*, Oxford: Oxford University Press.
- Lossky V. N. (2015) *Ocherk misticheskogo bogoslovija Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [The Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology], trans. by V. A. Reschikova, Moscow: Akademicheskij proekt; Paradigma. (In Russian)
- Löwith K. (2021) *Smysl v istorii: Teologicheskie predposylki filosofii istorii* [Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History], trans. by A. Sarkisjants, St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)
- Luhmann N. (2004) Mirovoe vremja i istorija sistem [World-Time and System History], trans. by V. M. Bakusev. *Logos*, no 5, pp. 131-168. (In Russian)
- Luhmann N. (2011) Obshhestvo obshhestva. Kn. 4: Differenciacija [Theory of Society. Book 4: Differentiation], trans. by B. Skuratov, A. Glukhov, O. Nikiforov. *Theory of Society, IV-V*, Moscow: Izdatel'stvo «Logos», pp. 7-288. (In Russian)

- Mahoney J. (2000) Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*, vol. 29, no 4, pp. 507–548.
- Marples K. (2016) *Theology, Prophecy and Politics in Dante* (PhD Thesis), Leeds: University of Leeds.
- Marx K., Engels F. (2013) *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party], trans. by A. Moroz, Moscow: Common place. (In Russian)
- Matthews H. D., Wynes S. (2022) Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C. *Science*, vol. 376, no 6600, pp. 1404–1409.
- McGinn B. (2000) *Antichrist: The Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil*, New York: Colombia University Press.
- McQueen A. (2018) *Political Realism in Apocalyptic Times*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Meyendorff J. (2018) *Vvedenie v svjatootecheskoe bogoslovie. Konspekt lekcij* [Introduction to Patristic Theology. Lectures], trans. by L. Volokhonsky, Minsk: OOO «Medial». (In Russian)
- Michaelis L. (2023) Contesting the Future: Secular and Religious Time in Hobbes's Leviathan. *The Review of Politics*, vol. 85, no 3, pp. 304–326.
- Moltmann J. (2017) *Prishestvie Boga: Hristianskaja jeshatologija* [The Coming of God: Christian Eschatology], trans. by A. Tikhomirov, Moscow: Izd-vo BBI. (In Russian)
- Morgenthau H. J. (1962) The Intellectual and Political Functions of a Theory of International Relations. *Politics in the Twentieth Century. Vol. I: The Decline of Democratic Politics*, Chicago: The University of Chicago Press, pp. 62–78.
- Mouffe Ch. (2005) *On the Political*, Abingdon: Routledge.
- Munkler H. (2007) *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, trans. by Patrick Camiller, Cambridge: Polity Press.
- Ophuls W., Boyan A. S., Jr. (1992) *Ecology and the Politics of Scarcity Revisited: The Unraveling of the American Dream*, New York: W. H. Freeman and Company.
- Ord T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*, New York: Hachette Books.
- Otto of Freising. (2002) *The Two Cities: A Chronicle of Universal History to the Year 1146 A. D.*, trans. by Charles C. Mierow, New York: Colombia University Press.
- Otto of Freising. (2004) *The Deeds of Frederick Barbarossa*, trans. by Charles C. Mierow, New York: Colombia University Press.
- Pelopidas B. (2021) The Birth of Nuclear Eternity. *Futures* (eds. S. Kemp, J. Andersson), Oxford: Oxford University Press, pp. 484–500.
- Rothe D. (2020) Governing the End Times? Planet Politics and the Secular Eschatology of the Anthropocene. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 48, no 2, pp. 143–164.
- Safranchuk I. A., Lukyanov F. A. (2021) Sovremennyy mirovoj porjadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikih derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries]. *Polis. Political Studies*, no 3, pp. 57–76. (In Russian)
- Sakwa R. (2019) The International System and Models of Global Order. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no 3, pp. 8–31.
- Schmitt C. (1974) *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*, Berlin: Duncker & Humblot. (In German)
- Schmitt C. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum], trans. by K. Loschevsky, Yu. Korinets, St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)
- Schmitt C. (2016) Politicheskaja teologija. Chetyre glavy k ucheniju o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty], trans. by Yu. Yu. Korinets. *The Concept of the Political*, St Petersburg: Nauka, pp. 5–59. (In Russian)
- Sheehan M. (1996) *The Balance of Power: History and Theory*, London, New York: Routledge.
- Shoemaker S. J. (2018) *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sidorov A. I. (2018) *V ozhidanii Apokalipsisa. Frankskoe obshhestvo v jepohu Karolingov, VIII-X veka* [Awaiting the Apocalypse. Frankish Society in the Carolingian Era, 8th–10th centuries], St Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Taubes J. (2023) *Zapadnaja jeshatologija* [Occidental Eschatology], trans. by A. P. Shurbelev, St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)

- Timoshina E. V. (2023) Ot Rima k Tret'emu Rimu? Dante i Tjutchev v poiskah Imperii [From Rome to the Third Rome? Dante and Tyutchev in Search of Empire]. *Voprosy filosofii*, no 11, pp. 78–91. (In Russian)
- Uchaev Ye. I. (2021) The Anthropocene Consensus. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no 3, pp. 206–227.
- Uchaev Ye. I., Kharkevich M. V. (2023) Nemyslimost' total'noj katastrofy: postapokalipticheskaja priroda modernogo politicheskogo realizma [Unthinkable Doomsday: Postapocalyptic Nature of Modern Political Realism]. *Politeia — Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, no 1, pp. 40–63. (In Russian)
- Uchaev Ye. I., Kvartalnov A. A. (2022) Temporal'nyj podhod k probleme ustojchivosti jadernoj anarhii [Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no 6, pp. 112–134. (In Russian)
- Uchaev Ye. I., Kvartalnov A. A. (2024) Prepjatstvija k makrosek'juritizacii global'nyh ugroz: kejsy jadernogo oruzhija i izmenenija klimata [Obstacles to Macrosecuritization of Global Threats: Cases of Nuclear Weapons and Climate Change]. *Comparative Politics Russia*, vol. 15, no 3 (in print). (In Russian)
- Uchaev Ye. I., Nikolaev I. A. (2023) Pereosmysljaja katehon: k politicheskoi teologii jadernoj jepohi [Rethinking the Katechon: Towards a Political Theology for a Nuclear Age]. *Stasis*, vol. 11, no 1–2, pp. 130–172. (In Russian)
- Voegelin E. (2021) *Novaja nauka politiki: Vvedenie* [The New Science of Politics. An Introduction], trans. by I. Seliverstov, St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)
- Yarkeev A. V. (2024) Katehon kak teologo-politicheskaja paradigma mirovogo porjadka [The Katechon as a Theologo-political Paradigm of the World Order]. *Russian Sociological Review*, vol. 23, no 1, pp. 135–159. (In Russian)
- Zubok V., Pleshakov C. (1996) *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Естественное состояние как «возможные истории» в «гражданской науке» Томаса Гоббса

Александр Михайловский

Аспирант Школы философии
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики,
младший научный сотрудник

Центра междисциплинарных исследований НИУ МФТИ.

Адрес: Мясницкая ул., 20, Москва, 101000; Институтский пер., 9, г. Долгопрудный, 141700
Российская Федерация
E-mail: amihaylovskiy@hse.ru

Статья рассматривает естественное состояние как модель, которая лежит в основании эпистемического идеала «гражданской науки» Томаса Гоббса. В первой части проясняется аргумент естественного состояния в контексте «новаторского» подхода Гоббса к «гражданской философии» (*philosophia civilis*), который существенно отличается от современных стандартов аргументации в этике и политической философии. Во второй связывается естественное состояние Гоббса и его «естественная логика» как специфическая «первая философия», стабилизирующая «первые определения» для «гражданской науки», необходимые для нее, но не являющиеся ее частью в собственном смысле. В третьей рассматривается естественное состояние Гоббса как «практический» мысленный эксперимент, возможный в силу специфических наблюдений за нашим повседневным опытом, которые обнаруживают наше знание себя. Здесь естественное состояние функционирует как полуфикция в терминологии Ханса Файхингера, то есть неформальная объяснительная модель, связывающая контрафактические возможности и действительность. Связь происходит в форме изобретательного «мысленного эксперимента» *внутри* действительности, который предоставляет не только «пределный случай», объясняющий ряд возможных ситуаций, но и континуум квазиповествовательных описаний возможных ситуаций и последовательностей событий, ведущих к «негативным последствиям», к несогласию во мнениях и противоречию в волях. В четвертой показывается, как эти квазиповествовательные описания схватываются пониманием модели естественного состояния как «возможных историй». Эти «возможные истории» предоставляют базовый «диапазон возможностей» (*Spielraum* в смысле Вольфганга фон Криса) для Гоббсовой «гражданской науки» как науки публичного права. Естественное состояние как «диапазон возможностей» позволяет уловить специфически политические возможности, формирующие «фон» для «гражданской науки» Томаса Гоббса. Таким образом, естественное состояние предоставляет «первые начала» (*principia*) для Гоббсовой «гражданской науки» в форме изобретательной вероятностной модели.

Ключевые слова: Томас Гоббс, естественное состояние, естественная логика, мысленный эксперимент, контрафактическая аргументация, полуфикция, диапазон возможностей

1. Естественное состояние и «гражданская наука» Томаса Гоббса

Естественное состояние¹ продолжает оставаться одним из наиболее проблематичных и спорных понятий политической философии Томаса Гоббса². Согласно аргументу философа, всякое состояние людей вне общей для них принуждающей власти (*potentia coerciva*) является анархией, или, точнее, «войной всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Привычное для современного гоббсоведения указание на то, что естественное состояние — это «гипотетическая ситуация» или «мысленный эксперимент», еще отнюдь не проясняет существо дела. Какого рода «гипотетической ситуацией» является естественное состояние?³ Как эта «гипотетическая ситуация» соотносится с «практической действительностью», т. е. историко-политической реальностью настоящего, прошлого и будущего? Почему для Гоббса три причины вражды, действующие вне «гражданских обществ»: соперничество (*Competitio*), обоюдное недоверие (*Defensio*) и жажда славы (*Gloria*)⁴, делают очевидным (*manifestum*) то, что естественное состояние вне принуждающей власти представляет собой «войну всех против всех» (*Bellum omnium contra omnes*)?

«Итак, очевидно (*manifestum est*), что пока нет никакой принуждающей власти (*Potentia coerciva*), до тех пор, <утверждаю я>, состояние людей (*conditionem Hominum*) то же, что и [состояние] войны каждого против каждого (*Bellum uniuscujusque contra unumquemque*)» (Hobbes, 2012: 193)⁵.

Почему «война каждого с каждым», согласно Гоббсу, *реальна*, несмотря на то что в *действительности* как в «безгосударственных общинах»⁶, так и в «республи-

1. Я употребляю это понятие без кавычек и подразумеваю под ним аргумент, или, шире, модель естественного состояния, как она формулировалась Томасом Гоббсом в различных трактатах от «Human Nature» (ок. 1637–1640) до латинской версии «Левиафана» (ок. 1676).

2. Библиография, посвященная проблематике Гоббсова «естественного состояния», сегодня почти необозрима. Из недавних работ следует упомянуть: (Филиппов, 2009а; 2009б; Hamilton, 2013; Vanderschraaf, 2019; Lloyd, 2021).

3. Такое «гипотетическое состояние» может быть понято в том числе как: (1) состояние несоциализированных, атомистичных индивидов; (2) состояние неограниченной свободы, в которой отсутствуют как внешние, так и внутренние ограничения поведения; (3) состояние правомерного частного суждения в условиях отсутствия взаимных обязательств; (4) состояние отсутствия общей, способной к принуждению власти (Vanderschraaf, 2019: 192).

4. См.: (Hobbes, 2012: 193). Подробнее см.: (Филиппов, 2009а: 109–111; 2009б: 115–116).

5. Ссылки на «Левиафан» даются по изданию Ноэла Малколма (Hobbes, 2012), поскольку оно уже стало библиографическим стандартом. Через точку с запятой указывается место в собрании сочинений Молсворта. Все остальные работы цитируются по собраниям сочинений Молсворта (Hobbes, 1839–1845а; 1839–1845б). Перевод выполнен автором везде, где не указано иное. Несмотря на то что перевод Н. Федорова может дать замечательное общее представление о латинском тексте, он не всегда соответствует современным стандартам терминологической точности, предъявляемым к переводу философской литературы. Автор ориентируется преимущественно на латинскую терминологию Томаса Гоббса, поскольку как трехчастный философский проект, так и наиболее зрелые версии «гражданской науки» (латинский «Левиафан») и эпистемологии Гоббса написаны на латинском языке.

6. Сразу отметим те ловушки, в которые легко попасть, когда мы начинаем употреблять понятие «безгосударственные общества», например, фиксируя описание Гоббсом жизни племен без «граждан-

ках» (*civitates*) в состоянии гражданской войны? мы всегда эмпирически наблюдаем столкновения *более-менее крупных групп*, а не *отдельных индивидов*, т. е. не «войну каждого с каждым» в точном смысле этого слова (Филиппов, 2009а: 111)? Некоторые (по-видимому, южноамериканские⁸) племена индейцев, согласно Гоббсу, живут в *почти* естественном состоянии

за исключением того, что они подчинены отцовским законам (*legibus paternis*) в малых семьях (*familias parvas*), каковое согласие семей (*familiarum concordia*) поддерживается (*sustenitur*) лишь [естественным] желанием (*Cupiditatum*) (Hobbes, 2012: 195).

Если некоторые сообщества живут в *почти* естественном состоянии, значит, некоторые «признаки» естественного состояния *наблюдаемы* в сообществах несмотря на то, что естественное состояние представляет собой некоторую «идеализацию» и «гипотетическую ситуацию»⁹. В аргументе естественного состояния сходятся три ключевых вопроса политической философии Томаса Гоббса, сохраняющие актуальность как для гоббсоведения, так и для современной политической философии и социальной теории. (1) Как соотносится с историко-политической действительностью «умозрительная» и «идеализирующая» аргументативная конструкция отсутствия «общей власти» как «войны всех против всех» («каждого против каждого») (Филиппов, 2009а: 111)? Почему Гоббс настаивает на (ограниченной) действительности модели естественного состояния, ее периодической *проявленности* в практической жизни? (2) В какой степени естественное состояние или «война каждого против каждого» является конрадикторной противоположностью «гражданского (политического) состояния»?¹⁰ Является ли естественное состояние неполитическим («асоциальным») состоянием *изолированных индивидов* или, скорее, схватывает специфические политические («социальные») аспекты и содержания *интеракций индивидов* (Филиппов, 2009б: 114–116)? (3) Далее, если естественное состояние конрадикторно противоположно гражданскому и является его абсолютной «изнанкой»: «война каждого с каждым» против «общего мира всех», то каким образом модель естественного состояния может обосновывать «гражданскую философию» (*philosophia civilis*), трактующую о гражданском состоянии как состоянии мира под общей властью (*potentia communis*) и законами?

ского общества» (*civitatis*). Подробнее о проблеме отсутствия и присутствия «общества» и «общности» в политической философии Гоббса см.: (Filipov, 2013; Hont, 2005: 20–22; 41–45).

7. Ключевые примеры естественного состояния в аргументации Гоббса в «Левиафане» см.: (Hobbes, 2012: 195).

8. Краткий обзор потенциально доступных Гоббсу этнографических материалов см.: (Hobbes, 2012: 195n2).

9. «Гоббс не описывает реальные события, он почти не обращается к реальной истории, но он имеет в виду то, что происходит в действительности» (Филиппов, 2009а: 111).

10. О том, что в «гражданской философии» Гоббса «конрадикторно» определяемые понятия начинают функционировать как конрактные см.: (Morris, 1987).

В сегодняшнем гоббсоведении можно выделить две основные стратегии разрешения комплекса проблем, связанных с понятием естественного состояния в философии Томаса Гоббса. Стратегия, характерная для современной аналитической философии, предполагает уточнение и корректировку аргумента Гоббса в соответствии с современными стандартами аргументации в политической философии (Kavka, 1986: 3; Hampton, 1986: 58; Vanderschraaf, 2019: 200). Альтернативная стратегия — попытаться понять аргумент естественного состояния *в соответствии* с той концепцией научного метода и «гражданской философии» (*philosophia civilis*), которую формулирует сам Гоббс¹¹. Принципиально, что его идеал «гражданской науки» недостижим для абсолютного большинства современных политических и социальных философов; иначе говоря, он ими недостижим, потому что он гораздо «слабее». Уникальность Гоббса обнаруживается в «смешении» (*impurity*), «нечистоте» его исследования: этот «смешивающий» (*impure*) способ исследования убедительно «накладывает» друг на друга и сопрягает различные, противоречащие друг другу с точки зрения современного философского анализа объяснительные модели¹². Я полагаю, что интерпретация модели естественного состояния *изнутри* представлений Гоббса о научном методе открывает значимые перспективы для уточнения и прояснения вопросов (1)–(3). Таким образом, непосредственная цель работы — установить эпистемологическое значение модели естественного состояния для «гражданской философии» (*philosophia civilis*) или «гражданской науки» (*scientia civilis*) Томаса Гоббса. Разрешение историко-философского вопроса оказывается здесь принципиально значимо для разрешения вопросов содержательных.

Сам Гоббс неоднократно утверждает, что именно он является изобретателем достоверно доказанной «гражданской философии» (*philosophia civilis*)¹³. Почему он полагает себя радикальным новатором в этой области, и какого рода знание представляет собой его «гражданская философия» или «гражданская наука»?¹⁴ Согласно Гоббсу, *philosophia civilis* представляет собой: (а) последовательно *доказанное знание* из очевидных первых начал (*principia*) или «первых определений»; (б) *конструктивное знание* о (действующих) «причинах справедливости» (*justitiae*

11. О достижениях сорбоннской (Ив-Шарль Зарка и др.) и кембриджской (Квентин Скиннер и др.) групп в исследованиях Гоббса см.: (Филиппов, 2009а: 103–104).

12. Основания для такой интерпретации этической и политической теории Гоббса как специфического, отличного от современной политической философии «способа исследования» (*mode of inquiry*) сформулированы в работах Нэнси Стрювер (Struever, 2009: 13–42). На русском языке о подходе Стрювер см.: (Иванова, Соколов, 2015).

13. «Но гражданская философия (*philosophia civilis*) является еще более недавним изобретением [чем физика], будучи не древнее [...], чем книга De Cive, которую я написал сам» (OL, I: xcxv). Ср.: «И если выяснится, что это [оптическое] учение истинно, то я заслужу репутацию первого, кто заложил основания (*lay the grounds*) двух наук: самой любопытной (*curious*), *Оптики*, и самой полезной (*profitable*) из всех, [науки] *Естественной справедливости* (*Natural Justice*)» (EW, VII: 471; *курсив авт.*).

14. О традиции понимания «гражданской науки» как *mathesis politica*, т. е. доказательно достоверного знания о «гражданских вещах», у Гоббса, и проблеме «оснований» для такого знания, у Гоббса, его оппонентов и последователей см.: (Иванова, Соколов, 2014: 115–149).

causas), то есть законах и соглашениях (*leges et pacta*) (OL, II: 94)¹⁵. Естественное состояние не является частью «гражданской философии» в собственном смысле, или «политики» (OL, I: 65), однако принадлежит к числу ее первых начал (*principia*) или «первых определений», поскольку

начала политики (*principia politicae*) состоят в постижении (*cognitione*) движений душ (*motuum animorum*), а постижение движений душ — в науке об ощущении и мышлении (*scientia sensuum et cogitationum*) (OL, I: 65).

В своем учении о методе Гоббс утверждает, что к естественному состоянию как «первым началам (*principia*) «политики» или конструктивной «гражданской науки» можно прийти как «синтетическим» методом, то есть начиная с «первых начал» (*primis principiiis*) философии через геометрию к этике (моральной философии) как части физики, занимающейся движениями душ (OL, I: 65), так и «аналитическим» методом, то есть «исходя из опыта наблюдения (*observantis experientia*) своих собственных движений [души] каждым» (Ibid.). Гоббс утверждает, что «аналитический» метод, который апеллирует к «самопознанию» как способу постижения «первых начал» (*principia*) «гражданской науки», также приводит всякого к модели войны «каждого против каждого»:

то, что, если желания людей и движения душ не принуждаются некоей властью, они подталкивают друг друга к войне (*bello se invicem persecuturi*), можно постичь (*cognosci potest*) через опыт рассмотрения (*examinantis experientiam*) своей собственной души каждым (OL, I: 66).

Естественное состояние оказывается в центре обоих способов обоснования «гражданской науки». Исходя из учения Гоббса о методе, естественное состояние занимает место «первых начал», или «первых определений» *scientia civilis*. К модели естественного состояния, или «войны каждого с каждым», можно прийти различными способами: как через исследование аффектов и мышления человека, так и через «самопознание» или «самонаблюдение» (Hobbes, 2012: 194)¹⁶. Во второй части работы я показываю, как естественное состояние оказывается связано с «естественной логикой» (*natural logic*), своего рода «первой философией» (*philosophia prima*) для «гражданской науки». «Естественная логика» представляет собой «пруденциальное», т. е. основанное на «благоразумии» (*prudentia*) знание¹⁷, предоставляющее «первые начала» (*principia*) или «первые определения» для «гражданской науки». Таким образом, «естественная логика» оказывается своеобразным эпи-

15. Подробнее о конструктивном идеале «гражданской науки» и интерпретации в эпистемологии Гоббса т.н. принципа «знания создателя» см.: (Malcolm, 2002; Pettit, 2008: 18–23; Jesseph, 2010).

16. Классические постановки проблемы оснований, или «фундамента» гражданской науки Гоббса см.: (Strauss, 2008: 19–43; Strauss, 1956). О двух способах «вывода» или обоснования гражданской науки см.: (Nierney, 1985).

17. Об отделении «благоразумия» и «науки», *prudentia* и *sapientia*, у Гоббса см.: (Филиппов, 2009б: 118–119).

стемологическим содержанием модели естественного состояния. В третьей части работы естественное состояние рассматривается как специфический «мысленный эксперимент», осуществляемый *внутри* практической действительности и позволяющий то, что Гоббс называет «аналитическим» постижением модели «войны каждого с каждым». Я показываю, что этот специфически практический «мысленный эксперимент» функционирует в точности как полуфикция в терминологии Ханса Файхингера, т. е. неформальная объяснительная модель, связывающая «возможное» и «действительное». Естественное состояние как полуфикция представляет собой не только контрафактический «предельный случай», объясняющий ряд возможных ситуаций, но также континуум квазинарративных описаний возможных ситуаций, ведущих к негативным последствиям, противостояниям воли и несогласиям во мнениях. В четвертой части показывается, как эти квазинарративные описания, включенные в модель естественного состояния, схватывает их интерпретация как «возможных историй», на что указывает сам Гоббс в трактате «О человеке» (OL, II: 100). Естественное состояние как «возможные истории» предоставляет для «гражданской философии» Томаса Гоббса «первые начала» (*principia*), которые начинают функционировать как базовый «диапазон возможностей» (*Spielraum* Вольфганга фон Криса), «непредвиденные» фактические последовательности событий, являющиеся неизбежным фоном, квалификацией всякого политического и юридического, т. е. «гражданского» действия. Прояснение эпистемологического значения естественного состояния для «гражданской науки» Томаса Гоббса, таким образом, открывает значимые перспективы для ответов на актуальные вопросы политической философии и эпистемологии социальных наук.

2. Естественное состояние и «естественная логика» Томаса Гоббса: «первая философия» для «гражданской науки»

Противопоставление двух типов знания, «благоразумия» (*prudentia*) и «науки» (*scientia/sapientia*), является одной из наиболее характерных и постоянных черт эпистемологии Гоббса. Отчетливо сформулированное уже в «Человеческой природе» (EW, IV: 26–27), оно воспроизводится примерно в том же виде и в поздних трактатах¹⁸. К области «благоразумия» (предвидения/дальновидности/предусмотрительности) принадлежит любой вывод, основанный на опыте. Когда мы

18. В то же время определения «науки» довольно существенно варьируются: от «очевидности истины, основанной на некотором начале или принципе ощущения (beginning or principle of sense)» (EW, IV: 28) в «Человеческой природе» к «познанию предмета на основании его причины» в более поздних трактатах «О теле» и «О человеке» (OL, I: 2; OL, II: 92). Ноэл Малколм в этой связи говорит о двух конфликтующих концепциях научного знания у Гоббса: ранней концепции «науки как знания смыслов» и более поздней, «науки как знания причин» (Malcolm, 2002: 152–155). Я полагаю, такое противопоставление недооценивает как расширительное понимание «причины» у Гоббса, так и его «каузальное» понимание «смыслов», т. е. последовательностей представлений (ср.: Pettit, 2008: 18–23). На русском языке о прагматическом содержании теории языка Томаса Гоббса см.: (Плешков, 2010).

предполагаем, что нечто (с высокой вероятностью) произойдет в будущем, или что нечто имело место быть в прошлом, то всегда остаемся в рамках «пруденциального» знания, поскольку «опыт не заключает ничего со всеобщностью» (EW, IV: 18). *Prudentia*, или «опытное знание» — это знание частных ситуаций, событий и последовательностей событий, т. е. *cognitio facti* (Hobbes, 2012: 99). *Scientia*, или «наука» — это условное («если .., то») знание, которое предоставляет «всеобщие» выводы (все возможные следствия) из установленных нами определений «всеобщих имен» (Hobbes, 2012: 99–101). На первый взгляд кажется, что *prudentia*, или «благоразумие» Гоббса — это почти интуитивно ясное понятие. События случаются, мы предполагаем те или иные их исходы, иногда наши предположения оказываются верными, иногда мы ошибаемся, и предположения нас подводят.

Более пристальное рассмотрение, однако, обнаруживает, что «благоразумие» (*prudentia*) играет в «науке» (*scientia*) Гоббса гораздо более значимую роль, чем подсказывает нам его классическое противопоставление и «формальное» исключение «благоразумия» из области «философии» или «науки» (OL, I: 3). Гоббс раз за разом повторяет — всякая «наука» (*scientia*) и всякое «доказательство» (*demonstratio*) начинается с определений, самих по себе недоказуемых (OL, I: 71–72)¹⁹. В своих формулировках он часто делает акцент на «произвольности» (в смысле волевого установления учителя и обучающегося науке) и «конвенциональности» первых определений²⁰. В других местах своих работ, однако, Гоббс прямо говорит, что «общего согласия» недостаточно для достоверности рассуждения²¹. Для корректности «первых определений» недостаточно только «согласия воле» учителя и обучающегося науке; помимо «общего согласия» эти определения должны соответствовать реально имеющимся у нас «последовательностям представлений»²². В «Шести уроках профессорам математики» Гоббс поясняет, что создание (точнее, «нахождение», *inventio*) первых определений — это задача именно естественного благоразумия (*natural prudence*), а не «науки» в строгом смысле:

19. О ключевом значении *prudentia* для ренессансных гражданских наук см.: (Росock, 2003: 1–31; Kahn, 1985; Garver, 1987). О повороте «гражданской науки» Гоббса от «благоразумия» к строгой логике см.: (Kahn, 1985: 152–182).

20. В набросках к «De Corpore» Гоббс предлагает следующую формулировку: «Первое утверждение [...] называют первым, поскольку оно есть первое в рассуждении; ведь ничто не может быть доказано, если имя вещи, которую исследуют, перед этим не было понято. Первые [утверждения] есть не что иное, как определения, или части определений; и они являются единственными началами доказательств, т. е. истинами, произведенными волей говорящего и слушающего (*veritates arbitrio loquentium audientiumque factae*)» (Hobbes, 1973: 467).

21. В «О гражданине» Гоббс утверждает, что все истины в вопросах права и философии зависят от «принятого употребления и общего согласия (*receptis usu et consensu communi*)» (OL, II: 412).

22. Например, в «Левиафане»: «ни рассуждение одного человека, ни рассуждение какого угодно числа людей не создает достоверность, точно так же как не создает достоверность подсчета то обстоятельство, что его единодушно одобрило большое число людей» (Гоббс, 1991: 31). В латинской версии трактата «единодушное одобрение» передается как «согласие многих» (*consensu multorum*) (Hobbes, 2012: 67).

«Обучение языку — это не математика, и не логика, и не физика, и никакая другая наука; и потому называть определение (как делаете Вы) математическим, или физическим, это свидетельство незнания, непростительного для профессора. Всякое учение (*doctrine*) начинается с понимания слов, и движется посредством рассуждения до тех пор, пока не придет к науке (*science*). Тот, кто изучает геометрию, обязан понимать термины прежде, чем он приступит к доказательству, и для этого понимания учитель ничего не доказывает, но лишь использует свое естественное благоразумие (*natural prudence*), как делают все люди, когда стремятся ясно донести смысл их слов» (EW, VII: 225-226).

Таким образом, одна из наиболее теоретически содержательных частей Гоббсовой *scientia* — «нахождение» (*inventio*) «первых начал» (*principia*), или «первых определений», исключается им из области «науки» или «философии» *stricto sensu* и рассматривается как активность, основанная на «естественном благоразумии» (*natural prudence*) учителя науки. Постигание «первых начал» той или иной науки не является частью *собственно* науки, а первая философия (*philosophia prima*) — это, строго говоря, «пруденциальное» знание:

Ведь определения — это первые начала (*principia*) наук (*scientiarum*), или первые предложения (*propositiones primae*) во всяком доказательстве (*demonstratione*); и если они не будут точными (*accuratae*), то все последующее окажется недостоверным (*incertae*) [...] Таким образом, необходимо изучить, как правильно создавать определения прежде всех наук (*omnes scientias*). Такое знание дела (*peritia*) или благоразумие верно определять (*prudencia recte definiendi*), которое приобретает опытом в употреблении слов, называется *Первой философией* (*Philosophia Prima*) (OL, IV: 26).

Например, то, что определение практического «благоразумия» Гоббсом представляется нам почти «интуитивно» понятным — это результат «естественного благоразумия» учителя в «нахождении» первых определений для «гражданской науки»²³. В случае «геометрии» «пруденциальная» пропедевтика, или «первая философия» (*philosophia prima*), представляет собой «нахождение» первых определений, проясняющих наши базовые представления о материальном мире: «тело», «движение», «количество», «математическое отношение» (*ratio*), «точка», «прямая», «плоскость» и т. д. В случае «гражданской науки» аналогом «первой философии», устанавливающей «первые начала» (*principia*) «науки», является «естественная логика» (*natural logic*) (EW, IV: 24)²⁴. В рамках своей теории «естественного

23. В «De Corpore» он говорит о том, что с помощью первых определений мы «возбуждаем в уме слушателя ясные и отчетливые идеи (*clarae et perfectae ideae*) или представления» (OL, I: 72), а также о соответствии первых «произвольных» определений «ощущению всех людей» (*sensu omnium hominum*) (OL, I: 11). Я не касаюсь здесь теории Гоббса об «определениях второго рода» или «конструктивных определениях», подробнее о ней см.: (Gauthier, 1997).

24. Наиболее детально эта теория «нахождения» первых определений изложена в поздних геометрических трактатах Гоббса (Hübener, 1977). Например, в «*Lux mathematica*» он пишет: «Определить термины всякой науки (*artis*) — не работа самой науки, и не какой-либо науки вообще: но, частью,

разума»²⁵ Гоббс стремится к установлению таких определений, которые стремятся наиболее точно зафиксировать наш *действительный опыт* практического мышления. Таким образом, Лео Штраус оказывается прав, когда говорит о «моральном базисе» (лучше было бы сказать, «пруденциальном базисе») гражданской науки Гоббса (Strauss, 2008: 19–43). То, чего Штраус, однако, не замечает и что приводит его к формулировке ложных дилемм в отношении интерпретации Гоббса (Strauss, 1956: 177) — это то, что «пруденциальный базис» является *общим* как для гражданской науки, так и для геометрии и естественной философии. «Естественная логика» Гоббса — это попросту «обратная сторона» его «первой философии», в которой «разнообразие движений» (*diversity of motions*) в наших представлениях рассматривается с целью познания наших когнитивных способностей, а не наших когнитивных способностей (OL, I: 82).

Исходным пунктом этой «естественной логики», отталкивающейся от принципа «познай себя» (*nosce teipsum*) (EW, IV: 26), является «мысленное рассуждение» (*discursion, mental discourse*). Наше «мысленное рассуждение» — это непосредственно переживаемое нами непрерывное движение представлений, которое всегда является *одновременно* аффективным и рациональным (Dumouchel, 1995). Аффекты и размышления имеют одинаковую природу (будучи представлениями) и действуют совместно во всяком «мысленном рассуждении»²⁶. Одной из ключевых стратегий в «нахождении» и стабилизации определений «естественной логики» является обращение Гоббса к когнитивным процессам животных. Животные способны к упорядоченным мысленным рассуждениям, способны понимать некоторые произвольные знаки, обладают благоразумием, обдумывают (*deliberate*) и имеют волю (Hobbes, 2012: 37, 93). Значимость этой стратегии особенно заметна в дискуссии Гоббса с Томасом Уайтом. Оппонируя классическим «топам» перипатетической теории познания и этики, которые воспроизводит Уайт, Гоббс раз за разом противопоставляет им свои «топы», определения, фиксирующие структурные аналогии человеческого и животного мышления (Hobbes, 1973: 351–356; 418–427). Как человеческое, так и животное «мышление» представляет собой не что иное, как «поток представлений», которые соединяются посредством базовых правил «практического вывода» (*practical inference*) из естественных знаков. «Разум» и «рассуждение», в строгом

естественного суждения (*judicii naturalis*), с помощью которого мы различаем, что в каждой вещи является сущностным (*essentialia*) и несущностным; частью, способности к нахождению (*ingenii ad inveniendum*) готовых слов и речей, посредством которых то, что во всякой вещи сущностно, уместно и подобающе (*proprie et adaequate*) обозначается» (OL, IV: 396).

25. Наиболее подробное исследование эпистемологических особенностей модели «естественной логики» Гоббса предложено Нэнси Стрювер (Struever, 2009: 25–36).

26. Как представляется, включающую «этику», «логику», «риторику» и основанную на них «политику» (Hobbes, 2012: 129). В латинском «Левиафане» все эти науки, согласно Гоббсу, «происходят из созерцания (*contemplatione*) людей и их способностей (*facultatium*)» (Hobbes, 2012: 129). В английской версии «Левиафана» эти же науки помещены в отдел «наук о человеке в особенности» раздела «естественной философии» (хотя «гражданская философия» повторена и в отдельном разделе) (Hobbes, 2012: 130–131).

смысле, это процессы «вывода» (*inference*) как (последовательное) «сложение» и «вычитание» представлений, в том числе «повседневные» нелингвистические «выводы»²⁷. «Естественная логика» Гоббса претендует на наиболее убедительное описание структур такого «повседневного» вывода (*inference*). Эти структуры являются общими для животных и людей, их корректное применение и представляет собой «благоразумие» (*prudentia*), то есть достаточность и насыщенность «практического опыта» для корректных заключений относительно «будущего исхода какого-либо действия» (*actionis futurum eventum*) (Hobbes, 2012: 43). «Естественный разум», о котором трактует «естественная логика» Гоббса, оказывается чем-то вроде набора структур «практического вывода», работающих с неупорядоченными и «недоверенными», множественными «естественными знаками» и «искусственными знаками».

Животное обладает той же «свободой воли», что и человек (EW, IV: 242–245). Человек отличается от животного отнюдь не тем, что способен контролировать свои аффекты, а тем, что его аффекты интенсивнее и разнообразнее, поскольку всегда ориентированы не только на действительное, но и на предвосхищаемое наслаждение (*foelicitas*) (Hobbes, 1973: 418–419)²⁸. Именно ориентация на предвосхищаемое наслаждение «интегрирует» обдумывание как последовательное колебание надежд и страхов (т. е. базовых аффектов) и практическое благоразумие как предвидение возможно большего числа негативных последствий тех или иных действий. Возможности и силы речи дополнительно интенсифицируют вариативность аффектов и ориентаций на возможные «наслаждения», в т. ч. мультиплицируют возможности «представляемых», предвосхищаемых наслаждений. «Биологизирующая» модель «естественной логики» конструируется Гоббсом с помощью ряда тесно связанных, определяемых друг через друга диалектических топов: «рассуждение», «благоразумие», «мнение», «обдумывание», «сила/власть», «честь», различные страсти и т. д.²⁹. Определения ключевых аффектов, с одной стороны,

27. Ср.: Récharman, 1990: 58–59. Собственно, отделить «мыслительные» (*cognitive*) силы духа (*mind*) от «движущих» (*motive*) можно лишь в предельном случае, с помощью мысленного эксперимента «уничтожения мира» (который сам, в свою очередь, направляется «страстью» любопытства), удостоверяющего прошлые представления агента и исключающего перспективу будущего целеполагания (EW, IV: 2–3).

28. То, что принципиальным ресурсом для этих определений-топов Гоббса являются биологические трактаты и «Риторика» самого Аристотеля, прекрасно продемонстрировано Нэнси Стрювер и рядом современных исследователей (Struever, 2009: 13–20; Zatta, 2012; Xia, 2023). О понятии «наслаждения» (или «счастья», *foelicitas*) как ключевом для антропологии и этики Гоббса см.: (Abizadeh, 2019).

29. Например, «обдумывание» представляет собой «мысленное рассуждение» о будущих действиях, разворачивающееся в последовательной смене аффектов; сами аффекты — это представления о будущем, а всякое представление о будущем — представление о силе (*power*), способной нечто произвести (EW, IV: 37); «честь» — признание «силы» (Ibid.). Речь идет не о разных «способностях», а о различных «рассмотрениях» (*considerations*) ключевого феномена — действительно переживаемого «потока представлений», включающего ряд параллельных процессов «мысленного рассуждения» от «причин» к «следствиям» и обратно и «обдумывания» от «целей» к «средствам» и обратно (ср.: Récharman, 1990: 61–65).

являются предельно обобщающими³⁰, с другой стороны — всегда сохраняют связь с фактичностью ситуаций «повседневного опыта», обыденным языком описания мышления и действия. Аффекты оказываются не просто индивидуальными состояниями сознания — это одновременно социальные детерминанты действия, порождающие сравнение и соревнование (OL, II: 159–160)³¹, создающие резонанс в собрании, толпе или «множестве» (Hobbes, 2012: 113–115; 409–411). Аффекты и мнения образуют континуум: «порождение [begetting] мнения и страсти — это одно и то же действие» (EW, IV: 75). Наша воля следует за нашими мнениями, но наши мнения не определяются нашей волей (EW, IV: 70).

Модель «естественной логики» оказывается удивительно чуткой к феноменам лицемерия, несогласия, враждебности в нашем действительном опыте. По выражению Нэнси Стрювер, эта модель «очерчивает герменевтику, необычайно чувствительную к дисфункции» (Struever, 2009: 25). Принципиальным достижением модели «естественной логики» Гоббса становится насыщенное описание «повседневных дисфункций» межперсонального взаимодействия, ориентированное на «фактичность» опыта, т. е. имеющее в виду почти неограниченную вариативность обстоятельств³². Гоббс начинает со «смутного» «потока представлений», и далее сопрягает в своих определениях-топах «биологию» и «риторику», «физиологические» и «когнитивные» (мотивационные) аспекты мышления и действия³³. Таким образом, ему удается достичь «насыщенного описания» динамичной и неустойчивой аффективной структуры, которая составляет «материю гражданских союзов» (*civitatis materia*) (OL, II: 145).

Принципиально, что естественное состояние, являющееся специфическим обобщением и краткой «суммой» «естественной логики» Гоббса — это не только политическое состояние непрерывной войны, но и эпистемическое состояние непрерывного несогласия³⁴. Благодаря «топической» естественной логике Гоббсу удается произвести такое «смещение» проблемы несогласия, которое по-прежнему недооценено в политической теории³⁵. Проблема оказывается не в том, являются

30. «Слава» (*glory*) оказывается любым представлением о своей «силе», превосходящей силу других (EW, IV: 40), страх — «всякое предвидение будущего зла» (OL, II: 161).

31. Ср. ту структуру взаимности, которую Гоббс обнаруживает уже в «естественной похоти» или сладострастии: «это вождение слагается из двух желаний: желания нравиться и желания получить удовольствие. Желание нравиться есть не чувственное, а удовольствие ума [joy of the mind], и состоит в представлении о своей способности доставить удовольствие другим» (EW, IV: 47–48).

32. Ср.: «о добре, или благе, говорят применительно к лицу, месту и времени [...], ибо природа добра и зла зависит от стечения конкретных обстоятельств (*συντυχίαν*) в вещах (OL, II: 97).

33. Тогда как современная систематическая философия видит в этом сопряжении «путаницу объяснительных моделей» (Peters, Tajfel, 1972: 174).

34. Собственно, одна из принципиальных характеристик естественного состояния заключается в том, что «каждый управляется своим собственным разумом» (Hobbes, 2012: 199) (ср.: Филиппов, 2009б: 115–116).

35. Ср. во многом противоположную тематизацию «несогласия» в политической философии Джона Ролза: несогласие признается в качестве фонового факта, но «резонное» (*reasonable*) несогласие сразу же строго отделяется от «нерезонного», «нерезонное» же объявляется философски неинтересным (Rawls, 2003).

ли несогласия и конфликты «рациональными» или «иррациональными», а в том, что «фактичность» конкретных обстоятельств, как правило, делает это противопоставление бессодержательным. То, что люди могут согласиться относительно некоторых общих определений, может лишь усугубить несогласия, возникающие в применении этих определений к конкретным ситуациям (EW, IV: 105; OL, II: 324–325). «Люди Гоббса» не могут выбирать, во что им верить, и не имеют (вне государства) стабильных источников ревизии своих убеждений помимо «непредвиденных несчастий, которые их постигают» (Hobbes, 2012: 959). Вместе с тем они постоянно, разнонаправленно и неупорядоченно влияют на убеждения друг друга. Действительность, или «фактичность» опыта оказывается истолкована таким образом, что реальные возможности для несогласия и конфликта в конкретных «стечениях обстоятельств» неизбежно обширны, тогда как согласие и солидарность (вне «принуждающего» гражданского союза) случайны и неизбежно неустойчивы. Знание о гражданских вещах (*scientia*), на создание которого претендует Гоббс, имеет свое начало или «начала» (*principia*) «в самом мраке сомнения» (OL, II: 138); в несогласиях, которые сомнения порождают. Знание о гражданских вещах требует согласие учителя и обучающегося науке относительно «первых принципов», или «первых определений». Такое согласие возможно с помощью порождения в ученике «очевидных» последовательностей представлений (EW, IV: 71). Знание о «гражданских вещах» требует наиболее убедительного прояснения, истолкования действительного *опыта несогласия* для ученика, которое только и может являться реальной мотивацией для принятия предложенных учителем «науки» специфических «первых начал» (*principia*) «гражданской науки»³⁶. Именно «пруденциальная» компонента «гражданской науки» как «естественная логика» развертывает модель естественного состояния и предоставляет «первые начала», или первые определения, от которых отталкивается собственно «научное» доказательство.

3. Естественное состояние как «мысленный эксперимент»

«Естественная логика» представляет собой модель мышления и действия, укорененную в повседневном языке и в понятных каждому «первых определениях». Эта модель оказывается последовательно связана с «первой философией», «геометрией» и «естественной философией» Гоббса. Каким же образом реализуется альтернативный, «аналитический» способ постижения «первых начал» «гражданской науки»? В этом случае Гоббс переходит к модели естественного состояния, *как бы напрямую* апеллируя к принципу *nosce teipsum*, т. е. к опыту непосредственного наблюдения за нашим поведением и поведением окружающих (Hobbes, 2012: 194–195). Гоббс утверждает, что непосредственный опыт еще раз убеждает нас в том, что естественное состояние представляет собой «войну всех против всех». В действительности, однако, в аргументе Гоббса апелляция к повседневному непосредствен-

36. Собственно, именно поэтому Гоббс говорит в «Левиафане» о том, что его знание о гражданских вещах «не имеет другого доказательства» (Hobbes, 2012: 21).

ному опыту постоянно соплагается с рядом *контрафактических ситуаций*. Он указывает на «повседневные примеры, дающие представление о естественном состоянии, на *действительные ситуации*: мы вооружаемся в путешествие, запираем двери от соседей, запираем сундуки от домашних. Но тут же приводит целый ряд *контрафактических ситуаций*: индейцы живут в *почти* естественном состоянии; гражданская война *дает представление* о естественном состоянии, не будучи действительной «войной каждого против каждого»; суверенные лица находятся в состоянии войны, но и это *не совсем* «война всех против всех» в точном смысле (Ibid.: 195–196).

Во вступлении к трактату «О гражданине» Гоббс говорит, что методологически корректное начало для достоверного знания о «гражданских вещах» — рассматривать государство (*civitas*), подобно часам в механическом исследовании, как «разобранное», «будто бы распавшееся» (*ut tanquam dissoluta*) (OL, II: 146). Это «как если бы» (*ut tanquam*) — свидетельство крайне специфической эпистемологической конструкции естественного состояния как «мысленного эксперимента». Например, мы можем говорить о «чисто естественном состоянии» (*statu mere naturali*), в котором невозможны отношения мать/отец — сын (OL, II: 164–165), поскольку «родительская власть» (*dominium paternum*) частично исключает состояние вражды «каждого с каждым» (OL, II: 255; EW, IV: 154–155). Однако в отношении действительных исторических повествований, будь то этнографическое описание жизни индейских племен или рассказ о гражданской войне, мы всегда имеем в виду *более или менее* «распавшееся» государство. Индейские племена находятся в *почти* естественном состоянии: чтобы представить естественное состояние в индейских племенах как *действительную ситуацию*, нам необходимо «мысленно отбросить» их «отцовские законы» (*leges paternis*) и аффективное «согласие» (*concordia*). Таким образом, мы обнаруживаем иные, *контрафактические ситуации* (последовательности событий), которые *мыслятся как возможные в действительности*, а не только в чисто гипотетической «предельной ситуации» или «идеальной модели».

Принципиально, что «мысленный эксперимент» Гоббса осуществляется *внутри* практической действительности³⁷. Всякая контрафактическая возможность (формулируемая с помощью модели естественного состояния) рассматривается как *частично реализованная*, то есть такая, которая происходила в прошлом или произойдет в будущем. С помощью модели естественного состояния Гоббсу удается понятийно фиксировать *динамически развертывающиеся процессы*, которые касаются установления и разрушения, «распада» гражданского порядка, удостоверяющего *эвентуальную возможность* состояний, «приближающихся» к «чисто естественному состоянию»³⁸. Определения «войны» и «мира» как исключających

37. Эта же теория «практической абстракции» присутствует в изложении «первых начал» (*principia*) геометрии Гоббса. Этот вопрос требует отдельного исследования.

38. «Естественное состояние войны всех против всех не надо понимать исторически конкретно [...] Но эта идеализация является идеализацией процесса, причем процесса генетического, порождающего новое» (Филиппов, 2009а: 111).

друг друга понятий (Hobbes, 2012: 193) скрывают «континуум», то есть различные возможные *степени, градации* гражданского беспорядка, задаваемые моделью естественного состояния (Lloyd, 2021). Например, затяжной юридический конфликт Карла I и депутатов парламента в 1640-х годах, который Гоббс называет «войной бумаг» (paper war) (EW, VI: 307), еще не является полноценной гражданской войной. Тем не менее как «война бумаг», так и последующая гражданская война может быть описана и упорядочена в некотором едином «континууме» («диапазоне») с помощью модели естественного состояния.

Важная работа Якоба Шмуца помещает проблему эпистемологической спецификации модели естественного состояния Гоббса как «мысленного эксперимента» в контекст теории научного использования фикций Ханса Файхингера (Vaihinger, 2021). Согласно Файхингеру, в науке можно выделить несколько принципиально различных способов функционирования понятий: полуфикции, фикции и гипотезы (Vaihinger, 2021: 77–82). Полуфикции представляют собой понятия, противоречащие действительности (контрафактические), но потенциально совместимые с ней³⁹. Фикции — понятия, в полном смысле *противоречащие* действительности⁴⁰, в числе которых Файхингер называет математические, юридические, некоторые метафизические и физические (относящиеся к теоретической физике) понятия. Тогда как

полуфикции полагают нереальное, полные фикции — невозможное [...] первые ведут себя контрафактически, вторые — в противоречии с фактами (Vaihinger, 2021: 73).

Гипотезы, в свою очередь, всегда направлены на реальность и имеют эмпирическое содержание, требуя эмпирической *верификации*, а не теоретического *обоснования* (Vaihinger, 2021: 80–81). Шмуц замечает, что иногда естественное состояние используется Гоббсом как фикция, значимая в контексте нормативного «обоснования»⁴¹, а иногда как гипотеза, имеющая эвристический потенциал в отношении объяснения эмпирических последовательностей событий (Schmutz, 2011: 533). Удивительным образом, Шмуц не рассматривает естественное состояние как полуфикцию, тогда как именно эта перспектива способна разрешить обозначенные выше интерпретативные противоречия. Интерпретация естественного состояния как неформальной объяснительной модели, являющейся полуфикцией, обнаруживает в этой модели рассмотрение ряда контрафактических *возможностей*,

39. В качестве примеров полуфикций Файхингер приводит «искусственную классификацию» (Карл Линней) и модель человеческого действия, основанную на понятии «личного интереса» (Адам Смит) (Vaihinger, 2021: 15–18).

40. Файхингер говорит также о логической самопротиворечивости полных фикций (Vaihinger, 2021: 71), однако это один из наиболее спорных аспектов его теории (подробнее см.: Appiah, 2017: 6–17). Принципиально не то, что подход Файхингера философски корректен, а то, что он замечательно глоссирует метод Гоббса.

41. Аналогично «вуали незнания» у Джона Ролза или рациональности как трансцендентальной presupпозиции дискурса у Юргена Хабермаса (Schmutz, 2011: 517–518).

мыслимых в связи с их потенциальной *реализацией* в практической *действительности*. Альтернативные последовательности событий и «исходы действий», которые фиксируются моделью естественного состояния, могут быть представлены как исторические повествования, этнографические повествования, поэтические и мифологические повествования. Тем не менее все эти разнородные повествования располагаются и упорядочиваются в «континууме» между устойчивым гражданским порядком и предельной ситуацией «войны каждого против каждого». Естественное состояние как полуфикция *проясняет* наличную в данный момент «фактическую» действительность, поскольку локализует ее в «континууме» между войной и миром, определенным образом упорядоченного «диапазона» контрафактических возможностей.

Я полагаю, что естественное состояние Гоббса, специфически «практический», то есть ориентированный на практическую действительность «мысленный эксперимент», функционирует в рамках его метода как полуфикция. Такая интерпретация позволяет уточнить и скорректировать теорию использования Гоббсом «мысленных экспериментов». В своем фундаментальном исследовании трансформации методологии «мысленных экспериментов» от «Физики» Аристотеля до «Диалога о двух системах мира» Галилео Амос Функенштайн показывает, что важнейшей новацией ранненовременного понимания «мысленных экспериментов» являлась та объяснительная функция, которой наделялась моделируемая с помощью ряда контрафактических предположений «идеальная ситуация» (Funkenstein, 1986: 152–179). Таким образом, в «новой науке» Галилео контрафактически моделируемые идеальные условия «мысленного эксперимента» (свободное падение двух связанных тел) представляют собой «предельный случай» (limiting case), который является «идеализацией», но объясняет целый ряд *действительных* положений дел. Функенштайн полагает, что методология мысленных экспериментов Гоббса аналогична «теории идеализации» Галилео, и естественное состояние также является «предельным случаем» (limiting case) (Funkenstein, 1986: 337). Интерпретация естественного состояния как полуфикции, однако, подчеркивает *различия* между физико-математическим «мысленным экспериментом» Галилео и моделью естественного состояния как «практической абстракции». «Предельные случаи» Галилео представляют собой «идеальные» положения дел как *сами по себе невозможные в действительности*, но *объясняющие все возможные в действительности* положения дел, поскольку они моделируют («абстрагируют») исключительно универсальные характеристики положений дел (например, движения).

Файхингер называет такие принципы теоретической абстракции «фиктивной изоляцией» и классифицирует их как полные фикции (Vaihinger, 2021: 181). «Мысленный эксперимент» Гоббса *annihilatio mundi* действительно является в собственном смысле *фикцией* (*ficta universi sublatione*) и выполняет аналогичную роль «невозможного» положения дел, объясняющего всякое возможное восприятие изменения (OL, I: 81–82). С другой стороны, естественное состояние как полуфикция, своеобразный «мысленный эксперимент» *внутри* действи-

тельности, всегда ориентируется на «фактичность» практической реальности и предлагает совершенно иное направление «абстрагирования» и объяснения. Набор контрафактических возможностей, формулируемых в модели естественного состояния, проясняет и упорядочивает наличную «фактичность» частных «исходов действий», т. е. вариативность конкретных «стечений обстоятельств» (συντυχία). «Континуум» войны и мира, набор контрафактических, но (эвентуально) «реальных» возможностей позволяет приблизительно установить имеющуюся в действительности и ожидаемую в будущем «градацию» войны и гражданского порядка. В рамках естественного состояния как «практической абстракции» достаточно «неопределенные» фактические частные *действительные* ситуации оказываются локализованы в диапазоне *конкретных контингентных возможностей*. «Мысленный эксперимент» Галилео как «теоретическая абстракция», напротив, объясняет *действительность* (закона свободного падения) посредством *невозможного* положения дел, моделирующего *универсальные необходимые возможности*. Естественное состояние как полуфикция и неформальная объяснительная модель сопрягает частное и общее «без исчезновения частного» (Struever, 2009: 28). Эта модель, устроенная как «диапазон» контрафактических возможностей, не устанавливает *всеобщие и необходимые* положения дел (подобно физико-математическому объяснению), а обобщает единичные и контингентные последовательности событий.

4. Естественное состояние как «возможные истории»: «диапазон возможностей» (Spielraum) для «гражданской науки»

Два способа постижения «первых начал» (*principia*) «гражданской науки» *дополняют* друг друга и представляют достаточно связанное и последовательное прояснение модели естественного состояния. В трактате «О человеке» Гоббс, рассуждая о пользе истории, еще раз касается оснований своей «гражданской науки»:

Гуманитарные знания (*literae*), особенно языки и истории, являются благом (*bonum*), ибо они радуют дух. Они также полезны, особенно истории: ведь истории предоставляют нам те наблюдения и опыты (*experimenta*), на которых основаны (*innituntur*) знания о причинах (*scientiae causarum*). Как естественная история [предоставляет наблюдения и опыты] для физики, так гражданские истории (*historiae civiles*) — для науки о государстве и морали (*Scientia Civili & Morali*); причем как истинные истории, так и ложные, если только они не являются невозможными (*modo non sint impossibiles*). Ибо в науках мы ищем причины не столько того, что было, сколько того, что могло бы произойти (OL, II: 100).

В контексте этого фрагмента модель естественного состояния оказывается истолкована как «возможные истории». Разнородные примеры «частичной» реализации естественного состояния *в практической действительности*, которые приводит

Гоббс⁴², объединяет именно то, что в рамках его теории действия («естественной логики») эти примеры являются *эвентуально возможными*. Таким образом, в модели естественного состояния оказываются суммированы «возможные истории» как повествования об «установлениях» и «распадах» гражданского порядка, «колебаниях» войны и мира, релевантные как для прошлого, так и для настоящего и будущего. Естественное состояние как объяснительная модель, состоящая из «возможных историй», *динамизирует* границу между «войной» и «миром», «естественным» и «гражданским», устраняет между ними непреодолимую «цезуру»⁴³. Модель естественного состояния очерчивает событийный фон для «гражданской науки», в рамках которого *всегда возможен* переход от «войны» к «миру» и обратно. Рассмотрение государств «как если бы» они распались в пределах связанной теории «человеческой природы» стабилизирует структуры контрафактического «исторического воображения». «Действительность», т. е. переживаемые нами конкретные, «фактические» ситуации, оказывается локализована в ряду «возможностей», представленных контрафактическими историческими повествованиями. Эти контрафактические повествования являются в точности разнородными «историями, которые, будучи как истинными, так и ложными, не являются невозможными» (OL, II: 100).

«Естественное состояние» как объяснительная модель представляет собой набор неформальных, «аналогических» объяснений, сопрягающих различные контрафактические исторические повествования. Эти «аналогические» объяснения особенно чувствительны к динамике переходов между «войной» и «миром». *Естественное состояние*, таким образом, оказывается наброском статистического «диапазона возможностей» (Spielraum) в смысле, удивительно близком к понятию Spielraum Иоганна фон Криса⁴⁴. Естественное состояние как «диапазон возможностей» расположено в области «онтологических», то есть конкретных и единичных детерминант вероятности «массовых контингентных событий» (kontingente Massenerscheinungen). Эти конкретные, «онтологические» детерминанты вероятности реализации контингентных событий определяются фон Крисом как «объективные возможности» (von Kries, 1886: 86–88). Естественное состояние обретает *определенный* «темпоральный горизонт». Этот темпоральный горизонт конституирован как «диапазон» возможных повествований, компилирующий повествования о «гражданских» дисфункциях и «коммуникативных» провалах. «Непредвиденные последствия», нежелательные «исходы действий» способны «вторгнуться» в последовательность событий на каждом ее «шаге» (Hobbes, 1973: 331–332). В модели естественного состояния оказывается элегантно сформулирована «статисти-

42. И которые включают повседневный опыт межперсонального взаимодействия, священную историю, этнографические описания и интерпретации мифов.

43. См.: Филиппов 2009а: 111. Ср.: Koselleck, 1976: 31–32; Walton, 1987.

44. Лучшая работа, посвященная значению теории «онтологической вероятности» фон Криса для современной юриспруденции и социологии, см.: (Lübbe, 1993). Более общие эпистемологические контексты теории фон Криса см.: (Fioretti 2001; Pulte 2016).

ческая»⁴⁵ вероятностная модель, которая ориентируется на «частотность» происходящих последовательностей событий.

Модель, имеющая в виду постоянную и *частотную динамику войны и мира, неустойчивость* всякого «гражданского порядка», позволяет прояснить понятие специфически «гражданской» (или *политической*) *возможности*. Всегда сохраняющиеся «негативные возможности» гражданской и политической жизни как «первые начала» гражданской науки позволяют далее сформировать понятие о «гражданской» («политической») *необходимости* и «гражданских» *невозможностях*. Например, ряд контрафактических аргументов в XVII главе «Левиафана», исходящий из модели естественного состояния, приводит к заключению, что «мир без подчинения» представляет собой *практическую невозможность* (Hobbes, 2012: 255–263). Альтернативные возможности, возможности «войны» всегда присутствуют в «темпоральном горизонте» как реальные практические возможности *иного* развития ситуации, *иной* последовательности событий, *иного* оборота дел, который был бы достаточно близок к произошедшему, но повлек бы за собой *иные* последствия, нарушил бы «устойчивость» ситуации, т. е. привычные и предсказуемые регулярности событий.

«Частное» и «общее» в «возможных историях» Гоббса связываются посредством теории, фиксирующей процессы нашего повседневного «практического вывода» (practical inference). «Естественная логика» Гоббса, «герменевтика» нашего «потока представлений», наполняет содержанием модель естественного состояния. Гоббс в своей теории «первых начал» оригинально развивает и трансформирует филиппо-рамистскую традицию ренессансной диалектики как неформальной «теории доказуемости» и «теории убедительности» (Risse, 1960: 40). В рамках модели естественного состояния Гоббсу удается достигнуть в исследовании «гражданских вещей» специфического «союза диалектики и риторики» (Struever, 2009: 28). Анализ модели естественного состояния как «возможных историй» приводит к двум принципиальным вопросам, значимым как для конструкции «гражданской науки» Гоббса, так и для современных исследований в области эпистемологии наук о действии. Первый вопрос касается трансформаций практической «субъектности» (agency), которая переопределяется в модели естественного состояния как неопределенное «множество» (*multitudo*)⁴⁶. Вторым вопросом касается модального статуса «предельных» юридических понятий в «гражданской науке» Гоббса («естественное право», «суверенитет», закон *salus populi*) и их взаимодействия со «статистической» (частотной) объяснительной моделью «естественного состояния». С помощью модели естественного состояния как «возможных историй», Гоббс ярко показывает проблематичность опознания

45. В смысле ориентации на «частотность» происходящих событий или последовательностей событий. Например, в этом смысле Яаакко Хинтикакка говорит о «статистической модели модальностей» у Аристотеля (см.: Hintikka, 1973: 93–113).

46. О «статистической модели множества» в гражданской науке Томаса Гоббса см.: (Stuever, 2009: 40).

граждански «своего» и «чужого», их регулярную «локальную» неразличимость, дисфункцию нашей способности различия «моего» и «твоего» в конкретных «стечениях обстоятельств» (συντυχίης).

Рассмотрение модальных импликаций естественного состояния и «предельных» понятий публичного права в «гражданской науке» Гоббса является перспективным исследовательским проектом, способным значимым образом уточнить наши современные концептуализации «нормативности» и «фактичности», возможности для их «сопряжения» в рамках современных «социальных наук» как «наук о человеке». Учение об «онтологической вероятности» фон Криса проясняет специфику «естественного состояния» как «статистической», ориентированной на темпоральные регулярности модели. Современные (достаточно разнородные по происхождению) аналитические инструменты модальной эпистемологии XX века (Иоганн фон Крис, Николас Решер, Яаакко Хинтикка) способны уточнить не только частные «прозрения» Гоббса, «по случайности» оставшиеся актуальными и сегодня, но и основные понятия его «научного метода» в общем контексте его специфически «практической» эпистемологии. Та область референции, которую очерчивает модель естественного состояния, остается принципиально недоопределена. Это создает достаточную свободу для исторической герменевтики реальных политико-юридических положений дел. «Война» оказывается способна существовать «внутри» «мира», а «внутри» (гражданского) мира всегда существуют локальные ситуации «войны». Всякая «война бумаг» (paper war) всегда *может* стать «гражданской войной» (civil war).

Литература

- Иванова Ю. В., Соколов П. В. (2014). Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига.
- Иванова Ю. В., Соколов П. В. (2015). Нэнси С. Стрювер и «упущенные возможности Модерна»: гражданские науки раннего Нового времени как объект «риторики модальностей» // Вопросы философии. Т. № 6. С. 26–36.
- Плешков А. А. (2011). Статус языка в политической философии Томаса Гоббса // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 29–40.
- Филиппов А. Ф. (2009а). Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 102–112.
- Филиппов А. Ф. (2009б). Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 113–122.
- Appiah K. A. (2017). As If: Idealization and Ideals. Cambridge: Harvard University Press.
- Dumouchel p. (1995). Voir et craindre un lion // Rue Descartes. Vol. 5. № 12/13. P. 92–105.
- Filippov A. F. (2013). The other ‘Hobbes’ people’: An alternative reading of Hobbes // Journal of Classical Sociology. Vol. 13. № 1. P. 113–135.
- Fioretti G. (2001). Von Kries and the Other ‘German Logicians’: Non-numerical Probabilities before Keynes // Economics & Philosophy. Vol. 17. № 2. P. 245–273.

- Funkenstein A.* (1986). *Theology and Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Garver E.* (1987). *Machiavelli and the History of Prudence*. Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Gauthier D.* (1997). *Hobbes and Demonstration and Construction* // *Journal of the History of Philosophy*. Vol. 35. № 4. P. 509–521.
- Hamilton J. J.* (2013). *The Origins of Hobbes's State of Nature* // *Hobbes Studies*. Vol. 26. № 2. P. 152–170.
- Hampton J.* (1986). *Hobbes and the Social Contract Tradition*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Hintikka J.* (1973). *Time & Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality*. Oxford: Clarendon Press.
- Hobbes T.* (1839-1845a). *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, 11 vols. London: Bohn.
- Hobbes T.* (1839-1845b). *Opera philosophica quae latine scripsit*, 5 vols. London: Bohn.
- Hobbes T.* (1973). *Critique du De mundo de Thomas White* / J. Jacquot, H. W. Jones (eds.). Paris: Vrin.
- Hobbes T.* (2012). *Leviathan. Volume 2 & 3* / N. Malcolm (ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Hont I.* (2005). *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge: Belknap Press.
- Hübener W.* (1977). *Ist Thomas Hobbes Ultranominalist gewesen?* // *Studia Leibnitiana*. Vol. 9. № 1. P. 77–100.
- Jesseph D.* (2010). *Scientia in Hobbes* // *Scientia in Early Modern Philosophy: Seventeenth-Century Thinkers on Demonstrative Knowledge from First Principles* / T. Sorell, J. Rogers Kraye (eds.). Dordrecht: Springer.
- Kahn V.* (1987). *Rhetoric, Prudence, and Skepticism in the Renaissance*. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Kavka G.* (1986). *Hobbesian Moral and Political Theory*. Princeton: Princeton University Press.
- Koselleck R.* (1976). *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. Baden-Baden: Suhrkamp.
- Lloyd S. A.* (2021). *The State of Nature as a Continuum Concept* // *A Companion to Hobbes* / M. P. Adams (ed.). Hoboken: Wiley.
- Lübbe W.* (1993). *Die Theorie der adäquaten Verursachung. Zum Verhältnis von philosophischem und juristischem Kausalitätsbegriff* // *Journal for General Philosophy of Science*. Vol. 24. № 1. P. 87–102.
- Malcolm N.* (2002). *Aspects of Hobbes*. N. Y.: Oxford University Press.
- Morris B.* (1987). *Hobbes's Entanglement with the Excluded Middle in his Theory of Man and Politics* // (eds.) *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* / C. Walton, P. J. Johnson. Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers. P. 89–98.
- Nierney G.* (1985). *Hobbes: The Twofold Grounding of Civil Philosophy* // *History of Philosophy Quarterly*. Vol. 2. № 4. P. 395–409.

- Pécharman M.* (1990). Philosophie première et théorie de l'action selon Hobbes // Thomas Hobbes. Philosophie première, théorie de la science et politique / J. Bernhardt, Y.-C. Zarka (eds.). Paris: PUF. P. 47–66.
- Peters R. S., Tajfel H.* (1972). Hobbes & Hull: Metaphysicians of Behavior // Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays / M. Cranston, R. S. Peters (eds.). N. Y.: Anchor Books. P. 165–183.
- Pettit p.* (2008). Made with Words: Hobbes on Language, Mind and Politics. Princeton: Princeton University Press.
- Pocock J. G. A.* (2003). The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press.
- Prins J.* (1988). The Influence of Agricola and Melanchthon on Hobbes' Early Philosophy of Science // Rodolphus Agricola Phrisius, 1444–1485: Proceedings of the International Conference at the University of Groningen 28-30 October 1985 / F. Akkerman, A. J. Vanderjagt (eds.). Leiden: Brill. P. 293–301.
- Pulte H.* (2016). Johannes von Kries's Objective Probability as a Semi-classical Concept. Prehistory, Preconditions and Problems of a Progressive Idea // Journal for General Philosophy of Science. Vol. 47. № 1. P. 109–129.
- Rawls J.* (2003). The Domain of the Political and Overlapping Consensus // Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology / D. Matravers, J. Pike (eds.). London & N. Y.: Routledge. P. 160–181.
- Rigotti E., Greco S.* (2019). Inference in Argumentation: A Topics-Based Approach to Argument Schemes. Dordrecht: Springer.
- Risse W.* (1960). Die Entwicklung der der Dialektik bei Petrus Ramus // Archiv für Geschichte der Philosophie. Vol. 42. № 1. P. 36–72.
- Schmutz J.* (2006). Épistémologie de la fiction: Thomas Hobbes et Hans Vaihinger // Les Études philosophiques. Vol. 79. № 4. P. 517–535.
- Strauss L.* (1956). What is Political Philosophy? And Other Studies. Chicago/London: University of Chicago Press.
- Strauss L.* (2008). Gesammelte Schriften. Bd 3. Hobbes's politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe, 2nd ed. Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Struever N. S.* (2009). Rhetoric. Modality. Modernity. Chicago: Chicago University Press.
- Vaihinger H.* (2021 [1924]). The Philosophy of 'As If'. London & N. Y.: Routledge.
- Vanderschraaf p.* (2019). The Character and Significance of the State of Nature // Interpreting Hobbes's Political Philosophy / S. Lloyd (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 191–205.
- Walton C.* (1987). Hobbes on the Natural and Artificial // Hobbes's 'Science of Natural Justice' / C. Walton, P. J. Johnson (eds.). Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers. P. 71–89.
- Xia E.* (2023). 'The Greeks Call It Horme': Hobbes anti-Aristotelian Account of Human Action // History of European Ideas. Vol. 49. № 8. P. 1316–1331.
- Zatta C.* (2019). The Desire to Live. Aristotle's Animals in Hobbes's Philosophy of Man // (eds.) Thinking the Greeks. A Volume in Honour of James M / B. M. King, L. Doherty. Redfield. London/N. Y.: Routledge.

State of Nature as “Possible Histories” in Thomas Hobbes’ “Civil Science”

Alexandr Mikhailovskiy

Post-graduate at the School of Philosophy, HSE University; Junior Research Fellow at Centre for Interdisciplinary Research of The Moscow Institute of Physics and Technology University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000; Institutskiy per. 9, Dolgoprudny, 141700, Russian Federation

E-mail: amihaylovskiy@hse.ru

The article deals with the Hobbesian state of nature as a foundational model for his epistemic ideal of “civil science.” The first part elucidates the state of nature argument in the context of the Hobbesian “innovative” definition of “civil philosophy” (*philosophia civilis*) which significantly differs in argumentative standards from contemporary ethics and political philosophy. The second part connects the Hobbesian state of nature and his “natural logic” as specific forms of “first philosophy” concerned with the stabilization of “first definitions” for “civil science”, necessary for “civil science” proper but not a part of it. The third part introduces the state of nature in Hobbes as a “practical” thought experiment made possible by specific observations of our own everyday experience revealed as self-knowledge. Here, the state of nature functions as Hans Vaihinger’s half-fiction, that is, as an informal explanatory model connecting counterfactual possibilities and actuality. The connection occurs in the form of an elaborate “thought experiment” *inside* actuality, providing not only the counterfactual “limiting case” explaining a range of possible situations, but also a continuum of quasi-narrative descriptions of possible situations and courses of events leading to negative consequences, namely, to controversy in opinions and contention in wills. The fourth part shows how these quasi-narrative descriptions are captured by an understanding of the state of nature model as “possible histories”, providing the basic “range of possibilities” (*Spielraum* in the sense of Wolfgang von Kries) for Hobbesian “civil science” proper as a science of public right. The state of nature as “*Spielraum*” allows us to capture specifically *political* possibilities which form the background for Hobbesian “civil science.” Therefore, the state of nature model provides the “first principles” for the Hobbesian constructive “civil science” in the form of an elaborate probabilistic model.

Keywords: Thomas Hobbes, State of Nature, Natural Logic, Thought Experiment, Counterfactual Argumentation, Half-fiction, *Spielraum*

References

- Appiah K. A. (2017) *As If: Idealization and Ideals*, Cambridge: Harvard University Press.
- Dumouchel p. (1995) Voir et craindre un lion. *Rue Descartes*, vol. 5, no 12/13, pp. 92–105.
- Filippov A. (2009a) Aktual’nost’ filosofii Gobbssa. Stat’ja pervaja [Relevance of Hobbes’s Philosophy. First Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 102–112.
- Filippov A. (2009b) Aktual’nost’ filosofii Gobbssa. Stat’ja vtoraia [Relevance of Hobbes’s Philosophy. Second Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 113–122.
- Filippov A. (2013) The other ‘Hobbes’ people’: An alternative reading of Hobbes. *Journal of Classical Sociology*, vol. 13, no 1, pp. 113–135.
- Fioretti G. (2001) Von Kries and the Other ‘German Logicians’: Non-numerical Probabilities before Keynes. *Economics & Philosophy*, vol. 17, no 2, pp. 245–273.
- Funkenstein A. (1986) *Theology and Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Garver E. (1987) *Machiavelli and the History of Prudence*, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Gauthier D. (1997) Hobbes and Demonstration and Construction. *Journal of the History of Philosophy*, vol. 35, no 4, pp. 509–521.
- Hamilton J.J. (2013) The Origins of Hobbes’s State of Nature. *Hobbes Studies*, vol. 26, no 2, pp. 152–170.
- Hampton J. (1986) *Hobbes and the Social Contract Tradition*, N.Y.: Cambridge University Press.

- Hintikka J. (1973) *Time & Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality*, Oxford: Clarendon Press.
- Hobbes T. (1839-1845a) *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*. 11 vols., London: Bohn.
- Hobbes T. (1839-1845b) *Opera philosophica quae latine scripsit*. 5 vols, London: Bohn.
- Hobbes T. (1973) *Critique du De mundo de Thomas White* (eds. J. Jacquot, H.W. Jones), Paris: Vrin.
- Hobbes T. (2012) *Leviathan*. Volume 2 & 3 (ed. N. Malcolm), Oxford: Clarendon Press.
- Hont I. (2005) *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*, Cambridge: Belknap Press.
- Hübener W. (1977) Ist Thomas Hobbes Ultranomalist gewesen? *Studia Leibnitiana*, vol. 9, no 1, pp. 77–100.
- Ivanova J., Sokolov p. (2014) *Krome Makiavelli. Problema metoda v politicheskikh naukah rannego Novogo vremeni* [Beyond Machiavelli. Problem of Method in Early Modern Civil Sciences], Moscow: Kvadriga.
- Ivanova J., Sokolov p. (2015) Njensi S. Str'juver i «upushhenye vozmozhnosti Moderna»: grazhdanskie nauki rannego Novogo vremeni kak objekt « ritoriki modal'nostej » [Nancy S. Struever and Missed "Possibilities in the Modern Inquiry": the Early Modern Civil Sciences as an Object of the "Modal Rhetoric"]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 26–36.
- Jesseph D. (2010) Scientia in Hobbes. *Scientia in Early Modern Philosophy: Seventeenth-Century Thinkers on Demonstrative Knowledge from First Principles* (eds. T. Sorell, G. Rogers, J. Krave), Dordrecht: Springer.
- Kahn V. (1987) *Rhetoric, Prudence, and Skepticism in the Renaissance*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Kavka G. (1986) *Hobbesian Moral and Political Theory*, Princeton: Princeton University Press.
- Koselleck R. (1976) *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*, Baden-Baden: Suhrkamp.
- Lloyd S. A. (2021) The State of Nature as a Continuum Concept. *A Companion to Hobbes* (ed. M. P. Adams), Hoboken: Wiley.
- Lübbe W. (1993) Die Theorie der adäquaten Verursachung. Zum Verhältnis von philosophischem und juristischem Kausalitätsbegriff. *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 24, no 1, pp. 87–102.
- Malcolm N. (2002) *Aspects of Hobbes*, N.Y.: Oxford University Press.
- Morris B. (1987) Hobbes's Entanglement with the Excluded Middle in his Theory of Man and Politics. *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* (eds. Walton, C, Johnson, P.J.), Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers, pp. 89–98.
- Nierney G. (1985) Hobbes: The Twofold Grounding of Civil Philosophy. *History of Philosophy Quarterly*, vol. 2, no 4, pp. 395–409.
- Peters R. S., Tajfel H. (1972) Hobbes & Hull: Metaphysicians of Behavior. *Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays* (eds. M. Cranston, R. S. Peters), N.Y.: Anchor Books, pp. 165–183.
- Pettit p. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind and Politics*, Princeton: Princeton University Press.
- Pécharman M. (1990) Philosophie première et théorie de l'action selon Hobbes. *Thomas Hobbes. Philosophie première, théorie de la science et politique* (eds. Bernhardt, J., Zarka, Y.-C.), Paris: PUF, pp. 47–66.
- Pleshkov A. (2011) Status jazyka v politicheskoy filosofii Tomasa Gobbssa [Status of Language in Thomas Hobbes' Political Philosophy], *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 29–39.
- Pocock J. G. A. (2003) *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton: Princeton University Press.
- Prins J. (1988) The Influence of Agricola and Melanchthon on Hobbes' Early Philosophy of Science. *Rodolphus Agricola Phrisius, 1444–1485: Proceedings of the International Conference at the University of Groningen 28-30 October 1985* (eds. Akkerman, F., Vanderjagt, A. J.), Leiden: Brill, pp. 293–301.
- Pulte H. (2016) Johannes von Kries's Objective Probability as a Semi-classical Concept. Prehistory, Preconditions and Problems of a Progressive Idea. *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 47, no 1, pp. 109–129.
- Rawls J. (2003) The Domain of the Political and Overlapping Consensus. *Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology* (eds. D. Matravers, J. Pike), London & N.Y.: Routledge, p. 160–181.

- Rigotti E., Greco S. (2019) *Inference in Argumentation: A Topics-Based Approach to Argument Schemes*, Dordrecht: Springer.
- Risse W. (1960) Die Entwicklung der der Dialektik bei Petrus Ramus. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, vol. 42, no 1, pp. 36–72.
- Schmutz J. (2006) Épistémologie de la fiction: Thomas Hobbes et Hans Vaihinger. *Les Études philosophiques*, vol. 79, no 4, pp. 517–535.
- Strauss L. (1956) *What is Political Philosophy? And Other Studies*, Chicago/London: University of Chicago Press.
- Strauss L. (2008) Gesammelte Schriften. Bd 3. *Hobbes's politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe*, 2nd ed, Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Struever N. S. (2009) *Rhetoric. Modality. Modernity*, Chicago: Chicago University Press.
- Vaihinger H. (2021 [1924]) *The Philosophy of 'As If'*, London/N.Y.: Routledge.
- Vanderschraaf p. (2019) The Character and Significance of the State of Nature. *Interpreting Hobbes's Political Philosophy* (ed. S. Lloyd), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 191-205.
- Walton C. (1987) Hobbes on the Natural and Artificial. *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* (eds. Walton, C., Johnson, P.J.), Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers, pp. 71-89.
- Xia E. (2023) 'The Greeks Call It Horne': Hobbes anti-Aristotelian Account of Human Action. *History of European Ideas*, vol. 49, no 8, pp. 1316–1331.
- Zatta C. (2019) The Desire to Live. Aristotle's Animals in Hobbes's Philosophy of Man. *Thinking the Greeks. A Volume in Honour of James M. Redfield* (eds. B. M. King, L. Doherty.), London/N.Y.: Routledge.

Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору

Мария Сидорова

Кандидат философских наук, старший преподаватель Московской высшей школы
социальных и экономических наук (МВШСЭН)

Адрес: Газетный переулок 3-5, Москва, 125009 Российская Федерация

E-mail: msi.8883@gmail.com

У Поля Рикёра нет текста, в котором герменевтика действия была бы представлена в виде целостной концепции. Однако, разрабатывая собственный проект герменевтической философии, Рикёр постоянно обращается к проблематике действия. В статье проанализирована герменевтика действия французского философа как теория, сформированная в два этапа: герменевтики социального действия и герменевтики действия в концепции «человека способного». В исследовании выявлено, что: (а) герменевтика социального действия состоит из семантики и поэтики действия, а ее фундаментом является герменевтика текста; (б) герменевтика действия в концепции «человека способного» есть результат ответов Рикёра на четыре вопроса о «кто» *самости*: «Кто говорит?», «Кто действует?», «Кто рассказывает о себе?», «Кто является моральным субъектом вменения?»; (в) указанные теории дают разные ответы на вопрос о субъекте, осмысляющем действие. Кто придает действию смысл? В статье показано, что в герменевтике социального действия им является интерпретатор, а в концепции «человека способного» — актер. Интерпретатор — это читатель и создатель социального смысла действия. Его роль Рикёр отдает представителям общественных наук (историкам или социологам). Актор — это *самость* или *способный что-либо делать* субъект, приписывающий смысл своим поступкам и несущий за них ответственность. В итоге герменевтика действия представлена у Рикёра в виде концепции, объединяющей различные темы его творчества (в частности, герменевтику текста и теорию нарратива, феноменологию *самости* и этику), а также — различные философские подходы к действию: англосаксонский и континентальный. Результаты исследования могут использоваться для изучения, анализа как герменевтики Рикёра, так и истории философии действия в целом.

Ключевые слова: действие, герменевтика, текст, нарратив, символ, «человек способный», ответственность, этика

Поль Рикёр занимает важное место среди представителей философской герменевтики. Его вклад в эту дисциплину связан с идеей «прививки герменевтики к феноменологии» (Рикёр, 2002: 36). Философ видит следующую взаимосвязь между ними: герменевтика является предпосылкой феноменологии, но и сама не может существовать без феноменологических посылок. Критически переосмыслив предложенную В. Дильтеем и Фр. Шлейермахером методику понимания, Рикёр дополняет ее положениями из концепции Э. Гуссерля о жизненном мире и создает «феноменологическую герменевтику» — философию, направленную на изучение культуры, событий, человеческого опыта, нарративов как явлений, поддающихся интерпретации. Ее уникальным методом становится диалектика понимания и объяснения. Как указывает И. Вдовина, для Рикёра «объяснение и понимание являются не исклю-

чающими друг друга полюсами, а «моментами» сложного процесса, который, собственно, и носит название интерпретации» (Вдовина, 2019: 165-166).

Одна из основных тем «феноменологической герменевтики» — проблематика действия. Она исследуется Рикёром в работах, опубликованных в сборнике «От текста к действию», присутствует в известной книге «Время и рассказ» (1983–1985), получает новое звучание в произведении «Я-сам как другой» (1990). Французский мыслитель не объединяет свои разработки по этой тематике в единую теорию. Однако за него это делают рикёроведы.

В зарубежной исследовательской мысли сложилась тенденция называть герменевтикой действия те идеи философа, которые были предложены им в статьях «Модель текста: осмысленное действие как текст» (1971), «Воображение в дискурсе и в действии» (1976), «Семантика действия» (1977), а также в книге «Время и рассказ» (1983–1985). Например, Д. Каплан пишет о ранней и поздней герменевтике действия Рикёра. К первой он относит герменевтику текста и действия, а ко второй — герменевтику нарратива и действия (Kaplan, 2003: 82). Кроме того, среди исследователей встречаются попытки связать герменевтику действия с феноменологией *самости*, осмыслить практическую философию Рикёра (в частности — этику) как теорию герменевтическую. Так, под названием «Поль Рикёр: герменевтика действия» (1996) был издан сборник, состоящий из работ, затрагивающих проблематику книги «Я-сам как другой», а также из статей французского философа об ответственности, справедливости — об этических феноменах, описанных в указанном произведении. В предисловии к этому сборнику Ричард Керни называет герменевтику действия Рикёра онтологией действия, в которой «герменевтический субъект возвращается от текста к действию» (Kearney, 1996: 2).

Несмотря на обращения исследователей к проблематике действия (например, Joy, 2018), вопрос о стадиях герменевтики действия как отдельной области философского наследия Рикёра не получил широкого обсуждения в последние десятилетия. Он остается открытым. В данной статье осуществлена попытка реконструкции герменевтики действия как теории, сформированной в два этапа. Первый этап — это герменевтика социального действия, объединяющая в себе концепции текста и нарратива. Ее особенностям посвящена первая часть статьи. Второй этап — это герменевтика действия в концепции «человека способного», основы которой разработаны в произведении «Я-сам как другой». Ее положения раскрыты во второй части данной работы. В третьей части статьи предложен ответ на вопрос о соотношении этапов герменевтики действия в философии Рикёра.

Герменевтика социального действия

Рикёр начинает работать над герменевтикой действия как над отдельной концепцией в семидесятые годы двадцатого века, когда аналитическая философия¹ опре-

1. Аналитическая философия сформировалась на основе положений позитивизма, прагматизма и стала результатом «лингвистического поворота», затронувшего многие философские течения. Ее

делила направления исследований проблемы действия. Ее представители, опираясь на поствитгенштейновскую философию языка, анализировали возможности высказываний о действиях и рассматривали сами высказывания как определенного рода действия. Их концепции оказали существенное влияние на формирование герменевтики действия Рикёра, в особенности — теория речевых актов Дж.Л. Остина и Дж. Сёрля. Именно к ней французский философ отсылает, когда сравнивает процесс действия с языковыми структурами, с дискурсом, в работе «Модель текста: осмысленное действие как текст» (1971), с которой начинается первый этап герменевтики действия — герменевтика социального действия.

В этой статье Рикёр сопоставляет протекание действия с речевым актом. Для философа, конечно, не каждое действие — высказывание, но оно может быть понято и прочитано как высказывание, поскольку всякому действию соответствует то или иное говорение о нем. Таким образом, герменевтика социального действия начинается с идеи, что смысл действий нужно исследовать, исходя из осмысленных высказываний о них. Однако не все так просто. Возникает вопрос о том, кому отдать предпочтение в авторстве смысла: актору, говорящему о своем действии, или интерпретатору?

Проблематику осмысленности действия Рикёр во многом заимствует из понимающей социологии М. Вебера. Обращение к ней — частый случай на первом этапе формирования герменевтики действия. Ведь этот этап связан с вопросами понимания и объяснения действия как явления *социального*. Рикёр задается ими, руководствуясь сформулированным М. Вебером определением социального действия: «Социальным же действием называется такое, которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотносено с поведением других людей и ориентируется на него в своем протекании» (Вебер, 2021: 68). Вслед за классиком понимающей социологии Рикёр приписывает действию свойство социальности не только по причине *множественности* бытия людей (действие совершается среди *других*, поэтому оно социально), но и по причине его *осмысленности*. Однако их представления об *осмысленном* характере действий разнятся. В теории Вебера *осмысленность* — это феномен *субъективный*: актер имеет мотив для действий и отдает себе отчет в том, чего он хочет, поэтому любое деяние будет субъективно осмысленным. В отличие от Вебера, Рикёр делает акцент не на субъективном смысле действий, а на его вменении со стороны общественной действительности. *Социальное* предстает в его философии как «нечто внешнее,

основные идеалы — это здравый смысл, точность и логическая строгость мышления. Аналитическая традиция находит выражение в философии сознания, в философии языка, а также в философии действия. Что касается последней, то она получила свое название в связи с текстом А. Данто «Аналитическая философия действия» (1973). Однако ее становление как отдельной области знания связывают в первую очередь с книгой Г.Э.М. Эנסком «Намерение» (1957) и со статьей Д. Дэвидсона «Действия, основания и причины» (1963), несмотря на различие в подходах указанных авторов к действию. Например, об этом пишет А. С. Мишура, отмечая, что Дэвидсон использовал положения «Намерения» для обоснования собственной каузальной теории действия, противоположной «базовым интуициям» Эנסком (Мишура, 2018: 88).

на котором действие “запечатлевается”, аналогично новой отметке на календаре» (Борисенкова, 2007б: 47). *Запечатление* есть не что иное, как превращение действия-события в *сделанное*, смысл которого подлежит *прочтению*, толкованию. Следовательно, под осмысленным действием Рикёр имеет в виду то *сделанное*, которое получило интерпретацию. К такому выводу он приходит при установлении аналогии между *сделанным* и *записанным* в работе «Модель текста: осмысленное действие как текст». Рассмотрим те особенности текста, которые философ обнаруживает у *сделанного*.

Первая особенность — «фиксация»: действие объективируется по подобию «фиксации дискурса посредством письма» (Рикёр, 2008а: 29). Фиксирование в значении объективации оказывается отделением смысла *сказанного* или *сделанного* от самого процесса говорения или действия. Объективация действия означает его *запечатление* в истории. Последняя понимается Рикёром в значении социального времени², которое не тождественно темпоральности: «Социальное время тем не менее является не только тем, что протекает. Оно также представляет собой источник постоянного воздействия и устойчивых образцов» (Рикёр, 2008а: 32). На мой взгляд, синонимом социального времени, истории является общественное бытие как такое пространство-время, на котором фиксируются действия людей. Что в итоге дает герменевтике социального действия принцип фиксации или *запечатления*? Он устанавливает определенную последовательность преобразования действия в предмет для интерпретации: прежде чем интерпретатор будет приписывать действию-событию (деланию) смысл, оно должно стать объектом для изучения, а значит — зафиксироваться в истории как *сделанное*. Другими словами, фиксация как объективация действия является не следствием, а предпосылкой его интерпретации.

Вторая особенность состоит в том, что действие, как и текст, автономно от своего автора. С точки зрения Рикёра, *запечатленное* действие по аналогии с письменно зафиксированным дискурсом отделяется от своего агента. В его теории такая автономизация становится условием социального измерения действия: «Действие представляет собой социальный феномен <...> потому что наши действия “убегают” от нас и приводят к последствиям, которые мы не намеревались произвести» (Рикёр, 2008а: 32). По сути, аргумент автономизации предполагает, что у действия, как и у текста, — был автор, «но он более не контролирует его обращение и толкование в обществе» (Зенкин, 2013: 332). За толкование смысла действия отвечают его интерпретаторы.

Третья особенность текста, которую Рикёр обнаруживает у социального действия, — «освобождение от ситуационного контекста», или «релевантность и значимость». Философ указывает, «что осмысленное действие — это действие,

2. Однако в работах Рикёра определение истории не исчерпывается сравнением с социальным временем. Так, в книге «Время и рассказ» история предстает как разновидность нарратива, в произведении «Память, история, забвение» — получает историографическое измерение, а именно — анализируется как наука, цель которой создавать, интерпретировать архивы.

значимость которого распространяется за пределами его *релевантности* для изначальной ситуации» (Рикёр, 2008а: 33). Социальное действие, как и текст, преодолевает условия своего порождения и может быть воспроизведено в другое время, при иных обстоятельствах. Тем самым оно не только отражает ситуационный контекст своего возникновения (Umwelt), но и открывает мир (Welt)³.

Указанный вывод позволяет Рикёру сформулировать четвертый критерий, общий для текста и действия: социальное действие, как и текст, *открыто* для возможных интерпретаций. Такая *открытость* означает следующее: «смысл человеческого действия — это то, что адресовано неопределенному кругу потенциальных “читателей”» (Рикёр, 2008а: 34). Французский философ имеет в виду под «читателями» интерпретаторов смысла действия, тем самым сравнивая их с читателями, интерпретаторами текста. Кроме того, для Рикёра интерпретаторы — это ещё и авторы смыслов: «человеческие деяния ждут свежих толкований, определяющих их смысл» (Рикёр, 2008а: 34). Кто их может дать? Кого Рикёр в первую очередь считает *читателями* — *интерпретаторами* — *создателями* социальных смыслов действий? В герменевтике социального действия ими оказываются не столько люди, разделяющие общий с актором жизненный мир, сколько представители социальных наук, а именно — историки и социологи.

Таким образом, в герменевтике социального действия Рикёра интерпретация *сделанного* — это процесс социальный, исторический и «внешний» по отношению к самому процессу действия. Интерпретатор — это читатель *метки* действия на ткани истории, социального бытия, а тем самым — и автор возможного смысла этой *метки*, открытой для толкований. Рикёр отличает «действие-событие», главным признаком которого является темпоральность, от *сделанного* как законченного, зафиксированного в истории людей, а потому и доступного для интерпретации. Именно последнее он и называет социальным действием.

Рикёр обращается к его изучению с позиции философа-герменевта в период критики позитивистского подхода к знанию об обществе, когда получила известность идея Ю. Хабермаса о том, что социальные науки должны избавиться от эмпирико-аналитической методологии и обратить внимание на герменевтику. Немецкий философ сводит ее к критике языковых высказываний, рассматривая язык в качестве «медиума социальной власти» (Habermas, 1988: 172). В свою очередь, Рикёр подразумевает под герменевтикой не инструмент критического осмысления, а методологию понимания и объяснения. Он предлагает добавить к методам научного познания социальных феноменов диалектику понимания и объяснения. Тем

3. Известные в философской антропологии и экзистенциальной философии понятия Umwelt (окружающий или ближайший к человеку мир) и Welt (универсум всего) обретают у Рикёра новые значения. Он связывает их с терминами из словаря аналитической философии языка. Umwelt понимается им как область оstenсивных референций диалога, а также как социальный ситуационный контекст возникновения действия. Welt определяется в значении области неostenсивных референций, а также — в значении социального мира вообще. Роль и значение указанных понятий в герменевтике социального действия Рикёра подробно описал А. Ф. Филиппов в статье «Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра» (Филиппов, 2013).

самым Рикёр заново поднимает известную со времен Дильтея проблему методологии наук о человеке и наук о природе.

Анализ действия по аналогии с текстом помогает ему преодолеть установленное герменевтикой Дильтея противоречие между объяснением и пониманием. Отделяя смысл действия от интенции актора, Рикёр определяет процедуру понимания не как попытку проникновения в субъективный мир действующего, а как интерпретацию, связанную с объяснением. В итоге он формулирует герменевтическую установку «больше объяснять, чтобы лучше понимать» (Рикёр, 2013а: 61) и настаивает на ее использовании в социальных науках. По сути, Рикёр развивает в герменевтическом ключе данное Вебером определение социологии как науки, «которая стремится, истолковывая, понимать социальное действие и тем самым причинно объяснять его протекание и результаты» (Вебер, 2021: 67-68), а также расширяет его на всю область социального научного знания.

Созданную французским философом эпистемологическую модель действия исследователи называют «герменевтической аркой» (Busacchi, 2017: 23), объединяющей объяснение и понимание. При ее применении нужно учитывать, что социальное действие опосредовано языковыми символами. Философ придает им герменевтическое значение задолго до работы над проблемой познания социального действия. Так, введенное в книге «Символика зла» (1960) утверждение «символ побуждает мыслить» задает тон всей его последующей герменевтике: «символ побуждает — я не говорю о смысле, не говорю, что именно символ побуждает к нему; я говорю, что то, к чему побуждает символ, есть мышление, есть то, о чем надо думать, исходя из данного, из позиции. Следовательно, приведенное изречение одновременно наводит на мысль, что все загадочным образом уже сказано и, однако, всякий раз все нужно начинать и начинать сначала, следуя мышлению» (Рикёр, 2017а: 118). Что же следует каждый раз «начинать сначала»? Понимание, объяснение, интерпретацию символов — знаков, аллегорий, мифов человеческого опыта. Эти способы работы с символами Рикёр и объединил в своей герменевтике социального действия, тем самым обогатив ее семантическим содержанием.

В ней действие предстает «символическим действием»: «о действии можно говорить, что оно символическое, не потому, что оно реально, а потому, что оно структурировано символами» (Рикёр, 2017б: 186). Под ними Рикёр имеет в виду элементы символических систем, которыми являются дискурс, текст, культура в целом. В рамках семантического подхода к действию философ продолжает акцентировать внимание на герменевтическую значимость текста, определяя символическую совокупность как систему *записи*, которая «предписывает, как это делает музыкальная запись, продолжение или усиление действия в зависимости от его реального исполнения» (Рикёр, 2017б: 195).

Термин «символическое действие» Рикёр заимствует у К. Бёрка, а различные частности символического структурирования — у К. Гирца. К идеям последнего Рикёр обращается неоднократно при описании семантики действия в статье «Структура символического действия» (1977). В ней поступки людей предстают

символически опосредованными феноменами. Философ выделяет два способа такого опосредования: конститутивный и репрезентативный. Под конститутивным опосредованием Рикёр имеет в виду то, что символы имманентны действию. С его точки зрения, действие изначально обладает символической структурой, которая может ускользать от самих акторов. Она установлена на социальном уровне и является контекстом описания отдельных действий. Конститутивный символизм дает возможность описывать действия. В свою очередь, репрезентативный символизм — возможность их *прочитывать*.

Обращение Рикёра к метафоре *чтения* еще раз подтверждает, что его семантический подход к действию включен в общую логику герменевтики социального действия. Ведь выделяя репрезентативную функцию символических систем, философ возвращается к установленной им аналогии между *записанным* и *сделанным*, а именно — к аргументу об адресованности действия к его читателям — интерпретаторам. В рамках семантики Рикёр дополняет этот аргумент идеей о том, что чтение порождает «разрыв» (*écart*) в представлении. Этот «разрыв» философ связывает с самой социальной сущностью действия, а именно — с *запечатлением* в социальном пространстве. Читаемость действий, как и текстов, может быть отложена «на потом», так как «отделенные от своих авторов, эти действия оставляют после себя некую трассу, отпечатки на вещах, которые выступают как их запись в истории» (Рикёр, 2017б: 199). Именно эту возможность прочтения, интерпретации действия Рикёр связывает с репрезентативной функцией его символической структуры.

По мнению Рикёра, первым, кто обратил внимание на указанную функцию, был Аристотель. Французский философ обращается к его «Поэтике» и рассматривает категории *mythos* и *mimesis* в качестве повествовательных моделей, которым свойственно переописывать человеческое действие с помощью вымысла, а тем самым — быть способами его репрезентации. «Поэзия движется прямо к сущности действия именно потому, что связывает воедино *mythos* и *mimesis*, то есть, если пользоваться нашим словарем, вымысел и переписание» (Ricoeur, 2008: 172), — пишет Рикёр. Он исходит от того, что Аристотель описывает *mimesis* и *mythos* через их отношение к действию: «трагедия есть подражание [*mimesis*] не [пассивным] людям, но действию, жизни и счастью, [а счастье и] несчастье состоят в действии» (Аристотель, 1983б: 652), а *mythos* как интрига трагедии — это собственно “*mimesis praxeos*” («подражание действию») (Аристотель, 1983б: 652).

Аристотелевы категории *mythos* и *mimesis* оказали большое влияние на герменевтику действия Рикёра. Включив их в семантику действия, французский философ заново обращается к ним при построении теории нарратива. Так, в работе «Время и рассказ» нарратив одновременно определяется в значении *mythos* — соединения действий, фактов, событий в систему (их упорядочивания в единую смысловую конфигурацию, сюжет) и *mimesis* — «подражание действию (репрезентация действия)» (Рикёр, 1998: 45). Рикёр осмысляет нарратив в качестве способа конструирования и репрезентации человеческого опыта, элементом

которого является действие. Тем самым, по сути, философ возвращается к проблеме *чтения — интерпретации* действия, ставшей столь значимой в его работах, посвященных сравнению *сделанного с записанным* и семантическому подходу к действию. В концепции нарратива Рикёр решает ее заново. Попробуем реконструировать это решение.

Начнем с прояснения понятий. В книге «Время и рассказ» Рикёр использует термин “*écrit*”, означающий текст-рассказ или текст-описание. Под этим понятием философ подразумевает повествование в широком смысле, а именно — как устное, так и письменное составление сюжета. Первичным признаком “*écrit*” является сюжетность, форма (устная или письменная) вторична. Сложилась традиция переводить данный термин на английский словом “*narrative*”. В русскоязычном издании книги «Время и рассказ» Т.В. Славко переводит “*écrit*” как «рассказ». Несмотря на то что переводчик не стремился отождествить это понятие с устной речью⁴, у читателей может возникнуть такая аналогия. В связи с этим я далее буду использовать слова «нарратив» или «повествование», чтобы подчеркнуть ту широту, которой Рикёр наделил термин “*écrit*”.

В герменевтике французского философа парадигма нарратива продолжает логику парадигмы текста: место текста как источника смысла занимает повествование, соединяющее действия в единый сюжет. При этом в книге «Время и рассказ» Рикёр предлагает уже не идею сравнения действия с текстуальным феноменом, а идею *трансформации действия в повествование*. Он выделяет три стадии трансформации человеческого опыта (а следовательно, и действия как его составной части) в нарратив: префигуративную (мимесис-I), конфигуративную (мимесис-II) и рефигуративную (мимесис-III).

На этапе мимесис-I действия разрозненны, не связаны друг с другом, но уже маркированы повествованием. Данная стадия устанавливает саму пригодность действия для рассказа. Действие обладает потенциальной нарративной организацией, которая является следствием таких его особенностей, как семантика и синтактика, культурно-символическое опосредование контекстом. По сути, описывая мимесис-I, Рикёр обращается к разработанному им ранее семантическому проекту действия, а именно — к идее о конститутивной функции символических систем. Философ указывает, что о действии можно рассказать по причине его символической опосредованности: «оно уже артикулировано в знаках, правилах, нормах» (Рикёр, 1998: 71). Семантика и синтактика действия образуют его структуру, или «концептуальную сетку», включающую в себя, например, понятия «мотив», «что», «почему», «кто». Овладение «концептуальной сеткой» действия является предпо-

4. В Примечаниях переводчик пишет: «В переводе термина “*écrit*”, широко применяемого французской семиотикой и литературоведением, в частности нарратологией, в нашей литературе нет единообразия. В зависимости от контекста он переводится как «рассказ», «рассказывание», «повествование», «повествовательный текст». В «Словаре терминов французского структурализма» (см.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 458-459) сделано разъяснение, что термин “*écrit*” в узком смысле понимается как тождественный «повествованию» (*narration*), а в широком смысле — как повествование + описание» (Рикёр, 1998: 264).

сылкой его нарративного описания: «всякий рассказ предполагает, что рассказчик и его аудитория усвоили такие термины, как “агент”, “цель”, “средство”, “обстоятельство”, “помощь”, “враждебность”, “сотрудничество”, “конфликт”, “успех”, “поражение” и т. д.» (Рикёр, 1998: 69).

На стадии мимесис-II смыслы действий организуются в сюжет, который являет себя в виде нарратива — артикулированной конфигурации человеческого опыта. «Конфигурация представляет собой логическое единство <...> Она может быть представлена как одна “мысль”» (Рикёр, 1998: 50), — пишет Рикёр. Под нарративной конфигурацией он понимает образование сюжета (*mythos*), собирающего смыслы действий и подчиняющего их единому замыслу повествования. Нарративная конфигурация соединяет отдельные элементы человеческого опыта в сюжет со своим началом и завершением: «идеи начала, середины и конца берутся не из опыта: это не черты реального действия, но следствия самого построения поэмы» (Рикёр, 1998: 51). Иными словами, нарратив создает единство смыслов действий. Идея о мимесис-II позволяет Рикёру утвердить важный постулат герменевтики социального действия: смысловая причинно-следственная связь действия возникает не в момент его осуществления, а в его нарративной фиксации.

Последняя стадия трансформации действия в нарратив (мимесис-III) — это этап воспроизведения повествования читателями. Согласно Рикёру, чтение завершает построение нарратива, предполагает его интерпретацию. Оно «является основным средством рефигурации мира действия, осуществляемой под знаком интриги» (Рикёр, 1998: 94), а именно — возвращает нарратив в мир социального опыта не самих акторов и даже не авторов повествования, а читателей, слушателей. При этом под воспроизведением повествования читателями Рикёр имеет в виду новый нарративный процесс.

Рикёр вводит понятие «мимесис-III», отвечая на один из основных вопросов герменевтики социального действия — вопрос об *открытости* поступка для интерпретации. На итоговом этапе трансформации опыта в повествование возникает новый интерпретатор действия — читатель нарратива. Рикёр заново поднимает проблему о «разрыве» в представлении. На стадии «мимесис-III» существует «разрыв» не только между действием и повествованием о действии, но и между повествованием и его прочтением. На данном этапе варианты интерпретации действия, о котором изначально велось повествование, множатся. К смыслам, приносимым интерпретаторами, добавляются смыслы, приносимые читателями версий интерпретаторов. В итоге в герменевтике Рикёра осмысление нарративно зафиксированного действия предстаёт бесконечным процессом: каждая новая интерпретация читателями предполагает новое нарративное оформление смысла как изначального интерпретируемого поступка, так и повествований о нём. Итак, что нужно сделать, чтобы понять, объяснить, а следовательно, и проинтерпретировать социальное действие? Теория нарратива Рикёра дает следующий ответ: нужно составить о нем повествования, открытые для интерпретаций — новых повествований.

Во «Времени и рассказе» философ отводит особую роль историкам как интерпретаторам событий, действий. Рикёр задается вопросом об историографической интерпретации как диалектике объяснения и понимания. С его точки зрения, объяснение служит фундаментом для нарративного понимания как метода историографии. В частности, историки должны пользоваться методом объяснения тогда, когда анализируют «единичные причинно-следственные связи, объяснительная сила которых не зависит от закона» (Борисенкова, 2007а: 61). Однако, по Рикёру, «собственно историческое качество истории сохраняется только благодаря связям — сколь бы скрытыми и тонкими они ни были, — которые по-прежнему соединяют историческое объяснение с нарративным пониманием» (Рикёр, 1998: 261). В теории нарратива философ, по сути, возвращается к ранее разработанному им для социальных наук принципу «больше объяснять, чтобы лучше понимать» и конкретизирует его для историографии.

В целом первый этап философии действия Рикёра — герменевтика социального действия — представляет собой основанный на сопоставлении *сделанного* с *записанным* синтез поэтики и семантики. В ней установлены следующие характеристики действия. Во-первых, действие опосредовано повествовательными символами, которые как репрезентируют, так и конструируют его. Во-вторых, действие, как и текст, зафиксировано и может быть проинтерпретировано, а именно — понято и объяснено. В-третьих, социальность действия заключается в его осмыслении не самим актором, а интерпретаторами — теми, кто его понимает и объясняет как метку, запечатленную в общественном бытии. В-четвертых, понимание и объяснение социального действия осуществляется через интерпретацию нарративов о нем. Итогом герменевтики социального действия становится идея о том, что последнее обретает смысл в тот момент, когда интерпретаторы создают о нем нарративы, открытые для бесконечных прочтений. Среди них особую роль Рикёр отводит не участникам совместной жизни с актором, не политикам, а представителям социальных наук (в частности, историкам). Именно они в герменевтике социального действия предстают *читателями* — *интерпретаторами* — *создателями* социальных смыслов действий.

Герменевтика действия в концепции «человека способного»

Работа Рикёра над герменевтикой действия не ограничена статьями семидесятых годов, произведением «Время и рассказ». К ней французский философ обращается заново в книге «Я-сам как другой» (1990), в которой формулирует концепцию «человека способного» (*l'homme capable*). Он раскрывает смысл понятия *l'homme capable* с помощью глагола *rouvoir* (мочь): *способный что-либо мочь* (Рикёр, 2004: 11)⁵. В итоге задачей его концепции является не только обозначение,

5. Понятие *l'homme capable* часто переводят на русский язык словосочетанием «человек могущий». Например, так делает О. И. Мачульская в переводе «Интервью с профессором Полем Рикёром. К изданию в России книги «Память, история, забвение»»: «Я употребляю понятие “человек могущий”

но и самообозначение субъекта как *способного или неспособного что-либо мочь*⁶. Эта самоидентификация обладает герменевтическим содержанием, так как приравнивается к самопониманию: «На деле, обозначать себя как того, кто может, — значит идентифицировать вид сущего, каковым я являюсь. А это как раз и означает говорить, что именно человеческому существу свойственно познавать самого себя в терминах способности и неспособности» (Рикёр, 2017г: 283). В связи с этим концепция «человека способного» «разворачивает» герменевтику действия к действующему субъекту. В рамках этой концепции широкое значение действия как *способности что-либо мочь* конкретизируется в виде ответов на четыре вопроса о «кто» *самости*: «Кто говорит?», «Кто действует?», «Кто рассказывает?», «Кто является субъектом вменения?».

Анализ указанных вопросов начну с «Кто действует?», так как именно этот вопрос определяет включенность герменевтики действия в концепцию «человека способного». Задавая его, французский философ стремится раскрыть несостоятельность онтологии события, разработанной в англосаксонских, каузалистских теориях действия, а именно — в работах Дэвидсона. Дэвидсон также задается вопросом о субъекте действия⁸. Однако Рикёр считает его ответ неудачным. «Индивидуация событий в принципе не ставит более серьезной проблемы, нежели те, что ставятся индивидуацией материальных объектов» (Рикёр, 2008б: 110), — это утверждение Дэвидсона позволяет Рикёру сделать вывод, что тот не различает индивидуацию вещи и действия как разновидности события. Он анализирует пример Дэвидсона «Питер нанес удар». С точки зрения Рикёра, в этом предложении Дэвидсону важно то, «что глагол “наносить” произнесен о Питере и об ударе», то есть высказывание индивидуализирует событие действия, и этого вполне до-

во многих своих работах. Я обосновал идею “человека могущего” в книге “Я-сам как другой” <...> Я пытался найти такое слово, которое позволяло бы охватить всю совокупность данных видов деятельности. Этим словом оказался существующий во французском языке модальный глагол “мочь”. <...> Утверждение “я могу” означает, что я могу говорить, я могу действовать, я могу рассказывать, я могу признавать себя ответственным за свои поступки» (Рикёр, 2004: 11).

6. В работе «Я-сам как другой» вопрос о *неспособности что-либо мочь* не получает раскрытия. Однако Рикёр во многих статьях, в которых затрагивает проблематику «человека способного», указывает, что помимо «я могу» при определении действия нужно учитывать еще и «я не могу» (см., например: Рикёр, 2017г: 283).

7. Основу феноменологии *самости* образует идея о «личной идентичности» человека. Рикёр выделяет два вида идентичности: *idem* и *ipse*. Под *idem* он понимает одинаковость, самоидентичность «Я», а под *ipse* — изменчивую самость «Я». С его точки зрения, личность человека — это изменчивая *самость*, которая находится в диалектическом отношении с *idem*. «Я» формируется благодаря диалектике самоидентичности и инаковости и предстает в виде *самости* (*ipse*).

8. В статьях сборника «Эссе о действиях и событиях» (Essays on Actions and Events) Дэвидсон включает действие в совокупность событий мира, но анализирует его как особую разновидность события. В его теории признаком действия является вопрос «почему»: «почему кто-то действовал так, как он действовал?» (Davidson, 1980: 10). С точки зрения Дэвидсона, для понимания действия нужно выявить его основания (reasons), которые предполагаются самим агентом. Основания действия определяют его интенцию. Согласно Дэвидсону, «познать главное основание, на котором некто действовал так, как он действовал, означает познать интенцию, с которой было совершено действие» (Davidson, 1980: 7).

статочно. В интерпретации французского философа Питер предстает у Дэвидсона не личностью, отличной от материальных вещей, а субстанцией события, надеется таким же субстанциальным признаком, что и его удар (Рикёр, 2008б: 108).

По мнению Рикёра, такая онтология события, действия основана на абсолютизации принципа «что-почему». Иначе говоря, для Дэвидсона важнее всего, какое событие действия произошло и что было его причиной. В свою очередь, Рикёр создает собственный метод анализа действия, а именно — «окольный путь» определения действия с помощью перехода от вопросов о «что-почему» к вопросу о «кто». Предпосылки для обращения к действующему «кто» он находит в континентальной философии, в частности — в антигетике Канта. Переосмысляя антиномию конечной и свободной причинности, Рикёр определяет актора и в значении конечной причины, и в значении свободной причины действия потому, что тот обладает инициативой. «Инициатива — скажем мы — есть вмешательство агента действия в ход вещей, вмешательство, действительно вызывающее изменения в мире» (Рикёр, 2008б: 137), — заявляет философ. С его точки зрения, личная инициатива актора — это условие свободного действия. Таким образом, кантовская антиномия свободы и необходимости помогает Рикёру в рамках феноменологии *самости* прийти к следующему выводу: действие — это не событие, у которого есть причина, а деяние, у которого есть конкретный автор.

В книге «Я-сам как другой» первым вопросом стоит «Кто говорит?». Именно с него, с точки зрения Рикёра, начинается самопонимание *самости* как субъекта *способного*. Лишь тот, кто способен указать на себя в качестве автора собственных высказываний, может ответить на остальные вопросы о собственном «кто». На данном этапе самопонимания «Я» действие раскрывается как способность субъекта называть себя «Я», говорить. К идее о первостепенности говорения на пути раскрытия *самости* Рикёр приходит в результате очередного переосмысления теории речевых актов. Напомню, что к этой концепции он обращался и в герменевтике социального действия. Теория речевых актов, по мнению философа, «приучила рассматривать мир языка под прагматическим углом зрения дискурса» (Рикёр, 2013б: 76), но не поставила вопрос об авторе высказывания, способном обозначать самого себя. Им и задается Рикёр.

Однако французский мыслитель никогда не ограничивался анализом говорения в своих философских изысканиях. Как показывает его теория нарратива, действия могут быть поняты только тогда, когда о них составлено повествование. В связи с этим в книге «Я-сам как другой» закономерен вопрос «Кто рассказывает?». Отвечая на него, Рикёр наделяет герменевтику действия смыслами, не раскрытыми им ранее в концепции нарратива. В отличие от работы «Время и рассказ», в книге «Я-сам как другой» он определяет повествование не только в роли отражения смыслов действия, но и как феномен личностный. В ней философ использует термин «нарративная идентичность» для указания на единство *самости* (Рикёр, 2008б: 143). С его точки зрения, нарративная идентичность утверждает диалектическое постоянство изменчивой *самости*, является источником ее лич-

ной идентичности. Рикёр рассматривает нарратив субъекта в качестве предпосылки его самоопределения в роли автора действий. Конечно, Рикёр учитывает то, что самопонимание личности зависит не только от нее самой, но и от *других* (Duppe, 1996: 151), но акцентирует внимание именно на понимании субъектом своих деяний. В итоге в рамках ответа на вопрос «Кто рассказывает?» действие определяется как индивидуальное нарративное деяние, а именно — как способность субъекта составлять повествования о своей жизни и, следовательно, формировать собственную идентичность посредством повествования.

Заключительным вопросом о «кто» в работе «Я-сам как другой» становится вопрос «Кто является моральным субъектом вменения?». Это вопрошание завершает путь самопонимания *самости*: «Я» приходит к пониманию себя как ответственного за собственные поступки. Другими словами, в философии Рикёра итоговым условием определения действующего субъекта является ответственность — феномен этический. Тем самым герменевтика действия раскрывается через этику, основы которой Рикёр наследует от Аристотеля. В частности, он обращается к Аристотелеву понятию «благая жизнь». «“Благою жизнь” следует называть в первую очередь, потому что она является самым объектом этической цели» (Рикёр, 2008б: 207), — пишет французский философ. В его герменевтике действия данный термин означает осуществление выбора между разными образами жизни. То деяние оказывается «благим», с помощью которого *самость* реализует себя. Такое понимание «благой жизни» позволяет Рикёру интерпретировать еще одну категорию этики Аристотеля — “*phronesis*” (рассудительность). Этот термин у французского мыслителя наделяется значением «ситуативного морального суждения» *самости*. В его концепции этики субъект действия — это “*phronimos*”: он действует согласно благоразумию и рассудительности в каждой конкретной ситуации, осознает ответственность за свои поступки. Как указывают исследователи практической философии Рикёра, в ней действие в итоге предстает упражнением в добродетели (Savage, 2015: 3).

Созданный Рикёром в рамках феноменологии *самости* проект этики, включает в себя и политическую проблематику. В этом проекте действие обретает значение поступка, понимается как *praxis* (данное понятие Рикёр также заимствует из философии Аристотеля), тем самым предстает явлением социально-политического бытия, а именно — сферы взаимодействия «Я» и *других* как *каждых*. Наличие *других* определяет этическую и социально-политическую цель действия: «стремиться к благой жизни с другими и для другого в справедливых институтах» (Рикёр, 2008б: 216).

9. Интерес к проблематике ответственности Рикёр проявил еще на раннем этапе своего философского пути. Как указывает М. Джой, он, переосмысливая идеи работы «Волевое и Неволевое» (1950) в эссе «Философия воли и действия» (1967), задался вопросом об ответственности как о способе самопонимания действующего субъекта — вопросом, получившим развернутый ответ в его поздней феноменологии *самости* и концепции этики в работе «Я-сам как другой» (Joy, 2018: 109).

В этике Рикёра понятие справедливого института обретает политический смысл. Ведь под институтом он понимает «структуру совместной жизни исторического сообщества» (Рикёр, 2008б: 232) — той жизни, которую Х. Арендт называет *политической*. Называя институт *точкой применения справедливости* (Рикёр, 2008б: 232), Рикёр в итоге соединяет представление о справедливости как равенстве с идеей Арендт о *политическом* как *плюральном и совместном* (Рикёр, 2008б: 235). Ссылаясь на её теорию действия, он определяет множественность общественного бытия в качестве условия для равных, а значит, и справедливых отношений между многими «Я» (Рикёр, 2008б: 233-234). В его практической философии такая множественность означает, что действие в социальной, политической жизни людей не теряет своего автора. Более того, цель этики Рикёра — показать действующего субъекта в роли *самости*, способной осознавать себя не только автором действия, но и участником социально-политического взаимодействия. Именно такое взаимодействие, *желание-жить-вместе* и характеризуют актора в этике Рикёра.

Однако этико-политическое измерение герменевтики действия не ограничивается телеологией, переосмыслением практической философии Аристотеля и теории политического действия Арендт. Рикёр обращается также к деонтологической этике Канта, а именно — к принципу нормативности морали. Этот принцип нужен французскому философу для описания этического противоречия *praxis*. С точки зрения Рикёра, социальное действие всегда является взаимодействием особого рода: если есть действующий, то появляется и тот, кто испытывает воздействие. В такой диалогической структуре деяния Рикёр видит этическую асимметрию: «некто, действуя, осуществляет власть по отношению к некоему другому. <...> вместе с властью открывается возможность к насилию» (Рикёр, 2017в: 217). Именно идея насилия побуждает Рикёра, как он сам пишет, «добавить к телеологическому измерению этики измерение деонтологическое» (Рикёр, 2017в: 217). В его интерпретации нормативность морали нацелена отвечать «нет» механизмам насилия (политическим, социальным, экономическим и т. д.) — общественным формам «зла» (Фёдорова, 2015: 262). При этом философ отмечает, что применение норм морали без учёта телеологических оснований совместной жизни людей лишает их возможности совершать свободные поступки. При таких условиях моральными предикатами действия становятся термины «запрещенное», «обязательное», «принудительное». По словам М. Кастийо, Рикёр понял суть нормативной морали: «Мораль долженствования по необходимости есть и мораль принуждения» (Кастийо, 2013: 143). Кроме того, он указал на ее политическое содержание: мораль долженствования используется государством как механизм подчинения¹⁰.

Рикёр сталкивает моральные и этические основания поступка. В итоге этическое измерение его герменевтики действия — это дихотомия этики и морали. Если

10. В практической философии Рикёра *политическое* в итоге предстает как *парадоксальное*: с одной стороны, есть горизонтальная власть, основанная на *желании-жить-вместе* (эту идею Рикёр заимствует у Арендт), с другой стороны, существует вертикальная власть государства как отношение господства и подчинения (это положение Рикёр заимствует у Вебера) (Рикёр, 2008б: 302).

этика обогащает действие целью «стремиться к благой жизни», то мораль устанавливает ограничения для действия. «Напряжение» между установками этики и морали перерастает в конфликт между моральной нормативностью и этической целью поступка. Он преодолим, по мнению Рикёра, с помощью «ситуативного морального суждения» — «меры» между этической целью и моральным обязательством. При таком суждении учитывается как этическая установка субъекта, так и принятая в обществе мораль: «абстрактные этические цели, прошедшие проверку на соответствие моральным нормам, наполняются конкретным содержанием и реализуются в жизни» (Мачульская, 2015: 255). Следовательно, в этике Рикёра утверждается не только различие телеологических и нормативных подходов к действию, но и необходимость их соединения на практике.

Отвечая на рассмотренные четыре вопроса о «кто» *самости*, Рикёр составляет «портрет» “*l’homme capable*”. Быть «человеком способным» означает реализовывать способности говорить, действовать (в узком значении действия как события в мире), рассказывать о себе и нести ответственность за поступки. Выделив эти способности в работе «Я-сам как другой», Рикёр дополняет их в книге «Путь признания» этическими и социально-политическими способностями обещать, прощать и быть прощенным, признавать и быть признанным. В ней философ включает взаимное признание в процесс самопризнания как самопонимания *самости*: «Во взаимном признании завершается путь самопризнания» (Рикёр, 2010: 177). В «Пути признания» способность индивида что-либо мочь «разворачивается в режиме взаимодействия, где непременно присутствует другой, который может служить препятствием, играть роль помощника или соучастника» (Вдовина, 2019: 217-218). В итоге идея взаимного признания перерастает в принцип взаимности: «Человеческая взаимность проходит сложный путь от непризнания, «асимметрии» «Я» — «другой» до взаимности, от солипсизма до признания другого, от признания другого до «жизни вместе», заботливости, бескорыстного дарения, чувства любви, от борьбы людей за взаимное признание до «состояния мира»» (Вдовина, 2015: 42).

И в работе «Я-сам как другой», и в книге «Путь признания» *способность что-либо мочь* предстает широким определением действия, которое становится одним из основных понятий антропологического проекта Рикёра — его герменевтической феноменологии «человека способного». Как указывает Д. Пеллауэр, на вопрос «что значит быть человеком?» Рикёр всегда отвечает: «значит быть самостью, человеком способным, тем, кто может действовать» (Pellauer, 2012: 133). В его теории «человека способного» понятие действия превращается в метакатегорию — в самую широкую и фундаментальную категорию.

При этом метазначение действия не ограничивается объединением ответов на вопросы о «кто» *самости*. Оно также связано с онтологическим контекстом идеи о «человеке способном». Такой контекст проявляется в осуществленном Рикёром переосмыслении Аристотелевых категорий *energeia* (ἐνέργεια) — действительности и *dynamis* (δύναμις) — возможности (Рикёр, 2008б: 354). Древнегреческий философ

определяет человеческую жизнь как проявление *energeia*, а ее возможность называет проявлением *dynamis*. Он ставит знак равенства между бытием людей и деятельным бытием: «По Аристотелю, жизнь есть деятельность (*energeia*), а деятельность, активность есть жизнь» (Кессиди, 1983: 31). В интерпретации Рикёра *energeia* и *dynamis* — это онтологический фундамент *самости*, действующей и способной действовать. Некоторые исследователи, например Г. Бриан (Brian, 2018: 92), Дикинсон (Dickinson, 2012: 133-134), считают, что в этой паре понятий именно *dynamis* оказывается первостепенным для французского мыслителя. С этим сложно не согласиться, ведь в его философии «человек способный» предстает как тот, кто реализует свою *возможность* действовать. Кроме того, в книге «Я-сам как другой» значимость потенциальности проявляется в объединении Аристотелевых *energeia* и *dynamis* с важнейшей категорией философии Спинозы — с понятием “*conatus*”, означающим стремление всякой вещи пребывать в существовании. В интерпретации Рикёра *conatus* — это активное усилие человеческого «Я», его упорствование в бытии. Как указывает П. С. Андерсон, *conatus* становится тем понятийным основанием, на котором французский философ мог бы построить онтологию действующего субъекта (Anderson, 2012: 21-22). Однако Рикёр не идет дальше общих рассуждений о *conatus* как об онтологическом фундаменте человеческого действия. Мы не найдем в его работах, написанных после «Я-сам как другой», превращения герменевтики действия в целостную онтологию. Онтология остается лишь одним из измерений герменевтики действия Рикёра.

Таким образом, в концепции «человека способного» герменевтика действия получает новые измерения. Во-первых, измерение философии субъекта. Рикёр учитывает герменевтическую установку *самости* — ее стремление к самопониманию, самоопределению. Тем самым он связывает осмысленность действия с личностью актора. Теперь главным вопросом его теории действия становится вопрошание «Кто действует?». Ответы на него «ведут к обозначению «Я» как того, кто что-то может» (Рикёр, 2017г: 279): может говорить, может начинать события в мире, может объединять историю собственной жизни в связном и понятном рассказе, может нести ответственность за собственные поступки. Во-вторых, герменевтика действия получает онтологическое измерение. В ней появляется онтологическое основание для превращения действия как *способности что-либо мочь* в метакатегорию «человека способного». Им становится объединение Аристотелевых понятий “*energeia*” и “*dynamis*” с термином Спинозы “*conatus*”. В-третьих, герменевтика действия обретает этическое и политическое измерение. В ней постулируется взаимосвязь *praxis* с *phronesis*. В итоге Рикёр определяет этический ориентир индивидуального поступка в социальном бытии: «стремиться к благой жизни с другими и для другого в справедливых институтах» (Рикёр, 2008б: 216).

О соотношении двух частей герменевтики действия

Существует ли взаимосвязь между рассмотренными этапами герменевтики действия? Возникает ощущение, что Рикёр развивает герменевтику действия

в концепции «человека способного» в отрыве от проблем, интересовавших его в семидесятые годы. Частично это так. Ведь разработав парадигму сравнения социального действия с текстом, он не возвращается к ней в концепции «человека способного»¹¹. Философия субъекта в работе «Я-сам как другой» — проект, не связанный с указанной парадигмой. Однако Рикёр не забывает о ней. В пользу этого свидетельствует прочитанная им в институте философии РАН лекция «Герменевтика и метод социальных наук». Она состоялась в 1993 году, когда книга «Я-сам как другой» была написана и опубликована, а следовательно, герменевтика действия уже была разработана в концепции «человека способного». В указанной лекции Рикёр дополняет свои разработки по теме социального действия идеями из феноменологии *самости*. В частности, он задает вопрос, который обходил стороной в семидесятые годы, — вопрос об агенте действия. Философ определяет его в терминах рефлексивной философии, а именно — как субъекта, обладающего *инициативой* (Рикёр, 2013а: 59). Напомню, что *инициатива* — это та способность, которую Рикёр в работе «Я-сам как другой» сделал ключевой в определении действия через его агента — через его «кто». Кроме того, в лекции философ отсылает к своему этико-политическому проекту, а именно — полагает актора ответственным за собственные действия (Рикёр, 2013а: 57). Личная ответственность существует несмотря на то, что действие обладает свойством отделяться от своего агента (Рикёр, 2013а: 60). Таким образом, мы можем говорить о некотором влиянии феноменологии *самости* на герменевтику социального действия: философия *самости*, концепция «человека способного» обогащают теорию социального действия представлением об акторе как о субъекте, инициирующем собственное деяние и ответственном, осознающем его смысл. Это не означает, что на первом этапе Рикёр отрицал возможность актора осмысливать свои действия. В тот момент он не сделал эту возможность предметом своего изучения. Однако после создания феноменологии *самости* этот вопрос оказался в поле его исследовательского интереса¹².

Указанное влияние философии субъекта на концепцию социального действия в поздних работах Рикёра доказывает, что этапы герменевтики действия не явля-

11. О невозвращении Рикёра к идее сравнения действия с текстом пишет, например С. Зенкин: «Почему Рикёр оставил эту идею? Возможно, он не был уверен в том, что она верна; но еще вероятнее, потому, что она выходила за рамки его метода, поскольку не могла быть верифицирована в пределах чисто философской рефлексии и требовала “позитивных” научных исследований. В качестве философа Рикёр мог только наметить эту возможность, а затем передать ее для дальнейшего развития специалистам по общественным наукам» (Зенкин, 2013: 328).

12. При этом нужно понимать, что Рикёр интересовался проблемой действующего субъекта и в ранних работах, написанных задолго до разработки герменевтики социального действия, а именно — в работах «Волевое и Неволеное» (1950), «Человек Погрешимый» (1960). Однако я не стала рассматривать поднятые в этих произведениях вопросы о действующем субъекте в качестве полноценного этапа становления герменевтики действия, так как они были озвучены опосредовано и не получили в ранний период творчества Рикёра развернутых ответов в рамках его феноменологической герменевтики. Философ задал их заново при написании книги «Я-сам как другой» и сформулировал целостную герменевтическую концепцию о «человеке способном» как о субъекте, направленном на самопознание себя в роли способном что-либо мочь.

ются замкнутыми на себе теориями. Они открыты друг для друга. Тем не менее обнаруженное взаимодополнение не снимает вопроса о взаимосвязи между ними на уровне проблематики. На первый взгляд концепция социального действия далека от вопросов о *самости* как о «Я», способном что-либо делать или не делать. Однако между двумя этапами герменевтики действия существует «мост», им является теория нарратива. Ее Рикёр сформулировал в книге «Время и рассказ», в которой наделил Аристотелево понятие “*mythos*” (интрига) значением связки, объединяющей разрозненные во времени события и тем самым предающей рассказанной истории темпоральное единство. Являясь моделью *согласия*, интрига делает нарратив протяженным, завершенным и целостным (Рикёр, 1998: 50). Что дает эта модель герменевтике социального действия? Она, по сути, предстает методом интерпретации, в частности, в сфере историко-научного знания. Ведь выделяя исторический нарратив в отдельный вид, Рикёр в работе «Время и рассказ» задается вопросом о его истолковании (диалектике понимания и объяснения) историографами как представителями социальных наук (Рикёр, 1998: 261). Будучи авторами исторического нарратива, историографы с помощью *mythos* объединяют различные события в единый сюжет, который затем прочитывается, интерпретируется другими историками, создающими новые повествования.

Философ возвращается к значению *mythos* в работе «Я-сам как другой» и показывает, «как понятие завязывания интриги, перенесенное с действия на персонажей повествования, порождает диалектику персонажа, которая весьма явным образом представляет собой диалектику тождественности и самости» (Рикёр, 2008б: 173). Место персонажа занимает человеческое «Я». В итоге в феноменологии *самости* модель поэтической интриги становится схемой, объясняющей сосуществование тождественности и инаковости «Я» в ситуации повествования субъекта о себе. А как уже было показано в предыдущей части статьи, Рикёр рассматривает способность *самости* составлять рассказы о себе в качестве одного из существенных проявлений человеческой способности действия. Тем самым интрига нарратива, составленного актором о собственных деяниях, является моделью его самопонимания как автора пусть и различных действий, но всегда единого и целостного «Я».

Следовательно, если на первом этапе герменевтики действия *mythos*, объединяя действия, события в единый исторический нарратив, оказывается методом их интерпретации, то на втором этапе — методом самопонимания агента действия как субъекта хоть и изменяющегося, но повествующего о себе как о целостном «Я». В герменевтике социального действия автором повествования является интерпретатор — представитель социального научного знания, а в концепции «человека способного» его место занимает актор. В итоге на каждом этапе герменевтики действия интрига нарратива предстает способом объединения различных действий в единый сюжет, который подлежит интерпретации — диалектике объяснения и понимания. Если на первом этапе это диалектическое единство выражается формулой «больше объяснять, чтобы лучше понимать», то на втором этапе определяющим оказывается понимание актором самого себя.

Однако «крен» в сторону субъекта не исключает из поздней герменевтики действия вопрос об изучении действий социальными науками. Конечно, Рикёр в работе «Я-сам как другой» не обращается к проблеме интерпретации в историографии, но он, критикуя аналитическую теорию действия, по сути, предлагает социальным философам и социологам-теоретикам как представителям научного знания отказаться от причинно-следственного подхода, представленного, в частности, в работах Дэвидсона. Взамен он разрабатывает определение действия через актора, а именно через «кто» действия. Если опираться на такое определение в научных исследованиях, то тогда, на мой взгляд, и *mythos* составленного актором рассказа о себе подлежит интерпретации со стороны социологов, историков и других представителей общественных наук. Так, интрига нарратива рассказчика является предметом изучения в современной социологии. Например, она выявляется с помощью «сторителлинга» как метода, позволяющего анализировать то или иное событие с точек зрения его участников.

Заключение

У Рикёра герменевтика действия проходит определенный путь в своем становлении и развитии: герменевтику социального действия и герменевтику действия в концепции «человека способного». Первый этап представляет собой синтез герменевтики текста, поэтики и семантики действия. Одна из его задач — предложить общественным наукам диалектику понимания и объяснения в качестве методологии интерпретации человеческих действий. Для ее решения Рикёр определяет социальное действие по аналогии с текстом — классическим предметом герменевтики: действие, как и текст, *запечатлено* и подлежит интерпретации. Критерий осмысленности, столь значимый для социологии действия, предстает в работах Рикёра в качестве внешнего признака действия, не связанного с личностью его агента. Социальность действия заключается в его осмыслении интерпретаторами — теми, кто его понимает и объясняет как *метку* на ткани общественной жизни, истории. Одними из них являются историки как представители социальных наук. Проблема историографической интерпретации становится у Рикёра одной из основных тем концепции нарратива. В ней герменевтика социального действия получает дополнительное измерение — поэтику, в которой логику парадигмы текста дополняет парадигма нарратива, а такие структурные элементы повествования, как подражание (*mimesis*) и упорядочивание (*mythos*), предстают в виде способов фиксации смысла поступков. Они могли бы дополнить методологию современных социальных наук.

На втором этапе герменевтики действия Рикёр анализирует действие как акт личностный. В рамках проблемы о персональной идентичности он заново ставит вопрос об осмысленности действия. Теперь в сфере его философского интереса не *читатели* нарративов — интерпретаторы действий, событий, а сами акторы как авторы смысла своих действий, поступков. Место интерпретации (диалектики

понимания и объяснения) занимает самопонимание «Я». Цель второго этапа герменевтики действия Рикёра — определить действующего субъекта. Им оказывается «человек способный» как единство «кто» говорящего, «кто» иницирующего события в мире, «кто» рассказывающего о себе и «кто» ответственного.

Герменевтика действия Рикёра — концепция не статичная, но изменчивая. Она возникает во многом как решение проблемы метода научного познания социального действия, а завершается в феноменологическом проекте «человека способного» как философско-антропологическая теория поступка. Ее итог — превращение действия в метакатегорию, объединяющую различные «кто» действующей *самости*. В процессе анализа «человека способного» как субъекта этики и морали социальное действие получает новое для философии Рикёра определение: социальное действие — это *praxis*. Тем самым герменевтика действия обретает этико-политическое измерение. В ней устанавливается диалогическая структура поступка (любое действие предполагает взаимодействие) и его социальная, политическая асимметрия: действующий субъект осуществляет власть по отношению к другому. Для того чтобы власть не переходила в насильственные формы, Рикёр предлагает использовать на практике разработанную им диалектику телеологических и деонтологических установок — концепцию, предающую уникальность его этическим изысканиям.

Два этапа герменевтики действия Рикёра — это самостоятельные концепции. Однако между ними существует взаимосвязь, установленная на уровне теории нарратива. На каждом из этапов *mythos* повествования предстает условием единства различного, темпорального. Если в герменевтике социального действия этим различным и темпоральным являются сами действия, то в герменевтике в рамках концепции «человека способного» — личность актора. Интрига объединяет различные действия в единый сюжет повествования, подлежащий интерпретации — диалектике понимания и объяснения.

В итоге вопрос об интерпретации включен в проблемное поле не только герменевтики социального действия, но и герменевтики «человека способного». Последняя дает нам возможность дополнить методологию интерпретации, разработанную в герменевтике социального действия. В частности, Рикёр предлагает представителям социальной философии, социологам-теоретикам, изучающим понятие действия, использовать субъективный подход: при определении действия необходимо учитывать его «кто». В противовес причинно-следственному подходу аналитических теорий Рикёр «разворачивает» собственную герменевтику действия к актору как к субъекту, обладающему *инициативой* для того или иного действия.

В целом столь изменчивая герменевтика Рикёра является примером необходимости применения различных философских подходов к действию для его целостного описания. Ее становление приходится на те годы, когда аналитическая философия, основанная на положениях позитивизма и прагматизма, доминировала в исследованиях проблемы действия. Рикёр не может не учитывать эту тенден-

цию. Историко-философским фундаментом его герменевтики действия становится синтез идей англосаксонской и континентальной философии. Так, определяя социальное действие по аналогии с текстом, Рикёр обращается к теории речевых актов Остина и Сёрля. Однако формулируя диалектику объяснения и понимания, он помнит про философскую герменевтику Шлейермахера и Дильтея. Его поздняя герменевтика поступка выстраивается как преодоление «препятствия», установленного аналитической теорией действия. Рикёр предлагает особый метод исследования — «окольный путь» через анализ проблематики «что-почему» в теории Дэвидсона. Цель этого метода — прийти к необходимости решить вопрос о субъекте действия. В этом Рикёру помогает уже континентальная философия, в частности — теории Канта и Аристотеля.

Литература

- Аристотель* (1983а). Никомахова этика // *Аристотель*. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. М.: Мысль. С. 53-294.
- Аристотель* (1983б). Поэтика // *Аристотель*. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль. С. 645-680.
- Борисенкова А. В.* (2007а). Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // *Социологическое обозрение*. Т. 6. № 1. С. 55-63.
- Борисенкова А. В.* (2007б). Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикёра) // *Социологическое обозрение*. Т. 6. № 2. С. 39-49.
- Вдовина И. С.* (2015). Поль Рикёр: Что может человек // *Блауберг И. И., Вдовина И. С.* (ред.). *Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация*. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 32-47.
- Вдовина И. С.* (2019). Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон+.
- Вебер М.* (2021). Основные социологические понятия // *Вебер М.* *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* в 4 т. Т. I. *Социология* / Пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 67-112.
- Зенкин С. Н.* (2013). Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикёра // *Поль Рикёр в Москве* / И. И. Блауберг, А. В. Борисенкова, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 327-345.
- Кастийо М.* (2013). Понятие этики и морали в учении Поля Рикёра // *Поль Рикёр в Москве* / И. И. Блауберг, А. В. Борисенкова, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 139-151.
- Кессиди Ф. Х.* (1983). Этические сочинения Аристотеля // *Аристотель*. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль. С. 8-37.
- Мачульская О. И.* (2015). Этическая концепция Поля Рикёра: ответ антинормативной философии // *Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация* / И. И. Блауберг, И. С. Вдовина (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 249-257.

- Мишура А. С. (2018). Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском // Социологическое обозрение. Т. 17. № 2. С. 87-114.
- Рикёр П. (1998). Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с фр. Т. В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга.
- Рикёр П. (2002). Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Рикёр П. (2004). Интервью с профессором Полем Рикёром. К изданию в России книги «Память, история, забвение» // Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы. С. 7-12.
- Рикёр П. (2008а). Модель текста: осмысленное действие как текст / Пер. с англ. А. В. Борисенковой // Социологическое обозрение. Т. 7. № 1. С. 25-43.
- Рикёр П. (2008б). Я-сам как другой / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы.
- Рикёр П. (2010). Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной. М.: РОССПЭН.
- Рикёр П. (2013а). Герменевтика и метод социальных наук // Полю Рикёр в Москве / И. И. Блауберг, А. В. Борисенкова, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 49-61.
- Рикёр П. (2013б). Мораль, этика и политика // Полю Рикёр в Москве / И. И. Блауберг, А. В. Борисенкова, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 75-90.
- Рикёр П. (2017а). Символ побуждает мыслить // Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы. С. 117-133.
- Рикёр П. (2017б). Структура символического действия // Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы. С. 186-204.
- Рикёр П. (2017в). Человек как предмет философии // Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы. С. 205-218.
- Рикёр П. (2017г). К кому обращается религия: человек способный // Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы. С. 278-297.
- Фёдорова М. М. (2015). Политическая феноменология П. Рикёра // Полю Рикёр: Человек — общество — цивилизация / И. И. Блауберг, И. С. Вдовина (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 258-275.
- Филитов А. Ф. (2013). Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // Полю Рикёр в Москве / И. И. Блауберг, А. В. Борисенкова, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская (ред.). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 277-294.
- Anderson P. S. (2012). From Ricoeur to Life: 'Living Up to Death' with Spinoza, but also with Deleuze // From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur's Thinking / T. Mei, D. Lewin (eds.). London, New York: Continuum. P. 19-33.

- Brian G.* (2018). *Ricoeur's Hermeneutics of Religion: Rebirth of the Capable Self*. Lanham, Maryland: Lexington Books.
- Busacchi V.* (2017). *Why the Reality is Not Totalisable: An Introduction to Paul Ricoeur's Philosophy of Action* // *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 7. № 11. P. 20-25.
- Davidson D.* (1980). *Essays on Actions and Events*, Oxford: Clarendon Press.
- Dickinson C.* (2012). *The Guises of Violence: Paul Ricoeur and Giorgio Agamben on The Transition from Metaphor to Politics* // *Paul Ricoeur and the Task of Political Philosophy* / G. Johnson, D. Silver (eds.). Lanham, Maryland: Lexington Books. P. 125-144.
- Dunne J.* (1996). *Beyond sovereignty and deconstruction: the storied self* // *Paul Ricoeur: The Hermeneutics of Action* / R. Kearney (ed.). London: SAGE Publications. P. 137-158.
- Habermas J.* (1988). *On the Logic of the Social Sciences*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Joy M.* (2018). *Ricoeur's Affirmation of Life in this World and his Journey to Ethics* // *Ricoeur Studies*. Vol 9. № 2. P. 104-123.
- Kaplan D.* (2003). *Ricoeur's Critical Theory*. New York: SUNY Press.
- Kearney R.* (1996). *Introduction* // *Paul Ricoeur: The Hermeneutics of Action* / R. Kearney (ed.). London: SAGE Publications. P. 1-2.
- Pellauer D.* (2012). *Looking for the Just* // *Ricoeur Studies* Vol. 3. № 1. P. 132-143.
- Ricoeur p.* (2008). *Imagination in Discourse and in Action* // *Ricoeur p. From text to action Essays in Hermeneutics*, II. London: Northwestern University Press. P. 164-183.
- Savage R.* (2015). *Introduction: Paul Ricoeur and the Age of Hermeneutical Reason* // *Paul Ricoeur and the Age of Hermeneutical Reason: Poetics, Praxis and Critique* / R. Savage (ed). London: Lexington Books. P. 1-20.
- Simms K.* (2003). *Paul Ricoeur*. London, UK and New York: Routledge.

Paul Ricoeur's Hermeneutics of Action: From Interpreter to Actor

Maria A. Sidorova

PhD (Philosophical Sciences), Senior Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES)

Address: Gazetnyy Per., 3-5, Moscow, 125009 Russian Federation

E-mail: msi.8883@gmail.com

It is difficult to find a text by Paul Ricoeur in which the hermeneutics of action is presented as a whole concept. However, the philosopher constantly returns to the problem of action, developing his own project of hermeneutical philosophy. This article analyzes Ricoeur's hermeneutics of action as a theory formed in two stages: the social action hermeneutics and the action hermeneutics within the concept of the "capable man". The study shows that the social action hermeneutics consists of semantics and poetics of action and its basis is the hermeneutics of text. The action hermeneutics in the concept of "capable man" is presented as a result of Ricoeur's answers to four questions about the "who" of the *self*: "Who is speaking?", "Who is acting?", "Who is recounting about himself or herself?", "Who is the moral subject of imputation?" The stages of

action hermeneutics are analyzed as concepts with different responses to the question of who comprehends the action. In the hermeneutics of social action, he who gives meaning to the action is an interpreter. In the concept of “capable man”, he is an actor. The interpreter is the reader and creator of the social meaning of the action. Ricoeur assigns this role to representatives of the social sciences (historians or sociologists). An actor is a *self* or a subject *capable of doing things*, giving meaning to their actions and taking responsibility. As a result, Ricoeur’s hermeneutics of action can be understood as a concept that integrates various themes from his philosophical work (such as textual hermeneutics, narrative theory, phenomenology of *self* and ethics) as well as different philosophical approaches to understanding action: Anglo-Saxon and Continental. The findings of this paper can be used to examine and analyze Ricoeur’s hermeneutics and the history of the philosophy of action more broadly.

Keywords: action, hermeneutics, text, narrative, symbol, “capable man,” responsibility, ethics

References

- Anderson P.S. (2012) From Ricoeur to Life: ‘Living Up to Death’ with Spinoza, but also with Deleuze. *From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur’s Thinking* (eds. T. Mei, D. Lewin), London, New York: Continuum, pp. 19-33.
- Aristotel (1983a) Nikomahova etika [Nicomachean Ethics]. *Aristotel. Sobranie sochineni v 4 tomah. Tom 4* (ed. A. Dovatur), Moscow: Mysl, pp. 53-294.
- Aristotel (1983b) Poetika [Poetics]. *Aristotel. Sobranie sochineni v 4 tomah. Tom 4* (ed. A. Dovatur), Moscow: Musl, pp. 645-680.
- Borisenkova A.V. (2007a). Teoria povestvovaniya Polya Rikyora: ot narrativnoy organizatsii opyta k narrativnym osnovaniyam nauchnogo znaniya [Paul Ricoeur’s theory of narrative: from the narrative organization of experience to the narrative foundations of scientific knowledge]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 1, pp. 55-63.
- Borisenkova A.V. (2007b) Germenevticheskie proecy v sotsiologii (na primere rabot Yu. Habermasa i p. Rikyora) [Hermeneutic projects in sociology (based on the example of the works of J. Habermas and p. Ricoeur)]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 2, pp. 39-49.
- Brian G. (2018) *Ricoeur’s Hermeneutics of Religion: Rebirth of the Capable Self*. Lanham, Maryland: Lexington Books.
- Busacchi V. (2017) Why the Reality is Not Totalisable: An Introduction to Paul Ricoeur’s Philosophy of Action. *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 7, no 11, pp. 20-25.
- Davidson D. (1980) *Essays on Actions and Events*, Oxford: Clarendon Press.
- Dickinson C. (2012) The Guises of Violence: Paul Ricoeur and Giorgio Agamben on The Transition from Metaphor to Politics. *Paul Ricoeur and the Task of Political Philosophy* (eds. G. Johnson, D. Silver), Lanham, Maryland: Lexington Books, pp. 125-144.
- Dunne J. (1996) Beyond sovereignty and deconstruction: the storied self. *Paul Ricoeur: The Hermeneutics of Action* (ed. R. Kearney), London: SAGE Publications, pp. 137-158.
- Filippov A. F. (2013) Deystvie kak sobytie i tekst: k sotsyologicheskomu osmysleniyu Polya Rikyora [Action as an event and text: towards a sociological understanding of Paul Ricoeur]. *Pol Rikyev v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow] (eds. I. I. Blauberg, A. V. Borisenkova, I. S. Vdovina, O. I. Machulskaya), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 277-294.
- Habermas J. (1988) *On the Logic of the Social Sciences*, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Joy M. (2018) Ricoeur’s Affirmation of Life in this World and his Journey to Ethics. *Ricoeur Studies*, vol. 9, no 2, pp. 104-123.
- Kaplan D. (2003) *Ricoeur’s Critical Theory*, New York: SUNY Press.
- Kastiyo M. (2013) Ponyatie etiki i morali v uchenii Polya Rikyera [The concept of ethics and morality in the teaching of Paul Ricoeur]. *Pol Rikyev v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow] (eds. I. I. Blauberg, A. V. Borisenkova, I. S. Vdovina, O. I. Machulskaya), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 139-151.
- Kearney R. (1996) Introduction. *Paul Ricoeur: The Hermeneutics of Action* (ed. R. Kearney), London: SAGE Publications, pp. 1-2.

- Kessidi F.H. (1983) Eticheskie sochineniya Aristotelya [Ethical writings of Aristotle]. *Aristotel. Sobranie sochineniy v 4 tomah. Tom 4* (ed. A. Dovatur), Moscow: Mysl, pp. 8-37.
- Machulskaya O.I. (2015) Eticheskaya kontseptsiya Polya Rikyera: otvet antinormativnoy filosofii [The ethical concept of Paul Ricoeur: a response to anti-normative philosophy]. *Paul Ricoeur: Chelovek — obshchestvo — tsyvilizatsia* [Human — society — civilization] (eds. I.I. Blauberger, I.S. Vdovina), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 249-257.
- Mishura A.S. (2018) Ponyatie namereyiyi v filosofii deystviya Elizabet Enskom [The Concept of Intention in Anscombe's Philosophy of Action]. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 2, pp. 87-114.
- Pellauer D. (2012) Looking for the Just. *Ricoeur Studies*, vol. 3, no 1, pp. 132-143.
- Ricoeur p. (1998) *Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and Narrative. T 1. Intrigue and historical narrative], Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Ricoeur p. (2002) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [The Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics], Moscow: «KANON+», «Kuchkovo pole».
- Ricoeur p. (2004) Intervyu s professorom Polem Rikyrom. K izdaniyu v Rossii knigi "Pamyat, istoriya, zabvenie" [Interview with Professor Paul Ricoeur. For the publication in Russia of the book "Memory, History, Oblivion"]. *Pamyat, istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion] (P. Ricoeur), Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, pp. 7-12.
- Ricoeur p. (2008) Imagination in Discourse and in Action. *From text to action Essays in Hermeneutics, II*, London: Northwestern University Press, pp. 164-183.
- Ricoeur p. (2008a) Model teksta: osmyslennoe deystvie kak tekst [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text]. *Russian Sociological Review*, vol. 7, no 1, pp. 25-43.
- Ricoeur p. (2008b) *Ya — sam kak drugoy* [Oneself as Another], Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury.
- Ricoeur p. (2010) *Put priznaniya. Tri ocherka* [The Course of Recognition], Moscow: ROSSPEN.
- Ricoeur p. (2013a) Germeneytika i metod sotsialnykh nauk [Hermeneutics and the method of social sciences]. *Pol Rikyev v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow] (eds. I.I. Blauberger, A.V. Borisenkova, I.S. Vdovina, O.I. Machulskaya), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 49-61.
- Ricoeur p. (2013b) Moral, etika i politika [Moral, ethics and politics]. *Pol Rikyev v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow] (eds. I.I. Blauberger, A.V. Borisenkova, I.S. Vdovina, O.I. Machulskaya), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 75-90.
- Ricoeur p. (2017a) Simvol pobuzhdaet myslit [The symbol encourages thinking]. *Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya 3* [Philosophical anthropology], Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, pp. 117-133.
- Ricoeur p. (2017b) Struktura simvolicheskogo deystviya [The structure of symbolic action]. *Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya 3* [Philosophical anthropology], Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, pp. 186-204.
- Ricoeur p. (2017c) Chelovek kak predmet filosofii [Man as a subject of philosophy]. *Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya 3* [Philosophical anthropology], Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, pp. 205-218.
- Ricoeur p. (2017d) K komu obrachaetsya religiya: chelovek sposobny [Who does religion appeal to: a capable man]. *Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya 3* [Philosophical anthropology], Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, pp. 278-297.
- Fyedorova M.M. (2015) Politicheskaya fenomenologiya p. Rikyera [Political phenomenology by p. Ricoeur]. *Paul Ricoeur: Chelovek — obshchestvo — tsyvilizatsia* [Human — society — civilization] (eds. I.I. Blauberger, I.S. Vdovina), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 258-275.
- Savage R. (2015) Introduction: Paul Ricoeur and the Age of Hermeneutical Reason. *Paul Ricoeur and the Age of Hermeneutical Reason: Poetics, Praxis and Critique* (ed. R. Savage), London: Lexington Books, pp. 1-20.
- Simms K. (2003) *Paul Ricoeur*, London, UK and New York: Routledge.
- Vdovina I.S. (2015) Pol Rikyev: Shto mozhet chelovek? [Paul Ricoeur: What can a person do?]. *Paul Ricoeur: Chelovek — obshchestvo — tsyvilizatsia* [Human — society — civilization] (eds. I.I. Blauberger, I.S. Vdovina), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 32-47.

- Vdovina I. S. (2019) *Pol Rikyer: na «Eliseyskih polyah» filosofii* [Paul Ricoeur: on Champs Elysees of philosophy], Moscow: «Kanon+».
- Weber M. (2021) *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts]. *Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii v 4 t. T. I. Sotsiologia* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology] (ed. L. G. Ionin), Moscow: Izd. Dom Vyshey shkoly ekonomiki, pp. 67-112.
- Zenkin S. N. (2013) *Sotsyalnoe deystvie i ego smysl: istoricheskaya germenevtika posle Ricyera* [Social action and its meaning: historical hermeneutics after Ricoeur]. *Pol Rikyer v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow] (eds. I. I. Blauberg, A. V. Borisenkova, I. S. Vdovina, O. I. Machulskaya), Moscow: «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», pp. 327-345.

Что сказал спикер? Ценности в парламентском дискурсе и в оценках россиян

Георгий Борщевский

Доктор политических наук, профессор,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Москва, 119571 Российская Федерация

E-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru.

Парламент, наделенный представительскими функциями, призван репрезентировать структуру общества и артикулировать присущие ему ценности. Председатель (спикер) входит во властную элиту и представляет ведущую политическую партию, поэтому его выступления в палате можно рассматривать как послание власти гражданам. Статья нацелена на выявление ценностных доминант в дискурсе председателей Государственной Думы I-VIII созывов (1994–2023) и поиск точек соприкосновения с ценностями российского общества. Методологической основой выступает интегральная модель ценностей, базирующаяся на известных методиках Герта Хофстеде, Роналда Инглхарта и Шаломы Шварца, адаптированная для контент-анализа дискурсивных текстов (стенограмм думских заседаний) по тезаурусным словам-маркерам, характеризующим базовые ценности. Также применяется качественный дискурс-анализ для выявления смысловых цепочек, специфики идеологической артикуляции слов-маркеров, анализа трансформации их смысла в разных контекстах. Устойчивость моделей, построенных по частотности употребления в дискурсе слов-маркеров для четырех групп ценностей, проверяется методом главных компонент. Проверена гипотеза о том, что партийная принадлежность спикеров со временем утратила связь с транслируемыми ими ценностями (такая связь прослеживалась лишь в I-II созывах Думы). Подтвердилось предположение о ценностном сдвиге в дискурсе от коллективистских ценностей к индивидуалистским в годы постсоветского политического транзита, при этом отмечено снижение в кластерах светско-рациональных и традиционных ценностей. Модели верифицированы с использованием вторичного анализа данных массовых опросов российских социологов и волн Всемирного исследования ценностей для России; выявлены корреляционные связи между частотой упоминания ценностей и динамикой ответов респондентов на вопросы, соответствующие этим ценностям (за исключением традиционалистских ценностей). Сопоставление моделей с индикаторами социально-экономического развития страны выявило контринтуитивные результаты, указывающие на нелинейное влияние экономической ситуации на политическое мышление и дискурсивные практики. Статья призвана внести вклад в теоретическую и эмпирическую разработку политики современной России в области ценностей.

Ключевые слова: ценности, Всемирное исследование ценностей, Инглхарт, Шварц, Хофстеде, Государственная Дума, парламентский дискурс, общественное мнение, метод главных компонент, дискурс-анализ

Ровно тридцать лет назад, в 1994 году, начал работу первый созыв Государственной Думы. Парламент менялся вместе с обществом, воплощая в своих дискуссиях широкий спектр мировоззрений. Нижняя палата, избираемая гражданами напрямую, осуществляет не только законодательные, но и представительские функции, в част-

ности, репрезентирует структуру общества и артикулирует ценности, присущие данному обществу. В этой связи парламентский дискурс может рассматриваться, с одной стороны, как срез настроений и ценностей, а с другой — как послание власти населению страны. В условиях несовершенства политических систем в современном мире нередко возникают ценностные разрывы между элитами и широкими слоями общества, что провоцирует взаимное недоверие и хаотизацию социальных процессов (Baue, Morisi, 2023). Кроме того, по справедливому замечанию Александра Филиппова, еще Карл Шмитт видел роль законодателя в том, чтобы, создавая «надежные и исполнимые правила», препятствовать «террору ценностей», разделяемых не всеми членами общества (Филиппов, 2023). Дискурсивный анализ позволяет определить аксиологическую идентичность власти и оценить ее соответствие общественным ожиданиям (Chizhik, Sergeev, 2021; Laruelle, Grek, Davydov, 2023).

Данная статья нацелена на сопоставление общественных ценностей в высказываниях председателей Государственной Думы и в оценках россиян на фоне социально-экономического развития страны. Дискурс спикеров, а не всего депутатского корпуса, стал объектом нашего изучения по следующим причинам. Во-первых, выступления спикера, особенно на открытии и закрытии сессий, имеют программный характер, выходя за рамки обсуждения конкретных законопроектов; во-вторых, спикер обладает репрезентативной функцией и уполномочен делать заявления от имени всей палаты; в-третьих, он всегда представляет ведущую политическую силу, и его партийная принадлежность определяет господствующую идеологию; в-четвертых, спикер по должности наиболее близок к высшей элите, и в его речах звучит официальный нарратив власти в конкретный исторический момент.

Исследование проведено за весь период деятельности Государственной Думы с 1994 по 2023 год. Сопоставимые по длительности периоды ранее охватывали изучение ценностей элит (Sokolov, Inglehart, Ponarin, 2018) и парламентского дискурса (Tiaunpen-Qadir, Qadir, Alasuutari, 2019; Панов, Сулимов, 2023). Наше исследование призвано акцентировать внимание на том аспекте парламентаризма, который ранее не становился объектом специального изучения. Мы постарались выяснить, во-первых, как менялись ценностные доминанты парламентского дискурса; во-вторых, как они соотносились с ценностями россиян, фиксируемыми репрезентативными опросами; в-третьих, влияет ли на их динамику экономическое развитие страны. Решение этих задач будет способствовать лучшему пониманию процессов развития ценностей в постсоветской России, что имеет прикладное значение для политических акторов, формирующих актуальную повестку в аксиологическом измерении. Подобное исследование вносит известный вклад и в теорию, так как по-новому адаптирует известные способы идентификации общественных ценностей.

Теоретическая рамка и гипотезы исследования

Исследования общественных ценностей имеют многолетнюю историю в различных общественных дисциплинах. В частности, Габриэль Алмонд еще в 1956 году

сопоставил особенности политической культуры ряда стран. Сегодня существует большой спектр методик, претендующих на универсальный охват ценностей, ориентированных на поиск различий между мировыми культурами и формирование региональных ценностных кластеров.

Одна из наиболее ранних и ценных разработок подобного рода начата в 1980 году Гертом Хофстеде из Нидерландов. Первоначально его модель включала четыре дихотомические пары ценностей: индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, большая/малая дистанция власти и принятие/избегание неопределенности. Первая пара заимствована у Талкотта Парсонса и Эдварда Шилза (Parsons, Shils, 1951), вторая — у Алекса Инкелеса и Дэниэла Левинсона (Inkeles, Levinson, 1969), остальные ввел сам Хофстеде. В 1987 году он добавил пятую пару (краткая/долгосрочная ориентация), ранее предложенную Флоренс Клакхон и Фредом Стродбеком (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961). В 2000-х годах Хофстеде дополнил свою модель шестой парой: ограничение/потворство желаниям (Hofstede et al., 2020), однако шестимерная модель обладала невысокой объясняющей способностью, и в 2010 году Хофстеде в соавторстве с Михаилом Минковым из Болгарии сократил ее до двух пар: индивидуализм/коллективизм и монументализм/гибкость. Методика Хофстеде–Минкова получила широкую апробацию и признание в кросс-культурных исследованиях (Минков, Соколов, Ломакин, 2023).

Израильский специалист Шалом Шварц предложил в 1992 году иной подход, который перекликается с более ранней работой Милтона Рокича (1973) об индивидуальных ценностях. Шварц также испытал влияние идей Парсонса и Шилза, Клакхон и Стродбека. Изначально его модель включала семь базовых ценностей: принадлежность, интеллектуальная и аффективная автономия, иерархия, равноправие, мастерство и гармония. Шварц отошел от дихотомических противопоставлений, заменив их континуумом. В 2008 году он расширил свою модель до десяти, а в 2017 году — до 19 ценностей, разделив их на блоки: открытость изменениям (самостоятельность мыслей и поступков, стимуляция, гедонизм); самоутверждение (достижение, власть как ресурс и как доминирование, репутация); самозащита (личная и общественная безопасность); сохранение (традиция, соблюдение правил, избегание конфликтов); самоопределение (скромность, забота о других и о природе, толерантность); рост и развитие (забота и чувство долга) (Schwartz, Cieciuch, 2022). Эта исследовательская модель также широко известна, в том числе и в России.

Американец Роналд Инглхарт в 1997 году выдвинул третью распространенную методику межкультурного исследования ценностей. В ее основе лежат две шкалы: традиционализм/секулярная рациональность и выживание/самовыражение (Inglehart, 2018). Первую пару предлагалось оценивать, выясняя отношение респондентов к религии, индивидуализму, семье и власти, а вторую — их отношением к богатству, закону, свободе и межличностному доверию. В 2013 году в соавторстве с немецким автором Кристианом Вельцелем Инглхарт пере-

именовал указанные критерии в секулярность, постматериализм, автономию и эмансипацию. По методике Инглхарта–Вельцеля проводится Всемирное исследование ценностей (WVS), на основе которого разработана карта, разделяющая мир на девять зон (Россия входит в «православный» кластер) (Haerpfer et al., 2022). Данные WVS демонстрируют ценностные размежевания не только между странами, но и внутри национальных культур (Мухаметов, 2023; Minkov et al., 2023).

Эдвард Холл (Hall, 1976), Фонс Тромпенаарс (Trompenaars, 1993), Роберт Хаус (House et al., 2004), Гарри Триандис (Triandis, 2004) разработали иные методики, уступающие вышеназванным своей валидностью и уровнем апробации. Следует упомянуть карты публичных ценностей Барри Бозмана (Bazeman, 2020), оценивающие политические решения на соответствие конвенциональным ценностям общества, и Тимо Мейнхардта (Meunhardt, 2021), где выявляется отношение граждан к конкретным решениям политиков. Особняком стоит теория моральных оснований, раскрывающая отличия консервативной и либеральной идеологий через этику автономии и этику сообщества (Graham et al., 2018). Эта теория, появившаяся в США, получает распространение и в нашей стране (Сулимов, Сычев, Белоусов, 2022).

Каждая методика подвергалась обоснованной критике, при этом со временем выяснилось, что ключевые аксиометрические методики дают согласованные результаты. Приводятся данные о сходстве между методиками (Минков, Соколов, Ломакин, 2023; Fog, 2023). Кристиан Вельцель справедливо указывает, что «концепции дополняют друг друга, и синтез исправляет их взаимные недостатки» (Beugelsdijk, Welzel, 2018: 269). Аннели Кааса из Эстонии (Kaasa, 2021) интегрировала модели Хофстеде, Шварца и Инглхарта в единую систему (рис. 1), что принципиально значимо для нашего исследования.

В разных странах мира отмечается рост индивидуализма, постматериализма, секулярности и эмансипации (Jordaan, Dima, 2020). Это наблюдается и в России (Горшков, Андреев, Тихонова, 2022). В своем исследовании мы проверяем гипотезу, что дискурс председателей Государственной Думы отражает этот общемировой ценностный сдвиг.

Существенную роль при отнесении стран к культурным зонам играют такие факторы, как (не)коммунистическое прошлое и уровень социально-экономического развития (Pavlović, Todosijević, 2020). В большом ряду исследований обоснованы взаимосвязи макроэкономических условий в стране с такими ценностными параметрами, как доверие к политическим институтам (Bauer, Morisi, 2023), уровень постматериализма (Jordaan, Dima, 2020), автономия и демократия (Inglehart, 2018), культурные ориентации (Schwartz, Cieciuch, 2022). Таким образом, представляется обоснованной гипотеза о том, что ценностные акценты в выступлениях спикеров Госдумы взаимосвязаны с параметрами социально-экономического развития России.

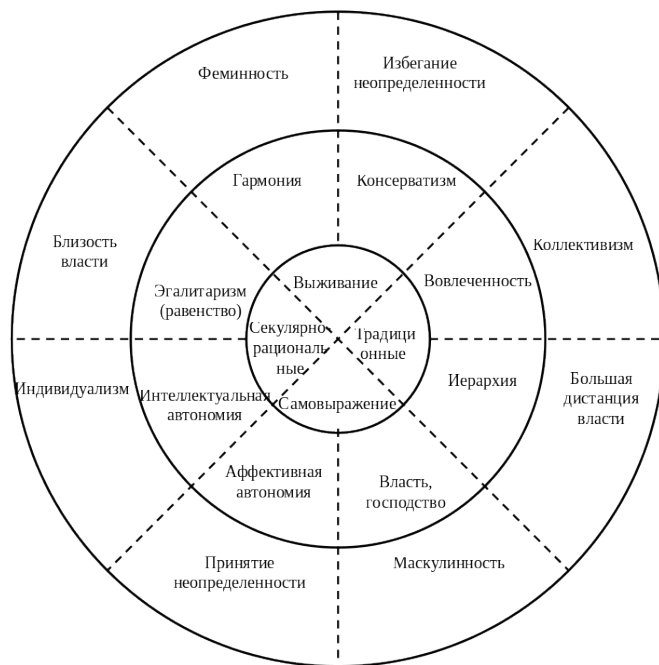

Рис. 1. Интегральная модель ценностей по Хофстеде, Шварцу и Инглхарту
Источник: Kaasa, 2021, перевод автора

Справедливо утверждается, что «политические акторы могут использовать определенные слова-маркеры, обозначающие ценности, для установления контакта и доверительных отношений с аудиторией» (Попова, Гришин, 2023: 150). Такие слова-маркеры, или, в другом варианте, лексемы-идеологемы (Панов, Сулимов, 2023), по нашему мнению, связывают ценности с политическим дискурсом и являются интересным объектом для анализа. При изучении дискурса авторы опираются на ряд теорий. В рамках теории гегемонии Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф (1985) политика рассматривается как часть дискурсивной практики и способ изменения социального мира. Критический дискурс-анализ Нормана Фэрклоу (1992), к которому примыкают работы Тена Ван Дейка и Рут Водак, основан на интертекстуальности, то есть сопоставлении различных текстов. Опосредованный дискурс-анализ Рона Сколлона (2001) восходит к теориям социального действия Вебера и Бурдьё. Отдельные ценности и моральная лексика в дискурсе депутатов ранее исследовались (Сулимов, Сычев, Белоусов, 2022; Панов, Сулимов, 2023), но ценностная составляющая парламентского дискурса в России, насколько известно, специально не анализировалась.

При изучении парламентского дискурса часто изучают стенограммы пленарных заседаний методом контент-анализа. Это позволяет охватить длительные периоды (в ряде исследований — более 100 лет) и максимизировать объем выборки. При этом анализ законодательной речи (*legislative speech*) связан с рядом методоло-

гических проблем: многозначность терминов (полисемия); игнорирование контекста высказываний при машинной обработке текстов; неоднозначность соотношения количества дискурсивных слов с политической позицией актора. Разрешению этих противоречий способствует совмещение количественных подсчетов с качественным анализом смысла высказываний (Lauderdale, Herzog, 2016).

Во многих работах сравнивается дискурс представителей левых и правых партий, различия между которыми постепенно сокращаются как за рубежом (Tiaunpen-Qadir, Qadir, Alasuutari, 2019), так и в России (Lilja, 2021; Панов, Сулимов, 2023). Объяснение этого находим в известной морфологии идеологий Майкла Фридена (Freeden, Sargent, Stears, 2013), который связывал их не с абстрактными понятиями, а с концептами, ситуативно комбинируемыми в дискурсивных практиках (отсылка к теории дискурса Лакло-Муфф). Здесь же можно упомянуть теорию кооптации оппозиции, проявлением которой стало сближение риторики партии власти и оппозиции в Государственной Думе после 2003 года (Панов, Сулимов, 2023). Обладает потенциалом и теория дискурсивных коалиций Маартена Хайера (Hajer, 2006), согласно которой полярные политические силы используют сходные речевые стратегии «поверх» своих идеологий для решения инструментальных задач. Сегодня не идеологии формируют ценности людей, а, напротив, последние сами формируют партийность (Chebankova, 2020). На данных методологических предпосылках мы предлагаем гипотезу, что партийная принадлежность председателей Госдумы не оказывает существенного влияния на транслируемые ими ценности.

Во многих исследованиях анализируется взаимосвязь между парламентским дискурсом и общественными настроениями по тому или иному вопросу (Chizhik, Sergeyev, 2021). Также количественный анализ дискурса депутатов Государственной Думы применяется для оценки режимных изменений (Laruelle, Grek, Davydov, 2023). В соответствии с постулатами теории социального действия и критического дискурс-анализа, предполагается, что трансформации парламентского дискурса отражают динамику социальных практик. Это доказано в ряде работ (например: Onursal, Kirkpatrick, 2021). Изложенное позволяет сформулировать гипотезу о взаимосвязи между ценностями, транслируемыми спикерами Госдумы, и преобладающими ценностями в российском обществе в каждый анализируемый момент времени.

Конкретные особенности проверки выдвинутых гипотез описаны в следующем разделе.

Данные и методы

Для проверки выдвинутых гипотез мы используем три типа данных:

- первичные данные, содержащие наборы *слов-маркеров*, характеризующие определенные ценности в дискурсе председателей Государственной Думы;
- вторичные данные *массовых опросов*, проведенных ведущими социологическими организациями РФ, характеризующие отношение россиян к определенным ценностям;

— официальные *статистические данные*, характеризующие тенденции социально-экономического развития РФ в анализируемый период.

Обоснование набора ценностей и слов (вопросов) для их однозначной идентификации представляет известную проблему для исследователей. При этом взаимосвязь между валидными методиками Хофстеде-Минкова, Шварца и Инглхарта-Вельцеля позволила сформировать на их основе интегральную модель ценностей (Кааса, 2021). Указанные методики предполагают опросы респондентов, но для председателей Госдумы такой опрос невозможен, особенно в ретроспективе, поэтому мы выявляем ценности в публичном дискурсе — выступлениях на пленарных заседаниях палаты. Все ценности в рамках интегральной модели мы разделили на кластеры (светско-рациональные/традиционные и индивидуалистские/коллективистские), и по кратким описательным характеристикам, данным их авторами, предлагаем наборы слов-маркеров, соответствующих каждой группе ценностей (табл. 1). Таким образом, мы модифицируем известные методики для перехода от опросов респондентов к контент-анализу текстовых дискурсивных документов. Многообразие вопросов агрегировано до ключевых ценностей, каждой из которых соответствует набор слов-маркеров.

По официальной базе стенограмм заседаний¹ изучены 2067 выступлений председателей Госдумы в 1994-2023 годы, содержащие 1,63 млн словоупотреблений. Слова-маркеры выявлялись в корпусе стенограмм и рассчитывалась частота их употребления спикером в общем объеме слов в тексте. Далее проводился качественный дискурсивный анализ, позволяющий: а) определить смысловые слои при употреблении слов-маркеров; б) очистить выборку от нерелевантных словоупотреблений, не связанных с ценностями. Качественный дискурс-анализ предполагает выявление смысловых цепочек, специфики идеологической артикуляции слов-маркеров, анализ трансформации их смысла в разных контекстах. После подобной фильтрации пересчитана частота использования слов-маркеров, и они распределены по кластерам, согласно таблице 1.

Для минимизации субъективизма в наборе дискурсивных слов мы тестируем полученные количественные оценки частоты их употребления методом главных компонент. Метод позволяет находить скрытые закономерности и описывать предметную область с помощью ограниченного числа факторов (латентных переменных), уменьшающих размерность данных с сохранением исходных закономерностей (Ghojogh et al., 2022):

1. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 27.04.2024).

Таблица 1. Операционализация понятий для проведения контент-анализа

Классификация	Ценности	Характеристика	Слова-маркеры	Ценности	Характеристика	Слова-маркеры
Светско-рациональные/Традиционные						
Инглхарт-Вельцель	Секулярно-рациональные (высокая секулярность)	Значимость науки, знаний, разума; успех, достижения, борьба за права	Наук*, науч* Прогресс План*	Традиционные (низкий постматериализм)	Значимость религии, семьи, власти, стабильные ценности; единство; мир	Религ*, вера Семья, семей* Поряд* Един* Мир*
Хофстеде-Минков	Гибкость	Свободомыслие; борьба за права; значимость норм, законов; равноправие	Право* Протест* Свобод* Выбор* Оппоз*, оппон*	Монументализм	Значимость традиций, власти, статуса и богатства; отношения «своей-чужой»	Традиц* Власт* Государ*
Шварц	Самоопределение	Скромность (не значим статус); универсализм (стремление к равенству, справедливости); забота о природе; разнообразие, принятие различий	Демократ* Конституц* Закон* Равн*, равен* Справедл* Эколог*, природ*	Самоутверждение	Достижение (успех); власть (господство, влияние, контроль, богатство); репутация (социальный статус и имидж, достоинство, гордость)	Благопол*, благосос* Процвет* Контрол* Патриот* Держав* Родин* *стран*
Индивидуалистские / Коллективистские						
Инглхарт-Вельцель	Самовыражение (высокая автономия)	Значимость личности, свободы, прав; личного успеха и эффективности	Личн* Гражд* Челов*	Выживание (низкая эмансипация)	Значимость безопасности, материальных благ, единства; авторитаризм; покорность власти	Безопас*
Хофстеде-Минков	Индивидуализм	Ситуативность, саморазвитие; опора на свои силы; значимость передового опыта	Индивид* Капитал* Бизнес* Рыно*	Коллективизм	Гордость, высокая самооценка; стабильные ценности; взаимопомощь	*сил*, усил* Президент* Лидер* Стабил*
Шварц	Открытость изменениям	Самостоятельность (думать и действовать по-своему); стимуляция (новизна и перемены); гедонизм (удовольствие, удовлетворение)	Эконом* Труд* Современ* Сейчас Либерал* Развит* Будущ* Довер* Открыт* Честн* *ответств*	Сохранение	Традиция (религия, семья); конформизм (мнение большинства; избегание конфликтов)	Консерват* Истор* Прошл* Памят* Народ* Здоров* Обществ* Социал* Суверен* Независ*
	Рост и развитие	Благожелательность (чувство долга, надежность; доверие)		Самозащита	Безопасность, стабильность	

Источник: составлено автором на основе Inglehart, 2018; Hofstede et al., 2020; Kaasa, 2021; Schwartz, Cieciuch, 2022; Haerper et al., 2022; Minkov et al., 2023; Минков, Соколов, Ломакин, 2023.
Примечание: при контент-анализе используются неизменяемые словоформы, отмеченные знаком (*).

$$x_i = \sum_{k=1}^n a_{i,k} F_k + U_i \quad , \quad (1)$$

где: x_i — переменная, $i=1, \dots, m$ (m — количество переменных); n — количество факторов ($n < m$); $a_{i,k}$ — факторная нагрузка; F_k — скрытый фактор, $k=1, \dots, n$; U_i — уникальный фактор.

В ходе применения метода строится корреляционная матрица из линейных коэффициентов корреляции Пирсона. Далее происходит извлечение факторных нагрузок: в многомерном пространстве $x=x_1, x_2, \dots, x_k$ выделяется группа коррелирующих переменных и заменяется их главными компонентами $y=y_1, y_2, \dots, y_k$, при этом:

$$y_i = \sum_{j=1}^k a_{i,j} z_j \quad , \quad (2)$$

где: y_i — главная компонента ($j=1, \dots, m$); $a_{i,j}$ — коэффициент вклада переменной x_i в главную компоненту y_i .

Главные компоненты представляют собой линейные комбинации переменных, обладающие свойством ортогональности и максимальной выборочной дисперсией $s_2 \rightarrow \max$. Их суммарная дисперсия равна суммарной дисперсии исходных переменных. Определение главных компонент состоит в вычислении собственных значений корреляционной матрицы исходных данных ($\lambda_1, \dots, \lambda_k$). Собственные векторы главных компонент совпадают со столбцами матрицы, а собственные числа равны дисперсиям новых переменных $s_2(y_k) = \lambda_k$. Факторные нагрузки $a_{i,j}$ представляют собой коэффициенты корреляции исходных переменных с главными компонентами. Сокращение размерности пространства $y=y_1, \dots, y_k$ происходит путем отсека неинформативных переменных. Для этого используются критерий Кайзера (в число главных компонент включаются переменные, собственные значения которых $\lambda \geq 1$).

По главным компонентам, соответствующим наиболее информативным факторам, строится новый временной ряд, характеризующий весь набор исходных данных, который в дальнейшем используется как индекс для данного кластера ценностей (3):

$$I_t = \sum_{i=1}^t x_{i,t} f_i + \text{const} \quad (3)$$

где: I_t — значение индекса в период t ; x_i, t — значение i -го показателя в период t ; f_i — коэффициент регрессии вида $y_i = f_i * x_i + \varepsilon$, где y_i — первая главная компонента, построенная по набору показателя x_1, \dots, x_m (m — количество переменных), ε — ошибка модели.

Описанные операции повторяются для наборов данных, характеризующих каждый из четырех кластеров ценностей из таблицы 1. Расчеты выполнены в программном пакете Stata v.17.0.

Построенные индексы по годам и по созывам Государственной Думы мы сопоставляем с волнами *WVS* в России², что позволяет проверить гипотезу об отражении в дискурсе спикеров общемирового ценностного сдвига в сторону индивидуализма, постматериализма и эмансипации.

Спикерами Думы I-III созывов были представители левых партий, а начиная с IV созыва это место занимают члены «Единой России». Этот факт в сопоставлении с динамикой индексов ценностей позволяет проверить гипотезу, что партийная принадлежность председателей Госдумы не оказывает существенного влияния на транслируемые ими ценности.

Для проверки следующей гипотезы о существовании связи ценностей в дискурсе спикеров Госдумы с преобладающими ценностями в российском обществе мы сопоставили динамику индексов с данными ряда репрезентативных массовых опросов, хронологически охвативших 1994-2023 годы и тематически связанных с ценностями и словами-маркерами.

Мы ожидаем обнаружить связи результатов опросов с динамикой индексов, характеризующих *светско-рациональные* ценности, с опросами ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-центра» (иноагент) об отношении граждан к Конституции³ (вопросы: «Читали ли Вы Конституцию?»; «Как Вы оцениваете Конституцию?»; «С какими из мнений о роли Конституции в жизни страны Вы бы скорее согласились?»; «Какие из основных прав и свобод, провозглашенных Конституцией, представляются наиболее важными для Вас?»; «Соблюдают ли российские власти Конституцию страны?»; «Нужно ли пересмотреть Конституцию РФ?»). Такая связь объясняется ориентацией светско-рациональных ценностей на права и законы; при этом более существенное значение будет иметь сила связи, а не ее вектор (положительный или отрицательный). Также с этими ценностями могут коррелировать оценки уровня справедливости (вопрос ВЦИОМ «Считаете ли Вы российское общество социально справедливым?»); вопрос ФОМ «По Вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной

2. Отчеты Всемирного исследования ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 26.04.2024).

3. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rossii-menyat-ili-ne-menyat>; <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=486>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-znaem-o-rossijskoj-konstituczii>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rf-nashi-prava-i-svobody>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-izmenit-ili-ostavit>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstituzionnye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/popravki-k-konstituczii-znachenie-i-otnoshenie>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-i-zhizn>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-konstitucii> (дата обращения: 26.04.2024).

ФОМ. URL: https://bd.fom.ru/cat/pow_con/ (дата обращения: 27.04.2024).

«Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/2003/12/09/press-vypusk-35-rossiyane-o-dejstvuyushhej-konstitutsii/>; <https://www.levada.ru/2014/12/10/rossiyane-o-konstitutsii-3/>; <https://www.levada.ru/2020/01/31/konstitutsiya/>; <https://www.levada.ru/2017/12/10/den-konstitutsii-2/>; <https://www.levada.ru/2021/12/13/den-konstitutsii-4/> (дата обращения: 26.04.2024).

справедливости в нашем обществе?»⁴) и готовности к участию в протестах (опрос ВЦИОМ «Насколько возможны сейчас в Вашем городе/сельском районе массовые выступления населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»⁵), а также оценки уровня соблюдения прав человека (опрос ФОМ «В какой мере права человека в современной России соблюдаются?»⁶).

Индивидуалистские ценности, предположительно, отражают готовность респондентов голосовать на выборах за правые партии (ЛДПР), что позволяют выявить опросы ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-центра» «Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы Вы голосовать на этих выборах? Если да, то за какую из партий?»⁷. В свою очередь, одобрение левых партий (КПРФ) может быть связано с распространенностью коллективизма, а центристских партий («Наш дом — Россия», «Единая Россия») — традиционализма.

Высокий уровень *традиционалистских ценностей*, ориентированных на лояльность власти и конформизм, может коррелировать с одобрением респондентами деятельности президента РФ, председателя правительства и правительства РФ, глав регионов и Государственной Думы⁸. Одобрение положения дел в стране (опрос «Левада-центра» «Дела в стране сегодня идут в целом в правильном направлении, или страна движется по неверному пути?»⁹) логически соотносится

4. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>; https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Schaste-i-blagopoluchie_july-2021.pdf; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti?ysclid=rlowca7xlv661096748> (дата обращения: 26.04.2024).

ФОМ. URL: <https://fom.ru/posts/14099>; <https://fom.ru/TSennosti/13279> (дата обращения: 26.04.2024).

5. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 26.04.2024).

6. ФОМ. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10873> (дата обращения: 26.04.2024).

7. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/promezhutochnyi-finish>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/partijnye-rejtingi-v-pervom-polugodii>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idejno-politicheskie-simpatii>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2007-byli-li-oni-chestnymi-svobodnymi-i-demokratichnymi>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlast-na-fone-krizisa-fevral'skie-rejtingi>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-i-rejtingi-partij>; <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1505>; <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1240>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-partij-retrospektiva-pyati-nedel-oseni>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-politicheskikh-partij>; <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=3626>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-odobreniya-raboty-gosudarstvennykh-institutov-rejtingi-partij-25>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/default-402e3320c1> (дата обращения: 26.04.2024).

«Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/2015/12/10/elektoralnyj-rejting-partij/>; <https://www.levada.ru/2018/09/17/partijnye-rejtingi/>; <https://www.levada.ru/2019/08/14/vozmozhnoe-golosovanie-za-partii/> (дата обращения: 26.04.2024).

ФОМ. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/rat_par/party_rating_2003/ddo34805 (дата обращения: 26.04.2024).

8. «Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>; <https://www.levada.ru/indikatory/>; <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>; <https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/>; <https://www.levada.ru/2023/06/29/odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-i-partij-v-kontse-iyunya-2023-goda/> (дата обращения: 26.04.2024).

9. «Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>; <https://www.levada.ru/2023/06/29/odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-i-partij-v-kontse-iyunya-2023-goda/> (дата обращения: 26.04.2024).

с традиционными ценностями, а неодобрение — со светско-рациональными, предполагающими готовность защищать свои права. Кроме того, с традиционалистскими ценностями может быть взаимосвязана высокая религиозность общества (доля респондентов, считающих себя верующими, и доля посещающих церковные службы хотя бы раз в год¹⁰).

Коллективистские ценности, как ожидается, коррелируют с признанием респондентами ценности патриотизма (вопросы ВЦИОМ «Как бы Вы себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет?» и «Левада-центра» «Станет ли Россия “великой державой”?»¹¹).

При наличии нескольких взаимосвязанных опросов мы используем тот, где представлены данные за большее число лет. При отсутствии данных за определенные периоды они восполнялись методом экстраполяции. Кроме того, временные ряды для индексов по кластерам ценностей и для результатов социологических опросов мы приводим в сопоставимый вид. Например, социологические данные мониторинга одобрения деятельности президента представлены помесечно, а заседания Госдумы проходят от 4 до 10 раз в месяц и не проводятся в период парламентских каникул. Для сопоставимости временных рядов мы: 1) исключаем из анализа результаты мониторинга за июль и август каждого года; 2) агрегируем значения индексов по ценностям до месячных значений. В результате получаем два равных временных ряда из 300 наблюдений каждый, по которым рассчитываем корреляционные связи. Повторяем процедуру в зависимости от периодичности проведения каждого опроса.

Для проверки гипотезы о том, что ценности в выступлениях спикеров Госдумы связаны с социально-экономическим развитием страны, учтем результаты исследований, доказавших связь ценностей с такими макроэкономическими индикаторами, как ВВП на душу населения и уровень коррупции (Jordaan, Dima, 2020), средняя оплата труда (Сулимов, Сычев, Белоусов, 2022), уровень безработицы (Bauer, Morisi, 2023) и рождаемости (Минков, Соколов, Ломакин, 2023), а также неравенство (Inglehart, 2018), прокси-переменной для которого является коэффициент Джини. В дополнение к перечисленным мы вводим ряд показателей (табл. 2).

10. «Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/2023/05/16/religioznye-predstavleniya-2/?ysclid=lr0t70m4ae44365124>; <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/?ysclid=lr0tc6rqkv386153729> (дата обращения: 26.04.2024).

11. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10324>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-velikaya-derzhava>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnoe-vlijanie-rossii>; <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10779> (дата обращения: 26.04.2024).

«Левада-центр» (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/2000/11/20/rossiya-kak-velikaya-strana/>; <https://www.levada.ru/2001/11/12/press-vypusk-32-13-noyabrya-2001-goda/>; <https://www.levada.ru/2002/01/30/31-yanvary-a-2002-goda/>; <https://www.levada.ru/2014/12/11/68-rossiyan-schitayut-rossiyu-velikoj-derzhavoj/> (дата обращения: 26.04.2024).

Таблица 2. Общая характеристика и описательная статистика макроэкономических показателей

№	Название показателя	Размерность	Обозначение	Ср. знач.	Ст. откл.	Min	Max
1	Валовой внутренний продукт на душу населения	долл. США по ППС	<i>GDP</i>	26 544	7522	14 380	37 229
2	Среднемесячная заработная плата работников организаций	долл. в сопост. ценах	<i>Salary</i>	612,4	351	96	1190
3	Уровень безработицы	проценты	<i>Unemp</i>	7,1	2,4	3,2	13
4	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	годы	<i>LifeExp</i>	68,5	3,1	63,9	73,4
5	Суммарный коэффициент рождаемости	единицы	<i>Birth</i>	1,46	0,19	1,16	1,78
6	Индекс производительности труда	проценты	<i>Product</i>	103,4	2,9	95,9	107,5
7	Явка на выборах президента РФ, депутатов Госдумы и глав регионов	проценты	<i>Turnout</i>	0,55	0,11	0,35	0,77
8	Доля разводов от числа браков, заключенных в течение года	проценты	<i>Divorce</i>	62,1	7,7	51	84
9	Доля численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	проценты	<i>Poverty</i>	16,6	6,1	9,3	29
10	Коэффициент Джини	индекс за год	<i>Gini</i>	0,41	0,01	0,39	0,42
11	Индекс восприятия коррупции	единицы	<i>Corrupt</i>	25,7	2,8	21	30

Источник: здесь и далее — составлено автором

Источниками являются сборники Росстат (до 2004 года — Госкомстат России)¹², международные обследования¹³, публикации ЦИК России¹⁴. Часть исходных показателей — стоимостные, и для их сопоставимости нужна корректировка на уровень инфляции:

$$N = n_t \sum_{i=1}^t I_t \quad , \quad (4)$$

где: n_t — значение показателя n в момент времени t ; I_t — индекс потребительских цен в период t ; N_i — значение n , скорректированное на накопленный уровень цен за период $i=1, \dots, t$.

12. Например, сборники «Российский статистический ежегодник»; «Россия в цифрах».

13. Глобальный индекс коррупции 2023. Некоммерческая организация «Global Risk Profile». URL: <https://globalriskprofile.com/> (дата обращения: 18.07.2024).

14. Архив избирательных кампаний. ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 26.04.2026).

Ожидаются следующие статистические взаимосвязи:

- *светско-рациональные ценности* — с высокой явкой на выборах (характеризующей политическую активность), низкой долей населения с доходами ниже прожиточного минимума и низким коэффициентом Джини (высокая ценность справедливости);
- *индивидуалистские ценности* — с низким уровнем безработицы и высоким индексом производительности труда (высокая ценность труда и карьеры), низким индексом коррупции (ценность закона);
- *традиционалистские ценности* — с высоким ВВП на душу населения и среднемесячной заработной платой (ориентация на материальное благополучие); высоким коэффициентом рождаемости и низкой долей разводов от числа браков (ценность семьи и детей);
- *коллективистские ценности* — с высокой ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (преобладающая ценность здоровья).

В полярных кластерах ценностей связи, очевидно, будут противоположными.

Результаты

Качественный дискурс-анализ — трудоемкий метод, дополняющий контент-анализ, позволяющий оценить контекст словоупотребления и очистить выборку от нерелевантных слов, попавших в нее из-за своей многозначности. Подробное описание применения метода выходит за рамки статьи, поэтому ограничимся несколькими примерами.

Одним из часто употребляемых в дискурсе спикеров является слово «власть». Концепт власти многозначен. На базовом уровне он используется как синоним управления и имеет нейтральный («*Глубоко не правы те, кто буквально набрасывает на власть своей страны*», Сергей Нарышкин¹⁵, 16.09.2014) или негативный характер («*Первопричина — углубляющийся кризис власти*», Геннадий Селезнев¹⁶, 15.01.1997). В более глубоком смысловом слое власть соотносится с принципами федерализма и/или разделения властей («*На федеральном уровне законодательной власти активно представлять и отстаивать интересы людей*», Геннадий Селезнев, 25.12.2002). Третий, более редкий уровень словоупотребления — образование производных понятий («*Привлечь внимание общества к историческим корням российского народовластия*», Борис Грызлов¹⁷, 08.07.2006). Побочное словоупотребление представлено шаблонными конструкциями вроде «органы исполнительной власти» и «пребывать во власти иллюзий» — подобные случаи исключены из выборки. Согласно таблице 1, «власть» — слово-маркер традиционных ценностей; обращает внимание его частое упоминание в одном контексте со словами «народ»,

15. Спикер VI созыва, партия «Единая Россия». Здесь и далее — цитаты по официальной базе стенограмм Госдумы с указанием автора и даты произнесения.

16. Спикер II и III созывов, партия КПРФ.

17. Спикер IV и V созывов, партия «Единая Россия».

«общество» (коллективистские ценности) и «доверие», «ответственность», «гражданин» (индивидуалистские ценности), но не со словами, обозначающими полярные светско-рациональные ценности, что указывает на корректность подобного размежевания.

Еще чаще использовалось понятие «гражданин», базовый смысловой слой которого обозначает индивидов, физических лиц, жителей страны («Граждане *хотят получать больше информации*», Вячеслав Володин¹⁸, 11.01.2018). В другом аспекте речь идет о группах, не входящих во власть («*Думе нынешнего созыва удавалось находить решения, которые способствовали стабилизации гражданского общества*», Геннадий Селезнев, 19.07.1996). Данный концепт входит в кластер индивидуалистских ценностей и часто употребляется вместе со словами «право», «выбор» (светско-рациональные ценности). Спикеры нередко говорят от имени граждан («граждане хотят», «граждане ждут»), подчеркивая свой статус народных избранников. Не несут ценностного содержания упоминания, например, о Гражданском кодексе.

Интересна трансформация смыслов прогресса. Изначально речь шла в позитивном темпе развития («*Разъяснить суть реформы и ее безусловно прогрессивное значение для граждан и всей российской экономики*», Борис Грызлов, 10.07.2004), но позднее о прогрессе чаще стали говорить в ироничном или негативном смысле («*И вот берут и по лекалам, которые, может быть, даже соответствуют каким-то прогрессивным странам, оценивают другие государства — это недопустимо, коллеги!*», Вячеслав Володин, 25.07.2019). Это демонстрирует ментальный сдвиг от светско-рациональных к полярным им ценностям. Вне изучения мы оставляем такие словоупотребления, как прогрессивная шкала налогов: хотя дискуссия на эту тему имеет весомую идеологическую нагрузку, но по частоте упоминания невозможно оценить ее вектор.

Коллективистские ценности представлены, например, безопасностью. На базовом смысловом уровне это понятие означает одну из сфер деятельности государства («*Повышение благосостояния граждан, обеспечение развития экономики, безопасности, защита суверенитета*», Вячеслав Володин, 12.10.2021). На втором уровне — это отсутствие угрозы жизни людей («*В непростой, а порой просто небезопасной депутатской деятельности*», Иван Рыбкин¹⁹, 22.12.1995). На третьем — сохранение мира между странами («*Немало забот ожидает нас в работе Парламентской ассамблеи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе*», Иван Рыбкин, 05.10.1994). В близком контексте упоминается стабильность (ценность коллективизма). Нерелевантные упоминания безопасности в выборке не выявлены.

Проведя аналогичную фильтрацию по каждому слову-маркеру, оценим методом главных компонент согласованность данных в четырех кластерах ценностей.

18. Спикер VII и VIII созывов, партия «Единая Россия».

19. Спикер I созыва, Аграрная партия.

Для светско-рациональных ценностей строим корреляционную матрицу по частоте употребления в дискурсе 15 слов-маркеров (см. табл. 1). В данном наборе не выявлены сильные (с коэффициентом более 0,85) корреляции, поэтому все показатели могут использоваться для дальнейшего анализа, а сама матрица не приводится. Результаты факторного анализа представлены в таблице 3. Собственное значение более 1 имеют шесть факторов, при этом первый из них описывает исходную выборку с точностью 19%, а все они вместе — 69%.

Таблица 3. Модели факторного анализа для светско-рациональных ценностей

Факторы (главные компоненты)	Модель с 15 переменными				Модель с 9 переменными			
	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.
1	2,78	0,72	0,19	0,19	2,34	0,58	0,26	0,26
2	2,06	0,23	0,14	0,32	1,77	0,47	0,19	0,46
3	1,83	0,39	0,12	0,44	1,29	0,25	0,14	0,60
4	1,43	0,19	0,09	0,54	1,05	0,21	0,12	0,72
5	1,25	0,16	0,08	0,62	-	-	-	-
6	1,09	0,13	0,07	0,69	-	-	-	-

Примечание: для компактности здесь и далее приводятся только факторы с собственным значением больше 1.

Тест правдоподобия: $\chi^2(105) = 130,83$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,04$; $\chi^2(36) = 62,8$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0037$.

Как видно из таблицы 4, все шесть факторов испытывают многочисленные отрицательные влияния. Наибольший вклад в первую главную компоненту (ГК1) вносят переменные Право* и Демократ*, а переменные План*, Свобод*, Выбор*, Равен*, Эколог* влияют отрицательно. Второй фактор в меньшей степени связан с исходными показателями и большее их число (9) оказывают отрицательное влияние.

Таблица 4. Факторные нагрузки (светско-рациональные ценности)

Переменные	Модель с 15 переменными						Модель с 9 переменными			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4	ГК5	ГК6	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Наук*	0,31	0,70	0,40	0,00	-0,23	0,03	0,55	0,46	-0,48	0,14
Прогресс*	0,47	-0,34	-0,02	0,15	-0,20	-0,25	0,45	-0,34	0,44	-0,07
План*	-0,57	0,42	0,23	0,07	-0,57	0,09	-	-	-	-
Право*	0,81	0,24	0,08	-0,10	-0,17	0,33	0,85	0,21	-0,003	0,16
Протест*	0,43	-0,38	0,44	0,09	-0,19	-0,05	0,53	-0,52	-0,16	-0,09
Свобод*	-0,01	0,18	0,53	0,33	0,48	0,02	-	-	-	-
Свобод*	0,43	0,08	-0,67	0,23	0,09	-0,03	0,24	0,39	0,62	-0,55
Выбор*	-0,31	-0,12	-0,02	0,62	0,34	0,08	-	-	-	-
Оппоз*	0,27	0,71	-0,11	-0,03	0,42	0,02	0,28	0,75	-0,12	0,13
Демократ*	0,63	-0,03	0,41	0,38	0,12	0,02	0,69	-0,17	-0,20	-0,49
Конституц*	0,44	-0,47	0,35	-0,46	0,12	0,09	0,42	-0,57	0,06	0,42

Закон*	0,09	-0,40	-0,21	0,51	-0,27	0,48	-	-	-	-
Равен*	-0,21	-0,07	-0,01	-0,31	0,22	0,79	-	-	-	-
Справед*	0,35	-0,03	-0,42	-0,31	0,16	-0,11	0,24	0,21	0,64	0,50
Эколог*	-0,42	-0,33	0,39	-0,18	0,23	-0,13	-	-	-	-

Удалив показатели с негативным влиянием, а также наименее значимую переменную Закон*, повышаем объясняющую способность модели до 26% (табл. 3). Это не так уж много, но, во-первых, тест правдоподобия показал улучшение модели, а во-вторых, сопоставимый уровень значимости считается приемлемым в общественных науках (см., например: Fog, 2023), где возможности формализации процессов ниже, чем в точных науках.

Пересчитав факторные нагрузки, видим, что все переменные теперь воздействуют на ГК1 положительно, а наиболее значимы по-прежнему переменные Право* и Демократ*. Для ГК2 и последующих сохранились отрицательные влияния, поэтому далее строим интегральные индексы по факторным нагрузкам первого фактора (рис. 2). Так, видно, что кластер светско-рациональных ценностей сжимался во все годы, кроме 2008–2016 (что соответствует сроку полномочий относительно либерального президента Дмитрия Медведева и спикера Госдумы Сергея Нарышкина).

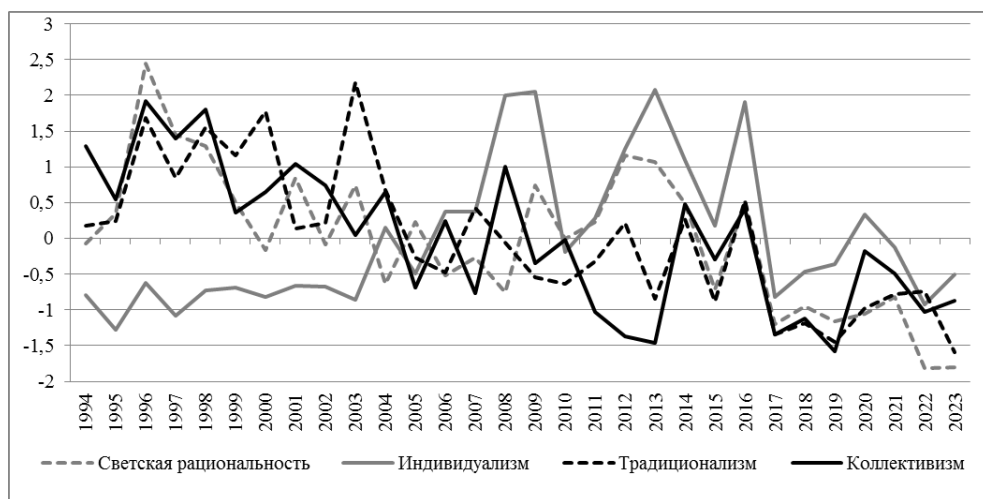

Рис. 2. Динамика индексов по кластерам ценностей
Примечание: данные обобщены до целых лет.

В динамике ценностей индивидуализма нет сильных корреляций. Факторный анализ первоначально проведен по 18 словам-маркерам (табл. 1), и собственные значения более 1 имеют семь факторов, в совокупности объясняющие 77% вариаций признаков (табл. 5).

Таблица 5. Модели факторного анализа для ценностей индивидуализма

Факторы (главные компоненты)*	Модель с 1 переменными				Модель с 10 переменными			
	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.
1	3,14	0,61	0,17	0,17	2,75	0,86	0,28	0,28
2	2,54	0,47	0,14	0,32	1,89	0,29	0,19	0,46
3	2,07	0,13	0,11	0,43	1,59	0,59	0,16	0,62
4	1,94	0,32	0,11	0,54	1,00	0,08	0,10	0,72
5	1,62	0,31	0,09	0,63	-	-	-	-
6	1,31	0,09	0,07	0,70	-	-	-	-
7	1,22	0,22	0,07	0,77	-	-	-	-

Тест правдоподобия: $\chi^2(153) = 243,42$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0000$; $\chi^2(45) = 92,36$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0000$.

Удалив переменные, отрицательно влияющие на наиболее информативную ГК1 — Гражд*, Челов*, Индивид*, Капитал*, Рыно*, Труд*, а также наименее значимые переменные Экон* и Довер*, получаем модель с 10 переменными. Для нее наиболее информативны четыре фактора, объясняющие 72% вариаций, из которых ГК1 объясняет 28%.

Таблица 6. Факторные нагрузки (ценности индивидуализма)

Переменные	Модель с 18 переменными							Модель с 10 переменными			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4	ГК5	ГК6	ГК7	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Гражд*	-0,12	0,38	-0,40	0,54	0,14	-0,04	-0,09	-	-	-	-
Челов*	-0,57	-0,02	0,26	0,04	-0,07	-0,10	0,59	-	-	-	-
Личн*	0,04	0,58	-0,17	-0,28	-0,01	0,37	-0,32	0,01	0,72	-0,09	-0,38
Индивид*	-0,38	-0,02	-0,24	0,43	0,39	0,22	0,24	-	-	-	-
Капитал*	-0,03	0,22	0,58	0,59	0,05	-0,14	0,12	-	-	-	-
Бизнес*	0,65	0,34	0,18	-0,17	0,48	-0,14	0,12	0,69	0,19	-0,56	0,05
Рыно*	-0,17	0,16	0,18	-0,64	0,07	0,32	0,31	-	-	-	-
Труд*	-0,08	0,57	-0,39	0,02	0,59	0,23	-0,02	-	-	-	-
Эконом*	0,16	0,38	0,68	0,12	-0,28	0,28	-0,04	-	-	-	-
Современ*	0,48	-0,38	0,08	0,12	0,02	0,28	-0,38	0,40	-0,38	0,09	-0,03
Сейчас	0,72	-0,24	0,04	-0,14	0,45	-0,16	0,14	0,75	-0,34	-0,37	-0,26
Либерал*	0,34	-0,13	-0,58	0,19	-0,55	0,01	0,01	0,34	-0,02	0,82	-0,08
Будущ*	0,42	-0,50	0,09	0,38	0,26	-0,18	-0,05	0,38	-0,68	-0,09	0,37
Развит*	0,31	0,72	0,34	0,28	-0,08	-0,19	-0,15	0,29	0,57	-0,24	0,63
Довер*	0,16	-0,41	0,39	0,14	0,07	0,67	-0,05	-	-	-	-
Открыт*	0,38	-0,01	-0,25	0,45	-0,10	0,46	0,47	0,48	-0,01	0,52	0,19
Честн*	0,72	-0,04	-0,12	-0,29	-0,05	-0,05	0,33	0,75	0,04	-0,002	-0,42
ответствен	0,59	0,48	-0,16	0,03	-0,42	-0,03	0,24	0,64	0,54	0,33	0,15

В 10-факторной модели все коэффициенты при ГК1 положительные. Наибольший вклад вносят переменные Честн*, Сейчас, Бизнес* (табл. 6). Для остальных факторов сохраняются отрицательные влияния, поэтому строим индекс по пер-

вому фактору (рис. 2). Частота упоминания слов-маркеров для ценностей индивидуализма демонстрировала рост, особенно после 2003 года (IV–VI созывы Думы), а с 2017 года (VII–VIII созывы) отмечено некоторое снижение.

Кластер *традиционных ценностей* идентифицируется 15 словами-маркерами, частотность употребления которых спикерами слабо коррелирует друг с другом. Объясняющая способность модели с пятью значимыми факторами составляет 66% (табл. 7).

Таблица 7. Модели факторного анализа для традиционных ценностей

Факторы (главные компоненты)*	Модель с 15 переменными				Модель с 8 переменными			
	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.
1	2,92	0,55	0,19	0,19	2,55	0,85	0,32	0,32
2	2,37	0,41	0,16	0,35	1,70	0,61	0,21	0,53
3	1,96	0,57	0,13	0,48	1,09	0,18	0,17	0,67
4	1,39	0,13	0,09	0,58	-	-	-	-
5	1,27	0,29	0,08	0,66	-	-	-	-

Тест правдоподобия: $\chi^2(105) = 138,75$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0153$; $\chi^2(28) = 59,93$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0004$.

Данная модель не является оптимальной ввиду отрицательного влияния ряда переменных на каждый из факторов (табл. 8).

Таблица 8. Факторные нагрузки (традиционные ценности)

Переменные	Модель с 15 переменными					Модель с 8 переменными		
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4	ГК5	ГК1	ГК2	ГК3
Религ*	0,03	-0,34	0,46	0,42	0,28	-		
Семья, семей*	-0,53	0,09	0,59	0,29	-0,09	-		
Поряд*	0,44	-0,52	0,24	0,05	-0,08	0,19	-0,59	0,66
Мир*	-0,57	0,49	-0,10	0,07	0,27	-		
Един*	-0,20	0,11	0,35	0,19	0,38	-		
Традиц*	-0,28	0,16	-0,34	-0,25	0,66	-		
Власт*	0,83	0,002	0,003	-0,07	0,39	0,77	-0,31	0,21
Государ*	0,80	0,22	-0,08	0,19	-0,01	0,84	0,07	0,22
Благопол*, благосост*	0,33	0,62	-0,07	-0,18	0,22	0,56	0,23	-0,42
Процвет*	0,54	0,40	0,37	-0,41	-0,07	0,64	-0,26	-0,46
Контрол*	0,09	-0,53	-0,54	-0,06	-0,14	-		
Держав*	0,13	0,46	-0,39	0,67	0,01	0,32	0,76	0,31
Родин*	0,41	0,34	0,49	0,22	-0,07	0,59	-0,09	-0,15
стран	-0,27	0,57	0,21	-0,37	-0,43	-		
Патриот*	0,11	0,40	-0,47	0,39	-0,33	0,19	0,73	0,24

Удалив ряд переменных с отрицательными или очень слабыми воздействиями (Религ*, Семья, семей*, Мир*, Един*, Традиц*, Контрол*, *стран*), получаем 8-факторную модель с тремя значимыми факторами, объясняющими 67% ва-

риаций признаков, из которых ГК1 объясняет 32% (табл. 7). Наибольший вклад в динамику данного фактора вносят слова-маркеры Государь*, Власть*, Процвет*. Построив индекс по ГК1, видим, что традиционные ценности со временем упоминались реже, так же как и светско-рациональные ценности (рис. 2). Это указывает, что данные кластеры ценностей не являются полярными в отношении друг друга.

Ценности коллективизма описывают 15 слов-маркеров, между которыми нет значимых корреляций. Объясняющая способность модели, построенной по этим переменным по шести наиболее значимым факторам, составляет 76% (табл. 9).

Таблица 9. Модели факторного анализа для ценностей коллективизма

Факторы (главные компоненты)*	Модель с 15 переменными				Модель с 8 переменными			
	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.	Собств. знач.	Разница	Пропорция	Накопл. знач.
1	2,59	0,32	0,19	0,19	2,14	0,69	0,27	0,27
2	2,28	0,48	0,16	0,35	1,44	0,29	0,18	0,45
3	1,79	0,15	0,13	0,48	1,16	0,05	0,14	0,59
4	1,65	0,39	0,12	0,59	1,11	0,28	0,14	0,73
5	1,26	0,16	0,09	0,69	-	-	-	-
6	1,10	0,24	0,08	0,76	-	-	-	-

Тест правдоподобия: $\chi^2(91) = 132,73$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,0028$; $\chi^2(28) = 36,20$, $\text{prob} > \chi^2 = 0,1377$.

Удаление переменных Безопась*, Лидерь*, Консервать*, Исторь*, Прошль*, Память*, Суверень* позволяет избежать отрицательного влияния на ГК1 (табл. 10), сократить количество значимых факторов до четырех и сохранить объясняющую способность модели на уровне 73%.

Таблица 10. Факторные нагрузки (ценности коллективизма)

Переменные	Модель с 15 переменными						Модель с 8 переменными			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4	ГК5	ГК6	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Безопась*	-0,05	0,59	0,08	-0,19	0,39	-0,26	-	-	-	-
силь, усиль	0,78	0,13	-0,00	0,38	-0,11	-0,18	0,76	-0,39	-0,16	0,02
Президенть*	0,56	0,09	0,52	0,15	0,11	-0,06	0,69	0,05	0,17	-0,40
Лидерь*	-0,33	0,62	-0,34	0,31	-0,13	-0,14	-	-	-	-
Стабиль*	0,27	0,67	-0,02	0,32	0,22	0,26	0,63	0,19	0,37	0,33
Исторь*	-0,35	-0,15	-0,35	0,63	0,26	0,33	-	-	-	-
Прошль*	-0,56	0,64	-0,11	0,20	-0,13	-0,01	-	-	-	-
Память*	-0,36	-0,39	0,47	0,54	0,12	0,14	-	-	-	-
Народь*	0,48	0,12	0,09	0,58	-0,44	-0,09	0,67	-0,35	-0,49	0,12
Здоровь*	0,05	0,19	0,70	0,07	0,48	0,001	0,33	0,47	0,19	-0,66
Обществь*	0,42	-0,28	-0,46	0,56	0,44	0,43	0,12	-0,37	0,63	0,36
Социаль*	0,03	0,09	0,36	-0,15	-0,54	0,60	0,14	0,51	-0,52	0,28
Суверень*	-0,70	-0,04	0,45	0,12	-0,04	0,03	-	-	-	-
Независь*	0,15	0,59	0,08	-0,37	0,02	0,48	0,27	0,72	0,13	0,43

Ряд переменных продолжают отрицательно влиять на вторую и последующие ГК, поэтому в дальнейшем строим индекс для ГК1, формируемой преимущественно переменными *сил*, *усил*, *Президент* и *Народ* (табл. 10). Частотность упоминания спикерами ценностей коллективизма снижалась, но после 2019 года отмечен некоторый рост. Это процесс, как видно на рисунке 2, зеркальный по отношению к динамике ценностей индивидуализма.

Первичный анализ данных показал, что все группы ценностей, кроме индивидуализма, сократили свою значимость после 1994 года. Если рассмотреть индексы для четырех кластеров ценностей по созывам Государственной Думы (рис. 3), то становится очевидным, что в I-III созывах (1994-2003) индивидуализм составлял ценностную оппозицию другим трем группам; в IV созыве (2004-2007) разрыв между группами был минимальным; в V и VI созывах (2008-2016) наметилась связка индивидуалистских и светско-рациональных ценностей, но впоследствии все четыре группы перешли в область отрицательных значений и полярность между их парами окончательно перестала прослеживаться.

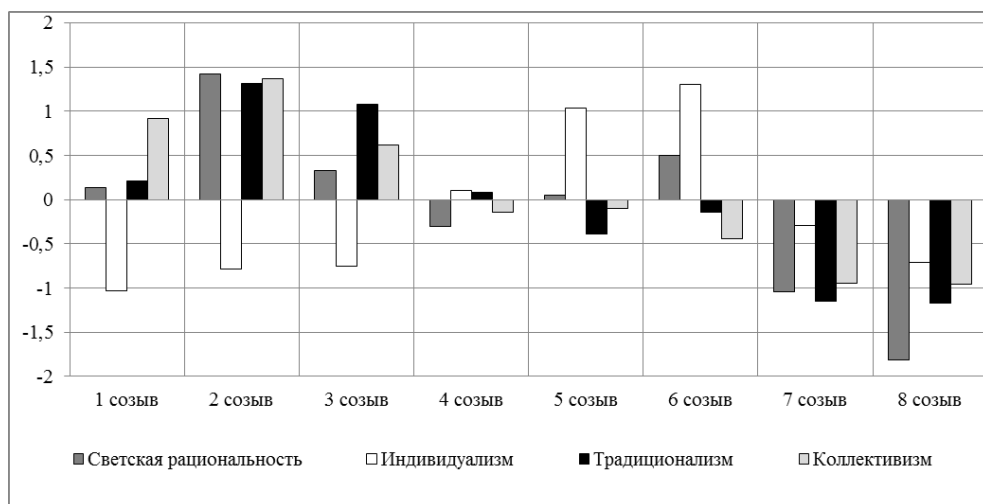

Рис. 3. Распределение индексов ценностей по созывам Госдумы

Лидирующей группой ценностей в I созыве был коллективизм, что соответствует гипотезе о связи дискурса с партийностью (спикером был депутат от левой Аграрной партии Иван Рыбкин). Во II созыве, когда Думу возглавлял коммунист Геннадий Селезнев, в дискурсе преобладали светско-рациональные и коллективистские ценности, что также соответствует данной гипотезе. В III созыве, при том же спикере, на первое место вышли ценности традиционализма, а светская рациональность стала снижаться, что продолжается до сих пор. В IV-V созывах спикер от «Единой России» Борис Грызлов и в VI созыве его преемник единоросс

Сергей Нарышкин сформировали тренд на рост высказываний в духе индивидуализма и светской рациональности при низком уровне традиционализма и коллективизма. Следующий спикер от той же партии Вячеслав Володин реже обращался к светско-рациональным и традиционалистским ценностям, но задал тренд на снижение индивидуализма. Противоречивые тенденции последних двух десятилетий, сформированные спикерами от «Единой России», можно интерпретировать как, во-первых, подтверждение идеологической амбивалентности партии власти, а во-вторых, как свидетельство ценностного сдвига в российском обществе, где прежние маркеры перестают работать по мере смены поколений, а новые спонтанно формируются на идейной основе, выходящей за границы известных парадигм.

Понять, насколько описанные тенденции согласуются с процессами в российском обществе, помогает их сравнение с данными волн *WVS* в периоды, указанные в таблице 11.

Таблица 11. Сопоставление ценностного дискурса спикеров с ценностями россиян по данным *WVS*

Периоды (волны исследования)*	Средние значения индексов ценностей в дискурсе спикеров Думы	Уровень выраженности ценностей в рамках опросов <i>WVS</i>		
		Высокий	Средний	Низкий
	Светско-рациональные	Секулярность		
1994	-0,08	12,50	65,5	20
1995-1998	1,39	21,80	64,3	12,1
2005-2009	-0,12	17,60	63,6	17,30
2010-2014	0,59	25,00	61,2	12,00
2015-2022	-1,00	18,00	61,5	19,70
	Индивидуалистские	Автономия		
1994	-0,79	46,60	34,1	19,6
1995-1998	-0,93	43,60	30,1	26,3
2005-2009	0,86	51,10	27,5	21,4
2010-2014	0,90	46,50	29,9	22,6
2015-2022	-0,09	35,70	33,2	15
	Традиционалистские	Постматериализм		
1994	0,17	5,90	45,80	38,90
1995-1998	1,08	1,60	42,20	54,50
2005-2009	-0,19	1,80	41,70	53,90
2010-2014	-0,26	2,10	41,80	52,70
2015-2022	-0,94	3,50	41,70	51,80
	Коллективистские	Эмансипация		
1994	1,29	1,10	41	50,7
1995-1998	1,42	3,60	57,6	37,7

2005-2009	-0,11	6,30	60,2	32,5
2010-2014	-0,68	5,90	68,3	24,9
2015-2022	-0,72	6,70	68	24,7

Источник: авторское исследование, отчеты Всемирного исследования ценностей.

URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 26.04.2024)

Примечание: * в остальные годы опросы WVS в России не проводились.

Высокая доля секулярных ценностей россиян в опросах WVS коррелирует с динамикой светско-рационального дискурса спикеров с коэффициентом 0,54, а низкая секулярность — с коэффициентом -0,86, что соответствует нашей гипотезе. Коллективистский дискурс спикеров ожидаемо коррелирует с низким уровнем эмансипации респондентов (коэффициентом 0,87). Высокий уровень автономии положительно коррелирует с ценностями индивидуализма (коэффициент 0,36), а низкий — отрицательно (-0,01). Между высоким постматериализмом и традиционалистским дискурсом обнаружена ожидаемая отрицательная связь (-0,16), но корреляция с низким постматериализмом здесь тоже отрицательная, хотя и слабая (-0,005).

Также для оценки степени соответствия дискурса спикеров с ценностями общества мы рассмотрели ряд опросов, проведенных ведущими российскими социологическими центрами, и рассчитали статистические связи в динамике этих процессов (табл. 12).

Таблица 12. Сопоставление ценностного дискурса спикеров с ценностями россиян по данным опросов

Вопросы респондентам и варианты ответов	Кластеры ценностей в дискурсе спикеров			
	Светская рациональность	Индивидуализм	Традиционализм	Коллективизм
Читали ли Вы Конституцию? — Да	-0,5*	0,47	-0,78***	-0,79***
Как Вы оцениваете Конституцию?				
Хорошая	-0,67*	0,13	-0,7**	-0,54*
Плохая	0,75***	-0,1	0,53*	0,57*
Роль Конституции в жизни страны:				
Гарантирует права и свободы граждан	-0,31	0,51*	-0,61*	-0,69*
Поддерживает порядок в деятельности государства	-0,32	0,61*	-0,21	-0,32
Не играет роли, поскольку мало кто с ней считается	0,39	-0,6*	0,6*	0,69**

Права, провозглашенные Конституцией, наиболее важные для Вас:				
Право на охрану здоровья (бесплатную медицинскую помощь)	-0,54*	0,03	-0,61*	-0,39
Право на жизнь	-0,61*	-0,12	-0,7**	-0,57*
Право на свободу и личную неприкосновенность	-0,38	0,37	-0,59*	-0,59*
Соблюдают ли российские власти Конституцию страны?				
Соблюдают в основном	-0,34	0,64*	-0,52*	-0,61*
Совершенно не соблюдают	0,34	-0,64*	0,53*	0,69**
Нужно ли пересмотреть Конституцию РФ? — Скорее да	-0,06	-0,75**	0,17	0,27
Права человека в современной России соблюдаются? — Да	-0,71**	0,19	-0,7**	-0,65**
Вы в целом одобряете или нет деятельность (вариант — Одобряю):				
Президента РФ?	-0,41	0,42	-0,33	-0,43
Председателя правительства РФ?	-0,11	0,7**	-0,22	-0,25
Правительства РФ?	-0,33	0,59*	-0,39	-0,5*
Губернатора вашей области?	-0,62**	0,29	-0,6**	-0,65**
Государственной Думы?	-0,57*	0,3	-0,6**	-0,58*
Стали бы Вы голосовать на выборах в Госдуму и за какую из партий?				
«Единая Россия» ²⁰	-0,53*	0,6*	-0,58*	-0,49
КПРФ	0,54*	-0,56*	0,56*	0,63**
ЛДПР	-0,53*	0,12	-0,65**	-0,58*
Другие партии, не стал бы голосовать, затруднились ответить	0,52*	-0,47	0,61*	0,42
Стали бы Вы голосовать на выборах в Госдуму и за какую из партий?				
Левые	0,61*	-0,55*	0,54*	0,59*
Центристские	-0,37	0,64**	-0,52*	-0,48
Правые	-0,15	-0,52*	-0,01	0,18
Вы себя охарактеризовали бы как патриота своей страны или нет?				
Да	0,3	-0,71**	0,58*	0,68**
Скорее да	-0,49	0,59**	-0,72**	-0,76***
Станет ли Россия «великой державой»?				
Россия и сейчас является великой державой	-0,69**	-0,08	-0,54*	-0,45
Скорее всего нет	0,54*	0,03	0,48	0,36
Считаете ли Вы наше общество справедливым? — Да, скорее да	-0,53*	0,03	-0,44	-0,43

20. 1993-1994 гг. — партия «Выбор России», 1995-1998 гг. — «Наш дом — Россия», 1999-2002 гг. — «Единство» и «Отечество — Вся Россия», с 2003 г. — «Единая Россия».

Политика властей способствует или нет социальной справедливости?	-0,7**	0,01	-0,55*	-0,56*
Скорее способствует	0,53*	-0,42	0,65**	0,74**
Скорее препятствует				
Возможны ли сейчас в вашей местности массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав? — Да	0,22	-0,34	0,24	0,39
Дела в стране движутся сегодня в правильном направлении? — Да	-0,59*	0,4	-0,58*	-0,52*
Относят себя к какому-либо вероисповеданию	-0,43	0,56*	-0,6**	-0,77***
Посещают религиозные службы хотя бы раз в год	-0,41	0,54*	-0,57*	-0,61**

Примечание: здесь и далее * $p \leq 0,1$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Светско-рациональные ценности ожидаемо сильно коррелируют с оценками Конституции (негативная оценка с коэффициентом 0,75) и соблюдения прав человека (позитивная оценка с коэффициентом -0,71). Также данные ценности коррелируют с оценками уровня справедливости общества (позитивная оценка с коэффициентом -0,53) и участия властей в укреплении социальной справедливости (позитивная оценка с коэффициентом -0,7). Ценности данной группы, как и предполагалось, сильно связаны с оценкой положения дел в стране (позитивная оценка с коэффициентом -0,59). Не подтвердилась гипотеза о связи традиционалистских ценностей с одобрением положения дел и деятельности институтов власти — во всех случаях коэффициент корреляций с данным кластером ценностей находится на значимом отрицательном уровне. Неожиданная отрицательная связь выявлена с динамикой данных о религиозности и с поддержкой центристских партий в парламенте. Индивидуалистский кластер, как ожидалось, соответствует данным о поддержке правых партий, а также правящей партии. Связи частоты употребления спикерами соответствующих слов-маркеров сильнее всего связаны с «лоялистскими» установками респондентов: это касается и оценок Конституции, и прав человека, и доверия к институтам, и оценки уровня справедливости и положения дел в стране, а также неготовности к участию в протестах. Коллективистский дискурс, как мы и предполагали, положительно коррелирует с поддержкой левых партий и конкретно КПРФ, и с более высоким, чем в других группах, уровнем патриотизма.

Сопоставим динамику индексов по кластерам ценностей с социально-экономическими индикаторами (табл. 13).

Не выявлено ожидаемых положительных связей светско-рациональных ценностей в дискурсе с явкой на выборах и отрицательных — с уровнем бедности; с уровнем неравенства есть отрицательная связь, но статистически незначимая. Индивидуалистский кластер ценностей ожидаемо отрицательно коррелирует с безработицей, с производительностью труда и положительно — с уровнем коррупции (что противоречит нашей гипотезе). Для традиционалистских ценностей не подтвердилось ни одно из предположений: связи с уровнем разводов положи-

тельные, а со среднедушевым ВВП и средней зарплатой — сильные отрицательные. Наконец, коллективистский дискурс отрицательно коррелирует с динамикой продолжительности жизни, что также не подтверждает гипотезу.

Таблица 13. Сопоставление ценностного дискурса спикеров с социально-экономическими показателями

Социально-экономические показатели	Кластеры ценностей в дискурсе спикеров Государственной Думы			
	Светско-рациональные	Индивидуалистские	Традиционалистские	Коллективистские
<i>GDP</i>	-0,56*	0,56*	-0,74**	-0,76**
<i>Salary</i>	-0,34	0,63*	-0,67**	-0,71**
<i>Unemp</i>	0,62*	-0,36	0,74**	0,71**
<i>LifeExp</i>	-0,5*	0,33	-0,72**	-0,69**
<i>Birth</i>	-0,27	0,61*	-0,59*	-0,57*
<i>Product</i>	0,13	-0,31	0,39	0,24
<i>Turnout</i>	0,12	-0,25	0,36	0,25
<i>Divorce</i>	-0,1	-0,37	0,2	0,31
<i>Poverty</i>	0,44	-0,55*	0,7**	0,69**
<i>Gini</i>	-0,2	0,72**	-0,43	-0,5*
<i>Corrupt</i>	-0,29	0,08	-0,36	-0,42

Обсуждение и выводы

Наше исследование — далеко не первое — посвящено парламентскому дискурсу и его ценностной составляющей. Его новизна заключается в рассмотрении дискурса председателей Государственной Думы РФ через призму интегральной модели ценностей, предложенной Аннели Каасой на основе методик Хофстеде, Шварца и Инглхарта. Подобная интеграция отчасти снимает ключевую проблему обоснованности набора ценностей.

Базируясь на интегральной модели, мы разделили ценности на четыре кластера и соотнесли с определенными словами-маркерами, позволяющими идентифицировать ценности в дискурсе. Подобный подход адаптирует методики, предназначенные для опросов живых респондентов, к работе с дискурсивными текстами. Методом контент-анализа в стенограммах пленарных заседаний Государственной Думы за все годы выявлены слова-маркеры в выступлениях спикеров. Качественный дискурсивный анализ позволил отфильтровать получившуюся выборку, отделив базовый слой каждого концепта от смысловой периферии.

Применив метод главных компонент, мы оценили информативность данных о частотности употребления спикерами слов-маркеров каждого из четырех кластеров ценностей; при необходимости отдельные слова (переменные) удалялись, что повысило объясняющую способность моделей и минимизировало субъективизм при подборе дискурсивных слов. По этим, улучшенным моделям построены индексы, отражающие динамику частоты использования кластеров ценностей в дискурсе спикеров, что позволило проверить ряд гипотез.

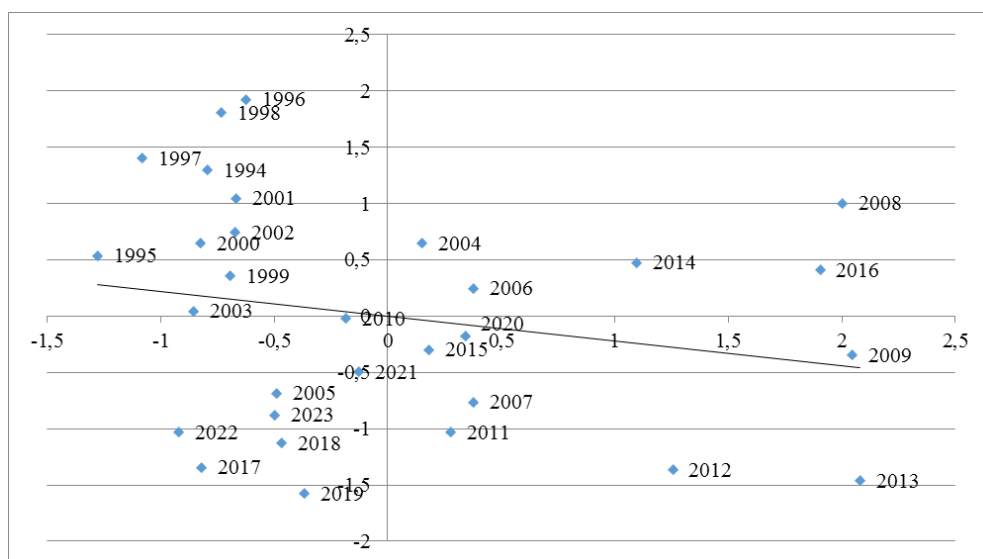
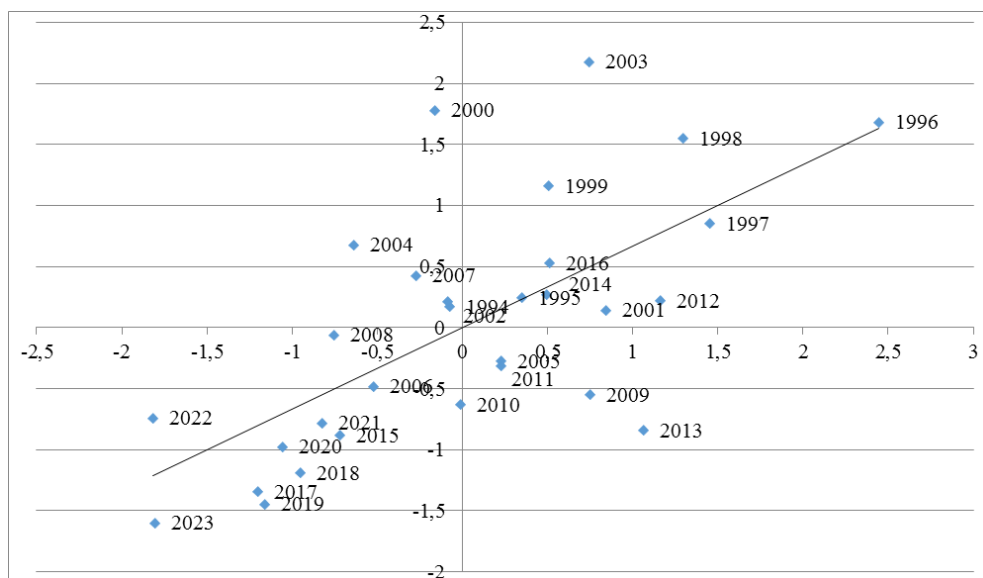
Так, предположение, что партийная принадлежность спикеров не оказывает существенного влияния на транслируемые ими ценности, оказалось верным в настоящее время. При этом в прошлом подобная связь присутствовала: связь дискурса и партийности четко проявлялась в I созыве, когда «левый» спикер Рыбкин транслировал в основном коллективистские ценности, и отчасти во II созыве, в котором коммунист Селезнев чаще обращался к светско-рациональным ценностям. Противоречивые тенденции, сформированные спикерами от «Единой России», начиная с IV созыва, мы интерпретируем как подтверждение идеологической амбивалентности этой партии и свидетельство ценностного сдвига в российском обществе, где прежние маркеры перестают работать по мере смены поколений (Попова, Гришин, 2023), а новые спонтанно формируются на идейной основе, выходящей за границы известных парадигм.

Результаты проверки других гипотез систематизированы в таблице 14.

Таблица 14. Результаты проверки гипотез

Гипотезы		Кластеры ценностей в дискурсе спикеров Государственной Думы			
		Светско-рациональные	Индивидуалистские	Традиционалистские	Коллективистские
Дискурс отражает общемировой ценностный сдвиг	Предположение	Рост	Рост	Снижение	Снижение
	Результат	Нет	Да	Да	Да
Взаимосвязь между ценностями, транслируемыми спикерами Госдумы, и преобладающими ценностями в российском обществе в каждый момент времени	Предположение	Есть статистическая связь с данными опросов WVS			
	Результат	Да	Да	Нет	Да
	Предположение	важность Конституции; права человека; важность справедливости; готовность к участию в протестах; неодобрение положения в стране	Поддержка ЛДПР и вообще правых партий	поддержка «Единой России» и партий центра; одобрение деятельности институтов власти; одобрение положения в стране; религиозность	поддержка КПРФ и левых партий; важность патриотизма
	Результат	Да, да, да, нет, да	Да	Нет, нет, нет, нет	Да, да
Динамика ценностей в выступлениях спикеров Госдумы взаимосвязана с изменениями макроэкономических показателей	Предположение	явка на выборах; доля бедного населения; коэффициент Джини	производительность труда; безработица; коррупция	подушевой ВВП; зарплаты; коэффициент рождаемости; разводы	ожидаемая продолжительность жизни
	Результат	Нет, нет, нет	Да, да, нет	Нет, нет, нет, нет	Нет

В основном подтвердилась гипотеза о взаимосвязи тенденций в парламентском дискурсе с общемировым ценностным сдвигом от традиционализма и коллективизма к светско-рациональным и индивидуалистским ценностям. Ценности индивидуализма и коллективизма составляют дихотомическую пару (рис. 4б), в то время как светская рациональность и традиционализм не противоположны друг другу (рис. 4а).

а) Светско-рациональные (x) — Традиционалистские (y)

б) Индивидуалистские (x) — Коллективистские (y)

Рис. 4. Динамика индексов по кластерам ценностей

Дискурс девяностых годов характеризуется высоким уровнем светского рационализма и традиционализма, нулевые отмечены противоречивыми колебаниями, а к 2020-м оба кластера оказались в области низких значений. Индивидуализм был

низким в девяностые и нулевые при высоком коллективизме, противоположные тенденции отмечены в 2010-е, а в последнее десятилетие ценности обоих кластеров снизились. В этой связи можно вспомнить о влиянии на ценностные изменения коммунистического прошлого (Pavlović, Todosijević, 2020). Применительно к постсоветской России речь идет о переходном обществе, для которого характерны специфические предпосылки к сдвигу от материальных к постматериальным ценностям, наблюдаемые в 2000-е годы, и авторитарный рефлекс (по Инглхарту), выразившийся в снижении индивидуализма в 2020-е годы. Кроме того, отсутствие полярности кластеров отчасти объясняется тем, что консервативные политики в своих дискурсивных стратегиях используют как этику автономии (светско-рациональные ценности), так и этику сообщества (коллективистские ценности) (Сулимов, Сычев, Белоусов, 2022).

Идейные процессы в элитах нередко предвосхищают аналогичные тенденции в широких слоях. Например, антиамериканизм в среде элит распространился раньше, чем в российском обществе на фоне разочарования в итогах прозападных реформ (Sokolov, Inglehart, Ponarin, 2018), поэтому мы изучили связи между ценностями в парламентском дискурсе и в обществе в целом на основании данных *WVS* для России. Исходные предположения подтвердились во всех кластерах, за исключением традиционалистских ценностей, прокси-переменной для которых выступал низкий уровень постматериализма. Также сделан ряд допущений о связи между нашими данными и материалами опросов российских социологов, касающихся близких по смыслу ценностей. Данные подобных опросов лишь косвенно выявляют ценностные ориентации россиян. Вместе с тем наши предположения подтвердились для всех кластеров, кроме традиционалистского, что верифицирует результаты, полученные ранее для опросов *WVS*.

Эти результаты вносят вклад в дискуссию о ценностной динамике в российском обществе. Так, согласно недавним опросам ФНИСЦ РАН, 68% респондентов считают индивидуализм и либерализм неподходящими ценностями для России (прозападное меньшинство составляет 23%), а важными для страны названы коллективизм и жестко управляемое государство (Горшков, Андреев, Тихонова, 2022). То есть сокращение индивидуалистских и светско-рациональных (либеральных) ценностей происходит на фоне роста коллективистских и традиционалистских («государственнических») ценностей. Вместе с тем данные ИНИОН РАН показывают, что в среде молодежи либеральные ценности более востребованы (14,6%), чем консервативные (9,2%), но подавляющая доля россиян в возрасте до 35 лет (45,7%) не имеют политических убеждений или затрудняются назвать их. Ключевая ценность справедливости (80,9%) понимается ими тождественно свободе (63,3%) и правам человека (70,9%). Так как дискурс власти расходится с этими ожиданиями, то среди молодежи блогеры сегодня популярнее политиков (Попова, Гришин, 2023).

Сравнение дискурсивных ценностей с индикаторами социально-экономического развития России показало частичное статистическое соответствие лишь

для индивидуалистских ценностей (положительная связь с производительностью труда и отрицательная — с безработицей). В целом это контринтуитивный результат, так как ранее неоднократно доказывалась устойчивая корреляция ценностей с различными макроэкономическими индикаторами (Inglehart, 2018; Jordaan, Dima, 2020; Сулимов, Сычев, Белоусов, 2022; Bauer, Morisi, 2023; Минков, Соколов, Ломакин, 2023). Возможно, большей информативностью, чем отдельные индикаторы, будут обладать композитные индексы, структура которых отразит проверяемые гипотезы. Такая возможность будет проверена в будущем исследовании. Кроме того, следует подчеркнуть, что наличие корреляции само по себе мало говорит о направлениях связи, так как обнаруженные закономерности могут свидетельствовать как о связи между изучаемыми переменными, так и о возможной связи каждой из них с третьей переменной, например, характеристиками политической ситуации в России.

Тем не менее три из четырех предложенных гипотез в основном подтвердились. Неоднозначность отмечена для традиционалистского кластера, формируемого ценностями низкого постматериализма по Инглхарту–Вельцелю, монументализма по Хофстеде–Минкову и самоутверждения по Шварцу. Возможно, в данном случае наблюдается ценностный разрыв между парламентом и обществом. Примечательно, что ценности традиционализма не только присутствуют во властном нарративе, но и юридически закреплены на правах едва ли не государственной идеологии²¹. В этой связи желательно более четко обосновать и объяснить гражданам перечень подобных ценностей, а также предложить измерительные инструменты для оценки выраженности в обществе каждой из традиционных ценностей. Данная статья призвана внести вклад в теоретическую и эмпирическую разработку обоих этих аспектов.

Подводя итоги, следует констатировать значительный потенциал методологического синтеза при изучении аксиологических процессов. Сочетание нескольких методик дает более сбалансированные результаты по сравнению с использованием каждой из них. Хотя однозначно отождествить слова-маркеры ценностей с результатами массовых опросов затруднительно, так как эти исследования изначально решали разные задачи, полученные данные имеют непротиворечивый характер и в основном подтвердили предложенные гипотезы.

В дискурсе переплетаются социальные отношения между акторами и символические отношения между понятиями или идеями, поэтому парламентский дискурс дает ценную информацию о динамике ценностей. В дальнейшем предполагается повторить исследование на полном речевом корпусе законодательного органа, что позволит оценить идеологические размежевания по ценностям в высказываниях депутатов различных парламентских фракций, которые представляют более широкий спектр мнений, нежели персоналия спикера.

21. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Литература

- Горшков М. К., Андреев А. Л., Тихонова Н. Е. (2022). Российское общество и вызовы времени. Книга шестая. М.: Весь мир.
- Минков М., Соколов Б., Ломакин И. (2023). Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. Т. 22. № 3. С. 287-317.
- Мухаметов Р. (2023). Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России // Социологическое обозрение. Т. 22. № 3. С. 196-218.
- Панов П. В., Сулимов К. А. (2023). Идеологическая «гармония» в Государственной Думе: возникновение, содержание, границы // Политическая наука. № 1. С. 61-91.
- Попова О. В., Гришин Н. В. (2023). Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. № 2. С. 140-162.
- Сулимов К. А., Сычев О. А., Белоусов К. И. (2022). Особенности использования моральной лексики депутатами фракций Государственной Думы: эмпирическая оценка на основе контент-анализа // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 16. № 1. С. 58-73.
- Филиппов А. Ф. (2023). Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 1. С. 51-70.
- Bauer P. C., Morisi D. (2023). Has Trust in the European Parliament Polarized? // Socius. Vol. 9. P. 1-9.
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018). Dimensions and dynamics of national culture: synthesizing Hofstede with Inglehart // Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol. 49. № 10. P. 1469-1505.
- Chebankova E. (2020). Political ideologies in contemporary Russia. Montreal & Kingston, London, Chicago, McGill-Queen's University Press.
- Chizhik A. V., Sergeyev D. A. (2021). Exploring the Parliamentary Discourse of the Russian Federation Using Topic Modeling Approach. // Digital Transformation and Global Society / D. D. Alexandrov (ed.). Cham: Springer International Publishing. P. 403-416.
- Fog A. (2023). Two-Dimensional Models of Cultural Differences: Statistical and Theoretical Analysis // Cross-Cultural Research. Vol. 57. № 2-3. P. 115-165.
- Freeden M., Sargent L. T., Stears M. (eds.) (2013). The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press.
- Ghojogh B., Ghodsi A., Karray F., Crowley M. (2022). Factor analysis, probabilistic principal component analysis, variational inference, and variational autoencoder: Tutorial and survey. DOI: 10.48550/arXiv.2101.00734.
- Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. (2018). Moral Foundations Theory // Atlas of Moral Psychology / K. Gray, J. Graham (eds.). New York, Guilford Press. P. 211-222.

- Haerpfger C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B.* (eds). (2022). World Values Survey: round seven-country-pooled datafile. Version 4.0. Madrid: JD Systems Institute.
- Hajer M. A.* (2006). Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings. // Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theo and Method in the Social Sciences / M. Van Den Brink, T. Metzger (eds.). Utrecht: Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research. P. 65-74.
- Hall E. T.* (1976). Beyond Culture. Garden City NY: Anchor.
- Hofstede G., Van Deussen C., Mueller C., Charles T.* (2020). What Goals do Business Leaders Pursue?: A study in fifteen countries // Organizational Collaboration: Themes and Issues / M. L. Di Domenico, S. Vangen, N. Winchester, D. C. Boojihawon, J. Mordaunt (eds.). 2nd ed. London, Routledge. P. 35-48.
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V.* (eds.). (2004). Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies. Thousand Oaks CA: Sage.
- Inglehart R.* (2018). Cultural Evolution. Peoples Motivations are Changing and Reshaping World. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inkeles A., Levinson D. J.* (1969). National character: The study of modal personality and sociocultural systems. // The Handbook of Social Psychology IV / G. Lindzey, E. Aronson (eds.). New York: McGraw-Hill. P. 418-506.
- Jordaan J. A., Dima B.* (2020). Post materialism and comparative economic development: do institutions act as transmission channel? // Social Indicators Research. Vol. 148. № 2. P. 441-472.
- Kaasa A.* (2021). Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a single system // Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol. 52. № 4. P. 339-353.
- Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L.* (1961). Variations in Value Orientations. Westport CT: Greenwood Press.
- Laruelle M., Grek I., Davydov S.* (2023). Culturalizing the Nation: A Quantitative Approach to the Russkii/Rossiiskii Semantic Space in Russia's Political Discourse. // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Vol. 31. № 1. P. 3-27.
- Lauderdale B., Herzog A.* (2016). Measuring political positions from legislative speech // Political Analysis. № 24. P. 374-394.
- Lilja M.* (2021). Russian political discourse on illegal drugs: A thematic analysis of parliamentary debates // Substance Use & Misuse. Vol. 56. № 7. P. 1010-1017.
- Meynhardt T.* (2021). Public value is knowable, public value creation is not // Administration & Society. Vol. 53. № 10. P. 1631-1642.
- Minkov M., Sokolov B., Ponarin E., Almakaeva A., Nastina E.* (2023). Is "Regional Culture" a Meaningful Concept? Cultural Differences Across 60 Russian regions // Cross Cultural & Strategic Management. Vol. 30. № 3. P. 637-656.
- Onursal R., Kirkpatrick D.* (2021). Is extremism the 'new' terrorism? The convergence of 'extremism' and 'terrorism' in British parliamentary discourse // Terrorism and Political Violence. Vol. 33. № 5. P. 1094-1116.

- Parsons T., Shils E. A.* (1951). *Toward a General Theory of Action*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Pavlovic Z., Todosijevic B.* (2020). Global cultural zones the empirical way: value structure of cultural zones and their relationship with democracy and the communist past // *Quality and Quantity*. Vol. 54. № 2. P. 603-622.
- Schwartz Sh., Cieciuch J.* (2022). Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: psychometrics of the revised portrait value questionnaire // *Assessment*. Vol. 29. № 5. P. 1005-1019.
- Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W.* (2018). Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993–2009 // *International Studies Quarterly*. Vol. 62. № 3. P. 534-547.
- Tiaynen-Qadir T., Qadir A., Alasuutari p.* (2019). Russia in world society: A comparative perspective on international references in parliamentary debates // *Acta Sociologica*. Vol. 62. № 2. P. 228-242.
- Triandis H. C.* (2004). The many dimensions of culture // *Academy of Management Executive*. Vol. 18. № 1. P. 88-93.
- Trompenaars F.* (1993). *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*. London: Economist Books.

What did the Speaker Say? Public Values in Russian Parliamentary Discourse and in the Public Opinion

Georgy A. Borshchevskiy

Doctor of Political Sciences, Full Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Vernadsky Prosp., 82, Moscow, 119571 Russian Federation

E-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru.

Since the parliament is endowed with representative functions it is called upon to represent the structure of society and articulate its inherent values. The chairman (speaker) represents the leading political party, so we can consider his/her speeches in the chamber as a ruling elite's message to citizens. We aim to identify value dominants in the discourse of the chairmen of the Russian State Duma during the 1st till the 8th convocations (1994-2023) and to search for points of its contact with the values of Russian society. The methodological framework is the integral model of values, based on the well-known theories by Geert Hofstede, Ronald Inglehart and Shalom Schwartz, adapted for content analysis of discursive texts (transcripts of the State Duma sessions) by thesaurus marker words characterizing basic values. We also use qualitative discourse analysis to identify semantic chains, the specifics of ideological articulation of marker words, and analyze the transformation of their meaning in different contexts. The stability of the models based on the frequency of use of marker words in discourse for four value groups is tested using the principal component analysis. The hypothesis is tested that the speaker's party affiliation has lost its connection with the values they broadcast over time (such a connection was observed only during the 1st and the 2nd convocations of the State Duma). We confirmed the assumption about a value shift in discourse from collectivist values to individualistic ones during the years of the post-Soviet political transition, while a decrease in the clusters of secular-rational and traditional

values. The models are verified using secondary analysis of data from public opinion pools and waves of the World Values Survey. Correlations are revealed between the frequency of mentioning values and the dynamics of respondents' answers to questions corresponding to these values (with the exception of traditionalist values). Comparison of the models with the country's social and economic development indicators revealed counterintuitive results indicating a nonlinear influence of the economic situation on political thinking and discursive practices. The paper is intended to contribute to the theoretical and empirical development of contemporary Russian policy in the field of values.

Keywords: social values, World Values Survey, Inglehart, Schwartz, Hofstede, State Duma, parliamentary discourse, public opinion, principal component analysis, discourse analysis.

References

- Bauer P.C., Morisi D. (2023) Has Trust in the European Parliament Polarized? *Socius*, vol. 9, pp. 1-9.
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018) Dimensions and dynamics of national culture: synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 49, no 10, pp. 1469-1505.
- Chebankova E. (2020) *Political ideologies in contemporary Russia*, Montreal & Kingston, London, Chicago, McGill-Queen's University Press.
- Chizhik A.V., Sergejev D. A. (2021) Exploring the Parliamentary Discourse of the Russian Federation Using Topic Modeling Approach. *Digital Transformation and Global Society* (ed. by D. A. Alexandrov), Cham, Springer International Publishing, pp. 403-416.
- Filippov A.F. (2023) Tsennosti i mobilizatsiya: k dinamike steril'nogo vzbuzhdeniya [Values and mobilization: towards the dynamics of sterile excitation]. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no 1, pp. 51-70).
- Fog A. (2023) Two-Dimensional Models of Cultural Differences: Statistical and Theoretical Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 57, no 2-3, pp. 115-165.
- Freeden M., Sargent L.T., Stears M. (eds.) (2013) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*, Oxford, Oxford University Press.
- Ghojogh B., Ghodsi A., Karray F., Crowley M. (2022) *Factor analysis, probabilistic principal component analysis, variational inference, and variational autoencoder*: Tutorial and survey. DOI: 10.48550/arXiv.2101.00734.
- Gorshkov M. K., Andreev A. L., Tikhonova N. E. (2022) *Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of the time], vol. 6, Moscow, Ves' mir.
- Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. (2018) Moral Foundations Theory. *Atlas of Moral Psychology* (ed. by K. Gray & J. Graham), New York, Guilford Press, pp. 211-222.
- Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds.) (2022) *World Values Survey: round seven-country-pooled datafile*. Version 4.0, Madrid, JD Systems Institute.
- Hajer M. A. (2006) Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings. *Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences* (ed. by M. Van Den Brink, T. Metze), Utrecht, Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research, pp. 65-74.
- Hall E.T. (1976) *Beyond Culture*, Garden City NY, Anchor.
- Hofstede G., Van Deusen C., Mueller C., Charles T. (2020) What Goals do Business Leaders Pursue?: A study in fifteen countries. *Organizational Collaboration: Themes and Issues* (ed. by M. L. Di Domenico, S. Vangen, N. Winchester, D. K. Boojhawon, J. Mordaunt), 2nd ed., London, Routledge, pp. 35-48.
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (eds.) (2004) *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*, Thousand Oaks CA, Sage.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution. Peoples Motivations are Changing and Reshaping World*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Inkeles A., Levinson D. J. (1969) National character: The study of modal personality and sociocultural systems. *The Handbook of Social Psychology* (ed. by G. Lindzey & E. Aronson), New York, McGraw-Hill, pp. 418-506.
- Jordaan J. A., Dima B. (2020) Post materialism and comparative economic development: do institutions act as transmission channel? *Social Indicators Research*, vol. 148, no 2, pp. 441-472.

- Kaasa A. (2021) Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a single system. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 52, no 4, pp. 339-353.
- Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. (1961) *Variations in Value Orientations*, Westport CT, Greenwood Press.
- Laruelle M., Grek I., Davydov S. (2023) Culturalizing the Nation: A Quantitative Approach to the Russkii/Rossiiskii Semantic Space in Russia's Political Discourse. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 31, no 1, pp. 3-27.
- Lauderdale B., Herzog A. (2016) Measuring political positions from legislative speech. *Political Analysis*, no 24, pp. 374-394.
- Lilja M. (2021) Russian political discourse on illegal drugs: A thematic analysis of parliamentary debates. *Substance Use & Misuse*, vol. 56, no 7, pp. 1010-1017.
- Meynhardt T. (2021) Public value is knowable, public value creation is not. *Administration & Society*, vol. 53, no 10, pp. 1631-1642.
- Minkov M., Sokolov B., Lomakin I. (2023) Evolyutsiya modeli kul'turnykh izmereniy Hofstede: paralleli mezhd u ob'yektivnoy i sub'yektivnoy kul'turoy [Evolution of Hofstede's cultural measurement model: parallels between objective and subjective culture]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 287-317.
- Minkov M., Sokolov B., Ponarin E., Almakaeva A., Nastina E. (2023) Is "Regional Culture" a Meaningful Concept? Cultural Differences Across 60 Russian regions. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 30, no 3, pp. 637-656.
- Mukhametov R. (2023) Pochemu grazhdane doveryayut pravitel'stvu? Istoki politicheskogo doveriya v sovremennoy Rossii [Why do citizens trust the government? The origins of political trust in modern Russia]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 196-218.
- Onursal R., Kirkpatrick D. (2021) Is extremism the 'new' terrorism? The convergence of 'extremism' and 'terrorism' in British parliamentary discourse. *Terrorism and Political Violence*, vol. 33, no 5, pp. 1094-1116.
- Panov P.V., Sulimov K. A. (2023) Ideologicheskaya «garmoniya» v Gosudarstvennoy Dume: vozni knoveniye, soderzhaniye, granitsy [Ideological "harmony" in the State Duma: emergence, content, boundaries]. *Political Science*, no 1, pp. 61-91.
- Parsons T., Shils E. A. (1951) *Toward a General Theory of Action*, Cambridge MA, Harvard University Press.
- Pavlovic Z., Todosije vic B. (2020) Global cultural zones the empirical way: value structure of cultural zones and their relationship with democracy and the communist past. *Quality and Quantity*, vol. 54, no 2, pp. 603-622.
- Popova O.V., Grishin N.V. (2023) Politicheskaya identichnost' rossiyskoy molodezhi v samoosenkakh i otsenkakh ekspertov [Political identity of Russian youth in self-assessments and expert assessments]. *Political Science*, no 2, pp. 140-162.
- Schwartz Sh., Cieciuch J. (2022) Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: psychometrics of the revised portrait value questionnaire. *Assessment*, vol. 29, no 5, pp. 1005-1019.
- Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018) Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993-2009. *International Studies Quarterly*, vol. 62, no 3, pp. 534-547.
- Sulimov K. A., Sychev O. A., Belousov K. I. (2022) Osobennosti ispol'zovaniya moral'noy leksiki deputatami fraktsiy Gosudarstvennoy Dumy: empiricheskaya otsenka na osnove kontent-analiza [Features of the use of moral vocabulary by deputies of factions of the State Duma: an empirical assessment based on content analysis]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 16, no 1, pp. 58-73.
- Tiaynen-Qadir T., Qadir A., Alasuutari p. (2019) Russia in world society: A comparative perspective on international references in parliamentary debates. *Acta Sociologica*, vol. 62, no 2, pp. 228-242.
- Triandis H. C. (2004) The many dimensions of culture. *Academy of Management Executive*, vol. 18, no 1, pp. 88-93.
- Trompenaars F. (1993) *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*, London, Economist Books.

Почему граждане доверяют полиции?

Руслан Мухаметов

Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: пр. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, 620083 Российская Федерация
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению факторов, влияющих на уровень доверия к российской полиции. Основной вопрос работы состоит в том, чтобы понять, почему одни граждане доверяют правоохранительным органам, а другие — нет. Для достижения этой цели были использованы данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. Метод анализа — порядковая логистическая регрессия. В статье речь идет о том, что более благоприятное отношение к правоохранительным органам связано с более низкой коррупцией. Автор пришел к выводу, что граждане с более высоким уровнем доверия в целом имеют положительное отношение к полиции. Установлено, что уровень доверия постматериалистов к правоохранительным органам ниже, чем у материалистов. Статистический анализ показал, что рост числа граждан с постматериалистическими ценностями приводит к снижению уровня доверия к полиции. Автор выявил, что мужчины обладают более низким уровнем доверия к правоохранительным органам по сравнению с женщинами. Значимость исследования заключается в том, что оно может предоставить полезные и практические рекомендации для улучшения работы полиции и повышения уровня доверия общества к ней.

Ключевые слова: полиция, правоохранительные органы, доверие, коррупция, СМИ, этнические меньшинства

Доверие к полиции имеет значение для снижения уровня преступности и насилия. Граждане, которые доверяют правоохранительным органам, могут помочь, сообщая о виденных ими преступлениях и предоставляя важную информацию, которая приведет к аресту преступников. Исследования показывают, что полиция может способствовать снижению уровня преступности посредством эффективных услуг, сведения к минимуму неправомερных действий и улучшения процессуальной справедливости (Kochel, Weisburd, 2019). Высокий уровень доверия к полиции приводит к соблюдению гражданами законов и готовности сотрудничать с правоохранительными органами (Koster, 2017). Принимая во внимание важность доверия к правоохранительным органам для политических и социально-экономических аспектов развития страны, изучение факторов, определяющих доверие к полиции, стало важным направлением академических исследований.

Предыдущие работы были в основном сосредоточены на изучении проблемы доверия граждан к полиции США (Browning, Merlino, Sharp, 2021; White, Kyle,

1. Статья представляется в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций.

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

Schafer, 2021), КНР (Li, Sun, Wu, Liu, 2021; Wu, Sun, Hu, 2021), Великобритании (Wuschke, Henning, Stewart, 2022). Доверие граждан к полиции стало объектом изучения в Украине (Beck, Chistyakova, 2002), Финляндии (Kaariainen, Siren, 2011), а также России (Reynolds, Semukhina, Demidov, 2008). Впрочем, пока этого недостаточно. Министерство внутренних дел (МВД) является крупнейшим из правоохранительных органов РФ, в нем работает почти миллион человек², но оно организовано иерархически и разделено на специализированные подразделения, каждое из которых выполняет определенные функции (обеспечение безопасности дорожного движения, охрана общественного порядка, уголовный розыск и т. д.). Все они требуют дополнительного исследования.

По данным проправительственного полстера, индекс одобрения деятельности правоохранительных органов в России в сентябре 2023 года составлял 31 пункт, что позволяло им находиться на третьем месте, уступая вооруженным силам (67) и РПЦ (40), но опережая общественную палату (22), политические партии (9) и другие общественные институты³. Высокий уровень доверия к сотрудникам полиции подчеркивается и в ряде аналитических обзоров⁴. Результаты социологических опросов о деятельности полиции в РФ, проведенные ВНИИ МВД, свидетельствуют о положительных показателях ее оценки гражданами страны⁵. Этому существует несколько объяснений. Во-первых, возросшее доверие к полиции является отражением растущего институционального доверия к президенту, армии и другим органам исполнительной власти, вызванного «патриотической мобилизацией», начавшейся в России после присоединения Крыма (Мухаметов, 2022; Semukhina, 2018). Во-вторых, обычно при переходе от гибридного режима к авторитарной системе доверие к полиции, фиксируемое социологическими опросами, может несколько расти, т.к. публично распространяемая информация о деятельности правоохранительных органов носит ограниченный характер (у людей меньше объективной информации о работе полиции), сами граждане боятся открыто высказываться по данному поводу и т.п. (Гимпельсон, Монусова, 2012). Наконец, в более демократических государствах институциональное доверие ниже в силу того, что при демократии, чтобы защитить гражданина от посягательств государственной власти, недоверие институционализовано (Rosanvallon, Goldhammer, 2008). Как заметил П. Штомпка, демократическое устройство представляет собой «институционализованный недоверие», связанное с разделением властей и системой сдержек и противовесов (Штомпка, 2016).

2. Путин подписал указ о предельной штатной численности органов внутренних дел РФ // Интерфакс. 05.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/875482> (дата обращения: 25.07.2024).

3. Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 25.07.2024).

4. Доверие к полиции: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. 10 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 25.07.2024).

5. О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2023 году по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» // МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 25.07.2024).

Основной вопрос настоящего исследования состоит в следующем: что влияет на доверие к полиции? Почему одни граждане ей доверяют, а другие — нет? Наша статья не является первой работой, которая посвящена поиску ответов на эти вопросы. Одни ученые считают, что определяющим фактором доверия выступает опыт взаимодействия граждан с полицией, который позволяет получить общее представление о компетенции ее сотрудников и качестве оказываемых услуг (Зуева, Демидов, 2022). Эти исследователи подчеркивают, что контакты с правонарушениями отдельных сотрудников правоохранительных органов подрывают доверие общественности к институту в целом, вызывая нежелание граждан сотрудничать с ним (Zernova, 2012). Наиболее благосклонно оценивают деятельность правоохранителей социально пассивные слои населения с небольшим опытом контактов с полицией (Мазаев, 2004; Майоров, Дунаева, 2017).

Цель данной статьи заключается в изучении истоков доверия граждан к правоохранительным органам в стране. Для этого используются данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. Нами проведено также тестирование влияния детерминант, которые отражают степень эффективности работы полиции, восприятия уровня коррупции в правоохранительных органах, просмотра ТВ-новостей и т. д.

Концептуализация доверия к полиции

«Доверие» — это ключевое слово для обозначения множества явлений, которое позволяет людям идти на риск в отношениях с другими, решать проблемы коллективного действия или использовать способы, кажущиеся противоречащими стандартным определениям личных интересов (Levi, 1996). Концепция доверия подразумевает «готовность стороны быть уязвимой перед действиями другой стороны, основанную на ожидании, что другая сторона выполнит конкретное действие, важное для доверителя, независимо от способности контролировать эту другую сторону» (Mayer, Davis, Schoorman, 1995). Иными словами, доверие предполагает, что индивид делает себя уязвимым перед другим человеком, группой или учреждением, которые способны причинить ему вред или предать его (Levi, 2000). Таким образом, социальное доверие есть пример того, что Д. Норт назвал неформальным институтом, выражающим устоявшиеся системы представлений о поведении других людей (Норт, 1997). Социальное доверие можно рассматривать как актив или социальный капитал (Коулман, 2001). Исследователи утверждают, что заслуживающий доверия субъект — это тот, кто способен и последователен в том, чтобы не использовать уязвимость доверенного лица (Möllering, 2006). Необходимо отметить, что доверие теоретически можно отличить от надежности. Доверие — это психологическое состояние доверителя и его готовность быть уязвимым перед доверительным управляющим в условиях неопределенности. Надежность, напротив, относится к убеждениям или ожиданиям доверительного управляющего, которые часто используются для формирования основы доверия (PytlikZillig et al., 2016).

Термин «доверие к полиции» относится к уверенности общественности в способности сотрудников полиции выполнять свои задачи профессионально и этично (Hardin, 2002), т. е. доверие можно определить как предположения людей о том, что отдельные сотрудники делают и будут делать то, что им поручено, выполнять свои функции (Jackson, Gau, 2016). Дж. Джексон со своими коллегами представляют одно из наиболее полных определений доверия к полиции следующим образом: вера в то, что у полиции существуют правильные намерения по отношению к гражданам, они компетентны действовать определенным образом в конкретных ситуациях, в соответствии с ожиданиями граждан, эффективно бороться с преступностью, беспорядками и другими формами чрезвычайных ситуаций, а также быть беспристрастными и справедливыми (Jackson et al., 2011). Доверие к полиции стоит рассматривать как диффузное, которое Дж. Деннис определил как включающую в себя добрую волю, обычно направленную не на должностных лиц (Dennis, 1976).

В настоящем исследовании полиция понимается как специализированная группа людей, основная формальная ответственность которых состоит в обеспечении общественной безопасности (Reynolds, Semukhina, Demidov, 2008), а сотрудники полиции рассматриваются как «уличные бюрократы» (Lipsky, 1983).

Модель доверия к полиции сводится к четырем положениям: 1) отождествление интересов полиции с потребностями и озабоченностями сообщества; 2) ожидание, что полиция относится к людям одинаково справедливо, проявляя уважение при непосредственных контактах; 3) демонстрация одинакового понимания морали у общества и полиции; 4) суждения о компетентности (эффективности) полиции в борьбе с преступностью⁶. Таким образом, доверие к полиции имеет следующие измерения: уверенность в том, что система и отдельные сотрудники будут эффективными, справедливыми и будут демонстрировать ценности, которые соответствуют вашим собственным или общественным.

В данном исследовании рассматриваются два типа доверия к полиции. Первый — это *институциональное доверие*. Оно отражает суждения, которые обычно обнаруживаются в опросах общественного мнения или обсуждаются среди политологов. Институциональное доверие возникает, когда представители общественности рассматривают полицию как честный и компетентный орган власти, выполняющий свои институциональные обязанности от имени всех граждан. Второй тип доверия предполагает выводы о намерениях полиции и отражает концепцию *фидуциарного доверия*, которая занимает центральное место в дискуссиях в среде юристов. Доверие людей основано на предположении, что у сотрудников полиции благожелательные и заботливые намерения по отношению к гражданам, что они честно прилагают усилия для удовлетворения их потребностей и решения проблем (Tyler, 2005).

6. Hohl K. The role of mass media and police communication in trust in the police: New approaches to the analysis of survey and media data. URL: http://etheses.lse.ac.uk/213/1/Hohl_The_role_of_mass_media_and_police_communication_in_trust_in_the_police.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

Детерминанты доверия к полиции: теоретические объяснения и рабочие гипотезы

В научной литературе существует несколько теоретических подходов, которые объясняют формирование у граждан доверия к полиции.

Модель эффективности является одной из наиболее часто используемых для объяснения общественного доверия к институтам. Эта модель предполагает, что готовность людей принимать институты власти, в том числе и правоохранительные, и сотрудничать с ними связана с оценками их деятельности. Теория эффективности утверждает, что доверие людей к полиции определяется результатами ее работы, например, низким уровнем преступности (Jang, Joo, Zhao, 2010). Эффективность работы полиции — это степень, в которой полиция оперативно реагирует на запросы и проблемы граждан, а также предпринимает соответствующие действия для обеспечения охраны и безопасности общества (Kristina, 2009). Можно обозначить два подтипа в модели эффективности: микро- и макроэффективность. Первый связывает уровень доверия к институтам с различиями в фактическом предоставлении услуг: чем больше граждане видят, что их ожидания оправдались, тем они будут больше доверять институтам. Теория макроэффективности утверждает, что различия в доверии граждан к институтам возникают из-за различий в спектре социальных явлений, ответственность за которые возлагается на институт. О деятельности полиции можно судить на макроуровне, учитывая уровень преступности, степень безопасности, уровень страха перед преступностью и беспорядков в районе проживания (van Craen, 2012). Таким образом, способность или неспособность полиции эффективно бороться с преступностью и предоставлять услуги рассматривается как фактор, определяющий значимость общественных оценок доверия к правоохранительным органам.

Вторым теоретическим подходом, который используется для объяснения доверия к полиции, является *фактор коррупции*, который описывается как «главный разрушитель доверия» из-за его влияния на восприятие процессуальной справедливости или степени, в которой для разрешения конфликтов используются справедливые действия, что является ключевым компонентом доверия к полиции (Tankebe, 2010). Коррупция обычно определяется как злоупотребление государственной должностью в личных целях или, в более широком смысле, злоупотребление вверенной властью для личной выгоды (Роуз-Аккерман, 2003). Теоретические рассуждения о влиянии коррупции на доверие к полиции опираются на теорию институционального доверия Б. Ротштейна и Д. Столле. Она основывается на понимании, что представления индивида о честности, оправданности и эффективности конкретного института влияют на его общее доверие (Rothstein, Stolle, 2001). Другими словами, степень воспринимаемой справедливости и беспристрастности институтов, ответственных за реализацию государственной политики, служит важной основой для создания и поддержания высокого институционального доверия, которое, в свою очередь, влияет на доверие к другим. Если в обществе

бытует мнение о том, что чиновники коррумпированы и нечестны, то граждане будут убеждены в невозможности доверять государственным служащим, которым законом предписано служить общественным интересам (Ротштейн, 2017). Исследователи исходят из того, что современные политические институты являются важными детерминантами социального капитала, способны оказывать влияние на всеобщее доверие. Люди будут доверять тому политическому или общественному институту, который управляется и руководствуется принципами беспристрастности и справедливости (Rothstein, Stolle, 2003). Б. Ротштейн и Я. Теорелл предложили следующее определение беспристрастности: в своей работе должностные лица органов исполнительной власти не должны принимать во внимание ничего, касающегося гражданина и/или дела, что заранее не оговорено в законе (Rothstein, Teorell, 2008). А. Мунгиу-Пиппиди предпочитает описывать беспристрастность на государственной службе как «этический универсализм» (который противопоставляется «партикуляризму») (Mungiu-Pippidi, 2013).

На восприятие гражданами полиции влияют сообщения *средств массовой информации* или телевизионные репортажи о действиях полиции. В данном случае речь идет о теории культивирования Дж. Гербнера, которая утверждает, что большее потребление СМИ увеличивает вероятность принятия аудиторией идеологии медиасообщений (Gerbner et al., 1982). Иными словами, зрители принимают точку зрения, которую им навязывают СМИ. В рамках данного подхода освещение событий в новостях о полиции основывается на простой гипотезе: большее воздействие негативных сообщений о полиции приведет к более негативному отношению к правоохранительным органам, и наоборот. Телевидение не «создает» и не «отражает» образы, мнения и верования, оно выполняет функцию относительной гомогенизации, поглощения различных точек зрения и сближения несопоставимых взглядов и ценностей, т. е. выполняет функцию «мейнстриминга» (Gerbner, 1988). Необходимо отметить, что, согласно модели зависимости от медиасистемы, СМИ оказывают значительное воздействие при следующих условиях: наличие неудовлетворенных потребностей в информации у граждан, а также в периоды структурных изменений и конфликтов в обществе (Ball-Rokeach, DeFleur, 1976).

Российское правительство доминирует в национальном медиапространстве. Оно владеет или контролирует подавляющее большинство средств массовой информации, включая наиболее важную форму массовой коммуникации — телевидение (Becker, 2004, 2014). СМИ, аффилированные с правительством, не выполняют функцию «сторожевого пса» (Oates, 2007). Исходя из этого, можно предположить, что проправительственное телевидение поддерживает (или должно поддерживать) представления о полиции, которая способна контролировать преступность; новостные ТВ-сюжеты используются для создания образа честного, трудолюбивого и неподкупного сотрудника правоохранительного органа. Другими словами, освещение деятельности полиции близкими к правительству СМИ включают, как правило, позитивные материалы о правоохранительных органах.

Таким образом, исходя из теоретических рассуждений, можно сформулировать ряд рабочих гипотез:

Гипотеза 1: чем выше уровень преступности в районе проживания, тем меньше доверие к полиции.

Гипотеза 2: чем выше уровень восприятия коррупции, тем меньше граждане доверяют правоохранительным органам.

Гипотеза 3: лица, которые получают информацию из ТВ-новостей, больше доверяют полиции.

Источники данных, описание переменных и методы исследования

Источником данных выступают результаты 7-й волны (2017–2022 гг.) Всемирного исследования ценностей (World Values Survey). Это крупнейшая международная и некоммерческая программа по изучению человеческих убеждений и ценностей. Социологический опрос в России был проведен в 2017 году (опрошено 1810 респондентов). Основным методом сбора данных в опросе было личное интервью у респондента дома/по месту жительства. Итоговая выборка составила 1638 опрошенных (исключены пропущенные значения).

Переменные. Зависимая переменная — доверие к полиции — операционализируется через ответы опрошенных на вопрос «Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете каждому из них — полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете?».

Выбор независимых переменных определялся теоретическим подходом исследования и поставленными гипотезами.

В рамках первой гипотезы проверяется влияние переменной, которая отражает уровень виктимизации респондентов. Измерение данного регрессора (переменная «Преступность») производится через ответы на вопросы: 1) «Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в наши дни?» (в полной безопасности, довольно безопасно, не очень безопасно и совсем небезопасно); 2) «Как часто в районе, где Вы живете, случаются кражи, грабежи? (очень часто, довольно часто, нечасто, редко/никогда).

Вторая гипотеза предполагает тестирование теории институционального доверия Ротштейна и Столле. Для ее проверки переменная «Коррупция» была операционализована через ответы на следующий вопрос: «Мы хотели бы узнать о Вашем опыте общения с местными органами власти и организациями, предоставляющими государственные услуги, — полицией, юристами, врачами, учителями, работниками социальных служб. Как часто, по Вашему опыту, обычные люди вроде Вас или живущие с Вами по соседству вынуждены давать взятки, дарить подарки или делать одолжения другим для того, чтобы были решены их вопросы или оказаны услуги, на которые они и так имеют право, — никогда, редко, часто или всегда?» Для удобства интерпретации данная переменная была перекодирована

таким образом, чтобы минимальное значение (1) соответствовало наибольшему уровню восприятия коррупции («всегда»).

Проверка третьей гипотезы осуществляется через ответы опрошенных на вопрос: «Люди узнают о происходящем в России и в мире из разных источников... скажите, пользуетесь Вы им каждый день, каждую неделю, каждый месяц, реже чем раз в месяц или никогда?» В качестве источника информации были взяты телевизионные новости.

В список контрольных переменных включены ряд регрессоров:

Переменная «Социальное доверие» измеряется через ответы на следующий вопрос: «По каждой группе, которую я буду называть, скажите, Вы полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете этим людям?» В данном случае такой группой являются лица, с которыми респондент встречается в первый раз. По мнению Э. Усланера, склонность доверять другим людям представляет собой результат воспитания и социализации. Доверию человек (ребенок) учится у своих родителей. Корни доверия закладываются в раннем детстве (Uslaner, 2002).

Переменная «Возраст» была измерена путем преобразования года рождения в возраст респондента на момент опроса.

Переменная «Образование» является порядковой переменной, которая варьируется от 0 (вообще не учился в школе или закончил лишь 1–2 класса школы) до 8 (научная степень — кандидат или доктор наук). Для удобства интерпретации данная переменная была перекодирована таким образом, чтобы минимальное значение (0) соответствовало наибольшему уровню образования.

Переменная «Нацменьшинства» операционализирована через ответы респондентов на вопрос из анкеты: «К какой национальности Вы бы себя отнесли: русский, татарин, украинец, белорус, еврей, другой». Переменная получает значение «1», если опрошенный в качестве своей этнической принадлежности указал русский, и значение «0» — во всех остальных случаях. Обращение к данной переменной обусловлено результатами предшествующих исследований, которые показывают, что этнические меньшинства по сравнению с другими членами общества, как правило, менее удовлетворены полицией и меньше доверяют ей (Röder, Mühlau, 2012; Weitzer, Tuch, 2005). Утверждается, что это результат дискриминации и жестокого обращения с этническими меньшинствами со стороны этих учреждений: меньшинства с большей вероятностью становятся жертвами насилия и грубости полиции (Tyler, Huo, 2002), непропорционального применения полицейской силы (Weitzer, Tuch, 2005) и расового профилирования (Tyler, Wakslak, 2004). Данные исследования опираются на нормативный подход, представленный теориями справедливости, которые утверждают, что люди заботятся о справедливости результатов (распределительная справедливость) и о процедурах, с помощью которых они достигаются (процедурная справедливость). Теории распределительной справедливости предполагают, что люди хотели бы, чтобы все было «по справедливости», т. е. они хотели бы получить тот уровень наказания, которо-

го, по их мнению, они заслуживают. Теории процессуального правосудия предполагают, что люди сосредотачиваются на судебных процедурах, а не на результатах своего опыта. Если судья относится к ним справедливо, выслушивая их аргументы и рассматривая их, сохраняя нейтралитет и приводя веские обоснования своего решения, то люди будут позитивно реагировать на свой опыт, независимо от того, получают они благоприятный исход или нет (Tyler, 2006).

Термин «постматериализм» впервые был введен Р. Инглхартом. По его мнению, до 1970-х годов для людей были приоритетом так называемые материалистические ценности (физическое выживание, экономический рост и поддержание порядка). При низком уровне экономической безопасности важны сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильному лидеру. Низкий уровень жизни является благодатной почвой для развития религиозности, конформизма, ксенофобии, авторитаризма и традиционных гендерных норм. После Второй мировой войны в результате модернизации в западных странах произошел сдвиг от материальных установок к постматериалистическим ценностям, от ценностей выживания — к индивидуальному самовыражению. Постматериалисты придают первостепенное значение таким целям, как защита окружающей среды, права человека, гендерное равенство, толерантность, демократия (Вельцель, 2018; Инглхарт, Вельцель, 2011). Переменная «индекс Инглхарта» измеряется приоритетом людей при ответе на вопрос «Что Вы считаете следующим по важности?». Материалистические ценности отражают физическую или экономическую незащищенность (респонденты выбирают такие ответы, как поддержание порядка в стране и борьба с ростом цен), а ценности самовыражения — защита свободы слова и предоставление людям возможности больше влиять на правительство при принятии решений (Inglehart, 1977). Переменная получает значение «1», если опрошенный указал постматериалистические ценности; значение «0», если респондент выбрал материалистические ориентации.

Пол респондентов был закодирован как 1 (мужской) и 0 (женский).

Основные показатели описательной статистики по переменным представлены в таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Доверие к полиции	2,54	2	0,922	1	4
Преступность 1	2,19	2	0,822	1	4
Преступность 2	3,02	3	1,18	1	4
Коррупция	1,67	2	1,26	1	4
СМИ	1,71	1	1,21	1	5
Социальное доверие	2,97	3	0,963	1	4

Возраст	45,3	43	17,1	18	91
Образование	4,84	5	1,84	0	8
Нацменьшинства	0,847	1	0,415	0	1
Индекс Инглхарта	0,749	1	0,443	0	1
Пол	0,419	0	0,496	0	1

В силу того, что зависимая переменная представляет собой порядковую шкалу, методом анализа количественных данных была выбрана порядковая логистическая регрессия. Анализ данных осуществлен в прикладном программном пакете GRETЛ.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной части исследования осуществляется проверка влияния трех объясняющих предикторов, отражающих эффективность работы полиции, уровень коррупции в правоохранительных органах, влияние просмотра ТВ-новостей. Для тестирования сформулированных рабочих гипотез была построена порядковая логистическая регрессионная модель с учетом робастных оценок стандартных ошибок и с поправкой на гетероскедастичность (см. табл. 2). Важно отметить, что был сделан тест на обнаружение мультиколлинеарности. В исследовании был использован метод инфляционных факторов (VIF). Наибольшее значение VIF-фактора наблюдается у переменной «Возраст» (1,186). Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии мультиколлинеарности в построенной модели.

Таблица 2. Результаты эмпирического анализа

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Преступность 1	0,112	0,028	4,014	0,000***
Преступность 2	0,017	0,018	0,9578	0,3383
Коррупция	-0,067	0,017	3,864	0,0001***
СМИ	0,026	0,019	1,382	0,1672
Социальное доверие	0,096	0,022	4,300	0,000***
Возраст	0,000	0,001	0,01151	0,9908
Образование	0,016	0,031	0,5309	0,5956
Нацменьшинства	0,005	0,056	0,09770	0,9222
Индекс Инглхарта	-0,137	0,048	-2,839	0,0046***
Пол	-0,209	0,044	-4,737	0,0000***
const	2,177	0,189	11,49	0,000***
R-квадрат — 0,49; Исправ. R-квадрат — 0,43				
* p < 0,1; **p < 0,05; *** p < 0,01				
Количество наблюдений — 1638				

В рамках тестирования первой рабочей гипотезы проверялось влияние восприятия эффективности работы полиции на доверие к правоохранительным органам. Ожидалось, что те, кто больше обеспокоен различными аспектами криминала в районе своего проживания, менее склонны выражать доверие или давать высокую оценку деятельности полиции. Регрессионный анализ показал частичное подтверждение гипотез: из двух переменных только одна («Преступность 1») получила статистически значимый результат. Это требует своего объяснения. В идеале полиция должна быть нейтральным агентом государства и закона, который поддерживает общие интересы в области общественного порядка (а не конкретные интересы — свои собственные или интересы других лиц) путем применения принуждения (Marenin, 1985). Полицейская организация должна уделять первоочередное внимание удовлетворению потребностей отдельных граждан и частных групп; быть подотчетной закону, а не правительству; защищать права человека; быть прозрачной в своей деятельности (Manning, 2015). Общее понимание демократической полицейской деятельности включает в себя подотчетность общественности, прозрачное принятие решений, отзывчивость по отношению к гражданам, репрезентативность населения в целом, уважение прав человека, приверженность верховенству закона и минимальное применение силы (Semukhina, Reynolds, 2014). По мнению исследователей, сотрудники российской полиции по большей части не являются политически нейтральными и бескорыстными служителями закона (Beck, Robertson, 2009). Большинство изменений, внесенных в систему МВД в течение последних трех десятков лет, не изменили природу постсоветской полицейской системы; она остается высокоцентрализованной, закрытой для общественности, военизированным ведомством с иерархическим подчинением и обширными административными функциями (Semukhina, Reynolds, 2013). Как утверждают Т. Гербер и С. Мендельсон, российская полицейская практика представляет собой пример хищнической деятельности, которая направлена, как правило, на личное обогащение, обслуживание интересов политического режима или высших должностных лиц (Gerber, Mendelson, 2008). Эту модель следует отличать от квазидемократической системы, или «модели полицейской деятельности в разделенном обществе», где полиция отражает интересы доминирующих элитных групп и систематически угнетает маргинальные группы населения (беднота, этнические меньшинства и политическая оппозиция) (Weitzer, 1995).

Считается, что коррупция в полиции является одной из главных причин общественного недоверия и неудовлетворенности работой правоохранительных органов. Основной вывод, имеющийся в литературе, заключается в том, что беспристрастность и честность очень важны для создания и поддержания доверия к полиции. Результаты регрессионного анализа подтверждают отрицательный характер взаимосвязи между переменными: повышение уровня восприятия коррупции на один процентный пункт приводит к снижению доверия к правоохранительным органам на 0,067 пункта при прочих равных условиях.

Коррупция в российской полиции — это старая и сложная проблема. Существует убеждение в том, что ее сотрудники систематически вовлечены в дела, противоречащие общественным интересам (Belianin, Kosals, 2015). Коррупция в полиции охватывает множество форм поведения и деятельности. К ним относят, например, получение взяток; вымогательство денег, товаров или услуг от отдельных лиц; «крышевание» и т. д. (Taylor, 2011). Необходимо отметить, что термин «коррупция в полиции» в литературе имеет несколько значений. В нашем исследовании используется определение, разработанное С. Ивковичем: это действие или бездействие, совершенные сотрудником полиции или группой сотрудников, характеризующиеся злоупотреблением сотрудником полиции своим служебным положением, мотивированные в значительной степени достижением личной выгоды (Ivkovic, 2015). Дж. Кляйнинг также подчеркивает, что сотрудники полиции действуют коррумпированно, когда, осуществляя или не осуществляя свои полномочия, они действуют с намерением продвижения личных или ведомственных интересов (Kleinig, 1996). Дж. Робак и Т. Баркер предложили более широкое определение коррупции в полиции как любой формы девиантного, нечестного, ненадлежащего, неэтичного или преступного поведения сотрудника полиции (Roebuck, Barker, 1974). Исследователи выделяют пять видов такого поведения: лжесвидетельство и жестокость со стороны полиции, а также секс, сон и выпивка при исполнении служебных обязанностей (Barker, 1978).

В работе было протестировано влияние просмотра ТВ-новостей на доверие к полиции, которое опиралось главным образом на теорию культивирования и неоавторитарную модель СМИ. Теоретически ожидалось положительное влияние. Регрессионный анализ не подтвердил рабочую гипотезу (переменная оказалась статистически незначимой). Этому существуют два основных объяснения. Во-первых, общественное мнение о полиции формируется не только новостными сюжетами по федеральным телеканалам, но и посредством различных кинофильмов и сериалов о сотрудниках полиции и работе правоохранительных органов в целом. Исследователи отмечают, что как в художественной литературе, так и кинематографе преобладают отрицательные характеристики «служителей закона» (Мищенко, 2022; Сегал, 2023). Во-вторых, в исследовании медиаэффектов, помимо концепций о сильном прямом воздействии СМИ, существует точка зрения о «нулевых эффектах», согласно которой нет убедительных доказательств связи между потреблением медиаконтента и поведением аудитории, социальные факторы воздействия гораздо сильнее медиа. В качестве примера можно привести теорию подкрепления, которая была предложена Дж. Клаппером (Klapper, 1960). СМИ не оказывают доминирующего влияния на установки, убеждения и мотивы читателей, зрителей или слушателей. Медиаэффекты ограничены или оказывают минимальное воздействие (Heath, 2013).

Представляется необходимым интерпретировать также контрольные и фиктивные переменные. В работе проверялось положительное влияние социального доверия на отношении к правоохранительным органам. Данные статистического анализа подтверждают теоретическое ожидание: рост доверия к лицам, с кото-

рыми человек встречается в первый раз, на один пункт приводит к увеличению доверия к полиции на 0,094 пункта.

В научной литературе преобладает мнение, что нацменьшинства демонстрируют более низкий уровень доверия к полиции по сравнению с местными/коренными жителями. Результаты регрессионного анализа не подтверждают данный тезис (модель статистически незначима), что может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, отечественные ученые рассматривают российскую идентичность как государственно-гражданскую, утверждая, что среди россиян доминируют индикаторы общероссийского гражданского самосознания (75–80%) (Дробижева, Рыжова, 2015). По мнению исследователей, базовым консолидатором российской идентичности остается общее государство, русский язык, история и культура (Фадеев, 2022). Эксперты подчеркивают, что в национальных республиках уровень государственно-гражданской идентичности зачастую выше общероссийских показателей, т.к. ответственность за судьбу страны ощущается немного больше (Арутюнова, 2017). Во-вторых, этническая дискриминация в России в основном направлена против групп южного происхождения; мужчины из национальных меньшинств сталкиваются с более сильной дискриминацией по сравнению с женщинами; характер и масштабы этнической дискриминации различаются от региона к региону, что зависит от специфики национального состава населения субъекта РФ и истории межнациональных отношений (Bessudnov, Shcherbak, 2020).

Концепция постматериализма, насколько известно, особо не применялась к исследованиям отношения граждан к полицейской деятельности (McCarthy, Stoneman, Ka Ki Ho, 2022), тем не менее она может дать новый взгляд на рассматриваемую тему. Результаты исследования показывают, что уровень доверия постматериалистов к полиции ниже, чем у граждан, которые придерживаются материалистических ориентаций. Другими словами, чем больше число граждан с постматериалистическими ценностями, тем ниже уровень доверия к правоохранительным органам в стране.

Регрессионный анализ показал, что мужчины обладают более низким уровнем доверия к полиции по сравнению с женщинами. Данный вывод соответствует предшествующим исследованиям (Han, Sun, Hu, 2017). В то же время, если обратиться к тематике гендера и доверия в целом, то в научных работах нет единого мнения о направлении взаимосвязи. Несколько исследований показывают, что мужчины более доверчивы, чем женщины (Chaudhuri, Gangadharan, 2007), в то время как другие демонстрируют, что женщины более доверчивы, чем мужчины (Bellemare, Kroger, 2007). Третьи исследователи не находят гендерных различий в доверительном поведении (Schwieren, Sutter, 2008). Таким образом, данное академическое направление требует отдельного изучения.

Заключение

Написание данной статьи было вызвано стремлением понять истоки доверия к полиции в России, расширить знания о том, как формируется доверие к право-

охранительным органам в стране. Исследовательский вопрос, поставленный в начале, заключался в изучении влияния трех теоретических положений — модели эффективности, теории институционального доверия, теории культивирования — на доверие населения к правоохранительным органам. Для этого были использованы данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследования ценностей. В результате проведения регрессионного анализа сделан ряд выводов. Обнаружено, что уровень преступности в районе проживания и восприятия безопасности получил только частичное эмпирическое подтверждение. Показано отрицательное влияние восприятия коррупции на доверие к полиции. Речь идет о том, что более благоприятное отношение к правоохранительным органам связано с более низким уровнем восприятия коррупции в этом общественном институте. Итогом исследования явилось то, что граждане с более высоким уровнем доверия в целом имеют положительное отношение к правоохранительным органам. Кроме того, выявлено, что уровень доверия постматериалистов к полиции ниже, чем у материалистов. Другими словами, чем больше число граждан с постматериалистическими ценностями, тем ниже уровень доверия к правоохранительным органам. Наконец, мужчины обладают более низким уровнем доверия к полиции по сравнению с женщинами.

Не получили подтверждения по итогам исследования два тезиса: о положительном влиянии просмотра ТВ-новостей на доверие к полиции и о негативном отношении к правоохранительным органам этнических меньшинств. Данные выводы имеют важную теоретическую значимость. Мы вносим свой вклад в изучение полиции, предоставляя новые данные об источниках доверия к правоохранительным органам. Существует несколько возможных направлений для будущих исследований, одним из которых является тестирование «экспрессивной»/неодюркгеймовской модели общественного доверия применительно к полиции. Важно указать и ограничения исследования, одним из которых является то, что основные выводы данной работы основаны на социологическом опросе, проведенном в России в 2017 году. Полагаем, что в условиях быстро меняющейся среды результаты этого исследования нельзя абсолютизировать и делать выводы относительно уровня доверия граждан к полиции по состоянию на 2024 год без дополнительной эмпирической проверки, на более актуальных данных.

Литература

- Арутюнова Е. М. (2017). Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия формирующаяся: ежегодник: вып. 15 / М. К. Горшков (ред.). М.: Новый Хронограф. С. 259–272.
- Вельцель К. (2018). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ».
- Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. (2012). Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. № 11. С. 24–47.

- Дробижева Л. М., Рыжова С. В.* (2015). Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. № 5. С. 9–24.
- Зуева О. В., Демидов Н. Н.* (2022). Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 2. С. 144–150.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Коулман Дж.* (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Мазаев Ю. Н.* (2004). Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования. № 2. С. 106–115.
- Майоров В. И., Дунаева О. Н.* (2017). Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству // Социологические исследования. № 4. С. 43–51.
- Мищенко А. Н.* (2022). Языковой портрет полицейского (по материалам кинофильмов XX–XXI вв.) // Политическая лингвистика. № 3. С. 39–48.
- Мухаметов Р.* (2022). Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // Международные процессы. № 3. С. 80–94.
- Норт Д.* (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Роуз-Аккерман С.* (2003). Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос.
- Ротштейн Б.* (2017). Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. № 1. С. 37–60.
- Сегал Н. А.* (2023). Образ полицейского в художественной литературе: семантико-прагматический аспект // Политическая лингвистика. № 1. С. 97–104.
- Фадеев П. В.* (2022). Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 78–95.
- Штомпка П.* (2016). Доверие — основа общества. М.: Логос.
- Ball-Rokeach S. J., DeFleur M. L.* (1976). A Dependency Model of Mass-Media Effects // Communication Research. № 3. P. 3–21.
- Barker T.* (1978). Empirical study of police deviance other than corruption // Journal of Police Science and Administration. № 6. P. 264–272.
- Beck A., Chistyakova Y.* (2002). Crime and policing in post-Soviet societies: Bridging the police/public divide // Policing and Society. Vol. 12. № 2. P. 123–137.
- Beck A., Robertson A.* (2009). The challenges to developing democratic policing in post-Soviet societies: the Russian experience // Police Practice and Research: An International Journal. Vol. 10. № 4. P. 285–293.
- Becker J.* (2004). Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System // European Journal of Communication. Vol. 19. № 2. P. 139–163.

- Becker J.* (2014) Russia and the new authoritarians. *Demokratizatsiya // The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 22. № 2. P. 191–206.
- Belianin A., Kosals L.* (2015). Collusion and corruption: an experimental study of Russian police. Working paper WP9/2015/03. Moscow: Higher School of Economics Publ. House.
- Bellemare C., Kroger S.* (2007). On Representative Social Capital // *European Economic Review*. Vol. 51. № 1. P. 183–202.
- Bessudnov A., Shcherbak A.* (2020). Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia // *European Sociological Review*. Vol. 36. № 1. P. 104–120.
- Browning L. M., Merlino M., Sharp J.* (2021). Citizen journalism and public cynicism toward police in the USA // *Journal of police and criminal psychology*. Vol. 36. № 3. P. 372–385.
- Chaudhuri A., Gangadharan L.* (2007). An Experimental Analysis of Trust and Trustworthiness // *Southern Economic Journal*. Vol. 73. № 4. P. 959–985.
- Dennis J.* (1976). Who supports the presidency? // *Society*. № 13. P. 48–53.
- Gerbner G.* (1988). Cultivation Analysis: an Overview // *Mass communication & society*. Vol. 1. № ¾. P. 175–194.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* (1982). Charting the Mainstream: Television's Contributions to Political Orientations // *Journal of Communication*. Vol. 32. № 2. P. 100–127.
- Gerber T., Mendelson S.* (2008). Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? // *Law & Society Review*. Vol. 42. № 1. P. 1–44.
- Han Z., Sun I. Y., Hu R.* (2017). Social trust, neighborhood cohesion, and public trust in the police in China // *Policing: an international journal of police Strategies & management*. Vol. 40. № 2. P. 380–394.
- Hardin R.* (2002). Trust and trustworthiness // *The Routledge handbook of trust and philosophy* / S. Simon (ed.). New York, NY: Russell Sage Foundation. P. 28–193.
- Heath R.* (2013). Reinforcement theory // *Encyclopedia of public relations* / R. Heath (ed.). New York, NY: SAGE Publications. P. 738–740.
- Inglehart R.* (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
- Ivkovic S. K.* (2005). *Fallen blue knights: Controlling police corruption*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson J., Bradford B., Hough M., Kuha J., Stares S., Widdop S., Fitzgerald R., Yordanova M., Galev T.* (2011). Developing European indicators of trust in justice // *European Journal of Criminology*. Vol. 8. № 4. P. 267–285.
- Jackson L., Gau J.* (2016). Carving Up Concepts? Differentiating Between Trust and Legitimacy in Public Attitudes Towards Legal Authority // *Interdisciplinary perspectives on trust: Towards theoretical and methodological integration* / E. Shockley E., Neal T., PytlikZillig L., Bornstein B. (eds.). Cham: Springer. P. 49–69.
- Jang H., Joo H.-J., Zhao J.* (2010). Determinants of public confidence in police: An international perspective // *Journal of Criminal Justice*. Vol. 38. № 1. P. 57–68.

- Kaariainen J., Siren R.* (2011). Trust in the police, generalized trust and reporting crime // *European Journal of Criminology*. Vol. 8. № 1. P. 65–81.
- Klapper J.* (1960). *The effects of mass communication*. New York: Free Press.
- Kleinig J.* (1996). *The Ethics of Policing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klitgard R.* (1991). *Controlling corruption*. University of California Press.
- Kochel R., Weisburd D.* (2019). The impact of hot spots policing on collective efficacy: Findings from a randomized field trial // *Justice Quarterly*. Vol. 36. № 5. P. 900–928.
- Koster N. N.* (2017). Victims' perceptions of the police response as a predictor of victim cooperation in the Netherlands: A prospective analysis // *Psychology, Crime & Law*. Vol. 23. № 3. P. 201–220.
- Kristina M.* (2009). Public satisfaction with police: The importance of procedural justice and police performance in police-citizen encounters // *Australian & New Zealand journal of criminology*. Vol. 42. № 2. P. 159–178.
- Levi M.* (1996). *A State of Trust*. European University Institute.
- Levi M.* (2000). Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*. Vol. 3. № 1. P. 475–507.
- Li F., Sun I. Y., Wu Y., Liu S.* (2021). The mediating roles of law legitimacy and police legitimacy in predicting cooperation with police in China // *Journal of Criminology*. Vol. 54. № 2. P. 201–219.
- Lipsky M.* (1983). *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. Russell Sage Foundation.
- Manning P.* (2015). *Democratic Policing in a changing world*. New York: Routledge.
- Marenin O.* (1985). Review: Police Performance and State Rule: Control and Autonomy in the Exercise of Coercion // *Comparative Politics*. Vol. 18. № 1. P. 101–122.
- Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D.* (1995). An Integrative Model of Organizational Trust // *Academy of Management Review*. Vol. 20. № 3. P. 709–734.
- McCarthy D., Stoneman P., Ka Ki Ho L.* (2022). Explaining confidence in the police within transitional Hong Kong: the influence of postmaterial values // *Policing and Society*. Vol. 33. № 4. P. 1–15.
- Möllering G.* (2006). *Trust: Reason, routine, reflexivity*. Amsterdam: Elsevier.
- Mungiu-Pippidi A.* (2013). Becoming Denmark: Historical Designs of Corruption Control // *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 80. № 4. P. 1259–1286.
- Oates S.* (2007). The Neo-Soviet Model of the Media // *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. № 8. P. 1279–1297.
- Pytlík Zillig L., Hamm J., Shockley E., Herian M., Neal T., Kimbrough C., Tomkins A., Bornstein B.* (2016). The dimensionality of trust-relevant constructs in four institutional domains: results from confirmatory factor analyses // *Journal of Trust Research*. Vol. 6. № 2. P. 111–150.
- Reynolds K. M., Semukhina O. B., Demidov N. N.* (2008). A longitudinal analysis of public satisfaction with the police in the Volgograd region of Russia (1998–2005) // *International Criminal Justice Review*. Vol. 18. № 2. P. 158–189.

- Röder A., Mühlau p. (2012). What determines the trust of immigrants in criminal justice institutions in Europe // *European Journal of Criminology*. Vol. 9. № 4. P. 370–387.
- Roebuck J. B., Barker T. (1974). A typology of police corruption // *Social Problems*. Vol. 21. № 3. P. 423–437.
- Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rothstein B., Stolle D. (2001). Social Capital and Street-Level Bureaucracy: An Institutional Theory of Generalized Trust // *ESF Conference Social Capital: Interdisciplinary Perspectives*. United Kingdom: Exeter. P. 71–83.
- Rothstein B., Stolle D. (2003). Social Capital, Impartiality and the Welfare State: An Institutional Approach // *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* / M. Hooghe, D. Stolle (eds.). New York: Palgrave Macmillan. P. 191–209.
- Rothstein B., Teorell J. (2008). What Is Quality of Government: A Theory of Impartial Political Institutions // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. Vol. 21. № 2. P. 165–190.
- Schwieren C., Sutter M. (2008). Trust in Cooperation or Ability? An Experimental Study on Gender Differences // *Economics Letters*. Vol. 99. № 3. P. 494–497.
- Semukhina O. (2018). The evolution of policing in post-soviet Russia: Paternalism versus service in police. Officers' understanding of their role // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 51. № 3. P. 215–229.
- Semukhina O., Reynolds M. (2014). Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police // *Policing and Society*. Vol. 24. № 2. P. 158–188.
- Semukhina O., Reynolds M. (2013). *Understanding the Modern Russian Police*. New York: Routledge.
- Tankebe J. (2010). Public confidence in the police: Testing the effects of public experiences of police corruption in Ghana // *British Journal of Criminology*. Vol. 50. № 2. P. 296–319.
- Taylor B. (2011). *State Building in Putin's Russia Policing and Coercion after Communism*. Cambridge University Press.
- Tyler T. (2005). Policing in Black and White: Ethnic Group Differences in Trust and Confidence in the Police // *Police Quarterly*. Vol. 8. № 3. P. 322–342.
- Tyler T. (2006). *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.
- Tyler T., Huo Y.J. (2002). *Trust in the Law*. New York: Russell Sage Foundation.
- Tyler T., Wakslak C. (2004). Profiling and the legitimacy of the police // *Criminology*. Vol. 42. № 2. P. 13–42.
- Uslaner E. (2002). *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press.
- van Craen M. (2012). Explaining majority and minority trust in the police // *Justice Quarterly*. Vol. 9. № 3. P. 1042–1067.
- Weitzer R. (1995). *Policing Under Fire: Ethnic Conflict and Police-Community Relations in Northern Ireland*. New York: State University of New York Press.

- Weitzer R., Tuch S. A. (2005). Determinants of public satisfaction with the police // *Police Quarterly*. Vol. 8. № 3. P. 279–297.
- White D. R., Kyle M. J., Schafer J. A. (2021). Police self-legitimacy and democratic orientations: Assessing shared values // *International Journal of Police Science & Management*. Vol. 23. № 4. P. 431–444.
- Wu Y., Sun I. Y., Hu R. (2021). Cooperation with police in China: surveillance cameras, neighborhood efficacy and policing // *Social Science Quarterly*. Vol. 102. № 1. P. 433–453.
- Wuschke K., Henning K., Stewart G. (2022). Dots versus density: the impact of crime mapping techniques on perception of safety, police performance and neighborhood quality // *Policing and Society*. Vol. 32. № 1. P. 1–17.
- Zernova M. (2012). The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change // *Policing: An International Journal*. Vol. 35. № 2. P. 216–230.

Why Do the Citizens Trust the Police?

Ruslan S. Mukhametov

Candidate of Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Address: Lenin Avenue, 51, Ekaterinburg, 620083 Russian Federation
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

This study is devoted to the investigation of factors affecting the level of trust in the Russian police. The main research issue of the article is to understand why some citizens trust law enforcement agencies, while others do not. To achieve this goal, data obtained during the 7th wave of the World Values Survey were used. The method of analyzing quantitative data was ordinal logistic regression. It is shown that the crime rate in the area of residence and the perception of security have received only partial empirical confirmation. The positive influence of the perception of corruption on trust in the police was found. The article also portrays how a more favorable attitude towards law enforcement agencies is associated with higher corruption. The author comes to the conclusion that citizens with higher levels of trust generally have more positive attitudes towards law enforcement agencies. It has been established that the level of trust of post-materialists in the police is lower than that of materialists. Statistical analysis has shown that an increase in the number of citizens with post-materialistic values leads to a decrease in the level of trust in law enforcement agencies. The author found that men have a lower level of trust in the police compared to women. The significance of the study lies in the fact that it can provide useful and practical recommendations for improving the work of the police and increasing the level of public confidence in it.

Keywords: police, law enforcement agencies, trust, corruption, media, ethnic minorities.

References

- Arutjunova E. M. (2017) Gosudarstvenno-grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnosti molodezhi: obshherossijskij kontekst i regional'naja specifika [State-civil and ethnic identities of youth: the

- all-Russian context and regional specificity]. *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook] (ed. M. K. Gorshkov), Moscow: Novyj Hronograf, pp. 259–272.
- Ball-Rokeach S. J., DeFleur M. L. (1976) A Dependency Model of Mass-Media Effects. *Communication Research*, no 3, pp. 3–21.
- Barker T. (1978) Empirical study of police deviance other than corruption. *Journal of Police Science and Administration*, no 6, pp. 264–272.
- Beck A., Chistyakova Y. (2002) Crime and policing in post-Soviet societies: Bridging the police/public divide. *Policing and Society*, vol. 12, no 2, pp. 123–137.
- Beck A., Robertson A. (2009) The challenges to developing democratic policing in post-Soviet societies: the Russian experience. *Police Practice and Research: An International Journal*, vol. 10, no 4, pp. 285–293.
- Becker J. (2004) Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, vol. 19, no 2, pp. 139–163.
- Becker J. (2014) Russia and the new authoritarians. Demokratizatsiya. *The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 22, no 2, pp. 191–206.
- Belianin A., Kosals L. (2015) Collusion and corruption: an experimental study of Russian police. Working paper WP9/2015/03. Moscow: Higher School of Economics Publ. House.
- Bellemare C., Kroger S. (2007) On Representative Social Capital. *European Economic Review*, vol. 51, no 1, pp. 183–202.
- Bessudnov A., Shcherbak A. (2020) Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*, vol. 36, no 1, pp. 104–120.
- Browning L. M., Merlino M., Sharp J. (2021) Citizen journalism and public cynicism toward police in the USA. *Journal of police and criminal psychology*, vol. 36, no 3, pp. 372–385.
- Chaudhuri A., Gangadharan L. (2007) An Experimental Analysis of Trust and Trustworthiness. *Southern Economic Journal*, vol. 73, no 4, pp. 959–985.
- Dennis J. (1976) Who supports the presidency? *Society*, no 13, pp. 48–53.
- Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. (2015) Grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia]. *Polis. Political studies*, no 5, pp. 9–24.
- Fadeev P. V. (2022) Rossijskaja gosudarstvenno-grazhdanskaja identichnost' skvoz' prizmu vosprijatija istorii, kul'tury i obshhestvenno-politicheskoj zhizni [Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life]. *Sociological science and social practice*, no 3, pp. 78–95.
- Gerbner G. (1988) Cultivation Analysis: an Overview. *Mass communication & society*, vol. 1, no ¾, pp. 175–194.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1982) Charting the Mainstream: Television's Contributions to Political Orientations. *Journal of Communication*, vol. 32, no 2, pp. 100–127.
- Gerber T., Mendelson S. (2008) Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law & Society Review*, vol. 42, no 1, pp. 1–44.
- Gimpel'son V. E., Monusova G. A. (2012) Doverie k policii: mezhranovoj analiz [Trust in the police: a cross-country analysis]. *Questions of Economics*, no 11, pp. 24–47.
- Han Z., Sun I. Y., Hu R. (2017) Social trust, neighborhood cohesion, and public trust in the police in China. *Policing: an international journal of police Strategies & management*, vol. 40, no 2, pp. 380–394.
- Hardin R. (2002) Trust and trustworthiness. *The Routledge handbook of trust and philosophy* (ed. S. Simon), New York: Russell Sage Foundation, pp. 28–193.
- Heath R. (2013) Reinforcement theory. *Encyclopedia of public relations* (ed. R. Heath), New York: SAGE Publications, pp. 738–740.
- Inglehart R. (1977) The silent revolution. Changing values and political styles among Western Publics. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Vel'cel' K. (2011) *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija* [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivkovic S. K. (2005) *Fallen blue knights: Controlling police corruption*, Oxford: Oxford University Press.

- Jackson J., Bradford B., Hough M., Kuha J., Stares S., Widdop S., Fitzgerald R., Yordanova M., Galev T. (2011) Developing European indicators of trust in justice. *European Journal of Criminology*, vol. 8, no 4, pp. 267–285.
- Jackson L., Gau J. (2016) Carving Up Concepts? Differentiating Between Trust and Legitimacy in Public Attitudes Towards Legal Authority. *Interdisciplinary perspectives on trust: Towards theoretical and methodological integration* (eds. E. Shockley, T. Neal, L. PytlikZillig, B. Bornstein), Cham: Springer, pp. 49–69.
- Jang H., Joo H.-J., Zhao J. (2010) Determinants of public confidence in police: An international perspective. *Journal of Criminal Justice*, vol. 38, no 1, pp. 57–68.
- Kaariainen J., Siren R. (2011) Trust in the police, generalized trust and reporting crime. *European Journal of Criminology*, vol. 8, no 1, pp. 65–81.
- Klapper J. (1960) *The effects of mass communication*, New York: Free Press.
- Kleinig J. (1996) *The Ethics of Policing*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Klitgard R. (1991) *Controlling corruption*, University of California Press.
- Kochel R., Weisburd D. (2019) The impact of hot spots policing on collective efficacy: Findings from a randomized field trial. *Justice Quarterly*, vol. 36, no 5, pp. 900–928.
- Koster N. N. (2017) Victims' perceptions of the police response as a predictor of victim cooperation in the Netherlands: A prospective analysis. *Psychology, Crime & Law*, vol. 23, no 3, pp. 201–220.
- Koulman Dzh. (2001) Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Social sciences and modernity*, no 3, pp. 122–139.
- Kristina M. (2009) Public satisfaction with police: The importance of procedural justice and police performance in police-citizen encounters. *Australian & New Zealand journal of criminology*, vol. 42, no 2, pp. 159–178.
- Levi M. (1996) *A State of Trust*. European University Institute.
- Levi M. (2000) Political Trust and Trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, vol. 3, no 1, pp. 475–507.
- Li F., Sun I. Y., Wu Y., Liu S. (2021) The mediating roles of law legitimacy and police legitimacy in predicting cooperation with police in China. *Journal of Criminology*, vol. 54, no 2, pp. 201–219.
- Lipsky M. (1983) *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. Russell Sage Foundation.
- Majorov V. I., Dunaeva O. N. (2017) Policija i obshhestvo: byt' ili ne byt' social'nomu partnerstvu [Police and society: to be or not to be a social partnership]. *Sociological research*, no 4, pp. 43–51.
- Manning P. (2015) *Democratic Policing in a changing world*, New York: Routledge.
- Marenin O. (1985) Review: Police Performance and State Rule: Control and Autonomy in the Exercise of Coercion. *Comparative Politics*, vol. 18, no 1, pp. 101–122.
- Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. (1995) An Integrative Model of Organizational Trust. *Academy of Management Review*, vol. 20, no 3, pp. 709–734.
- Mazaev Ju. N. (2004) Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii obshhestvennogo mnenija o milicii [The role of mass media in the formation of public opinion about the police]. *Sociological research*, no 2, pp. 106–115.
- McCarthy D., Stoneman P., Ka Ki Ho L. (2022) Explaining confidence in the police within transitional Hong Kong: the influence of postmaterial values. *Policing and Society*, vol. 33, no 4, pp. 1–15.
- Mishhenko A. N. (2022) Jazykovoj portret policejskogo (po materialam kinofil'mov XX–XXI vv.) [Linguistic portrait of a policeman (based on the materials of films of the XX–XXI centuries)]. *Political linguistics*, no 3, pp. 39–48.
- Möllering G. (2006) *Trust: Reason, routine, reflexivity*. Amsterdam: Elsevier.
- Muhametov R. (2022) Mezhdunarodnye determinanty populjarnosti prezidenta Rossii. Imeet li znachenie jeffekt «splochenija vokrug flaga»? [International determinants of the popularity of the President of Russia. Does the effect of «rallying around the flag» matter?]. *International processes*, no 3, pp. 80–94.
- Mungiu-Pippidi A. (2013) Becoming Denmark: Historical Designs of Corruption Control. *Social Research: An International Quarterly*, vol. 80, no 4, pp. 1259–1286.
- Oates S. (2007) The Neo-Soviet Model of the Media. *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no 8, pp. 1279–1297.

- Nort D. (1997) *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy], Moscow: Fond jekonomicheskoi knigi «Nachala».
- PytlikZillig L., Hamm J., Shockley E., Herian M., Neal T., Kimbrough C., Tomkins A., Bornstein B. (2016) The dimensionality of trust-relevant constructs in four institutional domains: results from confirmatory factor analyses. *Journal of Trust Research*, vol. 6, no 2, pp. 111–150.
- Reynolds K. M., Semukhina O. B., Demidov N. N. (2008) A longitudinal analysis of public satisfaction with the police in the Volgograd region of Russia (1998–2005). *International Criminal Justice Review*, vol. 18, no 2, pp. 158–189.
- Röder A., Mühlau p. (2012) What determines the trust of immigrants in criminal justice institutions in Europe. *European Journal of Criminology*, vol. 9, no 4, pp. 370–387.
- Roebuck J. B., Barker T. (1974) A typology of police corruption. *Social Problems*, vol. 21, no 3, pp. 423–437.
- Rosanvallón P., Goldhammer A. (2008) *Counter-Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rothstein B., Stolle D. (2001) Social Capital and Street-Level Bureaucracy: An Institutional Theory of Generalized Trust. *ESF Conference Social Capital: Interdisciplinary Perspectives*, United Kingdom: Exeter, pp. 71–83.
- Rothstein B., Stolle D. (2003) Social Capital, Impartiality and the Welfare State: An Institutional Approach. *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* (eds. M. Hooghe, D. Stolle), New York: Palgrave Macmillan, pp. 191–209.
- Rothstein B., Teorell J. (2008) What Is Quality of Government: A Theory of Impartial Political Institutions. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*, vol. 21, no 2, pp. 165–190.
- Rotshtejn B. (2017) Korrupcija i obshhestvennoe doverie: pochemu ryba gniet s golovy [Corruption and public trust: why the fish rots from the head]. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 37–60.
- Rouz-Akerman S. (2003) *Korrupcija i gosudarstvo. Prichiny, sledstvija, reform* [Corruption and the state. Causes, consequences, reforms], Moscow: Logos.
- Schwieren C., Sutter M. (2008) Trust in Cooperation or Ability? An Experimental Study on Gender Differences. *Economics Letters*, vol. 99, no 3, pp. 494–497.
- Segal N. A. (2023) Obraz policejskogo v hudozhestvennoj literature: semantiko-pragmaticheskij aspekt [The image of a policeman in fiction: a semantic and pragmatic aspect]. *Political linguistics*, no 1, pp. 97–104.
- Semukhina O. (2018) The evolution of policing in post-soviet Russia: Paternalism versus service in police. Officers' understanding of their role. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 51, no 3, pp. 215–229.
- Semukhina O., Reynolds M. (2014) Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police. *Policing and Society*, vol. 24, no 2, pp. 158–188.
- Semukhina O., Reynolds M. (2013) *Understanding the Modern Russian Police*, New York: Routledge.
- Shtompka p. (2016). *Doverie — osnova obshhestva* [Trust is the foundation of society], Moscow: Logos.
- Tankebe J. (2010) Public confidence in the police: Testing the effects of public experiences of police corruption in Ghana. *British Journal of Criminology*, vol. 50, no 2, pp. 296–319.
- Taylor B. (2011) *State Building in Putin's Russia Policing and Coercion after Communism*, Cambridge University Press.
- Tyler T. (2005) Policing in Black and White: Ethnic Group Differences in Trust and Confidence in the Police. *Police Quarterly*, vol. 8, no 3, pp. 322–342.
- Tyler T. (2006) *Why People Obey the Law*, Princeton: Princeton University Press.
- Tyler T., Huo Y. J. (2002) *Trust in the Law*, New York: Russell Sage Foundation.
- Tyler T., Wakslak C. (2004) Profiling and the legitimacy of the police. *Criminology*, vol. 42, no 2, pp. 13–42.
- Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*, Cambridge: Cambridge University Press.
- van Craen M. (2012) Explaining majority and minority trust in the police. *Justice Quarterly*, vol. 9, no 3, pp. 1042–1067.

- Vel'cel' K. (2018) *Rozhdenie svobody* [The Birth of Freedom], Moscow: AO «VCIOM».
- Weitzer R. (1995) *Policing Under Fire: Ethnic Conflict and Police-Community Relations in Northern Ireland*, New York: State University of New York Press.
- Weitzer R., Tuch S. A. (2005) Determinants of public satisfaction with the police. *Police Quarterly*, vol. 8, no 3, pp. 279–297.
- White D. R., Kyle M. J., Schafer J. A. (2021) Police self-legitimacy and democratic orientations: Assessing shared values. *International Journal of Police Science & Management*, vol. 23, no 4, pp. 431–444.
- Wu Y., Sun I. Y., Hu R. (2021) Cooperation with police in China: surveillance cameras, neighborhood efficacy and policing. *Social Science Quarterly*, vol. 102, no 1, pp. 433–453.
- Wuschke K., Henning K., Stewart G. (2022) Dots versus density: the impact of crime mapping techniques on perception of safety, police performance and neighborhood quality. *Policing and Society*, vol. 32, no 1, pp. 1–17.
- Zernova M. (2012) The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change. *Policing: An International Journal*, vol. 35, no 2, pp. 216–230.
- Zueva O. V., Demidov N. N. (2022) Doverie grazhdan k policii v sovremennoj Rossii: aktual'noe sostojanie i analiz faktorov [Citizens' trust in the police in modern Russia: the current state and analysis of factors]. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, no 2, pp. 144–150.

Этики соседской заботы о пожилых в Российском селе: на пути к общинному менеджериализму¹

Елена Богданова

Доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Международного центра исследований общественного здоровья Сеченовского университета.
Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1А, Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация
E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

Константин Галкин

Старший научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Российская Федерация
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Алия Низамова

Научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Международного центра исследований общественного здоровья Сеченовского университета.
Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1А, Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация
E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Оказание помощи пожилым людям, проживающим по соседству, является обычной практикой для российского села. В статье представлено исследование экспериментальной программы социальной помощи «Заботливый сосед», которая переформирует соседскую помощь в формализованную оплачиваемую социальную услугу, оказываемую по договору. Таким образом соседская помощь превращается в элемент системы долговременного ухода. Теоретически статья опирается на концепцию этики заботы, предложенную Кэрол Гиллиган. Привносит ли новая социальная программа черты менеджериальной этики в отношении соседской заботы о пожилых в сельском сообществе — главный вопрос статьи. Исследование, реализованное в сельских поселениях Республики Карелия и Ленинградской области в 2020–2021 годах, включает изучение серии кейсов соседской заботы, осуществляемой неформально и в рамках программы «Заботливый сосед» (количество кейсов = 16), и 20 экспертных интервью. Главным результатом является вывод о том, что сегодня в селе формируется этика заботы о пожилых, которую можно определить как *общинный менеджериализм*. Общинные нормы продолжают доминировать, но забота начинает пониматься как управляемая, небезвозмездная и нуждающаяся в координации деятельность.

Ключевые слова: этики заботы, общинный менеджериализм, сельское сообщество, «Заботливый сосед», система долговременного ухода

Обеспечение заботой пожилых людей в современном обществе — сложная и нетривиальная задача, которая решается на уровне государственной социальной политики. Процессы старения и модернизации общества приводят к тому, что традиционные — в частности, фамилистские модели — перестают эффективно ре-

1. Авторы статьи выражают благодарность Благотворительному фонду Елены и Геннадия Тимченко за поддержку данного исследования (Договор пожертвования № 275-1/02) и за системный вклад в изучение и развитие местных сообществ.

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

шать проблему заботы о старшем поколении. Сложные вопросы: кто и как должен обеспечивать безопасное достойное старение — не имеют простых стандартных ответов. В большинстве стран ее решение видится в модернизации заботы соответственно трансформациям общества. Для обеспечения заботы и ухода за пожилыми людьми, которые в современном обществе все чаще проживают одиноко и все реже могут рассчитывать на помощь членов семьи, создаются системы долговременного ухода (СДУ). Как правило, такие системы предполагают, что обязанности по уходу распределены между множеством провайдеров, оказывающих разнообразные виды помощи пожилым, а их усилия координируются и контролируются особым ведомством. Проект СДУ в своем основании происходит из идеи справедливого распределения помощи всем нуждающимся и подчиняется в первую очередь менеджеральной этике, согласно которой забота понимается как услуга, доставленная своевременно и в соответствии с запросом (Botes, 2000; Meagher, Parton, 2004).

В России проект СДУ получил развитие с 2017 года по поручению Президента РФ от 23.08.2017 № Пр-1650. Особую проблему для внедрения системы представляет обеспечение заботы и ухода за пожилыми людьми, проживающими в сельской местности и ее периферийных поселениях. Проблема медико-социального обслуживания сельских жителей существовала всегда, однако в последние годы ресурсы медико-социальной инфраструктуры в сельских поселениях сокращались. Основным ресурс, который теоретически можно интегрировать сегодня в СДУ в сельских поселениях — это сами местные сообщества с существующими в них объектами инфраструктуры, жителями и системой социальных связей.

Социальная программа «Заботливый сосед» была впервые опробована Комитетом по социальной защите населения Ленинградской области в 2019 году². Появление программы стало, с одной стороны, закономерным шагом в создании СДУ, и с другой — ответом на кризис медико-социальной помощи для пожилых людей. Для получателей услуг определен ряд требований: старший возраст (от 55 лет для женщин и от 60 для мужчин), одинокое проживание, отсутствие медицинских противопоказаний, отсутствие получения других социальных услуг. Сам помощник — «заботливый сосед» — не может быть родственником или состоять в отношениях усыновления, должен проживать в одном населенном пункте с получателем на расстоянии не более 1000 метров и также не иметь медицинских противопоказаний. Обращения за помощью для граждан рассматриваются локальной организацией социального обслуживания на основании заявления и предоставления документов, при этом заявление могут подать сами граждане, их родственники и законные представители, или общественные организации (например, Совет ветеранов). Соответствие кандидатов критериям отслеживается на основа-

2. «Заботливый сосед». Комитет по социальной защите населения Ленинградской области. <https://social.lenobl.ru/ru/deiatelnost/napravleniya-raboty/socialnoe-obs/2-reestr-effektivnyh-regionalnyh-praktik-technologij-realizuemyh-v-leni/zabotlivyj-sosed/> (дата обращения: 25.10.2023).

нии предоставленных документов и выезда для обследования социально-бытовых условий проживания.

Срок заключения договора ограничивается финансовым годом: после этого он может продлеваться. Услуги предоставляются согласно индивидуальному графику, который определяет, в какие дни, в каком составе и объеме подопечный будет получать помощь. В целях контроля финансов и качества услуг помощник ежемесячно предоставляет отчет о проделанной работе и акт сдачи-приемки, подписанный получателем, в организацию социального обслуживания.

Изучению того, каким образом воспринимается и принимается новая программа соседской помощи жителями сельских поселений, было посвящено эмпирическое исследование, реализованное в 2020–2021 годах в Ленинградской области и сельских поселениях Республики Карелия (РК). Были выбраны случаи соседской помощи пожилым, оказываемые неформально (5 случаев в поселениях РК и 6 случаев в Ленобласти), а также случаи помощи, оказываемой в рамках социальной программы «Заботливый сосед» (5 в Ленобласти).

Вопрос, который интересовал нас в ходе исследования и который стал основным для этой статьи, сформулировать было несложно: *как менеджеральная этика интегрируется в жизнь села*. Сложнее было придумать схему анализа, способную привести нас к значимым выводам. Понятие менеджеральной этики заботы заимствовано из западной социальной теории. В рамках нашего исследования это скорее условное обозначение некоего нововведения в жизни сельских сообществ, связанное с формализацией практики помощи пожилым соседям. Главным критерием, который позволил нам определить случаи помощи как формализованные, стало участие помогающих в программе «Заботливый сосед», притом что внешне эта помощь могла никак не отличаться от помощи, оказываемой неформально.

Изначально у нас не было четкого представления о том, как может выглядеть формализованная соседская забота о пожилых. В то же время то, почему и как сельские жители неформально помогают своим пожилым соседям в современных селах, также не имело сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Что делает помощь пожилым жителям сел со стороны соседей обычной практикой и как именно регулируются объем и порядок оказания помощи — вопросы, на которые в ходе исследования нам также пришлось искать ответы. Наше исследование вряд ли правильно воспринимать как описание однозначной схемы: «было — стало». В наших силах лишь попытаться зафиксировать изменения, происходящие в сфере помощи пожилым людям в условиях современного села, и соотнести их с традиционно существующими порядками и с вновь приходящими в село тенденциями — в том числе вместе с переформатированием медико-социальной помощи нуждающимся категориям граждан в логике СДУ. С теоретической точки зрения исследование позволяет сделать вклад в понимание того, какие этики заботы определяют сегодня заботу о пожилых в сельских сообществах.

Теоретические комментарии

Забота в местных сообществах

Благодаря феминистской теории опыт заботы о другом осмыслен как универсальный и неотъемлемый в человеческой жизни (Gilligan, 1982). Каждый получает опыт заботы в младенчестве и детстве. Без этого вряд ли кто-то способен выжить. Получая заботу, мы усваиваем ценности и моральные правила заботы (Votes, 2000: 1071-1075). Вирджиния Хельд приходит к схожему выводу, размышляя, что является источником знаний о том, как правильно заботиться о других (Held, 2006). По ее мнению, доктрины и конвенциональные системы знаний, бытующие в сообществе, не играют определяющей роли. Гораздо важнее эмпирические переживания заботы. Знания о том, как и о ком правильно заботиться, развиваются на основе опыта, размышлений над ним и дискурсов, затрагивающих представления о заботе как основной и наиболее универсальной ценности.

Такое понимание «усвоенных» правил заботы глубоко контекстуально. Оно полностью зависит от социального контекста, в котором индивид получает опыт заботы и, соответственно, научается заботиться о других. В то же время оно отсылает к персональному опыту и реализуется на межличностном уровне. Это общее разделенное знание. Вероятно, именно такое знание подразумевал Фердинанд Тённис (Toennies, [1887], 2017), когда в конце XIX века создавал свою концепцию сообщества/общины (*Gemeinschaft*) как формы домодерного социального образования, характеризующегося сплоченностью, взаимопомощью, чувством принадлежности, а также персонализированными социальными связями родства и соседства, ролями и ценностями, основанными на таких особых отношениях.

Более уверенно можно говорить о том, что позитивная репутация сообщества как пристанища, дающего чувства безопасности и принадлежности, способствовала тому, что в 1960-х понятие заботы проникло в сферу социальной политики (*policy*) как знак добровольного объединения и предпосылка возникновения важных и ценных — всегда позитивных — результатов сосуществования индивидов в одном пространстве (Blackshaw, 2014). Потенциал сообщества был воспринят как ресурс, имеющий широкое практическое применение, и это привело к важным последствиям для развития понимания и исследования соседств. Соседства были осознаны как социальные системы, на которые можно воздействовать извне с целью управления и достижения определенных социальных эффектов. Это дало импульс развитию программ социальной политики — таких как «забота сообществ» (*community care*), «здоровье сообществ» (*community health*), призванных активизировать ресурсы сообщества и разгрузить системы социального обеспечения. На стыке 1959–1960 годов, когда Ричард Титмус обосновывал социальную полезность заботы сообществ, он апеллировал к сохраняющемуся ресурсу сообществ, который был способен производить адресную, персонализированную

заботу, и противопоставлял ее заботе институциональной (Titmuss, 1968: 221-225; Titmuss, 1959: 11).

Арли Хохшилд (Hochschild, 1995) называет персонализированную, гибкую, контекстуализированную заботу «теплой», эмоционально вовлеченной. Этика заботы присуща устойчивым сообществам. Между тем у такой заботы есть свои особенности: она не гарантирована, и ее сложно контролировать. В тот момент, когда забота, осуществляемая внутри сообществ, начинает рассматриваться как часть системы долговременного ухода, эти особенности начинают расцениваться как недостатки (Botes, 2000).

По мере того, как СДУ проникает в сообщества, забота начинает профессионализироваться и превращаться в подконтрольную услугу. Утрачивается при этом наиболее важный ресурс персонализированной заботы, который СДУ изначально воспринимает как привлекательный (Meagher, Parton, 2004). Сосуществование этики заботы и менеджериальной этики, таким образом, обнаруживает конфликт, изучение которого открывает пространство для понимания трансформации возможностей и потребностей общества в социальной защите.

Несостоявшаяся индивидуализация и черты общины в российском селе

Канадская активистка Накита Валерио рассматривает заботу сообществ в условиях модернизированных индивидуализированных обществ. В своих исследованиях она транслирует довольно типичное для западных ученых мнение о том, что ресурс сообщества — тот, что дает чувство принадлежности и защищенности — утрачен. Она противопоставляет заботу сообществ индивидуалистической заботе о себе и призывает к развитию коллективистских практик и форм сочувствия (*compassion: community care*). В случае заботы сообщества бремя и ответственность ложатся не на отдельного самодостаточного индивида, а на сообщества, к которым он принадлежит. Таким образом, забота сообществ представляется как долгосрочный коммунитарный солидаристский проект. При такой трактовке акторы, участвующие в заботе сообщества, описываются как «люди, которые используют свои возможности, чтобы помочь друг другу разными способами» (Dockray, 2019). Устойчивость такой заботы обеспечивается межпоколенческой реципрокностью. Члены сообщества знают, что когда им, в свою очередь, понадобится помощь от более молодых поколений, они ее получат.

В российское село проект СДУ приходит на фоне хронического институционального дефицита и оттока молодого населения в город — тенденции, которая устойчиво проявляется на протяжении многих десятилетий (Нефедова, Мкртчян, 2017). Медико-социальная инфраструктура сельских поселений никогда не была достаточно развита и всегда нуждалась в компенсации со стороны близлежащих городов и местных жителей. В советский и постсоветский периоды несколько раз предпринимались попытки модернизации социальной инфраструктуры села, но ни одна из них не была полностью успешной. Недавний проект оптимизации

медицины привел к сокращению пунктов медицинской помощи, работающих в сельских поселениях. Исследования сельских регионов России показывают, что между осложненным доступом к ресурсам инфраструктуры и сплоченностью общества существует связь. Артемий Позаненко в своей статье настаивает на том, что изоляция сельских поселений способствует сохранению у сельских сообществ черт общины. При этом «общинные отношения гарантируют высокий уровень взаимопомощи и самоорганизации, которые позволяют эффективно решать проблемы» (Позаненко, 2018: 49).

Вопросы взаимной поддержки, эффективного решения проблем и реципрокности рассматриваются и в попытках исследовать сельские сообщества как системы неформальных сетей (Виноградский, 1999; Фадеева, 2007; Шанин, 1999; Штейнберг, 2002, 2004). Модель реципрокности в контексте российского общества имеет глубокие корни. Она изначально выступала компенсаторным механизмом, который сглаживал и режимы полного контроля плановой экономики, и ситуации развития «дикого» рынка при отсутствии контроля рыночных отношений. Именно сети реципрокности обеспечивали выживание многим российским семьям и сообществам в период стремительных переходов из одной экономической модели в другую.

Безусловно, в разных регионах, в том числе и локациях «город — село», различаются и модели реципрокности, в том числе скорость перехода к рыночным отношениям. Как показывают исследования, в сельской местности такая скорость ниже, чем в крупных городах и мегаполисах (Барсукова, 2004, 2005). Важным здесь оказывается тот факт, что реципрокность невозможна без готовности вступить в социальные отношения с человеком. Следовательно, одним из важных параметров реципрокности, помимо дарообмена и бескорыстия, выступает идея социальных отношений между людьми, постоянных взаимодействий и наличия сетей, которые могут быть довольно плотными, в частности, принимая во внимание компактное проживание (Luhmann, 2000; Бредникова, 2012; Богданова, 2017).

Важнейшим условием для реализации правил реципрокности является устойчивость сообщества, наличие внутри него интенсивных долгосрочных межличностных связей. Реципрокность в устойчивом сообществе означает не только разовый эквивалентный, но и возможность неэквивалентных отсроченных обменов. Дмитрий Верховцев (2015) в своем исследовании обменов скоропортящимися продуктами в сельском сообществе обращает внимание на способность истории обменов накапливаться во времени сродни кредитной истории. Так, поделившийся однажды мясом забитого скота с соседом может рассчитывать на то, что сосед сделает то же самое, когда у того появится излишек мяса или другой скоропортящейся продукции.

Гораздо слабее изучена система обменов нематериальными благами: разного рода услугами, помощью, заботой. Представляется, что принципы обмена здесь могут быть схожими, однако всех вопросов это не решает. Учитывая невещественность предмета обмена, возникают вопросы о том, как они распознаются членами сооб-

щества, как накапливается история подобных обменов, можно ли говорить об эквивалентностях? Для понимания проблемы важными условиями являются ценности многопоколенной репутации семьи, соблюдение возрастных иерархий и особое отношение к старшим, сохранение черт традиционного сообщества, сохраняющего персонализированные связи между всеми жителями села (Позаненко, 2018: 45, 50).

Таким образом, в силу историко-социальных причин в российском селе сохраняется ресурс сообщества/общины. На фоне кризиса фамилистских форм заботы о пожилых в таком сообществе особое значение начинают приобретать внесемейные или квазисемейные социальные связи между дальними родственниками, свойственниками, друзьями, соседями, односельчанами. В подобных сообществах возможно производство «теплой», контекстуализированной заботы о пожилых. Однако для этого необходимо соблюдение ряда условий, среди которых устойчивость самих сообществ, в которых возможно поддержание долгосрочных межпоколенческих межличностных социальных связей, способствующих сохранению практик общинной, в том числе межпоколенческой реципрокности.

География и методы полевого исследования

Для проведения исследования было выбрано два сельских поселения в Пряжинском районе Республики Карелия и по два сельских поселения в двух районах Ленинградской области: Тосненском и Гатчинском. При подборе поселений соблюдались следующие параметры:

1. Удаленность от областного центра не менее 100 км.
2. Наличие в населенном пункте, выполняющем функцию административного центра сельского поселения, постоянно проживающего населения численностью не менее 300 человек. Этот принцип учитывался для того, чтобы избежать попадания в «дачные» поселения, заполняющиеся временными жителями в летний сезон и пустующими большую часть года.
3. Наличие постоянно проживающих пожилых людей, нуждающихся в помощи.

В исследовании основное внимание было обращено на индивидов, переживающих проблемы с самообслуживанием, и помогающих им решить эти проблемы и удовлетворить их потребности. Факторы структурных обстоятельств и социальных контекстов учитывались как значимые, но второстепенные. Такой подход соответствует современному пониманию сообщества, обращаясь в первую очередь к своему члену как к индивиду.

Были предприняты две полевые экспедиции: в Республику Карелия и в Ленинградскую область. Для проведения полуструктурированных интервью разработаны опросники:

1. *с экспертами*: руководителями Центров социального обслуживания (ЦСО), социальными работниками, сотрудниками медпунктов, работающими в сельских поселениях;

2. с экспертным активом сельских поселений: главами поселений, председателями советов ветеранов, старостами, библиотекарями, сотрудниками культурно-массовых учреждений, главами религиозных общин и пр.;
3. с жителями, оказывающими регулярную помощь своим пожилым соседям;
4. с пожилыми жителями, получающими регулярную помощь от своих соседей;
5. с участниками программы «Заботливый сосед» (только для исследования в Ленобласти).

В результате полевой работы было собрано 18 интервью в поселениях Республики Карелия (5 кейсов добровольного соседского ухода и 9 экспертных интервью) и 30 — в Ленобласти (6 кейсов добровольного соседского ухода, 5 кейсов ухода по программе «Заботливый сосед» и 11 экспертных интервью). Небольшие отступления от запланированного дизайна полевого исследования связаны с затрудненным доступом в поле, ограничениями из-за пандемии коронавирусной инфекции, а также с нестабильным самочувствием пожилых информантов.

В ходе полевых поездок исследователи проживали в изучаемых поселениях, что дало возможность проводить этнографические наблюдения. Ситуации взаимодействий, диалогов с местными жителями, событий в местных администрациях подробно фиксировались в дневниках наблюдений.

В качестве дополнительного метода использовался анализ документов, представляющих различные стороны функционирования социальной технологии «Заботливый сосед», действующей в Ленобласти³.

Общинная этика заботы в действии

Забота о пожилых играет значимую роль в жизни сельских сообществ. Если быть точными, то речь идет не о сообществе как группе людей, проживающих в одном поселении, а о тех эффектах, которые вырабатываются за счет многочисленных социальных связей и долговременного устойчивого проживания их в одной локальности.

В данном контексте следует говорить о помощи пожилым людям и о сообществе, которое объединяет в себе различных акторов заботы о пожилых. Понимаемая таким образом сельская община включает в себя не только непосредственно проживающих в пределах территории сельского поселения, но и всех, кто регулярно посещает поселение и хорошо известен местным, а также жителей соседних сельских поселений. Проще говоря, это круг людей, в котором «все всех знают». Мы назвали заботу, проявляемую внутри такого сельского сообщества без какого-

3. В качестве источников использовались Приказ Комитета по социальной защите населения Ленобласти о порядке оказания социальных услуг по технологии «Заботливый сосед» от 14.04.2017 (https://social.lenobl.ru/media/old_data/docs/social/1492160553prikaz_6.pdf), а также подборка публикаций в СМИ, освещающих работу технологии, доступных и на сайте Комитета: (<https://social.lenobl.ru/ru/search/?text=%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B4&web=o&searchid=2330676>).

либо внешнего вмешательства, «общинной». Осознавая все сложности, связанные с применением этого понятия для характеристики современных российских сельских сообществ, мы используем его для того, чтобы подчеркнуть характер социальных связей, сохраняющих внутренний ресурс заботы.

Такое понимание сообщества включает в себя социальных работников или медиков, которые могут не проживать в селе, но регулярно его посещать, а также разнообразные административные и общественные образования, которые вовлекаются в заботу. Общинная этика заботы реализуется на нескольких уровнях. Один функционирует благодаря локальной инфраструктуре села, представленной местной администрацией, медпунктами, старостами, советами ветеранов, руководством и сотрудниками школ, детских садов, почтовых отделений, магазинов. Здесь важны и люди, персонализирующие инфраструктурные объекты, и собственно материальная база: помещения, автотранспорт, оборудование. Второй уровень, на котором реализуется общинная этика заботы о пожилых, представлен помощью соседей, проживающих в непосредственной близости к пожилым людям.

Распределенная забота в сообществе

Школы, детские сады, дома культуры, библиотеки, магазины, клубы, советы ветеранов, советы инвалидов — стандартные локальные инфраструктурные ресурсы сел, доставшиеся в наследство от советской системы. Изначально не все они имели отношение к оказанию какой-либо помощи пожилым. Однако сегодня села испытывают острый дефицит социальной инфраструктуры. Состав населения сел изменяется, доля пожилых растет, в то время как количество детей и молодых людей уменьшается. Имеющиеся инфраструктурные объекты приспособляются для актуальных нужд сообществ, в том числе для оказания помощи и заботы о пожилых. Так школа может предоставлять помещение для регулярных посиделок односельчан с вовлечением пожилых людей. Детские сады и библиотеки могут вовлекаться в подготовку тематических сельских мероприятий и праздников.

Важнейшим координатором заботы в сельских поселениях являются местные администрации, чья роль в создании общинной этики заботы напоминает роль штаба или центра. Именно в местные, сельские администрации поступают заявки о необходимости помочь пожилым людям, также через местные администрации проходит поток информации для пожилых людей:

Ну позицию я по помощи пожилым занимаю с того момента, как начал работать главой администрации, т. е. сразу. Начал работать главой администрации, сразу звонки пожилых людей, и у каждого какая-то проблема. У кого-то там проблемы с получением лекарств, у кого-то с покупкой этих лекарств, у кого-то продукты заканчиваются, автолавка не приехала. Вот такие проблемы. У кого-то проблемы именно социального плана, требуется госпитализация. Бывало, ситуация такая, что вот брошенный человек, оди-

нокий, как говорится, осталось жить совсем недолго, в больницу не берут, туда не берут. Куда ему деваться, где умирать, брошенному? Вот приходилось включать чисто личные знакомства, личный такой ресурс, что с главврачом больницы общались там, это чтобы человека просто забирали, допустим, в больницу, оттуда уже там, по социальной, в какой-то паллиативный центр, хоспис или куда-то (Глава сельского поселения_Поселение_1_ТЛО).

Главы администраций, как правило, хорошо знакомы с ситуацией и с теми жителями села, кому необходима помощь. Номер телефона администрации или главы известен всем жителям поселения. В администрацию могут обращаться жители для того, чтобы получить помощь по уходу. Администрации поселений могут брать на себя задачи по координации между различными агентами помощи пожилым людям: соседями, членами совета ветеранов, старостами отдаленных поселений. Эти же акторы чаще всего поставляют в администрацию сведения о пожилых людях, нуждающихся в уходе. Администрации аккумулируют информацию о возможностях передачи с почтовыми машинами или школьными автобусами лекарств, продуктов, подарков или других вещей для пожилых людей, проживающих в отдаленных поселениях. Через администрации также могут решаться такие вопросы, как поиск автотранспорта для транспортировки пожилого человека в стационар на лечение, либо устройство в пансионат для длительного пребывания. В ходе исследования нам довелось наблюдать ситуацию, когда сельская администрация помогла разыскать одну из местных пожилых жительниц ее давней подруге. В эту же администрацию в один из дней нашего пребывания в селе заехала глава района. За чаем происходил обмен важной информацией о проблемах поселения и о возможностях получения финансовой поддержки из районного бюджета.

Функции, которые берет на себя администрация, обусловлены отчасти дефицитами централизованной заботы в сельских поселениях. Местные администрации отслеживают пожилых жителей, нуждающихся в уходе, направляют ресурсы, доступные в селе, на оказание помощи. Если социальный работник не проживает в селе, сотрудники администрации могут присматривать за подопечными, «подстраховывать» в экстренных ситуациях. В случаях посещения села внешними помощниками — такими как инициативные группы, волонтерские отряды — координация их усилий также осуществляется через местную администрацию:

Волонтеры у нас были петрозаводские, но со всех университетов <...> Развез всех по дедушкам, бабушкам, чтобы они там им дрова, тропинки, вот это все сделали, когда снегопад большой был (Глава сельского поселения_Поселение_2_ПК).

Во всех поселениях, где проводилось исследование, существует совет ветеранов. Обычно это небольшая организация, состоящая из трех-пяти местных жителей. Данные о днях рождения, юбилеях, заслугах, заболеваниях и состоянии здоровья пожилых людей во всех селах, входящих в состав сельского поселения, — это

информация, которой располагает совет ветеранов. В его функции входят учет пенсионеров и ветеранов, помощь пожилым людям, оказавшимся в сложной ситуации, поздравления с днями рождения и другими праздниками, а также организация досуга. Помощь оказывается несистематично, ситуативно, по запросу со стороны пожилых жителей:

Жена у него тяжело болела. Мы с ней ходили на прогулки. [Одна из участниц Совета] даже с ней какую-то физкультуру делала. Я-то пару раз ей просто массаж делала и все, до стопы. <...> То им что-нибудь в аптеке, соцработник везде в магазины, а если там надо что-то такое экстренное — бывало. Уборку мы не делали, соцработник делал. Если что-то там они попросят сами, что «сделайте нам, кроме соцработника», вот это мы делали (Председатель совета ветеранов_Поселение_2_ПК).

В ходе исследования мы имели возможность убедиться, что потребность в «объединяющем» помещении существует всегда, если его нет, для коллективных мероприятий может использоваться дом или двор сельского старосты. Столько же необходимой, как пространство, является и функция координации заботы. В тех случаях, когда в поселениях отсутствует администрация или целевые ассоциации, координацию могут брать на себя отделение почты или, например, местный магазин.

Магазин в поселении встроен в систему общинной этики заботы с точки зрения возможности предоставить пожилым людям при необходимости продукты, помочь с их доставкой. Информантка-продавец описывала неоднократные случаи, когда посетители магазина приходили за продуктами для пожилых, которые, например, в связи с разными обстоятельствами испытывали сложности с передвижением. Через магазин может организовываться доставка продуктов пожилым не только в данном селе, но и в отдаленных. Для помощи привлекаются жители села:

Ну бывает, например, человек себя плохо чувствует, например, вот сегодня он не может. Те, которые совсем не могут и не ходят, у нас они есть, но к ним приезжают родственники регулярно. Бывает ситуация, кто-то не приехал, кто-то не может сегодня прийти, давление поднялось, еще что-то. Значит, просто звонок: «Мне нужно, вот это-это-это». — «Хорошо! Или придут ваши соседи, или кто-то из нас, мы кого-то пошлем. Может, дети со школы придут, попросим вас отнести. С деньгами мы разберемся позже. Ничего страшного, это вообще второстепенно». То есть самое главное, отнести человеку еду (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Подобная помощь обычно оказывается безвозмездно или за «минимальную плату»:

Это безвозмездно. Нет, ну бывает, допустим, вот бабулька там, попросишь школьника отнести. Т. е. если она даст ему что-то. Может быть, она даст ему печенье с этого же пакета, что она заказала. Может быть, она закажет шоколадку, может быть, она даст ему 50 рублей. Но это зависит от нее, хочет она дать, она даст. Не хочет, нет возможности, значит — «спасибо,

до свидания!». Никаких расчетов, такс — нет, конечно. Однозначно нет (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Еще одна важная роль продавца магазина связана с решением проблем, которые могут возникнуть у пожилых людей в селе. Продавцы могут помогать дозвониться до скорой помощи, заказать машину дров или узнать, когда из магазина доставят стройматериалы, передать просьбу представителям местной администрации. В магазине можно увидеть коробку сбора пожертвований на храм или на похороны односельчанина:

Мы просто, допустим, положим бумажку, например. И вот... «Можете? Если не можете — не надо». Не хватает денег совсем опять, вот мы к главе администрации: «Пожалуйста, поспособствуйте. Вот этого человека не на что вообще хоронить». Бесплатно захоронят за счет... (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Истощение локальной инфраструктуры сел сегодня вписывается в общую тенденцию нарастания институциональных дефицитов. Нередко бывшие здания школ или клубов сносили, либо они продавались коммерсантам. Это, в свою очередь, создавало сложности с консолидацией сельских общин, с реализацией общинной этики заботы о пожилых людях. Между тем на этом фоне особенно важным становится значение неформальных сетей и ресурсов сообщества ввиду способности местного сообщества отслеживать проблемы пожилых. В тех случаях, когда сообщество сохраняется, о проблемах пожилых (и не только) людей, нуждающихся в помощи, осведомлены и представители местной администрации, и члены совета ветеранов, и большинство местных жителей. В среде разреженной сельской событийности информация распространяется по неформальным каналам очень быстро. Местные старосты, главы администраций или просто активные жители координируют оказание помощи сами, либо привлекая к заботе о пожилых других сельчан. В организации такой «коллективной» заботы преобладает общинная этика, ориентированная на моральные порядки сосуществования членов сообщества. Среди них по-прежнему важное место занимают правила реципрокности и ценности многолетней, многопоколенной принадлежности к сообществу. Сама по себе повседневная коммуникация и деятельность, происходящая в сельских сообществах по поводу помощи нуждающимся, поддерживает социальные связи и способствует консолидации сельского сообщества.

Соседская забота

Соседская помощь в сельской местности оказывается основной и часто главной неформализованной помощью пожилым людям, когда не реализуются семейные формы заботы или речь не идет о сложном уходе, требующем профессиональных медицинских знаний. Отношения заботы складываются между соседями, как правило, на фоне многолетнего, часто многопоколенного знакомства, друж-

бы, близкого проживания, сопровождающегося богатым опытом коммуникаций, взаимной помощи по хозяйству и т.п. В ходе исследования нам без особого труда удалось найти в сельских поселениях случаи устойчивой долгосрочной помощи, оказываемой пожилым их более молодыми соседями. Информанты отмечали большую эмоциональную вовлеченность в отношения по уходу, особую связь со своими подопечными. В одних случаях соседское участие может полностью удовлетворять потребности пожилого человека, в других забота соседей комбинируется с помощью членов семьи, которые часто проживают в районных или областных центрах и приезжают на выходные.

Обеспечение привычного быта для пожилых

Диапазон вовлеченности соседей в помощь пожилым может быть широким, например, это ежедневное наблюдение за домохозяйством пожилого человека и определенными маркерами активности и хорошего самочувствия. В интервью нам рассказывали, как по определенным признакам соседи дистанционно могут судить о том, нуждается ли пожилой в помощи. Это может быть дым, идущий из трубы, свидетельствующий о том, что хозяин самостоятельно принес дрова, затопил печь. Настораживает, соответственно, отсутствие дыма в привычное утреннее время. Также о плохом самочувствии и необходимости навестить может оповещать специально вывешенная на окно косынка — условный знак, обозначающий просьбу зайти, проведать.

В отдельных случаях соседи могут соглашаться на сложный ежедневный уход за лежачими больными и помощь такого рода тоже может оказываться по-соседски неформально. Впрочем, такие случаи редки, можно сказать, исключительны, окрашены дополнительной мотивацией — например, идеей религиозного служения. Гораздо шире распространено оказание помощи пожилым, способным самостоятельно справляться, хотя бы частично, с задачами самообслуживания.

Круг задач, в решение которых вовлекаются соседи, касается организации быта и повседневности пожилых людей. Это приготовление пищи и помощь в приеме пищи, решение вопросов гигиены, контроль за состоянием здоровья, организация поездок в медучреждения или в церковь. Из-за неблагоустроенности многих домов в сельской местности возрастает количество потребностей, удовлетворение которых требует дополнительных ресурсов: подвоз продуктов из отдаленных магазинов, доставка баллонного газа, воды и дров, лекарств из аптеки из другого населенного пункта, уборка снега в зимнее время, работа в огороде и др.

Одна из наиболее актуальных проблем — закупка дров для отопления, приготовления пищи, подогрева воды. В сельской местности действуют субсидии, позволяющие получить некоторое количество дров по сниженной цене, но ее получение предполагает оформление, привоз, подготовку для розжига. И соседи выступают в роли координаторов между пожилыми, ответственными органами и коммерческими подрядчиками.

Приготовление пищи часто происходит в доме помогающих соседей, где бытовые условия лучше, порция для подопечного выделяется из приготовленного для семьи. Сами пожилые также могут что-то готовить и угощать соседей, но возможностей у тех, кто нуждается в постоянном уходе, как правило, меньше.

Как отмечают информанты, повседневная помощь, несмотря на трудоемкость, необходимость ежедневного ухода, отсутствие формализации и потенциальный конфликт с другими семейными обязанностями, со временем принимает рутинизированный характер:

Привыкаешь к этому. Поначалу казалось, ты вырываешь из своей семьи время, и это не всегда нравится жене, нужно планировать что-то. А сейчас уже все привыкли, что каждый день тебе нужно обязательно, оно просто есть, у тебя время для этого есть. Уже жизнь так вот сложилась, что ты приходишь... Я утром с машины выхожу, первым делом я иду к ней [подопечной], чтобы сделать определенные дела, а потом иду домой. Так проще (Ухаживающий сосед_Поселение_2_ПК).

Соседские формы заботы позволяют сохранять пожилым привычный образ жизни и оставаться в собственном доме. Объемы помощи гибко подстраиваются под их нужды, хотя готовность соседей вовлекаться в практики сложного телесного ухода ограничена. Возможность проживания в собственном доме, как и вероятность закончить дни в родных стенах, высоко ценятся людьми.

Заботится тот, кто рядом

Экстренные ситуации в жизни пожилых людей не редкость. На соседей ложится большая ответственность, связанная с предотвращением критических состояний: нужно вовремя распознать необходимость медицинской помощи, порой самим оказать первую помощь, вызвать медиков, правильно описать симптомы, дожидаться приезда врача вместе с пациентом. Если такое случается, то огромное значение имеет близкое присутствие помощника, достаточно вовлеченного в жизнь пожилого человека, осведомленного о рисках здоровья, обладающего возможностью быстрого доступа к жилью. Согласно интервью, соседям приходится сталкиваться с подобным:

А он (другой сосед. — Прим.) мне говорит: «У бабушки рот набок повело». И я бегом сюда. Пришла, говорю ей. Она лежит, она не встает, как бы даже интерес к жизни потерял. Все, она помирать собралась, к [покойному мужу] своему идти, и все такое прочее. Я ей говорю: «Вставай! Вставай, — говорю. — Руки вверх, туда-сюда. Говори чего-нибудь». <...> Ну я звоню, кричу, так и так, человек, инсульт, давайте бегом, спасать надо, и все такое прочее. Ну вот один раз мы с тобой часа три ждали скорую. А в этот раз, я села на телефон <...> Всяко-разное начала. Ну раз инсульт, раз давление, раз это, они быстро приехали (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ПК).

При наличии вовлеченных в заботу родственников, проживающих отдаленно, в экстренных случаях дополнительное участие человека, находящегося рядом с пожилым, нуждающимся в помощи, может оказаться решающим. Например, как в ситуации, описанной одним из интервью:

Вот она [мама] мне звонит, я работаю, веду занятия. Она: «Я упала, лежу на крыльце». Я говорю: «Мам, я не знаю, я сейчас быстро приехать в любом случае не могу». Я звоню Ларисе [соседке]. И вот она приехала на машине сразу же, чтобы быстрее было... И ей-то не перелезть тоже через забор, она нашла каких-то ребят-строителей, узбеки. Вот, они перелезли через забор и помогли ей подняться. Т.е. вот такое вот, очень к месту оказалось, что Лариса дома была (Ухаживающая дочь/соседка_Гатчина).

Оказание медицинской помощи соседями ограничено, как правило, только их собственной компетенцией и физическими возможностями, но определяющую роль играет дефицит инфраструктуры. Например, назначенные врачом инъекции предполагают, что у пожилого жителя сельской местности есть доступ к медицинским услугам, либо предлагается оформление коммерциализированных услуг медсестры со специальной лицензией. В подавляющем большинстве случаев ухаживающие соседи решают данную проблему самостоятельно.

В качестве важной и неотложной задачи, решаемой соседями, также можно назвать обеспечение безопасного и доверительного контакта пожилых людей с внешними акторами. Мошенничество, обман, вымогание денежных средств под разными предлогами широко распространены в сельской местности. Подобные действия могут совершаться как приезжими, так и местными жителями. Ослабленные институты контроля внутри сельских поселений и одиночество пожилых делает их крайне уязвимыми:

...Вот бабушку обчистили. Причем два раза. Вот она потом: «Илья, какая я дура. Как я...? Я все это слышала про эти дела. А все равно попалась». Два или три раза. <...> То пьяницы придут там какие-то к бабушке: «Бабушка, деньги давай!» — «У меня нету ничего!» Когда один живешь, тем более тут несколько на отшибе, конечно, будешь побаиваться (Ухаживающий сосед_Поселение_3_ГЛО).

Горизонт планирования соседской заботы достаточно узок: как правило, он ограничен ближайшим будущим. Очень часто информанты в интервью говорят об отсутствии плана на случай ухудшения физического состояния подопечных, когда потребуются оказание ухода в круглосуточной форме на постоянной основе, а значит — еще более интенсивная вовлеченность соседей, либо поиск альтернативных возможностей (например, перемещение подопечного в стационар). Соседи порой сами не уверены в своих возможностях обеспечивать уход в будущем:

Ой, не знаю, как-то мы про это даже не думаем. Мы только здоровья ей желаем. Может быть, просто придется нанимать сиделку. Просто, допустим, круглосуточно, тоже как бы... Либо больше как-то вот уделять ей внима-

ния, т. е. не два раза в день приходиться, а три раза. Не обсуждали, честно говоря. Даже не хотим об этом как-то думать (Ухаживающая соседка_Поселение_2_ТЛО).

Неоспоримым преимуществом соседей является их постоянное присутствие близко от пожилого человека. Помимо помощи с организацией быта они выполняют важнейшую функцию ежедневного присмотра, направленного на предотвращение критических ситуаций, либо на экстренное реагирование на них. Внимательные и заботящиеся члены семьи, способные обеспечить пожилого родственника всем необходимым, но проживающие при этом отдаленно, не могут компенсировать данную функцию без помощи соседей. Члены семьи заключают договоренности с соседями, знакомыми о присмотре и оказании экстренной помощи. Важным наблюдением в ходе исследования стало то, что заботящиеся соседи могут иметь своих пожилых родственников, которые проживают в других поселениях, и тоже нуждаются в присмотре. Так, можно предположить, что по мере ослабления семейных форм заботы о пожилых формируется сложная система взаимных договоренностей о присмотре, важнейшая роль в которой отводится тому, кто находится рядом и способен в экстренном режиме реагировать на возникающие проблемы.

Соседская забота и поиск эквивалентов реципрокности

В ходе исследования у нас не сложилось окончательного понимания того, на каких условиях сельские жители помогают своим пожилым соседям. Сам по себе вопрос о возможном вознаграждении воспринимался информантами достаточно напряженно. Тему получения наследства в будущем в обмен на помощь, оказываемую сейчас, стараются обходить, либо однозначно отрицать наличие подобных намерений:

Если думаете, что ухаживаем из-за жилья, не думайте, потому что с самого начала ее дом покупался не на нее, а на того, кому он достанется по наследству. Бывает, что люди всякое думают (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ТЛО).

Возможность получения наследства — пусть даже лишь гипотетическая — вступает в противоречие с моральными правилами, бытующими в сельских сообществах, согласно которым помогать пожилым, причем помогать бескорыстно — это правильно. Часто информанты объясняют соседскую помощь в поселениях как взаимную, распределенную, опирающуюся на разделяемую систему ценностей или принципов, возникающую вследствие особой специфики отношений, которые устанавливаются в небольших сообществах. В них уже заложена идея реципрокности: помоги сейчас, и в будущем помогут тебе:

Ну люди нуждаются в помощи, мы помогаем. Может быть, кто-то найдется потом, кто придет, нам будет помогать (Ухаживающая соседка_Поселение_2_ГЛО).

Между тем вопрос вознаграждения не в будущем, а сразу после оказания помощи звучит как актуальный со стороны самих пожилых людей. По собственной инициативе они могут возмещать затраты сил и времени соседям натуральными продуктами: выращенными на собственном огороде овощами, вязаными изделиями, алкоголем. Монетарные формы вознаграждения также существуют, но размер и эквивалентность их чрезвычайно разнообразны. Это могут быть разовые платежи за определенные услуги, либо фиксированная сумма в месяц, установленная самим пожилым. Договоренности об оплате могут меняться с течением времени, как, например, в следующем случае:

Да я к ней спокойно ходил. Но надо сказать, естественно, я это бесплатно делал. Но уже, когда в последние полгода, вдруг она говорит, ну я уже ходил, практически каждый день, ей же тоже неудобно, что я тут хожу <...>. Она вдруг мне выкладывает эти... «Вот тебе, Ваня... Вот пенсию получила, вот тебе деньги». Я говорю: «Да с какой стати?» Я никогда деньги не брал. Но она, как-то решительно, я так понял, что ей проще будет заплатить мне, 2000 она мне стала давать с пенсии (Ухаживающий сосед_Поселение 3_ГЛО).

Самой женщиной были переосмыслены объемы помощи, получаемой от соседа. Очевидно, они были соотнесены с собственными ухудшениями здоровья и нарастанием немощи. Для ухаживающего соседа сумма оказалась незначительной, а сам факт оплаты необязательным, однако консенсусом стала ежемесячная фиксированная оплата, сложившаяся после долгих лет бесплатной помощи.

Поиск монетарных эквивалентов вознаграждения помощи или услуг соотносится с моральными нормами отношения к пожилым. Так, например, с них могут брать оплату за какие-то услуги или помощь, но меньшего размера, чем с более молодых. Если водитель зарабатывает извозом и соглашается отвезти куда-либо пожилого человека, то берет оплату, но «только за бензин».

Помимо неформальных и гибко компенсируемых договоренностей, в селах формируются и полностью коммерциализированные формы ухода, когда все параметры оказания помощи четко определены. Так, в одном из случаев, которые удалось наблюдать в ходе исследования, информанты — супружеская пара пожилых жителей с особыми потребностями, связанными с их физическим состоянием (потеря зрения, диабет, инсульт) — получают услуги по обеспечению быта на коммерческой основе с самостоятельно найденными нанятыми работниками. Размер оплаты таких услуг соотносится с возможностями и компетенциями ухаживающих. Стоимость услуг становится предметом обсуждений:

Она попросила за... Так, значит, дайте вспомню. За 4 часа, нет за 6 часов — 1000 рублей. Но я не знаю, как это в городе, говорят, что это мало. А по де-

ревенским меркам это много. <...> Вот, потом я это поняла. Но она так сказала, 150 рублей в час, она сказала и плюс, какие-то 100 рублей еще она причислила, ну вот, для ровного счета. Но мы тогда были, ну растеряны, не готовы. Мы тогда не готовы, мы не имели сведений о других. Но здесь таких и нету (Подопечная ухаживающей соседки_Поселение_2_ТЛО).

Фиксированная оплата, ориентированная на их среднерыночную стоимость, обуславливает высокие требования к качеству услуг. В интервью подопечная сетовала на то, что бывшая помощница не очень хорошо справлялась с устройством сельского быта: не умела топить печь, не очень хорошо мыла полы. Также объем выполняемой работы внимательно соотносится с оплатой и договоренностями:

Та женщина, она мыла и деда и меня. А Вера стесняется, поэтому дочка приезжает и моет его. Это просто лишняя нагрузка моей дочке (Подопечная ухаживающей соседки_Поселение_2_ТЛО).

Помощь нуждающимся в заботе все еще мыслится и в категориях межпоколенческой реципрокности, и в категориях традиционных символических обменов. Между тем данные исследования свидетельствуют о том, что в этой сфере идет поиск эквивалентностей вознаграждения за оказание помощи. Плата может осуществляться в монетарных или немонетарных формах, однако важно то, что предпочтение отдается неотсроченному вознаграждению, т. е. возможности так или иначе «расплатиться» за помощь здесь и сейчас. Причины этого можно усмотреть в том, что сельские сообщества испытывают нарастающий дефицит человеческих ресурсов, когда оказание помощи пожилым не гарантирует получение эквивалентной помощи от более молодых жителей села в будущем. Моральные конвенции, поощряющие бескорыстную помощь, сохраняют актуальность, однако и они начинают размываться и усложняться. Представление о том, что помощь и уход должны вознаграждаться — в том числе и в монетарной форме, — принимается и заботящимися, и самими пожилыми людьми. Стихийным образом в селе возникают коммерциализированные формы заботы, которые обретают черты управляемой услуги с фиксированным количеством часов, с договорным размером оплаты и соответствующими требованиями к качеству обслуживания.

Менеджеральная этика заботы в селе: социальная технология «Заботливый сосед»

Условия программы «Заботливый сосед»⁴

Мы рассматриваем введение программы «Заботливый сосед» как отдельный случай управляемой, контролируемой соседской заботы. Результаты исследования

4. Регламентируется региональным Приказом от 2017 года в рамках реализации 442 ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации».

позволили обнаружить некоторые проблемы ее реализации. Причину их возникновения мы интерпретируем как расхождения менеджериальной и общинной этики заботы. Мы выделяем три взаимосвязанные точки напряжения различающихся этик заботы, проявляющиеся при их объединении, которые между тем стимулируют появление новых вопросов к концептуализации заботы в селе.

Формализация участников: о ком и кому можно заботиться?

Случаи отношения между «заботливыми соседями» и их «подопечными», которые мы наблюдали в ходе исследования, представляют собой обычные для сельских сообществ соседские отношения. Эти отношения не возникли благодаря программе, наоборот, в программу оказались включены уже сложившиеся альянсы ухаживающего и подопечного, отношения между которыми насыщены многолетней межпоколенческой историей знакомства или дружбы. Информанты описывают такие взаимоотношения почти как семейные, родственные:

А как сюда приехали, тут вообще всё, как родные стали. Т.е. я ее дальних родственников всех знаю, они, когда приезжали сюда. Она моих всех родственников знает. <...> Все праздники все вместе, надо наготовить, пожалуйста. Мама моя, она очень такая, умела готовить, учила. Тетя Маша все-таки помоложе, моя мама постарше, все-таки разница у них в возрасте. Ну вот она [у мамы спрашивала] — «Александровна, как? Александровна, так?» Мама всё ей тоже помогала. Мама банки у меня умела ставить. Заболеет, она ей их там... Что Васе [покойный муж подопечной], что тете Маше. «Ой! Вася заболел, надо пойти там это». Ну не знаю, у нас как-то с первых дней вот так («Заботливая соседка»_ГЛО).

Участники программы говорят о том, что «формализация» вступления в отношения ухода и выхода из них фактически осуществляется только на бумаге. В реальной жизни помощь оказывалась до заключения договора с Центром социального обслуживания. По заявлениям информантов, выполняющих функции заботливых соседей, они готовы продолжать уход даже в случае выхода из программы: «Все равно я бы стала помогать, куда я денусь? Это уже все — пожизненно» («Заботливая соседка»_ГЛО).

Между тем, подписывая договор об участии в программе, «заботливые соседи» получают ряд правил, которым они должны соответствовать как ухаживающие и в соответствии с которыми они должны оказывать помощь. Строгость исполнения этих правил может зависеть от руководства местного КЦСОНа. В каких-то случаях строгость следования правилам превышает даже ожидания авторов-разработчиков программы. Так, например, некоторыми кураторами программы на местах буквально воспринято правило одного километра: место проживания ухаживающего соседа не может быть удалено от места проживания подопечного больше, чем на это расстояние. При этом в условиях сельской местности

расстояние между населенными домами может превышать установленную норму в три и более раз при наличии развитых и крепких соседских отношений. При соблюдении прочих условий это обстоятельство может становиться препятствием для заключения договора:

...мы же заводим «Личное дело» на каждого получателя, где есть перечень документов, в том числе мы вкладываем вырезку из «Яндекс.Карты», да, где километраж... А как мы потом проверяющему покажем о том, что этот человек проживает там? Мы смотрим, да, маршрут пешеходный, чтобы это было до 1000 метров. И в том числе ее вкладываем в личное дело, потому что это идет в порядке, и везде ограничения (Куратор программы «Заботливый сосед»_ГЛО).

При этом на уровне Комитета по защите населения Ленобласти, разработавшего программу, допускаются отступления от этого правила и признаются возможность гибких интерпретаций условий программы, закрепленных в Приказе, и проявления большей самостоятельности со стороны непосредственных исполнителей:

Поэтому, так как единичный случай, конечно, если человек будет проживать дальше, и доехать он сможет, и дойти он сможет, это, вообще, конечно, пожалуйста. Здесь я не вижу никаких препятствий. И наше учреждение зачастую отходит от правил. Это не настолько прям важно. Нам главное, чтобы помощник был все-таки здоров (Представитель Комитета по социальной защите населения Ленобласти).

Программа «Заботливый сосед» опирается на привычные практики соседских отношений и пытается их формализовать. Правила программы ориентируются на определение соседства по территориальному признаку, и соответствие этому определению становится предметом серьезного контроля. В этом можно усмотреть попытку авторов программы закрепить практику заботы о пожилых как повседневного приближенного присмотра. Между тем недооцененной оказывается специфика сельской социальности, для которой история многолетнего знакомства может быть важнее территориальной близости.

«Заботливый сосед»: помощник или профессионал?

Сотрудники и руководители Центров социального обслуживания, которые курируют работу программы на местах, оценивают ее как полезное нововведение. Акцент при этом делается на том, что программа разработана специально для отдаленных поселений, что подразумевает недостаток инфраструктуры, ресурсов (финансовых и других) и невозможность реализовать принципы менеджеральной заботы средствами, доступными в условиях городской среды.

В каждом из исследуемых районов есть проблема доступа к отдаленным поселениям, в которых затруднительно обеспечить услуги социального работника

или сиделки. Программа «Заботливый сосед» предполагает частичное замещение профессионального социального ухода за счет «общинного» ресурса — соседской помощи. Подготовка «заботливого соседа», освоение навыков, необходимых для оказания социальных сервисов становится важной в рамках менеджеральной этики. Со слов представителей регионального ответственного комитета, специалистами учреждения социального обслуживания проводится краткий инструктаж для соседей; также рекомендации по уходу соседи могут получить в Школах здоровья при Центрах социального обслуживания (при наличии таковых в районе). Вместе с тем часть компетенций «заботливые соседи», как и любые другие, получают из опыта внутрисемейного ухода, перенимают от родных и близких. Это подчеркивает «двойственный», неоднозначный характер менеджеральных процессов в сельской местности — внедрение механизмов фиксации и управления временем, с одной стороны, и опору на существующие практики, навыки и договоренности — с другой.

Между тем к идее полного замещения соседями представители организаций социального обслуживания относятся с подозрением, особенно в отношении тех услуг, которые требуют «профессионального» понимания потребностей пожилых жителей, а также способности оказывать услуги, которые, как правило, входят в компетенции профессионального помощника по уходу — сиделки:

Это, крайне редко, но было несколько случаев, когда, к сожалению, предоставляя услуги, именно вот соседи, да они, естественно, из добрых побуждений оказывали те или иные услуги, но пропустили тот момент, когда была необходима именно профессиональная медицинская помощь, допустим, не был вовремя там вызван врач или терапевт на дом и т. д. И было немножечко подзапущено именно в части состояния здоровья, либо в той же самой гигиене. Ведь не каждый сосед может предоставлять гигиенические услуги, согласитесь, сменить памперс или еще что-либо в этом формате. Вот чтобы не доводить до каких-то таких нюансов, как пролежни и т. д., конечно, здесь должен работать тот человек, который данную работу выполняет, за которую он получает заработную плату, выполняет ее качественно и несет ответственность за то, что он делает (Представитель КЦСОНа_Петрозаводск).

Желание и готовность соседей взять социальный уход за подопечными под полную ответственность проблематизируется и ставится под вопрос. Соседи, не вовлеченные в программу и обладающие большими ресурсами, рассуждают о механизмах формализации помощи в категориях повышенной ответственности, избыточной отчетности и недостаточной компенсации за время и возможные последствия:

Всякое материальное вознаграждение, это ответственность. Это, ну я не знаю, как соцработник, он же отчитывается. Отчеты, волокита бумажная и все такое прочее. 2000 — ни о чем! А ответственности, и с тебя

будут требовать. Так не то что я хочу или не хочу, я сделаю, я все равно это сделаю, но просто потому, что я это сделаю. Мне не хочется вот всего этого. Нет, может, для кого-то это и актуально, чтобы там как-то, вот знаете — ухаживаю за больным, получаю его квартиру. Делаю то-то, получаю то-то (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ПК).

Привлекательными условия участия в программе для местных жителей делают факторы, связанные с локацией функционирования программы — небольшие возможности для подработки в условиях сельской местности, необходимость совмещения работы с родительскими (материнскими) обязанностями, опасности разрыва в стаже:

Так я говорю, то что, в принципе, мне не трудно, а ей [подопечной Оксане Львовне] приятно, и мне хорошо. А сейчас, действительно, хоть какие-то деньги, но тоже зарплата. И она [дочь Оксаны] инициатором была. Она в газете это вычитала, потом по телевизору это видела. Она говорит: «Ты не хочешь попробовать? И стаж пойдет у тебя. Все равно с ребенком дома сидишь» («Заботливая соседка»_Варвара).

Информанты также отмечают важный символический эффект — фиксированная оплата избавляет от вопроса компенсации затрат на уход, что позитивно воспринимается и самими подопечными, и их родственниками (при их наличии и участии в процессе):

Единственное — бабе Нюте облегчение, потому что она знает, что я что-то получаю. Она не любит быть в долгу. Раньше положит на стол 100 рублей — ну что такое 100 рублей, что ты сейчас на них купишь? Не беришь, конечно. Меня они богаче не сделают. Теперь она знает, что я хоть что-то могу заработать («Заботливая соседка»_Надежда).

Программа обращается к традиционному общинному порядку сельского сообщества, в том числе к долгосрочным социальным связям и моральным межпоколенческим конвенциям. Исследование показывает, что они остаются сильны, могут влиять на принятие решений и даже на порядок вознаграждения за работу по программе⁵. Есть случаи, когда пожилые люди должны доплачивать за определенные услуги, и это может порождать недопонимание и чувство несправедливости у тех, для кого услуги являются платными. В одном из интервью куратор программы рассказывала о случае, когда «Заботливая соседка» сочла неудобным брать ежемесячно со своей подопечной 800 руб. за услуги и оплачивала эту сумму самостоятельно из своей зарплаты (размер зарплаты — порядка 5000 руб.). Такой пример

5. Услуги по программе, так же как и услуги обычного социального работника, не для всех бесплатны. Пожилой человек, обладающий одним из таких подтвержденных статусов, как «труженик тыла», «житель блокадного Ленинграда», «ребенок войны», «несовершеннолетний узник фашизма», и рядом других социально-демографических характеристик, получает все услуги безвозмездно.

показывает, что программа может не решать вопрос вознаграждения ухаживающего, а лишь дополнительно проблематизировать границу между бескорыстной помощью и эксплуатацией морального чувства.

Можно сказать, что программа «Заботливый сосед» пытается нащупать свое место между существующей в сельском сообществе практикой помощи пожилым соседям и профессиональными стандартами социальной помощи. Программа реформирует добровольную помощь в оплачиваемую услугу. Вопросы вознаграждения, его достаточности, обоснованности и эквивалентности, которые возникают у участников программы, резонируют с кризисом межпоколенческой реципрокности, который наблюдается в сельских сообществах. Размер вознаграждения, предлагаемый за участие в программе «Заботливый сосед», явно недотягивает до рыночной стоимости соответствующих услуг. Мотивация участников подкрепляется правилами жизни в сельском сообществе, в том числе моральной ответственностью перед старшим поколением. Эти ресурсы выполняют важную компенсирующую функцию, без которой программа вряд ли смогла бы быть успешной.

Как «правильно» заботиться о ближнем?

В контексте данного вопроса проблематизируются попытки управления самими практиками заботы, зачастую складывающимися в «общине». Перечень услуг, которые может оказывать помощник, включает в себя бытовые (закупки, оплата услуг ЖКХ, услуги по стирке, уборке и гигиене, приготовлении и приеме пищи и т. д.), медицинские (мониторинг температуры, давления, контроль приема лекарств), психологические услуги (прогулка). Заработок помощника рассчитывается в соответствии с их объемом и составом.

Программа регламентирует также темпоральное измерение общинной заботы. Срок заключения договора ограничивается финансовым годом, после этого он должен продлеваться. Услуги предоставляются согласно индивидуальному графику, который определяет, в какие дни, в каком составе и объеме подопечный будет получать помощь. В целях контроля финансов и качества услуг помощник ежемесячно предоставляет отчет о проделанной работе и акт сдачи-приемки, подписанный получателем в организацию социального обслуживания. Также в качестве формы контроля могут осуществляться выезды представителей организаций на места.

Регламентация практик заботы в данном случае носит условный характер. Информанты отмечают, что в действительности спектр оказываемых услуг выходит за пределы предлагаемого перечня. В зависимости от своих возможностей «заботливые соседи» могут отвозить подопечных в магазин, чтобы те выбрали сами понравившиеся продукты, в медицинские учреждения, искать возможности и достигать договоренностей с окружающими для обустройства быта пожилых людей. Продолжительность услуг также может значительно превышать установленное

перечнем время. Так, одна из информанток приводит пример: хотя в графике на разогрев пищи отводится 5 минут, но в действительности еда на газу не разогревается так быстро.

Учет расходов, времени оказанных услуг, в целом ведение отчетности не всеми «заботливыми соседями» воспринимается позитивно. Это то, что вторгается в рутину заботы, временные затраты на это воспринимаются как бессмысленные:

Ну вот, обучались мы с ней, она мне вот говорит: «Василиса Владимировна, вот эту писанину, вот планируем». Мне это не очень нравится. Я вот лучше ей там пойду что-нибудь полезное сделаю (Директор отделения обслуживания на дому_ТЛО).

По договоренности с куратором от местного КЦСОНа отчетность может минимизироваться.

Менеджеральная этика заботы, заложенная в программе «Заботливый сосед», опирается на нормы, отношения и этические принципы заботы, сложившиеся внутри общины. Она встраивается в сельское сообщество с его недостаточными ресурсами и устоявшимися практиками их компенсаций. Фактически помощь, оказываемая пожилым соседям в рамках программы, мало отличается от такой же помощи, оказываемой стихийно, «по велению души», как воспроизводство существующего порядка заботы о пожилых. Однако бюрократические требования к исполнению условий программы привносят новые смыслы и интерпретации в понимание заботы о пожилых. Забота возникает как профессиональная оплачиваемая работа, подлежащая учету и контролю извне. Помощь, оказываемая соседями, плохо сочетается с официальными регламентами, выходит за их пределы. Между тем в практике помогающих и подопечных появляется учет километров, часов и минут, рублей и копеек, услуг, килограммов и пр. Менеджериализм, который интегрируется в практики помощи, позволяет деконструировать существующий порядок и увидеть пробелы и кризисы заботы о пожилых в сельских поселениях. В их числе кризис отложенной реципрокности, проблема сложного медикализированного ухода, острый запрос пожилых на общение с родственниками, которые не компенсируются соседской помощью.

Дискуссия и заключение

Попытка привнести в село элементы системы долговременного ухода в современной России совпадает с интенсивной трансформацией сельских сообществ. Сама по себе разработка такой программы, как «Заботливый сосед», говорит о том, что ресурсов села становится недостаточно для обеспечения гарантированной устойчивой заботы о тех, кто в ней нуждается.

Такие модернизационные процессы, как индивидуализация, коммерциализация, мобильность, происходят в селе по сравнению с городом медленнее. В совре-

менном российском селе сохраняется ресурс сообществ, проявляющийся в персонализированных взаимодействиях, практиках взаимопомощи, в моральной обусловленности социальных коммуникаций и взаимодействий. Неформальная забота о пожилых в сельском сообществе все еще опирается на устойчивые долгосрочные социальные связи. Отношения соседства начинают играть в этой схеме важную роль. Даже если более молодые родственники существуют и вовлекаются в заботу дистанционно, остается нереализованным запрос на повседневную, приближенную заботу или «присмотр» за состоянием здоровья пожилого человека. Вследствие этого все более востребованной становится модель соседской или же семейной ассистированной помощи, в которую включены соседи и для которой актуально правило, согласно которому «заботится тот, кто рядом». Это правило широко применяется и обладает высоким потенциалом реципрокности.

На фоне трансформации села и сельского социума ресурс сообществ выхолащивается. Фамилистские формы заботы ослабевают. По мере оттока населения у остающихся в селах пожилых людей не остается близких родственников и просто более молодых людей, способных оказывать необходимую помощь и уход. Сменяемость населения нарушает гомогенность и герметичность сообществ, в которых многолетние межпоколенческие связи между односельчанами являлись важнейшим условием доверия, взаимопомощи, «социальных гарантий».

Программа «Заботливый сосед» опирается на ресурс общинной этики заботы как на основополагающий. Она ориентирована на формализацию уже сложившихся соседских отношений заботы. Именно устойчивые личные знакомства и репутация обеспечивают доверие между «заботящимися соседями» и их подопечными. Вместе с тем изучение программы в действии обнаруживает точки напряжения и кризисы, формирующиеся в сфере заботы о пожилых в селе — в том числе соседской. Действие программы способствует более отчетливому проявлению стихийно наметившихся менеджеральных черт заботы о пожилых в селе.

Этику заботы, которая формируется сегодня в селе, можно определить как *общинный менеджериализм*. Общинные нормы продолжают доминировать, но забота начинает пониматься как управляемая, небезвозмездная и нуждающаяся в координации услуга. *Общинный менеджериализм* представляет собой весьма позитивный вариант старения, сопровождаемого внеинституциональной, индивидуализированной, «теплой» заботой (Titmuss, 1959, 1968; Hochschild, 1995). Для пожилого человека сохраняется возможность проживания в привычных условиях с сохранением собственного пространства и агентности. Сложность видится в том, что оба компонента, составляющие конструкцию *общинного менеджериализма*, по отдельности не обладают достаточной устойчивостью, а объединение их вместе представляет собой компромиссный ответ нарастающим вызовам мейнстрим-социального обслуживания пожилого сельского населения.

Такие составляющие общинной этики заботы, как внимательное отношение к пожилым, реципрокность, сочувствие, актуальны, но все они обнаруживают признаки кризиса и переходности. Сочетание менеджеральной этики с общин-

ными правилами порождают важные моральные дилеммы соседской заботы, связанные с неприменностью и безусловностью оказания помощи, с эквивалентностями вознаграждения или с подотчетностью. Само сельское сообщество как устойчивое и ресурсное социальное образование оказывается уязвимо. Менеджеральный же компонент в лице редких целевых социальных программ, приносимых в село извне, вряд ли может существовать самостоятельно, без опоры на ресурс местного сообщества.

Литература

- Барсукова С. (2004). Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 9. С. 20–29.
- Барсукова С. (2005). Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. № 8. С. 34–45.
- Богданова Е. (2017). Граница между публичным и частным в звуковом сообществе: исследование современного российского села // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Т. 9. № 1. С. 4–29.
- Бредникова О. (2012). Деревня умерла? Да здравствует деревня! Еще раз к вопросу о различиях города и деревни // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / О. Бредникова, Е. Богданова (ред.). СПб.: Алетейя. С. 28–59.
- Верховцев Д. (2015). Дарообмен в русской деревне: дар как депозит // Музей, традиция, этничность. Т. 1. № 7. С. 49–54.
- Виноградский В. (1999). «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. № 3/4. С. 36–48.
- Нефедова Т., Мкртчян Н. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 58–67.
- Позаненко А. (2018). «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55.
- Фадеева О. (2007). Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социологические исследования. № 11. С. 64–69.
- Шанин Т. (ред.) (1999). Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос.
- Штейнберг И. (2002). К вопросу об определении сети социальной поддержки на селе // Рефлексивное крестьяноведение / Т. Шанин, А. Никулин, В. Данилов (ред.). М.: МВШСЭН, РОССПЭН. С. 275–283.
- Штейнберг И. (2004). Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 6. № 74. С. 52–57.
- Blackshaw T. (2014). *Key Concepts in Community Studies*. Sage.
- Botes A. (2000). A comparison between the ethics of justice and the ethics of care // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 32. № 5. P. 1071–1075.

- Dockray H.* (2019). Self-care isn't enough. We need community care to thrive. Self-care alone can't heal communities // Mashable. <https://mashable.com/article/community-care-versus-self-care>.
- Gilligan C.* (1982). In a different voice: Psychological theory and women's development. Harvard: Harvard University Press.
- Held V.* (2006). The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. Oxford New York: Oxford University Press.
- Hochschild A.* (1995). The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Cold-modern, and Warm-modern Ideals of Care // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. Vol. 2. №3. P. 331–346.
- Luhmann N.* (2000). Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / D. Gambetta (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 94–107.
- Meagher G., Parton N.* (2004). Modernising Social Work and the Ethics of Care // Social Work & Society. Vol. 2. № 1. P. 10–27.
- Titmuss R.* (1959). Community Care as Challenge // The Times. 12 May. P. 11.
- Titmuss R.* (1968). Community Care: Fact or Fiction? // Commitment to Welfare / R. Titmuss (ed.). London: Allen and Unwin. P. 221–225.
- Toennies F.* ([1887] 2017). Community and Society. London: Routledge.

Ethics of Neighborly Care for the Elderly in the Russian Village: Towards Community Managerialism⁶

Elena A. Bogdanova

Associate Professor, European University at St. Petersburg / Leading researcher at the Center for Public Health Studies, Sechenov University.

Address: Gagarinskaia st., 6/1A, St. Petersburg, 191187 Russian Federation

E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

Konstantin A. Galkin

Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Address: 7th Krasnoarmeiskaia st., 25/14, St. Petersburg, 190005, Russian Federation

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Aliia N. Nizamova

Researcher, European University at St. Petersburg / Researcher at the Center for Public Health Studies, Sechenov University.

Address: Gagarinskaia st., 6/1A, St. Petersburg, 191187 Russian Federation

E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Helping the elderly people living nearby is a common practice in the Russian countryside. The article presents a study of the experimental social program “Caring Neighbor”, which reforms

6. The authors of the article express their gratitude to the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation for supporting this study (Donation Agreement No. 275-1/02) and for their systematic contribution to the study and development of local communities.

voluntary neighbor assistance into a formalized paid social service provided under a contract. In this way, neighborhood assistance becomes part of the long-term care system. Theoretically, the article is based on the concept of the ethics of care proposed by Carol Gilligan. Whether the new social program introduces features of managerial ethics into the relationship of neighborly care for the elderly in the rural community is the main question of the article. The study, implemented in rural settlements of the Republic of Karelia and the Leningrad Region in 2020-2021, includes a series of case studies of neighborly care, carried out informally and as part of the "Caring Neighbor" program (number of cases = 16), alongside 20 expert interviews. The article concludes that the ethics of caring for the elderly which is being formed now in the Russian village can be defined as *community managerialism*. Community norms still dominate, but caring about the elderly people is beginning to be understood as a managed, non-gratuitous activity that needs to be coordinated.

Keywords: Ethics of care, Community managerialism, Rural community, "Caring Neighbor" social program, Long-term care system

References

- Barsukova S. (2004) Reciproknye vzaimodejstviya: Sushhnost', funkcii, specifika [Reciprocal Interactions: Essence, Functions, and Peculiarities]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 20–29.
- Barsukova S. (2005) Setevye obmeny rossijskikh domohozjajstv: opyt jempiricheskogo issledovanija [Network Exchanges between Russian Households: Account of Empirical Research]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 34–45.
- Blackshaw T. (2014) *Key Concepts in Community Studies*, Sage.
- Bogdanova E. (2017) Granitsa mezhdru publicnym i privatnym v zvukovom soobshchestve: issledovanie sovremennogo rossijskogo sela [The Border Between Public and Private in Sound Community: A Study of Contemporary Russian Village]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 9, no 1, pp. 4–29.
- Botes A. (2000) A comparison between the ethics of justice and the ethics of care. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 32, no 5, pp. 1071–1075.
- Brednikova O. (2012) Derevnia umerla? Da zdravstvuet derevnia! Eshche raz k voprosu o razlichiih goroda i derevni [Is the village dead? Long live the village! Once again on the issue of differences between the city and the village].. *Vdali ot gorodov. ZHizn' postsovetsoj derevni* [Far from the cities. Life in the post-Soviet village] (O. Brednikova, E. Bogdanova red.), Sankt-Peterburg: Aletejya, pp. 28–59.
- Dockray H. (2019) Self-care isn't enough. We need community care to thrive. Self-care alone can't heal communities. *Mashable* (<https://mashable.com/article/community-care-versus-self-care>).
- Fadeeva O. (2007) Hozyaistvennye układy v sovremennom rossijskom sele [Economic structures in the modern Russian village]. *Sociologicheskie issledovaniia*, no 11, pp. 64–69.
- Gilligan C. (1982) *In a different voice: Psychological theory and women's development*, Harvard: Harvard University Press.
- Held V. (2006) *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*, Oxford New York: Oxford University Press.
- Hochschild A. (1995) The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Cold-modern, and Warm-modern Ideals of Care. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, vol. 2, no 3, pp. 331–346.
- Luhmann N. (2000) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, Oxford: Oxford University Press, pp. 94–107.
- Meagher G., Parton N. (2004) Modernising Social Work and the Ethics of Care. *Social Work & Society*, vol. 2, no 1, pp. 10–27.
- Nefedova T., Mkrtchyan N. (2017) Migratsiya sel'skogo naseleniia i dinamika sel'skohoziastvennoi zaniatosti v regionah Rossii [Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, pp. 58–67.

- Pozanenko A. (2018) «Otdel'naia tipa respublichka»: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv ["A Kinda Separate Little Republic": Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii*. Vol. 27, no 4, pp. 31-55.
- Shanin T. (red.) (1999) *Neformal'naia ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World], Moscow: Logos.
- Shteinberg I. (2002) K voprosu ob opredelenii seti sotsial'noi podderzhki na sele [On the issue of defining the social support network in rural areas]. *Refleksivnoe krest'ianovedenie* [Reflexive Peasant Studies], (T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (red.)), Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 275–283.
- Shteinberg I. (2004) Psihologiya neekvivalentnykh obmenov v setiah social'noi podderzhki gorodskikh i sel'skikh semei [Psychology of Nonequivalent Exchanges in Social Support Networks of Urban and Rural Families]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, vol. 6, no 74, pp. 52-57.
- Titmuss R. (1959) Community Care as Challenge. *The Times*, 12 May, p. 11.
- Titmuss R. (1968) Community Care: Fact or Fiction? *Commitment to Welfare* (R. Titmuss (ed.)), London: Allen and Unwin, pp. 221-225.
- Toennies F. ([1887] 2017) *Community and Society*, London: Routledge.
- Verhovtsev D. (2015) Daroobmen v russkoi derevne: dar kak deposit [Gift exchange in the Russian village: a gift as a deposit]. *Muzej, tradiciya, etnichnost'*, no 1(7), pp. 49-54.
- Vinogradskii V. (1999) «Orudiia slabykh»: neformal'naia ekonomika krest'ianskikh domohoziaistv ["Tools of the Weak": The Informal Economy of Peasant Households]. *Sociologicheskii zhurnal*, no 3/4, pp. 36–48.

Общество знания: миграционный дискурс в плену капитала¹

Илья Касавин

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики, Московский городской педагогический университет

Адрес: 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, 129226 Российская Федерация

E-mail: itkasavin@gmail.com

Статья посвящена природе современного общества знания, которое характеризуется в первую очередь резким ростом интеллектуального капитала (образования, опыта, навыков, компетенций, ноу-хау, патентов, ценой персонала на рынке рабочей силы и пр.) в объеме капитализации крупного бизнеса. Общество знания — это общество высокой социальной динамики, воплощение миграционного архетипа, рационального дискурса и интеллектуального труда, по-новому реализующее известный тезис «Знание — сила». Теории общества знания, появившиеся в 1960-е годы, последние три десятилетия переосмысливаются, заново формулируются и обосновываются Нико Штером, известным немецким социологом и философом. В статье дается краткая презентация концепции Штера, высказываются аргументы в ее поддержку, а также выделяются некоторые белые пятна, которые остаются для нее необъяснимыми в свете социальных реалий последних лет. Делается вывод о том, что общество знания представляет собой значимую социальную тенденцию становления науки и техники как ведущей производительной силы. И в нем же усматривается форма городского дискурса свободы — когнитивная самореализация личности в спектре широких возможностей общественного блага как предмет эпистемологической урбанистики. Однако этой тенденции противостоит современный капитализм знаний (приватизация, «огораживание знания», в том числе с помощью патентов), а также высокая степень риска и неопределенности, доминирующая в современном мире.

Ключевые слова: общество знания, знание и информация, интеллектуальный капитал, городской дискурс свободы, *эпистемологическая урбанистика*, капитализм знаний, патенты, «огораживание знания», хрупкость общества

Власть знания: новая упаковка или новация по существу?

Широко известен проект взаимодействия науки и общества, нередко обозначаемый лозунгом «Знание — сила» и отсылающий к Фрэнсису Бэкону (Дмитриев, 2022; Касавин, 2020). Идея проекта провозглашала культурную и цивилизационную функцию науки по радикальному преобразованию общества XVII века. «Хорошее» общество мыслилось лишь как реализованная сила знания. Знанию приписывался статус рационального ядра общества и главной способности человека, которые призваны дать новый старт общественному развитию и благоденствию. Отсюда сила понималась нетрадиционно, не как средство удерживать и умножать завоеванное, а как способность к развитию, выходу за пределы дан-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» («*Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian Urban Studies*»). <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

ного, бесконечное путешествие в неведомое, орудие прогресса. Следует подчеркнуть, что сила знания в «Новой Атлантиде» Бэкона требовала для своей реализации замкнутого пространства города-государства по типу античного полиса, в котором царит жесткая регламентация. В нем свобода предоставлена лишь непосредственно полезным «плодоносным опытам» (прикладному знанию), в то время как «светоносные опыты» (фундаментальное знание причин) содержатся в режиме гостайны.

Здесь продуктивная способность философского воображения, как обычно, противостояла фактическому положению дел. В те времена силой являлось вовсе не знание. Напротив, оно находилось на периферии общественного интереса и не обладало ощутимой эффективностью. Силу воплощала политическая власть монарха и крупных феодалов, а также влияние высшей церковной иерархии. Власть знания выступала откровенной утопией, но оказалась гениальным предвидением о подлинной природе власти и социальности вообще. Высший смысл всякого общества состоит в производстве культурных и интеллектуальных достижений. Именно они, а не золото, территории или подневольный труд, играют роль фермента общественного развития, обеспечивая человека пространством интеллектуальной миграции, рационально-дискурсивной организации деятельности. Самой мощной силой является власть над умами.

В XX веке к лозунгу «Знание — сила» относились уже как к констатации факта. Теперь на теоретической повестке стояла другая задача — ответить на кантовский вопрос, как возможен этот факт. Программа социологии научного знания решала эту задачу как обратную по отношению к бэконовской. Предстояло вывести фундаментальное знание (науку) из социальных отношений и образов, которые отвечают за производство знания (Bloor, 1976). Однако эта программа столкнулась с принципиальной трудностью. В наши дни наука развивается значительно быстрее общества, последнее фатально отстает и едва ли обладает необходимой объясняющей силой. В обществе трудно найти такие творческие силы, такие живые ферменты, которые бы придавали знанию невиданную ранее динамику. Попытки представить научную революцию XX века как проект модерна, результат бурного развития искусства и культуры в целом, оказались недостаточно обоснованными. Так, в частности, «тезис Формана» связывает Веймарскую культуру с новыми физическими теориями (Fogman, 1971). Однако сама атмосфера индетерминизма, свойственная, по мнению автора, данной эпохе, не позволяет выстроить детерминистическую цепочку от искусства к науке, а вынуждает говорить о науке лишь как элементе данной атмосферы, не менее сильно влияющей на развитие искусства.

Параллельно с этим был пересмотрен (по сравнению с проектом Бэкона) режим функционирования и распространения фундаментального и прикладного знания. Первое было объявлено общественным благом (доступным для всех, свободно потребляемым неконкурентным товаром). Второе же, напротив, обеспечивало конкурентные преимущества и потому приватизировалось, получая юридическое «огораживание» в форме патентов. Парадокс в том, что оно тем самым тоже выво-

дилось за пределы конкуренции и обеспечивало монопольное положение на рынке, позволяя блокировать инновации и получать за счет этого сверхприбыли.

У Бэкона власть знания реализует себя во многом благодаря именно замкнутости города-государства, это «власть-в-крепости». Пусть знание приобретает в ходе свободной культурной миграции и реального путешествия в неведомые страны, однако оно дискурсивно артикулируется и даже распространяется лишь как оседлый, регламентированный, кодируемый и охраняемый феномен. Это во многом соответствовало статусу средневекового города, замка, монастыря, университета, обеспечивавших своими стенами безопасность оседлых жителей. Лес, поле — это, напротив, территория свободы, возможность и спрятаться, и реализовать себя без всякой регламентации, и голову потерять. Всякая миграция средневекового купца, моряка, воина, монаха, ремесленника, артиста, врача предполагает перемещение *между* городами со всеми сопутствующими рисками и приобретениями.

Современная ситуация рисует нам совершенно иную картину. С одной стороны, именно город, в котором размещены исследовательские и образовательные институты, притягивает к себе субъекта познания, побуждает его на миграцию *не из города, а в город*. Большие города — это большие возможности выбора, полигон навигации и самоорганизации, территория свободы, в которой можно как затеряться, так и найти себя. С другой стороны, регламентация городской жизни канализирует человеческое поведение, забрасывает человека на территорию правил, в «движение по полосам и светофорам». Да и сама наука выступает как «фабрика знания», в которой рутина часто доминирует над творчеством. Отсюда неизменная составляющая мировой науки — научная мобильность (*миграция между городами*), позволяющая исследователю вырваться из локального сообщества с его стандартами и парадигмами, приобщиться к иным каналам коммуникации и картинам реальности. В целом такой ракурс анализа, когда знание, наука рассматриваются в инфраструктурном и институциональном контексте города, как форма городского дискурса, может быть обозначен термином «эпистемологическая урбанистика». Когда же в фокус внимания попадает познавательный процесс на фоне пространственного перемещения субъекта, путешествия и приключения, то можно говорить о «миграционной эпистемологии». Есть основания полагать, что эти два подхода находятся в отношении дополнительности.

Итак, сегодня прогресс наук (включая социальные и гуманитарные) и технологий в значительной мере определяет общественный прогресс (со всеми оговорками по поводу дискуссионности данного понятия), а не наоборот. Одновременно знание, будучи ядром новых производительных сил (если использовать терминологию К. Маркса), находится в плену старых производственных отношений. С одной стороны, знание превращает пространство в «жидкий мир» (З. Бауман), обеспечивая миграцию информационных потоков, технологический трансфер и беспрецедентные коммуникационные возможности. С другой же стороны, частнособственнический интерес табуирует свободное распространение знания,

способствует его «оседлости», закреплению научного дискурса на территории патента и вынуждает служить не общественному благу, а экономическому и политическому господству.

Нико Штер — лидер мнений

Все это является предметом интереса Нико Штера (Nico Stehr) — выдающегося философа, социолога, гуманитария широкого профиля, публичного интеллектуала. Его фигура, небезызвестная в российских интеллектуальных кругах, все же заслуживает краткой биографической справки. Штер родился 19 марта 1942 года в Берлине. После окончания гимназии поступил в Кельнский университет, где завершил обучение со степенью магистра по экономике под руководством Рене Кёнига. В 1970 году Штер отправился по программе Фулбрайта в США и получил степень доктора социологии в Орегонском университете, а с 1967 по 2000 год преподавал в американских и канадских университетах. До возвращения в Германию он состоял научным сотрудником в Институте перспективных исследований Питера Уолла при Университете Британской Колумбии в Ванкувере (Канада). В 2002–2003 учебном году Штер был гост-профессором им. Пауля Лазарсфельда в Венском университете. Одновременно он работал старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института устойчивого развития Университета Британской Колумбии, Ванкувер (Британская Колумбия), научным сотрудником Центра передовых исследований гуманитарных наук, Эссен (Германия), редактором основанного им Канадского социологического журнала (до 2006 года). В 2011 году Штер создал Европейский центр исследований устойчивого развития (ECS) при Университете Цеппелина, Фридрихсхафен (Германия). С августа 2013 по июнь 2018 года — заведующий кафедрой коммуникаций и культурного менеджмента в том же университете, с 2018-го — профессор эмеритус. За свои научные достижения Штер удостоен звания члена Королевского общества (Канада) и Европейской академии наук и искусств².

Исследовательские интересы Нико Штера изначально были инициированы экономикой и правом, но быстро приобрели более широкий характер. По его собственному убеждению, сильное впечатление на него производили работы социальных ученых-эмигрантов, примером которых выступал К. Мангейм. Помимо него и других классиков социологии вроде Э. Дюркгейма, М. Вебера и Р. Мертона, на Штера оказали особенно значимое влияние Н. Элиас, П. Друкер, Д. Белл и П. Лазарсфельд. Если поставить задачу определить место трудов Штера в контексте эволюции социальных наук XX–XXI веков, то она окажется крайне трудной в силу синтетической и междисциплинарной природы его исследований. Во многом эта задача будет решаться разными авторами в силу их собственных склонностей и теоретических интересов. Социологи причислят его к традиции, идущей

2. Более подробно о Нико Штере см.: Adolf, 2018.

от Бэкона, т. е. к ряду авторов, которые открыли специфику современных обществ в беспрецедентном влиянии знания и науки на политику, экономику и культуру. И тогда труды Штера окажутся этапом развития теории постиндустриального и информационного общества или вариантом постмодернистских исследований в стиле З. Баумана или Э. Гидденса. При этом Штер, вероятно, будет категорически разведен с Б. Латуром и его идеей кризиса социологии. Социологи знания и научного знания, в частности, могли бы провести линию от марксизма через К. Мангейма к «сильной программе» Б. Барнса и Д. Блура и указать, что он внес вклад во все три (или уже более) волны развития этого направления (Столярова, 2015). Специалисты в области STS (Science and Technology Studies; Science, Technology and Society) причислят его к своим коллегам по аналогии с Д. Маккензи и его анализом финансовых рынков (Mackenzie, 2006). В равной мере то же могут сделать и сторонники критической социальной эпистемологии в лице С. Фуллера, свыше 30 лет тому назад уже написавшего рецензию на книгу Штера (Fuller, 1991).

Сегодня исследования Штера продолжают наиболее оригинальную линию, намеченную им и Гернотом Бёме в книге «Knowledge Society» (1986). Они сфокусированы на трансформации современных обществ в общества знания и изменениях в основных социальных сферах (наука, политика, управление, экономика, неравенство и глобализация). Кроме того, они касаются социальных последствий изменения климата. Штер является одним из авторов доклада Хартвелла (Hartwell Paper, 2010)³ по климатической политике. Штер опубликовал более 25 книг, ряд его работ переведены на русский язык, в том числе «Погода. Климат. Человек» (2011), «Власть научного знания» (2015), «Знание — сила? Что мы знаем о знании» (2017), «Информация, власть и знание» (2019)⁴.

Нико Штер — не только академический социальный ученый и организатор науки, но и гений общения: дружелюбный, интеллигентный человек, коммуникативный круг которого чрезвычайно широк и разнообразен. Я имел удовольствие не раз наблюдать Нико за работой на семинарах в Университете Цеппелина, где мне также посчастливилось выступать с докладом, и у него дома. В университете — на кафедре, в аудитории, в столовой, в коридоре он был всегда окружен молодыми учеными. Это общение продолжается в ресторане, на набережной Боденского озера, в его гостеприимном доме в небольшом городке Ванген-им-Альгой. И в этом проявляется особенность исследовательской работы и публикационной стратегии Штера. Она среди прочего состоит в том, что он охотно сотрудничает с коллегами, причем его роль как генератора идей не подвергается сомнению. Коллеги и ученики, изучающие разные проблемы и аспекты науки, техники и современного социума, встраивают в его концептуальный каркас свои теории и данные, а он, со своей стороны, вникает в эти детали и развивает свои исходные концептуальные построения. Штер изначально дал блестящий пример того, как нужно

3. https://eprints.lse.ac.uk/27939/1/HartwellPaper_English_version.pdf

4. Среди опубликованных в России статей, рецензий и обзоров, посвященных работам Штера, выделим: Тухватулина, 2015; Machin, 2018; Савченко, 2023.

работать с фактами. Интересно наблюдать его в процессе подготовки очередного труда. Весь его кабинет заставлен стопками книг с закладками, кипами ксерокопированных статей, испещренных пометками, на полу разложены схемы, графики и диаграммы, на столе — два ноутбука, подключенных к разным базам данных, а телефон звонит, когда Штеру нужно уточнить какую-то деталь или фамилию у одного из своих коллег на любом из континентов. Штер не стесняется соавторства со своими коллегами, в том числе бывшими аспирантами, многие из которых уже на профессорских должностях. Неудивителен в этом случае и междисциплинарный характер практикуемого им дискурса на стыке социологии, эпистемологии и философии науки, экономики, истории, психологии, политических и культурологических исследований. Это один из лучших примеров того, какие результаты может дать широко понимаемая программа «Science and Technology Studies», или, в другой версии, «Science, Technology and Society». Книги Штера практически одновременно, в разных или идентичных версиях издаются на английском и немецком языках, обеспечивая широчайшую аудиторию.

Современное общество: знание как развитие

Теория обществ знания, особый вариант которой сформулировал Нико Штер⁵, возвращает нас к идее Бэкона. Наша современность — эпоха власти знания. Делая его предметом своего анализа, Штер отказывается от принятого в аналитической эпистемологии абстрактного подхода, в котором знание понимается как обоснованное истинное убеждение. Вместо этого он предлагает его социологическое определение как *способности к действию* (knowledge as an ability to act) и детально рассматривает функционирование знания в многообразных экономических, политических и социальных контекстах. Знание, по Штеру, следует отличать от информации, хотя их различием нередко пренебрегают. Например, распространена такая точка зрения: информация является подвидом знания, которое уменьшено и преобразовано в сообщения, транслируемые между агентами принятия решений. Штер предлагает другой подход: содержание информации в первую очередь относится к *свойствам продуктов или результатов* (атрибутам), в то время как содержание знания характеризуется *качеством процессов* (Штер, 2024: 90). Аргументы в пользу данной позиции, если их кратко обобщить, сводятся к следующему. Производство знания в анализе распадается на два взаимосвязанных сегмента. Это, во-первых, сам процесс, обусловленный субъектом познания и контекстом производства. Во-вторых, это объективированные результаты познания, которые отчуждены от субъекта, обезличены и могут быть выражены количественно. Самой собой, что результаты используются в ходе процесса, а сам процесс как бы свернут в результате. Однако строго по правилам, в пределе — алгоритмически исполь-

5. Перевод книги Штера (Stehr, 2023), который готовится к изданию в настоящее время, посвящен тридцатилетию его теории, существенно пересматривая и дополняя ранние подходы и аргументы автора (Stehr, 1994), при этом сохраняя и развивая основные идеи.

зуются лишь отдельные фрагменты информации. И, напротив, операции со знанием в значительной мере скрыты в «черном ящике» субъективности. Несколько огрубляя, предлагаемое Штером различие между знанием и информацией можно сравнить с известным противопоставлением контекстов открытия и обоснования (Х. Райхенбах), а также с различием дискурса и текста (Касавин, 2008). Вполне логично, что Штер, занимая позицию не эпистемолога и философа науки, а именно социолога, считает необходимым обращать внимание на процесс производства знания, пусть даже и средства его анализа не отличаются совершенством. Это позволяет ему обнаружить тот факт, что современная экономика знания «не видит» знания, ограничивая свой интерес информацией. Отсюда и неспособность учесть (в том числе и собственно экономическое) значение немалой части интеллектуального капитала, которая представляет собой не алгоритмы, а навыки, компетенции, ноу-хау. И здесь неожиданно и эпифеноменально выявляется эпистемологический смысл социологического определения знания как *способности действовать*. Он предполагает исследование познающего субъекта и его деятельности в динамике, во всем противоречивом многообразии их культурных и социальных измерений.

Именно сложность феномена знания и объясняет, почему власть знания автоматически не гарантирует прогресс: знание оказывается феноменом как с положительным, так и с отрицательным знаком. Иллюзии эпохи Просвещения разрушены. «После Аушвица» (Ж.-Ф. Лиотар) граница между рациональностью и бесчеловечностью стала проницаема. Пусть состояние политической и экономической жизни определяется объемом человеческого (интеллектуального) капитала: именно из него состоит до 90% капитала таких компаний, как Amazon, Microsoft, Google, Nvidia, выраженного в стоимости их акций⁶. Так что и власть крупных корпораций обязана увеличению роли знания в капитале, концентрации и монополизации знания в руках немногих. Фирмы-суперзвезды, большинство которых располагается в США, извлекают суперприбыли из своего положения и не готовы им поступиться. Знание, будучи лишь интеллектуальной властью, обнаруживает свои экономические слабости. Так, оно поддается «огораживанию» с помощью патентов, и крупнейшие фирмы используют этот механизм табуирования знания, ограничивающий инновации и сужающий пространство свободного рынка. Штер подробно документирует тезис о сохранении экономической сущности современного капитализма как власти немногих богатых над многими бедными. Это прослеживается как на международном уровне, так и самих Соединенных Штатов, где усиливается социальное расслоение. Россия упоминается в книге Штера только один раз: «Соединенные Штаты в 2010 году были самым крупным бенефициаром, в то время как Россия (не представлена в таблице) почти не полу-

6. В популярной литературе нередко характеризуют финансовые деривативы (акции в т.ч.) как «мыльные пузыри», которые периодически «лопаются» и потому не могут быть формой «надежного» капитала. Однако рыночные колебания цен — естественный и неизбежный фактор экономической жизни при капитализме. Они так же относятся к недвижимости, драгоценным металлам, полезным ископаемым и цене самих денег.

чала средства из-за рубежа на интеллектуальную собственность, контролируемую страной» (Штер, 2024: 153).

Штер формулирует то, что можно назвать *парадоксом* экономики знаний. С одной стороны, знание является общественным благом, или товаром, выведенным за пределы конкуренции. Интеллектуальные активы подлежат бесконечному обмену, продаже или иному использованию, и при этом не происходит их окончательного отчуждения от автора или владельца. Знание обладает свойством потенциальной или актуальной доступности. Оно в состоянии свободно мигрировать между социальными акторами, не уменьшая своего содержания, пронизывать социальное пространство, создавая информационные каналы для возможного, идеального перемещения товаров и услуг. Знание «потенциально демократично и эгалитарно, но в то же время предлагает корпорациям беспрецедентные возможности финансового капитала — концентрацию богатства и монопольную власть» (Pagano, 2018: 355).

В то же время Штер многократно ссылается на Удо Пагано для подтверждения своего тезиса о том, что в силу частной собственности на знание оно используется фирмами-суперзвездами для укрепления своего монополистического положения на рынке и умножения собственного интеллектуального капитала, цена которого в форме акций на мировых финансовых рынках все больше возрастает. Он привлекает внимание к немислимому, казалось бы, обстоятельству: в обществе знания продолжают властвовать те же силы, которые должны были быть если и не полностью дезавуированы, то хотя бы существенно потеснены властью интеллектуального капитала. Однако знание, обретая форму капитала, становится так же несвободно, как и английская королева, которая царствует, но не правит.

Примечательно, что приводимые Штером факты вносят определенную ясность в экономическую и социальную ситуацию, которую сегодня переживает Германия. Она сильно отстает от США, Японии, Кореи и заметно — от Великобритании и Франции по росту интеллектуального капитала, в частности, по количеству патентов. Еще недавно самая мощная экономика Европы, Германия в 2023 году показала снижение ВВП на 0,3 процента и стала единственной страной «Большой семерки» с отрицательным ростом. В качестве причин этого специалисты отмечают среди прочего слабую степень цифровизации экономики и социальной сферы, дефицит высококвалифицированных кадров и инертность экономического и бюрократического менталитета. Есть основания полагать, что анонсированная в январе 2024 года либерализация закона о гражданстве имеет своей целью частично компенсировать эти проблемы за счет специалистов-мигрантов. Штер не без оснований делает утверждение о «хрупкости» (fragility) современного общества знаний. Однако ситуация в Германии демонстрирует хрупкость как раз развитого индустриального общества, столкнувшегося с вызовами современности. Неожиданный дефицит энергоресурсов, колебания фондового рынка, значительный сегмент традиционного сельскохозяйственного производства, сильная социальная политика — все это не связанные друг с другом, но негативно влияющие

факторы. Они показывают, что развитое индустриальное общество, чтобы разрешить противоречия, непреодолимые в своих собственных рамках, вынуждено выходить за свои пределы, становиться информационным, постиндустриальным обществом знания.

Другая тенденция, отмечаемая Штером, настраивает на более оптимистический лад, но в целом не меняет общую картину. Одновременно с развитием монополистического капитализма знаний возрастает общественное влияние и свобода индивида, вооруженного знанием. В частности, вся повестка климатических изменений и их глобальной угрозы инициирована отдельными учеными — публичными интеллектуалами, демонстрирующими высокую степень ответственности за судьбы человечества. В какой мере их индивидуальные усилия, пусть и получающие широкий общественный резонанс, способны противостоять власти крупных монополий и государственной бюрократии, остается под большим вопросом. Это и вопрос о природе и перспективах современной демократии, которая балансирует на грани с авторитаризмом и все меньше соответствует своему изначальному понятию «власть народа».

Вместе с тем современная ситуация предлагает неожиданные контраргументы к концепции общества знания. Так, лидерство Америки в области роста и накопления интеллектуального капитала, высоких технологий служило верой в ее геополитическое и военное превосходство. В частности, не раз оказывалось, что технологии обеспечивают способность вооруженных сил США совершать быстрые и успешные военные операции. Сегодня этот тезис обнаруживает свой сомнительный характер хотя бы на примере конфликта в Красном море. Пока не просматривается технической возможности принудить к миру йеменских хуситов, хотя ситуация чревата блокированием морских грузовых перевозок и драматическими экономическими последствиями для стран, поддерживающих израильскую войсковую операцию в Газе. Особенности йеменской географии, обеспеченность пусть и не слишком продвинутым вооружением и концентрация религиозно-политической власти позволяют хуситам противостоять мировым технологическим лидерам, поддерживать напряженность в ключевом регионе и оказывать существенное влияние на мировую политическую и экономическую повестку. Тем самым, как и во времена Бэкона, главной силой оказывается вовсе не знание, а политическая и религиозная воля.

Итоги

Так каковы же результаты, социальные последствия силы знания, воплощенной в науке и технике? К счастью, мы пока не осведомлены об этих итогах и никогда не узнаем о них в окончательном варианте. Однако уже сегодня амбивалентность науки и техники встает во весь рост. Не говоря о практических преимуществах и проблемах, которые очевидны, современная ситуация ставит вопрос, известный еще во времена Сократа. Что значит власть над умами? Просветление

или смущение умов? Штер отвечает на этот вопрос так: «...Мы можем заключить, что рост и более широкое распространение знания парадоксальным образом порождает, скорее, большую неопределенность и случайность, чем “притязания на объективное знание” и основанное на нем разрешение социальных разногласий или более успешное господство» (Штер, 2024: 141). Это важнейший вывод, характеризующий современный рационализм и гуманизм, отказывающиеся от безусловного культа знания, разума и науки. Любой культ может и должен быть предметом критической рефлексии и даже противодействия. И потому «хорошее» общество знания — это такое общество, которое ответственно относится к знанию и требует разумной, квалифицированной ответственности за политические и экономические действия. Просвещенность власти и действенность знания идут в таком обществе рука об руку. Штер, говоря о современном, реально существующем обществе знания, выявляет свойственные ему противоречия и подвергает его резкой и обоснованной критике. Основой этой критики является более глубокое знание о знании и знание об обществе, предлагаемое автором и выдвигаемое им в качестве актуальной и перспективной исследовательской программы. Данная критика обладает не только дескриптивным содержанием, не только вскрывает наиболее сложные проблемы современной цивилизации. Она также убеждает в том, что во многом их решение находится в наших руках, во власти людей, производящих и распространяющих знание на территории свободы.

Литература

- Дмитриев И. С. (2022). Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение.
- Касавин И. Т. (2020). Наука как политический субъект // Социологические исследования. № 7. С. 3-14.
- Касавин И. Т. (2006). Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. № 4. С. 5-16.
- Савченко И. А. (2023). Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. № 4. С. 173-189.
- Столярова О. Е. (2015). Исследования науки и технологии в перспективе онтологического поворота. М.: Институт философии: РусайенС.
- Тухватулина Л. А. (2015). Власть под вывеской науки // Эпистемология и философия науки. № 3. С. 246-253.
- Штер Н. (2024). Общества знания / Пер. и ред. И. Т. Касавина. М.: Центр гуманитарных инициатив. (в печати)
- Bloor D. (1976). Knowledge and Social Imagery. L: Routledge & K. Paul.
- Bell D. (1964). The post-industrial society // Technology and Social Change / Eli Ginzberg (ed.). New York: Columbia University Press. P. 44-59.
- Drucker P.F. (1969). The knowledge society // New Society. Vol. 13. P. 343.

- Forman p.* (1971). Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences*. Vol. 3. P. 1-115.
- Fuller S.* (1991). Knowledge and Politics: The Sociology of Knowledge Dispute (Volker Meja and Nico Stehr eds.). *Philosophy in Review*. Vol. 11. № 4, 1. P. 275-7.
- Machin A., Stehr N.* (2018). On the power of scientific knowledge. Interview with Nico Stehr // *Epistemology & Philosophy of Science*. № 1. P. 19-22.
- MacKenzie D.* (2006). *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Marian A.* (ed.) (2018). *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. Cham: Springer. P. 17-31.
- Pagano U.* (2018). Knowledge as a global common and the crisis of the learning economy // *Joseph Stiglitz and the Twenty-First Century Economics* / M. Guzman (ed.). New York: Columbia University Press. P. 353-373.
- Stehr N.* (1994). *Knowledge Societies*. L.: Sage.
- Stehr N.* (2023). *Understanding Society and Knowledge*. Northampton, Mass.: Elgaronline.

The Knowledge Society: Migration Discourse Captured by Capital

Ilya T. Kasavin

Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Expert of the Project Office of Humanitarian Analytics, Moscow City Pedagogical University

Address: Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, 4, Moscow, 129226 Russian Federation

E-mail: itkasavin@gmail.com

The article focuses on the nature of the modern knowledge society, which is characterized, first of all, by a sharp increase in intellectual capital (education, experience, skills, competencies, know-how, the price of personnel in the labor market, patents, etc.) in the amount of capitalization of large business. The knowledge society is a society of high social dynamics, the embodiment of the migration archetype, of rational discourse and intellectual work, which realizes the well-known thesis "Knowledge is power" in a new way. The last three decades, Nico Stehr, a well-known German sociologist and philosopher has been rethinking, reformulating, and substantiating the theories of the knowledge society, which appeared in the 1960s. The article investigates Stehr's concept, expresses arguments in its support, and highlights some blank spots that remain inexplicable for him in the light of the social realities of recent years. The conclusion runs that the knowledge society represents a significant social trend in the formation of science and technology as a leading productive force. It also manifests a form of the urban discourse of freedom — the cognitive self-realization of the individual in the spectrum of wide possibilities of the public good as a subject-matter of epistemological urban studies. However, this trend is countered by modern knowledge capitalism (privatization, fencing off of knowledge, including that with the help of patents), as well as by the high degree of risk and uncertainty that dominates the modern world.

Keywords: knowledge society, knowledge and information, intellectual capital, urban discourse of freedom, epistemological urban studies, knowledge capitalism, patents, fencing off of knowledge, social fragility.

References

- Bloor D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*, London: Routledge & K. Paul.
- Bell D. (1964) The post-industrial society. *Technology and Social Change* (Eli Ginzberg ed.), New York: Columbia University Press, pp. 44-59.
- Dmitriev I. S. (2022) *Ostrov koncentrirovannogo schastya. Sudba Frensisia Bekona*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Drucker P.F. (1969) The knowledge society. *New Society*, vol. 13, pp. 343.
- Forman p. (1971) Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment. *Historical Studies in the Physical Sciences*, vol. 3, pp. 1-115.
- Fuller S. (1991) Knowledge and Politics: The Sociology of Knowledge Dispute (Volker Meja and Nico Stehr eds.). *Philosophy in Review*, vol. 11, no 4, 1, pp. 275-7.
- Kasavin I.T. (2020) Nauka kak politicheskij subject. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 3-14.
- Kasavin I.T. (2006) Diskurs-analiz kak mezhdisciplinarnyj metod gumanitarnyh nauk. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 4, pp. 5-16.
- Machin A., Stehr N. (2018) On the power of scientific knowledge. Interview with Nico Stehr. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 1, pp. 19-22.
- MacKenzie D. (2006) *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*, Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Marian A. (ed.) (2018) *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*, Cham: Springer, pp. 17-31.
- Pagano U. (2018) Knowledge as a global common and the crisis of the learning economy/ *Joseph Stiglitz and the Twenty-First Century Economics* (Martin Guzman ed.), New York: Columbia University Press, pp. 353-373.
- Savchenko I. A. (2023) Vektor Shtera: znanie v koordinatah goroda. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 4, pp. 173-189.
- Stehr N. (1994) *Knowledge Societies*, L.: Sage.
- Stehr N. (2023) *Understanding Society and Knowledge*, Northampton, Mass.: Elgaronline.
- Stehr N. (2024) Knowledge societies. M.: Center humanitarian initiatives (in print). Translated and edited by Ilya Kasavin.
- Stolyarova O.E. (2015) *Issledovaniya nauki i texnologii v perspektive ontologicheskogo povorota*, Moscow: Institut filosofii: Rusajens.
- Tukhvatulina L. A. (2015) Vlast pod vyveskoj nauki. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 3, pp. 246-253.

Взлет и падение культурного империализма: исторический и критический обзор

Шербол Жапаралиев

PhD (массовые коммуникации и медиаисследования), старший преподаватель, Ошский государственный университет

Адрес: ул. Ленина, 331, г. Ош, 723500 Кыргызстан

E-mail: shjaparaliev@oshsu.kg

Сымбат Эсенкан кызы

PhD (исторические науки), преподаватель, Ошский государственный университет

Адрес: ул. Ленина, 331, г. Ош, 723500 Кыргызстан

E-mail: s.esenkankyzy@oshsu.kg

Данная статья представляет из себя исторический и аналитический обзор концепции культурного империализма, и предлагает критический анализ его воздействия. Авторы обращаются к западным первоисточникам периода с 1960-х до начала 2000-х годов, когда обсуждение культурного империализма было наиболее интенсивным. Статья акцентирует внимание на важных этапах формирования и развития культурного империализма, начиная с его зарождения в эпоху колониализма, концептуализации в единую систему в работах Герберта Шиллера и до современных проявлений в глобализованном мире. Рассматривается актуальность культурного империализма в контексте современного мира, опираясь на литературу 2010-х и 2020-х годов. Отмечается марксистский взгляд на свободный обмен информацией между культурами, его неравные и экономически несправедливые условия. Критический анализ позволяет оценить как положительные, так и негативные подходы к исследованиям культурного империализма, выявить противоречия и дискуссии о возможных путях его преодоления или изменения. Так, бурная реакция на знаменитый отчет комиссии Макбрайда 1980 года показала, что проблемы культурных взаимоотношений в первую очередь обусловлены экономическими факторами, и без решения экономических проблем не удастся решить и культурные. В последнем разделе статьи описывается, как экономический подъем стран третьего мира повлек за собой и бурный поток культурной продукции из этого региона. Статья направлена на стимулирование дальнейших исследований и содействие более глубокому пониманию динамики культурных процессов в современном мире.

Ключевые слова: культурный империализм, свободный поток информации, комиссия Макбрайда, NWICO, критический подход, глобализация, век Азии

Герберт Шиллер — зачинатель концепции

Хотя такие выражения, как «культурный империализм», «культурное угнетение», «культурное давление» и «культурное навязывание», встречаются еще в работах Франца Фанона конца 1950-х и начала 1960-х годов (Fanon, 1963: 160; 1965: 72, 84, 91; 2008: 148-151), «отцом» данного течения, безусловно, считается американский медиакритик и социолог Герберт Шиллер (Herbert Schiller).

В конце 1960-х — начале 1970-х годов Шиллер привнес идеи политической экономики в среду массовых коммуникаций, где до этого упор делался на модерни-

зирующую силу СМИ в странах третьего мира, а вопросы собственности, контроля содержания и коммерциализации СМИ почти не поднимались. Основной темой теории модернизации, вошедшей в моду после Второй мировой войны, было влияние средств массовой информации на развитие и преобразование «отсталых» обществ. Примером может служить знаменитая публикация 1958 года Дэниела Лернера (Daniel Lerner) *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East* (Уходящее традиционное общество: модернизация Ближнего Востока). Однако подобные работы игнорировали вопросы о том, кто контролирует СМИ, в чьих интересах и при каких идеологических и культурных условиях реализуется их влияние (Boyd-Barrett, 1997: 187).

В середине 1960-х годов Шиллер начал активно исследовать средства массовой коммуникации, рассматривая их как неотъемлемую часть американского империализма. Его книга *Mass Communications and American Empire* (Массовые коммуникации и американская империя), опубликованная в 1969 году, изначально не привлекла особого внимания в США. В то время как Шиллера в Америке читала небольшая аудитория, его оппозиционный подход к традиционной исследовательской парадигме в области массовых коммуникаций нашел поддержку за рубежом (Maxwell, 2003: 27; Thompson, 1995: 165). Теоретик модернизации Лернер, в те годы один из пионеров массмедиа в США, считал антиимпериалистические взгляды Шиллера наивными. Ведущие американские СМИ также игнорировали Шиллера, как и других критически настроенных мыслителей (Mowlana, 2001: 24). В Соединенных Штатах исследования международной коммуникации под руководством таких именитых исследователей, как Дэниел Лернер, Уилбур Шрамм (Wilbur Schramm) и Итиэль де Сола Пул (Ithiel de Sola Pool), отличались антикоммунистической и прозападной ориентацией, соответствия внешней политике США (Maxwell, 2003: 26).

Впрочем, работы Шиллера появились в самый подходящий исторический момент, ведь до него никто в сфере массмедиа Соединенных Штатов в таком остром оппозиционном стиле не писал. При постколониализме, когда у стран третьего мира возникало осознание своей независимости от западных держав, международные организации, такие как *Движение неприсоединения* (Non-Aligned Movement) и *Группа 77* (G-77), поставили под сомнение гегемонию США (Mowlana, 2001: 23). Это стимулировало исследования и привело в конце 1970-х — начале 1980-х годов к дискуссиям о Новом мировом информационном и коммуникационном порядке (NWICO)¹. Работы Шиллера, особенно *Mass Communications and American Empire* (Массовые коммуникации и американская империя), *The Mind Managers* (Манипуляторы сознанием) и *Communication and Cultural Domination* (Коммуникация и культурное господство), привели к распространению его идей в мире. Благодаря переводам на различные языки Шиллер стал более известен в незападных странах (Mowlana, 2001: 24). В конечном счете, наряду с Ноамом Хомским, Грэхемом

1. New World Information and Communication Order (NWICO).

Мердоком (Graham Murdock) и Арманом Маттелартом (Armand Mattelart), Герберт Шиллер по праву считается одной из ведущих фигур в области критических коммуникационных исследований.

Сущность культурного империализма: свободный поток информации между неравными игроками

Одного-единственного определения культурного империализма быть не может, но всегда подразумеваются империалистический контроль и доминирование в сфере культуры. Культурный империализм может сочетать в себе такие понятия, как «гегемония центра над периферией», «распространение в мире западных, в частности американских, ценностей и образа жизни», «культура потребления», «культурное отчуждение» и «односторонний диспропорциональный поток информации с Запада на Восток».

Аргументы, вдохновленные марксизмом, подчеркивали экономическую, политическую и военную силу различных стран и континентов («базис»), где культурный империализм проявлялся уже в виде идеологического господства одних стран и народов над другими («надстройка»). Многочисленные определения культурного империализма в конечном счете сводятся к неравному обмену культурными продуктами (Thompson, 1995: 173; Tomlinson, 1991: 176; Mattelart, Mattelart, 1995: 66). Например, согласно турецкому исследователю Тайяру Ары, цель культурного империализма — изменение властных отношений между двумя и более странами посредством завоевания и контроля национального сознания, без прямого военного вторжения (Ari, 1999: 227). Другой турецкий автор, Джан Дюндар, саркастически высказывается об одностороннем культурном потоке: «Если в этой маленькой деревне² люди будут смотреть CNN, танцевать под MTV, пить только кока-колу, кушать гамбургеры, а еще проливать слезы за Короля Льва и радоваться только что родившейся панде в нью-йоркском зоопарке, то в ней я жить не собираюсь» (Dündar, 2008: 152). Для Кееса Хамелинка (Cees Jan Hamelink) культурный империализм, или культурная синхронизация, как он предпочитает называть, означает процесс, в котором культурные блага перемещаются в основном в одном направлении (Hamelink, 1983: 5). Дэвид Морли (David Morley) и Кевин Робинс (Kevin Robins) описывают подобный односторонний «диалог» фразой «Запад говорит, а остальные слушают»³ (Morley, Robins, 1995: 126).

Это значит, что из США в страны третьего мира поступает огромный поток медиапродукции, тогда как продукты из стран третьего мира почти не достигают США, и если им это удастся, то это всего лишь «капля в море». Более того, даже этот незначительный обратный поток в основном контролируется представителями или владельцами западных компаний (Boyd-Barrett, 1979: 117).

2. Имеется в виду глобальная деревня Маршалла Маклюэна. — *Прим. авт.*

3. "The West speaks and the Rest listen" (Morley, Robins, 1995: 126).

Хотя политическому колониализму пришел конец после окончания Второй мировой войны, потребовалось еще двадцать лет, чтобы понять, что культурный колониализм по-прежнему играет роль эффективного инструмента сохранения старого порядка (Schiller, 1978: 35). В любом случае экономический «базис» остается определяющим, тогда как культурная «надстройка» представляется во многом продолжением экономических отношений (Vincent, 1999: 181, 184). Говоря о 1970-х годах, Элиу Кац (Elihu Katz) и Джордж Ведделл (George Wedell) обращают внимание на то, что наиболее важным препятствием для стран третьего мира в развитии собственных национальных медиасекторов является экономическая проблема. Если в середине 1970-х годов в развивающихся странах производство одного часа телевизионных программ составляло \$500, то готовую программу из развитых стран они могли купить гораздо дешевле. Например, в 1974 году американские сериалы экспортировались в Иран в среднем по \$300–400, в Таиланд по \$250–300 и в Нигерию по \$60 за один час (Katz, Wedell, 1977: 163). К тому же не стоит забывать, что продукция западных стран намного более качественная, чем их отечественная. В этот период странами третьего мира, менее всего зависящими от иностранной медиапродукции, были Индия (10%), Сирия (20%), Уганда (19%), Тунис (18%), Турция (21%), Пакистан (30%). Среди стран, импортировавших больше всего иностранной медиапродукции, — Сенегал (75%), Катар (79%), Гватемала (82%) и Мадагаскар (73%) (Lee, 1980: 239-243).

Шиллер в своей книге *Communication and Cultural Domination* обращается к *мир-системе Модерна* Иммануила Валлерстайна и дает одно из наиболее цитируемых определений культурного империализма:

Культурный империализм развивается в мир-системе, внутри которой существует единый рынок, а условия и характер производства определяются в ядре этого рынка и распространяются за его пределы. Культурно-коммуникационный сектор мир-системы обязательно развивается в соответствии с целями и задачами общей системы и способствует их достижению. Односторонний поток информации от ядра к периферии представляет собой реальность власти. То же самое происходит и с продвижением одного языка — английского (Schiller, 1976: 9).

Такая односторонняя империалистическая политика, как отмечает французский экономист Жан-Мари Альбертини (Jean-Marie Albertini), основана на двух фундаментальных расистских идеях. Во-первых, для любого человека якобы нет ничего лучше, чем быть похожим на европейца, а потому западная цивилизация должна быть распространена на «варварские» народы Африки, Азии и Латинской Америки. Во-вторых, никакая другая цивилизация не может быть лучше и выше европейской (Albertini, 1981: 93).

Теоретики антиимпериализма критикуют принципы «свободной торговли» и «свободного обмена информацией», рассматривая их как инструменты империализма и средства эксплуатации со стороны экономических гегемонов. По их мне-

нию, свободную торговлю, свободный обмен информацией и все возможные «свободы» поддерживают те, кто заранее знает, что выйдут победителями в этой гонке. Если в колониальный период, до середины XX века, имели место отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми/колониями, то после Второй мировой войны это такие же эксплуататорские отношения, но только между «независимыми» государствами. Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО) и другие, являясь защитниками и служителями капиталистической идеологии, призваны сохранять бедные страны в зависимости от развитых.

МВФ, например, с момента своего создания находится под влиянием самого сильного своего члена, Соединенных Штатов. До 1956 года решения МВФ фактически принимались Министерством финансов США. Если влияние Соединенных Штатов и уменьшилось после усиления европейских стран и Японии в 1960-х годах, все же можно с уверенностью сказать, что Фонд по-прежнему не принимает противоречащие интересам Соединенных Штатов решения (Paуer, 1974: 217). МВФ используется как инструмент для подчинения бедных стран финансовой дисциплине империалистических держав (Paуer, 1974: x) и требует от стран-заемщиков осуществлять «программы структурной регулировки» взамен предоставленным кредитам (Steger, 2003: 52). Международные организации, вместе с Организацией Объединенных Наций, являются чисто американскими проектами и ключевыми инструментами Соединенных Штатов для сохранения своего мирового господства. По мнению некоторых аналитиков, если США лишатся этих привилегий, то не смогут поддерживать свой статус сверхдержавы только за счет экономической мощи (Callinicos, 2009: 197). В связи с этим принцип «свободного потока информации» (free flow of information) призван защищать не реальную свободу слова и печати, а скорее интересы могущественных компаний, владеющих средствами массовой информации, а в более широком смысле, проамериканскую систему (Schiller, 1974; Sawhney, 2007: 48; Chomsky, 2014: 111; Жапаралиев, 2023: 123).

Схожую мысль высказывает американский политолог правого толка Сэмюэл Хантингтон. По его словам, решения Совета Безопасности ООН или Международного валютного фонда, отражающие интересы западных стран, преподносятся как всего мирового сообщества. Само словосочетание «мировое сообщество» используется для придания глобальной легитимности действиям США и западных стран. Через МВФ и международные экономические институты Запад реализует свои собственные экономические интересы и навязывает свою экономическую политику другим странам (Huntington, 1993: 39).

Американский медиакритик Эдвард Херман рассматривает Новый мировой порядок неолиберальной политики как более сложную фазу империализма, при котором свободная торговля, гуманитарная и финансовая помощь, кредитная система, управление долгами и международное право используются для того, чтобы держать страны третьего мира в постоянной зависимости (Herman, 1995: 123). Как время от времени можно увидеть, враждебность США к определенной стране

приводит не только к прямым санкциям США, но и к санкциям со стороны других, приглашаемых или вынуждаемых вводить аналогичные «карательные» меры против «враждебной» страны, к которым присоединяются и международные организации. Помощь стране, «которую США решились “уничтожить”, безоговорочно рассматривается как нечто незаконное» (Chomsky, 1999, 2005: 30, 66; Wen, 2020: 105). В современной истории немало событий, подтверждающих этот факт. Среди недавних, но уже забытых можно упомянуть политический конфликт между президентом Николасом Мадуро и оппозиционным лидером Хуаном Гуайдо в Венесуэле в 2019 году⁴.

Таким образом, интересы «системы» соблюдаются как в экономической, так и в политической и правовой сферах. Иными словами, только западные страны имеют право определять «правильную» экономику, «правильную» политику и «правильное» право на международной арене, опираясь на интересы сверхдержав, особенно США (Chomsky, 2006: 1-2, Chapter 2).

Критика «навязывания культуры»

Одной из важных проблем, связанных с тезисом о культурном империализме, является аккультурация, или «навязывание культуры». Аккультурация представляет собой процесс, при котором одна культура заимствует элементы другой, что со временем может привести к постепенной утрате культурной идентичности принимающей стороны. Заявляя о динамичности культурных процессов, Дэвид Хойман (David Hojman) пишет: «Макдоналдизация всего мира, кажется, неизбежна, но есть гамбургер из “Макдоналдса” и носить американские джинсы можно, и не теряя наиболее важных аспектов своей национальной культуры» (1999: 176). Действительно, бургер из «Макдоналдса» и американские джинсы стали одними из главных символов культурного империализма, но было бы чрезмерным упро-

4. Тысячи граждан вышли на улицы в Венесуэле с требованием отставки президента Николаса Мадуро. По данным на 2018 год, уровень бедности в стране составил 33%, безработицы — 34%, а инфляции — 1 370 000% (источник: *CurrentTime.tv*, *RFE/RL*). Мировое сообщество обратило внимание на политико-экономический кризис в Венесуэле после того, как лидер оппозиции Хуан Гуайдо провозгласил себя президентом. Ряд стран, включая США, Канаду, многие европейские и латиноамериканские государства, признали Гуайдо в качестве президента, в то время как Россия, Китай и Турция выразили поддержку Николасу Мадуро. Западные СМИ начали кампанию против Мадуро и в поддержку Гуайдо. Банк Англии отказался вернуть Венесуэле золото на сумму 1,2 миллиарда долларов (источник: *Bloomberg*, *RT*, *CNN*). США заявили, что отреагируют на любую угрозу со стороны Венесуэлы, включая арест Гуайдо (источник: *BBC*, *RT*). США ввели экономические санкции против венесуэльской государственной нефтяной компании *Petroleos de Venezuela* (источник: *Voice of America*). США передали контроль над некоторыми активами Венесуэлы в американских банках лидеру оппозиции Гуайдо (источник: *Voice of America*). Вице-президент США Майк Пенс призвал страны Латинской Америки ввести санкции в отношении Венесуэлы (источник: *Voice of America*). США потребовали от своих и европейских компаний не покупать нефть у Венесуэлы и пригрозили санкциями (источник: *Voice of America*). Президент США Дональд Трамп призвал венесуэльских военных и политиков встать на сторону оппозиционного лидера Гуайдо (источник: *Euronews*) (Zharparaliev, 2020: 51).

щением сказать, что любую местную культуру можно «захватить» фастфудом и атрибутами одежды.

Очевидно, что идея возникновения единой и всеобъемлющей мировой культуры через навязывание определенных культурных стандартов кажется наивной. Сложно представить себе полностью унифицированный и однообразный мир, какой иногда изображается в мрачных и футуристических образах в кино. Американский социолог Джордж Ритцер дал взвешенную оценку влиянию американской культуры на другие страны: «Хотя мы будем продолжать видеть глобальное разнообразие, многие, а возможно, в конечном итоге все эти культуры будут затронуты американским экспортом. Америка станет практически “второй культурой” каждого человека» (Ritzer, 1998: 89). Ранее исследователи также отмечали невозможность единой «мировой культуры» (Featherstone, 1990: 10; Hannerz, 1990: 237; Smith, 1990: 171).

Либералы-плюралисты подчеркивают важность открытого и искреннего взаимодействия между культурами. Они считают, что культурный протекционизм может причинить только вред: закрываясь от внешнего мира, общество упускает возможность обогащения через обмен опытом и идеями различных культур, а также возможность адаптации к новым инновациям (Lee, 1980: 53). По мнению Пула (Pool, 1975: 53), культура в целом не нуждается в защите. Если она удовлетворяет потребности своих граждан, они не будут обращаться к другим. Цзинь-Цюань Ли выражает схожую мысль следующим сравнением: «Если бы Китайская империя была достаточно благополучной в годы Опиумных войн, если бы местные купцы поставляли товары, удовлетворяющие общественную потребность, людям не пришлось бы искать опиум у британцев» (Lee, 1980: 54). Аккультурация охватывает различные сферы жизни, включая пищу, одежду, музыку, кино, развлечения и отдых, и кажется неизбежной. Однако попытки оправдать Опиумные войны, связывая их с «недостаточным уровнем культурного развития» Китая, как это делает Ли, — верх равнодушия, цинизма и (намеренное или непреднамеренное) проявление имперских амбиций.

Исследователи вроде Цзинь-Цюань Ли и Оливер Бойд-Барретт не одобряют использование понятия «культурного империализма» для описания несбалансированного глобального медиапотока. Они утверждают, что хотя средства массовой информации являются важной частью культуры, само понятие культуры включает в себя гораздо более широкий спектр феноменов, например, традиции, религия, семья, язык, искусство, история, образование, социальные нормы и ценности. Поэтому они предлагают использовать термин «медиаимпериализм», полнее охватывающий данную область исследования. Неомарксисты используют «культурный империализм», тогда как немарксисты отдают предпочтение более конкретной и понятной концепции «медиаимпериализма» (Boyd-Barrett, 1979: 119; Lee, 1980: 25, 41-42; Tomlinson, 1991: 20-23).

Марксистская теория антиимпериализма вместе с культурным империализмом подвергаются критике по трем основным аспектам: (1) чрезмерный акцент на эконо-

номическую и культурную зависимость, (2) экономический детерминизм и (3) пренебрежение внутренними факторами развития государства, отдавая приоритет внешним (международным), как это, например, делают представители мир-системного анализа. Хотя приверженцы либеральной парадигмы критикуют антиимпериалистические теории за их постоянное «преувеличение» существующих проблем, видно, и они сами не смогли обойтись без этого. Во-первых, культурный империализм никогда не продвигал культурный протекционизм в смысле изоляции от мира, и не подразумевал, как выразился Цзинь-Цюань Ли (Lee, 1980: 53), «неразумно закрывать свои двери» перед остальным миром. Цель культурного империализма, наряду с мир-системным анализом и теорией зависимого развития, состояла в том, чтобы заложить основу для перехода от неравного мирового порядка к более эгалитарному новому порядку. Равно как выявить недостатки существующей системы и выработать идеи для их решения. Эти теоретики, которых Пул называет «разгневанными радикалами, нападающими на свободный поток информации» (Pool, 1975: 50), не пытаются избегать глобальной культурной интеграции, а скорее стремятся найти способы отказаться от пассивной роли стран третьего мира в этом процессе.

Данный вопрос заслуживает рассмотрения и из иной перспективы. В своей книге *Communication and Cultural Domination* Герберт Шиллер очень кстати критикует дискурс о «свободном потоке информации». Самые упорные сторонники принципа свободного распространения информации, США, стали отстаивать эту позицию только после того, как закрепили за собой положение главной капиталистической державы в мире (Schiller, 1976: Chapter 2; Maxwell, 2003: 72). До этого они сами пытались противостоять британскому порядку «свободного потока» с помощью протекционистской политики. Так, в рамках «борьбы против британской монополии» в 1919 году путем захвата на территории США мощной британской радиовещательной компании American Marconi была создана Радиокорпорация Америки (Radio Corporation of America, RCA). В рамках новой коммуникационной политики США все активы American Marconi перешли RCA (Barnouw, 1966: 54-60; Engelman, 1996: 16; Walker, 2001: 28-29), а акции RCA были разделены между американскими компаниями General Electric — 30,1%, Westinghouse — 20,6%, AT&T — 10,3%, United Fruit — 4,1% и другие — 34,9% (Barnouw, 1966: 73; Barnouw, 1975: 22). Политика, предусматривающая свободное движение товаров и информации, часто продвигается теми, кто заранее знает, что выиграет в этой гонке. Не будет преувеличением сказать, что любая страна, сумевшая накопить достаточную политическую, военную и экономическую мощь, будет бороться за свободное движение товаров и информации.

Кульминация дискуссий вокруг культурного империализма и фиаско комиссии Макбрайда

Проект Нового мирового информационного и коммуникационного порядка (NWICO) 1970-х годов, поддерживаемый ЮНЕСКО, продемонстрировал невозможность решения культурного вопроса вне экономических и политических сфер.

Страны третьего мира настаивали на установлении нового, более справедливого и эффективного информационного и коммуникационного порядка (UNESCO, 1981: 35), и реформирования диспропорционального потока информации между развитыми и развивающимися странами, который, как они считали, был наследием колониального прошлого. Говоря иначе, принцип «свободного потока информации» рассматривался лишь как односторонний поток из стран центра в страны периферии. Они предлагали более «сбалансированный поток», в котором страны третьего мира также могли бы принимать активное участие и в конечном итоге прийти к «деколонизации информации». С этой целью Международная комиссия по изучению проблем коммуникации, также известная как комиссия Макбрайда⁵, начав свою работу в 1977 году, завершила ее в 1980-м отчетом *Many Voices, One World*. Среди членов комиссии из пятнадцати стран, включая СССР, также были колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес и канадский философ Маршалл Маклюэн⁶ (UNESCO, 1980; McPhail, 1981: Chapter 8; Hamelink, 1983: Chapter 3; Golding, Harris, 1999: Chapter 4-5; Boyd-Barrett, 2015: 26).

В своем докладе *Many Voices, One World* комиссия Макбрайда представила обширный список выводов и рекомендаций, включающий 82 пункта, где основной упор делался на «ликвидацию существующего коммуникационного разрыва между странами, посредством перехода от неблагополучия и зависимости к более равным возможностям». Этот принцип поддерживался основным правом, которое гласило: «Все люди имеют неотъемлемое право на лучшую жизнь, которое должно гарантировать социальный минимум на национальном и глобальном уровнях» (UNESCO, 1980: 254).

Обозначенная комиссией Макбрайда проблема связана не только со странами третьего мира. После проекта NWICO и даже годами ранее до него во многих развитых западных странах часто поднимался вопрос о доминировании американских телевизионных программ (некоторые называют это «медиаимпериализмом»). В период работы комиссии Макбрайда множество исследователей и экспертов из Канады, Франции, ФРГ и Швеции выражали недовольство «американским доминированием» в культурной жизни своих стран. Но в конечном счете и они придерживались принципа свободы слова как неразрушимого гаранта свободных рыночных отношений (Roach, 1999: 106-109).

В развитых западных странах, особенно в США и Великобритании, политики, медиаорганизации и журналисты восприняли попытки NWICO как угрозу свободе слова/печати и свободному распространению информации, а потому остро критиковали за это ЮНЕСКО (UNESCO, 1980: 41-42). Однако было замечено, что дебаты вокруг NWICO в британской и американской прессе изобиловали предубеждениями и искажениями. Образ NWICO создавался в дискурсе враждебной обстановки холодной войны, превалировали суждения о том, что ЮНЕСКО «поддерживают коммунисты» и что ЮНЕСКО пытается «сковать цепями» свободную

5. По имени главы комиссии Шона Макбрайда, бывшего министра иностранных дел Республики Ирландия (1948–1951) и лауреата Нобелевской премии мира 1974 года.

6. Позднее Маклюэна заменила журналистка Бетти Зиммерман.

прессу (Roach, 1999: 104). Некоторые обозреватели пошли еще дальше и увидели в попытках третьего мира на свободный и сбалансированный поток признаков «оружейного контроля над умами на континентальном уровне» (Hamelink, 1983: 60).

В конце концов в 1984 году США и 1985 году Великобритания объявили о выходе из ЮНЕСКО, а вместе с ними ушла и треть всего бюджета организации (взносы одних только Соединенных Штатов составлял почти 25% бюджета ЮНЕСКО (Vincent, 1999: 176)). Таким образом, одна из самых влиятельных инициатив в новейшей истории, направленная на культурную трансформацию в глобальном масштабе, уперлась в «экономическую» стену и потерпела фиаско. Это событие разделило историю международных исследований массовой коммуникации на «до» и «после» дискуссий NWICO.

Таким образом, NWICO по праву можно рассматривать как логическое продолжение *Движения неприсоединения* 1955 года⁷ и волн национально-освободительных движений в Азии и Африки 1960–1970-х годов (Roach, 1999: 94).

Культурный империализм — проблема не только «обиженного» и «разгневанного» третьего мира

Дебаты о культурном империализме и медиаимпериализме не касаются исключительно «обиженных» и «разгневанных» стран третьего мира, как это часто представляется. По крайней мере до 1990-х годов превосходство и монополия США в мировой телекоммуникационной отрасли были настолько бесспорными, что и развитые западные страны опасались стать культурными колониями США.

В номере европейской еженедельной газеты *The European* от 28 августа 1997 года была опубликована статья, в которой компанию *Disney* обвиняли в разграблении культурного наследия Европы (рис.). На первой полосе газеты заголовок гласил: «Грабеж! Дисней рвет наше наследие», а под ним был изображен диснеевский персонаж Геркулес, разрывающий книги европейских авторов. Рядом с Геркулесом Микки Маус считает деньги (Robertson, 2010: 206).

Европе пришлось принять множество протекционистских мер, чтобы защитить свою «культурную идентичность» от «материалистических» Соединенных Штатов (Ang, 1985: 2). Телеканал *Euronews*, основанный в 1993 году, можно считать попыткой представить мировой аудитории европейскую точку зрения как ответ американскому телеканалу *CNN*. Одновременно было реализовано множество других проектов и программ по «поддержанию европейской культуры». Среди них программа MEDIA⁸ обеспечивает производство, распространение, обучение и финансовую поддержку аудиовизуальной индустрии по всей Европе. Ее бюджет составлял 29 миллионов долларов за 1987–1990 годы, затем был увеличен до 270 млн долларов за 1991–1995 годы и составил уже 510 млн долларов в 1996–2000 годах (Веж, 2003: 25).

7. По сути, международная организация *Движения неприсоединения* действует и сегодня.

8. Аббревиатура от французского “Mesures pour Encourager le Développement de L’Industrie Audiovisuelle” (MEDIA); на русском: «Меры по поддержке развития аудиовизуальной отрасли».

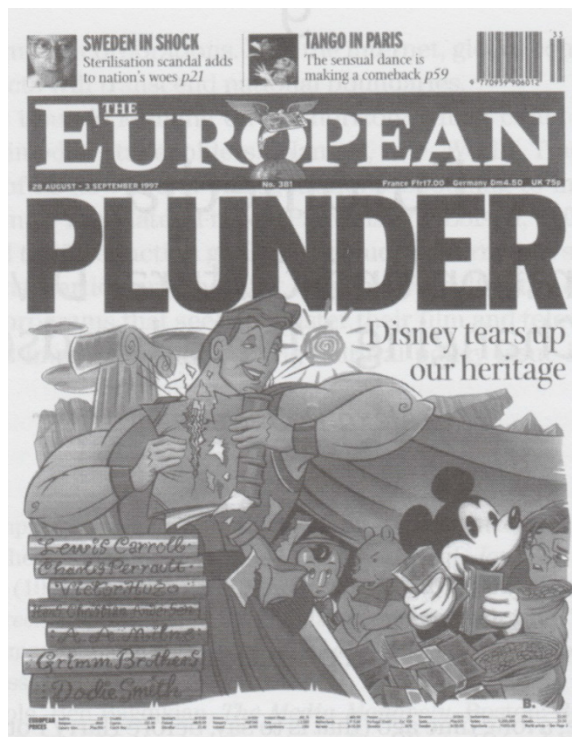

Рис. «Грабеж! Дисней рвет наше наследие». *The European*, 28 августа 1997 г. (Robertson, 2010: 206)

В дополнение к поддержке местной культурной продукции для противодействия иностранным монополиям, особенно американским, на национальном уровне были введены ограничения на импорт телевизионных программ и фильмов. Например, во Франции не менее 50% телевизионного контента должно быть европейского производства (Hedges, 1995: 153). Дания пошла еще дальше, попытавшись снять телесериал «Даллас» с телевещания на основании его «непригодности для своих граждан», но эта попытка провалилась из-за широкой общественной реакции (Wriston, 1992: 142). Хотя сериал «Даллас» был невероятно популярен в Европе в начале 1980-х годов, его восприятие было двойственным: граждане его любили, тогда как в высших кругах он рассматривался как угроза распространения американской потребительской культуры. В 1983 году министр культуры Франции Жек Ланг (Jack Lang) назвал «Даллас» «символом американского культурного империализма» (Ang, 1985: 2).

Несмотря на все усилия по «европеизации» Европы, местные производители не смогли серьезно конкурировать с американскими. В 1999 году доля американских фильмов на европейском рынке составляла от 60 до 90%, а в целом по Европейскому союзу — 69,1% (Ulusay, 2003: 62). Доля европейских фильмов на рынке США, в свою очередь, составляла всего 1–2%. Подобная картина сохраняется

и сегодня: в 2016 году доля американских фильмов на европейском рынке составила 66,2%, в то время как доля европейских фильмов в США — лишь 2%. А в 2022 году доля американских фильмов в Европе составила 64,5% (European Audiovisual Observatory [ЕАО], 2017: 39; ЕАО, 2018: 14; ЕАО, 2023: 14). Более того, учитывая экономические возможности различных стран, встал вопрос о том, что относительно небольшие европейские государства могут подвергаться культурному доминированию не только со стороны США, но и со стороны других крупных европейских государств (Servaes, 1993).

Ради справедливости, нужно заметить, что аналогичные опасения относительно «культурного нашествия» извне наблюдались и в Соединенных Штатах. В 1980-е годы японская экономика переживала быстрый рост, а Япония становилась одним из мировых экономических лидеров. Это создало конкуренцию для американской промышленности, особенно в сферах автомобильной и электронной промышленности. Японские компании, такие как *Toyota*, *Sony* и *Panasonic*, начали захватывать значительные доли рынка в США. Наконец, распространение японской культуры, включая фильмы, музыку, аниме и видеоигры, вызывало беспокойство о сохранении собственной культурной идентичности в условиях влияния японской культуры.

Сегодня не только США, но и весь западный мир, включая Европу, опасается усиления на мировой арене Китая (Hsiao, Lin, 2009: 7, 15; Li, 2022: 227). Уже вводятся различные удерживающие санкции против Китая (Wen, 2020: 102), что свидетельствует о том, что страх перед культурным доминированием извне присущ не только «обиженным» странам третьего мира, но и актуален для развитых западных наций.

Подъем Китая и мирового большинства: новый вектор культурно-технологического обмена

Подъем Китая в XXI веке представляет собой одно из наиболее значимых явлений в современной мировой истории. Преобразования, начатые в конце XX века, привели к фундаментальным изменениям в экономической, политической и социальной сферах страны, что позволило Китаю выйти на ведущие позиции в мировой иерархии, внося важные изменения в глобальный баланс сил. Сегодня Китай выступает как новая глобальная сила, влияние которой распространяется на многие аспекты международной политики и экономики, что приводит к обсуждению его в контексте империализма (Ning, 2016: 162-163; Pillsbury, 2016; Kolodko, 2020: 3, 6; Li, 2022: 6).

Китай стал одной из крупнейших экономик мира, и важную роль в этом процессе сыграла интеграция Китая в глобальную экономическую систему, включая вступление в ВТО в 2001 году. Китайские компании стали активными участниками мирового рынка, а китайская продукция — неотъемлемой частью глобальных цепочек поставок. Китай также стал мировым лидером в сфере телекоммуникаций и цифровых технологий. Такие компании, как *Huawei*, *Tencent* и *Alibaba*,

приобрели значительное влияние на международном уровне. Государственные инвестиции в искусственный интеллект, робототехнику и квантовые вычисления подтверждают амбиции Китая в стремлении стать технологической сверхдержавой (Kachiga, 2021: 132). В 2023 году 135 китайских компаний вошли в список 500 крупнейших мировых компаний по версии *Fortune Global 500*⁹. Влияние Китая заметно в различных аспектах, включая экономику, политику и культуру, он вытеснил Соединенные Штаты как крупнейшую экономическую державу мира (Roudometof, 2016: 150).

В XXI веке внешняя политика Китая характеризуется активным участием в международных делах и стремлением укрепить свои позиции на мировой арене. Инициатива «Пояс и путь», запущенная в 2013 году, — пример масштабной внешнеполитической стратегии, направленной на развитие инфраструктуры и экономических связей между Азией, Европой и Африкой. Китай также увеличил свое присутствие в международных организациях, таких как ООН, ВТО и БРИКС. Параллельно с этим Китай активно развивает двусторонние отношения с развивающимися странами, предоставляя кредиты и инвестиции в обмен на политическую поддержку и доступ к природным ресурсам (Ikegami, 2009: 38-39; Engst, 2017: 74; Kolodko, 2020: 32-38; Kachiga, 2021: 111-112). А доступ к природным ресурсам других стран во все времена, как известно, являлся основой имперских амбиций.

Если некоторые политологи предсказывают грядущую войну США и Китая в XXI веке (Huntington, 1996; Mearsheimer, 2001: 375, 389), то представители мир-системного анализа считают, что с падением американской империи возможно два сценария: либо (а) вместе с кризисом мир-системы наступит и конец капитализма, либо (б) капиталистическая система сохранится, но в постзападном мире ее новым центром станет Китай, или, точнее, Восточная Азия (Amin et al., 1982; Wallerstein, 2003; Arrighi, 2007: 178, 311-312; 2010: 381-386). Кроме того, они рассматривают этот процесс не как «подъем», а как «возвращение» Азии. Согласно Андре Гундеру Франку, одному из основоположников мир-системного анализа и теории зависимого развития, европейские государства заняли лидирующие позиции лишь в XIX веке, а до этого на протяжении нескольких веков мир развивался под азиатской гегемонией (Frank, Gills, 1993; Frank, 1998: 263-264).

Китай также проявляет активность, продвигая свою культуру через институты Конфуция, медиа, киноиндустрию и международные мероприятия, такие как Олимпийские игры 2008 года в Пекине. Этот процесс можно рассматривать как форму «мягкой силы» (или культурного империализма), в которой китайские культурные ценности распространяются глобально (Kachiga, 2021: 123; Li, 2022: 189-192). Однако этот подъем не ограничивается лишь Китаем; он отражает возрастание значимости всего Азиатского континента. Страны Азии, такие как Южная Корея, Япония и Индия, вместе с другими акторами мировой политики, вроде стран БРИКС и Ближнего Востока, также активно продвигают свою культуру на миро-

9. Fortune; «Global 500»; <https://fortune.com/ranking/global500/> (дата доступа: 16.06.2024).

вой арене через кино, музыку, туризм, моду и технологии. Этот культурный обмен способствует глобализации и усиливает влияние незападных стран на мировом уровне, демонстрируя разнообразие и богатство культурного наследия значительной части населения Земного шара.

В современном мире очень популярны такие понятия, как «закат американской империи», «возрождение незападного мира», «XXI век — это век Азии» и даже «китайский век» (Fishman, 2005: Chapter 11). Эти вопросы оказались в центре активных дискуссий, преимущественно экономических, но также привлекают внимание ученых из областей политологии, социологии и массовых коммуникаций. Например, в статье «Мы вступили в век Азии, и пути назад нет», опубликованной Всемирным экономическим форумом в 2019 году¹⁰, декларируется, что современный мир переживает сдвиг геополитического центра в сторону Азиатского континента. В XVIII–XIX веках мир стал свидетелем процесса европеизации, когда идеи, культура и экономические системы Европы распространялись по всему миру. В XX веке американизация оказалась доминирующим явлением, отражая влияние США на глобальный мир. Современные исследования указывают на быстрое укрепление азиатского влияния в мировых делах. Этот взгляд на ситуацию находит подтверждение в изменяющейся динамике событий в мировой политике и экономике.

То же самое можно сказать и про производство и распространение медиапродуктов, или в более широком смысле — культурных продуктов. Международные коммуникации долгое время являлись прерогативой и преимуществом развитых стран Запада. Тем не менее события последних десятилетий, такие как стремительное развитие информационных технологий в Южной и Восточной Азии, рост популярности Болливуда, южнокорейских дорам и поп-культуры, японской анимации и компьютерных игр, латиноамериканских и турецких телесериалов, а также круглосуточных новостных каналов по всему восточному миру (вроде *Al Jazeera*, *Al Arabiya*, *Russia Today*, *TRT World*, *CGTN*, *Zee News*, *Press TV*), рассматриваются как факторы, способствующие преодолению привилегированного статуса традиционных (или старых) гегемонов коллективного Запада.

Вместо заключения: глобализация на смену культурному империализму

Одна из основных претензий к культурному империализму заключается в устарелости этого понятия. Колоссальные экономические и политические изменения произошли между периодом 1970–1980-х годов, когда этот тезис появился и обсуждался с большим интересом, и временем после 1990-х годов. Распад советского блока, провал поддерживаемых ЮНЕСКО попыток установить новый эгалитарный информационный порядок, а также волна приватизации, охватившая мир

10. *World Economic Forum*; “We’ve entered the Asian Century and there is no turning back”; <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/has-world-entered-asian-century-what-does-it-mean/> (дата доступа: 22.05.2024).

в 1980–1990-х годах, изменили политические и экономические основы власти в мире. Медиаиндустрия все чаще стала переходить из государственных структур в руки транснациональных корпораций (Thompson, 1995: 169). Экономисты заявляли, что настоящий «американский век» просуществовал до 1970-х годов, а превращение США из страны-кредитора в страну-заемщика началось уже в 1960-е годы (Payer, 1974: 219). Если говорить о медиасфере, то и здесь товары из незападного мира начинают находить свое место в глобальном культурном обмене. К концу XX века американский культурный империализм начал уступать место международной корпоративной культуре. Сегодняшние общества представляют собой гибридные культуры, в которых переплетаются многие ценности, убеждения и жизненные практики.

Сам Герберт Шиллер спустя 23 года после публикации своей знаменитой книги *Mass Communications and American Empire*, в 1992 году писал, что об американском культурном империализме уже не приходится говорить, сегодня это «транснациональное корпоративное культурное доминирование» (Schiller, 1992: 12, 39). Иными словами, хотя культурные «гиганты» никуда не делись, единственно американскими их назвать нельзя: они перешли в транснациональное владение и перестали быть культурным продуктом одной страны.

Такая ситуация толкает исследователей на новые интерпретации. Согласно либерально-плюралистическому направлению, идея о том, что национальные традиции могут быть подвержены «культурной оккупации» иностранными ценностями, может помешать «правильному» пониманию межкультурной коммуникации. По мнению некоторых авторов, более разумным будет признание того, что в современном мире теория глобализации неизбежно должна сместить теорию культурного империализма (Tomlinson, 1991: 175; Thompson, 1995: 173).

В области международных медиаисследований такой переход успешно был реализован за счет концепции *потока и встречного потока* (global flow and contra-flow) Дая Кишана Туссу, отражающей обмен культурными продуктами как традиционных мировых держав, так и восходящих новых. По мнению Туссу, в телекоммуникационной сфере классическая формула «Запад рассказывает, Восток слушает» устаревает, мир движется к поистине глобальной ситуации. Он описывает современный мировой контекст как более глобальный, где происходит активный встречный поток культурной продукции от восточных стран, включая бывшие колонии, к странам Запада. Таким образом, его концепция направлена к замещению традиционных теорий об одностороннем культурном обмене и формулирует новые вызовы для исследователей в области глобальных коммуникаций (Thussu, 2007; 2009: 22).

Хотя тезис о культурном империализме начал терять свое влияние после 1990-х годов, можно сказать, что он до сих пор популярен, особенно в странах третьего мира. Впрочем, и среди европейских и американских исследователей вопросы культурного доминирования, культурной стандартизации, общества потребления и коммодификации культуры продолжают обсуждаться с разных точек зрения.

Такие концепции, как «Макдоналдизация» Джорджа Ритцера (1998, 2015, 2018), «Макмир» Бенджамина Барбера (1995), «Макдиснейзация» Джорджа Ритцера и Аллана Лиски (1997) и «Кока-глобализация» Роберта Фостера (2008) являются результатом работ, проведенных после 1990-х годов. Не следует забывать и о представителях критической парадигмы, считающих глобализацию не чем иным, как прикрытием или кодовым словом для новой волны империализма (Köse et al., 2007; Savran, 2008; Mentan, 2016; Smith, 2016; Wengraf, 2018).

С другой стороны, постколониальные исследования в лице Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Хоми Баба и других занимаются изучением наследия европоцентризма, который продолжает формировать глобальное неравенство и иерархию. Деколониальная теория подчеркивает важность деколонизации знаний и вызова европоцентристским представлениям для создания более инклюзивных и справедливых культурных ландшафтов.

Деколониальные исследователи, такие как Вальтер Миньоло, Анибал Кихано, Артуро Эскобар, Кэтрин Уолш и Дипеш Чакрабартти, утверждают, что знания и культура, которые мы часто воспринимаем как «нормальные» или «правильные», на самом деле навязаны западным миром. Они критикуют западные страны за то, что те считают свои научные и культурные стандарты универсальными, игнорируя и подавляя другие формы знания и культуры, особенно из стран Латинской Америки, Африки и Азии. Они также говорят о необходимости «деколонизации» нашего мышления и децентрализации европейского нарратива о модерне. Это означает, что мы должны переосмыслить и признать ценность различных культурных традиций и знаний, которые были маргинализированы. Ученые считают, что мир станет справедливее, если мы научимся уважать и принимать разнообразие культур и знаний. К этому направлению относится и теория постразвития, критикующая основные парадигмы развития на западных моделях за их неолиберальную направленность и игнорирование культурных, социальных и экологических контекстов стран, которым предназначены эти модели (Quijano, 1993, 2020; Escobar, 1995; Chakrabarty, 2000; Mignolo, 2005, 2011, 2012; Mignolo, Walsh, 2018; Mignolo, Segato, Walsh, 2024).

Итак, устарел ли сегодня культурный империализм? Скорее нет, чем да.

Теория культурного империализма по-прежнему актуальна и вызывает интерес даже в эпоху господства глобализации. Хотя глобализация акцентирует внимание на взаимосвязи, интеграции и устранении барьеров между культурами, выдвигает ценные идеи о взаимосвязи и взаимозависимости в современном мире, теория культурного империализма дополняет ее, обращая внимание на сложности культурного обмена и призывая к критическому анализу вопросов власти, неравенства и идентичности, присущих глобальному культурному обмену. Обе теории способствуют более глубокому пониманию культурной динамики, формирующей наше все более глобализованное общество.

Процесс глокализации, как неизбежная составляющая глобализации, более точно описывает современные процессы. В условиях глокализации международ-

ные компании и идеи адаптируются к местным вкусам и традициям, создавая уникальные продукты и услуги, которые учитывают культурные особенности различных регионов. Этот подход позволяет международным корпорациям успешно интегрироваться в разные культурные контексты, одновременно поддерживая глобальное присутствие и локальную релевантность. Например, крупные международные компании *McDonald's* или *Starbucks* часто видоизменяют свое меню в разных странах, чтобы учитывать местные вкусы и традиции (Vignali, 2001; Ram, 2004; Kobayashi, 2016: 201).

«Европеизацию» Европы следует рассматривать как осознанный процесс глокализации (Esser, 2014; Robertson, 2014), аналогично усилению влияния диаспор восточных народов на Западе, такого как «исламизация» Европы или «латинизация» США (Salamandra, 2002; Falkenhayner, 2014: 79; Göle, 2017). В то время как глобализация часто воспринимается как синоним вестернизации, а точнее, американизации, глокализация представляет собой гораздо более разнообразный и культурно богатый феномен. Другими словами, периферийные культуры движутся к центру, пытаясь деконструировать само понятие центра. Будущее глобальной культуры зависит от взаимодействия между глобализацией и локализацией. Поэтому очень уместно использовать термин «глокализация» для описания такого рода напряженности (Ning, 2016: 161, 167; Roudometof, 2016: 8, 141).

Если начиная с XV века Европа начала колонизировать остальной Свет, то с конца XX века остальной Свет пошел по пути «колонизации» Запада. Глобализация сейчас представляет собой лишь частичную американизацию (Giddens, 2000: 28; Goody, 2010: 125). Скорее всего, наблюдаемая тенденция, описываемая Энтони Гидденсом как «обратная колонизация», то есть влияние незападных стран на события в западном мире (2000: 28), становится все более неизбежной новой мировой реальностью. Значительный интерес вызывает тот факт, что данный феномен обратной колонизации обусловлен не только «успехами» мирового большинства, но также проистекает из их «неудач». Так, с одной стороны, это связано с глобальным развитием высокотехнологичных секторов в Китае, Японии, Южной Корее, Индии и других стран Юго-Восточной Азии, а также выражается в экспорте латиноамериканских телевизионных программ в Португалию и Испанию, которые ранее играли роль их колонизаторов. С другой стороны, наблюдается «латинизация» США и «исламизация» Европы, которые воспринимаются как существенные вызовы на Западе и способствуют усилению политических правых тенденций.

Подъем/возвращение Азиатского континента в XXI веке в значительной степени меняет глобальный ландшафт, поднимая вопросы о новых формах империализма. Страны мирового большинства, действуя в экономической, политической и культурной сферах, не только стремятся к укреплению своего национального могущества, но и к распространению своих ценностей и моделей развития. Важно продолжать анализ влияния азиатского подъема на международные отношения и глобальную политику. Этот процесс вызывает как положительные, так и нега-

тивные реакции со стороны других государств. Одним из ключевых аспектов является балансировка интересов и сохранение глобальной стабильности в условиях усиления влияния Китая. Актуальность исследования данных вопросов лишь возрастает в контексте быстро меняющегося миропорядка, где силы, традиционно считавшиеся доминирующими, сталкиваются с вызовами со стороны новых игроков.

Растущая волна глобальной конкуренции со стороны новых экономических центров, таких, например, как страны БРИКС, безусловно, сохранит напряженную конкуренцию и на культурном фронте. Вероятно, термин «культурный империализм» не обретет прежней популярности в будущем, поскольку его пик пришелся на период с 1960-х по 1990-е годы, однако исследования, связанные с ключевыми словами «глобальная культура» и «империализм», будут активно проводиться.

Как справедливо заметил канадский автор Таннер Миррлис, исследования в области массовых коммуникаций оказались между культурным империализмом и культурной глобализацией (Mirrlees, 2013). Это важно, так как понимание этих процессов способствует плодотворному и разностороннему сотрудничеству в научной сфере, открывая новые горизонты для анализа и интерпретации глобальных медиатенденций. Углубленное изучение этих аспектов позволит ученым лучше понять взаимодействие культур и медиа, что, в свою очередь, будет способствовать более сбалансированному и комплексному подходу к исследованию массовых коммуникаций.

Литература

- Жапаралиев Ш.* (2023). Хабермас и интернет: обратная трансформация публичной сферы в эпоху новых медиа? // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 7. С. 118-126.
- Albertini J. M.* (1981). *Mécanismes du sous-développement et développements*. Editions ouvrières. (На французском)
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I.* (eds.). (1982). *Dynamics of Global Crisis*. New York: Monthly Review Press.
- Ang I.* (1985). *Watching Dallas*. New York: Methuen & Co. Ltd.
- Ari T.* (1999). *Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika*. İstanbul: ALFA Basım Yayım Dağıtım. (На турецком)
- Arrighi G.* (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London & New York: Verso.
- Arrighi G.* (2010). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London & New York: Verso.
- Barber B. R.* (1995). *Jihad vs. McWorld: Terrorism's Challenge to Democracy*. New York: Ballantine Books.
- Barnouw E.* (1966). *A Tower in Babel: A History of Broadcasting in the United States*. Vol. 1. Oxford University Press.

- Barnouw E.* (1975). *Tube of Plenty: The Evolution of American Television*. Oxford University Press.
- Bek M. G.* (2003). Avrupa Birliği'nde İletişim Alanının Düzenlenmesi: Kültür Ağırlıklı Politikadan Ekonomi Merkezli Politikaya Doğru // Avrupa Birliği ve Türkiye'de İletişim Politikaları / M. G. Bek (ed.). Ankara: Ümit Yayıncılık. P. 23-58. (На турецком)
- Boyd-Barrett O.* (1979). *Media Imperialism: Towards an International Framework for the Analysis of Media Systems // Mass Communication and Society* / J. Curran, M. Gurevitch, J. Woollacott (eds.). London: Edward Arnold. P. 116-141.
- Boyd-Barrett O.* (1997). *The Political Economy Approach // Boyd-Barrett O., Newbold C.* (eds.). *Approaches to Media. A Reader*. Arnold. P. 186-192.
- Boyd-Barrett O.* (2015). *Media Imperialism*. SAGE Publications.
- Callinicos A.* (2009). *Imperialism and Global Political Economy*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Chakrabarty D.* (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Chomsky N.* (1999). *Latin America: From Colonization to Globalization*. Ocean Press.
- Chomsky N.* (2005). *Imperial Ambitions: Conversations with Noam Chomsky on the Post-9/11 World, Interviews with David Barsamian*. London: Penguin Books.
- Chomsky N.* (2006). *Failed States: The Abuse of Power and The Assault on Democracy*. New York: Owl Books.
- Chomsky N.* (2014). *The Fateful Triangle: The United States, Israel, and the Palestinians* (updated edition). Chicago, Illinois: Haymarket Books.
- Dorsey E. R., Ritzer G.* (2015). *The McDonaldization of Medicine // JAMA Neurology*. November 16, 2015. P. E1-E2. DOI: 10.1001/jamaneurol.2015.3449.
- Dündar C.* (2008). *Yağmurdan Sonra: Medya Yazıları*. Ankara: İmge Kitabevi. (на турецком)
- Engelman R.* (1996). *Public Radio and Television in America: A Political History*. SAGE Publications.
- Engst F.* (2017). *Imperialism, Ultra-imperialism and the Rise of China // Tujan A. A. Jr.* (ed.). *Lenin's Imperialism in the 21st Century*. Manila: Institute of Political Economy. P. 73-104.
- Escobar A.* (1995). *Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Esser A.* (2014). *European Television Programming: Exemplifying and Theorizing Glocalization in the Media // Robertson R.* (ed.). *European Glocalization in Global Context*. New York: Palgrave Macmillan. P. 82-102.
- European Audiovisual Observatory*, (2017). *The Circulation of European Films Outside Europe. Key Figures 2016*. Strasbourg: European Audiovisual Observatory.
- European Audiovisual Observatory*, (2018). *Focus 2018. World Film Market Trends*. Paris: Global Rouge.
- European Audiovisual Observatory*, (2023). *Focus 2023. World Film Market Trends*. Paris: Global Rouge.

- Falkenhayner N.* (2014). *Making the British Muslim: Representations of the Rushdie Affair and Figures of the War-On-Terror Decade.* New York: Palgrave Macmillan.
- Fanon F.* (1963). *The Wretched of the Earth* / trans. by Farrington C. New York: Grove Press.
- Fanon F.* (1965). *A Dying Colonialism* / trans. by Chevalier H. New York: Grove Press.
- Fanon F.* (2008). *Black Skin, White Masks* / trans. by Markmann C.L. London: Pluto Press.
- Featherstone M.* (1990). *Global Culture: An Introduction* // Featherstone M. (ed.). *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity.* London: SAGE Publications. P. 1-14.
- Fishman T. C.* (2005). *China, Inc.: How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World.* New York: Scribner.
- Foster R. J.* (2008). *Coca-Globalization: Following Soft Drinks from New York to New Guinea.* Palgrave Macmillan.
- Frank A. G.* (1998). *ReOrient. Global Economy in the Asian Age* University of California Press.
- Frank A. G., Gills B.* (1993). *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Giddens A.* (2000). *Elimizden Kaçıp Giden Dünya* (Trans. O. Akınhay). İstanbul: ALFA Basım Yayım Dağıtım. (на турецком).
- Golding P., Harris p.* (eds.). (1999). *Beyond Cultural Imperialism.* SAGE Publications.
- Goody J.* (2010). *The Eurasian Miracle.* Cambridge: Polity Press.
- Göle N.* (2017). *The Daily Lives of Muslims: Islam and Public Confrontation in Contemporary Europe* (Trans. J. Lerescu). London: Zed Books.
- Hamelink C. J.* (1983). *Cultural Autonomy in Global Communications.* New York: Longman Inc.
- Hannerz U.* (1990). *Cosmopolitans and Locals in World Culture* // Featherstone M. (ed.). *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity.* London: SAGE Publications. P. 237-252.
- Hedges I.* (1995). *Transnational Corporate Culture and Cultural Resistance* // *Socialism and Democracy.* Vol. 9. №1. P. 151-164.
- Herman E. S.* (1995). *Triumph of the Market: Essays on Economics, Politics and the Media.* Boston: South End Press.
- Hojman D. E.* (1999). *Economic Policy and Latin American Culture: Is a Virtuous Circle Possible* // *Journal of Latin American Studies.* Vol. 31. №1. P. 167-190.
- Hsiao H. M., Lin C.* (2009). *The Rise of China: An Overall Assessment* // Hsiao H. M., Lin C. (eds.). *Rise of China: Beijing's Strategies and Implications for the Asia-Pacific.* London & New York: Routledge. P. 3-18.
- Huntington S. P.* (1993). *The Clash of Civilizations* // *Foreign Affairs.* Vol. 72. №3. P. 22-49.
- Huntington S. P.* (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* New York: Simon & Schuster.
- Ikegami M.* (2009). *China's Grand Strategy of "Peaceful Rise": A Prelude to a New Cold War?* // Hsiao H. M., Lin C. (eds.). *Rise of China: Beijing's Strategies and Implications for the Asia-Pacific.* London & New York: Routledge. P. 21-54.

- Kachiga J.* (2021). *The Rise of China and International Relations Theory*. New York: Peter Lang.
- Katz E., Wedell G.* (1977). *Broadcasting in the Third World*. Harvard University Press.
- Kobayashi K.* (2016). *Taking Japan Seriously Again: The Cultural Economy of Glocalization and Self-Orientalization* // Robertson R., Buhari-Gulmez D. (eds.). *Global Culture: Consciousness and Connectivity*. New York: Routledge. P. 193-210.
- Kolodko G. W.* (2020). *China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise*. London, New York: I. B. Tauris.
- Köse A. H., Şenses F., Yeldan E.* (2007). *Neoliberal Globalization as New Imperialism: Case Studies on Reconstruction of the Periphery*. New York: Nova Science Publishers, Inc.
- Lee C. C.* (1980). *Media Imperialism Reconsidered: The Homogenizing of Television Culture*. SAGE Publications.
- Lerner D.* (1958). *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Li S.* (2022). *The Rise of China, Inc.: How the Chinese Communist Party Transformed China into a Giant Corporation*. Cambridge University Press.
- Mattelart A., Mattelart M.* (1995). *Histoire des theories de la communication*. Paris: Éditions La Découverte. (на французском)
- Maxwell R.* (2003). *Herbert Schiller*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- McPhail T. L.* (1981). *Electronic Colonialism: The Future of International Broadcasting and Communication*. London: SAGE Publications.
- Mearsheimer J. J.* (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York & London: W. W. Nanon & Company.
- Mentan T.* (2016). *Neoliberalism and Imperialism: Dissecting the Dynamics of Global Oppression*. Bamenda: Langaa RPCIG.
- Mignolo W. D.* (2005). *The Idea of Latin America*. Malden & Oxford: Blackwell Publishing.
- Mignolo W. D.* (2011). *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durham & London: Duke University Press.
- Mignolo W. D.* (2012). *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Mignolo W. D., Walsh C. E.* (2018). *On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis*. Durham & London: Duke University Press.
- Mignolo W. D., Segato R., Walsh C. E.* (2024). *Anfbal Quijano: Foundational Essays on the Coloniality of Power*. Durham & London: Duke University Press.
- Mirrlees T.* (2013). *Global Entertainment Media: Between Cultural Imperialism and Cultural Globalization*. London & New York: Routledge.
- Morley D., Robins K.* (1995). *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries*. London and New York: Routledge.
- Mowlana H.* (2001). *Remembering Herbert I. Schiller* // *Television and New Media*. Vol. 2. №1. P. 19-26.
- Ning W.* (2016). *China in the Process of Globalization: A Primarily Cultural Perspective* // Robertson R., Buhari-Gulmez D. (eds.). *Global Culture: Consciousness and Connectivity*. New York: Routledge. P. 161-178.

- Payer C.* (1974). *The Debt Trap: The International Monetary Fund and the Third World*. Monthly Review Press.
- Pillsbury M.* (2016). *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: Henry Holt and Company.
- Pool I. S.* (1975). *Direct-Broadcast Satellites and Cultural Integrity* // *Society*. Vol. 12. №6. P. 47-56.
- Quijano A.* (1993). *Colonialidad del poder, eurocentrismo y América Latina* // Lander E. (ed.). *La colonialidad del saber eurocentrismo y ciencias sociales. Perspectivas latinoamericanas*. Buenos Aires: CLACSO. P. 193-238. (на испанском)
- Quijano A.* (2020). *Antología esencial — cuestiones y horizontes: De la dependencia histórico-estructural a la colonialidad/descolonialidad del poder*. Buenos Aires: CLACSO. (на испанском)
- Ram U.* (2004). *Glocommodification: How the Global Consumes the Local — McDonald's in Israel* // *Current Sociology*. Vol. 52. №1. P. 11-31. DOI: 10.1177/0011392104039311.
- Ritzer G.* (1998). *The McDonaldization Thesis*. SAGE Publications.
- Ritzer G.* (2018). *The McDonaldization of Society: Into the Digital Age* (9th edition). SAGE Publications.
- Ritzer G., Liska A.* (1997). "McDisneyization" and "Post-Tourism:" Complementary Perspectives on Contemporary Tourism. Routledge.
- Roach C.* (1999). *The Western World and the NWICO: United They Stand?* // Golding P., Harris P. (eds.). *Beyond Cultural Imperialism*. SAGE Publications. P. 94-116.
- Robertson A.* (2010). *Euromedia: Integration and Cultural Diversity in a Changing Media Landscape* // McPhail T. L. (ed.). *Global Communication: Theories, Stakeholders, and Trends*. John Wiley & Sons, Ltd. P. 205-222.
- Robertson R.* (2014). *Europeanization as Glocalization* // Robertson R. (ed.). *European Glocalization in Global Context*. New York: Palgrave Macmillan. P. 6-34.
- Roudometof V.* (2016). *Glocalization: A Critical Introduction*. London & New York: Routledge.
- Salamandra C.* (2002). *Globalization and Cultural Mediation: The Construction of Arabia in London* // *Global Networks*. Vol. 2. №4. P. 285-299.
- Savran S.* (2008). *Kod Adı Küreselleşme: 21. Yüzyılda Emperyalizm*. İstanbul: Yordam Kitap. (на турецком)
- Sawhney H.* (2007). *Global Economy and International Telecommunications Networks* // Kamalipour Y. R. (ed.). *Global Communication*. Thomson Wadsworth. P. 39-54.
- Schiller H. I.* (1974). *Freedom from the "Free Flow"* // *Journal of Communication*. Vol. 24. №1. P. 110-117.
- Schiller H. I.* (1976). *Communication and Cultural Domination*. New York: International Arts and Sciences Press.
- Schiller H. I.* (1978). *Decolonization of Information: Efforts toward a New International Order* // *Latin American Perspectives*. Vol. 5. №1. P. 35-48.
- Schiller H. I.* (1992). *Mass Communications and American Empire* (second edition, updated). Boulder, Colorado: Westview Press.

- Servaes J.* (1993). Beyond “Europe 1992”: Communication and Cultural Identity in Small Nation States// *Telematics and Informatics*. Vol. 10. №4. P. 321-343.
- Smith A. D.* (1990). *Towards a Global Culture// Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*/M. Featherstone (ed.). London: SAGE Publications. P. 171-192.
- Smith J.* (2016). *Imperialism in the Twenty-First Century: Globalization, Super-Exploitation, and Capitalism’s Final Crisis*. New York: Monthly Review Press.
- Steger M. B.* (2003). *Globalization: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
- Thompson J. B.* (1995). *The Media and Modernity: A Social Theory of The Media*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Thussu D. K.* (ed.). (2007). *Media on the Move: Global Flow and Contra-Flow*. London & New York: Routledge.
- Thussu D. K.* (2009). Why Internationalize Media Studies and How?// *Internationalizing Media Studies*/D. K. Thussu (ed.). Routledge. P. 13-31.
- Tomlinson J.* (1991). *Cultural Imperialism: A Critical Introduction*. London: Continuum.
- Vignali C.* (2001). McDonald’s: “Think Global, Act Local” — The Marketing Mix// *British Food Journal*. Vol. 103. №2. P. 97-111.
- Vincent R. C.* (1999). The Future of the Debate: Setting an Agenda for New World Information and Communication Order, Ten Proposals// *Beyond Cultural Imperialism*/P. Golding, p. Harris (eds.). SAGE Publications. P. 175-207.
- Ulusay N.* (2003). Avrupa Merkezli Görsel-İşitsel Kuruluşlar ve Türk Sineması// *Avrupa Birliği ve Türkiye’de İletişim Politikaları*/M. G. Bek (ed.). Ankara: Ümit Yayıncılık. P. 59-94. (на турецком)
- UNESCO (1980). *Many Voices, One World*. The MacBride Report. Paris: UNESCO.
- UNESCO (1981). *Intergovernmental Conference on Communication Policies in Africa, Yaounde, Cameroon// Final Report*. CC/MD/46. Paris: UNESCO.
- Walker J.* (2001). *Rebels on the Air: An Alternative History of Radio in America*. New York, London: New York University.
- Wallerstein I.* (2003). *The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World*. New York & London: The New Press.
- Wen Y.* (2020). *The Huawei Model: The Rise of China’s Technology Giant*. University of Illinois Press.
- Wengraf L.* (2018). *Extracting Profit: Imperialism, Neoliberalism, and the New Scramble for Africa*. Chicago: Haymarket Books.
- Wriston W. B.* (1992). *The Twilight of Sovereignty: How the Information Revolution is Transforming Our World*. New York: Replica Books.
- Zhapparaliev Sh.* (2020). *Uluslararası Haberlerde Siyasal Yanlılık: CNN, Russia Today ve TRT World Örnekleri*. PhD dissertation, Anadolu University, Eskişehir, Turkey. (на турецком)

The Rise and Fall of Cultural Imperialism: A Historical and Critical Review

Sherbol Zhaparaliev

PhD in Mass Communications and Media Studies, Assistant Professor, Osh State University
Address: Lenin Str., 331, Osh, 723500 Kyrgyzstan
E-mail: s.esenkankyzy@oshsu.kg

Symbat Esenkan kyzy

PhD in Historical Sciences, Lecturer, Osh State University,
Address: Lenin Str., 331, Osh, 723500 Kyrgyzstan
E-mail: s.esenkankyzy@oshsu.kg

This article presents a historical and analytical exploration of cultural imperialism, critically examining its impacts and consequences. Drawing on Western primary sources from the 1960s to the early 2000s, the authors incorporate key literature from the peak period of cultural imperialism debates. The article traces the formation and development of cultural imperialism from its roots in colonialism, through its systematization by Herbert Schiller, to its contemporary manifestations in a globalized world. It also explores the significance of cultural imperialism in today's world, referencing literature from the 2010s and 2020s. The Marxist perspective on the free flow of information between cultures is emphasized, highlighting said flow's inherently unequal and economically unfair conditions from the outset. This critical approach allows for an evaluation of both positive and negative views on cultural imperialism studies, revealing contradictions and encouraging dialogue on potential solutions or transformations. The intense reaction to the famous MacBride report of 1980 has demonstrated that the problems of cultural relations are primarily driven by economic factors; without addressing these economic issues, cultural problems cannot be resolved. The concluding section of the article highlights that the economic rise of Third World countries has also led to a significant flow of cultural products from these regions. The article aims to stimulate further research in cultural studies and promote a deeper understanding of the dynamics of cultural processes in the contemporary world.

Keywords: cultural imperialism, free flow of information, MacBride report, NWICO, critical approach, globalization, Asian century

References

- Albertini J.M. (1981) *Mécanismes du sous-développement et développements*, Editions ouvrières. (In French)
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. (eds.). (1982) *Dynamics of Global Crisis*, New York: Monthly Review Press.
- Ang I. (1985) *Watching Dallas*, New York: Methuen & Co. Ltd.
- Arı T. (1999) *Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika*, İstanbul: ALFA Basım Yayım Dağıtım. (In Turkish)
- Arrighi G. (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*, London & New York: Verso.
- Arrighi G. (2010) *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*, London & New York: Verso.
- Barber B. R. (1995) *Jihad vs. McWorld: Terrorism's Challenge to Democracy*, New York: Ballantine Books.
- Barnouw E. (1966) *A Tower in Babel: A History of Broadcasting in the United States, vol. 1*, Oxford University Press.
- Barnouw E. (1975) *Tube of Plenty: The Evolution of American Television*, Oxford University Press.
- Bek M. G. (2003) Avrupa Birliği'nde İletişim Alanının Düzenlenmesi: Kültür Ağırlıklı Politikadan Ekonomi Merkezli Politikaya Doğru. *Avrupa Birliği ve Türkiye'de İletişim Politikaları* (ed. M. G. Bek), Ankara: Ümit Yayıncılık, pp. 23-58. (In Turkish)

- Boyd-Barrett O. (1979) *Media Imperialism: Towards an International Framework for the Analysis of Media Systems*. *Mass Communication and Society* (eds. J. Curran, M. Gurevitch, J. Woollacott), London: Edward Arnold, pp. 116-141.
- Boyd-Barrett O. (1997) The Political Economy Approach. *Approaches to Media. A Reader* (eds. O. Boyd-Barrett, C. Newbold), Arnold, pp. 186-192.
- Boyd-Barrett O. (2015) *Media Imperialism*, SAGE Publications.
- Callinicos A. (2009) *Imperialism and Global Political Economy*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Chomsky N. (1999) *Latin America: From Colonization to Globalization*, Ocean Press.
- Chomsky N. (2005) *Imperial Ambitions: Conversations with Noam Chomsky on the Post-9/11 World, Interviews with David Barsamian*, London: Penguin Books.
- Chomsky N. (2006) *Failed States: The Abuse of Power and The Assault on Democracy*, New York: Owl Books.
- Chomsky N. (2014) *The Fateful Triangle: The United States, Israel, and the Palestinians* (updated edition), Chicago, Illinois: Haymarket Books.
- Dorsey E. R., Ritzer G. (2015) The McDonaldization of Medicine. *JAMA Neurology*, November 16, 2015, pp. E1-E2.
- Dündar C. (2008) *Yağmurdan Sonra: Medya Yazıları*, Ankara: İmge Kitabevi. (In Turkish)
- Engelman R. (1996) *Public Radio and Television in America: A Political History*, SAGE Publications.
- Engst F. (2017) Imperialism, Ultra-imperialism and the Rise of China. *Lenin's Imperialism in the 21st Century* (ed. A. A. Tujan Jr.), Manila: Institute of Political Economy, pp. 73-104.
- Escobar A. (1995) *Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Esser A. (2014) European Television Programming: Exemplifying and Theorizing Glocalization in the Media. *European Glocalization in Global Context* (ed. R. Robertson), New York: Palgrave Macmillan, pp. 82-102.
- European Audiovisual Observatory (2017) *The Circulation of European Films Outside Europe. Key Figures 2016*, Strasbourg: European Audiovisual Observatory.
- European Audiovisual Observatory (2018) *Focus 2018. World Film Market Trends*, Paris: Global Rouge.
- European Audiovisual Observatory (2023) *Focus 2023. World Film Market Trends*, Paris: Global Rouge.
- Falkenhayner N. (2014) *Making the British Muslim: Representations of the Rushdie Affair and Figures of the War-On-Terror Decade*, New York: Palgrave Macmillan.
- Fanon F. (1963) *The Wretched of the Earth* (trans. by C. Farrington), New York: Grove Press.
- Fanon F. (1965) *A Dying Colonialism* (trans. by H. Chevalier), New York: Grove Press.
- Fanon F. (2008) *Black Skin, White Masks* (trans. by C. L. Markmann), London: Pluto Press.
- Featherstone M. (1990) Global Culture: An Introduction. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. M. Featherstone), London: SAGE Publications, pp. 1-14.
- Fishman T. C. (2005) *China, Inc.: How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World*, New York: Scribner.
- Foster R. J. (2008) *Coca-Globalization: Following Soft Drinks from New York to New Guinea*, Palgrave Macmillan.
- Frank A. G. (1998) *ReOrient. Global Economy in the Asian Age*, University of California Press.
- Frank A. G., Gills B. (1993) *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Giddens A. (2000) *Elimizden Kaçıp Giden Dünya* (Trans. O. Akinhay), İstanbul: ALFA Basım Yayım Dağıtım. (In Turkish).
- Golding P., Harris p. (eds.). (1999) *Beyond Cultural Imperialism*, SAGE Publications.
- Goody J. (2010) *The Eurasian Miracle*, Cambridge: Polity Press.
- Göle N. (2017) *The Daily Lives of Muslims: Islam and Public Confrontation in Contemporary Europe* (trans. J. Lerescu), London: Zed Books.
- Hamelink C. J. (1983) *Cultural Autonomy in Global Communications*, New York: Longman Inc.
- Hannerz U. (1990) Cosmopolitans and Locals in World Culture. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. M. Featherstone), London: SAGE Publications, pp. 237-252.
- Hedges I. (1995) Transnational Corporate Culture and Cultural Resistance. *Socialism and Democracy*, vol. 9, no 1, pp. 151-164.

- Herman E. S. (1995) *Triumph of the Market: Essays on Economics, Politics and the Media*, Boston: South End Press.
- Hojman D. E. (1999) Economic Policy and Latin American Culture: Is a Virtuous Circle Possible? *Journal of Latin American Studies*, vol. 31, no 1, pp. 167-190.
- Hsiao H. M., Lin C. (2009) The Rise of China: An Overall Assessment. *Rise of China: Beijing's Strategies and Implications for the Asia-Pacific* (eds. H. M. Hsiao, C. Lin), London & New York: Routledge, pp. 3-18.
- Huntington S. P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, vol. 72, no 3, pp. 22-49.
- Huntington S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon & Schuster.
- Ikegami M. (2009) China's Grand Strategy of "Peaceful Rise": A Prelude to a New Cold War? *Rise of China: Beijing's Strategies and Implications for the Asia-Pacific* (eds. H. M. Hsiao, C. Lin), London & New York: Routledge, pp. 21-54.
- Kachiga J. (2021) *The Rise of China and International Relations Theory*, New York: Peter Lang.
- Katz E., Wedell G. (1977) *Broadcasting in the Third World*, Harvard University Press.
- Kobayashi K. (2016) Taking Japan Seriously Again: The Cultural Economy of Globalization and Self-Orientalization. *Global Culture: Consciousness and Connectivity* (eds. R. Robertson, D. Buhari-Gulmez), New York: Routledge, pp. 193-210.
- Kolodko G. W. (2020) *China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise*, London, New York: I. B. Tauris.
- Köse A. H., Şenses F., Yeldan E. (2007) *Neoliberal Globalization as New Imperialism: Case Studies on Reconstruction of the Periphery*, New York: Nova Science Publishers, Inc.
- Lee C. C. (1980) *Media Imperialism Reconsidered: The Homogenizing of Television Culture*, SAGE Publications.
- Lerner D. (1958) *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*, Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Li S. (2022) *The Rise of China, Inc.: How the Chinese Communist Party Transformed China into a Giant Corporation*, Cambridge University Press.
- Mattelart A., Mattelart M. (1995) *Histoire des theories de la communication*, Paris: Éditions La Découverte. (In French)
- Maxwell R. (2003) *Herbert Schiller*, Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- McPhail T. L. (1981) *Electronic Colonialism: The Future of International Broadcasting and Communication*, London: SAGE Publications.
- Mearsheimer J. J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*, New York & London: W. W. Norton & Company.
- Mentan T. (2016) *Neoliberalism and Imperialism: Dissecting the Dynamics of Global Oppression*, Bamenda: Langaa RPCIG.
- Mignolo W. D. (2005) *The Idea of Latin America*, Malden & Oxford: Blackwell Publishing.
- Mignolo W. D. (2011) *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*, Durham & London: Duke University Press.
- Mignolo W. D. (2012) *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*, Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Mignolo W. D., Walsh C. E. (2018) *On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis*, Durham & London: Duke University Press.
- Mignolo W. D., Segato R., Walsh C. E. (2024) *Aníbal Quijano: Foundational Essays on the Coloniality of Power*, Durham & London: Duke University Press.
- Mirrlees T. (2013) *Global Entertainment Media: Between Cultural Imperialism and Cultural Globalization*, London & New York: Routledge.
- Morley D., Robins K. (1995) *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries*, London & New York: Routledge.
- Mowlana H. (2001) Remembering Herbert I. Schiller. *Television and New Media*, vol. 2, no 1, pp. 19-26.
- Ning W. (2016) China in the Process of Globalization: A Primarily Cultural Perspective. *Global Culture: Consciousness and Connectivity* (eds. R. Robertson, D. Buhari-Gulmez), New York: Routledge, pp. 161-178.

- Payer C. (1974) *The Debt Trap: The International Monetary Fund and the Third World*, Monthly Review Press.
- Pillsbury M. (2016) *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*, New York: Henry Holt and Company.
- Pool I. S. (1975) Direct-Broadcast Satellites and Cultural Integrity. *Society*, vol. 12, no 6, pp. 47-56.
- Quijano A. (1993) Colonialidad del poder, eurocentrismo y América Latina. *La colonialidad del saber eurocentrismo y ciencias sociales. Perspectivas latinoamericanas* (ed. E. Lander), Buenos Aires: CLACSO, pp. 193-238. (In Spanish)
- Quijano A. (2020) *Antología esencial — cuestiones y horizontes: De la dependencia histórico-estructural a la colonialidad/descolonialidad del poder*. Buenos Aires: CLACSO. (In Spanish)
- Ram U. (2004) Glocalization: How the Global Consumes the Local — McDonald's in Israel. *Current Sociology*, vol. 52, no 1, pp. 11-31.
- Ritzer G. (1998) *The McDonaldization Thesis*, SAGE Publications.
- Ritzer G. (2018) *The McDonaldization of Society: Into the Digital Age* (9th edition), SAGE Publications.
- Ritzer G., Liska A. (1997) "McDisneyization" and "Post-Tourism:" *Complementary Perspectives on Contemporary Tourism*, Routledge.
- Roach C. (1999) The Western World and the NWICO: United They Stand? *Beyond Cultural Imperialism* (eds. P. Golding, p. Harris), SAGE Publications, pp. 94-116.
- Robertson A. (2010) Euromedia: Integration and Cultural Diversity in a Changing Media Landscape. *Global Communication: Theories, Stakeholders, and Trends* (ed. T. L. McPhail), John Wiley & Sons, Ltd, pp. 205-222.
- Robertson R. (2014) Europeanization as Glocalization. *European Glocalization in Global Context* (ed. R. Robertson), New York: Palgrave Macmillan, pp. 6-34.
- Roudometof V. (2016) *Glocalization: A Critical Introduction*, London & New York: Routledge.
- Salamandra C. (2002) Globalization and Cultural Mediation: The Construction of Arabia in London. *Global Networks*, vol. 2, no 4, pp. 285-299.
- Savran S. (2008) *Kod Adı Küreselleşme: 21. Yüzyılda Emperyalizm*, İstanbul: Yordam Kitap. (In Turkish)
- Sawhney H. (2007) Global Economy and International Telecommunications Networks. *Global Communication* (ed. Y. R. Kamalipour), Thomson Wadsworth, pp. 39-54.
- Schiller H. I. (1974) Freedom from the "Free Flow". *Journal of Communication*, vol. 24, no 1, pp. 110-117.
- Schiller H. I. (1976) *Communication and Cultural Domination*, New York: International Arts and Sciences Press.
- Schiller H. I. (1978) Decolonization of Information: Efforts toward a New International Order. *Latin American Perspectives*, vol. 5, no 1, pp. 35-48.
- Schiller H. I. (1992) *Mass Communications and American Empire* (second edition, updated), Boulder, Colorado: Westview Press.
- Servaes J. (1993) Beyond "Europe 1992": Communication and Cultural Identity in Small Nation States. *Telematics and Informatics*, vol. 10, no 4, pp. 321-343.
- Smith A. D. (1990) Towards a Global Culture. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. M. Featherstone), London: SAGE Publications, pp. 171-192.
- Smith J. (2016) *Imperialism in the Twenty-First Century: Globalization, Super-Exploitation, and Capitalism's Final Crisis*, New York: Monthly Review Press.
- Steger M. B. (2003) *Globalization: A Very Short Introduction*, Oxford University Press.
- Thompson J. B. (1995) *The Media and Modernity: A Social Theory of The Media*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Thussu D. K. (ed.). (2007) *Media on the Move: Global Flow and Contra-Flow*, London & New York: Routledge.
- Thussu D. K. (2009) Why Internationalize Media Studies and How? *Internationalizing Media Studies* (ed. D. K. Thussu), Routledge, pp. 13-31.
- Tomlinson J. (1991) *Cultural Imperialism: A Critical Introduction*, London: Continuum.
- Vignali C. (2001) McDonald's: "Think Global, Act Local" — The Marketing Mix. *British Food Journal*, vol. 103, no 2, pp. 97-111.
- Vincent R. C. (1999) The Future of the Debate: Setting an Agenda for New World Information and Communication Order, Ten Proposals. *Beyond Cultural Imperialism* (eds. P. Golding, p. Harris), SAGE Publications, pp. 175-207.

- Ulusay N. (2003) Avrupa Merkezli Görsel-İşitsel Kuruluşlar ve Türk Sineması. *Avrupa Birliği ve Türkiye'de İletişim Politikaları* (ed. M. G. Bek), Ankara: Ümit Yayıncılık, pp. 59-94. (In Turkish)
- UNESCO (1980) *Many Voices, One World. The MacBride Report*, Paris: UNESCO.
- UNESCO (1981) Intergovernmental Conference on Communication Policies in Africa, Yaounde, Cameroon, *Final Report*, CC/MD/46, Paris: UNESCO.
- Walker J. (2001) *Rebels on the Air: An Alternative History of Radio in America*, New York, London: New York University.
- Wallerstein I. (2003) *The Decline of American Power: The U. S. in a Chaotic World*, New York & London: The New Press.
- Wen Y. (2020) *The Huawei Model: The Rise of China's Technology Giant*, University of Illinois Press.
- Wengraf L. (2018) *Extracting Profit: Imperialism, Neoliberalism, and the New Scramble for Africa*, Chicago: Haymarket Books.
- Wriston W. B. (1992) *The Twilight of Sovereignty: How the Information Revolution is Transforming Our World*, New York: Replica Books.
- Zhapparaliev Sh. (2020) *Uluslararası Haberlerde Siyasal Yanlılık: CNN, Russia Today ve TRT World Örnekleri*. PhD dissertation, Anadolu University, Eskişehir, Turkey. (In Turkish)
- Zhapparaliev Sh. (2023) Habermas and Internet: The Reversed Transformation of Public Sphere in the New Media Age? *World Economy and International Relations*, vol. 67, no 7, pp. 118-126. (In Russian)

Признание в социологии неравенства: обзор теоретических подходов¹

Мария Кучерявая

MA in Sociology, стажер-исследователь Центра социологии культуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: Мясницкая, 20, Москва, 101000, Российская Федерация
E-mail: mkucheryavaya@hse.ru, mkucheryavaya96@gmail.com

Неравенство остается одной из наиболее фундаментальных проблем современного мира. Как правило, оно рассматривается через призму его экономических причин и последствий. Однако подобная логика исключает из объяснительной модели важное звено: помимо экономических неравенство порождает культурные препятствия. Неравенство создает разрывы между людьми, а также непроницаемые границы между различными социальными группами. Неравенство, формируемое культурными различиями, крайне сложно устранить, оно принимает ригидные и устойчивые формы. Подобные культурные процессы неравенства, связанные с категоризацией групп людей и наделения их ценностью, мы будем называть признанием. Изучение признания как культурного механизма неравенства в последние годы представляется значимым в современной социологии неравенства, а признание — критически важным элементом, необходимым для комплексного понимания процессов неравенства. Цель данного обзора — описать, как обозначенное нами культурное измерение неравенства, которое мы далее будем называть признанием, тематизируется в социологических исследованиях. Мы хотим показать, что вопросы уважения и достоинства всегда составляли основу разговора о неравенстве. Несмотря на обильное количество исследований, концепт признания остается проблематичным: он является излишне эклектичным и слабо фундированным в социологической теории.

Ключевые слова: признание, неравенство, культура, социология культуры, справедливость, мораль, эмоции

Неравенство остается одной из наиболее фундаментальных проблем современного мира. В социальных и политических науках не умолкают дебаты, призванные найти решение проблеме, при которой люди обладают неравными жизненными шансами и возможностями. Как правило, неравенство рассматривается через призму его экономических причин и последствий. Предполагается, что за счет грамотного перенаправления ресурсов станет возможным устранить дистанцию между богатыми и бедными, что, в свою очередь, приведет к ликвидации любых стратификационных схем. Однако подобная логика исключает из объяснительной модели важное звено: помимо экономических неравенство порождает препятствия культурные. Неравенство создает разрывы между людьми, а также непроницаемые границы между различными социальными группами, что проявляется в таких эффектах, как отсутствие эмпатии, враждебность по отношению к определенным группам, потеря солидарности (Куракин, 2020). В социологии

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00533)

такие явления хорошо известны под лейблом стигматизации и дискриминации. Они показывают, как неравенство выражается не столько в отсутствии равного распределения благ, сколько равного отношения людей друг к другу, что может становиться гораздо более критичным фактором при воспроизводстве или устранении неравенства. Если экономические проблемы потенциально представляются решаемыми, то заставить одних людей больше уважать других едва ли возможно.

Подобная логика обсуждения неравенства связана с давними дебатами вокруг идеи справедливости. Что первично для обеспечения справедливости — равномерное распределение ресурсов или равноценное признание каждого индивида? Это различие базируется на проблематике разделения материального и культурного — дихотомии, породившей множество споров и теорий в социальных науках (Young, 1997). В теориях неравенства широко обсуждаемым решением этой проблемы является обращение к распределению (redistribution), то есть материальной сфере. Однако ряд исследователей указывают, что распределение невозможно без признания (recognition), а разделение этих двух областей и вовсе ошибочно (Dahl, 2004; Heidegren, 2004; Savage, 2019; Swanson, 2005). Оформившийся позднее «поворот к признанию» (recognition turn) поставил под вопрос легитимность распределения как единственного способа достижения равенства, обозначив необходимость обращения к культурной составляющей неравенства. Критичным этот аргумент делает комментарий социолога культуры и неравенства Мишель Ламон, которая считает, что обладание достоинством и уважением имеет столь же сильное влияние на субъективное благополучие человека, как и его доход (Lamont, 2017: 21). Соответственно, для получения полной картины того, как работает процесс неравенства, исследователям необходимо обратиться к тому, как люди распознают и оценивают других людей как (не)достойных. Признание как культурное измерение неравенства представляется критически важным для понимания, почему экономические меры не приводят к устранению или смягчению неравенства.

Подобные культурные процессы неравенства, связанные с категоризацией групп людей и наделением их ценностью, можно называть по-разному. Близкие по смыслу процессы изучались под именем статуса, уважения, престижа. Признание (recognition) как рабочий концепт выбран нами в силу точности его фокуса. В отличие от остальных терминов, признание позволяет схватить две процедуры, которые представляются ключевыми. Первое — признание предполагает распознавание чего-то или кого-то в качестве самостоятельного элемента. Второе — в признание включен элемент оценивания, то есть наделения этого элемента определенной ценностью, придающей ему значимость. Это сочетание распознавания и оценивания позволяет рассматривать культурное измерение неравенства не просто как вопрос монополизации капитала и реализации власти, но как конструирование отличий, пролегающих на микроуровне (Lamont, 2017: 43). Различия, связанные с присутствием или недостатком признания, имеют более глубокую природу, чем потребление и воспроизводство культурных стилей, как описывает в своих уже ставших классическими исследованиях Пьер Бурдьё. Глубина

данной проблемы заключается в ее укорененности в повседневности: людей разделяет не просто то или иное культурное потребление, но непреодолимые различия в способе организации и ведении жизни, ощущении мира, взаимодействии с другими (Куракин, 2020). Рутинность обсуждаемых нами культурных процессов неравенства является их самой большой опасностью, поскольку работа по оцениванию и сортировке одними группами людей других групп происходит ежедневно и лежит в основе функционирования социальных институтов (Lamont, 2017: 44–45). Критерии же, на основании которых проводится категоризация, гораздо более ригидные, чем разница в доходе, и могут продолжать свое существование в независимости от предпринимаемой социальной политики и иных превентивных мер.

Приблизиться к достижению взаимного уважения возможно только при понимании и учете культурной чувствительности, которую содержит в себе проблема неравенства. Эта чувствительность неизбежно приводит нас к исследованию признания. Вслед за Мишель Ламон, мы хотим подойти к рассмотрению признания как отличного от распределения, но комплементарного измерения неравенства. Всплеск работ последних лет, посвященных культурному измерению неравенства, показывает, что признание становится видимым как важная часть этих проблем. Однако в рамках социологии неравенства признание все еще представляется не до конца проработанным концептом, экзистенциальная сила которого игнорируется или не раскрывается в полной мере. Цель данного обзора — показать, как обозначенное нами выше культурное измерение неравенства, которое мы далее будем называть признанием, тематизируется в социологических исследованиях неравенства и культуры, поскольку вопросы уважения и достоинства всегда составляли основу разговора о неравенстве, вероятно, даже более важную, чем его экономический базис.

Теоретические истоки признания: Гегель, Вебер, Бурдьё

Термин «признание» происходит из философии. В числе важных первоисточников исследователи указывают теории Адама Смита (Heidegren, 2004), Жан-Жака Руссо (Куракин, 2020; Sennet, 2003), однако наиболее теоретически значимыми остаются работы Гегеля. Идея признания становится центральной в развитии гегельянской диалектики господина и раба. Признание у Гегеля обозначает взаимное распознавание и узнавание друг в друге самостоятельных субъектов. Субъект (или самосознание) существует постольку, поскольку он признается другим: «оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т. е. оно есть только как нечто признанное» (Гегель, 1999: 99). Борьба за признание тем самым принимает вид борьбы индивидов за то, чтобы их субъектность была признана другим (Тимофеева, 2016; Sembois, 2003: 262). Именно на переосмыслении диалектики Гегеля строится ряд значимых современных работ, входящих в своего рода мейнстрим современной социальной теории признания.

Интуицию о признании как неэкономическом фундаменте неравенства наиболее явно развил Макс Вебер в своей теории социальной стратификации. Престиж

или почесть составляет одно из оснований для конструирования иерархий в обществе, наравне с собственностью и властью. За то, что позднее стало называться культурным измерением неравенства, в теории Вебера отвечает престиж, обуславливающий статусные различия. В основе различий, создаваемых статусом, лежит некоторое коллективно разделяемое количество социально приписываемого престижа (Радаев, Шкаратан, 1996: 73). Статус, понимаемый как публичное признание социальной ценности человека, порождает собственные эффекты, закрепляющие устойчивые формы неравенства, основывающиеся на различиях в уважении и почтении (Ridgeway, 2014). Важной особенностью статуса является его функционирование на уровне повседневности: статусные различия связаны с различиями в стиле жизни, поведении, привычках, жизненных принципах (Вебер, 1994). Статусные различия усиливают имеющиеся категориальные различия, подпитывают их социальное восприятие, закрепляя позитивные оценочные категории (уважаемый, компетентный и т. д.) за теми, кто владеет большим количеством ресурсов и власти (Ridgeway, 2014). Термин «статус» в понимании Вебера обладает более широким смыслом, чем заявленный нами термин признания, и включает в себя не только аспект социальной оценки, но и определенную позицию в структуре общества, занимаемую благодаря доле имеющегося престижа. Однако Вебер делает видимым важный аспект престижа, заключающийся в его отношении с экономическими факторами неравенства. Статус как измерение неравенства находится в оппозиции ко всему, что связано с собственностью. Статусное различие может предшествовать экономическим различиям, а экономическое распределение подкрепляет статусные различия, но не создает их (Радаев, Шкаратан, 1996: 74). Следовательно, особенность статусного неравенства заключается в том, что оно порождает крайне долговременные и ригидные формы неравенства, поскольку закрепляет категориальные различия между людьми, контролирующими ресурсы и власть.

Новый виток развития признание получило в работах Пьера Бурдьё. Ученый не разрабатывал специально признание как концепт, но оно стало явным в рамках его теории культуры и неравенства как значимый элемент неравенства, воспроизводства статуса и классовой легитимации. Признание и непризнание (*misrecognition*) являются ключевыми концептами в его социологии доминирования. Признание у Бурдьё работает как один из механизмов осуществления символической власти, оно тесно связано с легитимацией социального порядка. Сила доминирования реализуется при помощи владения двумя типами капитала — экономическим и культурным (Lovell, 2007: 71). На уровне объективной структуры признание выражается в различных статусных формах, подтверждающих обладание символическим капиталом: так, статус дворянина или диплом элитного университета оказывается универсальным маркером признания (Бурдьё, 1998: 200). Обладатели подобного символического капитала — признанные — в силу имеющейся привилегии навязывают свои правила игры при выработке классификаций и правил того, кто или что является ценным. Именно в этом выражается власт-

ный аспект признания — его правила задаются теми, кто уже получил признание. Как пишет Бурдьё, быть признанным означает обладать силой, чтобы признавать других (Bourdieu, 2000: 242). Бурдьё придает большее значение не столько признанию, сколько непризнанию (Wacquant, 2005: 20). В этом инструменте заключается подлинная символическая сила доминирующих классов — они не просто отказывают подчиненным классам в признании, но предоставляют им только низшее положение, формируя таким образом собственную исключительность. Важную роль в том, как происходит дистрибуция признания от одного человека и класса к другому, играет идея габитуса. Габитус лежит в основе форм восприятия и оценивания, он работает одновременно как когнитивный и экспрессивный механизм для оценивания, и как продукт оценивания (Бурдьё, 1998; Meisenhelder, 2006). Центральное место в производстве личности занимает ее восприятие другими, где восприятие трактуется как процесс признания (Mead, 2021: 26).

Джоффри Мид утверждает, что именно признание лежит в основе всей концепции Бурдьё, поскольку оно позволяет связать воедино три важные для Бурдьё темы: габитус, символический капитал и власть. Личность, в результате этой символической борьбы за признание, оказывается ее реляционным продуктом, а составляющие ее свойства являются таковыми лишь постольку, поскольку таковыми признаются (Mead, 2021: 36). При изменении властных диспозиций меняется и личность, и процедура признания.

Признание как условие достижения справедливости: критическая социальная теория

Теоретическое наследие Бурдьё послужило вдохновением для ряда работ, занимающихся проблемами признания и культурного измерения неравенства в целом. Основой для подобного обсуждения неравенства служат введенные Вебером три автономных измерения стратификации, впоследствии развитые Бурдьё в его различении экономического и статусного уровней неравенства. Эта дуальная система стала предпосылкой для всех последующих исследований культурного измерения неравенства в противовес экономическому.

Следующий виток теоретизирования признания связан с критической социальной теорией. В рамках этого направления признание осмысливается преимущественно в плоскости политической философии и дебатов о справедливости. Чарльз Тейлор рассматривает признание в контексте политики мультикультурализма, связывая его с идеей идентичности. Ее суть в том, что идентичность частично сформирована наличием или отсутствием признания (Taylor, 1992: 25). Вслед за Бурдьё, Тейлор подмечает критическую роль непризнания в процессе социального взаимодействия: отсутствие признания или неправильное признание (misrecognition) может принимать форму принуждения, поскольку признает «неверную» идентичность субъекта. Соответственно, Тейлор прорабатывает прочную связь между (не)признанием и идентичностью: быть признанным особым обра-

зом приводит к обладанию определенной идентичностью (Hirvonen, 2012: 111). Однако попытки Тейлора развивать теорию коллективного признания столкнулись с критикой и обвинениями в излишней реификации и гомогенизации культурных групп (Benhabib, 2002: 58; Young, 2000: 87).

Ошибки Тейлора были учтены Акселем Хоннетом, указавшим, что признание может быть осуществлено только на индивидуальном уровне. Будучи учеником Юргена Хабермаса, Хоннет встраивает признание в свою концепцию коммуникативного действия, придерживаясь критического направления Франкфуртской школы. В отличие от Хабермаса, Хоннет в центр коммуникативного акта ставит притязания на взаимное признание как нормативное ожидание авторов коммуникации (Теркин, 2009: 63). При такой концептуализации задачей коммуникации становится обеспечение успешной самореализации агентов этой коммуникации. Признание у Хоннета служит ключом к пониманию процесса социального конфликта. Здесь явно прослеживается влияние Бурдьё и его идеи символического насилия, осуществляемого доминирующим классом по отношению к подчиненным. Хотя сам термин «борьба за признание» Хоннет заимствует у Гегеля, в этом концепте также кроется идея того, что конфликты в обществе обусловлены недостатком признания, в результате чего индивиды вынуждены постоянно его добиваться. Помимо непризнания Хоннет выделяет еще одну важную форму, ведущую к конфликтам и поддержанию неравенства, — отсутствие признания, выражаемое через невидимость (Хоннет, 2009). Под невидимостью Хоннет имеет в виду различные ситуации умышленного незамечания или игнорирования индивидов. Эти акты невнимания имеют социальную природу: люди более высокого социального положения не «видят» людей более низкого положения (или людей из различных стигматизированных групп). (Не)видимость структурирована двумя полюсами — восприятием и властью (Brighenti, 2007: 324). Так, например, Нечла Ачик и Хилари Пилкинтон описывают, как процессы подобного ошибочного признания (misrecognition) группы молодых мусульман приводят к тому, что происходит постоянная актуализация терроризма как угрозы, исходящей преимущественно от мусульман. Особенность ошибочного признания в том, что оно регулярно и устойчиво, происходит в конкретное время и в особых местах (Pilkington, Acik, 2020: 188). Однако важнее то, что ошибочное признание имеет институционализированный характер как на уровне культурных ценностей, так и социально-экономического неравенства. Тем самым непризнание, выражаемое через нежелание видеть отличия культурной группы, приводит к закреплению культурного неприятия, ведущего к эмоциональному отстранению от группы и даже неприязни к ней. Одна из парадоксальных форм признания, связанная с идеей видимости, заключается в желании быть невидимым — стать «как все», не выделяться в качестве типичного представителя группы, на которого может быть направлен акт ошибочного признания (Oeur, 2016). В своих разработках признания Хоннет остается крайне чувствителен к тому, как признание создает не просто неравное социальное положение, но как оно конструирует чувство неравной ценности

и самодостаточности. Идея невидимости позволяет Хоннету показать культурный потенциал признания, задаваться вопросом о том, что же первично — узнавание или распознавание? В своем ответе Хоннет, безусловно, склоняется к последнему: в признании крайне важен процесс надления объекта ценностью, с элементами не просто идентификации, но одобрения. Соответственно, под признанием Хоннет понимает «публичное подтверждение позитивной социальной ценности (или позитивных качеств) субъекта или группы» (Honneth, 2014: 329). В подобном определении явно прослеживается бурдьевистская логика работы с признанием как механизмом легитимации. Однако для Хоннета признание носит фундаментальный характер — оно является основой коммуникации между людьми. Если же акты непризнания происходят систематически, то это не только нарушает течение повседневной жизни, но и поднимает вопросы о справедливости (Теркин, 2009: 64). Отсутствие признания ставит под угрозу возможность самореализации агентов признания.

Признание как механизм пересечения границ: дискриминация, стигматизация, исключение

Хоннет заостряет вопрос признания как ключевого в теме неравенства. Его стремление показать критическую роль признания в сравнении с распределением послужило толчком для становления новой программы социологии неравенства, вдохновленной изучением культурного измерения неравенства в противовес его структурному измерению. Скрестив разработки Хоннета и Бурдьё, Мишель Ламон вывела разговор о признании, культуре и неравенстве на новый уровень, сформировав целое крыло последователей. Свое исследование признания как социального процесса Ламон начала в работе «The Dignity of Working Men», где в качестве центральной категории анализа использует понятие «достоинство» (Lamont, 2000). Следуя бурдьевистской логике, Ламон ставит в центр выстраивание границ (boundary work). Категория достоинства играет ключевую роль в том, как представители нижнего среднего класса оценивают себя и других, как они конструируют сходства и различия между собой и другими группами, при помощи каких категорий интерпретируют эти различия. Ламон обнаружила важную черту, присущую тому, как конструируется разница между классами и группами людей: значимая часть различий связана с тем, как прокладываются моральные границы. В основу различий между исследуемыми Ламон группами ложится не разница в социальном положении или бэкграунде, но разница в социальной оценке, строящейся на конвенционально разделяемых моральных ориентирах. Это и последующие исследования Ламон привели к тому, что дальнейшее изучение признания стало плотно связано с темой границ: как они выстраиваются, где проходят и насколько прозрачны. Признание здесь есть механизм, благодаря которому появляется возможность пересекать эти границы и становиться причастным к той или иной группе. Наследующая Бурдьё логика изучения признания в терминах симво-

лических и социальных границ получила, однако, важное отличие. Для Бурдье ключевым в изучении границ был фокус на культурном капитале и социальных позициях, которые они порождают (Lamont, Molnár, 2002: 173). Ламон и другие исследователи предлагают ставить акцент на проницаемости и разнообразии видов границ, исследуя их свойства, значимость, выраженность и механизмы изменения (Lamont, 2012: 234), а также множественность границ, их пересечения и влияние на границы институциональных и культурных форм (Pachucki et al., 2007: 344).

Признание с точки зрения конструирования символических границ осмысляется через два полярных феномена — элитарность и маргинальность. Эми Биндер и Андреа Абель используют идею границ для изучения того, как студенты элитных университетов выполняют символическую работу по поддержанию своего статуса и выстраиванию иерархии по отношению к студентам других университетов (Binder, Abel, 2019). Критерии, по которым они различают университеты и их подопечных, указывают не только на статус университета, но и на статусную позицию самих студентов. То, как студенты описывают особенности образования, структуры университета и его ценностей, указывает и на то, какими людьми они себя видят и какими специалистами хотят быть. Подобная культурная работа, направленная на создание символических границ, носит рекурсивный характер: конструирование своей элитности создается за счет принадлежности к элитному университету, а эта принадлежность постоянно поддерживается с целью осуществления конструирования элитности. Процесс отказа группам и индивидам в признании и маркирование их как аутсайдеров нашел выражение в терминах стигматизации и дискриминации. Помимо ограничения доступа к ресурсам по причине расы, этничности, национальности (дискриминации) исследователей интересуют процессы приписывания индивиду свойств, идентифицирующих его как недостойного уважения. Стигматизация связана с субъективными переживаниями инцидентов, в которых индивид испытывает неуважение, а его достоинство, честь и статус ставятся под сомнение (Lamont et al., 2016: 6). Обычно дискриминация сопровождается ощущением стигматизации, но часто случается, что стигматизация проходит без дискриминации. Прямым обозначением стигматизации, не связанной с дискриминацией, является посягательство на достоинство (*assault on worth*). Стигматизация также приводит к тому, что Ламон называет разрывами в признании (*recognition gaps*) — к несоответствию в определении своей ценности и культурной принадлежности к группам (Lamont, 2018: 419). Ламон связывает три ключевых для ее работ о признании понятия: дестигматизация, культурное членство и культурные репертуары. Дестигматизация позволяет индивидам с низким статусом получить признание и культурное членство. Культурное членство закрепляет статус индивида, который становится «коллективно определен как ценный для членов сообщества» (Lamont, 2018: 423). При этом Ламон указывает не просто на коллективную природу признания, но и на его возможность «накопительного эффекта»: чем больше групп осуществляет акт признания, тем больше вклад в культурный процесс признания, понимаемый как «растущий консенсус

относительно равной ценности социальных групп» (Ibid.). Культурные репертуары задают рамки и возможности для признания, определяя как субъекта, так и механизмы признания: они оказывают непосредственное влияние на границы, поскольку предоставляют нарративы о ценности и позициях различных групп (Lamont, 2018: 427).

Андреа Войер и Ванесса Баркер показывают, что помимо стигматизации и расиализации процессы разрывов в признании (recognition gaps) находят выражение в культурных процессах переозначивания (resignification) и инверсии (Voyer, Barker, 2023). Переозначивание есть процесс обращения к символическому центру, в результате которого все, что находится на периферии, помечается как нерелевантное. Так, во время эпидемии COVI-19 иммигранты были исключены из категории «шведского населения», понимаемой как однородная и эссенциализированная сущность. Что же касается механизма инверсии, то ее эффект заключается в том, что неравенство становится причиной, заменяющей свои собственные последствия — подобным образом объяснялась высокая смертность среди мигрантов в Швеции во время COVID-19 (Voyer, Barker, 2023). Подобные процессы разрывов признания носят критический характер для тех, кому они атрибутированы.

Признание как механизм культурного членства: модели самости, культурные репертуары, критерии оценки

Важным элементом в осмыслении процессов (не)признания в связке со стигматизацией и дестигматизацией становится понятие «групповость» (groupness). Групповость формируется символическими границами (идентификация и различение других групп) и социальными границами (паттерны социоэкономического неравенства, социальная сегрегация) (Lamont, 2018: 280). Идея групповости включает границы, проводимые по отношению к аутгруппам; пространственную сегрегацию, испытываемую группой; смыслы, связанные с группой; закрытость или универсалистская ориентация (Lamont, 2018: 279). Признание позволяет добиться так называемого культурного членства и дает ощущение групповости, важного для поддержания у индивида чувства причастности. Однако на практике, как отмечает Ламон, людям сложно получить признание и стать частью некоторой группы. Важную сдерживающую роль в этом процессе играют ограничивающие критерии самооценки, по которым люди считают себя и других достойными признания. Множественность критериев оценки и самооценки показывает нам, что процедура признания не универсальна, она выстроена по определенным правилам, где признание может быть выдано только определенному типу личности, соответствующему набору критериев достойного человека. Исследователи отмечают, что распространенные в обществе культурные модели оценивания напрямую влияют на то, какие люди признаются и включаются во взаимодействие, а какие расцениваются как недостойные. Культурные модели задают представления о том, каким человеком быть. Подобное рассмотрение признания как оценивания социальных

установок, инкорпорированных в структуру поведения, безусловно, наследует модели габитуса Бурдьё. Как уже было описано выше, личность в социологии Бурдьё зависима от признания другими. Свойства личности могут пониматься как символический капитал, отчуждаемый изнутри личности, и пространство коммуникации (Mead, 2021). Эти свойства принадлежат человеку лишь пока они признаются таковыми, что позволяет говорить о социальной сконструированности личности и ее черт. Обращаясь к признанию, исследователи, как правило, используют понятие «характер» (character). По мнению Эндрю Сайера, характер чем-то напоминает габитус, поскольку также представляет собой набор выученных укоренившихся диспозиций, используемых индивидом. Однако важное отличие характера в том, что он подсвечивает моральные диспозиции, влияющие на то, как люди относятся друг к другу (Sayer, 2020: 462). Если габитус (и личность) в большей степени отсылают к набору определенных правил, усваиваемых и реализуемых субъектом, то характер — к оценке и моральному суждению, выносимому по отношению к чертам характера. Характер в такой концептуализации становится совокупностью диспозиций, рекомендуемых, как вести себя по отношению к себе и другим так, чтобы достичь благ или страданий (Sayer, 2020: 462). Соответственно, характер указывает на моральные качества, которые позволяют оценивать человека и выносить суждение о том, является ли он «хорошим».

Наиболее культурно чувствительный анализ связи признания, уважения и характера предлагает Ричард Сеннет (Сеннет, 2004; Сеннет, 2018; Sennet, 2003). Он замечает, что распределение уважения и признания неравномерно, и эти процессы связаны с тем, как в обществе конструируется характер. Сеннет выделяет три способа, благодаря которым формируется характер, заслуживающий уважения: саморазвитие (развитие своих способностей и навыков), забота о себе (умение быть самодостаточным, не зависеть от другого человека), умение отдавать другим (поддержка социального обмена) (Sennet, 2003). Поскольку характер требует постоянной демонстрации, то другим важным фактором получения признания становится наличие таланта или навыков. Эту оппозицию Сеннет вводит, чтобы показать, что современный характер существует между двумя полюсами — обладанием потенциальной способностью или реальными достижениями. Сеннет указывает, что в обществе талант занимает первичную роль — талантливый человек охотнее получит признание, а замечания «у тебя маленький потенциал» воспринимаются как более удручающие по сравнению с «ты допустил ошибку». Это неравномерное признание на основании таланта приводит к различным формам неравенства, создавая в том числе институциональную систему привилегий, поощряющих талант в противовес реальным способностям (Сеннет, 2018; Sennet, 2003). Проблема неравного таланта, постоянное сравнение себя с другими приводит к формам неравенства, базирующегося на различиях в способностях. В результате оценка способностей превратила «детство в первичную сцену социального неравенства» (Sennet, 2003), появились институты, определяющие рамки таланта (например, профессиональные комитеты). Однако сами по себе способности и талант не не-

сут столь серьезного воздействия — гораздо важнее, в рамках какого типа характера они реализуются. Сеннет считает, что способности могут выражаться в двух типах характера — «ремесленника» или «мастера». Ремесло связано со способностью делать вещи хорошо; мастерство — с демонстрацией другим, как хорошо что-то сделано. На первый взгляд именно «ремесленник» заслуживает большего уважения, однако Сеннет отмечает, что «мастерство» не менее важно, поскольку именно оно определяет направленность характера на других людей (Sennet, 2003). Соответственно, «ремесло» формирует самоуважение, тогда как «мастерство» — взаимное уважение. Таким образом, идея признания и ценности человека плотно связана не только с обязанностями характера, но и с трудом (который, однако, тоже формирует особый тип характера). В своей более ранней работе Ричард Сеннет и Джонатан Кобб отмечают, что степень ценности человека становится измерением его продуктивности, выстраивая неравенство по критерию того, кто более социально ценен (Sennet, Cobb, 1972: 264). Связь личности, признания и труда особенно важна в контексте современных исследований, рассматривающих труд с неолиберальных позиций, ставящих во главу угла автономию личности и накопление навыков.

Личность (или характер) не только влияет на модели поведения, но и сама формируется под влиянием культурных и социальных сил. Добродетели и качества, делающие человека «хорошим», разнообразны и зависят от культурных, религиозных, философских предпочтений сообщества. Модели характера (кто является хорошим человеком, мужчиной, женщиной) воплощаются в фольклоре и популярной культуре в рамках историй о героях и злодеях (Sayer, 2020: 463). Модели оценки формируются как определенными культурными репертуарами, так и социальными институтами. Такими культурными репертуарами могут быть идея об американской мечте в США, концепция бразильской расовой демократии в Бразилии, синтез сионизма и дискурса прав человека в Израиле (Lamont et al., 2016). Мишель Ламон также указывает на возросшее в последние годы значение неолиберализма как доминирующего культурного репертуара, оказывающего критическое влияние на правила оценки и признания индивидов. В США неолиберальная идеология сформировала специфические критерии, по которым оценивается «хороший» человек. Текущая модель оценивания, выведенная Ламон из преимущественно американских данных и особенностей культурных репертуаров, учитывает в основном обладание материальными ресурсами. В этой модели обладания (having) признание получают те, у кого есть доступ к тем или иным ресурсам. Альтернативная модель бытования (being) исходит из оценивания себя и других на основе отношения с другими, опыта, моральных и других качеств. Она фокусируется на разнообразном опыте, который человек получает за время своей жизни, на различных ролях и достижениях, не связанных исключительно с материальным успехом. Соответственно, расширение культурного членства возможно за счет смены критериев самооценки от «having» к «being» (Lamont, 2019: 661).

Реинкарнация признания и развитие инклюзивности возможны при фокусировке на трех типах нарративов: плюрализм критериев ценности, обыденный универсализм, дестигматизация стигматизированных групп (Lamont, 2019: 683). Плюрализм критериев ценности связан с критикой неолиберальных сценариев самости, опирающихся на одномерную социальную иерархию, ранжирующую индивидов на основании их материальных ресурсов. Вместо этого предлагается закреплять условия, способствующие повышению ценности различных видов достижений, опыта, ролей. Обыденный универсализм делает акцент на значимости ценностей и стилей поведения, которые не зависят от ресурсов и поэтому могут быть достигнуты всеми (Lamont, 2019: 686). Он сосредоточен на тех аспектах, которые объединяют всех людей и делают их равными, независимо от внешних факторов. Дестигматизация связана с изменением восприятия стигматизированных групп. Важность дестигматизации заключается в стремлении к смене перспективы восприятия и отношения к подобным группам, а не просто в повышении осведомленности о неравенстве и дискриминации, с которыми эти группы сталкиваются (Lamont, 2019: 688). Существенным при обсуждении стигматизации с точки зрения признания становится появление ее новых форм. Такая стигматизация базируется на идее самодостаточности, ценимой в рамках неолиберальных нарративов. Те, кому не хватает самодостаточности, подвергаются новой форме стигматизации как неспособные самостоятельно распоряжаться своей жизнью и ресурсами. Важную особенность такой стигматизации отмечает Ева Иллуз: недостаток самооценки рассматривается как самоповреждение, а не как ущербность социальной структуры (Ilouz, 2019: 740). Более того, это начинает интерпретироваться как причина, по которой человек обладает низкой социальной мобильностью. Иллуз указывает, что в таком случае происходит инверсия: «следствие социального неравенства становится его причиной» (Ibid.). Это приводит к усилению стигматизации групп с нисходящей мобильностью.

Выявленные Ламон стратегии, однако, подверглись критике со стороны других исследователей неравенства. Так, одним из ключевых аргументов стало указание на то, что описанные ею формы расширения культурного членства в той или иной мере уже давно практикуются (Ilouz, 2019: 742). Более того, они работают и в обратную сторону: нарратив универсализма все равно создает групповые границы, а плюрализм ценностей может усиливать иерархию или опираться на более ригидные моральные и социальные основы (Kuipers, 2019: 713). Адия Вингфилд отмечает, что нарративы, отстаивающие универсализм и плюрализм критериев ценности, оказываются ключевыми элементами, при помощи которых чернокожие работники подвергаются расовой стигме, с которой они сталкиваются в профессиональной среде (Wingfield, 2019: 735). Рассуждения о том, как расширить критерии самооценки и культурного членства дополняет замечание Жизелинды Кайперс о необходимости рассмотрения оснований самих культурных нарративов. Она отмечает необходимость понимания того, что позволяет культурным нарративам

работать, как социальные факторы и структуры поддерживают культурные нарративы (Kuipers, 2019: 710).

Признание как моральный статус: достоинство, эмоции, моральные границы

Несмотря на нынешний всплеск интереса к признанию как культурному механизму неравенства, исследовательский мейнстрим продолжает ориентироваться на позиции «слабой» программы социологии культуры. Попытки отстроиться от теоретических оснований Бурдье тем не менее приводят к продолжению исследовательской линии, рассматривающей признание в качестве механизма классового воспроизводства неравенства. Само признание при этом выступает в качестве зависимой переменной, объясняемой при помощи доминирующих культурных режимов или гегемонии вкусов высшего класса. Рассмотрение признания как продукта статусных классификаций позволяет считать его только как производную от властных отношений. Однако помимо реализации власти и доминирования признание создает экзистенциальный разрыв между разными группами. Проблемы, которые отсутствие признания порождает, не ограничиваются лишь вопросом конструирования и поддержания различий между людьми. Эти различия в формах оказания уважения ложатся в основу ригидных и труднопреодолимых форм неравенства, приводящих к долгосрочным эффектам. В исследованиях признания не хватает морального измерения, которое показывало бы его культурную силу. Подобное упущение вытекает из доминирующей бурдьевицкой программы социологии культуры: несмотря на весь эвристический потенциал, в объяснительных схемах Бурдье отсутствует моральное измерение (Halewood, 2022). Следовательно, на периферии исследовательского взгляда остается то, как (не)признание появляется не в связке со статусом, но сопряженное с сильными эмоциями, возникающими при нарушении моральных ориентиров. На текущий момент существует лишь несколько работ, рассматривающих то, как признание вызывает к жизни мощные эмоциональные и моральные силы, что позволяет детальнее разглядеть его культурную природу.

Предпосылкой для анализа признания через призму морали служит идея переосмысления самого статуса признания как процесса. Описание признания в терминах морали позволяет рассматривать его не просто как процедуру закрепления индивида в социальной структуре, но как легитимирующую человека в качестве ценного при социальном взаимодействии (Dillon, 1994). Подобная социологическая операция требует перекодирования признания из сферы этики в сферу морали. Следовательно, признание с необходимостью должно затрагивать не вопросы самореализации, а справедливого совместного существования. Нэнси Фрейзер критикует стандартные модели признания, вдохновленные подходами Тейлора и Хоннета, которые определяют признание через идею идентичности (Fraser, Honneth, 2003; Fraser, 2001). Вместо этого Фрейзер предлагает это

делать через идею статуса, понимаемого как позиция, которая признает членов группы в качестве полноценных участников социального взаимодействия (Fraser, 2001: 24). Соответственно, отказ в признании связывается не просто с тем, что на кого-то «смотрят свысока» и появляются различного рода иерархии, но с тем, что человека не расценивают как равного партнера в коммуникации, отказывая ему в фундаментальном праве общения. Паритет участия является обязательным требованием для достижения справедливости и заключается в необходимости для всех людей общаться друг с другом на равных.

Подобную попытку описать признание в терминах морали впервые предприняла Мишель Ламон в уже упоминаемом исследовании по выстраиванию моральных границ (*moral boundary work*), ставшем вдохновением для последующих работ (Kantola, Kuusela, 2018; Kefalas, 2003; Lamont, 2000; Southerton, 2002). Однако и подход Ламон подвергся критике за излишне поверхностное рассмотрение морали, предполагающее зависимость моральных категорий от господствующих культурных и классовых репертуаров. Эндрю Сайер спорит с ней, отмечая, что поведение руководствуется не просто существующими культурными сценариями и внешними силами — обеспокоенность собой, другими и своим поведением исходит из культуры и морали (Sayer, 2011). Концепция работы по выстраиванию моральных границ показывает, как моральные диспозиции связаны с социальной дифференциацией и занимаемыми социальными позициями. Однако Сайер считает важным указать на два ограничения. Первое — заявляемые добродетели описываются как универсальные, а это означает, что они должны быть применимы для всех людей, а не только для представителей одного класса: «если бы эти ценности не считались универсальными, вряд ли можно было бы осуждать других за то, что они якобы не соответствуют им» (Sayer, 2005: 953). Второе — в силу этого предполагаемого универсализма работа по проведению моральных границ открыта для фальсификации, то есть ложного приписывания себе той или иной добродетели с целью получения признания (Ibid.). Исследование Ламон, однако, способствовало развитию важной идеи, что класс не просто связан с понятием идентичности, он морально «заряжен», таким образом и признание определяется пониманием моральной ценности (Savage et al.; Sayer, 2002). Сайер делает важную сцепку между классом, признанием и эмоциями, указывая, что класс способен вызывать сильные эмоции и переживания относительно своей классовой позиции. Эти эмоциональные реакции, в свою очередь, определяют то, какие образы жизни, практики и типы людей маркируются как ценные и желаемые. Именно в этой тонкой зависимости между переживаниями людей относительно своей классовой (не)позиции и самой классовой структуре Сайер видит потенциал для обращения к морали, необходимого, чтобы глубже понять связь между классом и признанием. Сайер указывает, что значительная часть нашей нормативной ориентации на мир находится на уровне эмоций и морали. При этом моральные суждения менее чувствительны к социальной позиции: хороший/плохой не связано напрямую с социальным различием, оно атрибутируется благодаря другим культурным

критериям, например, стереотипизацией. Сайер стремится показать двойственный характер моральных границ, имеющих одновременно дифференцирующую и универсализирующую природу. Важная особенность неравенства в таком случае заключается в том, что оно представляет людей с неравными основаниями для уважения как имеющих неравный доступ к практикам и благам, которые позволили бы получить признание. Признание других частично обусловлено поведением и достижениями, которые, в свою очередь, зависят от доступа к ценным благам и практикам (Sayer, 2005: 960). Проведение моральных границ усугубляет классовые эффекты, усиливая классовую неприязнь. К схожему выводу приходит и Вольфганг Леманн, показывая, что люди постоянно заняты осмыслением своей классовой позиции и того, как и кем они хотят быть признаны (Lehmann, 2009: 635). Однако проведение моральных границ в вопросах признания он предлагает понимать гибко и относиться к ним не как к жестким барьерам, призванным отграничить классы, но как к основе для амбиций, помогающих получить признание (Lehmann, 2009: 643).

Заключение: проблемы существующих подходов

В рамках обзора нами ставилась задача обозначить существующие в социологии неравенства подходы к тому, как теоретизируется признание в качестве самостоятельного и автономного культурного измерения. Какие ориентиры признание как механизм неравенства открывает для того, чтобы двигаться дальше? Подробное рассмотрение понятия позволяет нам прийти к следующим выводам.

Концепт признания эклектичен. Он теоретически запутан, его источниками выбираются работы из совершенно разных областей. Эклектичность понятия не позволяет сформировать ограниченного количества источников и ресурсов, из которых концепт мог бы набирать свою силу — почти любая социологическая или философская теория может стать источником для концептуализации признания. За счет этого понятие теряет в своей эвристической силе — ссылки на идейных «основателей» признания приобретают номинальный характер, а ресурсы их теоретических подходов остаются неисследованными. В концептуальном поле признания отсутствуют попытки его определения как самостоятельного феномена. В социологических работах не дается подробного анализа признания, оно подразумевается как «очевидное». Соответственно, понятие вновь теряет свои потенциальные объяснительные возможности. Это приводит к риску исчезновения признания как объекта исследования: в качестве «признания» в итоге изучают что-то другое (например, статусные отношения). В силу отсутствия фиксированности концепт признания каждый раз собирается исследователями под конкретную задачу из разных ресурсов, тем самым он все еще продолжает быть крайне инструментальным.

При этом мы видим, что признание находится на фронтире современной социологии неравенства. Признание, как мы указывали ранее, служит культур-

ным механизмом неравенства, оно выступает как важная и неотъемлемая часть исследований, позволяющая пролить свет на культурные проблемы неравенства, связанные с эффектами потери социальных связей, отсутствия эмпатии и возникновения апатии (Куракин, 2020: 204). Отсутствие должной проработки признания не позволяет использовать его «на полную мощность» и изучать именно культурное измерение неравенства, влекущее появление гораздо более ригидных и болезненных форм. Потенциально продуктивным при реализации культурно чувствительного анализа неравенства представляется подход, рассматривающий признание с точки зрения проведения моральных границ, однако данное направление пока не получило плодотворного развития в рамках социологии неравенства.

Литература

- Бурдые П.* (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 44–59.
- Вебер М.* (1994). Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. С. 169–183
- Гегель Г. В. Ф.* (1999). Система наук: Часть первая: Феноменология духа. СПб.: Наука.
- Куракин Д.* (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167–231.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И.* (1996). Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс.
- Сеннет Р.* (2004). Коррозия характера. М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды».
- Сеннет Р.* (2018). Мастер. М.: Strelka Press.
- Теркин А.* (2009). Анализ нормативной грамматики социальной жизни в теории борьбы за признание // ТопоС. Т. 1. № 21. С. 60–76.
- Тимофеева О.* (2016). Свобода — это рабство // Новое литературное обозрение. № 141.
- Хоннет А.* (2009). Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. Т. 1. № 29. С. 79–91.
- Benhabib S.* (2002). The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton University Press.
- Binder A. J., Abel A. R.* (2019). Symbolically Maintained Inequality: How Harvard and Stanford Students Construct Boundaries among Elite Universities // Sociology of Education. Vol. 92. № 1. P. 41–58.
- Bourdieu p.* (2000). Pascalian Meditations / trans. R. Nice. Cambridge: Polity.
- Brighenti A.* (2007). Visibility: A Category for the Social Sciences // Current Sociology. Vol. 55. № 323. P. 323–342.
- Dahl H. M.* (2004). A view from the inside: Recognition and redistribution in the Nordic welfare state from a gender perspective // Acta Sociologica. Vol. 47. № 4. P. 325–337.
- Dillon R. S.* (Ed.). (1994). Dignity, Character and Self-Respect (1st ed.). Routledge.

- Fraser N. (2001). Recognition without ethics? // *Theory, Culture & Society*. Vol. 18. № 2–3. P. 21–42.
- Fraser N., Honneth A. (2003). *Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange*. Verso.
- Halewood M. (2023). 'Class is Always a Matter of Morals': Bourdieu and Dewey on Social Class, Morality, and Habit(us) // *Cultural Sociology*. Vol. 17(3). P. 373–389.
- Heidegren C. G. (2004). Recognition and social theory // *Acta Sociologica*. Vol. 47. № 4. P. 365–373.
- Hirvonen O. (2012). Taylor and the problem of recognizing cultural groups // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 1. P. 109–124.
- Honneth A. (2014). *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Illouz E. (2019). Is self-worth crucial for the reproduction of inequality? A response to Michele Lamont's Lecture // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. №3. P. 739–746.
- Kantola A., Kuusela H. (2019). Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs' Moral Boundaries // *Sociology*. Vol. 53(2). P. 368–384.
- Kefalas M. (2003). *Working-Class Heroes: Protecting Home, Community and Nation in a Chicago Neighbourhood*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Kuipers G. (2019). Cultural narratives and their social supports, or: sociology as a team sport // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 708–720.
- Lamont M. (2000). *The Dignity of Working Men. Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Harvard University Press.
- Lamon, M. (2012). How Has Bourdieu Been Good to Think With? The Case of the United States // *Sociological Forum*. Vol. 27. № 1. P. 228–237
- Lamont M. (2017). *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion and Academic Evaluation*. Erasmus Prize Essay. Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M. (2018). Addressing Recognition Gaps: Destigmatization and the Reduction of Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 83. № 3. P. 419–444.
- Lamont M. (2019). From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 660–707.
- Lamont M., Molnár V. (2002). The study of boundaries in the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. № 1965. P. 167–195.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrachi N., Herzog H., Reis E. (2016). *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*. Princeton University Press.
- Lehmann W. (2009). Becoming middle class: How working-class university students draw and transgress moral class boundaries // *Sociology*. Vol. 43. № 4. P. 631–647.
- Lovell T. (2007). Nancy Fraser's integrated theory of justice: a 'sociologically rich' model for a global capitalist era? // (Mis)recognition, Social Inequality and Social Justice. Nancy Fraser and Pierre Bourdieu. Routledge. P. 66–87
- Mead G. (2021). Proper recognition: Personhood and symbolic capital in contemporary sociology // *Current Sociology*. Vol. 69. № 1. P. 24–40.

- Meisenhelder T.* (2006). From character to habitus in sociology // *The Social Science Journal*. Vol. 43. P. 55–66.
- Oeur F.* (2016). Recognizing Dignity: Young Black Men Growing Up in an Era of Surveillance // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 2. P. 1–15.
- Pachucki M. A., Pendergrass S., Lamont M.* (2007). Boundary processes: Recent theoretical developments and new contributions // *Poetics*. Vol. 35. № 6. P. 331–351.
- Pilkington H., Acik N.* (2020). Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims // *Sociology*. Vol. 54. № 1. P. 181–198.
- Ridgeway C. L.* (2014). Why Status Matters for Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 79. № 1. P. 1–16.
- Savage M.* (2019). The challenge of inequality in US society // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 755–760.
- Savage M., Bagnall G., & Longhurst B.* (2001). Ordinary, Ambivalent and Defensive: Class Identities in the Northwest of England // *Sociology*. Vol. 35(4). P. 875–892.
- Sayer A.* (2002). What are you Worth?: Why Class is an Embarrassing Subject // *Sociological Research Online*. Vol. 7(3). P. 19–35.
- Sayer A.* (2005). Class, moral worth and recognition // *Sociology*. Vol. 39. № 5. P. 947–963.
- Sayer A.* (2011). *Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Sayer A.* (2020). Critiquing — and Rescuing — ‘Character.’ // *Sociology*. Vol. 54. № 3. P. 460–481.
- Sembou E.* (2003). Hegel’s idea of a “struggle for recognition”: the ‘phenomenology of spirit’ // *History of Political Thought*. Vol. 24. № 2. P. 262–281.
- Sennet R., Cobb R.* (1972). *The Hidden Injuries of Class*. New York: Alfred A. Knopf.
- Sennett R.* (2003). *Respect in a World of Inequality*. W. W. Norton & Company.
- Southerton D. K.* (2002). ‘Boundaries of “Us” and “Them”’: Class, Mobility and Identification in a New Town’ // *Sociology*. Vol. 36. № 1. P. 171–193.
- Swanson J.* (2005). Recognition and Redistribution: Rethinking Culture and the Economic // *Theory, Culture & Society*. Vol. 22. № 4. P. 87–118.
- Taylor C.* (1992). *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism and the Politics of Recognition* / A. Gutmann ed.. Princeton: Princeton University Press. P. 25–74.
- Voyer A., Barker V.* (2023). Recognition Gaps and COVID Inequality: The Case of Immigrants in Sweden // *Cultural Sociology*. <https://doi.org/10.1177/17499755231170700>
- Wacquant L.* (ed.) (2005). *Pierre Bourdieu and Democratic Politics*, Cambridge: Polity.
- Wingfield A. H.* (2019). Who’s ‘having’? Who’s ‘being’? A response to Lamont // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 731–738.
- Young I. M.* (1997). ‘Unruly categories: a critique of Nancy Fraser’s dual systems theory’ // *New Left Review*. Vol. 222. P. 147–160.
- Young I. M.* (2000). *Inclusion and democracy*. Oxford: Oxford University Press.

Recognition Within the Sociology of Inequality: a Review of Theoretical Approaches

Maria Kucheryavaya

MA in Sociology, Research Assistant at the Moscow Centre for Cultural Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: mkucheryavaya@hse.ru, mkucheryavaya96@gmail.com

Inequality remains one of the most fundamental problems of the modern world. Usually, inequality is examined through the prism of its economic causes and consequences. However, this logic excludes an important element from the explanatory model: in addition to economic barriers, inequality generates cultural obstacles. It creates gaps between people, forming often impenetrable boundaries between different social groups. Inequalities shaped by cultural differences take rigid and enduring forms and are extremely difficult to eliminate. We will refer to such cultural processes of inequality associated with categorizing groups of people and assigning value to them as *recognition*. The study of recognition as a cultural mechanism of inequality has in recent years emerged as a significant frontier in contemporary sociology of inequality, and appears to be a critical element necessary for a comprehensive understanding of inequality processes. The purpose of this review is to show how the cultural dimension of inequality that we have identified, which we will further refer to as recognition, is thematized in sociological studies of inequality and culture. We want to show that issues of respect and dignity have always been at the core of the conversation about inequality. Despite the abundance of relevant research, the concept of recognition remains problematic: it is overly eclectic and poorly grounded in sociological theory.

Keywords: recognition, inequality, culture, sociology of culture, justice, morality, emotions

References

- Benhabib S. (2002) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*, Princeton University Press.
- Binder A. J., Abel A. R. (2019) Symbolically Maintained Inequality: How Harvard and Stanford Students Construct Boundaries among Elite Universities. *Sociology of Education*, vol. 92, no 1, pp. 41–58.
- Bourdieu p. (1998) Struktura, gabbitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal Sociologii i Social'noj Antropologii*, no 2, pp. 44–59.
- Bourdieu p. (2000) *Pascalian Meditations* (trans. R. Nice), Cambridge: Polity.
- Brighenti A. (2007) Visibility: A Category for the Social Sciences. *Current Sociology*, vol. 55, no 323, pp. 323–342.
- Dahl H. M. (2004) A view from the inside: Recognition and redistribution in the Nordic welfare state from a gender perspective. *Acta Sociologica*, vol. 47, no 4, pp. 325–337.
- Dillon R. S. (Ed.). (1994) *Dignity, Character and Self-Respect* (1st ed.), Routledge.
- Fraser N. (2001) Recognition without ethics? *Theory, Culture & Society*, vol. 18, no 2–3, pp. 21–42.
- Fraser N., Honneth A. (2003) *Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange*, Verso.
- Halewood M. (2023) 'Class is Always a Matter of Morals': Bourdieu and Dewey on Social Class, Morality, and Habit(us). *Cultural Sociology*, vol. 17, no 3, pp. 373–389.
- Hegel G. W. F. (1999) *Sistema nauk: Chast' pervaja: Fenomenologija duha* [System of Sciences: Part One: Phenomenology of the Spirit], Sankt Peterburg: Nauka.
- Heidegren C. G. (2004) Recognition and social theory. *Acta Sociologica*, vol. 47, no 4, pp. 365–373.
- Hirvonen O. (2012) Taylor and the problem of recognizing cultural groups. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, vol. 13, no 1, pp. 109–124.
- Honneth A. (2009) Nevidimost'. O moral'noj jepistemologii priznanija [Invisibility. On the moral epistemology of recognition]. *Kantovskij Sbornik*, vol 1, no 29, pp. 79–91.

- Honneth A. (2014) *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Illouz E. (2019) Is self-worth crucial for the reproduction of inequality? A response to Michele Lamont's Lecture. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 739–746.
- Kantola A., Kuusela H. (2019) Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs' Moral Boundaries. *Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 368–384.
- Kefalas M. (2003) *Working-Class Heroes: Protecting Home, Community and Nation in a Chicago Neighbourhood*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Kuipers G. (2019) Cultural narratives and their social supports, or: sociology as a team sport. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 708–720.
- Kurakin D. (2020) Tragedija neravenstva: raschelovechivaja «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167–231.
- Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men. Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*, Harvard University Press.
- Lamont M. (2012) How Has Bourdieu Been Good to Think With? The Case of the United States. *Sociological Forum*, vol. 27, no 1, pp. 228–237.
- Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion and Academic Evaluation. Erasmus Prize Essay*, Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M. (2018) Addressing Recognition Gaps: Destigmatization and the Reduction of Inequality. *American Sociological Review*, vol. 83, no 3, pp. 419–444.
- Lamont M. (2019) From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 660–707.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1965, pp. 167–195.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrahi N., Herzog H., Reis E. (2016) *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*, Princeton University Press.
- Lehmann W. (2009) Becoming middle class: How working-class university students draw and transgress moral class boundaries. *Sociology*, vol. 43, no 4, pp. 631–647.
- Lovell T. (2007) Nancy Fraser's integrated theory of justice: a 'sociologically rich' model for a global capitalist era? (*Mis*)recognition, *Social Inequality and Social Justice. Nancy Fraser and Pierre Bourdieu*, Routledge, pp. 66–87.
- Mead G. (2021) Proper recognition: Personhood and symbolic capital in contemporary sociology. *Current Sociology*, vol. 69, no 1, pp. 24–40.
- Meisenhelder T. (2006) From character to habitus in sociology. *The Social Science Journal*, vol. 43, pp. 55–66.
- Oeur F. (2016) Recognizing Dignity: Young Black Men Growing Up in an Era of Surveillance. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 2, pp. 1–15.
- Pachucki M. A., Pendergrass S., Lamont M. (2007) Boundary processes: Recent theoretical developments and new contributions. *Poetics*, vol. 35, no 6, pp. 331–351.
- Pilkington H., Acik N. (2020) Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims. *Sociology*, vol. 54, no 1, pp. 181–198.
- Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996) *Social'naya stratifikaciya* [Social Stratification], Moscow: Aspekt Press.
- Ridgeway C. L. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review*, vol. 79, no 1, pp. 1–16.
- Savage M. (2019) The challenge of inequality in US society. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 755–760.
- Savage M., Bagnall G., Longhurst B. (2001) Ordinary, Ambivalent and Defensive: Class Identities in the Northwest of England. *Sociology*, vol. 35, no 4, pp. 875–892.
- Sayer A. (2002) What are you Worth?: Why Class is an Embarrassing Subject. *Sociological Research Online*, vol. 7, no 3, pp. 19–35.
- Sayer A. (2005) Class, moral worth and recognition. *Sociology*, vol. 39, no 5, pp. 947–963.
- Sayer A. (2011) *Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.

- Sayer A. (2020) Critiquing — and Rescuing — ‘Character.’ *Sociology*, vol. 54, no 3, pp. 460–481.
- Sembou E. (2003) Hegel’s idea of a “struggle for recognition”: the ‘phenomenology of spirit.’ *History of Political Thought*, vol. 24, no 2, pp. 262–281.
- Sennet R. (2004) *Korrozija haraktera* [The Corrosion of Character], Moscow: Fond Socio-prognosticheskikh Issledovanij “Trendy”.
- Sennet R. (2018) *Master* [The Craftsmen], Moscow: Strelka Press.
- Sennet R., Cobb R. (1972) *The Hidden Injuries of Class*, New York: Alfred A. Knopf.
- Sennett R. (2003) *Respect in a World of Inequality*, W.W. Norton & Company.
- Southerton D.K. (2002) ‘Boundaries of “Us” and “Them”’: Class, Mobility and Identification in a New Town.’ *Sociology*, vol. 36, no 1, pp. 171–193.
- Swanson J. (2005) Recognition and Redistribution: Rethinking Culture and the Economic. *Theory, Culture & Society*, vol. 22, no 4, pp. 87–118.
- Taylor C. (1992) The Politics of Recognition. *Multiculturalism and the Politics of Recognition* (A. Gutmann ed.), Princeton: Princeton University Press, pp. 25–74.
- Timofeeva O. (2016) Svoboda — jeto rabstvo [Freedom is slavery]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 141.
- Tjorkin A. (2009) Analiz normativnoj grammatiki social’noj zhizni v teorii bor’by za priznanie [An analysis of the normative grammar of social life in the theory of the struggle for recognition]. *Topos*, vol. 1, no 21, pp. 60–76.
- Voyer A., Barker V. (2023) Recognition Gaps and COVID Inequality: The Case of Immigrants in Sweden. *Cultural Sociology*. <https://doi.org/10.1177/17499755231170700>
- Wacquant L. (ed.) (2005) *Pierre Bourdieu and Democratic Politics*, Cambridge: Polity.
- Weber M. (1994) Osnovnye ponyatiya stratifikacii [Basic notions of stratification]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 169–183
- Wingfield A. H. (2019) Who’s ‘having’? Who’s ‘being’? A response to Lamont. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 731–738.
- Young I. M. (1997) ‘Unruly categories: a critique of Nancy Fraser’s dual systems theory’. *New Left Review*, no 222, pp. 147–160.
- Young I. M. (2000) *Inclusion and democracy*, Oxford: Oxford University Press.

Множественность рациональностей в жилищной сфере стран Африки и Европы: обзор современных небинарных подходов¹

Денис Литвинцев

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента

Новосибирский государственный технический университет
Адрес: пр-т К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073 Российская Федерация
E-mail: denlitv@inbox.ru

Основной задачей настоящей статьи является обзор разнообразных теоретико-методологических подходов к исследованию жилищных проблем, в основе которых лежат классические представления о множественности рациональностей, заданные преимущественно М. Вебером в рамках экономико-социологического подхода, а также М. Дуглас в рамках социально-культурной антропологии. Автор статьи, с опорой на междисциплинарный подход, обращается к современным исследованиям проблем рациональности в жилищной сфере различных стран, расположенных преимущественно на Африканском и Европейском континентах. Несмотря на отсутствие прямой связи между разрозненными исследованиями, был подтвержден единогласный отказ представителей различных дисциплин от бинарного подхода «рациональный — иррациональный» при анализе жилищных процессов. При этом обнаруженная разность подходов заключается в уровне анализа рациональности (цивилизационный, национальный, городской и т. д.), в исследуемом субъекте, осуществляющем социальные действия (государство, предприниматели и т. п.), а также в особенностях методологической позиции непосредственно самих исследователей (поведенческая экономика, неоинституционализм и др.). В заключении отмечается, что наследие Вебера сыграло решающую роль в формировании представлений о множественности рациональностей в жилищных исследованиях.

Ключевые слова: жилищная социология, множественность рациональностей, конфликт рациональностей, конкуренция рациональностей, взаимодействие рациональностей, жилищная рациональность, пространственная рациональность, доказательная рациональность, ограниченная рациональность

Традиционно социологическая наука была во многом ориентирована на Запад. Особенно справедливо данное утверждение и в отношении жилищной социологии, зародившейся в стенах Чикагской школы наравне с социологией города. Однако в контексте глобализации проблемы и достижения в том числе африканских стран становятся все более актуальными для других регионов мира, включая Европу и Россию. В последние десятилетия Африка демонстрирует стабильный рост в экономике, политике и социальной сфере. Кроме того, разворот России на Восток и Глобальный Юг в последние годы усиливает интерес к социологическим исследованиям африканских коллег и придает их результатам особую важ-

1. Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

ность в контексте взаимовыгодных российско-африканских отношений, перспектив сотрудничества и отстаивания собственных интересов.

Жилищная сфера играет центральную роль в жизни любого общества, поскольку она непосредственно связана с базовыми человеческими потребностями и социокультурными практиками. Это не только физическое пространство проживания, но и отражение социальных структур, экономических условий и культурных норм. Для стран Африки, где социокультурные особенности и исторический контекст существенно влияют на формирование жилищных практик, эта сфера приобретает особую значимость. Неслучайно современные задачи развития рынка жилищного строительства Африканского континента активно обсуждались на экономическом форуме «Россия — Африка» в 2019 году. В условиях серьезного дефицита жилья в странах Африки российские компании заинтересованы в развитии рынка жилищного строительства в рамках делового сотрудничества с участием Минстроя России². Тем не менее реализация целей сотрудничества может столкнуться не просто с несовершенством правовой базы, незрелостью финансовой системы и высокими ставками по ипотеке, но и конфликтом рациональностей в жилищной сфере, что требует особого изучения.

Рассмотрение бывших колониальных стран как мест, где отсутствует рациональность, характерная для Запада, является распространенной, но устаревшей и ограниченной точкой зрения. Эта тенденция имеет негативные последствия и не позволяет адекватно оценить сложные реалии и динамику развития африканских стран. Понимание рациональности в разных контекстах требует учета уникальных исторических, социокультурных, экономических и политических факторов. Подход, который игнорирует местные формы рациональности, приводит к стереотипам и недооценке инновационных решений, которые могли бы быть полезны на глобальном уровне. Это также затрудняет понимание того, как различные культурные и исторические контексты формируют эффективные модели управления и использования ресурсов на рынке жилищного строительства. Например, в африканских городах наблюдается применение уникальных подходов к неформальному жилью и городскому планированию, которые дают ценные уроки для других развивающихся стран и непосредственно для городов Европы и России, сталкивающихся с аналогичными вызовами.

Таким образом, основной задачей настоящей статьи является обзор различных подходов к исследованию множественности рациональностей в жилищной сфере, связей рациональности и реальностей жизни как в странах Европы, так и Африки, а также в России и других странах. В основе представлений о существовании множества конкурирующих/конфликтующих рациональностей (в отличие от бинарного подхода «рациональный — нерациональный») лежат классические работы по экономике и социологии Макса Вебера и культурной антропологии Мэри Дуг-

2. См.: Современные задачи для развития рынка жилищного строительства Африканского континента. URL: <https://roscongress.org/sessions/africa-2019-sovremennyye-zadachi-dlya-razvitiya-rynka-zhilishchnogo-stroitelstva-afrikanskogo-kontinenta/discussion/> (дата обращения: 26.08.2024).

лаС. Подобный обзор является лишь отправной точкой для дальнейших, более глубоких исследований жилищной рациональности на разных континентах, что необходимо для эффективного российско-африканского сотрудничества в сфере жилищного строительства.

Рациональность и жилищная сфера

Понимание рациональности значительно изменилось с начала XXI века. Все больше внимания уделяется множественности рациональностей, каждая из которых, по мнению А. МакГрата, адаптирована к конкретным задачам сообществ практиков (включая жилищную сферу. — *Прим. авт.*). Можно представлять мир в качестве онтологического единства, но при этом разные ученые используют множество методов для исследования и описания этого мира. Подобное развитие научной мысли поставило под вопрос как апелляцию к универсальной рациональности, характерную для эпохи Просвещения, так и простую бинарность «рациональный — иррациональный» (McGrath, 2018).

Рациональность является, вероятно, одной из главных тем в творчестве М. Вебера. Четыре типа рациональности (практическая, теоретическая, субстантивная и формальная) проявляются во множестве процессов рационализации, организованных на всех уровнях общественного и цивилизационного процесса (Weber, 1978). Практическая рациональность связана с чисто прагматическими и эгоистическими интересами индивидов. Теоретическая рациональность представлена абстрактными познавательными процессами, находящимися в конфронтации с личным опытом. Субстантивная рациональность есть проявление присущей человеку способности к ценностно-рациональному действию. В прямом антагонизме с ней находится формальная рациональность, легитимирующая рациональный выбор, основанный на повсеместно применяемых нормах и правилах (институтах. — *Прим. авт.*). С. Калберг справедливо подчеркивает, что множественность рациональностей, по Веберу, позволяет усматривать как конфликт (противоречие) между ними, так и их сочетание на всех социальных и цивилизационных уровнях (Kalberg, 1980).

Целесообразно отметить, что и теория культуры, представленная М. Дуглас и впоследствии развивавшаяся другими учеными, стремится понять плюралистическое поведение. Она предполагает, что поведение акторов является результатом определенного мировоззрения, то есть ожидания того, как реагирует мир. Существуют различные мировоззрения, ни одно из которых нельзя отбросить как иррациональное или неправильное. Существует множественность взаимоисключающих рациональностей — индивидуализм, иерархизм, эгалитаризм и изоляционизм/фатализм (Douglas, 1999), потому что каждая точка зрения рациональна сама по себе. Эти рациональности взаимно противоречат друг другу и вместе исчерпывают друг друга. Это означает, что любое решение, которое кажется идеальным для одной рациональности, иррационально с точки зрения других (Shahab, Hartmann, Jonkman, 2021). Экономико-социологический подход Вебера и культур-

но-антропологический подход Дуглас по большей части комплементарны. Неслучайно в обоих представлена классификация именно из четырех сопоставимых типов рациональности.

Будучи представителем традиции социологического номинализма, Вебер исключал возможность социального действия со стороны социальных субъектов, не являющихся индивидуумами (организации, институты и т.п.). Однако на сегодняшний день это рассматривается автором статьи как некоторое ограничение возможностей социологического анализа множественности рациональностей на разных уровнях социальной системы. Так, на примере исследования в Южной Африке можно утверждать, что в жилищной сфере существуют разные уровни конфликтующих рациональностей³: как внутри государства или между жителями, так и между государством и жителями (сообществами). Признание противоречивых рациональностей усложняет среду, в которой действуют специалисты по городскому планированию, а также приводит к задержкам в развитии жилой инфраструктуры (Ngwenya, Cirolia, 2020). В этом смысле в исследованиях акцент может смещаться в сторону социологического реализма, что, однако, не отменяет основных идей Вебера о рациональности, а скорее обогащает их и распространяет на другие уровни.

Более того, К. Фатти отмечает, что продвижение к справедливому и устойчивому распределению жилья в теории и практике требует взаимодействия с конфликтующими рациональностями посредством междисциплинарных исследований и расширения научных подходов, учитывающих недоминирующие точки зрения (Fatti, 2022). Именно такой позиции, во многом сформированной противопоставлением государственных рациональностей и реальностей жизни (*lived realities*), придерживается и автор настоящей статьи. Государственные рациональности, способствующие жилищной незащищенности и/или вынужденной смене жилья (например, в случае реновации. — Прим. авт.), зачастую противоречивы и жестоки. Они склонны опираться на нарративы и лозунги городского порядка, законности, гомогенизации, дисциплины и консерватизма, чтобы затемнить или даже скрыть истории, реалии жизни и опыт целых сообществ (Reyes et al., 2022).

Жилищная рациональность в странах Африки

Рациональность при анализе логики, лежащей в основе подхода акторов к развитию городов в рамках частной инициативы, рассматривается О. Абло как установление границ и создание порядка, способствующего правильному поведению. Для государства частные городские проекты представляют быстрое решение проблем

3. Концепция конфликтующих рациональностей была предложена южноафриканскими учеными в области городского планирования. В отличие от просто изучения конфликта интересов между жителями и государством, данный теоретико-методологический подход придерживается именно дискурса множественности рациональностей, которые и стоят за конкурирующими мировоззрениями различных субъектов жилищной сферы.

городского планирования и управления, обеспечивая критически важную инфраструктуру и контроль развития. Инвесторы же рассматривают частное развитие городов как прибыльное предприятие, предлагающее так называемые «идеальные города», способные решать задачи городского управления. Дискурсы о «приватизированных» городах сосредоточены на таких технократических понятиях, как гарантии владения, контроль за развитием и предоставление услуг. Однако направленность, цель и стратегии «приватизированных» городов носят фрагментарный, ограниченный характер и не могут решить все проблемы городского управления, стоящие в том числе перед африканскими городами (Ablo, 2022).

Социальная справедливость и экологическая устойчивость часто являются совместными институционально заданными целями, однако достижение такой двойной цели оказывается достаточно трудным как в теории, так и на практике. В данном случае ключевым становится поиск компромисса между целями устойчивого развития и справедливости. Это очевидно и в отношении жилищного строительства в Южной Африке, находящегося под контролем государства, где нет единого мнения относительно того, как сбалансировать потребности в жилье в контексте существующих неустойчивых и несправедливых форм городской жизни, нехватки ресурсов и высокого неравенства. К. Фатти и З. Пател показали, как институциональная динамика, политика и конфликтующие рациональности уводят жилищный проект от предполагаемых результатов. В конечном счете они пришли к выводу о том, что разрыв между теорией и практикой не обязательно вызван очевидными конфликтами между рациональностями справедливости и устойчивости, а скорее связан с *конфликтом между скрытыми рациональностями*. Они проявляются в ходе реализации, когда политические мотивы, практические соображения и несогласованность между ведомствами противоречат планам (Fatti, Patel, 2023).

В то же время Э. Дебеле и Т. Негусси отмечают, что для достижения справедливого и устойчивого жилищного строительства в Эфиопии (Восточная Африка) чрезвычайно важное значение имеет адаптация жилищной политики с учетом логики (рациональностей), динамики рынка жилья и поведения городских жителей. *Ключевыми аспектами рациональности при выборе жилья являются его экономическая и территориальная доступность, адекватность (соразмерность потребностям) и пригодность для проживания*. По мнению исследователей, именно жилищная логика, основанная на множественности рациональностей, должна стать фундаментальной основой анализа различных копинг-стратегий на рынке жилья и поведения потребителей при его выборе, которые до сих пор практиковались городскими жителями (Debele, Negussie, 2022).

Иной подход обнаруживается в исследовании С. Чарльтон. По ее мнению, для объяснения сохраняющихся проблем в жилищной программе Южной Африки необходимо признать наличие конкурирующих рациональностей, сдерживающих реформу. Речь идет о *рациональностях с позиции всей страны, отдельного города и домохозяйства*. Во-первых, акцент на введении большого количества до-

мов в эксплуатацию в максимально сжатые сроки воспринимается как имеющий национальную значимость, что в то же время это помогает политикам на местном уровне удовлетворять потребности избирателей. Но этот подход очень трудно совместить с императивом устойчивых населенных пунктов — более трудоемкого и сложного продукта, необходимого для здорового функционирования городов. Во-вторых, жилье как инструмент борьбы с бедностью является привлекательной концепцией для правительства, и во многих случаях оно может сыграть эту роль. Тем не менее существует недостаточно четкое понимание того, как жилищный продукт в Южной Африке на самом деле выполняет эту функцию, учитывая различия в местных условиях, а также разнообразие и непрозрачность работы бенефициаров (Charlton, 2009).

Рассматривая жилищную политику в Республике Мозамбик (Южная Африка) за рамками традиционных дихотомий (неформальность и формальность, глобальное и местное), М. Нильсен предлагает более тонкое понимание разнообразных форм городской активности, которые превращают жилье в способ установления чувства порядка и принадлежности, активируя часто противоречивые моральные ориентации и иерархии ценностей. Для этого он выделяет два на первый взгляд схожих типа рациональности — спекулятивную *рациональность, движимую прибылью (profit-driven rationality)*, и экономическую *рациональность, движимую рынком (market-driven rationality)*. В первом случае акцент делается на максимизации прибыли независимо от рыночных реалий. Во втором — на адаптации к рынку с учетом потребностей и предпочтений потребителей, что способствует устойчивому развитию территорий. Для того чтобы различные рациональности отражали некоторую степень соизмеримости через инвестиции в жилье, они, возможно, должны проявить и активировать уникальные и даже противоположные горизонты ценностей и экономических ориентаций (Nielsen, 2020).

Исследование *пространственной рациональности* в Гане (Западная Африка) подтверждает, что рыночная логика все больше влияет на управление африканскими городами. Продолжающееся преобразование Аккры (столица Ганы) должно рассматриваться как результат взаимодействия многочисленных пространственных рациональностей, уходящих корнями в местную городскую историю, но также находящихся под влиянием глобально циркулирующих городских идеалов. В то время как рациональность, движимая рынком, явно преобладает при оправдании государством процессов выселения, обнаруживаются и другие типы рациональности, легитимирующие городскую интервенцию. *Диспозиционная пространственная рациональность* нацелена на проведение границ и создание порядка, который будет способствовать правильному поведению. *Генеративная пространственная рациональность*, напротив, опирается на знания о медико-биологических связях между физической средой и людьми и стремится создать здоровую среду обитания, которая порождает самовоспроизводящиеся моральные режимы здорового образа жизни, продуктивной деятельности и приличия.

Наконец, *виталистическая пространственная рациональность* предлагает более целостный взгляд на городское пространство и пытается создать синергию биологического, пространственного, социального и духовного (Fält, 2016).

Жилищная рациональность в странах Европы

Молодые люди в разных странах, включая Чехию, сталкиваются с ухудшением доступности владения и/или аренды жилья. В то время как большинство исследований сосредоточено на перекладывании ответственности за жилье с государства на индивидов, руководствующихся меритократической идеологией, только недавно отдельные исследователи определили двусмысленность и непоследовательность как важный принцип жилищных дискурсов. По мнению Т. Самец и П. Кубала, амбивалентная двойная ответственность преодолевается посредством сложного взаимодействия между разными типами морали и рациональности посредством обращения к эмоциям и опыту межпоколенческой передачи, которые нормализуют привязанность к существующим жилищным практикам, идеологиям и обязанностям (Samec, Kubala, 2022).

Предоставление доступного жилья является не менее важным вопросом и в Ирландии, для его решения потребовалась реформа управленческого контроля в Департаменте жилищного строительства. Чтобы создать новую централизованную структуру управления в жилищном секторе, необходимо было изменить некоторые *ситуативные рациональности* (само собой разумеющиеся способы мышления, которыми социальные акторы руководствуются при совершении действий в конкретных ситуациях). Второй проблемой для успешной реструктуризации жилья была *рациональность рабочих ролей* (работники жилищной сферы эмоционально привязаны к своей работе). В-третьих, существующая ситуативная *рациональность управления жильем* была еще одним потенциальным препятствием для реформирования (Bertz, Quinn, 2022).

Конфликтующие рациональности формируют различные подходы и практики управления свободным жильем в контексте пересекающихся местных, региональных и национальных политик в Германии. В совокупности с беспорядочными реалиями (*messy actualities*) это приводит к обесцениванию одних типов жилья при восстановлении и продвижении других. Например, инвестиции в реновацию в центральной части городов связаны с отсутствием спроса на жилье на периферии. Несмотря на смягчение социальной сегрегации посредством жилищной политики, это тем не менее формирует беспорядочные реалии заброшенности⁴ (Gribat, 2021).

4. Заброшенное жилье в различных частях города зачастую вызывает ряд сложных проблем, которые не поддаются простому решению. Они включают не только физическое состояние самих зданий и ухудшение качества городской среды, но и различные социальные (например, безопасность), экономические и политические аспекты.

В Англии *государственные рациональности*, связанные с «девелопментализмом», вступают в противоречие с *рациональностями устойчивого развития*. Дж. Мёрдок утверждает, что новая рациональность правительства начинает трансформировать сети планирования, отдавая предпочтение пространству над временем. По его мнению, мы можем быть свидетелями появления новой доминирующей рациональности в планировании жилья, которая выдвигает пространственную сложность в центр внимания правительства. Пространственная рациональность, очевидно, способствует смещению акцентов в исследовании с самих домохозяйств на среду, в которой они функционируют (Murdoch, 2000).

К. Джейкобс и Т. Манзи также считают, что исследования в области жилищной политики требуют значительной переориентации. Это связано, по их мнению, с «инструментальным» поворотом в жилищной политике Великобритании, которая все больше начинает основываться на *доказательной рациональности*. Это придает легитимности управленческим решениям за счет апелляции к *технической рациональности*, что тем самым защищает от проверок лежащие в ее основе идеологии и политики, которые составляют жилищную практику. Тем не менее исследователи приходят к выводу, что жилищная политика, оправдывая принимаемые решения доказательной базой, в значительной степени опирается на факторы, не связанные с доказательствами. Например, по-прежнему играет роль влияние групп интересов как внутри правительства, так и за его пределами (Jacobs, Manzi, 2013).

По результатам анализа участия горожан в жилищной программе до 2030 года в Варшаве (Польша) А. Зубжицкая-Чернецкая определяет *две политические рациональности* в жилищной сфере: рациональность, основанную на общественном участии как формальной (институциональной) процедуре, и рациональность, использующую общественное участие с целью интеграции различных мнений и предложений в процесс планирования и принятия решений. Противоречие между политическими рациональностями приводит к непоследовательному видению органами власти участия населения в формировании жилищной политики и к различному отношению к жильцам (социальным арендаторам). Это способствует развитию микропрактик социального скептицизма и недоверия к жилищным проектам со стороны объединений жильцов и городских движений (Zubrzycka-Czarnecka, 2022).

Кросс-культурный анализ жилищного строительства в Германии, Бельгии и Нидерландах, основанный на теории множественной рациональности Дуглас (которая сопоставима с подходом Вебера), позволил исследователям выделить и сопоставить типы земельной политики с четырьмя типами рациональности (Shahab, Hartmann, Jonkman, 2021):

— *Активная земельная политика* основана на доходах и соответствует *индивидуализму*. При этом типе муниципалитет покупает землю, застраивает и продает ее (часто в сотрудничестве с застройщиками).

— *Пассивная земельная политика*, соответствующая *иерархизму* (благодаря *иерархическим инструментам* — планам землепользования и др.), ориентирована на предложения со стороны девелоперов, поскольку органы власти предлагают землю под застройку, но при этом сами активно не реализуют такие проекты.

— *Охранная земельная политика*, рассматриваемая как *эгалитаризм*, ориентирована на повышение общественного благосостояния путем противодействия различным рыночным сбоям, которые приводят к искажениям или нежелательным последствиям, таким как нехватка доступного жилья.

— *Реактивная земельная политика* реагирует на запросы застройщиков, которые хотят развивать участок на проектной основе, что определяется спросом на рынке. Такая политика связана с *изоляциялизмом/фатализмом*, так как органы власти не занимаются активно рынком земли и поощрением застройщиков, а решения принимаются в зависимости от ситуации.

Жилищная рациональность в России и других странах

Исследование в Мексике показало, что центральный вопрос заключается не в расширении рынков (в том числе рынка жилья. — *Прим. авт.*) как таковых, а в том, превалируют ли интересы субъектов коммерческого сектора (в сфере жилищного финансирования) над мотивами субъектов социального сектора, тем самым обеспечивая себе не только накопление капитала, но и возможность управлять этими рынками, а также способность *навязывать свою собственную рациональность*. Результатом конфликта рациональностей и операционных логик субъектов коммерческого и социального секторов является амбивалентность схем микрофинансирования. Однако, хотя это и резко контрастирует с вышесказанным, расходящиеся рациональности также можно рассматривать как способ создания стоимости: именно участие посредников, которые не следуют финансовой логике, имеет решающее значение для получения прибыли от предлагаемых финансовых услуг на рынке жилья (Grubbauer, 2020).

К. Тан для анализа особенностей выбора жилья в Малайзии обратился к теории *ограниченной рациональности*, более известной в поведенческой экономике, нежели в социологии. Выбор жилья — это всегда сложное решение, выполняющее двойную функцию («крыша над головой» и «инвестиционный товар»). Три социально-психологических фактора играют роль в объяснении ограниченно рационального поведения на рынке при принятии решений о покупке/продаже недвижимости: *эффект владения* (люди придают большую ценность вещам, которыми уже обладают, по сравнению с их потенциальной стоимостью для других), *неприятие потерь* (потери воспринимаются как более значительные, чем сопоставимая выгода) и *стадность* (склонность следовать за действиями и/или решениями других людей, особенно в ситуациях неопределенности или недостатка информации). Особенность данного подхода заключается в том, что он делает акцент на отдельных покупателях жилья, а не на его цене, спросе и предложении в целом (Tan, 2022).

Цивилизационный подход к анализу жилищной рациональности обнаруживается в работах российского исследователя С. Н. Рыбакова. Индустриальный этап развития общества (в понимании Д. Белла, Э. Тоффлера и др.) создал сам контекст для формирования жилищной рационализации. В *индустриальной жилищной рациональности* воплощаются в реальность соответствующие мировоззренческие, социально-культурные, архитектурные, экономико-производственные и политические идеи. Несмотря на определенные недостатки индустриальной жилищной рациональности (трактовка жилья как потребительского товара и т.п.), она способствовала увеличению объемов жилищного строительства и улучшению жилищных условий населения за счет реализации масштабных программ (Рыбаков, 2013а).

Постиндустриальная жилищная рациональность, сформированная на основе современных тенденций, порождает иные представления об эффективности, целях, методах и логике рационализации и может стать альтернативой индустриальным подходам. Это потребует изменений мировоззренческих, социальных и культурных установок, а также экономико-управленческих идей и производственных подходов. В этом плане жилье из товара массового потребления превращается в гибкую кастомизированную услугу, а жилая среда начинает удовлетворять не коллективные, а индивидуализированные потребности. При этом Рыбаков отмечает, что постиндустриальная жилищная рациональность не является простым продолжением индустриальной и представляет собой качественно иную реальность, в которой системы ориентированы на гибкость в условиях сложной институциональной среды (Рыбаков, 2013б).

Встречается и неоинституциональный подход, основанный на теории институциональных логик Р. Фридланда и Р. Альфорда. Сложная институциональная среда жилищных отношений в России сформирована множеством социально-экономических институтов, обладающих разной логикой действия и дающих субъектам нередко противоречащие друг другу институциональные предписания (Литвинцев, 2022). Например, широко известный конфликт логики института предпринимательства, предписывающей управляющим компаниям в сфере ЖКХ максимизировать свою прибыль, и логики института социальной ответственности, предписывающей обеспечить благоприятные и безопасные условия проживания граждан. В данном случае можно говорить о том, что *множественность рациональностей в жилищной сфере образована именно институциональными логиками*, навязывающими социальным субъектам те или иные действия по владению, пользованию и распоряжению жилищем.

Заключение

Общая для всех исследователей жилищной рациональности теоретико-методологическая рамка — это множественность рациональностей, находящихся во взаимодействии (конкуренция, конфликт и др.) друг с другом. В связи с этим можно

утверждать, что исследовательская традиция М. Вебера сыграла решающую роль в формировании современных подходов к исследованию рациональностей в жилищной сфере и отказе от бинарного подхода «рациональный — иррациональный». Однако каждый исследователь стремится раскрыть жилищную проблематику с авторской точки зрения, посмотреть на нее под своим уникальным, нередко неожиданным углом.

Так, конфликт обнаруживается не только между явными, но и скрытыми рациональностями, что порождает разрыв между теорией и практикой в жилищном строительстве. Такой подход хорошо согласуется с теорией Р. Мертона (явные и латентные функции). Множественность рациональностей в жилищной сфере может характеризоваться как жилищная логика, на которую должна опираться жилищная политика государства. При этом в данном случае рациональность при выборе жилья характеризуется не только экономическими (цена), но и социально-культурными факторами (доступность, пригодность для проживания и соразмерность потребностям). Исследование жилищной рациональности с учетом ее ограниченности также позволяет говорить о неэкономических факторах покупки/продажи жилья: эффект владения, непринятие потерь и стадность.

Дискурс конфликта рациональностей нередко смещается в сторону их конкуренции и взаимодействия на разных уровнях (нация, город, домохозяйство). При этом акцент может быть сделан исключительно на двух типах рациональности — рациональности, движимой прибылью (практическая рациональность по Веберу), и рациональности, движимой рынком (формальная рациональность по Веберу). В то же время взаимодействие рациональностей осуществляется в конкретном материально-технологическом и институциональном пространстве. Это позволило исследователям выделить диспозиционную (формальную по Веберу), генеративную (сочетание теоретической и субстантивной по Веберу), а также виталистическую пространственную рациональность, которая, по сути, стремится преодолеть конфликт рациональностей и предлагает их синергию.

Ситуативность рациональностей — не менее важный пространственно-временной аспект в исследовании жилищных отношений. Очевидно, что в различных жизненных обстоятельствах акторы действуют по-разному, не обязательно придерживаясь какого-то одного типа рациональности, соответствующего классификации Вебера. Это, кстати, соответствует высказанной И. Гофманом идее постоянного фреймирования реальности. При этом в качестве действующего субъекта нередко рассматривается государство, чья рациональность вступает в противоречие с рациональностью, например, устойчивого развития. При этом попытки государства выстраивать жилищную политику, основанную на доказательной/технической рациональности (теоретической, согласно Веберу), не приводят к успеху в силу влияния различных групп интересов, навязывающих свою практическую рациональность.

Политический дискурс — не редкость для исследований жилищной рациональности. Политические рациональности могут рассматриваться через призму

общественного участия в контексте местных сообществ (субстантивная рациональность по Веберу) или неолиберального управления в жилищном секторе (практическая рациональность, не исключая при этом элементы формальной, согласно определению Вебера). В то же время земельная политика может рассматриваться через призму теории множественности рациональностей Дуглас: активная (индивидуализм), пассивная (иерархизм), охранная (эгалитаризм) и реактивная (изоляция/фатализм). В данном случае также просматриваются параллели с классификацией типов рациональности у Вебера.

Цивилизационный подход в исследовании жилищных проблем предлагает классификацию, основанную на работах Д. Белла и других теоретиков информационного общества: индустриальная (массовое жилье как товар) и постиндустриальная (жилье как индивидуальная услуга) жилищная рациональности. Однако в данном случае рациональности продолжают сосуществовать в современном обществе и не являются продолжением друг друга, что не противоречит теории Вебера. Фактором возникновения новых типов рациональностей в данном случае является переход общества из одного состояния в другое, что перекликается с теорией общественно-экономических формаций К. Маркса. Наравне с этим возможен и неоинституциональный подход, основанный на институциональных логиках Р. Фридланда и Р. Альфорда. В данном случае множественность рациональностей задается институтами, образующими сложную институциональную среду жилищных отношений и предписывающих акторам противоречащие друг другу действия. Подобный подход позволяет углубиться в исследование именно выделенной Вебером формальной рациональности, которая уже возобладала в современном обществе.

Литература

- Литвинцев Д. Б.* (2022). Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Новосибирск: Издательство НГТУ.
- Рыбаков С. Н.* (2013а). Индустриальная рациональность в жилище как комплексное социокультурное и экономическое явление // *Academia. Архитектура и строительство*. № 1. С. 5-9.
- Рыбаков С. Н.* (2013б). Постиндустриальная жилищная рациональность как комплексная альтернатива индустриальным подходам // *Academia. Архитектура и строительство*. № 3. С. 19-26.
- Ablo A. D.* (2022). Private urbanism and the spatial rationalities of urban governance // *Urban Studies*. Vol. 60. Iss. 3. P. 442-460.
- Bertz J., Quinn M.* (2022). Situated rationalities and management control change — an empirical note on key actors, situated rationalities and generalised practices // *Qualitative Research in Accounting & Management*. Vol. 19. Iss. 1. P. 77-100.
- Charlton S.* (2009). Housing for the nation, the city and the household: competing rationalities as a constraint to reform? // *Development Southern Africa*. Vol. 26. Iss. 2. P. 301-315.

- Debele E. T., Negussie T.* (2022). Housing logic: Rationalities behind housing choice behavior in coping housing market dynamics among urban residents in Sebeta Town, Ethiopia// *Research in Globalization*. Vol. 5. 100099.
- Douglas M.* (1999). Four Cultures: The Evolution of a Parsimonious Model// *GeoJournal*. Vol. 47. P. 411–415.
- Fatti Ch. C.* (2022). Towards just sustainability through government-led housing: conceptual and practical considerations// *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 54. 101150..
- Fatti Ch. C., Patel Z.* (2023). In pursuit of just sustainability: decision-making and conflicting rationalities in government-led housing projects// *The International Journal of Justice and Sustainability*. Vol. 28. Iss. 3. P. 277-303.
- Fält L.* (2016). From Shacks to Skyscrapers: Multiple Spatial Rationalities and Urban Transformation in Accra, Ghana// *Urban Forum*. Vol. 27. P. 465–486.
- Gribat N.* (2021). Conflicting rationalities and messy actualities of dealing with vacant housing in Halle/Saale, East Germany. *The New Urban Ruins: Vacancy, Urban Politics and International Experiments in the Post-Crisis City* (eds. C. O’Callaghan, C. Di Felicianantonio), Bristol: Bristol University Press. P. 109-124.
- Grubbauer M.* (2020). Assisted Self-Help Housing in Mexico: Advocacy, (Micro)Finance and the Making of Markets// *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 44. Iss. 6. P. 947-966.
- Jacobs K., Manzi T.* (2013). Modernisation, marketisation and housing reform: The use of evidence based policy as a rationality discourse// *People, Place and Policy*. Vol. 7. Iss. 1. P. 1-13.
- Kalberg S.* (1980). Max Weber’s Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History// *American Journal of Sociology*. Vol. 85. № 5. P. 1145-1179.
- McGrath A. E.* (2018). *The Territories of Human Reason: Science and Theology in an Age of Multiple Rationalities*. Oxford: Oxford Academic.
- Murdoch J.* (2000). Space against Time: Competing Rationalities in Planning for Housing// *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 25. № 4. P. 503-519.
- Nielsen M.* (2020). Speculative cities: housing and value conversions in Maputo, Mozambique// *Housing Studies*. Vol. 37. P. 889-909.
- Ngwenya N., Cirolia L. R.* (2020). Conflicts Between and Within: The ‘Conflicting Rationalities’ of Informal Occupation in South Africa// *Planning Theory & Practice*. Vol. 22. Iss. 5. P. 691-706.
- Reyes A., Arrigoitia M. F., Lamarca M. G., Muñoz S.* (2022). Lived realities versus state rationalities: Mobilizing within and against housing injustices// *Radical Housing Journal*. Vol. 4. Iss. 2. P. 1-8.
- Samec T. H., Kubala p.* (2022). Dual responsabilization for housing in a housing crisis: young adults in the Czech Republic// *Housing Studies*. DOI: 10.1080/02673037.2022.2091115
- Shahab S., Hartmann Th., Jonkman A.* (2021). Strategies of municipal land policies: housing development in Germany, Belgium, and Netherlands// *European Planning Studies*. Vol. 29. Iss. 6. P. 1132-1150.

- Tan C. (2022). A study of boundedly rational behaviour in housing choice: evidence from Malaysia // *International Journal of Housing Markets and Analysis*. Vol. 15. № 5. P. 1259-1274.
- Weber M. (1978). *Economy and Society* / Eds. G. Roth and C. Wittich. Berkeley: California University Press.
- Zubrzycka-Czarnecka A. (2022). Political rationalities related to the public participation as exemplified by the Warsaw #housing2030 project // *Central European Journal of Public Policy*. Vol. 16. Iss. 1. P. 42-53.

Multiplicity of Rationalities in the Housing Sector of African and European Countries: A Review of Modern Non-Binary Approaches

Denis B. Litvintsev

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management, Novosibirsk State Technical University

Address: K. Marx Ave., 20, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

E-mail: denlitv@inbox.ru

The main idea of the article is to review various theoretical and methodological approaches to the study of housing problems, which are based on the classical notions of rationalities' multiplicity set mainly by Max Weber in the framework of his economic-sociological approach, as well as Mary Douglas in the framework of socio-cultural anthropology. To implement this task, the author of the article, taking an interdisciplinary position, refers to contemporary studies of the housing sector's rationalities in different countries, mainly in Africa and Europe. Despite the lack of a direct connection between different studies, the unanimous refusal of the dichotomy "rational — irrational" in the analysis of housing processes was confirmed by the representatives of various disciplines. At the same time, the difference of approaches lies at the level of rationality (civilizational, national, urban, etc.) analysis, in the explored subject of social actions (the state, entrepreneurs, etc.), as well as in the features of researchers' methodological positions themselves (behavioral economics, neo-institutionalism, etc.). In conclusion, M. Weber's legacy is outlined as playing a decisive role for the shaping of ideas about the multiplicity of rationalities in housing research.

Keywords: sociology of housing, multiplicity of rationalities, conflict of rationalities, competition of rationalities, interaction of rationalities, housing rationality, spatial rationality, evidentiary rationality, bounded rationality

References

- Ablo A. D. (2022) Private urbanism and the spatial rationalities of urban governance. *Urban Studies*, vol. 60, no 3, pp. 442-460.
- Bertz J., Quinn M. (2022) Situated rationalities and management control change — an empirical note on key actors, situated rationalities and generalised practices. *Qualitative Research in Accounting & Management*, vol. 19, no 1, pp. 77-100.
- Charlton S. (2009) Housing for the nation, the city and the household: competing rationalities as a constraint to reform? *Development Southern Africa*, vol. 26, no 2, pp. 301-315.

- Debele E.T., Negussie T. (2022) Housing logic: Rationalities behind housing choice behavior in coping housing market dynamics among urban residents in Sebeta Town, Ethiopia. *Research in Globalization*, vol. 5, 100099.
- Douglas M. (1999) Four Cultures: The Evolution of a Parsimonious Model. *GeoJournal*, vol. 47, pp. 411–415.
- Fatti Ch. C. (2022) Towards just sustainability through government-led housing: conceptual and practical considerations. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 54, 101150.
- Fatti Ch. C., Patel Z. (2023) In pursuit of just sustainability: decision-making and conflicting rationalities in government-led housing projects. *The International Journal of Justice and Sustainability*, vol. 28, no 3, pp. 277–303.
- Fält L. (2016) From Shacks to Skyscrapers: Multiple Spatial Rationalities and Urban Transformation in Accra, Ghana. *Urban Forum*, vol. 27, pp. 465–486.
- Gribat N. (2021) Conflicting rationalities and messy actualities of dealing with vacant housing in Halle/Saale, East Germany. *The New Urban Ruins: Vacancy, Urban Politics and International Experiments in the Post-Crisis City* (eds. C. O'Callaghan, C. Di Felicianantonio), Bristol: Bristol University Press, pp. 109–124.
- Grubbauer M. (2020) Assisted Self-Help Housing in Mexico: Advocacy, (Micro)Finance and the Making of Markets. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 44, no 6, pp. 947–966.
- Jacobs K., Manzi T. (2013) Modernisation, marketisation and housing reform: The use of evidence based policy as a rationality discourse. *People, Place and Policy*, vol. 7, no 1, pp. 1–13.
- Kalberg S. (1980) Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History. *American Journal of Sociology*, vol. 85, no 5, pp. 1145–1179.
- Litvintsev D. B. (2022) *Housing Sociology. Institute of The General Meeting of Owners of An Apartment Building*, Novosibirsk, NSTU publishing. (In Russian)
- McGrath A. E. (2018) *The Territories of Human Reason: Science and Theology in an Age of Multiple Rationalities*, Oxford, Oxford Academic.
- Murdoch J. (2000) Space against Time: Competing Rationalities in Planning for Housing. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 25, no 4, pp. 503–519.
- Nielsen M. (2020). Speculative cities: housing and value conversions in Maputo, Mozambique. *Housing Studies*, vol. 37, pp. 889–909.
- Ngwenya N., Cirolia L. R. (2020) Conflicts Between and Within: The 'Conflicting Rationalities' of Informal Occupation in South Africa. *Planning Theory & Practice*, vol. 22, no 5, pp. 691–706.
- Reyes A., Arrigoitia M. F., Lamarca M. G., Muñoz S. (2022) Lived realities versus state rationalities: Mobilizing within and against housing injustices. *Radical Housing Journal*, vol. 4, no 2, pp. 1–8.
- Rybakov S. N. (2013a) Industrial'naya ratsional'nost' v zhilishche kak kompleksnoye sotsiokul'turnoye i ekonomicheskoye yavleniye [Industrial rationality in the field of housing as a comprehensive socio-cultural and economical phenomenon]. *Academia. Architecture and Construction*, no 1, pp. 5–9. (In Russian)
- Rybakov S. N. (2013b) Postindustrial'naya zhilishchnaya ratsional'nost' kak kompleksnaya al'ternativa industrial'nym podkhodam [Postindustrial rationality in the field of housing as a comprehensive alternative to the industrial solutions]. *Academia. Architecture and Construction*, no 3, pp. 19–26. (In Russian)
- Samec T. H., Kubala p. (2022) Dual responsabilization for housing in a housing crisis: young adults in the Czech Republic. *Housing Studies*.
- Shahab S., Hartmann Th., Jonkman A. (2021) Strategies of municipal land policies: housing development in Germany, Belgium, and Netherlands. *European Planning Studies*, vol. 29, no 6, pp. 1132–1150.
- Tan C. (2022) A study of boundedly rational behaviour in housing choice: evidence from Malaysia. *International Journal of Housing Markets and Analysis*, vol. 15, no 5, pp. 1259–1274.
- Weber M. (1978) *Economy and Society* (eds. G. Roth, C. Wittich), Berkeley: California University Press,
- Zubrzycka-Czarnecka A. (2022) Political rationalities related to the public participation as exemplified by the Warsaw #housing2030 project. *Central European Journal of Public Policy*, vol. 16, no 1, pp. 42–53.

Чрезвычайный порядок «экономической войны»

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Нольде Б. Э. (2024). Россия в экономической войне / Пер. с англ. Аллы Белых; под науч. ред. Андрея Белых. М.: Издательство Института Гайдара. — 380 с. ISBN 978-5-93255-675-7

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института образования и гуманитарных наук Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Адрес: ул. Чернышевского, 56, Калининград, 236016 Российская Федерация
E-mail: mestr81@gmail.com

Борис Эммануилович Нольде (1876–1948) — один из наиболее серьезных и одновременно плодовитых отечественных юристов-международников первой половины XX века. Сам перечень его трудов на современный взгляд может вызвать некоторое недоумение по отношению к первой, исходной профессиональной характеристике. Ведь Нольде известен обширным (и до сих пор остающимся непревзойденным) исследованием по кодификации местных законов Российской империи в 1820–1840-е годы, выдающимися биографиями М. М. Сперанского и Ю. Ф. Самарина, работами по государственному праву Российской империи, подробным и полемичным по отношению к тому времени уже устоявшимся сравнительным оценкам дипломатических принципов К. В. Нессельроде и А. В. Горчакова, очерком петербургской миссии Бисмарка и т.п. Все эти и целый ряд других, более мелких, работ выглядит слабо укладывающимся в первостепенное определение автора как юриста-международника, представляется отвлечением от основной профессиональной сферы, вынужденным или добровольным, но во всяком случае некоторой избыточностью (побуждая в энциклопедическом ракурсе описывать профессиональные занятия автора, например, через перечисление «юрист-международник, историк, специалист по государственному праву» и т.д.). Но это — следствие изменений представления о границах профессиональной деятельности и о том, что именно входит в предмет «публициста» (в старом, основном смысле слова — специалиста по публичному праву), занимающегося международными, межгосударственными отношениями. В этом контексте и вопросы кодификации местных законов, прежде всего в аспекте коллизионных привязок, принципиально однородных с ключевыми вопросами международного частного права, и вопросы истории дипломатии, как определяющие контекст выработки конкретных норм, понимания обычаев и обыкновений, и действия международного права как соглашения, и последняя, оставшаяся незавершенной, фундаментальная монография Нольде — по истории границ Российской империи — все эти труды являются частями, понятными и обоснованными, одной и той же работы над изучением

истории и функционирования публично-правового порядка Российской империи в международном аспекте.

Однако, приступая к краткому обзору только что переведенной на русский и благодаря этому вновь актуализированной старой работы Нольде¹ (выполненной им в рамках масштабного международного проекта 1920-х годов, призванного осуществить описание хода и последствий Мировой войны с точки зрения права и экономики различных держав, как непосредственно вовлеченных в нее, так и испытывавших ее воздействие, не будучи прямыми участниками), следует напомнить, что это труд именно юриста и посвящен он вопросам права.

Да, они толкуются достаточно широко и автор внимателен к контексту норм и практикам правоприменения — однако тот, кто обратится к книге в надежде найти подробное описание экономического хода войны с точки зрения Российской империи или хотя бы только вопросов внешнеэкономических сношений этого периода, будет разочарован. Сведения этого рода действительно присутствуют в книге Нольде, но ограниченным образом — лишь в той мере, в какой они необходимы для прояснения правовых сюжетов. И это, на наш взгляд, и есть самое ценное — стремление увидеть, как формируется правовой порядок «экономической войны» и как он оказывает воздействие на сферы, первоначально далекие от него.

Подчеркивает Нольде и то обстоятельство (в дальнейшем многократно комментированное), что многое из практик времен Гражданской войны в России и последующие меры советского правительства по своей логике восходят к законодательству военного времени — война не только разрушает старые отношения и правила, но создает новые, в том числе и потому радикально отличные от предшествующих, что они возникают в порядке ситуативного реагирования, не задумываются и не обсуждаются как общие нормы и как нормы длительного применения, но по факту оказываются таковыми.

Чрезвычайное законодательство тем самым получает двойственное (хотя и связанное в этих двух аспектах) значение: с одной стороны, речь о нормах, применяемых в чрезвычайной ситуации (и, по идее, ограниченные последней), с другой — как изъятие из общего порядка, не связанное принципами последнего.

Особенность русской ситуации, согласно Нольде, заключалась в том, что законодательство военного времени (положения, связанные с «экономической войной»), в отличие от аналогичного законодательства союзников или Центральных держав, не только не являлось применением принципов, уже утвержденных в праве, но, напротив, прямо противоречило сложившейся в XIX — начале XX века отечественной доктрине права военного времени.

На протяжении XIX века русская международно-правовая доктрина, восходящая еще к декларации Екатерины II 1780 года о вооруженном нейтралитете, толковала войну почти исключительно как столкновение армий. Частный порядок (порядок частно-собственнического владения, торговых и гражданских сделок)

1. Первоначальное издание: *Nolde B. (1928). Russia in the Economic War. New Haven: Yale University Press.*

мыслился как сохраняющийся целиком — в той мере, в какой текущие военные столкновения позволяют ему быть таковым, т. е. испытывая сугубо фактические, а не правовые ограничения. Вопрос о собственности подданных других держав мыслился, в частности, никак не связанным с вопросом о состоянии войны и мира с той державой, подданными которой являлись эти собственники. Вопросы экономического взаимодействия оказывались в рамках этой доктрины, с одной стороны, вопросами фактической блокады, с другой — таможенного регулирования, при этом первые (по условиям времени) подразумевали почти исключительно ситуацию морской торговли (и, соответственно, блокады портов)². В этом же ключе был издан и указ Правительствующему Сенату от 28.VII.1914 «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.» (в разработке его принимал участие и сам Нольде).

Однако уже довольно скоро эта политика претерпела изменения, связанные с самим характером начавшейся войны: первое осторожное отступление от заявленных принципов происходит уже на исходе августа 1914 года как реакция на распространение известий, «что у российских подданных были конфискованы вклады в банках Германии». В тот момент ответная симметричная мера не принимается — не только в силу того, что точных известий о мерах, принятых Германией, Совет министров Российской империи еще не имел, но и прежде всего потому, что аналогичная мера поставила бы Россию в невыгодное положение после завершения войны (поскольку русские вклады в германских банках были существенно больше вкладов германских подданных в банках российских), и потому принимается решение исходить из компенсации нарушенных имущественных прав российских подданных за границей уже в рамках мирного договора (с. 37). Важно то, что принятое решение исходит уже не из правовых принципов, а из конкретной ситуации — на обсуждении в Совете министров предполагаемая «зеркальная» реквизиция отклоняется сугубо по причине ее невыгодности в перспективе мирного договора (в случае реквизиции сторона не могла бы требовать компенсации, выходящей за пределы изъятых, как ответной меры). А уже в октябре 1914 года (по инициативе главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича) начинается обсуждение мер по борьбе с «немецким засильем» в экономической сфере. Тем самым открывается дорога к серии актов 1915–1916 годов, призванных (во многом эксплицитно), пользуясь условиями военного времени, произвести перемены в хозяйстве Российской империи, вытесняя не только германских подданных, но и стремясь к сокращению экономического присутствия тех из собственных подданных, кто мыслился связанным с враждебными державами (в частности, потомками уже стародавних немецких переселенцев, почему и в дебатах вокруг принимаемых мер

2. Здесь важно отметить, что выработка доктрины приходится на конец XVIII — первую половину XIX века, когда роль сухопутной торговли на дальние расстояния была весьма ограниченной. Развитие железнодорожных сообщений радикально изменило последний аспект, однако военные столкновения второй половины XIX — начала XX века (в первую очередь Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг.) не носили характера, вынуждающего к критической ревизии этой стороны дела.

речь идет именно о «немецком засилье», включая сюда категории лиц, не имеющих юридической связи с Центральными державами). Уже в начале 1915 года принимаются акты, требующие ликвидации предприятий, принадлежащих германским подданным, — при этом начинается длинная и характерная история по распространению таких мер на акционерные компании с акциями на предъявителя. Вполне очевидная невозможность установить «национальность» таких компаний (за пределами их регистрации в пределах империи) приводила на следующем шаге к мерам «усмотрения», где правительству поручалась оценка присутствия или отсутствия враждебного элемента, при этом правовая процедура фактически оставляла принятие решения вне конкретных формальных параметров. Вопрос об акциях приводил к решению об их выкупе, при этом, по довоенной оценке, тем самым (с учетом инфляции) выведивший на рынок для продажи своим подданным целый ряд «дешевых» акций. Еще больший простор усмотрению открывался в необходимости в условиях войны продолжать деятельность тех предприятий, которые были сочтены принадлежащими или контролируруемыми подданными враждебных держав, однако в продукции которых были заинтересованы отечественные власти, — их деятельность теперь должна была продолжаться, но под контролем государственных инспекторов. В целом динамика принимаемых мер 1915–1917 годов (Временное правительство здесь не будет составлять отдельного периода, продолжая в этом отношении действовать в рамках предшествующего курса) отводит все большее место усмотрению государственных органов, позволяя им вторгаться в сферу гражданского права в свободе от ограничений частного права, действуя в рамках логики целесообразности.

Меры по ограничению землевладения подданных враждебных держав и собственных, попавших в состав нежелательных категорий, сразу же постарались переориентировать в рамках земельной политики — главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин добился предоставления Крестьянскому банку права преимущественной покупки отчуждаемых у нежелательных собственников земель. Тем самым принятая мера в своей логике оказывалась уже экспроприацией имений и перераспределением земельного фонда в пользу крестьянства.

Следует отметить, что практически все означенные мероприятия (начиная с ликвидации или контроля над большими предприятиями и заканчивая отчуждением земельной собственности) к лету 1917 года были проведены в более чем ограниченном масштабе — однако подпадали под них очень многие (невозможность или затрудненность в проведении этих мер на деле была связана с недостаточностью управленческого аппарата, намеченные первоначально короткие сроки — как, например, три месяца, отводившиеся на ликвидацию предприятий, затем продлялись в силу очевидной неспособности их завершить и издержек для хозяйственной системы страны в целом).

И здесь возникла характернейшая черта законодательства военного времени, а именно — новые акты принимались в порядке чрезвычайного нормотворчества

в его специфическом понимании, обосновываясь практическими потребностями и принципиально не соглашаясь с другими правовыми положениями и догмой права:

«Ни в одном из законодательных актов, имеющих отношение к способам ведения экономической войны, мы не найдем ссылок на правовые доктрины. В основе всех этих документов лежала одна и та же идея: государственные интересы нуждались в принятии определенных мер, и эти меры были приняты ввиду потребностей “по условиям военного времени”. Наиболее полное обоснование заключается в одной из таких формулировок: “Принимая во внимание условия, возникшие в результате войны, мы считаем целесообразным, на основании статьи 87 Основных государственных законов (Свод законов, т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) в изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить...”

Иногда такая формулировка сокращалась, и закон звучал следующим образом: “На основании статьи 87 Свода законов (I, часть 1, 1906) постановить”. Таким образом, в этих документах проявлялось просто стремление к принятию решений, целесообразных для интересов государства, а не какие-то иные соображения» (с. 133).

Можно предположить, что такое положение вещей было, по существу, вынужденным — если в случае союзных держав речь шла во многом о развитии и конкретизации уже существующих подходов, то в русском случае новые положения принципиально им противоречили — и потому вынуждали либо к радикальному пересмотру базовых положений, либо к действию явочным порядком, игнорируя вопрос о соотношении новых положений с системой права. По существу, вопроса о выборе в рамках данной альтернативы в практической плоскости и не стояло, вынуждая ко второму варианту — поскольку для первого не было не только интеллектуальных сил, но и времени, необходимого для такого рода ревизии, да и готовности столь быстро и радикально отринуть базовые положения (будь вопрос сформулирован подобным образом) вряд ли нашлось — тогда как порядок установления изъятий, чрезвычайного нормотворчества позволял отложить вопросы принципиального свойства (и изменение доктрины тем самым происходило *de facto*, когда уже *post factum* как юристы, так и участники обсуждаемых ими отношений обнаруживали себя в новой правовой реальности).

При этом Нольде многократно отмечает, что целый ряд мер правительства Российской империи был своего рода «зеркалом» нормативных актов, уже принятых союзными державами, прежде всего Великобританией, — стремление поддержать нормативное единство было достаточно велико (как акт союзного единодушия), ведя в том числе к изданию положений, которые фактически не применялись, поскольку не имели практического смысла в российских условиях. Так, если постановление, предоставляющее саму возможность формирования черного списка иностранных фирм (из нейтральных государств), работа с которыми воспрещалась, было принято еще 24 октября 1916 года, то первый перечень фирм утвержден

лишь постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 года. Это можно считать скорее «актом вежливости» по отношению к союзникам, поскольку фактический контроль над международной торговлей применительно к России в этот момент осуществляла Великобритания (и принятие ею черного списка имело большой международный резонанс), в Россию же товары из стран, означенных в списке (Исландия, Норвегия, Швеция, Нидерланды), в основном поступали уже через британский контроль, и практический смысл имело разве что включение компаний из Персии (с. 113-114). Но это стремление к сближению законодательств имело еще и то последствие, что усиливало напряжение с существующим российским правом и правовой доктриной, поскольку новые нормы вводились без увязки с ним, приходя из другой правовой системы.

Отдельный интерес представляет 8-я глава, посвященная истории Парижской экономической конференции союзников 1916 года, на которую были вынесены и вопросы продолжения «экономической войны» уже за пределами военного времени. Если о текущих мерах принципиальных разногласий не возникло, то по вопросам послевоенного устройства обнаружилось радикальное противоречие. Великобритания и Франция предполагали использовать мирное соглашение в том числе для продолжения экономической борьбы с Центральными державами, прежде всего с Германией, — в частности, включить норму об исключении проигравших держав из режима наибольшего благоприятствования. В этом случае представители Российской империи, до того момента довольно безучастно наблюдавшие за происходящей дискуссией, не согласились — и по итогам конференция не пришла ни к какому консенсусу, поскольку российские власти, принимавшие неизбежность экономической перестройки военных лет, были принципиально не согласны распространять режим экономической блокады Германии на послевоенный период. Связано это было с тем, что Германия до войны была основным экспортером и импортером в Российскую империю — переплетенность экономик двух стран привела, в частности, к тому, что хотя с началом войны прямой экспорт в Германию был воспрещен (и принимались меры к ограничению вторичного экспорта — впрочем, и так радикально ограниченного в силу логистических затруднений, вызванных войной), однако законодательные меры по ограничению импорта на протяжении первых двух лет войны не предпринимались (сокращение импорта на порядки произошло и по указанной выше логистической причине, и по запрету на платежи — т. е. сложности проведения платежей за поставляемые товары, и по введенным в военной ситуации ограничениям на экспорт со стороны Центральных держав, см. гл. 3, особо: С. 109). На конференции 1916 года Российская империя оговаривала предстоящее распространение на Германию в торговых отношениях режима наибольшего благоприятствования как необходимого средства восстановления экономики после войны — прежде всего восстановления германского рынка для российского сельхозпроизводства и добывающей промышленности (тем более актуального, что за время войны сопоставимой по масштабам переориентации на другие рынки не произошло).

Нормотворчество «экономической войны» оборвется после прихода к власти большевиков поздней осенью 1917 года и началом переговоров с Центральными державами в декабре того же года. Повествуя об этом в завершение своей истории, Нольде отмечает, что Германия с характерной «бюрократической настойчивостью» (с. 307) стремится прописать компенсационные и реституционные меры по отношению к актам, принятым прежде всего в период 1915–1917 годов. Однако уже на исходе лета 1918 года германским властям становится понятно, что они вынуждены действовать в новой реальности — поскольку нормы, отсылающие к старому порядку, в отмену положений 1915–1917 годов, оказываются неприменимыми — в силу того, что радикально меняется и сам общий порядок. И меры, например, по восстановлению немецкого землевладения, не могут привести к желаемым результатам из-за стремительной ликвидации самого не-крестьянского землевладения как такового.

Разумеется, совершенно неоправданно видеть в своеобразном нормотворчестве «экономической войны» в Российской империи причину последующей Революции — и сам автор ничего подобного и не говорит. Он лишь подчеркивает связь между этими актами 1915–1917 годов и последующим революционным законодательством. Ведь уже акты 1915 года вводили, например, экспроприацию земельной собственности у российских граждан (выбранных по принципу происхождения) и последующее перераспределение ее среди крестьянства, уже в 1916 году появляются наделенные широчайшими правами государственные инспекторы, призванные определять и направлять работу частных предприятий, опираясь на собственное усмотрение... Заявленные меры были далеки от своего осуществления на практике, даже в пределах, намеченных самим правительством, однако принципиально важно, что уже с зимы 1914–1915 года появляется настойчивое стремление использовать войну для перестройки хозяйства Российской империи (и социального состава тех или иных владельцев) с точки зрения последующего, желаемого состояния (с. 134). Война здесь выступает уже вполне сознательно именно как благоприятная ситуация для перемен, в проектируемых и принимаемых мерах ее зачастую используют, а не она выступает причиной. Новый порядок вещей прорастает сквозь прежний — и уже нельзя сказать, что он остается лишь фактически складываемым, ведь порядок «чрезвычайного» довольно скоро начинает быть уже самим порядком.

Emergency Order of the "Economic War"

Book Review: Boris E. Nolde (2024) *Russia in the Economic War*. Translated by Alla Belykh, Moscow: Gaidar Institute Press. - 388 pp. ISBN 978-5-93255-675-7

Andrei Teslya

PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Director of the Center for the Study of Russian Thought at the Institute for Education and Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: 56 Chernyshevsky str., Kaliningrad, 236016 Russian Federation

E-mail: <mailto:mestr81@gmail.com>

Блеск и нищета добродетели¹

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Фишман Л.* (2022). ЭПОХА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: ПОСЛЕ СОВЕТСКОЙ МОРАЛИ. М.: НЛО. — 232 С. ISBN 978-5-4448-1779-7

Марк Белов

Стажёр-исследователь Центра исторических исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
Адрес: ул. Союза Печатников, д.16, Санкт-Петербург, 190008 Российская Федерация
E-mail: markusabelov@gmail.com

Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо.

Яков Козельский, Философические предложения, 1768

Как отмечали социологи Кирилл Титаев и Михаил Соколов, на постсоветском социально-научном ландшафте сложилась ситуация, в которой образовались два «племени»: туземной и провинциальной науки². Особенность туземной науки — коммуникативная отдаленность, в которой оказывается исследователь вследствие географического положения, языкового барьера и политэкономических факторов. В результате ученый прагматически принимает решение участвовать лишь в тех дискуссиях, к которым он имеет непосредственный доступ и в которых может сказать свое слово. Это, однако, приводит к постепенной локализации и герметизации знания. Провинциальный ученый, напротив, предпочитает считать, что «происходящее в непосредственном окружении индивида менее важно и ценно, чем происходящее где-то в другом месте»³, а потому всегда стремится прорваться от периферии научной мир-системы к ее центру. Подобное институциональное положение исследователя также непосредственным образом сказывается на объекте его профессионального интереса — обществе. В результате в различных исследованиях российское общество либо недотягивает до модернизационных стандартов, постоянно скатываясь в «колею»⁴ (то есть оказывается провинцией, не соответствующей нормативным теоретическим описаниям), либо рассматривается как нечто настолько уникальное, что оно не поддается объяснению с по-

1. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Максима Фетисова за важные замечания и комментарии к тексту. Вся ответственность за неточности, ошибки и выводы лежит на авторе рецензии.

2. Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 249–250.

3. Там же. С. 250.

4. См., например: Аузан А. А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестн. Моск. Ун-Та. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17; Тренин Д. (2012). Post-imperium: евразийская история. М.: РОССПЭН.

мощью известных, общепринятых теорий⁵. В обоих случаях изучаемое общество оказывается не таким, каким нужно, отклоняющимся, иным.

Современным российским социальным наукам описанная ситуация досталась по наследству от *soviet studies*⁶, причем в изводе, близком к тоталитарному подходу. Книга Леонида Фишмана, как заявляет сам автор, «является попыткой ухода, [...], от парадигмы нравственной “периферийности”, равно как и от лишь формально противоположной ей установки» (с. 9). Таким образом, целью исследования становится описание трансформаций, произошедших с советским обществом, которое не скатывалось бы, с одной стороны, в слепое применение западных теорий, а с другой стороны, не занималось бы экзотизацией СССР и нынешней России, как это делают различные доморощенные концепции. Такая стратегия является своего рода попыткой «провинциализации» западного социально-теоретического знания, если обращаться к термину, введенному историком Дипешем Чакрабарти⁷. Это означает, что сами эти теории, с помощью которых рассматривают в том числе и Россию, являются продуктом определенного локального исторического контекста. Поэтому неудивительно, что в других реалиях они попросту перестают работать. Фишман в связи с этим пишет о том, что ни одно общество не может быть описано исключительно негативно, то есть с точки зрения того, чего в нем нет согласно той или иной теории (с. 11).

Автор ставит себе задачу понять и объяснить, как и почему сформированное просвещенческими и гуманистическими традициями советское общество вдруг обнаружило себя в ситуации социальной катастрофы 1990-х годов. Относительная новизна авторского подхода состоит в попытке исследовать проблему с точки зрения эволюции общественной морали. Фишман предлагает посмотреть на историю падения социализма через призму этики добродетели. Автор предполагает, что «моральная пирамида» советского общества представляла собой двухъярусную систему с деонтологической идеологизированной этикой принципов наверху и этикой добродетели внизу (с. 33). Этику добродетели Фишман определяет следующим образом: «Этика добродетели в общих чертах является этикой соответствия человека неким образцам поведения для того или иного сообщества» (с. 34). Любое сложное общество нуждается в обоих уровнях морали, где «верхний составляет приоритеты», а нижний побуждает индивидов «соблюдать верность трансцендентным ценностям» (с. 35).

Советский проект в этой перспективе на верхнем уровне воплощал в себе прогрессистско-гуманистическое мировоззрение, предназначенное не только «гражданам СССР, но и всему остальному миру» (с. 36), что требовало от большевиков постоянной заботы о просвещении и окультурировании масс, а на нижнем содержал определенное развитие буржуазных добродетелей (с. 54). Фишман замечает, что

5. См., например: Кордонский С. Г. (2010). Россия: поместная федерация. М.: Европа.

6. См.: Fitzpatrick S. (2007). Revisionism in Soviet History // History and Theory. Vol. 46. № 4.

7. См.: Чакрабарти Д. (2021). Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж».

новое никогда не отрицает полностью старого. Буржуазные добродетели явились развитием добродетелей аристократических, которые, в свою очередь, перенимали добродетели античных полисов (с. 49). Социалистическая добродетель также не отказывалась от успехов буржуазной морали, но стремилась стереть классовое различие, исторически присущее этикам разных обществ. Советский человек должен был обладать управленческими и предпринимательскими способностями буржуа, образованностью аристократии, но самое главное — пролетарской сознательностью, которая «должна была гармонично объединить все эти добродетели» (с. 66).

Здесь следует сказать о том новом подходе к проблеме советского и постсоветского, который предлагает Фишман, выделив черты этики добродетели. Принято считать, что интерес к этой проблематике возвращается в современную политическую философию вместе с дебатами о коммунитаризме и, в частности, с публикацией в 1981 году известной книги Аласдера Макинтайра «После добродетели: Исследования теории морали»⁸. Макинтайр обращал внимание не только на собственно этическую сторону добродетели, но и связывал напрямую с политикой. Не удивительно поэтому, что исследования добродетели были локализованы прежде всего на кафедрах политической философии и этики. Однако в последнее время к данной теме обращаются как историки⁹, так и политические теоретики¹⁰, что позволяет вписать книгу Фишмана в некоторый общий «тренд» социальной и гуманитарной мысли.

Еще со времен Аристотеля главной чертой добродетели считалась уместность действия его контексту, а не следование правилу¹¹. Добродетель, таким образом, есть нечто интуитивно понятное, и претворение ее в повседневную жизнь советским гражданином не всегда было связано с изменениями, происходившими на деонтологическом уровне (с. 98). Ведь повседневность является тем, что поддерживает функционирование больших институтов, требуя от социальных агентов рутинизации своих действий и веры в силу социальной конвенции. Политические революции изменяют форму политического порядка, но повседневность сопротивляется резким переменам. Поэтому неслучайно важнейшей задачей социальной революции считался не только захват государственного аппарата, но также изменение повседневных практик людей, смена контекста их деятельности.

8. См.: *MacIntyre A.* (1981). *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; *Макинтайр А.* (2000). *После добродетели: Исследования теории морали* / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

9. См.: *Бугров К. Д., Киселев М. А.* (2016). *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во.

10. См.: *Хархордин О.* (2011). *Основные понятия российской политики*. М.: Новое литературное обозрение.

11. *Волков В. В., Хархордин О. В.* (2008). *Теория практик*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 213.

Новые универсальные социалистические ценности требовали определения того, чем же, собственно, является «социалистическое» в области морали. Во многом, как пишет Фишман, выдвинуть убедительное обоснование в пользу иной природы социалистических добродетелей не удалось. Социалистические добродетели так или иначе продолжали нести на себе «родимые пятна» прошлых формаций. В конце концов, был сделан вывод, что «отказаться надо от хозяйственного базиса и идеологической надстройки», а сами по себе добродетели «никак не противоречат цели построения коммунизма» (с. 59). Но переход к социализму, не говоря уже о коммунизме, требовал освоения прошлой культуры (с. 144), в том числе путем приобретения указанных добродетелей. Поэтому социалистические ценности верхнего этажа вступали в некоторое противоречие с нижней этикой добродетели, доставшейся от прошедших эпох.

В этом отношении, как замечает автор в интервью: «Большевицкий проект был обречен с самого начала стать проектом воспитательным, моральным, в широком смысле — культурным»¹². Усвоение советской культурой просветительских установок XVIII–XIX вв. и необходимость выполнения «технического задания» по совмещению двух противоречащих друг другу уровней морали привели, по мнению Фишмана, к тому, что большевики просто решили сочетать верность идеологии с фактической рецепцией культуры, доставшейся как историческое наследие (с. 145). С одной стороны, результатом этого стало то, что в советских школах через классические литературные произведения получили распространение идеалы братства, взаимопомощи, готовности прийти на выручку ближнему (декабристы, народовольцы и т. д.). С другой стороны, такие ценности укоренились именно на уровне малых групп, локальных сообществ, чья связь с общегосударственной идеологизированной системой ценностей постепенно приобретала чисто формальный характер. Подобная индоктринация могла быть успешно реализована именно внутри малых сообществ, связанных этикой добродетели, но она достигла масштабов, которые не требовались верхнему ярусу моральной системы (с. 141). В итоге сфера этих культурных образцов приобрела характер «всего хорошего, разумного, доброго» и стала претендовать на самодостаточность, не бросая при этом открытого вызова системе общей идеологии (с. 101).

Фишман видит неудачу советского проекта именно в провале совмещения разноклассовых добродетелей с более высоким уровнем этики принципов. После революции моральная пирамида бывшего имперского общества оказалась разрушена, что предопределило необходимость возведения нового морального здания, «обретения нового неба и новой земли» (с. 27). С обретением неба проблем не возникло. Универсальная коммунистическая идеология, видевшая своей целью освобождение «пролетариев всех стран», прекрасно подходила для этого. Проблемы начались на земле. Успех советского морального проекта, как отмечает автор,

12. «Идеализируют прошлое нередко в пик у настоящему». Беседа с автором книги «Эпоха добродетелей» Леонидом Фишманом // Горький. URL: <https://gorky.media/context/idealiziruyut-proshloe-nередko-v-piku-nastoyashnemu/> (дата доступа: 15.09.2024).

зависел, во-первых, от подчинения этики добродетели коммунистическим целям и ценностям, а во-вторых, от успеха объединения в советской этике добродетели всех прошлых этических проектов. Когда это удавалось, «добродетели начинали светиться отраженным светом универсальных моральных ценностей коммунистического проекта», в другое же время носители добродетелей начинали переоценивать их значение, что не способствовало воспроизводству моральной пирамиды нового общества (с. 69).

Достичь указанной «этической интеграции» большевики пытались через образование. Известно, что добродетели можно научиться, подражая образцам «жизни замечательных людей», находивших свое воплощение в литературе. Сам Фишман пишет, что литература и кино являются зеркалами «происходящих моральных трансформаций» (с. 12). Литература в разные эпохи действительно формирует субъектов через определенные техники чтения. Начиная с XVIII в. институт литературы вслед за расширением коммуникативного пространства монаршего двора становится практикой, определяющей поведение и производителей, и потребителей текстов¹³. Поэтому выбор автором подобного эмпирического материала для социально-политического, а не филологического исследования вполне оправдан.

Как классическая литература Золотого и Серебряного веков, так и советские произведения описывали добродетели верности, честности, достоинства и дружбы (с. 95). Но с постепенным ослаблением того, что А. Юрчак вслед за М. Бахтиным назвал «авторитетным дискурсом», и выхолащиванием его идеологического содержания советский гражданин начинал все больше черпать вдохновение в историях про солдат, авантюристов, бунтарей и революционеров независимо от того, за какие ценности они боролись (с. 104). Главным становилось то, что это были герои, бросавшие вызов общественным устоям. Подобные личностные образцы героического поведения «спали», дожидаясь своего часа (с. 110), когда вновь потребуются вершить великие дела.

Немалую роль в процессе локализации ценностей внутри малых групп сыграли педагогические практики конца советского периода. Фишман отмечает, что широкой популярностью пользовалась точка зрения, согласно которой педагогика являлась «технологией», позволявшей преобразовать мышление и практику людей «едва ли не как угодно» (с. 137). В качестве примеров автор приводит движения коммунаров и «каравелловцев». Коммунарское движение вдохновлялось идеями педагога Игоря Иванова и стремилось к немедленному воплощению реальной коммунистической утопии. Возникнув как реакция на упадок идеологических ориентиров в 1960-е гг., коммунарское движение ставило своей задачей возвращение этих высоких принципов в повседневную жизнь своих воспитанников (с. 152). Однако движение столкнулось с тем, что внутрикружкового воспитания добродете-

13. *Bürger p.* (1983). *Institution Literatur und Modernisierungsprozeß// Zum Funktionswandel der Literatur* / Hrsg. P. Bürger. Frankfurt/M. S. 13. // Цит. по: *Основат К.* (2020). *Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение. С. 21.

тельных граждан, готовых заниматься общественно полезным трудом, оказалось недостаточно (с. 154). Внутренняя этика коммунаров быстро сместилась от эгалитарных установок к формированию сильных личностей, которые «умеют бороться за свое», искажая пространство обычного общества в свою пользу (с. 156). Это помогает объяснить, почему советское общество так «гладко» именно в социально-культурном, а не экономическом аспекте приняло индивидуализирующую идеологию неолиберального капитализма. Как заключает Фишман, «западные ценности» не стали катализатором развала советской системы, но упали «на питательную почву советских разновидностей этики добродетели» (с. 226).

Если коммунарское движение замкнулось на себе в силу сопротивления внешней социальной среды, то отряд «Каравелла» был таким изначально (с. 164). Он имел конкретного вдохновителя — писателя Владислава Крапивина. В книгах Крапивина, указывает Фишман, не оставалось места полутонам. Мораль оказывалась черно-белой, и детство являлось тем вневременным состоянием, в котором не было места пороку, что также отвечало потребностям локальных сообществ «своих» и партикулярной этике добродетели (с. 167). Детство поэтому оказывалось аллегорией реального состояния самого Крапивина и его современников, «восставших» против системы, находящейся в упадке (с. 170).

Фишман утверждает, что и коммунарское движение, и «Каравелла» не были чем-то выходящим за пределы официальной точки зрения. Они вполне отражали официальный взгляд на детство, как на время дружбы, товарищества и искренней доброты (Там же). Но подобная логика, будучи доведенной до своего логического предела, выходила уже за рамки детства, распространяясь на мироощущение человека в целом. Советским гражданам предлагалось «стать “как дети”» (с. 169). Но у детей всегда есть друзья, а значит, есть и враги. Всегда есть свои, а есть чужие.

Таким образом, как показывает книга Фишмана, неожиданный и стремительный развал социалистической системы был во многом предопределен изнутри самого советского этического проекта. Имея самые благие намерения, советская этическая система посеяла семена этики добродетели, которая была призвана поддерживать универсальные коммунистические идеалы, но не смогла обеспечить их совместной бесперебойной работы. К примеру, универсальное чувство товарищества, столкнувшись с неотзывчивостью внешней среды, с неизбежностью начинало центрироваться внутри малых групп. Сообщества друзей, «своих», стали противопоставляться товариществу в широком смысле, частное — коллективно. У последнего советского поколения не было высоких идеалов, но был их замечательный в виде корпоративной этики добродетели (с. 115–116).

Описывая трансформацию 1990-х гг., Фишман отмечает, что именно этика добродетели не допустила окончательной социальной атомизации и индивидуализации. Да, больше не было высоких ценностей, но оставались «друзья и одноклассники, сослуживцы и соратники по горячим точкам, семьи и иные малые сообщества» (с. 212). Вместе с тем отсутствие «высоких ценностей» привело к по-

явлению у властей новой России постоянного желания (со временем ставшего комплексом) создать новую систему ценностей. Вердикт Фишмана, в остальном очень аккуратного в оценках, здесь безапелляционен. Современные политические элиты безуспешно пытаются заполнить пустоту верхнего яруса моральной пирамиды российского общества, но делают это исходя из своих представлений, не имеющих на самом деле ничего общего ни с традиционными и православными ценностями, ни с патриотизмом или русским миром. Традиционное для них — это позднесоветское (с. 222), поэтому воспроизвести его на уровне этики принципов в новых условиях не получится. В результате предлагаемый нынешней российской элитой этико-политический дискурс «заведомо неадекватен в качестве отражения реального содержания разделяемых обществом моральных норм» (с. 221). Он является широкой формальной рамкой, поместить в которую возможно все что угодно, но с помощью которой невозможно обрмить работу большого сложного общества. Для верхнего яруса не хватает идеологии или религии, а для нижнего — недостаточно связи с реальными социальными субъектами и практиками (Там же).

В заключение нельзя не сказать о тех моментах исследования, которые могут оставить читателя в некотором недоумении. В работе отсутствует попытка дать какое-либо концептуальное обоснование проводимому исследованию. Из крупных теоретиков общества мы встречаем упоминание о Вернере Зомбарте и Макс Вебере, и по большому счету — все. Между тем хотя бы краткое упоминание политико-философской проблематики, несомненно, придало бы исследованию большую целостность и эвристический потенциал, ведь добродетель — одна из важнейших тем политической философии. Возможно, отсутствие ссылок на того же Макинтайра есть следствие попытки ухода от простого переноса западных концепций на российскую почву, но с объяснением провалились именно транзитологические и модернизационные концепции, тогда как серьезное политико-философское и социально-теоретическое осмысление того, что произошло здесь в позднесоветские времена, и в начале 1990-х еще толком и не начиналось. Отсутствие широкого освещения «западного канона» могло бы отчасти компенсироваться представлением в тексте концепций советских мыслителей. Но и их имен по ходу повествования мы не встречаем, за исключением Александра Зиновьева и Льва Гумилева, чьи идеи упоминаются лишь в качестве примера моральных изменений, происходивших в советском обществе.

Если неиспользование работ политических философов или западных славистов еще как-то можно оправдать, то совершенно странным выглядит игнорирование уже существующих работ отечественных авторов. В книге отсутствует какое-либо введение в проблематику с упоминанием уже имеющихся исследований местного контекста. Например, в книге Олега Хархордина «Основные понятия российской политики» содержится целая глава, посвященная истории добродетели в России. Возможно, рецензируемую книгу следует читать совместно с другими работами Фишмана, написанными в соавторстве, и имеющими большую теоретическую

базу¹⁴, однако от включения существующих работ в общее содержание рецензируемое исследование только приобрело бы в насыщенности своего описания.

Тем не менее книга Фишмана предлагает интересный анализ, позволяющий иначе взглянуть на фундаментальные процессы, происходившие в новейшей истории России. Советский социалистический проект, стремившийся воплотить универсальные гуманистические идеалы, не справился со своей задачей не в силу «ущербности» коммунистической идеи или какой-то особой «сервильности» советского народа. Напротив, в нем культивировались ценности доброты, взаимовыручки, веры в светлое будущее. По-видимому, что-то произошло с тонкой настройкой механизма, соединявшего два уровня советской моральной пирамиды. Но если этика добродетели, которая когда-то должна была способствовать приближению счастья для всех, сохраняется в обществе и сегодня, то есть все основания полагать, что будущее наступит. И здесь хочется только согласиться с автором книги в том, что, хотя «свет былой славы, высоких ценностей, <...> становится все тусклее, тени все длиннее, а смыслы все туманнее», — «именно в такие времена и вылетает сова Минервы» (с. 231).

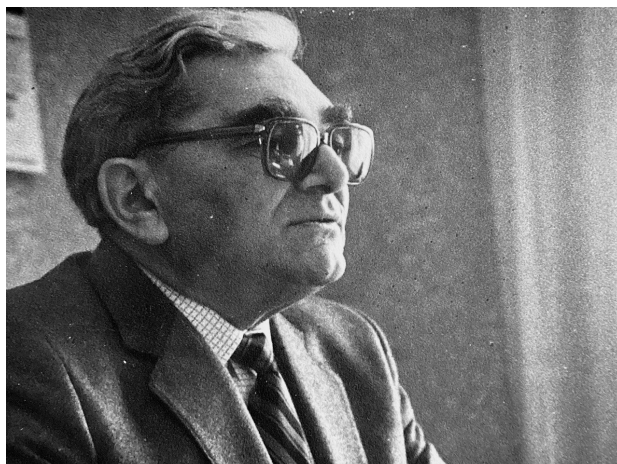
The Splendor and Misery of Virtue

Book review: Fishman L. (2022) *The Age of Virtues: After Soviet Morality*, Moscow: New Literature Observe. (In Russian)

Mark Belov

Research Assistant, Centre for Historical Research, HSE University in St. Petersburg.
Address: Soyuz Pechatnikov Str., 16, St. Petersburg, 190008, Russian Federation
E-mail: markusabelov@gmail.com

14. См.: *Мартьянов В. С., Фишман Л. Г.* (2010). *Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции.* М.: Весь Мир; *Мартьянов В. С., Фишман Л. Г.* (ред.). (2016). *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ.* М.: Политическая энциклопедия.

От поколения к поколению: социальная подвижность¹

Фридрих Рафаилович Филиппов

28 сентября исполнилось сто лет со дня рождения Фридриха Рафаиловича Филиппова, советского социолога, внесшего большой вклад в становление исследований социальной мобильности и образования в нашей стране. Биографический очерк о нем был опубликован несколько лет назад², а мы к юбилею ученого размещаем на страницах «Социологического обозрения» фрагмент его последней большой книги, основанной на материалах, уникальность которых даже сейчас трудно переоценить. По обстоятельствам времени она не сыграла своей роли, ее, сколько можем судить, нет и в электронных библиотеках. Мы предлагаем читателю фрагмент Введения, в котором обоснован замысел работы и сказано об источниках, которыми пользовался автор. Кроме того, целиком, без купюр и комментариев, мы помещаем один из параграфов третьей главы, менее всего насыщенный представленными в таблицах данными. Зато здесь больше авторской интонации и того, что по-прежнему можно называть духом времени. Вероятно, об этом следует сказать еще одно слово. Книга вышла в одном из центральных научных издательств в авторитетной серии «Социология и жизнь» на излете существования Советского Союза, о чем, конечно, не подозревал ни автор, ни его редакторы. Между тем, и в самый разгар Перестройки, издательская, иначе говоря, государственно-политическая цензура сохранялась, менялись только критерии. Последнее слово в определении того, какие цифры, на обнародование которых уже было получено разрешение статистиков, оставалось за редактором и главной надзорной инстанцией, в просторечии именуемой Главлит. В книге, повторим, очень много данных, много таблиц. Их могло быть больше в иных обстоятельствах, при наступлении которых, как мы знаем, обрушилась не только цензура, но и весь тот социальный и политический порядок, который она защищала (и на улучшение которого продол-

1. Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.

2. http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content144731769312776file.pdf

жал надеяться автор). А книга, сделанная со всей научной тщательностью, остается документом эпохи, на которую мы через тридцать пять лет оглядываемся все чаще.

Ключевые слова: социальная мобильность, социология образования, СССР, поколение, когорты

Введение

[...] Исследование жизненных судеб поколений предпринимается в советской научной литературе не впервые. Нельзя не вспомнить прежде всего известную работу Б. Ц. Урланиса, в которой прослеживались судьбы поколения, родившегося в 1906 г.³ Позднее предпринимались попытки проанализировать социальную подвижность поколений на основе материалов Всесоюзных переписей населения и некоторых других источников⁴. Метод «лонгитюдных» исследований «биографической мобильности», широко используемый социологами стран Запада (особенно в США), впервые был с успехом применен в нашей стране учеными республик Советской Прибалтики⁵. Однако при всех достоинствах данного, метода он страдает некоторой ограниченностью, ибо в поле зрения исследователя все время находится одно поколение. Впрочем, этот недостаток оборачивается немалыми плюсами, когда речь идет о поколении достаточно типичном, о чем свидетельствуют, например, исследования в Сибири, на Урале⁶.

В основу данной книги положены результаты всесоюзного исследования, проведенного в 1982—1983 гг. отделом социальной статистики ЦСУ СССР (ныне Госкомстат СССР) по программе, подготовленной под руководством и с участием автора. Программа исследования (предусматривавшая тогда же и второй его этап, который удалось осуществить в 1985—1986 гг.) была опубликована⁷. Результаты первого этапа, обработанные в ЦСУ СССР и позднее предоставленные для открытого использования, содержатся в специальном статистическом сборнике⁸, подготовленном под руководством Н. С. Шубиной и Л. Н. Воронцовой, которым автор выражает признательность за помощь и участие в проведении исследования. На данном этапе методом почтового опроса были обследованы по выборке ЦСУ СССР 58 тыс. трудящихся (рабочих, служащих и специалистов, колхозников). Итоги второго этапа

3. См.: Урланис Б. Ц. История одного поколения. М., 1968.

4. См.: Лукина В. И., Нехорошков С. Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М., 1982; Гордон Л. А., Комаровский В. В. Динамика социально-профессионального состава поколений // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 96—110.

5. См.: Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. Таллинн, 1985; Титма М. Х., Саар Э. А. Молодое поколение. М., 1986.

6. Чердниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь, М., 1985.

7. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Свердловск, 1976; Павлов Б. С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. М., 1984.

8. См.: Социальные перемещения как фактор воспроизводства и изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1983.

данного исследования, позволившего выявить ряд региональных особенностей социальных перемещений трудящихся, готовятся к публикации⁹.

Общее направление исследования, использованные в нем процедуры, показатели, группировки разработаны с учетом опыта ряда социалистических стран, в частности Венгрии, где аналогичное обследование проведено в конце 70-х годов под руководством Р. Андорки, которому автор искренне признателен за ценные советы. Большой вклад в исследовательский проект внес ныне покойный доктор философских наук В. И. Молчанов, с участием которого была задумана и эта книга.

Помимо упомянутых результатов исследования в работе использованы фактические данные статистических ежегодников. Кроме того, использованы публикации в журнале «Вестник статистики», в пресс-выпусках Госкомстата СССР, тематические статистические сборники. Значительный материал для рассматриваемых нами проблем дают итоги выборочного социально-демографического обследования 1985 г., особенно в сопоставлении с опубликованными ранее результатами Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970 и 1979 годов¹⁰.

Что касается социологических исследований, позволяющих соединить знание об объективных социальных процессах со знанием о субъективном отношении к ним людей, то необходимо напомнить, что такие исследования стали активно и квалифицированно проводиться в нашей стране лишь с конца 50-х — начала 60-х годов. Данные, полученные социологами в разных регионах страны и позволяющие выявить существенные стороны социальной подвижности поколений, также широко использованы в книге (ссылки на них приводятся в соответствующих разделах). Теоретические аспекты исследований социальных перемещений, в разработке которых (равно как и в дискуссиях по ним) автор принимал непосредственное участие на протяжении многих лет, требуют в наше время новых подходов, и автор пытался выполнить хотя бы часть этой задачи. Насколько это удалось, читатель может судить, прочитав данную книгу.

ГЛАВА 3. Особенности социальной подвижности поколений

3.2. Различия в социальном облике поколений

Особенности «социального старта» разных поколений советских людей, которые позволило выявить исследование, являются одним из исходных пунктов анализа всего социального облика этих поколений. «История, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколе-

9. См: Основные итоги единовременного выборочного анкетного обследования изменений социальной структуры населения, М., 1984.

10. Частично итоги освещены в статье: Филиппов Ф. Р., Гафт Л. Г. Игитханян Е. Д., Молчанов В. И. Трудовые биографии поколений (некоторые результаты всесоюзного исследования) // Социологические исследования. 1986. № 4. С. 31—39.

ние, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹¹.

Раскрытая основоположниками марксизма-ленинизма диалектика преемственности и новизны в облике сменяющих друг друга поколений характерна для тех когорт трудящихся, которые были предметом рассматриваемого исследования. Поколение, вступившее в самостоятельную трудовую жизнь до 50-х годов (в момент обследования оно достигло предпенсионного возраста), может быть охарактеризовано на основе данных Всесоюзной переписи населения 1939 г., а также материалов текущей статистики. Жители городов составляли тогда лишь треть всего населения страны. Люди в возрасте от 16 до 59 лет составляли 55,5% всего населения¹². Большинство из них (за исключением 16—22-летних) родилось до революции, но по крайней мере половина их активной трудовой жизни пришлось уже на годы Советской власти. И хотя многое в их социальном облике было привнесено из дореволюционного образа жизни, наиболее существенные черты жизнедеятельности сформировались в годы строительства социализма. Социальный облик данного поколения складывался в условиях индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, прорыва к социализму от докапиталистических общественных отношений многих национальностей Советского Союза. Таким образом, преемственность взаимодействовала с коренными преобразованиями решающих сторон общественной жизни страны. Конечно, как правильно отмечает И. С. Кон, «степень преемственности поколений неодинакова в разных областях жизнедеятельности. В сфере потребительских ориентаций, досуга, художественных вкусов, взаимоотношений полов расхождений между старшими и младшими, как правило, значительно больше, нежели в главных социальных ценностях — политических взглядах, мировоззрении»¹³. Но, добавим, и глубина изменений при переходе от поколения к поколению в этих областях жизнедеятельности тоже неодинакова. Она различна и для разных когорт, и для разных регионов страны, и для разных исторических этапов в ее развитии. Когорта, о которой идет речь, оказалась в ситуации, когда преемственность во многом отступила на второй план перед коренными изменениями образа жизни огромных масс населения. Эти изменения сопровождалась мощными миграционными потоками — межрегиональными, из деревни в город и т. д. — и всеобщим порывом к образованию.

На долю данной когорты пришлось и еще одно потрясение: начавшие трудиться до 50-х годов — это ведь и те, кто вступил в самостоятельную жизнь накануне или в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное пятилетие.

11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972; Т. III. М., 1972; Т. IV. М., 1973; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985; Итоги выборочного социально-демографического обследования населения 1985 года/ Вестник статистики. 1986. № 6, 7, 8, 9.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44—45.

13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). С. 13, 49.

Напомним, что в годы войны основная масса мужского населения находилась на военной службе, многие прошли на фронте не только славный боевой путь, но и путь восхождения по ступеням военной иерархии — от рядового солдата до офицера, нередко высокого ранга. В те же годы на промышленные предприятия пришли сотни тысяч подростков 14—15 лет, влившиеся в ряды рабочего класса. Но при этом большинство из них утратило связь со школой, прервало образование и смогло возобновить учебу лишь в последние годы войны (в созданных после 1943 г. «школах для подростков, работающих на предприятиях», преобразованных по окончании войны в школы рабочей молодежи). Все это не могло не сказаться и на более раннем трудовом взрослении данного поколения, и на трудностях на пути его образовательного роста и социального продвижения.

Наконец, нельзя не сказать еще об одной значительной части трудоспособного населения — о людях, оказавшихся на временно оккупированных врагом территориях. Помимо всех пережитых ими ужасов фашистской оккупации, эти люди на все годы пребывания под игмом захватчиков оказались оторванными от своего довоенного труда, их трудовой путь был насильственно прерван, равно как и образование. После освобождения Советской Армией временно оккупированных территорий их населению пришлось не только восстанавливать разрушенное и разграбленное врагами хозяйство, но и одновременно возобновлять прерванную учебу, восстанавливать трудовые навыки и квалификацию, нередко избирать себе совершенно новую, непривычную профессию, жизненно необходимую и для страны, и для самих себя и своей семьи. В годы войны тысячи людей были насильственно угнаны гитлеровцами в Германию на принудительные работы. Многие солдаты и офицеры были захвачены в плен. 25 млн человек лишились крова, сотни тысяч пережили блокаду Ленинграда, голод и болезни, другие лишения, потеряли родных и близких¹⁴.

Есть еще одна трагическая страница в жизни этой трудовой когорты, которая до недавних пор была почти наглухо закрыта. Речь идет о массовых репрессиях второй половины 30-х годов. Точное число их жертв неизвестно, но можно говорить не об одной сотне тысяч людей, вырванных из трудовой жизни, оторванных от своих семей, оказавшихся в заключении по клеветническим наветам и нелепым подозрениям, с грубейшими нарушениями социалистической законности. Не будем вдаваться здесь в подробный анализ причин данных событий, которые связаны с культом личности Сталина, порождены его (и его ближайшего окружения) преступлениями. Но если говорить о социальных последствиях, о воздействии на трудовой путь поколения, то нельзя не задуматься о том, каким поистине тернистым был путь когорты, которая в начале 80-х годов стала уходить на пенсию. Дело, кроме того, не ограничилось драматическим надломом трудовой судьбы тех, кто непосредственно подвергся репрессиям; их уход из нормальной трудовой жизни (а нередко и физический уход из жизни) не мог не сказаться на судьбах

14. Кон И. Эстафета поколений // Коммунист. 1987. № 4. С. 95.

их жен, детей, близких и дальних родственников. Хотя официально был провозглашен принцип «сын за отца не отвечает», не мало судеб сыновей и дочерей было искалечено клеймом «врага народа», которое долгие годы, даже после смерти, несли на себе их родители.

Когорта, вступившая в трудовую жизнь до 50-х годов, — особое поколение, жизненный путь которого без сомнения, требует специального научного анализа. Здесь же мы касаемся его лишь для сопоставления с другими когортами.

Для целей нашего анализа необходимо сравнить уровень образования когорты, начавшей трудиться до 50-х годов, с когортами, вступившими в трудовую жизнь в 50, 60, 70 и 80-е годы. По сравнению со всеми последующими первая из названных когорт была наименее образованной: в ней было менее 16 млн человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, или всего 12,3% занятого населения, тогда как уже к концу 50-х годов общая численность лиц с таким уровнем образования достигла почти 59 млн (43,3% занятых), к 1970 г. — 95 млн (65,3%), а к 1987 г. превысила 164 млн (88,9%)¹⁵. Но по сравнению с предшествующими поколениями когорты, вступившая в трудовую жизнь до 50-х годов, была, безусловно, не просто гораздо более образованной, а качественно отличалась от них прежде всего тем, что в ее составе практически не было неграмотных, а большинство ее имело начальное или неполное среднее образование.

Перейдем теперь к столь же краткой характеристике особенностей второй из выделенных в исследовании когорт — начавшей трудовую деятельность в 50-е годы, Первый этап ее совокупной трудовой биографии пришелся на период, когда в основном завершалось восстановление разрушенного войной народного хозяйства. В те же годы наряду с решением неотложных экономических и социальных задач Советском Союзу пришлось, как известно, предпринять воистину титанические усилия для укрепления своей обороны и противостояния атомному шантажу со стороны США. Советским рабочим, инженерам, ученым удалось в сложнейших условиях создать собственное ядерное оружие и средства его доставки. В 1957 г. был запущен первый искусственный спутник Земли, Обстановка «холодной войны», несомненно, сказалась на ориентациях, жизненных планах поколения, начинавшего трудовую жизнь в те годы, хотя оптимизм и уверенность в будущем прочно укоренились в сознании трудящихся, особенно молодежи. Ярким проявлением ее патриотизма и самоотверженности стало освоение целинных и залежных земель в Казахстане, на Южном Урале и в Зауралье. В массовые потоки переселявшихся с Украины, из Белоруссии и Прибалтики, западных областей РСФСР будущих тружеников целины были вовлечены сотни тысяч людей. Многие из них изменили при этом и свое социальное положение, перейдя из колхозников в аграрный отряд рабочего класса — в рабочие совхозов, создаваемых на вновь осваиваемых землях. Кроме того, многие колхозы, в основном слабые в экономическом отношении, были в конце 50-х годов преобразованы в совхозы,

15. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1965. Т. IV. С. 30—31.

а промысловые артели и кооперативные объединения кустарей в городах — в государственные предприятия. Помимо прочих причин в этом сказалась недооценка кооперации, ее роли и возможностей. Несмотря на некоторый рост розничных цен (их совокупный индекс повысился к 1960 г. на 39% по сравнению с 1940 г.¹⁶), материальное благосостояние населения заметно возросло. Продажа товаров народного потребления увеличилась к 1960 г. в 3,2 раза по отношению к уровню 1940 г.¹⁷ Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, возросли за те же годы почти в 6 раз¹⁸. Резко повысился уровень образования занятого населения, на 1000 человек которого в 1959 г. приходилось 433 с высшим и средним (полным и неполным) образованием — в 3,5 раза больше, чем в 1939 г.¹⁹

«В середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее. Немало мужества от партии и ее руководства во главе с Н. С. Хрущевым потребовали критика культа личности и его последствий, восстановление социалистической законности»²⁰, — говорил М. С. Горбачев в докладе о 70-летию Октября. Общественная жизнь становилась динамичнее, хотя сказывались и последствия сделанных тогда же субъективистских ошибок. Шел интенсивный процесс выдвижения на руководящую работу нового поколения кадров, не только имевших военные заслуги, но и зарекомендовавших себя в годы восстановления народного хозяйства.

Большие социальные последствия вызвал важный шаг в сфере образования: было принято решение об обязательном приеме, начиная с 1949 г., всех детей, окончивших начальную школу, в 5-й класс. Тем самым закладывалась основа осуществленного уже в середине 50-х годов перехода к всеобщему обязательно-му неполному среднему (7-летнему) образованию. В 1958 г. была начата реформа средней школы, в ходе которой, однако, допускалось немало просчетов и ошибок субъективистского характера. Вместе с тем связи школ с промышленными предприятиями, стройками укрепились, несколько улучшилось трудовое воспитание подростков, стала складываться система их профориентации. Все это также оказало свое воздействие на жизненные пути когорты 50-х.

К концу 50-х годов, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., доля горожан достигла почти половины общей численности населения страны, хотя большинство его все еще проживало в сельской местности²¹. Значительное увеличение процента жителей городов создало во многом принципиально новую ситуацию для социальных перемещений населения: разнообразие видов трудовой деятельности, гораздо большее в городах, нежели в сельской местности, расши-

16. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 523.

17. Там же. С. 480.

18. Там же. С. 461.

19. Там же. С. 435.

20. Там же. С. 523.

21. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, С. 27.

рившиеся возможности для получения профессионального образования, возросшая мобильность трудящихся создали для них качественно новые предпосылки.

Когорта, начавшая трудовую деятельность в 60-годах, оказалась в ситуации экстенсивного роста производства во всех отраслях народного хозяйства, обусловившего быстрое возрастание потребности в работниках. Обозначившийся острый дефицит трудовых ресурсов, наличие большого числа вакантных рабочих мест, значительное расширение приема в высшие и средние профессиональные учебные заведения породили обстановку, в которой начало складываться «легкое» отношение к выбору профессии и всего будущего жизненного пути. Этому способствовало и дальнейшее улучшение материального положения большинства населения, общий рост образованности новых поколений.

В 1965 г. были приняты меры по усилению экономического стимулирования сельскохозяйственного производства. Началось активное освоение новых районов добычи нефти и газа, особенно на севере Тюменской области, куда по комсомольским путевкам направлялись многочисленные отряды добровольцев. В новых районах шло быстрое продвижение молодых специалистов на ответственную руководящую работу.

Срок обучения в средней школе, увеличенный с 1959 г. до 11 лет, в 1965 г. был вновь сокращен до 10 лет. В результате в 1966 г. был проведен «двойной» выпуск — из 10-х и 11-х классов, что создало довольно напряженную ситуацию с поступлением выпускников средних школ в вузы. Острота ситуации усиливалась тем обстоятельством, что, как показали первые социологические исследования середины 60-х годов, до 90% учащихся выпускных классов было ориентировано на поступление в вузы²².

Материальное благосостояние населения продолжало повышаться. Индекс розничных цен оставался неизменным, а реальные доходы населения к 1970 г. возросли вчетверо по сравнению с 1940 г. При этом сблизились реальные доходы колхозников с доходами рабочих и служащих: в расчете на члена семьи уровень первых по отношению ко вторым повысился с 70% в 1960 г. до 80% в 1970 г.²³ Тем самым сблизились их возможности для реализации своих жизненных планов, включая и те, которые рассчитаны на социальные перемещения. Однако разрыв в уровне образования горожан и сельских жителей к концу 60-х годов оставался таким же, как и в их начале, — на 1000 человек занятого населения страны в 1970 г. приходилось 653 человека с высшим и средним (полным и неполным) образованием, или на 220 человек больше, чем в 1959 г., но разница по данному показателю между жителями города и деревни оставалась на уровне 25%²⁴. Естественно, это обуславливало и неравенство возможностей для получения профессионального образования, включая высшее, а значит, и для социальных перемещений.

22. Итоги «Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). С. 13.

23. См.: *Титма М. Х.* Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975. С. 112—113.

24. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 441.

Динамика социального положения людей, относящихся к когорте 60-х годов, наглядно демонстрирует характерные черты экстенсивного развития советской экономики. Именно данная когорта оказалась в наиболее сложном положении в 70-е (застойные) и 80-е (переломные) годы, ибо сформировалась в иной социально-экономической ситуации.

Следующая когорта, начало трудовой деятельности которой приходится на 70-е годы, значительно ближе предыдущих ко времени проведения обследования. Те, кто приступил к работе в начале 70-х годов, имели к моменту опроса 10--12-летний трудовой стаж, а те, кто начал трудиться во второй половине или даже в конце 70-х, могут быть практически отнесены к работающей молодежи, трудовой стаж которой не превышает 5—7 лет. Таким образом, уже по своему возрастному положению, определяющему многие существенные социальные признаки, данная когорта может рассматриваться как более неоднородная, чем предыдущие. Конечно, и в предшествующие когорты входят люди с разрывом в трудовом стаже, превышающим 10 лет. Но столь большой дистанции между сравнительно опытными и начинающими работниками, оставшимися таковыми и к моменту опроса, в этих когортах нет.

В главе 1 уже говорилось о социальной структуре советского общества, сложившейся к началу 70-х годов, и о тех изменениях в ней, которые произошли в последующее десятилетие. Остановимся здесь лишь на тех специфических особенностях когорты 70-х годов, которые имеют прямое отношение к социальным перемещениям входящих в нее людей. Отметим в этой связи прежде всего, что в 70-е годы страна впервые остро ощутила неблагоприятные изменения демографической ситуации. На 1970 г. приходится самый низкий показатель рождаемости (число родившихся в расчете на 1000 человек населения) из всех других точек отсчета сравниваемых когорт. В 1940 г. этот показатель был равен 31,2, в 1960 г. — 24,9, а в 1970 г. — 17,4, далее же он вновь начал повышаться²⁵. Указанная тенденция не замедлила сказаться на росте числа вакантных рабочих мест, что усилило стийность социальных перемещений.

Снизилась темпы роста национального дохода страны, что поставило под угрозу выполнение намеченных ранее социальных программ. Уменьшились и темпы роста производительности труда. Отчетливо обозначилась застойность ряда социальных слоев (в частности, рабочих, занятых тяжелым физическим трудом). Отрицательно сказались на духовном настрое общества нарушения принципа оплаты по труду, что стало подтачивать нравственные устои социализма. Обо всем этом было откровенно сказано на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, а еще ранее глубокий анализ сложившейся к концу 70-х — началу 80-х годов ситуации был дан на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС и на XXVII съезде партии.

«Мы об этом говорили и должны повторить еще раз сегодня: на определенном этапе страна стала терять темпы движения, начали накапливаться трудности и не-

25. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 404.

решенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления. Все это серьезно сказывалось на экономике, социальной и духовной сферах.

Конечно, развитие страны не остановилось. Честно трудились десятки миллионов советских людей, активно, в интересах народа действовали многие партийные организации и наши кадры. Все это сдерживало нарастание негативных процессов, но предотвратить их не могло»²⁶.

Понятно, что отмеченные тенденции сказались и на судьбах поколения, вступившего в трудовую жизнь в столь непростые годы. Страна к этому времени стала по преимуществу «городской» — жители городов составили впервые более половины (56,3%) всего населения в 1970 г., а в 1979 г. уже почти 2/3 (62,3%)²⁷. В 70-е годы замедлились темпы роста материального благосостояния населения. Реальные доходы на душу населения возросли за 1971—1975 гг. на 24%, а в 1976—1980 гг. лишь на 18% (за 1981—1985 гг. они увеличились еще меньше — на 11%)²⁸. В то же время несколько возросло потребление мяса, молочных продуктов, но нехватка их во многих областях стала ощущаться острее. Обнаружились в структуре потребления и нездоровые тенденции, из которых наиболее болезненно сказалась на физическом и нравственном здоровье людей возросшая за 70-е годы почти в 1,8 раза продажа алкогольных напитков²⁹. Из-за пьянства и алкоголизма заметно снизилась трудовая дисциплина, увеличилась преступность, ослабели семейные связи, возросло число детей с недостатками физического и умственного развития. Остро встала необходимость самой решительной борьбы с пьянством во всех его формах. Однако своевременно это не было осознано, и только с середины 80-х годов начали действовать соответствующие правовые и идеологические меры, рассчитанные на длительный период. На протяжении 70-х годов возросла обеспеченность населения предметами длительного пользования (холодильниками — с 32 на 100 семей в 1970 г. до 86 в 1980 г., телевизорами — с 51 до 85 соответственно и т. д.)³⁰. Изменилась и структура досуга — он в большей мере стал индивидуально организованным.

В середине 70-х годов был в основном завершен переход к всеобщему среднему образованию, законодательно закрепленный в Конституции СССР, принятой в 1977 г. Гарантируя право на труд, Конституция закрепила за гражданами «...право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей» (ст. 40)³¹.

Именно в 70-е годы стала быстро развиваться система профессионально-технического образования, в рамках которой был создан новый тип учебных заведе-

26. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. С. 7.

27. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 373.

28. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 441

29. Там же. С. 462.

30. Там же. С. 472

31. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 10, 15, 17.

ний — средние профессионально-технические училища, дающие молодежи одновременно подготовку по избранной специальности и полное среднее образование. Если в 1970/71 учебном году в ПТУ всех видов обучалось около 2,6 млн человек, то в 1980/81 учебном году — почти 4 млн³². По данным социологических исследований середины 70-х годов, процент выпускников средних школ, намеренных поступить в вузы, уменьшился по сравнению с серединой 60-х годов почти вдвое, а процент восьмиклассников, желающих поступить в профессионально-технические учебные заведения, утроился³³ (при этом, однако, общая численность желающих поступить в вузы по-прежнему намного превышала число имеющихся там вакансий). К концу 70-х годов социологи отметили нарастание расхождения между уровнем образования, профессиональной подготовки трудящихся и реально выполняемой ими работой, многие виды которой продолжали оставаться рутинными. Предприятия в свою очередь стали испытывать растущий дефицит кадров. Так, на предприятиях Горьковской области, по данным исследования, проведенного в 1978—1979 гг. число рабочих с высоким уровнем профессиональной подготовки вдвое превышало число наличных рабочих мест, требующих такой подготовки, а число рабочих мест, требующих применения малоквалифицированного труда, вдвое превышало численность рабочих с низким уровнем профессиональной подготовки³⁴.

Обнаружилась значительная дифференциация в качестве общеобразовательной и профессиональной подготовки молодежи в разных учебных заведениях и разных регионах страны, была вскрыта зависимость таких качественных показателей от социального происхождения, места жительства и других объективных факторов, их связь с желаемым и фактическим социальным продвижением работников, включая специалистов, выпущенных вузами³⁵. Однако вся эта важная и актуальная социологическая информация либо встречала активное противодействие со стороны ряда ведомств (прежде всего бывшего Министерства высшего и среднего специального образования СССР, руководство которого всячески препятствовало публикации такой информации), либо просто игнорировалась. В результате нерешенные проблемы накапливались, противоречия «загонялись вглубь» вместо того, чтобы стать предметом внимательного анализа и практических решений. Но такова была общая обстановка, нетерпимость которой ощущалась все больше.

Таким образом, когорта 70-х годов вступала в трудовую жизнь в сложной и противоречивой обстановке. Ее трудовое взросление пришлось на период нара-

32. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 526.

33. Филиппов Ф. Р. Всеобщее среднее образование в СССР: социологические проблемы. М., 1976. С. 143, 145.

34. См.: Рабочий класс и научно-технический прогресс. М., 1986. С. 58.

35. См.: Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1978; Зюзин Д. И. Качество подготовки специалистов как социальная проблема. М., 1978.

стания застойных тенденций в экономике и духовной жизни, старательно прикрытых внешней парадностью.

И наконец, кратко о когорте, начавшей свою трудовую карьеру в 80-е годы, т. е. непосредственно в период обследования или в близкие к нему годы. Вступив в трудовую жизнь в то время, когда в стране остро ощущались застойные, негативные явления в экономике, социальной и духовной жизни, это поколение оказалось затем в самой гуще революционной перестройки, обновления социалистического общества.

Некоторые современные социальные характеристики занятого населения СССР приведены в главе 1. Добавим здесь к сказанному, что если в первой половине 80-х годов еще продолжали действовать тенденции, присущие второй половине 70-х, то после 1985 г. начался перелом указанных тенденций, что неизбежно скажется на всем механизме социальных перемещений.

В первой половине 80-х годов относительно стабилизировались количественные соотношения городского и сельского населения, основных общественных групп трудящихся. Реальные доходы населения возросли за эти годы на 11%, доходы колхозников в расчете на члена семьи достигли 90% соответствующего уровня доходов рабочих и служащих³⁶. Продажа товаров народного потребления к 1985 г. по сравнению с 1970 г. удвоилась³⁷, еще больше возросла обеспеченность населения товарами длительного пользования, особенно культурно-бытового назначения. К началу 80-х годов свыше 80% занятого населения имело высшее и среднее (полное и неполное) образование, значительно выравнялись показатели образованности горожан и сельских жителей, работников физического и умственного труда, мужчин и женщин. В стране идет глубокая перестройка всей системы образования, важнейшие направления которой определил февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС, создается единая система непрерывного образования.

«Демократизация общества — душа перестройки, и от того, как она пойдет, зависит и успех самой перестройки, и, можно без преувеличения сказать, будущее социализма в целом»³⁸, — говорилось на юбилейном заседании, посвященном 70-летию Октября. Вступая в трудовую жизнь в условиях последовательной демократизации всех общественных и государственных институтов, когорта 80-х годов непосредственно включается в активное решение новых социально-политических задач, выдвинутых XX Всесоюзной конференцией КПСС. Естественно, на трудовом пути данной когорты встретятся и новые трудности. Но это — трудности роста, и их преодоление будет непосредственно связано с социальным взрослением тех, кто начал или начинает свою трудовую биографию в исторические для нашей страны 80-е годы. Данная когорта «схвачена» нашим исследованием лишь в самом начале своего пути, она вся — в ее устремлении в будущее, в создаваемое при ее непосредственном участии качественно новое состояние советского общества.

36. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 441

37. Там же. С. 462.

38. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 32.

From Generation to Generation: Social Mobility

Fridrikh Filippov

To mark the anniversary — one hundred years since his birth — of Fridrikh Rafailovich Filippov, a Soviet sociologist who made a great contribution to the development of research on social mobility and education in our country, we are posting on the pages of Russian Sociological Review a fragment of his last major book, based on materials whose uniqueness is not inferior to the author's notorious analytical intuition.

The book was published at the end of the Soviet period in the development of both the country and the sociology associated with this period. The book, made with all scientific care, remains a document of the epoch, which we look back on more and more often after thirty-five years.

Keywords: sociology of education, social mobility, generation, soviet sociology